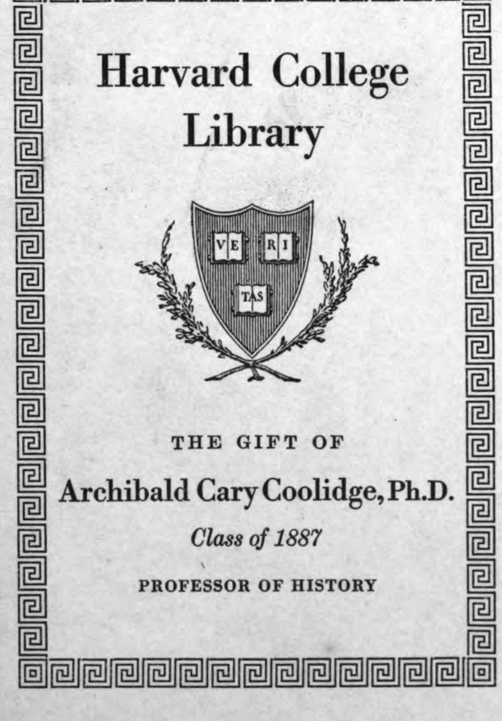

WIDENER
HN ABSY Y

3 2044 010 481 604

ПОВѢСТИ П. А. КУЛИША

I

ПОВѢСТИ

П. А. КУЛИША

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ЧЕРНАЯ РАДА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1860

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 25-го марта 1860 года.

Ценсоръ *А. Ярославцовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ЧЕРНАЯ РАДА

ХРОНИКА 1663 ГОДА.

ЧЕРНАЯ РАДА

ХРОНИКА 1663 ГОДА.

ГЛАВА I.

А Сомко́ Мушке́тъ попе́реду да й не виграва́е,
Коня́ уде́ржуе, до се́бе притя́гуе, ду́мае-гада́е....
Пропаде́, мовъ порошйна зъ ду́ла, та коза́цькая сла́ва,
Що по всёму́ світу ди́вомъ ста́ла
Що по всёму́ світу степо́мъ разляглась, простягла́сь,
Да по всёму́ світу луговймъ го́міномъ оддала́сь....

Народная дума.

Весною 1663 года два путешественника, верхомъ на добрыхъ коняхъ, подъѣзжали къ Кіеву, по Бѣлогородской дорогѣ. Одинъ былъ молодой, козакъ, въ полномъ вооруженіи; другой — по одеждѣ и по длинной сѣдой бородѣ казался попомъ, а по саблѣ, бренчавшей подъ рясою, по пистолетамъ въ кобурахъ и по длиннымъ шрамамъ на лицѣ — воиномъ. Усталые кони и боль-

шіе вьюки позади сѣделъ заставляли думать, что всадники держали путь неблизкій.

Не доѣзжая до Кіева версты двѣ, или три, они взяли влѣво и поѣхали лѣсомъ, по извилистой дорогѣ, едва пробитой между пнями. И всѣ, кто только видѣлъ ихъ съ поля, знали почти навѣрное, куда они ѣдутъ. Дорога эта вела въ Хмари́ще, хуторъ богатаго козака Череваня, извѣстнаго по всей Кіевской околицѣ своимъ хлѣбосольствомъ. Дѣло происходило, спустя немного лѣтъ послѣ войнъ Богдана Хмельницкаго, которыя обогатили козаковъ добычею. Черевань служилъ въ войскѣ знатнымъ старшиною и, разоряя шляхетскіе дворы и за́мки, припряталъ себѣ въ примѣтномъ мѣстѣ ворохъ сребра и золота; а когда война кончилась, онъ купилъ подъ Кіевомъ хуторъ съ богатыми лугами и полями, да и зажилъ спокойною, лѣнивою и веселою жизнью. Всѣ славили его богатство, а еще больше—добродушное хлѣбосольство. Къ нему-то повернули два путника.

День былъ на исходѣ. Солнце свѣтило безъ зною. Птицы пѣли и свистѣли вездѣ по лѣсу такъ весело, что все, и густая трава, и свѣтлозеленый мохъ по старымъ пнямъ, сквозящій на солнцѣ, и деревья, окинутыя легкимъ покровомъ изъ молодыхъ листьевъ, и золотыя облака надъ ними— все какъ-будто усмѣхалось. Но лица путниковъ омрачены были какими-то тяжелыми мыслями. Ни-

кто бы не сказалъ, что они ѣдутъ въ гости къ веселому пану Череваню.

Вотъ они и у Хмарища. Хуторъ Череваня стоялъ въ болотистой долинѣ, надъ небольшою рѣчкою, черезъ которую вела къ нему узкая плотина; за плотиной насыпанъ былъ валъ — ибо времена тогда были смутныя — и въ валу надъ крѣпкими дубовыми воротами возвышалась широкая, низкая деревянная башня, какъ въ настоящей крѣпости. Вмѣсто зубцевъ, она убрана была частоколомъ, изъ-за котораго удобно было отстрѣливаться, въ случаѣ нападенія непріятелей; а надъ воротами прорублено было въ ней оконце для пушки, которой, однакожъ, на этотъ разъ въ немъ не было видно. За отсутствіемъ пушки, оно служило единственно для того, чтобъ посмотрѣть, кто пожаловалъ въ-гости къ пану Череваню, прежде чѣмъ отворить ворота: предосторожность необходимая, ибо времена, повторяю, были тогда смутныя, и не каждаго гостя впускали въ хуторъ безъ разбору.

Когда путники подъѣхали къ воротамъ, младшій изъ нихъ началъ колотить въ ворота рукоятью сабли, съ усердіемъ, которое показывало, что гости не сомнѣваются въ радушномъ пріемѣ. По лѣсу пошло эхо, но въ зáмкѣ никто не отзывался. Наконецъ нескоро уже послышался чей-то кашель, и вмѣстѣ съ нимъ раздались медленные, старческіе шаги внутри башни.

»Врагъ его знаетъ«, говорилъ кто-то, взбираясь, какъ казалось, не безъ труда по скрипучей лѣстницѣ къ оконцу, »какой теперъ шумный народъ насталъ! Пріѣдетъ, Богъ знаетъ, откуда, и стучитъ, какъ въ свои собственныя ворота. А лѣтъ какихъ-нибудь пятнадцать назадъ, тотъ же самый народъ сидѣлъ тихо и смирно, какъ пчелы въ зимовникѣ.... Ге, то-то и есть! когдабъ окаянные Ляхи не встревожили козацкихъ ульевъ, то и до сихъ поръ такъ бы сидѣли.... Худо было при Ляхахъ, да уже жъ и наши гуляютъ не въ свою голову!... Охъ, Боже правый, Боже правый!... Кто тамъ стучитъ? Кому это такъ нужно припало?«

»Это Василь Невольникъ«, сказалъ старикъ, не глядя на своего спутника. »Всё тотъ же, что́ и прежде!«

»Кто тамъ стучитъ?« спрашивалъ громче прежняго Василь Невольникъ, высунувши въ оконце голову.

»Да полно тебѣ допрашивать!« отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторой досадой. »Не бойся, не Татаре!«

»Боже правый!« воскликнулъ Василь Невольникъ, что́ жъ это такое?... это Паволочскій полковникъ Шрамъ! ([1]) Что́ жъ тутъ дѣлать? Отворять сперва ворота, или бѣжать къ пану?«

([1]) Паволочь — нынѣ мѣстечко въ Сквирскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи. Въ старину это былъ важный пунктъ на театрѣ Польско-Украинскихъ войнъ.

»Отвори сперва ворота«, отозвался угрюмо Шрамъ, »а потомъ ступай себѣ, куда хочешь.«

»Правда, правда, добро́дію мой милый!« сказалъ старый привратникъ, и началъ спускаться внизъ, думая по-своему въ-слухъ: »Гора съ горою не сойдется, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется.... Охъ, не надѣялись мои старыя очи увидѣть еще разъ пана Щрама! а вотъ и увидѣли.... Охъ, Боже правый, Боже правый!«

Въ-слѣдъ за тѣмъ застучалъ засовъ, и отворились ворота, въ которые козаки проѣхали склонясь, чтобъ не задѣть за сводъ высокими шапками.

Василь Невольникъ не зналъ, что́ дѣлать отъ радости, бросился къ Шраму, и поцѣловалъ его въ колѣно. Потомъ обратился къ его спутнику: »Боже правый! пане полковнику, это твой сынъ Петро́? Орелъ, а не козакъ!«

Петро́ наклонился съ коня и поцѣловался съ Василемъ Невольникомъ.

»Орелъ, а не козакъ!« продолжалъ Василь Невольникъ. »Ну, пан'отче, наградилъ тебя Господь сынкомъ! Что́, колибъ хоть двѣ *чайки* (1) такихъ молодцевъ повстрѣчали галеру, гдѣ сидѣлъ я на цѣпи?... Охъ, Боже правый, Боже правый! далась мнѣ та проклятая неволя до́бре знать! кандалы потерли руки и ноги, холодное желѣзо попроѣдало тѣло до костей!«

---

(1) Такъ назывались лодки, на которыхъ плавали Запорожцы по Черному морю.

И точно, въ его наружности было что-то такое жалкое, какъ-будто онъ былъ только что выпущенъ изъ галеры. Это былъ низенькій, сгорбленный, худощавый старичекъ, со впалыми, какъ-будто къ чему присматривающимися глазами. Онъ былъ одѣтъ въ синій козакинъ и старые, полотняные шаровары, но и этотъ нарядъ казался на немъ чужимъ.

Петрó соскочилъ на землю и взялъ отъ отца коня. Пастбище было тутъ же, потому что хуторъ Череваня былъ не чтó иное, какъ *левáда* или *пастóвникъ*. На горбѣ, между старыми грушами, виднѣлись двѣ хаты съ бѣлыми, низкими стѣнами и высокими, соломеными, позеленѣлыми крышами, надъ которыми стояли черные деревянные дымари, подъ рѣзными крышками. Дубовые косяки въ окнахъ вырѣзаны были зигзагами, какіе можно видѣть въ старинныхъ деревянныхъ церквахъ. Двери подъ навѣсами были внизу и вверху ýже, чѣмъ по срединѣ, и этою формою напоминали осанистыя фигуры пожилыхъ старшинъ козацкихъ, которые въ нихъ проходили. Тутъ же стоялъ и колодезь съ высокимъ *журавлемъ*, на-подобіе глаголя. У колодезя виденъ былъ почернѣвшій образъ, съ бѣлымъ, вышитымъ красными узорами *рушникомъ*. За колодеземъ тянулся весь увитый хмѣлемъ плетень, ограждающій садъ, пáсіку и огородъ отъ вторженія телятъ, которыя паслись между деревьями. Левáда скатывалась съ горба въ ни-

зину, гдѣ изъ-за зеленаго камыша блестѣла запруженная вода и выглядывала почернѣвшая, стромкая, съ двумя шпилями, крыша шумящей мельницы. Усадьба Череваня съ трехъ сторонъ была защищена топкими камышчатыми берегами рѣчки, а съ четвертой — деревянною башнею и валомъ. Въ случаѣ опасности, пастухи сгоняли сюда овецъ, рогатый скотъ, лошадей, а сами брали мушкеты и пищали, которыхъ у Череваня хранилось въ башнѣ немало, и готовы были отстрѣливаться хоть цѣлый мѣсяцъ отъ Татаръ, или отъ бродячей *затяжной* роты Ляховъ. Тѣ и другіе появлялись въ Кіевскихъ окрестностяхъ, какъ метеоры, и слухъ объ нихъ могъ прійти въ Хмарище во всякое время. Но теперь все въ хуторѣ было тихо; пчелы жужжали въ цвѣтущихъ грушахъ; мельница глухо шумѣла; за высокимъ камышемъ раздавались на водѣ крики дикихъ птицъ; а соловьи въ саду всѣ эти звуки ладили одни съ другими. Свѣжесть обняла усталыхъ путниковъ въ этомъ мирномъ и полномъ всякого добра уголкѣ; разнузданные кони весело заржали.

»Ну, веди жъ насъ къ пану, Василь«, сказалъ полковникъ Шрамъ. »Гдѣ онъ? въ свѣтлицѣ, или въ пасікѣ? Я знаю, онъ издавна былъ охотникъ до пчелъ; а теперь, подъ старость, вѣрно, зажилъ настоящимъ пасічникомъ.«

»Да́, мой добро́дію«, отвѣчалъ Василь Невольникъ. »Благую часть избралъ себѣ панъ Чере-

вань. Пускай его Господь на свѣтѣ подержитъ! Почти и не выходитъ изъ пáсіки.«

»Но отъ людей, однакожъ, не отрекся? или уже живетъ настоящимъ пустынникомъ?«

»Ему отречься отъ людей?« отвѣчалъ Василь евольникъ. »Да ему и хлѣбъ не пойдетъ въ горо, коли не раздѣлить съ добрымъ человѣкомъ. У насъ и теперь не безъ гостей. Э, пан'отче! какой у насъ гость!...Нѣтъ, не скажу—увидишь самъ.«

И, отворивъ калитку въ пáсіку, повелъ Василь Невольникъ Шрама узкой тропинкой, подъ густыми вѣтвями деревъ.

Но чтó за лице былъ этотъ Шрамъ, въ которомъ соединялись два званія, по понятіямъ нашего вѣка вовсе несовмѣстныя?

Былъ онъ сынъ Паволочскаго попа, по фамиліи Чепурнóго; воспитывался онъ въ Кіевскомъ Братскомъ училищѣ и уже вышелъ было изъ училища съ правомъ на званіе священника. Но тутъ поднялись козаки противъ шляхты, подъ предводительствомъ гетмана Остряницы, и молодой поповичъ очутился въ козацкихъ рядахъ. Онъ былъ горячей натуры человѣкъ, и не усидѣлъ бы въ своемъ приходѣ, слыша, какъ льется родная кровь за безбожное ругательство надъ Украинцами Польскихъ *консистентовъ* (¹) и урядниковъ, за оскорб-

---

(¹) Такъ назывались Польскія войска, которыя *консистовали*, или стояли постоемъ, въ Украинскихъ селахъ и городахъ.

леніе Греко-Русской вѣры отъ католиковъ и уніятовъ. Тогда безурядица въ Польшѣ дошла до того, что каждый староста ([1]), каждый ротмистръ, каждый знатный человѣкъ дѣлалъ все, что̀ приходило ему въ шальную голову, а особенно съ народомъ безоружнымъ, мѣщанами и пахарями, которые не имѣли никакихъ средствъ ему сопротивляться. Квартируя въ городахъ и селахъ, начали *жолнѣры* ([2]) требовать отъ народа беззаконные *окóрмы* и *напитки*, начали женъ и дочерей козацкихъ, мѣщанскихъ и мужичьихъ безчестить и тиранить, людей зимою, въ трескучіе морозы, запрятать, при ломкѣ льда, въ плуги, а Жидамъ приказывали ихъ погонять, чтобъ они плугами ледъ »безпотребно на одинъ смѣхъ и наругу орали и рисовали« ([3]). Между тѣмъ помѣщики-католики, а вмѣстѣ съ ними и наши отступники вѣры, старались ввести на Украйнѣ унію, и не въ одну церковь, противъ желанія народа, поставили попомъ уніята; Греко-Русскую вѣру называли мужицкою вѣрою; а отдавая на аренду Жидамъ села, не разъ вмѣстѣ съ селами отдавали имъ на откупъ и церкви ([4]). И некому было на такія ру-

---

([1]) Старосты были въ родѣ нынѣшнихъ губернаторовъ, съ правомъ пользоваться доходами съ управляемыхъ ими областей.

([2]) *Жолнѣръ* значило собственно *солдатъ;* но подъ словомъ *солдаты* мы разумѣемъ нижніе чины, тогда какъ здѣсь идетъ дѣло о начальникахъ.

([3]) Изъ универсала гетмана Остряницы.

([4]) Кіевская коммиссія, въ своихъ »Памятникахъ«, напечатала нѣ-

пагательстся жаловаться, потому что сенаторы, паны и епископы держали въ рукахъ и самого короля; *городовая* же козацкая старшина принимала сторону старостъ, владѣльцевъ имѣній и ихъ намѣстниковъ и арендаторей, а межъ собой дѣлилась жалованьемъ, которое отпускалось отъ короля и Рѣчи Посполитой (¹), по тридцати злотыхъ въ годъ на каждаго реестроваго козака. Поэтому реестровые, или городовые козаки (²) были тоже подавлены. Многіе изъ нихъ были обращены насильно въ подданные старостъ и *держа́вцевъ* (³); остальные исправляли въ домахъ у своихъ старшинъ всякія работы, какъ крестьяне. Шесть тысячъ только вписано было въ реестръ, но и тѣ, находясь въ совершенномъ порабощеніи у своихъ старшинъ, волею и неволею держали сторону Поляковъ, и только при Хмельницкомъ единодушно возстали за Украину. При такомъ положеніи дѣлъ, могли ли земляки жаловаться имъ на свои бѣдствія?...

сколько актовъ, которые свидѣтельствуютъ объ этомъ возмутительномъ произволѣ шляхты Польскаго королевства.

(¹) Рѣчью Посполитою, то-есть республикою, называлась вся политическая Польская система, именно: собственнно Польша, Литва и Русь; Русью же называлась въ Польшѣ Галиція, Подолія, Волынь и Украина. Сѣверную Русь называли Поляки Москвою, или Московскимъ государствомъ.

(²) Городовые козаки составляли военную корпорацію, совершенно отличную отъ козаковъ Низовыхъ, или Запорожскихъ, не только по внутреннему устройству, но и по политическимъ убѣжденіямъ.

(³) Вотчинниковъ. Старосты пользовались правомъ помѣстнымъ.

Жаловались міряне и »благочестивые« священники только далекимъ своимъ землякамъ — козакамъ Запорожскимъ, которые, живя въ дикихъ степяхъ, за Порогами, избирали старшину свою изъ среди себя и не давались въ руки коронному гетману Польскому. Вотъ и выходили изъ Запорожья на Украйну, одинъ за другимъ, козацкіе гетманы: Тарасъ Трясило, Павлюкъ, Остряница, съ мечемъ и огнемъ противъ враговъ родного края.

Но не надолго поднимали Украинцы, подъ ихъ знаменами, поникшую голову. Ляхи держались крѣпко за руки съ *недоляшками* (1), гасили пламя возстанія быстро и опять распоряжались съ Украиной по-своему. Но вотъ поднялся изъ Запорожья ужасный, неугасимый огонь — поднялся на Ляховъ и на всѣхъ враговъ отечества козацкій батько Хмельницкій. Напрасно всполошились старосты и королевскіе коммисары (2) съ городовыми козаками; напрасно поднялись изъ покойныхъ квартиръ своихъ консистенты-ротмистры съ своими жолнѣрами; напрасно вооружали наши *перевертні*-недоляшки надворную свою стражу (3); напрас-

(1) Такъ называли тогда отступниковъ вѣры и родины, угнетавшихъ собственныхъ земляковъ. Слово *недоляшокъ* означаетъ человѣка, который *до Ляха* не достигъ еще въ отступничествѣ. Но въ этомъ словѣ выражается больше ненависти и презрѣнія, нежели въ словѣ *Ляхъ*, или *кателикъ*, которые до сихъ поръ остаются бранными словами у Украинскаго простонародья.

(2) Особенные чиновники для удержанія козаковъ въ повиновеніи.

(3) Въ тѣ времена помѣщичья усадьба необходимо принимала

но придумывали Поляки средства, какъ бы погасить это пламя, и преграждали своими заставами степныя дороги, чтобъ не пустить никого изъ Украины на Запорожье. Бросаетъ пахарь на нивѣ плугъ съ волами; бросаетъ пивоваръ котлы въ *брóварь* (¹); бросаютъ чеботари, портные и кузнецы свою работу; отцы оставляютъ маленькихъ дѣтей; сыновья безсильныхъ отцевъ и матерей, и всѣ пробираются на Запорожье къ Хмельницкому, черезъ дикія степи, скрываясь днемъ въ терновыхъ кустахъ и байракахъ, а ночью направляя свой путь по звѣздамъ. И тогда-то »разлилась козацкая слава по всей Украинѣ«, какъ поютъ наши бандуристы.

устройство зáмка, съ болѣе или менѣе значительнымъ гарнизономъ, который назывался ***надворною стражею***, а иногда ***надворными козаками***. Часто нужно было помѣщикамъ отражать Татаръ, а еще чаще—защищаться отъ бродячихъ шаекъ такихъ людей, какъ извѣстный во время возстанія Хмельницкаго староста Лащъ (явленіе вовсе не исключительное въ Польшѣ). Эти надворные козаки, слабо привязанные къ своимъ панамъ, оставляли ихъ при наступленіи великой опасности и увеличивали собою козацкое ополченіе.

(¹) Пивоварня. Хмѣльныхъ напитковъ выкуривалось и варилось тогда очень много. Корсунскій полковникъ Филоненко, въ извѣстной думѣ, набирая охотниковъ, обращается преимущественно къ винокурамъ и пивоварамъ:

»Ви, вúнники, ви, бровáрники!
Гóдi вамъ по вúнницяхъ горілóкъ курúти,
По броварях́ъ пúвъ варúти.
Спúною сáжи витирáти!
Ходімъ зо мнóю на Черкéню долúну гулятú.
Слáви-лицáрства козáцькому вíйску доставáти!«

Гдѣ же проживалъ, гдѣ скитался Паволочскій поповичъ Шрамъ во всѣ эти десять лѣтъ отъ Остряницы до Хмельницкаго? Много заняла бы мѣста подробная о немъ повѣсть. Сидѣлъ онъ зимовникомъ, то есть жилъ хуторомъ, среди дикихъ степей въ Низовьяхъ Днѣпра; проповѣдывалъ онъ Божію правду рыбакамъ и чабана́мъ (пастухамъ) Запорожскимъ; побывалъ онъ на полѣ и на морѣ съ Запорожцами; видалъ не разъ и не два смерть въ глаза, и закалился въ военномъ ремеслѣ такъ, что Хмельницкій, поднявшись на Ляховъ, имѣлъ въ немъ крѣпкую опору. Никто лучше Шрама не водилъ козаковъ въ схватку; никто, такъ какъ онъ, »не вертівъ Ляха́мъ веремія« (1). Въ такихъ-то случаяхъ исполосовали ему шрамами все лице, и козаки прозвали его за то́ Шрамомъ. Это названіе такъ хорошо ему пришлось, что никто и не вспоминалъ реестрового его имени. Впрочемъ, и въ реестрахъ записанъ былъ онъ не отцевскимъ именемъ. Въ ту отчаянную войну козаки били на удачу: или панъ, или пропалъ, и потому не каждый вписывался въ реестръ подъ собственнымъ фамильнымъ прозвищемъ.

Но вотъ миновали, какъ короткіе святки, десять лѣтъ *Хмельни́ччины*. Уже и сыновья Шрамовы подросли и служили при отцѣ въ походахъ

(1) Выраженіе козацкое. Это значило — налетѣть вьюгою, одурить непріятелю голову внезапнымъ бѣшенымъ нападеніемъ.

чу́рами ([1]). Двое изъ нихъ легло въ битвѣ подъ Смоленскомъ; остался только Петро́. Еще и по смерти Хмельницкаго не разъ ходилъ Шрамъ на Ляховъ и Татаръ; но потомъ, чувствуя упадокъ силъ, сложилъ съ себя »полковничій урядъ«, принялъ постриженіе въ священники и прилѣпился всею душею къ церкви. »Теперь ужъ Украина«, думалъ онъ, »Ляховъ отблагодарила, недоляшковъ прогнала вонъ, унію уничтожила, Жидовъ передушила. Пускай теперь живетъ умомъ грома́дскимъ« ([2]).

Послѣ военныхъ бурь и общественной дѣятельности въ санѣ полковника ([3]), Шрамъ полюбилъ тишину домашней жизни. Въ случаѣ надобности, онъ посылалъ въ походы сына, а самъ хозяйни-

---

([1]) Оруженосцами. Чуры были самые близкіе повѣренные не только у простыхъ козаковъ, но и у старшинъ. Служить чурою значило учиться не одному военному ремеслу, но и вѣрности. Отъ своихъ чуръ козаки ничего не скрывали.

([2]) *Грома́да* — общество. Громадское начало были развито нѣкогда очень сильно въ Малороссіи. Въ каждомъ селѣ были еще въ царствованіе Елисаветы Петровны избирательныя власти подъ именемъ *громадскихъ мужей*, которые пользовались великимъ уваженіемъ въ народѣ. Старинная дума говоритъ:

Того́ не зна́ли ні чури коза́цькиі,
Ні мужи грома́дськиі,
Що́ панъ Хмельни́цькиі....
У го́роді Чигирині заду́мавъ вже й загада́въ.«

([3]) Полковникъ былъ не только предводитель козаковъ своего полка, но и верховный судья всѣхъ живущихъ въ округѣ того полка; по обширности своей власти, онъ былъ равенъ удѣльному князю.

чалъ на сѣнокосахъ и поляхъ, сиживалъ одинокимъ пустынникомъ въ пасікѣ, а въ праздники молился съ народомъ Богу, и потомъ распивалъ съ старыми пріятелями меды и наливки; любилъ изрѣдка посѣтить хуторъ такого жъ, какъ и самъ, пасічника, заброшенный въ какомъ-нибудь глухомъ байракѣ, чтобы помянуть за чаркой старину; любилъ и у себя въ хатѣ, увѣшанной, по-тогдашнему, оружіемъ, употчевать далекаго и близкаго гостя; словомъ — велъ такую жизнь, о какой только можетъ мечтать козакъ подъ старость.

Такъ думалъ онъ окончить дни свои; думалъ, что Украина наконецъ успокоится отъ войнъ, опустошавшихъ ее въ теченіе полувѣка. Но этой странѣ предназначено было долго еще волноваться, горѣть пожарами и обливаться кровью. Сперва замутилъ козацкія головы хитрый Выговскій; потомъ недостойный сынъ Хмельницкаго, Юрій, своимъ слабодушіемъ далъ Полякамъ возможность схватиться снова за Украину. Преемникъ Юрія Хмельницкаго, Павелъ Тетера, радъ былъ отдать имъ во власть все безоружное населеніе края, лишь бы только удержать за собою лестное имя козацкаго гетмана. Уже Польскіе паны, пользуясь его потачкою, входили въ старыя свои права на западной сторонѣ Днѣпра; подъ ихъ защитою, и Жиды начали прибирать къ своимъ рукамъ разныя отрасли промышленности. Старый Шрамъ видѣлъ, къ чему это клонится; душа его возмути-

лась страшными опасеніями. Лучшая часть Украины, по Днѣпрѣ, именно та, которая всего больше употребила усилій для соединенія съ Московскою Русью, готова была отпасть отъ нея въ добычу иновѣрцамъ. Всего грустнѣе было предчувствовать это сподвижнику Хмельницкаго, и онъ рѣшился противодѣйствовать Тетерѣ всѣми возможными мѣрами.

Онъ предостерегалъ простолюдиновъ отъ обольщеній противо-Московской партіи и поселялъ недовѣрчивость и нелюбовь къ гетману въ козакахъ, на которыхъ всегда имѣлъ великое вліяніе. Наконецъ, когда умеръ Паволочскій полковникъ, и на полковой радѣ (вѣчѣ) зашелъ вопросъ, кого избрать на его мѣсто, Шрамъ явился въ своей рясѣ на раду и сказалъ козакамъ такое слово:

»Дѣти мои! наступаютъ времена грозныя: скоро опять перекреститъ насъ Господь огнемъ да мечемъ. Нужно вамъ теперь такого полковника, который бы зналъ, кто волкъ, а кто лисица. Нужна вамъ теперь не такъ рука, какъ голова, да такая голова, чтобъ знала прежнее и смекала о будущемъ. Послужилъ я православному Христіанству при батькѣ Хмельницкомъ; послужу вамъ, дѣти мои, еще и теперь, коли будетъ на то ваша воля.«

Всѣ пришли въ восторгъ отъ такого предложенія. Шрама прикрыли шапками и знаменами, вру-

чили ему полковничьи клейно́ды (1) и провозгласили передъ всѣмъ народомъ полковникомъ, при пушечной пальбѣ и трубной музыкѣ.

Гетманъ Тетера съ досадою узналъ объ этомъ непредвидѣнномъ избраніи, но не былъ силенъ уничтожить опредѣленіе полковой рады, такъ какъ рада — выражаясь словами народа — была старше гетмана. Прислалъ Тетера Шраму подтвердительный свой универсалъ на титло полковника, и оба они сохраняли видъ пріязни, но втайнѣ наблюдали подозрительно каждое дѣйствіе другъ друга. Наконецъ Шрамъ задумалъ что-то рѣшительное, распустилъ слухъ о своей болѣзни, и сдавши управленіе полкомъ и городомъ своему эсаулу Гулаку, выѣхалъ изъ Паволочи, будтобы въ одинъ изъ дальнихъ своихъ хуторовъ *на покой*. Въ тѣ времена рѣдко прибѣгали въ недугахъ къ другимъ лѣкарствамъ, кромѣ покоя.

---

(1) Такъ назывались знаки власти: булава, бунчукъ и литавры.

ГЛАВА II.

Чи вже́ да́рмо та безща́сна Украіна Бо́гові моли́ла,
Щобъ міцна́ его́ во́ля съ-підъ корми́ги Ля́дськоі слобони́ла,
На позо́ръ да наругу невірнимъ не дава́ла,
Ща́стемъ наділи́ла....
Чи вже́ жъ да́рмо вона́ Бо́гові моли́ла?

Народная дума.

Войдя въ па́сіку, Шрамъ помолился передъ образомъ святого Зосимы, покровителя пчелъ. Образъ стоялъ на высокомъ ульѣ, подъ небольшимъ навѣсцемъ, который защищалъ святого Зосиму отъ дождя, и сверхъ того образъ прикрытъ былъ, на-подобіе рамки, бѣлымъ рушникомъ, разшитымъ красными нитками.

Василь Невольникъ былъ преданъ душею святому Зосимѣ (1); и, пока Шрамъ тихо молился,

---

(1) Старосвѣтскіе Украинцы подъ конецъ жизни большею частію пристращались къ пасікѣ. Такъ славный кошевой отаманъ Сірко́ окончилъ дни свои въ уединенномъ зимовникѣ среди степей Запорожскихъ, занимаясь пчеловодствомъ.

онъ благословлялъ Бога и его угодника за то, что они научили людей пчеловодству. Онъ вѣрилъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, что въ-старину пчелы были извѣстны только какимъ-то *Плясовицамъ*, которыя, при восходѣ солнца, мѣсяца и звѣздъ плясали на нашихъ степныхъ могилахъ. Святой Зосима, по повелѣнію Божію, служилъ у нихъ пасічникомъ и потомъ научилъ весь народъ обходиться съ пчелами. Объ этомъ-то подвигѣ святого распространился было Василь Невольникъ; но вниманіе Шрама было развлечено отдаленными звуками бандуры и пѣніемъ.

»Что́ это?« спросилъ онъ. »Ужъ не Божій ли Человѣкъ гоститъ у васъ?«

»А кто же другой могъ бы такъ играть и пѣть, какъ не *Божій Человѣкъ?*« отвѣчалъ Василь Невольникъ. »Такого кобзаря не было, да и не будетъ уже межъ козаками. Когда онъ поетъ про козацкую славу — волосъ на головѣ вянетъ и душа въ гору ростетъ! Охъ, Боже правый, Боже правый! три года я не слышалъ....«

Но Шрамъ, не слушая обычныхъ его сѣтованій, пошелъ на голосъ далѣе. Скоро увидѣлъ онъ подъ деревомъ Божьяго Человѣка и Череваня. Они сидѣли на травѣ по-Турецки, поджавъ подъ себя ноги, а передъ ними стоялъ полдникъ съ подкрѣпительнымъ напиткомъ, въ мѣдномъ тонкошеемъ кувшинѣ. Божьимъ Человѣкомъ назывался слѣпой кобзарь, или бандуристъ, пользовавшійся

у козаковъ необыкновеннымъ почтеніемъ,—и не за однѣ пѣсни. Онъ былъ одаренъ, какъ думали, сверхъестественнымъ разумѣніемъ языка всѣхъ травъ и растеній. Каждая былинка въ полѣ, каждая травка въ лѣсу говорила ему, отъ какой болѣзни она помогаетъ. Поэтому-то онъ исцѣлялъ самыя опасныя раны и вылѣчивалъ отъ всякихъ болѣзней. Иные приписывали чудесную силу не столько травамъ, которыми онъ обкладывалъ и поилъ больныхъ своихъ, сколько его долгимъ молитвамъ, которыми онъ облегчалъ самыя жестокія страданія. Говорили также, что и пѣсни его дѣйствовали на больныхъ, какъ чары: заслушается человѣкъ его чудныхъ, сладкихъ рѣчей подъ звонъ бандуры и впадаетъ въ такое забытье, какъ-будто душа отдѣлилась отъ тѣла. Онъ не искалъ награды за труды свои, но просилъ пожертвовать что́-нибудь для выкупа козаковъ, томившихся въ неволѣ у Турокъ и Татаръ. Многіе такимъ образомъ были обязаны ему своимъ освобожденіемъ; зато не было ему и другого имени, какъ *Божій Человѣкъ*. Наружность его вполнѣ соотвѣтствовала этому имени. Съ длинной сѣдой бородой, съ правильными, умными и строгими чертами лица, онъ больше походилъ на благочестиваго пустынника, нежели на странствующаго козацкаго бояна.

Слушатель его, Черевань, былъ человѣкъ изъ разряда людей весьма обыкновенныхъ. Лысая, шарообразная голова, огромное брюхо, или по-

Украински *чѐрево,* по которому и прозвали его Череванемъ, руки съ растопырившимися отъ жиру пальцами, веселость и простодушіе въ чертахъ лица — таковъ былъ старый пріятель полковника Шрама. Слушая печальную пѣсню о Берестечской битвѣ, онъ смѣялся самымъ добродушнымъ смѣхомъ; но это происходило не отъ того, чтобъ онъ не сочувствовалъ пѣснѣ: напротивъ, онъ восхищался ею не меньше любого козака, только не умѣлъ иначе выражать чувствъ своихъ, какъ смѣхомъ.

Увидя вдругъ передъ собою Шрама, Черевань вскочилъ съ необыкновенною легкостью на ноги и вскричалъ, картавя на буквѣ *р*:

»Бгатіку! ты ли это или это твоя душа прилетѣла слушать Божьяго Человѣка?« И обнялъ Шрама, какъ роднаго, давно невиданнаго брата.

Божій Человѣкъ также обрадовался Шраму и, оставивъ бандуру, поднялся на ноги, чтобъ осязать его. Шрамъ наклонилъ къ нему голову.

»Такъ, такъ«, говорилъ слѣпой пѣвецъ, водя рукою по его лицу: »это нашъ рыцарь, это его шрамы.... И борода.... Слыхали мы, слыхали, что Господь благословилъ тебя попомъ.«

Василь Невольникъ радовался между тѣмъ по-своему. Качая грустно головою, онъ только говорилъ: »Боже правый, Боже правый! есть же такіе люди на свѣтѣ!«

»Какимъ случаемъ? по волѣ, или по неволѣ?« спрашивалъ Шрама Черевань.

»Слава Богу, по волѣ«, отвѣчалъ Шрамъ: »прошли тѣ проклятыя времена, когда нашимъ братомъ, козакомъ, помыкали вельможные пьяницы.«

»И прямо ко мнѣ?«

»Ну, нѣтъ, не совсѣмъ прямо: есть на свѣтѣ кое-что лучше твоихъ наливокъ. Ѣду я въ Кіевъ къ церквамъ Божіимъ, къ мощамъ святымъ.—А тебя жъ, батько, откуда Богъ несетъ?« обратился Шрамъ къ Божьему Человѣку.

»У меня«, отвѣчалъ тотъ, »одна дорога по всему свѣту: *Блаженни милостивіи, яко тіи помиловани будутъ.*«

»Такъ, мой батько, такъ, мой добродій!« сказалъ Василь Невольникъ. »Пускай такъ надъ тобой Господь умилосердится, какъ ты надо мною умилосердился! Три года, не три дня, мучился я на проклятой галерѣ, въ Турецкой каторгѣ; не думалъ уже видѣть святорусскаго берега; а ты выпѣлъ своими пѣснями за меня сто дукатовъ, и вотъ опять я на славной Украинѣ, опять слышу Христіянскую рѣчь!«

»Не меня благодари, Василь«, сказалъ Кобзарь благодари того, кто не поскупился вынуть изъ гамана́ (¹) сотню дукатовъ: онъ, а не я, вызволилъ тебя изъ неволи!«

(¹) Изъ кошелька.

»Развѣ жъ я его не благодарю?« говорилъ Василь Невольникъ, взглянувъ на Череваня. »Монахи звали меня въ монастырь — я таки и грамотный себѣ немножко; козаки звали меня въ Сѣчъ — не годъ да и не два отамановалъ я надъ Каневскимъ куренемъ, пока не попался въ проклятую неволю, и всѣ *гірла* знаю, какъ свои пять пальцевъ; но я ни туда, ни туда не захотѣлъ, а сказалъ: »Нѣтъ, братцы, пойду служить тому, кто »вызволилъ меня изъ бусурманской неволи; буду »у него послѣднимъ грубникомъ (¹); пускай знаетъ, »что́ такое благодарность!«

Черевань слушалъ его съ видимымъ удовольствіемъ. — *Ка'зна'щó ти горóдишъ, біáтіку!«* сказалъ онъ, однакожъ. »Послѣ Корсуня, Пилявцівъ и Збаража (²), мы червонцы приполами носили. Ну, сядемъ же, сядемъ, гости мои дорогіе, да выпьемъ за здоровье пана Шрама.«

И, выпивши, онъ опять обратился къ своему доброму дѣлу: »Что́ объ этомъ толковать, бгатцы? Когда пришелъ ко мнѣ Божій Человѣкъ да спѣлъ свою пѣсню про невольниковъ, какъ они погибаютъ тамъ на галерахъ, да разсказалъ, что и Василь нашъ тамъ же мучится, — такъ я готовъ былъ послѣднюю сорочку отдать на выкупъ! ей Богу, бгатцы, такъ!«

(¹) Истопникомъ. Груба — печъ, но не та, въ которой готовятъ пищу: та называется и у Украинцевъ печью.

(²) Мѣста побѣдъ козацкихъ.

Но тутъ Шрамъ повелъ бесѣду о другомъ. Онъ обратился къ Божьему Человѣку:

»Ну, скажи жъ мнѣ, батько, — ты вездѣ странствуешь: что́ слыхать у васъ за Днѣпромъ?«

»Слыхать такое, что лучше и не говорить: межъ козаками никакого ладу: одинъ направо, а другой налѣво.«

»А ста́ршина жъ и гетманъ у васъ на что́?«

»Старшины у насъ много, да некого слушаться.«

»Какъ некого? А Сомко́?«

»Что́ жъ Сомко́? Сомку тоже не даютъ гетьманствовать.«

»Какъ же это такъ?«

»А такъ, что лукавый искусилъ на гетманство сѣдого старика Васюту Нѣжинскаго. Много козаковъ и на его сторонѣ, сильна его рука и въ царскомъ дворѣ — и тамъ за него стараются. А Сомко́, видите, не хочетъ никому *придите поклонимся;* надѣется взять правдою свое. Вотъ, какъ не стало миру межъ старшими головами, такъ и козаки пошли одинъ противъ другого. Столкнутся гдѣ-нибудь въ шинкѣ, или на дорогѣ: »Чья сто»рона?«—»А ты чья?« — »Васютина.« —»Убирай»ся жъ къ нечистому, боярскій подножекъ?« — »Нѣтъ, убирайся ты, Переяславскій кра́марь!« Это, видите, противъ того, что у Сомка есть *крамныя комо́ры* (¹) въ Переяславѣ. Вотъ и схватятся....

(¹) Лавки съ товарами.

Слушая такой неутѣшительный разсказъ, нашъ Шрамъ и голову повѣсилъ: стѣснили ему сердце эти новости.

»Да постой же!« сказалъ онъ, »вѣдь Сомка́ жъ избрали гетманомъ въ Козельцѣ?«

»Избрали, и самъ преосвященный Меѳодій былъ тамъ, и приводилъ козаковъ къ присягѣ гетману Сомку; а послѣ опять все разстроилось, коли хочете знать, отъ Сомковой прямоты, а иные говорятъ — отъ скупости. Ну, я Сомка знаю не за скупого. Теперь-то онъ казну свою бережетъ крѣпко, только на добрыя дѣла, на общую корысть, а не изъ скупости.«

»Какое же кому дѣло до его казны?« спросилъ угрюмо Шрамъ.

»А такое, какъ и до крамныхъ коморъ. Зависть! Но тутъ вотъ откуда подулъ нехорошій вѣтеръ. Отецъ Меѳодій надѣялся заработать у Сомка за козацкую присягу какую-нибудь сотню червоныхъ на рясу, а Сомку́ и не въ-догадъ. Ну, оно и ничего бы, да тутъ Васюта Золотаренко подвернулся съ искушеніемъ. Водился онъ въ старые годы съ Ляхами, звался у нихъ паномъ Золотаревскимъ и научился всякому пронырству. Брякнулъ кисою передъ владыкою; тотъ и смастерилъ какую-то грамоту въ Москву (1), а тутъ и по гет-

(1) »Лѣтопись Самовидца«, изданная Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, очень выразительно говоритъ о недостойныхъ поступкахъ епископа Меѳодія. Стр. 35: »Епископъ Меѳодій, кото-

манщинѣ пустили говоръ, что Козелецкая рада незаконная. »Надобно, говорятъ, созвать новую, полную раду, на которой бы и войско Запорожское было, да избрать такого гетмана, котораго бы всѣ слушались. »Ато Васюта ищетъ себѣ гетманства и не слушается Сомка, а Запорожцы гетманомъ Бруховецкаго зовутъ....«

»рый на той радѣ былъ и до присяги приводилъ также и Васюта, полков»никъ Нѣжинскій, описали Сомка гетмана, же (что) конечно по Орду »посылаетъ, хотячи измѣнити, *что была неправда*«. Стр. 41: »Епи»скопъ Меѳодій протопопу послалъ, при тѣхъ же посланныхъ отъ се»бе, *стараючися о ихъ згубѣ*«. (т. е. о гибели Сомка и его приверженцевъ). Въ этихъ доносахъ епископъ Меѳодій является ревностнымъ слугою Московскаго правительства и Бруховецкаго, но когда Бруховецкій, 4-ю статьею такъ называемаго Московскаго договора выразилъ желаніе, чтобы въ Кіевъ присылаемы были митрополиты изъ Москвы, онъ началъ бунтовать народъ противъ того и другого. Бантышъ-Каменскій выписалъ рѣчь его изъ Малороссійскихъ дѣлъ Коллежскаго Архива, и напечаталъ въ своей »Исторіи Малой Россіи« (т. II, стр. 85, изд. 1842). Вотъ она: »Малорос»сіяне! доколѣ будете повиноваться тирану (т. е. Бруховецкому), по»сягающему на драгоцѣннѣйшее ваше наслѣдіе, на ваши права, кро»вію предковъ пріобрѣтенныя? Доколѣ будете терпѣть отъ него без»престанныя обиды и поруганія? Отвѣтствуйте мнѣ: кто даровалъ ему »власть назначать начальниковъ вашихъ и лишилъ васъ права изби»рать ихъ свободными голосами?... Малороссіяне! вы зрите сіи не»правды и пребываете въ бездѣйствіи. Уже время сбросить тяжкія »оковы, носимыя вами. Да падетъ врагъ спокойствія вашего«, и пр. Бруховецкій испугался и употребилъ всѣ средства, чтобы расположить къ себѣ епископа. Тогда Меѳодій оказался явнымъ врагомъ Московскаго правительства. Въ Малороссійскихъ дѣлахъ Коллежскаго Архива хранится слѣдующее письмо его къ гетману, противъ котораго онъ недавно еще возстановлялъ народъ: »Для Бога не пло»шай. Теперь идетъ торгъ о насъ: хотятъ, взявши за шею, выдать

»Бруховецкаго!« вскрикнулъ Шрамъ. »А это что́ еще за *прояна* (¹)?«

»Проява на весь свѣтъ, сущая сказка, да совершается передъ глазами, такъ по-неволѣ повѣришь. Вы знаете Иванца?«

»Еще бы не знать чуры Хмельницкаго!« отвѣчалъ за всѣхъ Шрамъ, который слушалъ разсказъ Божьяго Человѣка съ нетерпѣніемъ и, казалось, пожиралъ слова его.

»Ну, слыхали вы и про то, что онъ поссорился съ Сомко́мъ?«

»Слыхали, да что́ въ этомъ?«

»Кажется, Сомко́ назвалъ Иванца свиньею, что́ ли?« вмѣшался Черевань.

»Не свиньею, а собакою, да еще старою собакою, да еще не *на-самоті*, или тамъ какъ-нибудь подъ веселый часъ, а передъ всею генеральною старшиною, на домашней радѣ у молодого гетмана!«

»Ляхамъ. Окружай себя болѣе Запорожцами, укрѣпляй также своими »людьми порубежные города. Утопающій хватается за бритву для сво»его спасенія. Безбожный Шереметевъ нынѣ въ тѣсной связи съ Ля»хами и Дорошенкомъ. Остерегайся его и Нащокина. Мила мнѣ от»чизна. Горе, если поработятъ оную Ляхи и Москали! Лучше смерть, »нежели золъ животъ. Страшись имѣть одинакую участь съ Бараба»шемъ.« (Ист. Мал. Росс. Бант. Кам., т. II, стр. 98). Далѣе Бантышъ-Каменскій разсказываетъ, что епископъ Меѳодій былъ лишенъ епископскаго сана, отправленъ въ Москву и кончилъ жизнь свою подъ стражею. (Тамъ же, стр. 102.)

(¹) Чудо, необыкновенное явленіе.

»Га-га-га!« засмѣялся Черевань. »Отвѣсилъ соли, нечего сказать!«

»Отвѣсилъ соли, да себѣ въ убытокъ.«

»Какъ такъ?«

»А такъ, что не слѣдовало бы вельможному Сомку задѣвать Иванца. Иванецъ, конечно, былъ себѣ человѣкъ незнатный, да почетный. Служилъ онъ усердно батьку Богдану; на Дрижиполѣ даже спасъ его отъ вѣрной смерти, самъ попался въ плѣнъ и принялъ отъ невѣрныхъ много муки. Можетъ быть, и на-вѣки тамъ бы пропалъ, когда бъ старый Хмельницкій не выкупилъ дорогою цѣною. Въ чести былъ у гетмана Иванецъ, но не бралъ отъ него ни золота, ни уряду (1). Простенькой, смирненькой былъ себѣ человѣчекъ, и незамѣтно совсѣмъ было его въ домѣ. Ты бъ сказалъ — такъ себѣ служка; а посмотри, въ какомъ почетѣ у ясновельможнаго! Бывало, проживаю въ гетманскомъ дворѣ, такъ и слышу: »Иванецъ, дру»же мой вѣрный!« отзывается, бывало, къ нему покойный гетманъ, подъ веселый часъ, за чаркою. »Держись, Юра́сь«, говоритъ, бывало, сыну, »дер»жись, Юра́сь, Иванцевыхъ совѣтовъ, когда меня »не будетъ на свѣтѣ. Это вѣрная душа, онъ тебя »не обманетъ«. Ну, Юра́сь и держался его совѣтовъ, и что́, бывало, скажетъ Иванецъ, то́ уже свято. А Сомко́, сами знаете, доводится дядя Юра-

(1) Должности по службѣ.

сю: его мать была родная сестра Сомкова. Вѣдь старый Хмель былъ въ первый разъ женатъ на Ганнѣ Сомковнѣ. Такъ Сомку и не понравилось, что Иванецъ управляетъ его племянникомъ. Разъ трактовала о чемъ-то старшина у молодого гетмана, а Иванецъ, прислушавшись къ ихъ бесѣдѣ, и болтнулъ что-то съ-проста. Ну, а вы знаете Сомка: вспыхнетъ, какъ порохъ. »Пане гетмане!« говоритъ, »старого пса не пристойно бы мѣшать »въ нашу бесѣду.« Вотъ какъ оно было, панóве, коли хочете знать. Я самъ случился на то время въ гетманскомъ *будйнку* (¹), и слышалъ всѣ рѣчи своими ушами. При мнѣ же сдѣлалась и тревога ночью, когда Сомко поймалъ Иванца съ ножемъ въ рукѣ возлѣ своей постели. Вотъ и судили его войсковою радою, и присудили отрубить голову. Оно бы такъ и было, панóве; да Сомко выдумалъ ему хуже кару: посадить на свинью и провезти по всему Гадячу.«

»Га-га-га!« захохоталъ отъ всей души Черéвань »*Котýзі по заслýзі!*«

Но Шрамъ сказалъ мрачно: »Чтó объ этомъ разсказывать? Все это мы давно слышали.«

»А о томъ слышали, чтó сдѣлалъ послѣ Иванецъ?«

»А чтó жъ онъ, бгатіку, сдѣлалъ?« спросилъ Черевань. »Колибъ я былъ на его мѣстѣ, то, ей

(¹) Въ хоромахъ.

Богу, не знаю, что́ бъ я и дѣлалъ послѣ такого сраму! Какъ тебѣ кажется, Василь?«

Василь Невольникъ покачалъ только головою.

»Вотъ что́ сдѣлалъ Иванецъ: подружился съ нечистымъ; давай деньги копить, давай всякому угождать, кланяться, давай просить у молодого гетмана почетнаго уряду. Вотъ и сдѣлали его хорунжимъ; да какъ пошелъ Юра́сь въ монастырь такъ Иванецъ — вѣдь у него были отъ скарбницы ключи — подчистилъ все сребро и золото, да на Запорожье. А тамъ сыпнулъ деньгами, такъ Запорожцы за нимъ роемъ: »Иванъ Мартыновичъ! »Иванъ Мартыновичъ!« А онъ, ледачій, со всѣми братается да обнимается....«

»Ну, что́ же изъ этого?« спросилъ нетерпѣливый Шрамъ, между тѣмъ какъ его губы дрожали отъ какой-то страшной мысли.

»А вотъ что́: Запорожцы такъ его полюбили, что созвали раду, да и бухъ Иванца кошевымъ!«

»Какъ! Иванца кошевымъ ота́маномъ?«

»Нѣтъ, не Иванца, а Ивана Мартыновича. Теперь уже онъ Иванъ Мартыновичъ Бруховецкій!«

»Силы небесныя!« вскрикнулъ, схватившись за голову, Шрамъ. »Такъ это его-то зовутъ Запорожцы гетманомъ?«

»Его пан'отче, его самого.«

»Боже правый, Боже правый!« отозвался самъ къ себѣ Василь Невольникъ. »Переведется же,

видно, скоро совсѣмъ Запорожье, коли такихъ кошевыхъ выбираютъ!«

А Черевань отъ удивленія смѣялся такъ же, какъ и отъ радости. »Га-га-га! вотъ, бгатцы, диковинка, такъ, такъ! и во снѣ никому такое диво не снилось!«

»Братья мои милые!« сказалъ, помолчавши, Шрамъ, »тяжело моему сердцу; не въ силахъ я больше передъ вами таиться. Ѣду я не въ Кіевъ, а въ Переяславъ, къ гетману Сомку, а ѣду вотъ зачѣмъ. Украину разодрали на двѣ части, и одна скоро попадетъ въ лапы Ляхамъ. Легко это сказать?... Я думалъ, что Сомко крѣпко сидитъ на гетманствѣ; и если бъ было такъ, то можетъ быть.... нѣтъ, навѣрное знаю, что уговорилъ бы его вести козацкіе полки на Лядскаго прислужника, Тетеру, опановать всѣ Украинскіе города, и сдѣлать изъ обоихъ береговъ Днѣпра одну гетманщину, какъ было при Хмельницкомъ. Горькимнѣ, батько, твои вѣсти; перевернули онѣ мнѣ всю душу.... но еще не совсѣмъ бѣда.... еще все пойдетъ въ ладъ; только бы всякая вѣрная душа подала одна другой руку. Поѣзжай со мной за Днѣпръ, Божій Человѣче; тебя козаки почитаютъ; твоего совѣту послушаются....«

»Нѣтъ, мой добродій«, отвѣчалъ кобзарь, »не намъ мѣшаться въ ваши усобицы: намъ указалъ Господь особую дорогу. Будетъ съ меня и давнишнихъ походовъ. Богъ отнялъ у меня очи и

повелѣлъ мнѣ идти другимъ путемъ къ вѣчному свѣту....«

»Ты и пойдешь своимъ путемъ«, сказалъ Шрамъ: »никто тебя съ твоей дороги не совратитъ. Мы саблею, а ты разумнымъ словомъ; мы военнымъ совѣтомъ, а ты пѣснями направишь козацкія сердца къ согласію.«

»Не мнѣ учить васъ, козаковъ, коли васъ бѣды не научили!« отвѣчалъ Божій Человѣкъ. »Да и слушать меня никто изъ вашихъ старшинъ не будетъ. Все теперь полѣзло въ панство да въ чванство. Разбогатѣвши, всѣ стали такъ умны, что нашему брату только и бесѣды, чтó съ простымъ народомъ. Старшина начала черезъ-чуръ шляхетствовать. Тѣ же недоляшки!... Уже имъ не по вкусу и старинныя козацкія пѣсни, которыя и людей возвеселяютъ, и Богу не противны. Вмѣсто кобразей, завели себѣ мальчиковъ съ бандурками, — играй имъ только къ танцамъ да къ смѣхотворству. И наша темная, невидящая старчóта, ради того несчастнаго куска хлѣба для чарки горілки, бренчитъ имъ всячину; забыли и страхъ Божій. Уже жъ ты не видишь ничего, уже ты какъ-будто взятъ съ этого свѣта: зачѣмъ же тебѣ возвращаться къ грѣхамъ человѣческимъ? Умудрилъ Господь твою слѣпоту, такъ пой же добрымъ людямъ, не прогнѣвляя Господа; тáкъ пой, чтобъ человѣка не на зло, а на добро направить!«

»Братцы!« сказалъ Черевань, »полно вамъ тол-

ковать про войсковыя суматохи да про чванство! Здѣсь у насъ этого, слава Богу, нѣтъ. У насъ все тихо да мирно. Ко мнѣ ѣздятъ добрые люди изъ Кіева; я тоже не забываю въ Кіевѣ добрыхъ пріятелей. Пьемъ себѣ да вспоминаемъ старину; а о новомъ времени пускай горюютъ новые люди! Пойдемте-ка въ хату. Когда задумали вы ѣхать за Днѣпръ, то помоги вамъ, Боже; но только, прошу васъ, не говорите больше объ этомъ. Отложимъ, бгатцы, на этотъ вечеръ всякое попеченіе и повеселимся такъ, *щобъ ажъ ворогáмъ було́ тя́жко!*«

Такъ говоря, Черевань поднялся съ своего мѣста и повелъ своихъ гостей къ хатѣ.

Шрамъ шелъ за нимъ, потупивъ глаза въ землю и грустно качая головою. Василь Невольникъ, глядя на него, выражалъ обычною поговоркою свое сочувствіе. Божій Человѣкъ былъ свѣтелъ лицемъ и спокоенъ, какъ-будто его душа жила не на землѣ, а на небѣ.

ГЛАВА III.

Чи всі тиі садй цвітуть,
Що веснóю розвиваютця?
Чи всі тиі вінчаютця,
Що вірнéнько да кохаютця?

Половйна сáду цвітé,
Половйна осипáетця;
Однá пáра вінчáетця,
А другáя розлучáетця.

Народная пѣсня.

Между тѣмъ какъ старики толковали о козацкихъ дѣлахъ, Петрó Шрамéнко, пустивъ коней на пашу, вспомнилъ, что у Череваня есть дочка, которую молва прославила красавицею невиданною. Онъ зналъ ее, когда она была еще дитятею, и часто съ нею рѣзвился, забывая свои лѣта. Теперь она была невѣста, и слухи о ея красотѣ не были преувеличены. Онъ не пошелъ въ пасіку, а поспѣшилъ вмѣсто того къ хатамъ, изъ которыхъ одну, повыше и пороскошнѣе, за-

нималъ самъ Черевань съ семействомъ, а въ другой жили его подсосѣдки и наймыты, составлявшіе въ то время обычную челядь у богатыхъ людей. Вдали за огородомъ виднѣлись еще два дымаря изъ-за деревьевъ.

Хата пана Череваня отличалась тѣмъ, что въ ней устроено были такъ называемое *поддашье*, то есть углубленный въ самую постройку навѣсъ, въ прохладѣ котораго семейство *господаря* (1) проводило жаркіе часы лѣтнихъ дней. У другой хаты навѣсъ выступалъ впередъ и опирался на рѣзные столбики, тогда какъ здѣсь онъ былъ забранъ снаружи окончатою легкою стѣною съ зигзагами, какіе до сихъ поръ попадаются въ развалинахъ старинныхъ деревянныхъ колоколенъ. Подъ крышею висѣли сухія травы и коренья, собранные весною для разныхъ цѣлительныхъ настоекъ и припарокъ, такъ какъ народная медицина была тогда въ полномъ своемъ ходу, за отсутствіемъ медицины ученой. Подъ окнами, за низенькимъ частоколомъ, насажено было множество цвѣтовъ. Старая яблонь стояла у самого входа въ поддашье, наклонивъ къ землѣ роскошныя свои вѣтви, и, вся осыпанная крупными цвѣтами, издавала сладкое благоуханіе и жужжала роями пчелъ. Солнце, закатываясь за вершины окрестныхъ деревь-

(1) Господарь — обыкновенное названіе *хозяина*, въ почтительномъ смыслѣ.

евъ, облило краснымъ свѣтомъ позеленѣлыя соломенныя крыши, съ тяжелыми закуренными дымарями, раскидистую побѣлѣвшую отъ верху до низу яблонь, пучки сухихъ травъ подъ крышею, рѣзаную зигзагами наружную стѣну поддашья, бѣлыя стѣны хатъ, и сверкало огнемъ въ круглыхъ шибкахъ старосвѣтскихъ оконъ. Жилище Череваня казалось въ это время царскимъ жилищемъ. Кругомъ зелено, свѣжо, просторно.... прожилъ бы вѣкъ въ такомъ затишьи и не соскучился!

Такія чувства приходятъ въ душу особенно послѣ долгой и утомительной дороги. Такъ чувствовалъ и мой Петро́, подходя къ хатѣ Череваня; а изъ хаты, какъ нарочно, сквозь поднятыя до половины окна и отворенныя настежъ, по-лѣтнему, двери, неслась молодая, весенняя пѣсня, которая и зимой возвращаетъ душу къ веснѣ, къ цвѣтущимъ садамъ, къ протоптаннымъ черезъ нихъ тропинкамъ, къ таинственнымъ перелазамъ, криницамъ и всей обстановкѣ молодыхъ встрѣчь и приключеній. Такая пѣсня неслась на-встрѣчу гостю, какъ призывъ, какъ обѣщаніе всего, что́ такъ прекрасно грезится юношеской душѣ. Онъ легкими шагами прошелъ черезъ поддашье, вымощенное прохлаждающими ка́хлями, черезъ сѣни, изъ которыхъ одна дверь вела въ пустую на то время свѣтлицу, и, заглянувъ налѣво въ пекарню, увидѣлъ тамъ жену Череваня и ея дочку, которая носила въ семействѣ уменьшительное имя Леси.

Пекáрня съ *комнáтою*, въ тѣ времена простоты нравовъ, составляла жилую половину дома; *свѣтлица* съ *комнáтою* назначалась для пріема гостей, и тутъ ужъ сосредоточивалась вся тогдашняя роскошь домашняго убранства. Въ пекарнѣ, кромѣ обычной Украинской чистоты да цвѣтовъ за *свóлокомъ* ([1]) и за образами, не было замѣтно никакихъ стараній объ убранствѣ. Правда, висѣли въ нѣсколькихъ мѣстахъ по стѣнамъ бѣлые *рушники*, роскошно вышитые красными и синими узорами. Но лучшее украшеніе пекарни составляли женщины. Обѣ были красавицы, въ своемъ родѣ. Череваниха была то, чтó называется *сама въ собі*, то есть въ полномъ развитіи тѣлесныхъ формъ. Лѣта прибавили ей тучности, но не уменьшили игры румянца на щекахъ и блеску умныхъ и веселыхъ глазъ, которымъ черныя брови придавали особенную выразительность. Засучивъ по локоть широкіе разшитые узорами рукава сорочки, она своими панскими, полными и довольно изнѣженными руками лѣпила вареники къ ужину. Вареники были любимымъ кушаньемъ пана Череваня, и онъ утверждалъ, что во всемъ мірѣ никто не сдѣлаетъ ихъ лучше его Мелáси ([2]). Пани Череваниха охотно тому вѣрила и угождала своему мужу. Нарядъ ея былъ простъ: плах-

---

([1]) Брусомъ, на который опираются потолочныя перекладины.

([2]) Уменьшительное отъ Меланіи.

та, запаска, безрукавая кофта, на головѣ приношенный парчевый очіпокъ; но что она была богатая пани, это было видно изъ дорогого ожерелья, сверкавшаго въ ея намистѣ и изъ алмазныхъ колецъ на рукахъ. Украшенія гордыхъ Польскихъ паній перешли тогда къ женамъ отважныхъ козаковъ, которыя носили ихъ ежедневно, какъ вещи неизносимыя, а пожалуй, и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ ихъ высокой цѣнѣ.

Леся Череванівна была портретомъ своей матери, написаннымъ въ дѣвическія лѣта ея. На ней, кромѣ нитки кораллов, длинныхъ плоскихъ цѣпочекъ изъ чистаго золота вмѣсто серегъ и свѣжихъ цвѣтовъ за золототканной лентой вокругъ головы, не было никакихъ украшеній. Она надѣнетъ такія же дорогія монисты, какъ и у матери, подъ вѣнецъ, и будетъ блистать ими до старости, до тѣхъ вялыхъ лѣтъ, когда ея общество будутъ составлять одни внучата, которыхъ будутъ занимать ея сказки, ея старинныя пѣсни и прибаутки, а не дорогія украшенія. Но кто думаетъ о будущей зимѣ въ самый разцвѣтъ весны? Леся была прекрасна, какъ весна, въ своемъ малиновомъ корсетѣ, стянутомъ на груди золотыми шнурками, въ своей коронѣ изъ цвѣтовъ, съ наклоненною немного на бокъ головою и глазами, опущенными, въ тихой задумчивости, на руки, которыя проворно перебирали на столѣ только что собранныя ею въ рощѣ сыроѣжки для ужина. Пѣсня лилась у

ней медленно и окружала ея голову грезами любовныхъ свиданій, разлуки, лунныхъ ночей, тихихъ рѣчекъ съ гибкими черезъ нихъ кладками, зеленыхъ яворовъ, наклонившихся надъ водою. Она не пѣла, а какъ-будто мечтала въ-слухъ, какъ обыкновенно поетъ въ уединеніи задумчивая Украинка. Сама мать заслушалась ея и давно уже молчала, погрузясь въ свое занятіе.

Въ эту минуту Петро́ наклонился, чтобъ пройти въ низкую дверь, и потомъ, выпрямясь выше ея узорчатаго косяка, остановился у порога. Въ одной рукѣ держалъ онъ высокую баранью шапку, которой красный колпакъ повисъ почти до полу, другою придерживалъ саблю, чтобъ не бренчала. Но предосторожность была напрасна: Череваниха почти въ то же мгновеніе, какъ онъ вошелъ, оглянулась, и узнала его съ-разу. Леся тихо вскрикнула, и обѣ подошли къ гостю. Пока Череваниха обтирала муку на рукахъ, чтобъ обнять Петра, по обычаю тогдашняго здорованья, онъ смотрѣлъ на бывшую маленькую рѣзвушку и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Она сама почувствовала, что молодцеватый козакъ теперь для нея другой человѣкъ, и, встрѣтясь съ нимъ глазами, тотъ-часъ опустила ихъ внизъ и стояла передъ нимъ, какъ на́ картинѣ, держа пальцы одной руки въ другой и нѣжно склоня на бокъ голову, съ той граціей, какую природа внушаетъ какъ-будто однѣмъ только Украинкамъ.

Петро́, поздоровавшись съ пригожею, полнощекою Череванихою, остался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ и самъ казался смущеннымъ передъ пышно развернувшеюся красотою Леси.

»Да поцѣлуйтесь же!« сказала весело Череваниха. »Или вы не узнали теперь другъ друга?«

Смѣлый козакъ несмѣло подступилъ къ красавицѣ и, поцѣловавъ ее, какъ-будто выпилъ сладкой отравы. Все въ немъ мгновенно измѣнилось. Онъ почувствовалъ душею тотъ великій, пророческій мигъ, въ который какъ-будто свыше назнается человѣку его суженая.

»Ну, просимъ же у насъ садиться«, сказала хозяйка, протирая своимъ передникомъ на лавкѣ мѣсто, хотя лавка была совершенно чиста. »Ну, вотъ не вѣрь примѣтамъ! Сегодня сорока передъ окномъ скрекеке́ да скрекеке́! Я и сказала: »Будутъ же у насъ, доню, гости!« И кошка всё умывалась на постели.«

И засыпала Петра вопросами объ его отцѣ и обо всемъ, что́ мы ужъ отъ-части знаемъ. Петро́ отвѣчалъ ей вяло и разсѣянно. Душа его вступила въ новую жизнь: впервые онъ почувствовалъ, что любитъ, но не понималъ, что́ съ нимъ сдѣлалось, — отъ чего сердце его сжалось тоскою....

Прошло въ такой бесѣдѣ довольно времени. Пани Череваниха посматривала на него съ удивленіемъ, и взглядомъ давала замѣтить дочери свое удивленіе; иногда качала она головой, продол-

жая свое занятіе; наконецъ потеряла терпѣніе, и сказала:

»Что́ это, Петру́сю! (она, по старой памяти, называла его дѣтскимъ именемъ). Ты какъ-будто въ воду опущенъ! Усталъ въ дорогѣ? Нѣтъ, не то. Такіе козаки въ дорогѣ не устаютъ. А вижу я — ты что-то грустенъ. Не такимъ привыкла я тебя видѣть. Правда, тогда лѣта твои были еще не для смутку. То уже теперь зашла та пора, что, говорятъ, дѣвичьи очи мерещатся козаку и днемъ и ночью. Видно, оставилъ въ Паволочи свою чернобровую? Признайся намъ по-правдѣ.«

»Можетъ быть, и оставилъ«, сказалъ Петро́, »можетъ быть, и не одну оставилъ; только всѣ онѣ, сколько бъ ихъ ни было, не стоятъ....«

Онъ взглянулъ на Лесю и не договорилъ. Мать въ одно мгновеніе смекнула дѣломъ, и подхватила:

»Не стоятъ того, чтобы тосковать!... Слышишь, Леся, какіе теперь козаки пышные да гордые стали? Что́ жъ, доню, о насъ, хуторянкахъ, скажутъ?«

Взглядъ, который она бросила при этомъ на Лесю, выражалъ материнскую гордость. Красавица засмѣялась, слегка закинувъ голову, и, взглянувъ на мать съ довѣрчивостью нѣжной дружбы, отвѣчала:

»Ничего не скажутъ, мамо. Кто насъ знаетъ? Кто насъ видитъ?«

Эти слова, сказанныя шутливымъ голосомъ, сильно подѣйствовали на мать. Она бросила свое дѣло,

быстро повернулась къ дочери, и, ударивъ себя объ полы руками съ тѣмъ жестомъ, которымъ Украинки выражаютъ досаду, начала говорить раздраженнымъ голосомъ:

»А что́ жъ, развѣ не правда? И никто не будетъ видѣть, никто не будетъ знать, пока будемъ сидѣть въ этомъ монастырѣ! Говорю тебѣ, Леся: проси отца, чтобъ повезъ насъ за Днѣпръ къ дядѣ Гвинтовкѣ!«

»Что́ мои просьбы, мамо?« отвѣчала дочь. »Онъ отбудетъ меня смѣхомъ да шуткою; а вамъ бы просить его!«

»Мнѣ просить!... Я уже голову ему прогрызла; такъ что́ же, когда лѣнь совсѣмъ одолѣла человѣка! Въ Кіевъ его не поднимешь, а не то за Днѣпръ! Ты не повѣришь, Петру́сю«, продолжала пани Череваниха, принимаясь снова за вареники, »какъ обсидѣлся дома мой Михайло. Слышалъ ты, какъ трудно сдвинуть камень, которымъ наваленъ кладъ? Нужно запречь двѣнадцать черныхъ воловъ отъ одной коровы. А его не сдвинешь съ мѣста никакими чарами.«

И разсмѣялась пани Череваниха отъ своей шутки; и досады какъ не бывало. А взглядъ ея попрежнему устремлялся на Петра; только, вмѣсто удивленія, въ ея лицѣ выражалось самодовольство. Она не переставала говорить съ нимъ, перебѣгая отъ одного предмета къ другому, какъ-бы забавляясь неохотой, съ которой онъ отвѣчалъ ей. Его

глаза и чувство стремили его къ Лесѣ, но онъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ, что не умѣетъ заговорить съ дѣвушкой.

Леся сама обратилась къ нему:

»А въ самомъ дѣлѣ мы живемъ, точно въ монастырѣ. Какой великій свѣтъ Украина! Мы объ ней только слышимъ отъ людей; а какъ бы пріятно увидѣть разные города и церкви святыя своими глазами! Но страшно далеко отъѣзжать отъ Кіева!«

»Чего страшно?« спросилъ Петро.

»А Татары?«

»Еслибъ я провожалъ васъ, я провелъ бы васъ такими дорогами, которыми Татары никогда не ходятъ.«

»А проводилъ бы ты насъ за Днѣпръ?«

»Съ дорогою душею!« воскликнулъ козакъ, которому вдругъ мелькнула возможность ѣхать за Днѣпръ вмѣстѣ съ семействомъ Череваня.

»*И оцé бъ то сёмý прáвда!*« сказала Леся, посмотрѣвъ на него пристально.

Петру Богъ знаетъ что́ померещилось въ этомъ взглядѣ: вся душа его отозвалась на него. Но тутъ послышался въ сѣняхъ голосъ Череваня.

»Э, да ты, бгатику, мнѣ жениха привезъ!« говорилъ онъ Шраму, заглянувъ мимоходомъ въ пекарню. »Смотри, какъ у нихъ весело! не такъ, какъ у насъ. Щебечутъ, какъ воробьи. Что́ за чудесный вѣкъ молодецкій! Ну, Василь, веди жъ ты

гостей въ свѣтлицу, а я поздороваюсь съ Шрамовымъ орленкомъ.«

И, переваляясь черезъ высокій порогъ, Черевань заключилъ Петра въ свои мягкія объятія, и облобызалъ его трижды со всѣмъ усердіемъ своего добродушнаго характера.

»Ну, бгатъ«, говорилъ онъ, »нечего сказать, не въ-низъ идешь, а въ-гору! То былъ молодецъ, а теперь еще лучшій. Чтобъ меня Татаринъ взялъ, коли я видѣлъ на вѣку такого козака! Развѣ Сомко гетманъ.... да что́ намъ до Сомка? — Меласю! (обратился онъ къ своей женѣ) вотъ намъ зятекъ! Лесю! вотъ женихъ тебѣ подъ пару, такъ такъ! Га-га-га! *Бачъ, бгáте, якúй я чоловікъ!* самъ набиваюсь съ своимъ добромъ. *Такъ не берé жъ бо нíхтó, да й гóді!* Пойдемъ, бгатіку, со мной въ свѣтлицу. Женское дѣло — пекарня, а намъ, козакамъ, чарка да сабля.«

И, взялъ Петра подъ руку, онъ потащилъ его въ свѣтлицу.

Оглянулся козакъ, переступая черезъ порогъ, и сердце въ немъ взыграло: Леся провожала его глазами, а въ глазахъ у ней сіяла нѣжность, и видно было сожалѣніе и что-то еще такое, чего не выразить никакими словами. Очевидно полюбился козакъ красавицѣ.

Свѣтлица у Череваня не была лучше тѣхъ, какія и теперь еще можно встрѣчать въ козачьихъ хатахъ, выстроенныхъ въ тѣ времена, когда ко-

заки не были еще мужиками (¹). Сволокъ въ ней былъ дубовой съ рѣзьбою и надписями, изъ которыхъ одна была — текстъ изъ Псалтири: *Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудится зиждущіи; аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бодрствуетъ стрегіи;* а другая гласила потомству, что такого-то року (т. е. году) создася домъ сей благочестивымъ рабомъ Божіимъ, войсковымъ хорунжимъ Михайломъ Череванемъ. Лавки были липовыя, со спинками; онѣ были покрыты небольшими, нарочно для того ткаными коврами. Эту роскошь вы встрѣтите и теперь еще въ старосвѣтскихъ козацкихъ хатахъ, хотя вновь уже никто изъ козаковъ не дѣлаетъ лавокъ и *ослоновъ* со спинками, никто не покупаетъ *килимцівъ* для нихъ. И столъ на толстыхъ точеныхъ ножкахъ, и рѣзной *божнйкъ* съ разшитымъ *рушникóмъ* вокругъ, и все въ свѣтлицѣ у Череваня было такъ точно устроено и расположено, какъ и теперь водится у зажиточныхъ козаковъ — все, кромѣ одной особенности, о которой исчезло уже и воспоминаніе въ народѣ. По всѣмъ четыремъ стѣнамъ свѣтлицы, повыше низенькихъ оконъ, шла дубовая полка, а на полкѣ разставлены были серебряные, золотые и хрустальные кубки, коно-

(¹) Въ договорныхъ статьяхъ Богдана Хмельницкаго *козакъ* противопоставляется *мужику*, какъ человѣкъ высшаго сословія. Въ универсалѣ гетмана Остряницы козаки названы *шляхетно-урожденными*.

ки, фляги, подносы и разная дорогая посуда, добытая оружіемъ. Когда жгли козаки шляхетскіе дома и княжескіе за́мки въ Украинѣ, на Волыни, на Подольи и по берегамъ Вислы, то мѣшками и приполами таскали заграничный хрусталь, золото и сребро. Совершился тогда надъ Польскимъ государствомъ судъ Божій; исполнился переворотъ невѣроятный: вельможные паны перестали возсѣдать съ этими кубками за многолюдными столами, перестали покрикивать на своихъ гайдуковъ и маршалковъ, и хвалиться храбростью, окруживъ среброванную бочку съ старымъ *венгрйномъ* (1). Однихъ угнали въ Крымъ Татары, другіе пали подъ Корсунемъ, подъ Пилявцами, подъ Збаражемъ и на многихъ другихъ мѣстахъ, прославленныхъ ихъ позорною гибелью отъ руки порабощеннаго ими народа; а ихъ кубки, ихъ тяжелые ковши и украшенныя гербами полуведерныя кружки изъ чистаго золота и сребра стояли у козака въ свѣтлицѣ. Этого мало: по стѣнамъ висѣли у него ихъ сабли, пищали дорогой работы, старосвѣтскіе Татарскіе *сагайда́ки* (2), шитые золотомъ *ро́нды* (3), Нѣмецкіе аркебузы, стальныя сорочки, которыхъ не разрубитъ никакая сабля. Но ничто не защитило вельможной, гордой шляхты отъ козаковъ и

---

(1) Венгерскимъ виномъ,

(2) Луки.

(3) Конскій уборъ

посполитыхъ Украинцевъ. Долго негодованіе народа возбуждало въ панахъ только надменный смѣхъ и безразсудную мстительность; наконецъ зло коснулось своихъ предѣловъ, и теперь ихъ предковскіе, сбереженные многими поколѣніями мечи сіяли не у одного Череваня въ свѣтлицѣ и веселили козацкое сердце.

»А посмотри, діду́сю«, сказалъ Черевань, подведя Петра къ Божьему Человѣку, »тотъ ли это Петру́сь Шраме́нко, что́ переплылъ Случь подъ пулями? Ей Богу, я до сихъ поръ дивуюсь! молодой мальчикъ, и такая смѣлость! Пробрался въ Польскій станъ, убилъ хорунжаго и принесъ его хоругвь къ гетману! Что́ же теперь онъ сдѣлаетъ?«

Божій Человѣкъ положилъ руку на голову молодого козака и сказалъ: »Добрый козакъ! въ отца козакъ!... Будетъ долговѣченъ и счастливъ на войнѣ; ни сабля, ни пуля его не одолѣетъ, и умретъ онъ своею смертью!«

»Пускай умретъ«, сказалъ Шрамъ, »отъ сабли и отъ пули, лишь бы за доброе дѣло, за цѣлость Украины, что́ разодрали на-двое.«

»Ну, полно, бгатцы, полно объ этомъ!« сказалъ Черевань, стараясь удалить отъ Шрама предметъ его безпокойства. »Я вамъ дамъ лучшую матерію для бесѣды.«

И онъ досталъ съ полки большую сребряную кружку съ барельефами, представлявшими Грече-

скихъ вакханокъ. Крышка была украшена литою статуйкою Фауна.

»Жалѣю, бгатъ, о твоей темнотѣ«, сказалъ онъ Божьему Человѣку. »Пощупай-ка руками, что̀ это за дивная вещь. Это я въ Польшѣ такую себѣ добылъ.«

»Суета суетъ!« сказалъ бандуристъ.

»Нѣтъ, бгатіку, не суета. Вотъ какъ выпьемъ изъ этого божка по кубку, то заговоришь иначе.«

»Изъ божка?« сказалъ Шрамъ. »Такъ этотъ чортикъ называется у тебя бо̀жкомъ?«

»Пускай онъ будетъ и чортикъ«, отвѣчалъ Черевань, »но, говорятъ, въ-старину у Грековъ.... былъ народъ Греки — такъ, примѣромъ, какъ мы теперь козаки — народъ непобѣдимый.... такъ у тѣхъ Грековъ, говорятъ, онъ былъ въ большой чести«.

»А у тебя ужъ не въ такой?« спросилъ Шрамъ.

»Ну, нѣтъ; на меня онъ не пожалуется, а вотъ вы смотрите, не огорчите вы его!«

И, обратясь опять къ по̀лкамъ, Черевань досталъ грубо окованный сребромъ деревяный подносъ, или, какъ говорили тогда, та̀цу, на которой, съ козацкимъ искусствомъ, намалеванъ былъ Жидъ, дающій Запорожцу пить водку изъ боченка. Художникъ старался придать Жиду такое положеніе, по которому видно бы было, что онъ весь трясется отъ страха и отъ скупости; а надъ Запорожцемъ, прильнувшимъ губами къ боченку,

было надписано: *Не трясись, псяюхо! губи побъешъ!*

На такую-то тацу Черевань поставилъ нѣсколько сребряныхъ кубковъ-рѣпокъ и началъ наполнять ихъ какою-то настойкою.

»Это, бгатцы«, говорилъ опъ, »у меня не настойка, а жизнь человѣческая: мертвый ожилъ бы, выпивши добрую чарку!«

И поднесъ каждому по кубку, не минуя и Василя Невольника, хотя тотъ, изъ уваженія къ своему благодѣтелю, держался подальше, въ положеніи смиреннаго служки передъ игуменомъ.

»Ну, братъ Михайло«, сказалъ, подкуражась немного, Шрамъ, »загадаю я тебѣ загадку про твоего божка—отгадай. »Стоитъ божокъ на трехъ »ножкахъ. Король говоритъ: *утѣха моя;* краля »говоритъ: *погибель моя.*«

»Ну, бгатіку, хоть убей, ничего не второ́паю Какъ ты сказалъ? »Король на трехъ ножкахъ, а »краля говоритъ....«

»Не король, а божокъ на трехъ ножкахъ.«

»*А, пекъ же ёго матері, якъ мудро!* Ну вотъ, вотъ, кажется, разгадаешь, да нѣтъ!... »Король говоритъ: *утѣха моя*....« Это бъ то, когда человѣкъ напьется, то уже тогда кричитъ: »Я ко»роль!« а жінка, испугавшись: »*Охъ погибель же моя! де жъ мині тепе́ръ діться!*«

»Какъ разъ!« сказалъ Шрамъ; »видно, та жін-

ка на твою не похожа: твоя не струсила бъ тебя, хоть бы ты былъ и королемъ!«

»Еще не отгадалъ?« спрашивалъ съ удивленіемъ Черевань. »А ну жъ ты самъ!«

»Мнѣ-то не диво, а вотъ еслибъ ты показалъ свою премудрость!«

»Моя премудрость, бгатіку«, сказалъ Черевань, »знаетъ только налить да выпить, а тамъ себѣ умствуйте, какъ хотите: на то вы попы, на то вы мужи совѣта, на то вы головы народные.«

»Не мѣшаетъ, однакожъ, и не-попамъ и не-мужамъ совѣта знать«, сказалъ Шрамъ, »что король означаетъ здѣсь тѣло, а краля — душу. Тѣло наслаждается, когда человѣкъ предается пьянству, а душа погибаетъ.«

»Правда, бгатіку, ей Богу, правда!« сказалъ съ умиленіемъ Черевань. »Выпьемъ же еще по кубку!«

Но на этотъ разъ освободила его отъ заботы угощенья хозяйка. Она взошла въ свѣтлицу, румяная и веселая, какъ солнце. На кругломъ моложавомъ лицѣ ея написано было полное довольство своимъ положеніемъ, довольство мужемъ, который не слушался ея иногда только по своей лѣни, — довольство дочкой красавицей, съ которой никто не могъ равняться ни въ Кіевѣ, ни во всей Украинѣ. Вмѣсто домашняго очіпка, надѣла пани Череваниха, для гостей, кораблик изъ дорогого бобра; вмѣсто кофты — легкій парчевый кунтушъ съ золотыми галунами по всѣмъ кра-

ямъ и съ золотыми крестами на перехватѣ. Отъ кораблика низко спускались по спинѣ бархатныя тесмы съ золотыми кистями. Череваниха въ этомъ нарядѣ была то, что́ называется *пáні на всю гу́бу*.

Когда она подошла къ Шраму »подъ благословеніе«, Шрамъ съ удовольствіемъ принялъ честь, подобающую его сану, но не хотѣлъ отказаться и отъ козацкаго права на поцѣлуй хозяйки. Онъ предъявилъ это право въ такой формѣ:

»Позвольте съ вами привитаться, добро́дійко.«

А она отвѣчала:

»*Да якъ же изво́лите, добро́дію.*«

И въ-слѣдъ за тѣмъ поцѣловались трижды.

Череваниха немедленно вступила въ свою обязанность и поднесла гостямъ по кубку.

Черевань выпилъ кубокъ до дна, брызнулъ остатками въ потолокъ и воскликнулъ:

»*Щобъ нáши дíти такъ вибри́кували!*«

А Череваниха, держа передъ собой недопитую чарку, повела такую бесѣду:

»Такъ это вы на богомолье, пан'о́тче? Святое дѣло.... Вотъ, моя дружи́но (обратилась она къ мужу), вотъ какъ добрые люди дѣлаютъ: изъ самой Паволочи, изъ какого далека, ѣдутъ молиться Богу! А мы живемъ вотъ подъ Кіевомъ, и еще не были ни разу въ эту весну у Святыхъ. *Ажъ со́ромъ!* Но уже, какъ себѣ хочешь, а у меня не даромъ рыдванъ обмытъ и подмазанъ: прицѣплюсь къ пану Шраму, и куда онъ, туды и я.«

»*Отъ божевільне жінбцтво!*« сказалъ Черевань. »Куды онъ, туды и я! А если панъ Иванъ махнетъ за Днѣпръ?«

»Такъ що жъ? я не махну? Долго ли еще сидѣть намъ въ заточеніи? Вотъ уже въ который разъ передаетъ мой братъ черезъ людей, чтобъ пріѣхали къ нему въ гости! И почему бы не поѣхать?«

»Да ей Богу, Мела́сю«, говорилъ Черевань, »я радъ бы душею, колибъ меня кто взялъ да и перенесъ къ твоему брату подъ Нѣжинъ. Говорятъ, и живетъ онъ хорошо, таки совсѣмъ по-пански. Не даромъ его козаки прозвали княземъ.«

»Какъ-будто его за достатокъ княземъ зовутъ!« сказала Череваниха: »у него жінка — княгиня, Полька изъ Волыни. Какъ руйновали наши Волынь, такъ онъ захватилъ себѣ какую-то бѣдняжку княгиню, — да и красавица, говорятъ, на диво! вотъ козаки и прозвали его княземъ.«

»Князь Гвинто́вка!« сказалъ засмѣявшись Черевань. »То были Вишневецкіе да Острожскіе, а теперь пошли князья Гвинтовки. Знай нашихъ! А добрая, говорятъ, душа вышла съ той княгини. Поѣхалъ бы къ Гвинтовкѣ хоть сей-часъ, когдабъ не такая страшная даль. Подъ Нѣжиномъ.... шутка?«

Въ это время заскрипѣла дубовая дверь съ намалеванными на ней Адамомъ и Евою посреди рая, и взошла въ свѣтлицу красавица дочка Череваня. Она тоже принарядилась для гостей въ дѣ-

вичій кунтушъ, съ большимъ выкотомъ, который открывалъ весь бюстъ, сквозившій изъ-подъ тонкихъ складокъ сорочки, и часть груди, перекрещенной золотымъ шнуркомъ по сорочкѣ, съ кокетливостью, которой учитъ женщинъ сама природа. Яркозеленый шелкъ кунтуша, малиновый корсетъ, видный почти весь изъ-подъ его распахнутыхъ полъ, и раздѣлявшая его бѣлая полоса съ золотымъ шнурованьемъ, — этотъ нарядъ былъ внушенъ нашимъ прабабушкамъ распускающимися маковыми цвѣтами. Хвала ихъ вкусу, простому и изящному!

»А вотъ и моя краля!« сказалъ Черевань, идучи къ Лесѣ на-встрѣчу.

Въ світлоньку вхóдить —
Якъ зоря́ схóдить;
Въ світлоньку ввійшлá —
Якъ зоря́ зійшлá!

»А що, бгатъ? развѣ нечѣмъ похвалиться на старости Череваню?«

Шрамъ не отвѣчалъ на это ничего и молча любовался красотою дѣвушки, когда она подошла къ нему за благословеніемъ.

Красавица потупила глаза и наклонила внизъ голову, какъ полный цвѣтокъ къ травѣ. Она какъ-будто тяготилась сознаніемъ, что она такъ очаровательна, — какъ-будто старалась скрыть блескъ красоты своей. Но красота ея сіяла какъ-бы сверхъестественнымъ блескомъ, и никто не могъ ото-

рвать отъ нея глазъ. Наконецъ отецъ велѣлъ ей попотчевать гостей, какъ говорилось тогда, *изъ бѣлыхъ рукъ*. Это была самая высокая честь въ старинномъ гостепріимствѣ.

Шрамъ осушилъ кубокъ съ видимымъ удовольствіемъ и сказалъ:

»Ну, братъ Михайло, теперь и я скажу, что тебѣ есть чѣмъ похвалиться на старости.«

Черевань отъ удовольствія только смѣялся.

»А что́ жъ, пріятель?« продолжалъ Шрамъ, »хоть у меня теперь на рукахъ другія хлопоты, но — чтобъ не упустить счастливой минуты — не отдашь ли ты свою кралю за моего Петра?«

»А почему жъ не отдать, бгате? Развѣ ты не Шрамъ, а я не Черевань?«

»Такъ чего жъ долго думать? давай руку, свате!«

Сваты обнялись и поцѣловались. Потомъ Шрамъ взялъ за руку сына, а Черевань дочь, и свели ихъ вмѣстѣ, въ полной увѣренности, что и та и другая сторона согласны съ ихъ желаніями.

»Боже васъ благослови!« говорили они. »Поцѣлуйтесь дѣти.«

Петру это внезапное сватовство казалось сновидѣніемъ; онъ не помнилъ себя отъ радости. Но Леся съ испугомъ посмотрѣла на отца и напомнила ему, что матери не было въ свѣтлицѣ. Въ самомъ дѣлѣ Череваниха, улучивъ минуту, выбѣжала въ кухню къ своимъ *дівча́тамъ*, чтобъ распорядиться приготовленіемъ *вечéрі*.

Отсутствіе матери было въ глазахъ обоихъ сватовъ важнымъ препятствіемъ къ обрученію. Но пани Череваниха летала мухою по всему дому, успѣвая хлопотать за десятерыхъ, и какъ-разъ во́-время показалась въ свѣтлицѣ.

»Мела́сю!« сказалъ ей мужъ, »видишь ли, что́ тутъ у насъ совершается?«

»Вижу, вижу, пышный мой панъ!« отвѣчала жена, и тотъ-часъ же овладѣла рукою дочери.

Смотритъ Петро: куда же дѣвалась нѣжность въ глазахъ у Леси? куда дѣвалось сожалѣніе и то чувство, котораго никакими словами не выразишь? Она склонила голову на плече къ матери и играется ея ожерельемъ, а на него и не взглянетъ. Гордо приподнялась ея нижняя губка: красавица была обижена сватовствомъ.

»Ну, нечего сказать, пане полковникъ«, обратилась Череваниха къ Шраму, »скоро вы съ своимъ сыномъ берете города. Только мы вамъ докажемъ, что женское царство стои́тъ на свѣтѣ крѣпче всякаго другого.«

Черевань восхищался бойкостью своей половины и только издавалъ свои густые га-га-га! Но Шрамъ былъ недоволенъ перемѣною дѣйствующихъ лицъ и сказалъ:

»Врагъ меня побери, коли съ иною крѣпостью не легче совладать, чѣмъ съ бабою! Какой же вы намъ сдѣлаете отпоръ? Чѣмъ я вамъ не сватъ? чѣмъ сынъ мой не женихъ вашей дочкѣ?«

Когда Шрамъ говорилъ, Черевань смотрѣлъ на него, вытаращивъ глаза; и потомъ съ такимъ же вниманіемъ обратилъ ихъ на свою хозяйку. Прочіе также выражали ожиданіе, чѣмъ это кончится, а молодые стояли, потупя глаза.

»Пане полковникъ, пріятель нашъ почтенный«, сказала Череваниха, стараясь говоритъ какъ можно ласковѣе, »не къ тому тутъ клонится рѣчь. Съ дорогою душею готовы мы отдать тебѣ свое дитя, только нужно сдѣлать это по-Христіянски. Наши дѣды и бабушки, когда думали заручать дѣтей, то сперва ѣхали всею семьею на богомолье въ монастырь, или къ чудотворному образу; тамъ усердно молились Богу, — вотъ Богъ давалъ ихъ дѣтямъ и здоровье, и согласіе на всю жизнь. Дѣло это святое, сдѣлаемъ же и мы его по-предковски. Отправимся завтра всѣ гуртомъ въ Кіевъ, отслужимъ въ пещерахъ святымъ угодникамъ молебень, да тогда уже и за сватовство.«

Такая рѣчь совершенно смягчила Шрама.

»Ну, нечего сказать, Михайло«, обратился онъ къ Чераваню, »благословилъ тебя Господь дочкою, да не обидѣлъ и жінкою!«

»Га-га-га!« отвѣчалъ Черевань. »Да́, бгатъ! моя Меласся не уронила бъ себя и за гетманомъ!«

»*По сій же мо́ві да бува́ймо здоро́ві!* сказала Череваниха, подносл гостямъ кубки.

»*Щобъ на́шимъ ворога́мъ було́ тяжко!* какъ

говоритъ мой сватъ«, воскликнулъ Шрамъ, выпивши до дна кубокъ.

»*А діти наші нехай оттакъ вибрикують*!« прибавилъ Черевань, брызнувши водкою въ потолокъ.

»Аминь«, заключила хозяйка.

Такимъ образомъ нечаянное сватовство остановилось на неопредѣленныхъ условіяхъ. Ни Черевань, ни старый Шрамъ не сомнѣвались, что оно совершится въ свое время; но не такъ думалъ Петро: онъ тотъ-часъ догадался, что у Череванихи есть другой зять на примѣтѣ. Печальный отошелъ онъ къ прежнему мѣсту, и въ одну минуту жизнь покрылась для него мракомъ, какъ-будто до сихъ поръ онъ только и дышалъ этой дѣвушкой. Леся ушла изъ свѣтлицы и не явилась къ ужину; а послѣ ужина тотъ-часъ всѣ разошлись спать.

Старому Шраму и Божьему Человѣку приготовили постели въ свѣтлицѣ, а Петру, вмѣсто всякой постели, предложили идти спать подъ скирду сѣна. Въ тѣ времена простоты нравовъ это былъ самый лучшій ночлегъ для молодого козака.

На другой день, возвратясь въ свѣтлицу, Петро не нашелъ тамъ уже въ компаніи Божьяго Человѣка. Кобзарь ушелъ изъ хутора еще до восхода солнца. Всѣ были готовы къ выѣзду; только старый Шрамъ, стоя передъ образомъ, доканчивалъ въ подъ-голоса свои утреннія молитвы. На полкахъ оставлены были только оловянныя,

стекляныя и глиняныя фляги, кубки и ковши, со стѣнъ исчезли дорогіе мушкеты, панцыри и сагайдаки. Все это, по случаю отсутствія хозяина изъ дому, перенесено было въ подземные тайники, безопасные отъ набѣга Татаръ, или шайки гайдамакъ, никогда не переводившихся въ Украинѣ.

Старый Шрамъ велѣлъ сыну сѣдлать коней, и едва онъ съ этимъ управился, какъ и Василь Невольникъ явился на дворѣ съ рыдваномъ. Козаки той эпохи такъ обогатились военною добычею, вытѣсняя Польскихъ пановъ изъ Украины, что ихъ семейства нерѣдко разъѣзжали въ княжескихъ рыдванахъ. И странно было видѣть геральдическія украшенія на этихъ рыдванахъ, у людей, которые считали эти символы простыми цацками. Гдѣ было теперь семейство, которое гордилось львами и пушками, изображенными въ гербѣ Черевапева рыдвана? Можетъ быть, и имя его изчезло вмѣстѣ съ его благоденствіемъ.... Черевань и Шрамъ, верхами, открыли поѣздъ. Петро хотѣлъ присоединиться къ нимъ, но какъ-будто противъ воли остался у рыдвана, гдѣ мѣсто кучера занялъ Василь Невольникъ.

Хуторъ остался подъ охраненіемъ пастуховъ, пасічника и служанокъ.

Черевань не торопился ѣхать, изъ уваженія къ своей полновѣсной особѣ; поѣздъ подвигался впередъ медленно и представлялъ довольно красивую группу. По лѣсу раздавалось пѣніе птицъ. Солн-

це играло на одеждахъ, нарядахъ и вооруженіи путниковъ. Посреди свѣжей весенней зелени еще ярче горѣлъ пурпуръ сукна и шелку, золотилась парча и блистали розы щекъ и свѣжихъ устъ красавицы, которая была такъ хороша въ своемъ аломъ кунтушѣ и черномъ, сверху открытомъ кораблнкѣ, поднимавшемся посреди пышныхъ ея косъ на-подобіе короны (¹), что всѣ прочіе богомольцы казались подлѣ нея подданными, сопровождавшими свою княгиню. Можно бы подумать, что это древняя Ольга Игориха выѣзжала погулять по заповѣднымъ Кіевскимъ лугамъ, и возвращается въ свою столицу, въ сопровожденіи кормилицы и приближенныхъ бояръ своихъ.

Долго Петро ѣхалъ подлѣ рыдвана молча. Мать и дочь тоже но находили, о чемъ заговорить съ нимъ. Наконецъ онъ собрался съ духомъ и сказалъ, обратясь къ Череванихѣ:

»Пані-матко! вчера дѣло пошло было на ладъ, но, по твоей милости, все развязалось, и не знаю, свяжется ли когда-нибудь. Не по правдѣ вы дѣлаете, не во гнѣвъ вамъ будь сказано. Я къ вамъ

(¹) Дѣвушки носили очень легкіе мѣховые, или бархатные, кораблики съ открытыми тульями; молодыя женщины носили кораблики сверху закрытые, а старухи дѣлали изъ нихъ, просто, шапочку и надѣвали на уши. Въ домашнемъ архивѣ пановъ Ханенковъ сохранилось преданіе, что одна дѣвушка, въ доказательство любви своей, позволила одному изъ предковъ Ханенковъ сбить у нея съ головы корабликъ стрѣлою. Изъ этого видно, что дѣвическіе кораблики надѣвались, какъ корона.

съ искреннымъ сердцемъ, а вы съ хитростью. Скажи мнѣ на-отрѣзъ, такъ чтобъ и спрашивать больше было не о чемъ, чтó у тебя на умѣ? думаешь ли ты отдать за меня Лесю, или у тебя есть другой женихъ на примѣтѣ?«

»И есть и нѣтъ, и нѣтъ и есть«, отвѣчала Череваниха, не обращая вниманія на волненіе, съ которымъ говорилъ бѣдный искатель.

»Чтó это за загадки?« вскричалъ онъ. »Говори мнѣ прямо, какъ козаку и рыцарю! Хоть я и такъ готовъ распрощаться съ вами на-вѣки, но не знаю, почему желалъ бы, чтобы и послѣдняя нитка между нами была перерѣзана. Еще я могу быть свободенъ, какъ соколъ, если вы мнѣ скажете на-отрѣзъ — *нѣтъ;* но пока будете путать меня своими загадками, я все равно, чтó медвѣдь въ тенетахъ. Скажите жъ мнѣ прямо, скажите, кто у васъ на мысляхъ?«

»*Э, панйченьку!*« сказала безпечно Череваниха, »обожди немножко! Еще рано тебѣ брать насъ на исповѣдь!«

Можетъ быть, никогда въ жизни не случалось Петру блѣднѣть, но теперь щеки его сдѣлались подобны воску. Леся это замѣтила и, взглянувъ на мать, покачала головою.

Улыбнулась гордая мать и, какъ-бы желая нѣсколько утѣшить козака, сказала съ шутливою короткостью:

»Но, какъ ты непремѣнно хочешь знать всѣ

женскія тайны, то вотъ тебѣ исторія. Леся моя родилась подъ чудною планетою. Приснился мнѣ сонъ дивный, предивный. Слушай, Петрусь, да на усъ мотай. Кажется, будто посреди поля курганъ; на курганѣ стоитъ панна, а отъ панны сіяетъ, какъ отъ солнца. И съѣзжалися козаки и славные рыцари со всего свѣта, отъ Подолья, отъ Волыни, отъ Сѣвера и отъ Запорожья; покрыли, кажется, все поле, какъ макъ покрываетъ грядку въ огородѣ, и стали биться одинъ на одинъ, кому достанется ясная панна. Бились не часъ, не годину, не день и не два, какъ откуда ни возьмись молодой гетманъ на конѣ. Всѣ преклонились передъ нимъ, а онъ прямо къ кургану, и взялъ ясную панну. Такой, видишь, былъ мнѣ сонъ-видѣніе! Проходитъ день, другой — не могу забыть его! Ударилась я къ ворожкѣ. Чтó же ворожка, какъ ты думаешь?«

»Я думаю только«, отвѣчалъ Петро, »что ты, пані-матко, меня морочишь; вотъ и все!«

»Нѣтъ, не морочу, козаче. Слушай, да на усъ мотай, чтó сказала ворожка. »Этотъ сонъ пророчитъ тебѣ дочку и зятя. Дочка у тебя будетъ »на весь свѣтъ красою, а зять на весь свѣтъ сла»вою. Будутъ съѣзжаться въ городъ Кіевъ со все»го свѣта паны и гетманы, будутъ диковаться красѣ »твоей дочи, будутъ дарить ей сребро-золото, но »никто не сдѣлаетъ ей подарка дороже того, ко»торый сдѣлаетъ суженый. Суженый будетъ ясенъ

»красою между всѣми панами и гетманами: вмѣ»сто глазъ звѣзды, на лбу солнце, на затылкѣ »мѣсяцъ.« И вотъ въ самомъ дѣлѣ далъ мнѣ Богъ дочку — сбылись слова старой бабуси: какъ бы только не сглазить? Самъ видишь — не послѣдняя между дѣвушками. Немного погодя, зашумѣло на Украинѣ, и стали съѣзжаться въ Кіевъ паны и гетманы, — сбылись и другія слова ворожки: всѣ дивовались на мою Лесю, хоть она была тогда еще дитя; всѣ дарили ей серги, перстни и кораллы, но никто такъ ею не восхищался, какъ тотъ гетманъ, котораго я видѣла во снѣ; и онъ-то подарилъ ей это каменное намисто. Дороже всѣхъ былъ его подарокъ, и краше всѣхъ былъ молодой гетманъ. Вмѣсто глазъ звѣзды, на лбу солнце, на затылкѣ мѣсяцъ, — еще разъ сбылись слова ворожки. Всѣхъ пановъ и гетмановъ затемнялъ онъ красотою. И говоритъ мнѣ: »Не отда»вай, пані-мáтко, своей дочки ни за богатаго, ни »за знатнаго; не буду жениться, пока выростетъ, »и буду ей вѣрною дружиною.« Дай же, Боже, чтобъ и это сбылось на счастье и на здоровье.«

Въ это время богомольцы наши достигли горъ, которыя идутъ рядомъ дикихъ картинъ отъ Кирилловскаго монастыря до Подола, и передъ ними открылся во всей красѣ видъ Кіева, съ своими церквами и монастырями, съ зáмкомъ на горѣ Киселевкѣ, съ деревяными стѣнами и башнями, обнимавшими вокругъ Подолъ, и съ дальнимъ планомъ

горъ, покрытыхъ лѣсомъ, посреди котораго тогда стояли Никольскій и Печерскій монастыри, нынѣ окруженные расширившимся Кіевомъ. Солнце еще только что выкатилось изъ-за деревьевъ; и все въ его розовомъ сіяніи — сады, церкви, горы Кіевскія и дома горѣли, какъ золототканная парча.

Всѣ сотворили усердную молитву, кромѣ Петра, котораго странный разсказъ Череванихи огорчилъ до глубины души и утвердилъ его въ горестной догадкѣ. Онъ оставилъ рыдванъ и присоединился къ верховымъ.

ГЛАВА IV.

Всі покóю щúро прáгнуть,
Да не въ одúнъ гужъ всі тя́гнуть, —
Той напрáво, той наліво,
А все брáтья — тó-то дúво!
Éй, братúща, порá знáти,
Що не всімъ намъ пановáти!
. . . .
Сжáлься, Бóже Украіни,
Що не вкупі мáе сúни!

Пѣсня Мазепы.

Весело и грустно вспоминать намъ тебя, старый нашъ дѣдушка Кіевъ! Много разъ покрывала тебя великая слава, а еще чаще сбирались надъ тобой со всѣхъ сторонъ бѣдствія. Сколько князей, сколько рыцарей и гетмановъ, сражаясь за тебя, обезсмертили имена свои! и сколько пролито на твоихъ древнихъ стогнахъ крови человѣческой! Не будемъ вспоминать о твоихъ Олегахъ, Святославахъ, Владимірахъ; не будемъ пересчитывать Половецкихъ набѣговъ и опустошеній. Ту славу и

тѣ бѣдствія заглушилъ въ нашемъ народѣ Татарскій погромъ, когда безбожный Батый вломился въ твои Золотыя Ворота. Переполняютъ нашу душу горячими чувствами и недавнія твои воспоминанія, — воспоминанія о битвахъ за свободу нашей земли и національности. Много надѣлала тебѣ бѣдъ, нашъ родной Кіевъ, безумная унія! Она, вмѣсто соединенія церквей, воспламенила только страсти съ обѣихъ сторонъ и превратила ревность къ просвѣщенію въ темный фанатизмъ. Уніаты и Католики обыкновенно наѣзжали съ вооруженными людьми на монастыри и монастырскія владѣнія, выгоняли изъ нихъ православныхъ, грабили церковное имущество, уничтожали духовныя школы. Православные, въ свою очередь, пользовались счастливыми обстоятельствами для возвращенія подобнымъ же способомъ своей собственности. Все время проходило въ битвахъ и тревогахъ, и Кіевскія святыни, потерпѣвшія въ старые годы отъ Татаръ, не только не возстановлялись, а приходили еще въ большій упадокъ.

Монахъ Кіевопечерскаго монастыря, Аѳанасій Кальнофойскій, описывая въ своей »Тератургимѣ« (1) тогдашній Кіевъ и упоминая о многихъ древнихъ церквахъ, въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что отъ такой-то церкви »остались едва стѣны, а развалины покрыты землею«, въ другомъ — что

(1) Напечатанной въ 1638 году въ Кіевопечерской типографіи.

церковныя зданія лежатъ подъ буграми развалинъ и кажутся »погребенными на-вѣки«; наконецъ, дошедши до конца Старокіевской возвышенности, бросаетъ грустный взглядъ на Кіевоподолъ, называя его »жалостнымъ«, и говоритъ, что онъ едва ли достоинъ имени Кіева, »въ которомъ«, по его словамъ, »нѣкогда было церквей болѣе 300 каменныхъ 100 деревянныхъ, а нынѣ всѣхъ едва ли 13.«

Украинская лѣтопись также, въ немногихъ словахъ, но живо, изображаетъ намъ плачевное состояніе Кіева около половины XVII вѣка. »Пріиде же«, говоритъ она, »Хмельницкій въ Кіевъ, благодареніе Богу воздавая, давшему ему побѣду, и, видѣвши красоту церквей Божіихъ опустошенну и на землю поверженну, плакася.«

Послѣ несчастной Берестечской битвы, Радзивилъ съ своими Литвинами излилъ всю свою месть на Кіевъ: городъ былъ разграбленъ и вызженъ безъ всякой пощады, а жители, спасшіеся отъ меча и пламени, сѣли на лодки и ушли, внизъ по Днѣпру, къ Переяславу.

Съ того несчастнаго года прошло только двѣнадцать лѣтъ до описываемаго мною времени, и слѣды пожара еще не исчезли. Въ строеніяхъ весьма часто чернѣли обгорѣлыя бревна между свѣжими брусьями. Мѣстами видны были обозженные сады и пустыри, съ развалинами домовъ и съ торчащими безобразною грудою печами.

Кіевъ тогда немногимъ отличался отъ дерев-

ни, — отличался только своими церквами и монастырями, деревянымъ за́мкомъ на горѣ Киселевкѣ и деревяными стѣнами вокругъ города, съ башнями и бойницами. Что́ же касается до устройства улицъ, то онѣ напоминали своимъ расположеніемъ теченіе извилистой рѣки. Линіи ихъ образовались случайно, а не по предначертанному плану. Въ иныхъ мѣстахъ улицы были очень тѣсны, въ другихъ расширялись на такое пространство, какъ далеко можно бросить рукою камень.

Выѣхавъ на одинъ изъ такихъ пустырей, называвшихся *майданами*, богомольцы наши, къ удивленію своему, увидѣли, что онъ весь загроможденъ возами, волами и лошадьми, какъ на ярмаркѣ. Шрамъ послалъ сына впередъ прочистить дорогу; но это не такъ-то легко было сдѣлать. За возами, у дверей одной хаты, сидѣла толпа народу, вокругъ ковра, уставленнаго сулеями, кружками, чарками и разнаго рода посудою. Не трудно было догадаться, что хозяинъ той хаты даетъ открытый пиръ по какому-нибудь торжественному въ семействѣ своемъ случаю. Въ тѣ времена существовалъ обычай, по которому глава семейства, въ изъявленіе своей радости о рожденіи сына, или дочери, о богатомъ урожаѣ и счастливомъ окончаніи уборки хлѣба, или по какому-нибудь подобному случаю, разстилалъ у порога своей хаты скатерть, или коверъ, становилъ на немъ разныя ку-

шанья и напитки, и приглашалъ выпить и закусить всякаго, кто проходилъ, или проѣзжалъ мимо.

Веселая компанія, заграждавшая дорогу нашимъ богомольцамъ, состояла изъ однихъ мѣщанъ, что́ можно было видѣть во-первыхъ потому, что, кромѣ ножей у пояса, у нихъ не было другого оружія: одни козаки и паны имѣли право ходить при саблѣ, мѣщанамъ же позволялось носить оружіе только въ дорогѣ; а во-вторыхъ потому, что пояса ихъ повязаны были по жупану, а кунтуши надѣты на-ра́спашку: въ то время одни козаки и паны опоясывались поясомъ по кунтушу; мѣщанинъ же не смѣлъ этого сдѣлать, изъ опасенія ссоры съ какимъ-нибудь забіякою изъ другого сословія; наконецъ, въ-третьихъ, потому, что въ одеждахъ ихъ не было краснаго цвѣту, составлявшаго принадлежность высшаго сословія: мѣщане носили тогда платья синихъ, зеленыхъ и коричневыхъ цвѣтовъ, а больше всего лычаковые ([1]) кунтуши и жупаны, почему козаки и паны прозвали мѣщанъ *лычака́ми*, а тѣ ихъ — *карма́зинами* ([2])

Петро́ сказалъ пирующимъ громкое привѣтствіе, чтобы покрыть своимъ голосомъ ихъ шумный говоръ, и, когда нѣсколько головъ оборотилось къ нему, онъ адресовался къ нимъ съ такою рѣчью:

([1]) Матерія *лыча́къ* дѣлалась изъ пеньки, и замѣняла для небогатыхъ людей сукно.

([2]) *Карма́зинъ* — красное сукно, цѣнившееся въ-старину очень дорого.

»Пане хозяине и вы, шапо́вная громада, просить Паволочскій Шрамъ пропуска черезъ вашъ таборъ.«

При имени Шрама, извѣстномъ каждому въ Украинѣ, нѣсколько человѣкъ поднялось съ любопытствомъ на ноги; и хозяинъ, котораго можно было узнать потому, что онъ, вмѣсто жупана и кунтуша, былъ только въ синихъ китайчатыхъ шароварахъ и въ бѣлой сорочкѣ въ красною лентою у воротника, сказалъ:

»Гдѣ жъ тотъ Шрамъ? мы видимъ передъ собою только развѣ десятую долю Шрама.« Онъ узналъ Петра и отпустилъ ему на-счетъ отца мѣщанскую похвальную прибаутку.

»Какую десятую!« подхватили веселые гости, »развѣ сотую!«

»И сотой нѣтъ!« кричали многіе голоса. »И изъ тысячи такихъ красныхъ жупановъ не сошьешь стараго Шрама!«

Всѣ были довольны такою выходкою, какъ это видно было по смѣху, пробѣжавшему въ толпѣ.

Въ это время подъѣхалъ самъ полковникъ-попъ. Гости, едва завидѣли его сѣдую бороду, тотъ-часъ вышли къ нему на-встрѣчу, подъ предводительствомъ хозяина, вооруженнаго большою сулеею и глинянымъ кубкомъ.

»Вотъ онъ, нашъ старый Шрамъ!« кричало нѣсколько голосовъ, »вотъ нашъ батько!«

»Ге, Тарасъ!« сказалъ Шрамъ, узнавъ въ хо-

зяинѣ стараго трубача охочекомонныхъ козаковъ своихъ, по имени Тараса Сурмача, »противъ кого это ты заложилъ таборъ? Кажется жъ тихо на Украинѣ?«

»Гдѣ тебѣ тихо, пане полковникъ!« отвѣчалъ Тарасъ Сурмачъ. »Сегодня родился у меня такой рыцарь, что вся земля затряслась ([1]). Далъ мнѣ Богъ сына, такого жъ какъ и я Тараса. Коли мышь головы не откуситъ, то и онъ будетъ побатьковски трубить козакамъ на приступы, да и теперь уже трубитъ на всю хату!«

»Пускай великъ ростетъ да счастливъ будетъ«, сказалъ Шрамъ.

»Чѣмъ же тебя потчевать, пане полковникъ, »ой »чи медомъ, ой чи пивомъ, ой чи горілкою?«

»Ничѣмъ не потчевай меня, Тарасъ.«

»Какъ-то ничѣмъ? Развѣ зарокъ положилъ?« спросилъ съ удивленіемъ Сурмачъ.

»Не зарокъ, Тарасъ, а то, что, вступивши въ Кіевъ, всякому Христіянину должно сперва поклониться церквамъ Божіимъ.«

»Добро́дію мой любезный«, говорилъ старый Сурмачъ, »колибъ я зналъ, что такая мнѣ будетъ на старости честь отъ полковника Шрама — врагъ меня побери, когдабъ я затрубилъ вамъ хоть на одинъ приступъ! Развѣ жъ ты не радъ

([1]) Народъ думаетъ, что рожденіе великаго человѣка всегда знаменуется землетрясеніемъ, или кометою. См. »Записки о Южной Руси«, т. I, стр. 165.

моему Тараску, что не хочешь покропить его пеленокъ? Тебѣ видно все равно, выростетъ ли изъ него добрый козакъ, или закорявѣетъ, какъ Жидовча́?«

»Радъ я ему отъ всей души, пошли ему Богъ счастье и долю; но не та пора, чтобъ пить.«

»Для добраго дѣла всегда пора. Смотри, сколько возовъ стоитъ вокругъ моей хаты! Никто не отцурался моей хлѣба-соли. Иной на ярмарку ѣхалъ, иной въ лѣсъ за лозою на огорожу, иной на мельницу съ мѣшками; но когда нужно привита́ть новаго человѣка, то пусть ярмаркуетъ себѣ кто хочетъ, пусть свиньи лазять въ огородъ, а жiнка рветъ на себѣ волосы: тутъ понужнѣе дѣло зашло; надо стараться, чтобъ новому человѣку не горько было на свѣтѣ жить. Ато скажетъ: »Вотъ »у меня сякой-такой батько былъ! поскупился от»праздновать, какъ слѣдуетъ, мои родины, а теперь и ѣжь хлѣбъ со слезами!«

»Образумься, ради Бога, Тарасъ!« сказалъ Шрамъ, начинавшій терять терпѣніе. »Пристало ли человѣку, пріѣхавши на поклоненіе святымъ угодникамъ....«

»Да что́ ты, кумъ, возлѣ него па́нькаешь?« сказалъ Тарасу чей-то грубый голосъ. »Развѣ ты не знаешь, что́ все это значитъ? Это значитъ: знай нашихъ! это значитъ — кармазины! вотъ что! это значитъ — нашъ братъ имъ не компанія! вотъ что!«

»Чортъ возьми!« вскричало еще нѣсколько голо-

совъ, потому что пьяная чернь вспыхиваетъ какъ порохъ отъ одной искры. »Такъ мы тогда только компанія кармазинамъ, когда нужно ихъ выручать изъ Лядскаго ярма?«

»Хе!« сказалъ хозяинъ. »Если такъ, то чего жъ намъ возлѣ нихъ па́нькать?«

»Къ чорту всѣхъ кармазиновъ!« раздались буйные голоса. »Они только умѣютъ побрякивать саблями. А гдѣ они были, эти проклятые брязкуны, какъ проклятый Радзивилъ загремѣлъ изъ пушекъ въ городскія ворота?«

Закипѣло у Шрама сердце, когда услышалъ онъ такія рѣчи.

»А вы жъ, проклятые салогубы«, вскричалъ онъ, »гдѣ были въ то время, когда Ляхи обгорнули насъ, какъ жаромъ горшокъ, подъ Берестечкомъ? гдѣ вы тогда были, какъ припекли насъ со всѣхъ сторонъ—что мало не половина войска выкипѣла? гдѣ вы тогда были? Вы тогда звенѣли талярами да дукатами, что́ набрали отъ козаковъ за гнилыя подошвы и дырявыя сукна! А Радзивилъ пришелъ, такъ вы и разу не отвѣтили ему изъ пушки! Подлые трусы! вы добровольно отдали Радзивилу оружіе и, какъ безсильныя бабы, просили пощады у Литвиновъ! А когда Кіевъ запылалъ и Литвины принялись душить васъ, какъ овецъ, въ то время кто подоспѣлъ къ вамъ на помощь, если не козаки? Бѣдный Джеджелій съ горстью своихъ сѣромахъ влетѣлъ въ Кіевъ, какъ голубь

въ свое гнѣздо за коршуномъ. А вы поддержали его, подлые зайцы? Дурень былъ покойникъ! Колибъ я, я не Литвиновъ бы рубилъ, а васъ, бѣсовы дѣти! я научилъ бы васъ защищать то, что́ отвоевали вамъ козаки!«

»Какой дьяволъ отвоевывалъ намъ наше добро, кромѣ насъ самихъ?« кричали мѣщане. »Отвоевали козаки! да кто жъ были тѣ козаки, коли не мы сами? Это теперь, по милости вашей, мы не носимъ ни сабель, ни кармазину. Козачество вы для себя припрятали, а мы изволь строить своимъ ко́штомъ стѣны, палисады, башни, платить чиншъ и чортъ знаетъ еще что́! а почему бы намъ, такъ же какъ и козакамъ, не привязать къ боку саблю, и не сидѣть, сложа руки?«

»Козаки сидятъ, сложа руки?« возразилъ Шрамъ. »*Щобъ ви такъ по пра́вдi ди́хали!* Колибъ не мы, то давно бъ васъ чортъ побралъ! давно бъ васъ Ляхи съ недоляшками задушили, или Татаре перехватили! Неблагодарныя твари! Да только козацкою храбростью и держится Русскiй народъ на Украинѣ? а безъ нихъ тутъ бы сидѣлъ Ляхъ на Ляху! Изволь имъ дать права козацкiя! Сказали бъ вы это батьку Хмельницкому! онъ бы какъ-разъ потрощилъ на вашихъ безмозглыхъ головахъ булаву свою (¹)! Гдѣ это видано, чтобъ

(¹) Намекъ на событiя при заключенiи Бѣлоцерковскаго мира, когда Хмельницкiй гетманской булавой защитилъ отъ черни Польскихъ пословъ.

весь народъ имѣлъ одинакія права? Всякому свое: козакамъ сабля и конь, вамъ счеты и вѣсы, а поспо́льству плугъ да борона.«

»Коли всякому свое, пане Шраме«, сказалъ Тарасъ Сурмачъ, размахивая сулеею и обливая себя вишневкою, »коли всякому свое, то почему жъ намъ саблю и козацкую вольность не считать своими? У козаковъ не было войска — мы сѣли на коней и стали подъ ихъ корогва́ми (¹); у козаковъ не было денегъ — мы доставили имъ и деньги и оружіе; вмѣстѣ воевали Поляковъ, вмѣстѣ терпѣли всякія невзгоды. А когда пришлось къ разсчету, то козаки остались козаками, а насъ въ поспо́льство повернули! Что́ жъ мы такое? развѣ мы не тѣ же козаки?«

»Развѣ мы не тѣ же козаки?« подхватили гости, заложа гордо за пояса руки. »Кто жилъ прежде съ нами за панибрата, тотъ теперь гордуетъ нашею компаніею!«

Шрамъ нѣсколько разъ начиналъ говорить, но потокъ общаго негодованія былъ такъ стремителенъ, что уносилъ его слова недоконченными.

»Постойте, постойте, паны карма́зины!« заревѣлъ, какъ-бы въ заключеніе этого нестройнаго концерта, грубый голосъ толстаго мѣщанина, »мы вамъ поуменьшимъ гордости! Не долго вамъ ору́довать нами: *добрые молодцы* не дадутъ намъ за-

(¹) Хоругвями.

гинуть. Будетъ у насъ *черная рада:* тогда посмотримъ, кому какія права достанутся.«

»Ого!...« сказалъ Шрамъ: »вонъ оно къ чему дѣло клонится!«

»А то жъ якъ?« говорили, стоя козыремъ, мѣщане. »Не все только козакамъ на радахъ орудовать. Оглянулись и на насъ Сѣчевые братчики....«

И посмотрѣли на чубатаго Запорожца, который сидѣлъ на порогѣ, куря коротенькую люльку, и, по-видимому, не обращалъ никакого вниманія на споръ своихъ собутыльниковъ.

»Эге-ге! такъ вотъ откуда вѣтеръ дуетъ!« сказалъ въ полъ-голоса Шрамъ, и душа его наполнилась самыми горькими предчувствіями. Запальчивость его въ одно мгновеніе изчезла и уступила мѣсто горячей любви къ родинѣ, которой угрожалъ раздоръ народныхъ партій, раздуваемый, какъ онъ увидѣлъ, Запорожцами.

»Почтенная громада!« сказалъ онъ ласково, »не думалъ я и въ умѣ не полагалъ, чтобъ Кіевляне пошановали этакъ мою старость!... Давно ли мы въѣзжали сюда съ батькомъ Хмельницкимъ? тогда встрѣчали насъ съ радостными слезами и съ благословеніями; а теперь стараго Шрама вы ни во что уже ставите!«

»Батько ты нашъ любезный!« отвѣчалъ ему старый Сурмачъ, который живѣе всѣхъ былъ тронутъ такимъ оборотомъ рѣчи, »кто жъ тебя ни во что ставитъ? Развѣ это къ тебѣ говорится? *Есть* та-

кіе, что̀ душатъ насъ, взявши за шею, а ты никому никакого зла не сдѣлалъ. Не смотри на ихъ крикъ: *мáло чогó не бувáе, що пъяний співáе!* Поѣзжай себѣ съ Богомъ, поклонись церквамъ Божіимъ, да и за насъ, грѣшныхъ, прочитай святую молитву.«

Въ это время Черевань, соскучась долго ждать развязки спора, подъѣхалъ къ Шраму и окружающимъ его мѣщанамъ, и сказалъ:

»Бгатцы! *ка'знае за що* вы сердитесь! Обождите только, пока мы съѣздимъ къ церквамъ Божіимъ, а потомъ я готовъ съ вами сѣсть оттутъ, и не знаю, кто въ Кіевѣ, кромѣ вашего войта, перепьетъ Череваня.«

Мѣщане уже взяли свое, облегчили крикомъ сердце; а Черевань притомъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Кіевлянъ. Былъ онъ человѣкъ подѣльчивый, некичливый, любилъ употчевать всякаго, кто ни показывался въ его хуторѣ, а иногда готовъ былъ и на такія пожертвованія, какое сдѣлалъ для Василя Невольника. И потому буйная компанія Тараса Сурмача приняла съ нимъ самый дружелюбный тонъ.

»Вотъ панъ, такъ панъ!« кричали голоса. »Дай Богъ и по вѣкъ видѣть такихъ пановъ! нѣтъ въ немъ ни капли гордости!«

»За то жъ ему Богъ далъ и такую золотую пани«, говорили нѣкоторые, стараясь замазать прежнія грубыя выходки противъ кармáзиновъ.«

»За то жъ ему Богъ далъ и такую дочку: краше маку въ огородѣ!« прибавляли другіе.

»Ну, пропустите жъ насъ, когда такъ«, сказалъ нетерпѣливый Шрамъ.

»Пропустите, пропустите ясныхъ пановъ«, говорилъ Тарасъ Сурмачъ, и принялся первый отодвигать прочь возы.

Пробравшись сквозь подгулявшую толпу мѣщанъ, Шрамъ долго ѣхалъ, потупя голову. Неожиданная сцена сильно его опечалила. Наконецъ онъ облегчилъ глубокимъ вздохомъ грудь и сказалъ въ полъ-голоса:

»*Вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? уповай на Господа....*« Потомъ вздохнулъ еще разъ и продолжалъ утѣшать себя словами царя-пророка: »*Богъ намъ прибѣжище и сила... сего ради не убоимся, внегда смущается земля и прелагаются горы въ сердца морская.*«

Черевань, ѣдучи подлѣ Шрама, прислушался къ этимъ словамъ, и, заключа по нимъ, что душа его пріятеля сильно возмущена, въ добродушіи своемъ, почелъ за благо прибавить отъ себя нѣсколько утѣшительныхъ словъ.

»Бгатъ Иванъ«, сказалъ онъ самымъ дружескимъ тономъ, »совѣтывалъ бы я тебѣ ударить лихомъ объ землю: чего тебѣ печалиться?«

»Какъ чего?« прервалъ его Шрамъ, быстро повернувъ къ нему суровое лице: »не видишь раз-

вѣ, что̀ на умѣ у этой сволочи? Затѣваютъ черную раду, Иродовы души!«

»Да врагъ ихъ возьми, бгатъ, съ ихъ черною радою! пускай себѣ затѣваютъ.«

»Какъ пускай затѣваютъ?« вспыхнувши весь, повторилъ Шрамъ, »развѣ ты не понялъ, что̀ все это значитъ? Вѣдь это все пружины проклятаго Иванца! И неужели мы должны сидѣть спокойно, когда огонь уже подложенъ и скоро будетъ въ огнѣ вся Украина?«

»А что̀ намъ, бгатіку, до Украины?« сказалъ съ тупымъ добродіемъ Черевань. »Развѣ намъ нечего ѣсть, нечего пить, не въ чемъ ходить? Слава Богу, будетъ съ насъ, пока нашего вѣку. Я, будучи тобою, сидѣлъ бы лучше дома да попивалъ наливки съ пріятелями, нежели биться по далекимъ дорогамъ да ссориться съ пьяными крикунами.«

»Врагъ возьми мою душу«, вскричалъ съ крайнимъ негодованіемъ Шрамъ, »коли я ожидалъ отъ тебя такихъ рѣчей въ эту минуту! Ты настоящій Барабашъ!«

И что̀ же! Черевань такъ и помертвѣлъ отъ этого имени, обратившагося тогда въ поносное слово.

»Я Барабашъ?« вскричалъ онъ измѣнившимся голосомъ.

»Да, *ты* Барабашъ! ты такой же Барабашъ, какъ и тотъ, что̀ говорилъ Хмельницкому:

Ми да́чи не дае́мъ,
Въ військо Пóльске не йдемъ:
Не лу́чче бъ намъ зъ Ляха́ми,
Мости́вими пана́ми,
Ми́рно прожива́ти,
Аніжъ піити́ лугівъ потира́ти,
Своімъ тіломъ комарівъ годова́ти.

Твои слова значатъ то же самое. Пускай погибаетъ родина, лишь бы намъ было хорошо! Съ этого времени нѣтъ тебѣ у меня и другого имени, какъ Барабашъ!«

»Бгатъ Иванъ«, сказалъ на это Черевань, съ несвойственнымъ ему волненіемъ, »еслибъ это было сказано лѣтъ десять назадъ, я зналъ бы, какъ отвѣчать тебѣ на твои слова: насъ разсудила бъ пуля передъ козацкою громадою. Теперь я ужъ не тотъ; но врагъ меня возьми, коли хочу остаться при такомъ паскудномъ прозвищѣ! и отъ кого жъ? отъ Шрама! Я докажу тебѣ, что я не Барабашъ. Ѣду съ тобою за Днѣпръ такъ какъ есть, съ женою, съ дочкою и Василемъ Невольникомъ, и буду дѣлать все, что́ ты сдѣлаешь, хоть бы ты, для блага родины, бросился съ мосту въ воду!«

»Вотъ это по-козацки!« воскликнулъ Шрамъ, и забылъ даже свое горе отъ радости, что у Череваня (какъ бы онъ выразился) еще не совсѣмъ уснуло козацкое сердце. »Дай же руку, пріятель, и обѣщай мнѣ здѣсь, передъ Братствомъ Сагай-

дачнаго (¹), что не отстанешь отъ меня ни въ какомъ случаѣ!«

»Даю, бгатъ, и обѣщаю!« могъ только промолвить Черевань, смѣясь отъ довольства самимъ собою.

Въ это время онъ, казалось, выпрямился и помолодѣлъ: такъ старый козацкій духъ, вспыхнувшій въ немъ на минуту, оживилъ его душу, подавленную тучнымъ и лѣнивымъ тѣломъ.

Тутъ они подъѣхали къ монастырю.

»Вотъ и церковь Божія!« сказалъ Шрамъ, останавливая коня у колокольни. »Войдемъ и помолимся за успѣхъ нашего дѣла!«

И потомъ, по своему обычаю, тихо проговорилъ изъ книги псалмовъ:

»Азъ же милостію Твоею вниду въ домъ Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, въ страсѣ Твоемъ.«

(¹) Такъ назывался Братскій монастырь, въ которомъ окончилъ свою жизнь гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный.

ГЛАВА V.

Було́ що-ро́ку наі̂здя́ть на я́рмарокъ у Смі́лу Запоро́зці зъ Сі́чи. Приі̂де було́ і̂хъ чолові̂къ двана́дцять, трина́дцять.... а наря́дъ на і̂хъ такий, що — Бо́же твоя́ во́ля! зо́лото да срі́бло́. Оце́ ша́пка на ёму буде оксами́тна, черво́на, зъ рі̂жками, а око́личка, або́ си́ва, або́ чо́рна; наспо́ді у его жупа́нъ самі̂й чистий карма́зинъ, якъ ого́нь, що й очи́ма не зогля́нешъ; а звёрху черке́ска зъ вилётами або́ си́ня, або́ голуба́; шта́ни суко́нні, си́ні, широ́кі, такъ и вися́ть, ажъ пошти́ по передка́хъ; чо́боти черво́ні, а на ля́ду́нці або́ зо́лото, або́ срі́бло́; и черезплі́чники, то й те все позоло́чуване; ша́бля при боку вся буде въ зо́лоті, ажъ гори́ть. А якъ иде́, то й до землі́ не до торка́етця. А оце́ було́ ся́дуть на ко́ней да по я́рмарку — якъ и́скри ся́ють!

Разсказъ очевидца, Таранухи.

Рѣдко можно встрѣтить въ Украинѣ человѣка, который дожилъ бы до старости, и не побывалъ въ Кіевѣ. Даже изъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи всякая разумная душа стремится помыслами къ этой колыбели Русской силы и Русской на-

родности. Кіевъ славится въ пѣсняхъ которыя ребенокъ слушаетъ, какъ нѣчто религіозное, у окна родительскаго дома, въ великій вечеръ Рождества Христова, когда народъ ходитъ отъ хаты до хаты и торжественнымъ хоромъ возвѣщаетъ каждому богатому и убогому семейству »новую радость« (1). Кіевъ составляетъ любимый предметъ бабушекъ-разскащицъ, когда ихъ въ зимнія вечера окружаютъ внуки и внучки, жаждущіе необыкновеннаго, блистательнаго и волшебнаго посреди своей простой сельской жизни. Разсказы о Кіевѣ, о его церквахъ, о его пещерахъ, о его горахъ и глубокихъ ярахъ, никогда не наскучатъ въ кругу людей, рѣдко оставляющихъ родное село; да и тѣ, которые изъѣздили всѣ государства, возвратясь въ Кіевъ, съ изумленіемъ сознаются, что ничего прекраснѣе они не видали. И не только въ наше время, но и въ отдаленнѣйшую старину, Кіевъ всегда былъ царственнымъ городомъ. Однѣми своими высотами, своими широко раскинутыми живописными массами горъ и удолій надъ изогнутой огромными колѣнами рѣкой, съ необозримыми плоскими побережьями, вдоль безконечно тянущагося хребта береговыхъ горъ, онъ про-

---

(1) Въ Украинѣ поютъ подъ окнами, вечеромъ на Рождество Христово:

»Ой по всёму мiру нóва рáдость стáла!
Надъ вертéпомъ звiздá ясна ввесь миръ осiяла! *и проч.*

изводитъ на душу неиспытываемое нигдѣ впечатлѣніе красоты и величія.

Въ XVII вѣкѣ, въ эпоху знаменитой черной рады подъ Нѣжиномъ, бѣдно было устройство Кіева, какъ города; но обстановка роскошной южной природы и счастливой мѣстности всему придавала видъ драгоцѣнности, заключенной въ богатомъ хранилищѣ. Такъ и Братскій монастырь на Подолѣ, весь построенный тогда изъ дерева, производилъ на богомольцевъ впечатлѣніе великолѣпія невиданнаго. Правда, онъ говорилъ тогда каждому о недавней борьбѣ вѣры и народности Южно-Русской, борьбѣ, только что оконченной окозаченнымъ населеніемъ Украины. Мысль учрежденія въ этомъ мѣстѣ *Братства* возникла въ народѣ, какъ противодѣйствіе иноплеменному и иновѣрному господству. Еще въ XVI вѣкѣ это Братство, взявшее на себя воспитаніе дѣтей всѣхъ сословій въ духѣ Славяно-Русскомъ, боролось за свое существованіе съ господствовавшею іерархіею въ Польской республикѣ; въ началѣ XVII вѣка пожаръ уничтожилъ все, что̀ было сдѣлано общими пожертвованіями мѣщанъ, козаковъ и пановъ »благочестивыхъ«, и самая церковь Богоявленская, при которой устроено было Братство, сгорѣла до основанія. Тогда »благочестивая« пани, Ганна Гугулевичевна, жертвуетъ, для помѣщенія братской школы, нѣсколько зданій и дворъ свой на Подолѣ, съ условіемъ, что-

бы при школѣ былъ заведенъ и монастырь. Гетманъ Сагайдачный дѣлается строителемъ этого національнаго, учебно-религіознаго учрежденія, и, не смотря на многократныя разоренія отъ фанатическихъ противниковъ нашей вѣры и національности (¹), оно устояло на своихъ основаніяхъ, и продолжало разливать просвѣщеніе по всей Южной Руси. Можно послѣ этого представить, съ какимъ чувствомъ вступили наши богомольцы въ ворота Братства (какъ называлось тогда все вмѣстѣ, монастырь и школы). Эти ворота вели сквозь колокольню, снабженную не одними колоколами, но и двумя пушками, отбитыми у Поляковъ. Черныя дула ихъ выглядывали изъ небольшихъ оконъ, по сторонамъ воротъ, и говорили о положеніи страны, въ которой ничто еще не было безопасно. Внутри ограды виденъ былъ густой садъ, подаренный Братству Ганною Гугулевичевною. Старыя груши и яблони, всѣ въ цвѣту, закрывали деревянныя хоромины, въ которыхъ помѣщались студенты духовной академіи, называвшейся тогда

(¹) То было время полнаго господства Іезуитовъ въ Польскомъ королевствѣ. Въ противодѣйствіе братской школѣ въ Кіевѣ, они устроили тамъ же свою школу и переманивали въ собѣ воспитанниковъ, а между тѣмъ старались заподозрить членовъ братства и ихъ дѣйствія въ глазахъ правительствовавшихъ лицъ и вооружали противъ нихъ все не-Русское и не-православное. Ожесточеніе умовъ доходило до того, что однажды братское училище и при немъ гостинница были совершенно разорены набѣжавшею толпою фанатиковъ.

коллегіею, и ихъ учителя-монахи; только церковь выглядывала изъ-за деревъ тремя бѣлыми жестяными куполами византійской формы. Къ церкви вела просѣка, надъ которою образовался лиственный сводъ. Монахи такъ щадили старыя груши и яблони, что не вырубали ихъ даже вокругъ церкви. Вѣтви во многихъ мѣстахъ лѣзли въ самыя окна и лежали на деревянныхъ кровляхъ, проросшихъ уже мохомъ и травою. Сквозь цвѣтущую зелень живописно проглядывали изображенія святыхъ иноковъ и архіереевъ, которыми расписана была наружная сторона церкви. Они, точно живые, прохаживались въ древесной прохладѣ и производили на душу странника впечатлѣніе райской безмятежности этого мѣста. Все вмѣстѣ — глухое затишье посреди города, цвѣтущія деревья съ говоромъ и пѣньемъ птицъ въ ихъ вѣтвяхъ, простыя, но удовлетворявшія тогдашнему вкусу деревянныя украшенія вокругъ оконъ, дверей и по карнизамъ церкви, и наконецъ эти изображенія, писанныя съ вѣрою и любовью къ дѣлу, привели въ восхищеніе Шрама. Онъ воздѣлъ руки и сказалъ:

»*Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея!*«

Спутники раздѣляли его чувства, и даже кипящая любовью, негодованіемъ и ревностью душа молодого козака здѣсь нѣсколько успокоилась; ибо бываютъ минуты у людей, воспитанныхъ такъ,

какъ онъ, когда посреди самаго страшнаго разгара земныхъ чувствъ, на томящуюся душу вдругъ повѣетъ животворная прохлада Божественнаго натітія. Впрочемъ, это продолжается только нѣсколько мгновеній. Можно сказать, что ангелъ мира противъ воли улетаетъ отъ возгорѣвшейся страстями души, съ обозженными крыльями, и оставляетъ ее въ жертву собственному пламени.

Тотъ вѣкъ отличался особеннымъ развитіемъ религіозности, такъ какъ народъ былъ убѣжденъ, что Богъ помогаетъ нашимъ противъ католиковъ для спасенія православія; и наши богомольцы, вступя въ церковь, произносили въ-слухъ свои молитвы, вѣруя всѣмъ сердцемъ, что они пришли въ домъ Отца Небеснаго. Но громче всѣхъ раздавался голосъ стараго Шрама. Онъ обращался къ Богу словами Псалмопѣвца:

»*Боже, услыши молитву мою, и вопль мой къ Тебѣ да пріидетъ. Не отврати лица Твоего отъ мене, въ онь же день скорблю, приклони ко мнѣ ухо Твое, въ онь же аще день призову Тя, скоро услыши мя!*«

У дверей церкви стояла такъ называемая *скарбôвня,* въ которой хранился скарбъ, пожертвованный ревнителями просвѣщенія народнаго, такъ какъ Братство продолжало существовать въ смыслѣ монастыря-училища. Щедрою рукою опустили туда свой вкладъ »на школы« наши богомольцы, особенно Шрамъ, и не вдругъ оставили Братскій мо-

настырь, хотя главною цѣлью набожнаго посѣщенія Кіева были для нихъ пещеры, въ которыхъ покоятся великіе подвижники первобытной Церкви Южно-Русской. Въ тѣ времена Братскій монастырь славился своею живописью. Одинъ изъ монаховъ-братьевъ посвятилъ свою жизнь на украшеніе святой обители и расписалъ не только церковь, но и всѣ галерейки, построенныя вдоль ограды и подъ колокольнею для отдыха богомольцевъ. Живопись находили несравненною, вполнѣ живою, и богомольцы не могли досыта на нее насмотрѣться. Она представляла разныя событія Священной исторіи, а такъ же и народныя воспоминанія о славныхъ защитникахъ вѣры и имени Русскаго, такъ-называемыхъ *рыцаряхъ*, или богатыряхъ, каковы были Морозéнко, Нечáй и другіе козаки, прославленные неумолкающими до сихъ поръ пѣснями. Морозенко, или другой поробный ему витязь, обыкновенно изображался избивающимъ, при заревѣ пожара, Поляковъ, которыхъ художникъ характеризовалъ свирѣпыми рожами и огромными брюхами. Земля была вся красная, въ подтвержденіе стиха народной пѣсни:

Де проіде Морозéнко — кровáвая річка.

Въ эпоху войнъ Хмельницкаго все дышало козачествомъ и ненáвистью къ притѣснителямъ нашей вѣры и самобытности; а потому монахи, натерпѣвшіеся вдоволь отъ католиковъ и уніатовъ,

позволяли своему художнику изображать, что ему угодно, для поддержанія въ народѣ духа ненависти ко всему не-православному и не-Русскому. Не довольствуясь красками, художникъ прибѣгалъ къ слову и прилагалъ къ своимъ изображеніямъ надписи: *Рыцарь славнаго войска Запорожскаго*, такой-то; а надъ Поляками: *А се проклятыи Ляхи*. Къ нѣкоторымъ фигурамъ прибавлены были стихи, въ родѣ тѣхъ, какіе дошли до насъ съ рисунками, приложенными при тогдашнихъ лѣтописяхъ, и съ картинами, написанными на холстѣ и деревѣ (¹). Современная живопись очень нуждалась въ пособіи слова, и надписи доставляли посѣтителямъ монастыря столько же удовольствія, какъ и самыя изображенія. Въ такомъ вкусѣ написанъ былъ на церковной оградѣ и козакъ Байда, предокъ отступника Вишневецкаго. О немъ народъ поетъ до сихъ поръ пѣсню, какъ онъ висѣлъ у Турокъ на желѣзномъ крюкѣ, но, не смотря ни на какія мученія, не отрекся отъ своей вѣры. Было также написано и знаменитое возвращеніе гетмана Самуила Кошки изъ неволи. По словамъ народной думы, онъ пятьдесятъ-четыре года томился въ неволѣ на Турецкихъ галерахъ и пятьдесятъ-четыре года скрывалъ при себѣ старинную хоругвь; не погнулся его козацкій духъ во все это время ни на волосъ; устоялъ онъ про-

(¹) См Приложенія къ 1-му тому »Записокъ о Южной Руси.«

тивъ тиранства и искушеній ренегата, Ляха-Бутурлака, выждалъ счастливый часъ, захватилъ въ свои руки галеру, освободилъ товарищей и возвратился съ ними на »святорусскій берегъ«, къ козакамъ. Подъ этой торжественной сценой богомольцы наши прочитали стихи:

Тогді Кішка Самійло на черда́къ *(палубу)* выступа́е,
Хреща́ту да́вню корогóвъ изъ кише́ні виймáе.
Роспусти́въ, до води́ похили́въ,
Самъ низе́нько уклони́въ....

А подъ группою козаковъ, стоящихъ на берегу:

Здорóвъ, здорóвъ, Кішко Самійло, гетма́не Запорóзький!
Не заги́нувъ еси́ у невóлі, —
Не заги́нешъ въ на́ми, козака́ми, на вóлі!

Эта картина написана была подъ навѣсомъ колокольни, внутри монастыря. Когда наши богомольцы были ею заняты, съ улицы послышался глухой шумъ, сквозь который пробивалась музыка.

»Это добрые молодцы, Запорожцы, гуляютъ«, сказалъ провожавшій ихъ монахъ. »Смотрите, какъ наши бурсаки-*спудéи* бѣгутъ за ворота. Никакими мѣрами не удержишь ихъ въ оградѣ, какъ только услышатъ Запорожцевъ. Бѣда намъ съ этими искусителями! Наѣдутъ, покрасуются въ Кіевѣ; смотри — послѣ вакацій половина бурсы и очутилась за порогами!«

Между тѣмъ музыка слышалась явственнѣе, и сквозь топотъ и говоръ толпы слышны были вос-

клицанія праздныхъ зѣвакъ, сбѣгавшихся отовсюду посмотрѣть на разгульныхъ *братчиковъ:* »Запорожцы, Запорожцы со всѣтомъ прощаются!«

Чтó же это было за прощанье со свѣтомъ? Это былъ одинъ изъ тѣхъ обычаевъ юродиваго рыцарства козацкаго, въ которыхъ, подъ наружными формами разгула и буйства, скрывалась аскетическая мысль презрѣнія къ временнымъ благамъ жизни. Немногіе изъ Запорожцевъ доживали до глубокой старости, и почти каждый старикъ дѣлался подъ конецъ жизни уединеннымъ аскетомъ. Иные шли въ монастырь, а другіе забивались въ безлюдную глушь и, подъ видомъ пасичника, предавались строгому посту и постоянной молитвѣ. Видимо для людей ни одинъ истинный братчикъ не казался, и считалъ долгомъ не казаться, благочестивымъ. Поэтому и самое вступленіе въ монастырь сопровождалось у нихъ разгуломъ и юродствомъ. Доживъ до глубокой старости, и чувствуя себя неспособнымъ болѣе къ *козакованью*, Запорожецъ просилъ выдѣлить изъ кружки слѣдующую ему часть общаго скарбу, набивалъ рублями, талерами и червонцами *чéресъ* (¹), приглашалъ съ собой человѣкъ двадцать, сорокъ, или и пятьдесятъ товарищей, и отправлялся въ Кіевъ *прощаться со свѣтомъ*. Дóма, въ Сѣчи, Запорожцы носили простыя сермяги, или кожухи-*ка-*

(¹) Отъ слова *чрéсло* — кожанный поясъ.

жанки, а питались почти одною соломатою съ прибавкою рыбы (¹), а въ Кіевѣ являлись во всемъ блескѣ тогдашней роскоши, на прекрасныхъ коняхъ, съ шитыми золотомъ *рóндами* (уборами), добытыми на войнѣ у Поляковъ, въ саетовыхъ, кармазинныхъ, штофныхъ и атласныхъ жупанахъ и въ кованныхъ поясахъ, изъ которыхъ, по народному выраженію, капало золото. Прощальникъ одѣтъ былъ всѣхъ ярче и роскошнѣе. Онъ гарцевалъ на конѣ впереди своихъ провожатыхъ, дико вскрикивая, какъ степной орелъ, и потомъ грустно опуская сѣдые усы на грудь. Онъ предводилъ танцами, которые отъ времени до времени затѣвали Зопорожцы посреди Кіевскихъ улицъ, на диво всему народу. Онъ швырялъ горстями сребро музыкантамъ, которые шли за нимъ не умолкая. Онъ поилъ на свой счетъ каждаго встрѣчнаго и поперечнаго, и безпрестанно покрикивалъ братчикамъ, которые ѣхали тутъ же съ *боклáгами* (²) и ковшами: »*Частýйте, брáтчики, дóбрихъ людéй! нехáй знáють, якъ Запорóжець изъ світомъ прощáется!*« Онъ, повстрѣчавъ чумака съ возомъ рыбы, покупалъ у него весь товаръ, и велѣлъ раскидать по улицѣ, приговаривая: »*Іжте, люде дóбрі да споминáйте*

(¹) Народная пѣсня о временахъ Хмельницкаго:

> Дивýють Ляхи, врáжиі сини, щó ті козакі вживáють:
> Вживáють вони щуку-рибáху да соломáху зъ водóю.

(²) Плоскіе боченки, на перевязахъ черезъ плече.

прощальника! Онъ устилалъ слѣдъ свой пятаками, распоровъ нарочно карманы въ жупанѣ, и, танцуя отяжелѣвшими отъ старости ногами, приговаривалъ къ мальчикамъ; »*Берiть, берiть, вражi дiти, на бублики!*« Онъ, наткнувшись на товаръ горшечника, продолжалъ со всей компанiей бѣшеный танецъ, какъ-будто ничего не замѣчая. Онъ, наконецъ, покупалъ бочку дегтю и, разбивъ ее *келепомъ* (1), танцевалъ тутъ же *гопака* въ своихъ сафьяныхъ сапогахъ и въ своихъ саетовыхъ шароварахъ, которыхъ цѣну нынѣшнiе разскащики выражаютъ словами: *Давъ би грйвню, абй подивйтись.* Этимъ способомъ Запорожецъ показывалъ свое презрѣнiе къ роскоши и отчужденiе отъ временныхъ благъ жизни. Погулявъ такимъ образомъ нѣсколько дней и изумивъ весь Кiевъ, прощальникъ шелъ пѣшкомъ въ Межигорскiй монастырь, или, какъ выражались братчики, къ Межигорскому Спасу. За нимъ шли и ѣхали товарищи съ неумолкавшими музыкантами, съ боклагами и ковшами. Толпа народа провожала поѣздъ. Танцы отъ времени до времени прерывали шествiе, и юродивый рыцарь велъ такимъ образомъ шумную ватагу свою на разстоянiи двадцати верстъ до самыхъ монастырскихъ воротъ. Иногда дня два и три употреблялось на этотъ переходъ. Ночью, въ надднѣпров-

(1) Чеканъ, боевой молотъ.

скихъ байракахъ, зажигались огни, варился на ужинъ *кулішъ*, или *галушки*, и далеко по Днѣпру слышны были рыбакамъ пѣсни и крики Запорожскаго прощанья со свѣтомъ. Когда же танцующая оргія приближалась наконецъ къ воротамъ Межигорскаго Спаса, прощальникъ бралъ въ руки келепъ и громко стучалъ въ ворота. Монахи, состоявшіе почти изъ однихъ ему подобныхъ стариковъ ([1]), знали напередъ о его приходѣ; но для соблюденія обычая, спрашивали:

»Кто убо?«

»Запорожецъ.«

»Чесо ради?«

»Спасать душу.«

Тогда отворятъ ему калитку въ воротахъ. Онъ поклонится на всѣ стороны своимъ товарищамъ и провожатымъ и скроется въ монастырѣ. Тамъ срываетъ онъ съ себя чéресъ и отдаетъ все, что въ немъ осталось, на церковь; сбрасываетъ дорогое платье и жертвуетъ на монастырь, а вмѣсто того надѣваетъ власяницу, и съ той минуты онъ ужъ больше не разгульный Запорожецъ, а строгій и молчаливый монахъ. Между тѣмъ веселая толпа, въ знакѣ торжества о спасеніи души его, танцуетъ общій танецъ и танцуя удаляется отъ монастыря. Тише и тише слышатся въ монастырской оградѣ ея буйные клики и музыка, и на-

([1]) Межигорскій монастырь былъ основанъ и содержанъ Запорожцами. Изъ него присылались въ Сѣчевую церковь попы.

конецъ голосъ безумствующаго міра совершенно умолкаетъ.

Такъ разсказываютъ о прощальникахъ Украинскіе старожилы, современники послѣднихъ годовъ существованія Запорожской Сѣчи. Въ XVII вѣкѣ обычай прощаться со свѣтомъ былъ во всей силѣ. Когда Шрамъ и его спутники вышли изъ воротъ Братской колокольни на высокій *рундукъ* (¹), музыка загремѣла громче; смѣшанный крикъ и топотъ раздался въ воздухѣ сильнѣе. Изъ сосѣдней улицы высыпали, какъ изъ мѣшка, Запорожцы, и наполнили все пространство передъ монастыремъ.

»Добрые молодцы«, какъ ихъ обыкновенно называли, раздѣлялись на двѣ части. Одна шла, или лучше сказать, неслась, танцуя, впереди, а другая гарцевала вслѣдъ за нею на коняхъ. Всѣхъ Запорожцевъ было, на этотъ разъ, около сотни, и все это былъ народъ рослый, дюжій, съ длинными усами и развѣвающимися по вѣтру чубами. По богатымъ и яркимъ ихъ одеждамъ видно было, что они пріѣхали въ Кіевъ именно съ тѣмъ, чтобъ погулять: въ такихъ только случаяхъ они одѣвались нарядно; въ походахъ же и дома въ Сѣчи — какъ я уже сказалъ — носили платье грубое и запачканое, чтобъ показать свое презрѣніе къ тому, что другими такъ высоко цѣнится. Проѣзжая мимо

(¹) Крыльцо, подъѣздъ.

монастыря, они снимали шапки, и набожно крестились; кто былъ на ногахъ, тѣ клали земные поклоны противъ монастырскихъ воротъ, но тотъчасъ же вскакивали и продолжали свой танецъ: выбивали гопака, неслись въ присядку, катались колесомъ, и перекидывались черезъ голову.

Бурсаки Братской школы, глядя на нихъ, еще сильнѣе чувствовали бѣдное свое житье и неволю, въ какой держали ихъ отцы-наставники. Нѣкоторые даже не могли удержаться отъ слезъ, сравнивъ свое состояніе съ жизнію этихъ, по ихъ мнѣнію, блаженствующихъ на землѣ людей.

»Не плачьте, дурни!« говорили имъ, проѣзжая мимо, Запорожцы: »Днѣпръ течетъ прямо къ Сѣчи.« И рисовались передъ ихъ завистливыми взглядами на своихъ полудикихъ коняхъ.

Шрамъ, при всей своей досадѣ на Запорожцевъ, вмѣшавшихся въ самое дорогое для него дѣло, не могъ быть равнодушенъ къ ихъ музыкѣ, къ ихъ танцамъ, къ ихъ особенному, веселому и вмѣстѣ грустному взгляду на жизнь. Запорожцы, не смотря на свои пороки и злодѣйства (которые уже и въ то время обнаруживали внутреннее разрушеніе ихъ братства), внушали Украинцамъ самое живое сочувствіе. Не разъ случалось мнѣ встрѣчать столѣтняго старика, который разсказывая объ ихъ наглостяхъ, потчевалъ ихъ выразительнымъ прилагательнымъ—*проклятый народъ!* но потомъ, увлекшись разсказами объ ихъ обычаяхъ и по-

двигахъ, выражалъ, самъ того не замѣчая, искреннее сожалѣніе объ ихъ судьбѣ, и говорилъ о нихъ тономъ близкаго родного. Отъ чего жъ это юродивые Запорожскіе рыцари были въ-старину такъ близки каждой живой душѣ на Украинѣ? Можетъ быть, отъ того, что они беззаботно, но вмѣстѣ и грустно, смотрѣли на жизнь. Пировали они со всѣмъ безуміемъ разгулявшейся широкой воли, но и самыми пирами выражали мнѣніе, что все на свѣтѣ призракъ и суета. Не нужно было имъ для душевнаго счастья ни жены, ни дѣтей, а деньги они разсыпали — по ихъ же выраженію—*якъ полову!* (¹) А можетъ быть, и отъ того, что Запорожье для Южной Руси было сердцемъ всей земли, — что на Запорожьи свобода никогда не умирала, предковскіе обычаи никогда не забывались, козацкія древнія пѣсни до послѣднихъ дней сохранялись, и было Запорожье — что̀ въ горну искра: какой хочешь, такой и раздуй изъ нея огонь. Отъ того-то, можетъ быть, оно и славится между панами и мужиками, отъ того-то оно и дорого для каждой живой души на Украинѣ!

Черевань, глядя на Запорожскіе танцы и *выкрутасы*, подбоченился и притопывалъ ногою.

»Эхъ, бгатъ!« сказалъ онъ Шраму, »вотъ гдѣ люди умѣютъ жить на свѣтѣ! Когдабъ я былъ не женатъ, то пошелъ бы тотъ-часъ въ Запорожцы!«

(¹) Какъ мякину.

»Богъ знаетъ что́ ты плетешь, сватъ!« отвѣчалъ Шрамъ. »Теперь доброму человѣку стыдно мѣшаться въ эту сволочь. Перевернулись теперь чортъ знаетъ во что́ Запорожцы! Пока Ляхи да паны душили Украину, туда собирался самый лучшій народъ, а теперь на Запорожье уходитъ самая дрянь: или прокра́вшійся голышъ, или лѣнтяй, который не хочетъ заработывать хлѣбъ честнымъ трудомъ. Сидятъ тамъ окаянные въ Сѣчи да только пьянствуютъ, а *очортіе горілку* пить, такъ и ѣдетъ въ Гетма́нщину, да тутъ и величается, *якъ порося на о́рчику* (¹).

»Однакожъ, бгатъ«, сказалъ Черевань, »Запорожскіе братчики подали первые руку батьку Хмельницкому....«

И хотѣлъ еще что-то сказать въ защиту добрыхъ молодцевъ; но Шрамъ сердито перебилъ его рѣчь:

»Кой чортъ! съ чего ты это взялъ? Тѣхъ Запорожцевъ уже нѣтъ на свѣтѣ, что́ подали Хмельницкому руку. Развѣ мало легло ихъ на окопахъ подъ Збаражемъ, на га́тяхъ подъ Берестечкомъ, да и вездѣ, гдѣ только сшибалась наша сила съ Польскою силою? Они первые шли въ битву, какъ истинные воины Христовы, первые падали подъ картечью и пулями.... Теперь они у Господа на небесахъ. А это развѣ Запорожцы? Это виноку-

(¹) Какъ поросенокъ на пристяжкѣ.

ры да печкуры нарядились въ краденные жупаны и называются Запорожцами!«

Въ это время кто-то за плечами у Шрама, почти надъ самимъ его ухомъ, сказалъ громко: »*Овва́!*«(1)

Обернулся Шрамъ — передъ нимъ Запорожецъ, въ красномъ жупанѣ; въ одной рукѣ шапка, другая гордо уперлась въ бокъ; широкое лице озарено безпечнымъ смѣхомъ.

»Овва!« повторилъ онъ; »оно какъ-будто и правда, а совсѣмъ брехня!«

Закипѣла у Шрама кровь.

»Иродъ!« вскрикнулъ онъ, но тотъ-часъ же вспомнилъ, что здѣсь не мѣсто для драки, и, отвернувшись, сказалъ:

»Цуръ тебѣ, опричъ святого храма!«

И, вскочивъ на коня, поспѣшилъ удалиться, чтобъ избѣжать грѣха.

Черевань и Петро поѣхали за нимъ. Женщины, по духу того грубаго вѣка, предоставлены были собственнымъ заботамъ. А онѣ нуждались теперь болѣе прежняго въ охранѣ, потому что къ веселому Запорожцу присоединился еще одинъ братчикъ, и хоть они не зацѣпили нашихъ богомолокъ ни однимъ словомъ, но проводили ихъ въ самомъ близкомъ разстояніи до рыдвана и смотрѣли на Лесю такими жадными глазами, какъ волки на овечку.

---

(1) Междометіе, выражающее насмѣшку. Соотвѣтствующаго ему нѣтъ въ Великорусскомъ языкѣ. *Эва!* значитъ совсѣмъ не то.

Физіономіи этихъ двухъ молодцевъ были такъ выразительны, что съ нихъ легко бы всякому написать портреты. Старшій, лѣтъ, по-видимому, тридцати-пяти, былъ весьма плотенъ, можно бы сказать, даже тученъ, еслибъ стройная талія и мускулы, рѣзко вырисованные на шеѣ и огромныхъ ручищахъ, не были доказательствомъ, что дородность его происходитъ не отъ тучности. Онъ былъ безобразенъ и вмѣстѣ красивъ. Жесткая, опаленная солнцемъ морда, широкія, какъ-будто вылитыя изъ бронзы щеки, длинный чубъ, сперва приподнявшійся вверхъ и потомъ пышно упавшій на лѣвый високъ, огромныя черныя усища, въ которыхъ Запорожцы полагали всю красоту добраго молодца, щетинистыя, чрезвычайно длинныя брови, приподнятыя съ насмѣшливымъ выраженіемъ, между тѣмъ какъ всѣ черты лица выражали суровую, почти монашескую степенность: таковъ былъ этотъ братчикъ.

Его товарищъ былъ нѣсколькими годами моложе. Чрезвычайная смуглота обличала въ немъ тотъчасъ не-Украинское происхожденіе. Его худощавое, но мускулистое сложеніе, лобъ съ глубокою впадиною, брови, всегда нахмуренныя, и блестящіе черные глаза обнаруживали въ немъ характеръ угрюмый, горячій и глубокій.

Череваниха не могла успокоиться, пока не потеряла ихъ изъ виду, у радовалась, какъ-будто спаслась отъ какой-нибудь опасности, когда рыд-

ванъ догналъ верховыхъ ея спутниковъ. Вся кавалькада поѣхала черезъ Верхній Городъ, какъ назывался тогда старый Кіевъ; потомъ спустилась въ Евсѣйкову долину, на Крещатикѣ, и поднялась на Печерскую гору, которая въ то время покрыта была густымъ лѣсомъ. Дорога здѣсь была весьма затруднительна: безпрестанно надобно было извиваться между пней, спускаться въ такъ называемые байраки и огибать мѣста, заваленныя сломанными бурею деревьями, Рыдванъ всё больше и больше отставалъ отъ верховыхъ. Петро́, на перекоръ собственному сердцу, бросилъ его послѣ странной сказки, разсказанной ему Череванихою. Женщины оставались посреди лѣсу только съ дряхлымъ своимъ возницею. На нихъ нашелъ какой-то ужасъ, которому подобнаго онѣ никогда не испытывали, и не напрасно.

Сзади ихъ послышался сперва глухо, потомъ яснѣе и яснѣе топотъ; потомъ затрещали по обѣимъ сторонамъ узкой дорожки сухія вѣтви, и между деревьями показались красныя платья двухъ Запорожцевъ. Это были тѣ самые молодцы, съ которыми онѣ столкнулись у Братскаго монастыря. Богомолки переглянулись между собой и не смѣли сообщить одна другой своихъ опасеній. Страхъ ихъ былъ неясенъ, но онѣ предчувствовали что-то ужасное.

Случалось имъ слышать про Запорожцевъ такія исторіи, отъ которыхъ и не въ лѣсу бывало

страшно; а эти два братчика своими ухватками и обычаемъ не обѣщали ничего добраго. Они, по-видимому, не нуждались въ дорогѣ, по которой ѣхалъ рыдванъ, и даже, казалось, вовсе не управляли своими конями; кони точно разумѣли ихъ желаніе и кружились между деревъ, не опереживая и не отставая отъ испуганныхъ богомолокъ. Женщинамъ страшно было глядѣть, какъ бѣшеныя животныя взбирались на бугры, потомъ бросались съ прыткостью лѣсного звѣря въ байракъ и исчезали на нѣсколько минутъ изъ виду; только глухой топотъ и храпѣніе отзывались изъ глубины. Иногда имъ чудилось, что конь опрокинулся и душитъ подъ собой отважнаго ѣздока; но вдругъ ѣздокъ появлялся на возвышенности, сверкая, въ лучахъ солнца, своими кармазинами.

Въ промежуткахъ между такими ныряньями, Запорожцы вели между собою странный разговоръ, заставившій трепетать сердце матери и дочери.

»Вотъ, братъ, дівчйна!« кричалъ одинъ. »Будь я кусокъ грязи, а не Запорожецъ, коли я думалъ, что есть такое чудо на свѣтѣ!«

»Есть сало, да не для кота!« отзывался другой.

»Отъ чего жъ не для кота? Хочешь, сей-часъ поцѣлую!«

»А какъ поцѣлуютъ кіями у столба?«

»А что́ мнѣ кіи? Да пускай меня хоть сей-часъ разнесутъ на сабляхъ!«

Богомолки наши боялись, чтобъ въ самомъ дѣ-

лѣ онъ не вздумалъ исполнить свои слова; но тутъ встрѣтился глубокій байракъ, и Запорожцы полетѣли въ него, какъ злые духи.

»Василь!« сказала тогда Череваниха своему вознищѣ, »куда это мы заѣхали? Что̀ это съ нами будетъ?«

»Не бойтесь, пани!« отвѣчалъ, усмѣхнувшись, Василь Невольникъ: »добрые молодцы только шутятъ; они забавляются вашимъ страхомъ; они никогда не тронутъ дѣвушки.«

Это успокоеніе мало, однакожъ, подѣйствовало на встревоженныхъ женщинъ, и онѣ велѣли прибавить шагу, чтобъ скорѣй догнать передовыхъ своихъ защитниковъ, мало надѣясь на помощь дряхлаго возницы.

Запорожцы опять показались по обѣимъ сторонамъ дороги. Платье ихъ было забрыгано свѣжимъ иломъ; но они не обращали на это никакого вниманія.

»Гей, братъ Богданъ Черногоръ!« кричалъ опять старшій братчикъ, »знаешь, что̀ я тебѣ скажу?«

»*И вже!*« отвѣчалъ тотъ. »Путнаго ничего не скажешь, прилипнувши къ бабѣ.«

»*Отъ же скажу!*«

»А ну жъ?«

»Скажу тебѣ такое, *що ажъ оближешся.*«

»Ого!«

»И не ого! Слушай-ка. Хоть Сѣчь намъ и *мáти*, а Великій Лугъ *бáтько*, но для такой *дівчи́ны* можно отцураться отъ батька и отъ матери.«

»*Чи вже бъ то?*«

»*А що жъ?*«

»Ну, куды жъ тогда?«

»Овва!« ([1]).

Тутъ Запорожцы скрылись опять изъ виду. Богомолкамъ отъ этого страшнаго совѣщанія стало не веселѣе прежняго, и онѣ торопили Василя Невольника ѣхать какъ можно скорѣе. Но Василь Невольникъ вздыхалъ и говорилъ самъ къ себѣ:

»Что́ за любезный народъ эти Запорожцы? Охъ, былъ когда-то и я такимъ забіякою, пока лѣта не придавили, да проклятая катогра не примучила! Скакалъ и я, *якъ божевільний*, по степямъ за Кабардою; выдумывалъ и я всякія шутки; знали меня въ *Городахъ* и на *Запорожьи*, знали меня шинкари и кобзари, знали паны и мужики!«

»Да еще я не то скажу тебѣ!« послышался снова грубый голосъ старшаго братчика.

»Было бъ довольно и этого«, отвѣчалъ его товарищъ, »когдабъ услышалъ батько Пугачъ: отбилъ бы онъ у тебя охоту къ бабьему племени!«

»Нѣтъ, не шутя, Богданъ! какой чортъ будетъ шутить, когда вцѣпятся въ душу такія черныя бро-

---

([1]) Здѣсь *овва́* имѣетъ не тотъ смыслъ, что́ выше, но это пойметъ только Украинецъ, который произнесетъ его другимъ тономъ, а не такъ какъ прежнее *овва́*. Послѣднее *овва́* имѣетъ отъ-части смыслъ Великорусскаго: *Эка штука!* а перваго рѣшительно нельзя перевести.

ви? Хоть такъ, хоть сякъ, а *дівчина* будетъ моею! Знаешь, братъ, *щό?*«

»*А щό?*«

»Поглядѣть бы мнѣ, чтό у васъ тамъ за горы.«

»*Оттакόі!*« (¹).

»*Такόі*. Пускай не даромъ зазывалъ ты меня къ своимъ воевать Турка. Коли хочешь, схватимъ, какъ говорятъ у васъ, *дивойку*, да и гайда въ Черную Гору.«

»И будто ты говоришь это по-правдѣ?«

»Такъ по-правдѣ, какъ то, что я Кирило Туръ, а ты Богданъ Черногоръ. Съ такою *крáлею* за сѣдломъ я готовъ скакать хоть къ чорту въ зубы, не то въ Черногорію!«

Этотъ открытый заговоръ, не смотря на шуточный свой тонъ, былъ ужасенъ въ устахъ Запорожцевъ, этихъ причудливыхъ и своевольныхъ людей, способныхъ на самыя безумныя затѣи,— людей, которые смотрѣли насмѣшливо на жизнь и мало заботились о томъ, чѣмъ она кончится. Къ счастью, рыдванъ нагналъ въ это время Шрама и его спутниковъ; Запорожцы вдругъ изчезли, какъ тяжелый сонъ, и уже больше не показывались.

(¹) Т. е. Вонъ ты какую запѣлъ!

ГЛАВА VI.

Обычаи Запорожскіе странны, поступки хитры, слова вымыслы остры и большею частію на критику похожи.

Изъ разсказовъ Запорожца Коржа (записанныхъ по-Великорусски).

Богомольцы наши, безъ дальнѣйшихъ приключеній, достигли Святыхъ воротъ Печерскаго монастыря, имѣвшихъ тогда видъ за́мковой башни, и снабженныхъ пушками и ружьями, къ которымъ не разъ прибѣгали обитатели монастыря во время войны съ иновѣрцами и Татарскихъ набѣговъ.

Выслушавъ позднюю обѣдню въ Великой, »небеси подобной« церкви Печерской, Шрамъ и его спутники приложились къ мощамъ, осмотрѣли изображенія князей, гетмановъ и вельможъ, создателей и благодѣтелей храма, писанныя во весь ростъ на заднихъ и боковыхъ стѣнахъ, и читали на ихъ надгробіяхъ поучительныя надписи. Древніе поборники православія, посредствомъ

этихъ надписей, бесѣдовали съ потомками и одними своими именами говорили душѣ ихъ о доблести народа Русскаго. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго въ церкви Печерской теперь мы не видимъ. Старинные портреты и надгробія отъ-части истреблены пожаромъ въ началѣ прошлаго столѣтія, а отъ-части уничтожены рукою невѣжества, которое для всякаго рода памятниковъ страшнѣе огня и желѣза. Грустно было Хмельницкому видѣть »красоту церквей Божіихъ опустошенну и на землю поверженну« иноплеменниками и отступниками; не менѣе грустно и намъ видѣть, какъ мало уцѣлѣло въ нашихъ храмахъ изъ того, что̀ миновала или пощадила даже рука Монгола и католика.

Шрамъ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе насъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ читалъ, что такой-то »Симеонъ Лыко, мужъ твердый въ вѣрѣ, испытанный въ храбрости, почилъ по многихъ дѣлахъ, достойныхъ героя«; въ другомъ знаменитый князь какъ-бы изъ гроба говорилъ ему: »Многою сіялъ я знатностію, властію и доблестію; а когда взятъ съ позорища сей жизни, то съ убогимъ Иромъ сравнялся, и за свои широкія владѣнія седмь ступеней земли получилъ; не дивуйся таковой отмѣнѣ, читателю: и тебѣ тожъ достанется; узнаешь на себѣ, что не равны раждаемся, равны умираемъ!« Далѣе, пышный вельможа умолялъ читателя — проходя

мимо, »молвить о немъ благое слово: Боже, милостивъ буди къ душѣ раба твоего« (¹).

Видъ этихъ надгробій, на которыхъ арматура и знаки достоинствъ перемѣшаны были съ костями, сложенными на-крестъ подъ мертвою головою, и чтеніе этихъ надписей, говорящихъ разомъ о величіи и ничтожествѣ человѣческомъ, навели на душу полковника Шрама печальное раздумье, и онъ, подобно внуку Ольгерда, сказалъ вздохнувши:

»Сколько-то гробовъ! а всѣ эти люди жили на

(¹) Нѣсколько надписей бывшихъ на надгробіяхъ въ Великой церкви Печерской сохранилъ для насъ (въ Польскомъ переводѣ) Кальнофойскій въ своей *Тератургимѣ*. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ я здѣсь перевожу на тогдашній Русскій языкъ: I. »Глѣба Всеславича, князя Кіевскаго, супруга, дщерь князя Ярополка Изяславича, »послѣ супруга своего въ четыредесять лѣтъ скончася и купно съ »нимъ во главахъ преподобнаго Ѳеодосія положенна, лѣта 6666 »(1158) Іануар. д. 3, нощи часа 1.« (Объ этой княгинѣ въ Воскресенской Лѣтописи сказано: »имѣяшеть бо великую любовь къ »св. Богородици и къ отцю Ѳеодосью.«) — II. »Воззванная на судъ »смертный Евпраксія инокиня, дщерь князя Всеволода, идѣже душею ставися, тамо въ лѣто 6617 (1109) Іюля д. 9 тѣло сло»жи.« — III. »Въ лѣто 6979 (1461) христіански скончавшуся кня»зю Симеону Александровичу Олельковичу, дѣдичному (*наслѣд»ственному*) господину земли Кіевской, князю Слуцкому, возста»новителю святой церкви Печерской, юже обнови при королѣ Ка»зимирѣ и при в. о. архимандритѣ Іоаннѣ, лѣта 6978, Грудня 3.« Кромѣ Олельковичей, здѣсь были погребены князья Ольгердовичи— Владиміръ и Левъ, Скиргайло, Черторыйскіе, Вишневецкіе, Корецкіе, Сангушки, Полубенскіе и другіе. При многихъ надписяхъ находились еще стихи, сочиненные въ честь покойнику. Къ сожалѣнію, они также уцѣлѣли лишь въ переводѣ Кальнофойскаго, на Польскомъ языкѣ.

семъ свѣтѣ и всѣ отошли къ Богу! Скоро и мы пойдемъ туда, гдѣ отцы и братія наши (¹)«.

Въ-слѣдъ за такимъ размышленіемъ, онъ досталъ изъ-за пазухи серебряный чеканъ, добытый на войнѣ, и повѣсилъ его на окладѣ Богоматери. Череванъ и прочіе богомольцы также сдѣлали приношенія храму дорогими вещами, или деньгами.

Изъ Великой церкви направились они къ пещерамъ, гдѣ почиваютъ мощи Антонія, Ѳеодосія, Нестора Лѣтописца и другихъ великихъ подвижниковъ Южно-Русскаго аскетизма. Но тутъ ихъ остановила непредвидѣнная—по крайней мѣрѣ непредвидѣнная для нѣкоторыхъ — встрѣча. Вдали на дорогѣ показалась небольшая группа людей, одѣтыхъ въ платья яркихъ цвѣтовъ и преимущественно въ *кармáзинъ*, чтó въ тѣ времена было признакомъ старшинства. Впереди всѣхъ, важною поступью, шелъ высокаго росту мужчина, въ жу-

---

(¹) Внукъ Ольгерда, князь Андрей Владиміровичъ, въ завѣщаніи своемъ, написанномъ 1446 году, говоритъ: »Пріѣздилъ есмь въ Кіевъ съ своею женою и съ своими дѣтками, и были есмо въ дому Пречистыя, и поклонилися есми пречистому образу ея и преподобнымъ отцемъ Антонію и Ѳеодосію, и прочимъ преподобнымъ и Богоноснымъ отцемъ Печерскимъ, и благословилися есми отъ отца нашего архимандрита Николы и у всѣхъ святыхъ старцевъ, и поклонихомся отца своего гробу, князя Владиміра Ольгердовича, и дядь своихъ гробамъ и всѣхъ святыхъ старцевъ гробамъ въ Печерѣ, и размыслихъ на своемъ сердци: »колико-то гробовъ, а вси тіи жили »на семъ свѣтѣ, а пошли вси къ Богу, и помыслихъ есмь по малѣ, »намъ тамо поити, гдѣ отцы и братцы и братія наша«, и пр.

панѣ, разшитомъ золотомъ, въ собольей киреѣ [1] на плечахъ и съ серебряной булавой вмѣсто трости. Провожавшіе его монахи и паны держались въ почтительномъ отдаленіи.

Увидя его, Шрамъ затрепеталъ отъ радости и сказалъ:

»Боже! да се жъ Сомко!«

Сомко́ также узналъ Шрама и поспѣшилъ къ нему на-встрѣчу. Пріятели обнялись, поцѣловались и долго не выпускали одинъ другого изъ объятій.

Не даромъ Украинскіе лѣтописцы, умалчивающіе обыкновенно о наружности дѣйствующихъ лицъ, пишутъ о Сомкѣ, что онъ былъ »воинъ уроды и красоты зѣло дивной«. Онъ былъ извѣстнымъ по всей Украинѣ *красавцемъ;* только это слово надобно понимать въ смыслѣ мужественной, закаленной въ войнѣ и походахъ красоты. Сомку́, по-видимому, было около тридцати лѣтъ, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ доживалъ четвертый десятокъ. Форма лица его была болѣе квадратная, нежели овальная, носъ прямой, глаза голубые, волосы русые, золотистые. Тогдашняя мода повелѣвала подстригать ихъ въ кружокъ и причесывать гладко, но они сами собою завились въ крупныя кудри, приподнялись и открывали высокій, исполненный благородства лобъ. Но не столько наруж-

---

(1) Родъ епанчи, безъ рукавовъ.

ными формами, сколько выраженіемъ смѣлости, ясности и прямоты характера, въ глазахъ, движеньяхъ и словахъ, производилъ Сомко́ на современниковъ впечатлѣніе красоты дивной, невиданной.

»*Чоло́мъ* пану бунчужному!« такъ обратился онъ къ Черевану, именуя его степенью, которую тотъ занималъ нѣкогда въ войскѣ.

Черевань до-того обрадовался, что не могъ даже отвѣчать на привѣтствіе гетмана; только обнявшись, онъ проговорилъ уже:

»А, бгатіку мій любезный!«

Такой же *чоло́мъ,* вмѣстѣ съ дружескимъ поцѣлуемъ, былъ отданъ и Череванихѣ, которую Сомко́ назвалъ своею любезною *пані-маткою*, что́ было принято ею съ немалымъ удовольствіемъ. Но привѣтливѣе всѣхъ обратился онъ къ Лесѣ.

»Вамъ, ясная панно«, сказалъ онъ, »чоломъ до самихъ ножекъ.« И тутъ же онъ поздоровался съ нею, какъ родной, или близкій другъ дома, съ ребенкомъ, что́ заставило нѣкоторыхъ переглянуться.

»Ну, нечего сказать«, обратился онъ къ отцу и матери, держа Лесю за руку, »не даромъ молва о вашей кралѣ ходитъ по всей гетманщинѣ. Божусь, чѣмъ хочете, что лучшей дѣвушки не было и не будетъ въ Украинѣ!«

Леся стояла, стыдливо зарумянившись и опустивъ въ землю глаза; но торжество любящей и любимой женщины умѣрило ея дѣвическое смущеніе и придало новый блескъ красотѣ ея.

Петру сталъ теперь ясенъ, какъ день, сонъ Череванихи. У нихъ давно было слажено дѣло съ Сомкомъ. А чтó отецъ невѣсты оставался въ сторонѣ, то это потому, что Череваниха привыкла все рѣшать самовластно и не желала, чтобъ онъ хвалился этимъ сватовствомъ каждому Кіевскому мѣщанину въ лычаковомъ кунтушѣ.

Сомкó не пустилъ Шрама въ пещеры и пригласилъ его со всѣми спутниками къ себѣ на *козацкое подворье*, которое выстроено было хуторкомъ, отдѣльно отъ монастыря, чтобы міряне не вводили братіи въ искушеніе, если вздумается имъ подкрѣпиться питіемъ паче брашенъ и повести рѣчи громче монастырскихъ молитвъ. Строенія были весьма просты: домъ, конюшни, сарай для сѣна — все это было деревяное, подъ соломеными крышами.

Сомкó ввелъ своихъ гостей въ просторную свѣтлицу. Тутъ, помолясь образамъ, гости раскланялись чинно съ хозяевами. Шрамъ еще разъ обнялъ Сомка.

»Соколъ мой ясный!« говорилъ онъ, прижимая его къ сердцу.

»Батько мой!« отвѣчалъ на его объятіе Сомкó. »Я давно привыкъ называть тебя батькомъ.«

Тогда Шрамъ сѣлъ въ концѣ стола, подперъ обѣими руками сѣдую, изчерченную сабельными ударами голову и началъ прегорько плакать. Это смутило присутствовавшихъ, и Сомкó былъ оза-

даченъ не менѣе другихъ. Онъ зналъ Шрама, какъ человѣка, у котораго во время óно не извлекъ изъ глазъ ни одной слезы даже видъ убитаго сына, принесеннаго къ нему въ кровавыхъ ранахъ козаками; а теперь этотъ человѣкъ рыдаетъ передъ нимъ, какъ-будто на похоронахъ у Хмельницкаго, гдѣ три дня гремѣли печальные выстрѣлы, три дня раздавались вопли и лились рѣкою козацкія слезы.

»Батько мой!« сказалъ, подступя къ нему, Сомкó, »чтó за несчастье съ тобой случилось?«

»Со мною?« отвѣчалъ Шрамъ, поднявши голову. »Я былъ бы баба, а не козакъ, еслибъ вздумалъ плакать о собственномъ горѣ!«

»Такъ о чемъ же, ради Бога?«

»А развѣ не о чемъ, когда у насъ окаянный Тетера торгуется съ Ляхами за Христіянскія души; у васъ разомъ десять гетмановъ хватаются за булаву, а чтó Украина разодрана на части, до этóго никому нѣтъ дѣла!«

»Десять гетмановъ! хотѣлъ бы я видѣть, какъ хоть одинъ изъ нихъ ухватится за булаву, пока я держу ее въ рукахъ!«

»А Васюта? а Иванецъ?«

»Васюта старый дурень; надъ его химерою смѣются козаки; а подлаго Иванца я еще разъ посажу на свинью. Гнусная сволочь! я давно выбилъ бы и вытопталъ всю эту погань, но только честь на себѣ кладу!«

»Однакожъ эта погань не даетъ твоей гетманской власти расширяться по Украинѣ!«

»Кто тебѣ это сказалъ? Отъ Самары до Глухова вся старшина зоветъ меня гетманомъ. И какъ же иначе, когда въ Козельцѣ всѣ полковники, есаулы, сотники и значные козаки присягнули мнѣ на послушаніе?«

»Но вѣдь правда тому, что Васюта послалъ въ Москву листъ противъ твоего гетманства!«

»Правда, и когдабъ не сѣдые волосы Васюты, то сдѣлалъ бы я съ нимъ то, что̀ покойный гетманъ съ полковникомъ Гладкимъ« (1).

»Ну, и тому правда, что Иванца въ Сѣчи огласили гетманомъ?«

»И тому правда. Но развѣ ты не знаешь юродства Запорожскаго?«

»Знаю я его хорошо, пане гетмане; потомуто и боюсь, чтобъ они не сдѣлали тебѣ какой-нибудь пакости. Окаянные камышники вездѣ шныряютъ по Украинѣ и бунтуютъ мужичьи головы. Развѣ ты не знаешь, что идетъ уже слухъ о черной радѣ?«

»Химера, батько! козацкое слово, химера! Пускай лишь выѣдутъ отъ царскаго величества бояре; посмотримъ, какъ устоитъ эта черная рада противъ нашихъ мушкетовъ и пушекъ!«

---

(1) Полковнику Гладкому отрублена была голова за то, что онъ послѣ пораженія козаковъ подъ Берестечкомъ, позволилъ называть себя гетманомъ.

»Я готовъ вѣрить всему лучшему, когда ты такъ спокоенъ«, сказалъ Шрамъ. »Отъ твоихъ словъ душа моя оживаетъ, какъ злакъ отъ Божіей росы. Но смущаетъ меня, что Запорожскіе гультаи подливаютъ своихъ дрозжей не въ однихъ поселянъ: они бунтуютъ противъ козаковъ и мѣщанство. Въ Кіевѣ я сегодня наслушался такого, что и пьяный бы отрезвился.«

»Знаю и это«, отвѣчалъ Сомкó. »И правду сказать«, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, »этому я даже радъ. Козаки слишкомъ много забрали себѣ въ голову. »Мы де паны, а то все чернь. Пу»скай насъ кормятъ и одѣваютъ, а козацкое дѣло— »только въ шинку окна да сулеи бить.« Дай имъ потачку, такъ они какъ-разъ попадутъ на Лядскій слѣдъ, даромъ что православные. Нѣтъ, пускай и мѣщанинъ, и посполитый, и козакъ, пускай каждый стоитъ за свои правá, — тогда только будетъ и правда и сила! А мнѣ кажется, да и по сосѣдямъ видимъ, что нѣту тамъ добра, гдѣ нѣту правды!«

Шрамъ за эти слова обнялъ и поцѣловалъ гетмана.

»*Глаголъ устъ твоихъ*«, сказалъ онъ, »*сладостенъ мнѣ паче меда и сóта*. Дай же, Боже, чтобъ такъ думала каждая добрая душа въ Украинѣ!«

»И дай, Боже«, прибавилъ Сомкó, »чтобъ оба берега Днѣпра соединились подъ одну булаву!

Какъ только отбуду царскихъ пословъ, тотъ-часъ пойду на окаяннаго Тетеру. Отмежуемъ Украину опять до самой Случи, и тогда, держась за руки съ Московскимъ царствомъ, будемъ громить всякаго, кто покусится ступить на Русскую землю!«

Эти слова для ушей Шрама были небесною музыкою.

»Боже великій, Боже милосердый!« воскликнулъ онъ, простерши къ образамъ руки, »вложилъ Ты ему въ душу самую дорогую мою думу, ниспошли жъ ему и силу выполнить ее!«

»Но довольно о великихъ дѣлахъ«, сказалъ Сомко́, »займемся еще малыми. *Не добро́ быти человѣку единому* — вотъ что́ привело меня сюда изъ-за Днѣпра. Можетъ быть, я очутился бы еще немного и дальше Кіева, но спасибо пані-маткѣ Череванихѣ: она меня встрѣтила съ своимъ дорогимъ скарбомъ. И, какъ я ни въ чемъ не люблю проволочекъ и окольныхъ путей, то сей-часъ же и прямо объявляю всѣмъ присутствующимъ, что засваталъ у пани Череванихи ея Лесю, когда она была еще малюткою. Теперь пускай благословитъ насъ Богъ и родители.«

Тутъ онъ взялъ за руку смущенную неожиданностью дѣвушку и поклонился отцу и матери.

»Боже васъ благослови, дѣти мои!« сказала Череваниха, не дожидаясь мужа, который пытался что-то сказать, но отъ волненія произносилъ только »бгатіку!« и больше ни слова.

Шрамъ посмотрѣлъ на своего Петра, и не могъ не видѣть сердечной муки, выражавшейся на поблѣднѣвшемъ лицѣ его. Можетъ быть, отцу стало и жаль сына; но не таковъ бымъ Шрамъ, чтобъ дать это кому-нибудь замѣтить.

»Что́ жъ ты не благословляешь насъ, пан'отче?« сказалъ Сомко́ Череваню.

»Бгатіку!« отвѣчалъ Черевань, »велика для меня честь выдать дочь за гетмана, только Леся уже не наша; вчера у насъ со Шрамомъ было полъзаручинъ.«

»Какъ же это случилось, пані-матко?« обратился тогда Сомко́ къ Череванихѣ.

Но Шрамъ не далъ ей отвѣчать и сказалъ:

»Ничего тутъ не случилось, пане ясновельможный! Я сваталъ Лесю за своего Петра, не зная о вашемъ укладѣ. А теперь скорѣй отдамъ я своего сына въ монахи, чѣмъ стану съ нимъ тебѣ на дорогѣ. Пускай васъ благословитъ Господь; а мы себѣ еще найдемъ невѣсту: »этого цвѣту много по всему свѣту«.

»Если такъ, то будь же ты моимъ роднымъ отцемъ и благослови насъ двойнымъ благословеніемъ.«

Тогда Шрамъ сталъ рядомъ съ Череванемъ и Череванихою; дѣти имъ поклонились, и они благословили ихъ съ патріархальною важностью. Молодые обнялись и поцѣловались.

Вдругъ кто-то подъ окномъ закричалъ: »*Пу́гу!*

пу́гу!« восклицаніе, перенятое полудикими рыцарями Запорожцами у *пу́гача* (филина) и употребляемое ими для извѣщенія кого-нибудь о своемъ прибытіи.

Сомко́ усмѣхнулся и сказалъ:

»Это нашъ юродивый пріятель, Кирило Туръ! Почуялъ гетманскую свадьбу!«

И велѣлъ отвѣчать ему по обычаю: »*Козакъ зъ лу́гу!*«

»Не знаю, сынку«, сказалъ Шрамъ, »что́ за охота тебѣ водиться съ этими пугачами! Это народъ вѣроломный; городовому козаку надобно беречься ихъ, какъ огня.«

»Правда твоя, батько«, отвѣчалъ гетманъ: »добрые молодцы стали не тѣ послѣ Хмельницкаго; а всё-таки межъ ними есть люди драгоцѣнные. Этотъ, на-примѣръ, Кирило Туръ.... повѣришь ли, что онъ не одинъ разъ выручилъ меня изъ великой бѣды? Добрый воинъ и душа щирая, козацкая, хоть прикидывается повѣсою и характерникомъ. Но безъ юродства у нихъ, самъ ты знаешь, не водится. А ужъ на шутки да на балянрдасы, такъ могу сказать, что мастеръ.«

»Иродъ бы ихъ побралъ съ ихъ шутками, этихъ разбойниковъ!« сказалъ полковникъ Шрамъ. »Насолили они и самому Хмельницкому своими бунтами да своевольствомъ.«

»А всё таки не скажешь, батько«, возразилъ Сомко́, »чтобъ и межъ ними не было добрыхъ людей.«

»Грѣшно мнѣ это говорить«, отвѣчалъ Шрамъ. »Разъ окружилъ меня съ десяткомъ козаковъ цѣлый отрядъ Ляховъ. Уже и конь подо мною убитъ, я отбиваюсь стоя; а имъ окаяннымъ непремѣнно хочется взять меня живого, чтобъ поглумиться такъ, какъ надъ Наливайкомъ и другими несчастными. Вдругъ откуда ни возьмись Запорожцы: *пу́гу! пу́гу!* Ляхи въ-разсыпную! а было ихъ больше сотни. Оглянусь, а Запорожцевъ и десятка нѣтъ!«

»Да́«, сказалъ Сомко́, »межъ ними есть добрые рыцари.«

»Скажи лучше: были, да перевелись: зерно высѣялось за войну, а въ кошѣ осталась одна полова.«

»Овва́!« воскликнулъ громко Запорожецъ, показавшись, съ своимъ товарищемъ, въ дверяхъ. Онъ вошелъ въ свѣтлицу, не снимая шапки, подбоченился и, перекрививъ ротъ на одну сторону, смотрѣлъ насмѣшливо на Шрама.

»Что за *овва?*« вскрикнулъ Шрамъ, весь вспыхнувъ и подступая къ Запорожцу.

»Овва́, пан'отче!« повторилъ Кирило Туръ, и заложилъ за ухо лѣвый усъ съ выраженіемъ молодецкой беззаботности. »Перевелись! А развѣ даромъ сказано въ пѣснѣ:

Течу́ть рiчки́ зъ всёго́ свiту до Чо́рного мо́ря?...

Какъ въ Черномъ морѣ не переведется вода, пока свѣтитъ солнце, такъ и въ Сѣчи во вѣки вѣчные не переведутся добрые рыцари. Со всего свѣ-

та слетаются они туда, какъ орлы на неприступную скалу.... Вотъ хоть бы и мой побратимъ, Черногоръ.... Но не о томъ теперь рѣчь. Чолóмъ тебѣ, пане ясновельможный! (и только тутъ снялъ Кирило Туръ шапку) чолóмъ вамъ, панóве громада! чолóмъ и тебѣ, шановный полковникъ, хоть и не по нутру тебѣ Запорожцы! Ну, какъ же ты воротился къ обозу безъ коня?«

»Ироде!« сказалъ Шрамъ, покосивъ на него сверкающіе изъ-подъ бѣлыхъ бровей глаза; »я только честь на себѣ кладу въ этой компаніи, ато научилъ бы тебя знать свое стойло!«

»То есть, вынулъ бы саблю и сказалъ: »А ну, »Кирило Туръ, помѣряемся?« Козацкое слово, я отдалъ бы шалевой свой поясъ, чтобъ только брякнуться саблями съ высокоименитымъ паномъ Шрамомъ! Но этого никогда не будетъ. Лучше, когда хочешь, разруби меня пополамъ отъ чуба до матній; а я не подниму руки противъ твоихъ шрамовъ и твоей рясы.«

»Такъ чего жъ ты отъ меня хочешь, оса ты неотвязная?« сказалъ Шрамъ, смягчившись этимъ знакомъ уваженія къ своимъ козацкимъ заслугамъ и къ священническому сану.

»Ничего больше, только разскажи мнѣ, какъ ты добрался пѣхтурóю до табора.«

»Тьфу, искуситель!« сказалъ Шрамъ, усмѣхнувшись. Сомкó и его спутники смѣялись отъ одно-

го появленія Кирила Тура. На него привыкли смотрѣть, какъ на юродиваго.

»Въ самомъ дѣлѣ«, сказалъ гетманъ, »какъ ты, пан'отче, остался живъ безъ коня?«

»Да ужъ разскажу«, отвѣчалъ Шрамъ, »только бы удалиться отъ грѣха. Когда разбѣжались къ нечистой матери Ляхи, одинъ Запорожецъ подъѣхалъ ко мнѣ, и говоритъ: »Э, батько, да у тебя »нѣту коня! Жаль покинуть такого козака Ляхамъ »на поживу. Братцы, достанемъ ему коня!« и припустилъ въ-слѣдъ за Ляхами.«

»Что́ жъ, достали?«

»Достали, вражьи дѣти! Удивился я съ козаками — негдѣ правды дѣвать. Какъ же не дивиться, когда у самихъ кони усталые, а скакуна такого доскочили, что такъ и играетъ въ поводу?«

»Это, пан'отче, значитъ — знай нашихъ! Нашъ братъ не спроста воюетъ: Запорожецъ подъ-часъ и чортомъ орудуе. Гмъ! гмъ!«

Такъ говорилъ Кирило Туръ, поглаживая усы и значительно посматривая на свое собраніе.

»Я не прочь, что тутъ безъ нечистой силы не обошлось«, сказалъ Шрамъ, обращаясь къ Сомку. »Спрашиваю: какъ это вы доскочили такого знат»наго жеребца?«—»Намъ-то знать, батько; садись »да поѣзжай: Ляхи не за горою; иногда страхъ у »нихъ проходитъ скорѣе, чѣмъ похмѣлье.«

»Ага, у насъ такъ!« подхватилъ съ самодовольнымъ видомъ Кирило Туръ; »наши не кудахта-

ютъ, какъ куры, о своихъ добрыхъ дѣлахъ! Ну, пан'отче, за то, что разсказалъ мнѣ свою исторію, я разскажу тебѣ, какъ Запорожцы доскочили коня. Какъ только Ляхи осмотрѣлись, что бояться некого, тотъ-часъ за мушкеты; но атаманъ не далъ имъ остановиться, приложился на всемъ скаку изъ карабина и угодилъ ихъ ротмистру какъ-разъ между глазъ. Ляхи опять въ разсыпную, а я за коня.... тьфу, къ чорту! я хотѣлъ сказать: *а отáманъ за коня*, да и привелъ къ тебѣ.«

»*Що за врáжа мáти!*« сказалъ тогда Шрамъ, всматриваясь въ лице Кирила Тура, »да чуть ли не самъ ты и былъ этимъ отаманомъ?«

Запорожецъ громко разсмѣялся.

»Ага, батько! такъ-то ты помнишь старыхъ знакомыхъ!«

»Ну, извини, козаче!« сказалъ Шрамъ, обнимая его. »Чуть ли не раскололи мнѣ Ляхи головы саблями да обухами: память въ ней что-то не держится!«

»Однакожъ, чтó это мы такъ заговорились?« сказалъ Сомкó. »Давно пора по чаркѣ да и за столъ!«

»Вотъ, братцы, разумная рѣчь, такъ такъ!« воскликнулъ Черевань. »Я такъ отощалъ, что и радоваться не въ силахъ.«

Вынилъ Кирило Туръ чарку горілки и сказалъ: »Прошу жъ не забывать и моего побратима.«

»Не забудемъ, не забудемъ«, отвѣчалъ Сомко. »Я знаю, что онъ работаетъ саблею лучше, нежели языкомъ.«

»Не дивуйся, пане гетмане, что онъ какъ-будто воды въ ротъ набралъ: онъ не изъ нашихъ. Теперь таки порядочно насобачился говорить по-козацки, а какъ пришелъ въ Сѣчь, то насмѣшилъ довольно братчиковъ своею рѣчью. А добрый юнакъ! о, добрый! тяжко добрый! Одинъ развѣ Кирило Туръ ему подъ пару. За то жъ я никого и не люблю такъ, какъ его да себя.«

ГЛАВА VII.

Ой прийшо́въ коза́къ зъ війська, зъ доро́ги,
Да й уклони́вся ба́теньку въ но́ги:
Ой сядь, ба́теньку, сядь коло ме́не,
Сядь коло ме́не, да й пожа́луй ме́не:
Заложи́ ручи́ну за пазуши́ну,
Одорви́ одъ се́рця злую гади́ну.
Зла́я гади́на бікъ переіла,
Коло мо́го се́рденька гніздо́ извила.

Народная пѣсня.

Сомко́ началъ усаживать гостей своихъ за длинный столъ. Шрама и Череваня посадилъ на *по́куть*, подъ образами; самъ сѣлъ на хозяйскомъ мѣстѣ, »конецъ стола«, а женщинъ посадилъ по лѣвую отъ себя руку, на ослонѣ, ибо тогда первыя мѣста были вездѣ предоставлены мужчинамъ. Возлѣ Череваня заняли мѣста спутники гетмана, козацкіе старшины, а за ними — Кирило Туръ съ молчаливымъ своимъ побратимомъ, который посматривалъ довольно угрюмо на всѣхъ собесѣд-

никовъ. Взоръ его развеселялся только при взглядѣ на чернобровую красавицу, которой ничего подобнаго не встрѣчалъ онъ и въ своей Черногоріи.

Петру моему пришлось сидѣть возлѣ Леси, хотя теперь онъ радъ бы былъ удалиться отъ нея на край свѣта. Во все время, когда другихъ забавляли ухватки и рѣчи Запорожца, онъ сидѣлъ за столомъ, какъ въ лѣсу, и только ждалъ, скоро ли кончится обѣдъ.

»Ну, скажи жъ ты мнѣ, пане отамане«, обратился Сомко́ къ Кирилу Туру, »какимъ вѣтромъ занесло тебя въ Кіевъ?«

»Самымъ святымъ«, отвѣчалъ тотъ, »какой только когда-либо дулъ изъ низу Днѣпра. Провожаемъ прощальника къ Межигорскому Спасу.

»Какъ же это ты отбился въ сторону?«

»Разскажу тебѣ, ясновельможный пане, все подробно; дай только промочить горло. Только у васъ такіе никчемные кубки, что не во что́ гораздъ и налить. Хоть они и сребряные, да что́ въ этомъ? То ли дѣло наши Сѣчевые деревяные коряки? въ нашемъ корякѣ можно бы утопить иного мизернаго Ляшка.«

»Правда, бгатъ, ей Богу, правда!« воскликнулъ Черевань. »Я давно говорю, что только въ Сѣчи и умѣютъ жить по-людски. Ей Богу, бгатъ, когдабъ у меня не жінка да не дочка, то бросилъ бы я всякую суету мірскую, да и пошелъ на Запорожье!«

»Гмъ! признаюсь, немного такихъ помѣстилось бы въ куренѣ«, сказалъ Кирило Туръ, окинувъ глазами его фигуру, и разсмѣшилъ все общество. Самъ Черевань добродушно смѣялся.

»Я отъ души люблю этого балагура«, сказалъ гетманъ въ полъ-голоса Шраму.« Правда, онъ иногда бываетъ грубъ и даже дерзокъ въ своихъ шуткахъ, но, право, я на него не въ силахъ разсердиться.«

»Худо только то«, замѣтилъ Шрамъ, »что эти балагуры смѣясь человѣка купятъ, смѣясь и продадутъ.«

»Что̀ правда, то правда. По ихъ Сѣчевому разуму, ничто въ мірѣ не стоитъ ни радости, ни печали. Философы, бестіи! смотрятъ на міръ изъ бочки, только не изъ пустой, какъ Діогенъ цыникъ, а окунувшись по шею въ горілку.«

»Такъ вы хочете знать, какъ я отсталъ отъ своей громады?« продолжалъ Кирило Туръ, осуша самый большой кубокъ, какой только нашелъ передъ собою. »Вотъ какъ. Можетъ быть, вы слыхали гдѣ-нибудь о побратимахъ. Какъ не слыхать? Это нашъ давній обычай, — хорошій обычай. Какъ ни удаляйся отъ міра, а всё человѣку хочется къ кому-нибудь приклониться; нѣтъ роднаго брата — ищетъ названнаго. Вотъ и побратаются, и живутъ, какъ рыба съ водою. »Давай и мы побратаемся«, говорю я своему Черногору — »Давай«. Вотъ и завернули въ Братство и попросили батюшку

съ сѣдою, какъ у пана Шрама, бородою прочитать надъ нами изъ Апостола, что насъ родило не тѣло, а живое слово Божіе, и вотъ мы теперь съ нимъ уже родные братья — все равно, какъ Хома съ Еремою.«

»Ну, а потомъ?« спросилъ Сомко́.

»А потомъ, какъ это всегда бываетъ, что не успѣетъ человѣкъ сдѣлать доброе дѣло, какъ дьяволъ — не за хлѣбомъ его вспоминать —, и подсунетъ искушеніе.... потомъ оглянулся, а подлѣ меня стоитъ краля такая, *що тілько гмъ! да й го́ді.*«

»Ой, неужто? И будто женщина искушала когда-нибудь Запорожца?«

»Ой-ой-ой, пане гетмане! да еще какъ! И не диво: праотецъ Адамъ былъ не намъ чета, и тотъ не устоялъ противъ этого искушенія.«

»Откуда жъ она взялась?«

»Спроси жъ ты самъ ее, откуда«, сказалъ Кирило Туръ, взглянувъ на Лесю: »я съ такою пышною панною и заговорить боюсь.«

»Тю, тю, дурню!« сказалъ засмѣявшись Сомко́. »Это моя невѣста.«

»Да мнѣ до того мало нужды, что она твоя невѣста«, продолжалъ очень серьезно Запорожецъ, »а то горе, что совсѣмъ меня причаровала.«

»Браво! медвѣдь попался въ сѣти! Что́ жъ теперь будетъ?«

»А чтó жъ? медвѣдь уйдетъ въ свою берлогу, и сѣти за собою потянетъ.«

»Какъ? Запорожецъ повезетъ женщину въ Сѣчь?«

»Зачѣмъ же Сѣчь? Развѣ только и свѣту, что въ окнѣ?«

»И такой завзятый *козарлюга*, какъ Кирило Туръ, да еще и куренной отáманъ, для женщины броситъ товариство?«

»Дá, для такой крали можнó отказаться отъ всего на свѣтѣ, не только отъ товариства. Самъ, пане гетмане, видишь, чтó за пышная красота! поневолѣ за сердце хватаетъ!«

»Ну, въ какую жъ ты берлогу потянулъ бы эти сѣти?«

Кирило Туръ засмѣялся.

»Ты, пане ясновельможный, черезъ-чуръ уже строго допрашиваешь. Не хочется и признаваться, не хочется и брехать.«

»Потому что всегда говорилъ правду«, продолжалъ Сомкó.

»И теперь буду говорить правду!« съ комически серьезнымъ видомъ сказалъ Запорожецъ.

Тутъ онъ осушилъ кубокъ, кашлянулъ въ кулакъ и посмотрѣлъ на всѣхъ, разглаживая усы.

»Надобно знать вамъ«, началъ онъ, »что Черногорія, по разсказамъ моего побратима, та же Запорожская Сѣчь, только тамъ люди не чуждаются бабъ. Ато и подѣлена такъ же, какъ у насъ, на курени, по-ихнему на *братства*, и надъ вся-

кимъ братствомъ выбирается ота́манъ. Воевать же съ бусурманами у нихъ можно хоть каждый день. Да какъ у нихъ воюютъ, когдабъ ты зналъ! Какъ начнетъ разсказывать мой побро, то ажъ душа рвется изъ тѣла. Побро мой соскучился безъ своей Черной Горы и давно уже зазываетъ меня къ себѣ въ-гости. Почему жъ вольному козаку не погулять по свѣту и не повидать, какъ живутъ иные народы?«

Всѣ слушали, къ чему онъ приведетъ рѣчь свою. Очаровалъ всѣхъ Запорожецъ.

»Добре!« говорю, »ѣдемъ; покажемъ твоимъ зем»лякамъ козацкое *рыца́рство;* пускай и насъ зна»ютъ въ Черногоріи.« Вотъ и побратались мы съ нимъ въ Братствѣ, — такъ уже, чтобъ не было *это мое, а это твое,* а все чтобъ было вмѣстѣ; чтобъ помогать другъ другу во всякой бѣдѣ, чтобъ меньшій былъ старшему вѣрнымъ слугою, а старшій меньшему роднымъ отцемъ. Оно бъ и хорошо; но какъ увидѣлъ эту кралю, такъ душа и *дала́ сторчака́* (¹).«

И, для ясности разсказа, Кирило Туръ опрокинулъ себѣ въ горло кубокъ наливки.

»Говорю своему Черногору: »Какъ ты себѣ хо»чешь, побро, а я безъ этой *дівойки* не поѣду »изъ Кіева«. Не дурень же и мой побро. »Не жу»рись, братъ«, говоритъ: »у насъ, если кому понра-

---

(¹) Т. е. опрокинулась къ верху ногами.

»вится *руса коса,* то не долго вздыхаетъ: хва»таетъ русу косу, какъ соколъ чайку, да и къ попу.«

»Это ужъ по-Римски!« сказалъ смѣясь Сомко́. »А если у этой чайки есть братья орлы и родичи соколы?«

»Въ томъ-то и дѣло, пане гетмане, что у нихъ и противъ этого есть средство. Только намекни про *русу косу,* тотъ-часъ пріятели вызовутся на помощь. *Гайде, мо́ре да ти о́тмемо дівойку!* соберутся, вооружатся, какъ на войну, и уже если приберутъ къ рукамъ русу косу, то головы положатъ, а не уступятъ *отмицу* родичамъ. *Пекъ ёго́ ма́тері!* такой обычай пришелся какъ разъ мнѣ по сердцу, и врагъ меня возьми, коли я самъ не сдѣлаюсь *отмичаромъ!* (¹) У нихъ только сила и ловкость, а у нашего брата есть про-запасъ и характе́рство (²).«

»Что́ за балагуръ этотъ усачъ!« сказалъ Шрамъ. »Видно, у васъ тамъ въ Сѣчи только и дѣлаютъ, что забавляютъ одинъ другого выдумками.«

»Э, пан'отче! наши братчики дѣлаютъ каждый день столько чудесъ, что не нужно и выдумывать! Но уже, вѣрно, не услышатъ паны молодцы ничего чудеснѣе той штуки, какую выкину я сегодня.«

(¹) Такъ въ Черногоріи называются похитители невѣстъ.

(²) Отаманы Запорожскіе почти всегда считались *характерниками,* т. е. чародѣями. Удальство ихъ не могло быть иначе постигнуто умомъ людей обыкновенныхъ. Характерника не брала пуля; онъ умѣлъ сдѣлаться невидимымъ для непріятеля, и т. п.

»Ой?«

»И не ой. Еще никогда не слыхано такого чуда.«

»Что́ жъ это будетъ такое?«

»Ни больше, ни меньше, какъ только подхвачу къ себѣ на сѣдло эту кралю — хоть бы она была за сотнею замковъ — да и *шукай вітра въ полі!* Махнемъ съ побратимомъ прямо въ Черную Гору! Ахъ, да *дівчина жъ гарна!*« воскликнулъ Кирило Туръ, устремя на Лесю свой волчій взглядъ.

Леся съ самаго начала этой странной бесѣды была, сама не зная почему, сильно встревожена и долго старалась увѣрить себя, что Запорожцу пришла блажь только позабавиться надъ ея страхомъ; но этотъ взглядъ разстроилъ ее наконецъ совершенно. Она не могла долѣе преодолѣвать свой испугъ, и, закрывъ руками лице, начала плакать такъ сильно, что слезы закапали сквозь пальцы на скатерть. Мать встала изъ-за стола и увела ее плачущую въ другую комнату.

Этотъ случай не произвелъ никакого впечатлѣнія на суровыя козацкія сердца. Въ испугѣ красавицы они видѣли только женское легковѣріе и весело разсмѣялись.

»О, вражій хлопецъ Запорожецъ!« сказалъ Шрамъ, »видишь, до чего договорился! испугалъ совсѣмъ *бідну дитину.*«

Череваниха не возвратилась уже къ обѣду, но никто, вставъ изъ-за стола, не вздумалъ освѣдо-

миться о здоровьи ея дочери: женщина привыкла тогда выносить слишкомъ много сильныхъ душевныхъ потрясеній, и никому не приходило въ голову, чтобы Леся могла занемочь отъ своего испугу.

Когда встали изъ-за стола, Кирило Туръ поблагодарилъ Бога по-своему:

»*Спасибі Бо́гу и мині́, а господаре́ві ні; вінъ не нагоду́е, такъ дру́гий нагоду́е, а зъ го́лоду не вмру.*«

И ушелъ съ своимъ побратимомъ изъ монастыря, ни съ кѣмъ не прощаясь, какъ-будто изъ своего куреня. Только слышно было, какъ онъ, уходя со двора, напѣвалъ пѣсню:

Журба́ мене́ су́шить, журба́ мене́ вя́лить;
Журба́ мене́, моя́ ма́ти, скбро зъ ні́гъ изва́лить.

»Слышишь?« сказалъ тогда Шраму гетманъ. »Никто не разберетъ, чѣмъ дышетъ Запорожецъ. А знаю я, что у этого Кирила Тура лежитъ что-то тяжелое на душѣ. Онъ представляетъ изъ себя повѣсу, а я не разъ замѣчалъ, куда стремится этотъ юродивый. *Дивно во очію*, а вѣдь онъ только и думаетъ о спасеніи души!«

»Дурную же дорогу выбралъ онъ!« сказалъ Шрамъ.

»На какую набрелъ, ту и выбралъ, батько. Сотворилъ онъ себя буіимъ и безумнымъ для Бога. Вонъ оно что́! Господь его знаетъ, куда онъ за-

бредетъ; а видалъ я не разъ, какъ Кирило Туръ, молясь въ глубокую ночь, обливался слезами; и пускай пустынникъ вознесетъ такую молитву къ Богу, какъ этотъ гуляка! Вслушавшись въ нее, я самъ.... да что́ о томъ разсказывать? То дѣла Божіи. Открою тебѣ, пан'отче, зачѣмъ я въ Кіевѣ. Не сватовство у меня на умѣ. Обвѣнчаюсь я съ моей невѣстою, прогнавши Ляховъ за Случь, чтобъ моя жінка была гетманша *на всю гу́бу;* а теперь намъ надобно поставить твердо ногу въ Кіевѣ — воевода здѣшній мнѣ усердствуетъ, мы съ нимъ обо всемъ условились — надобно осмотрѣть окопы и заготовить запасы, да еще кое-что сладить передъ началомъ такой великой войны. Пойдемъ-ка къ отцу Иннокентію Гизелю; у него разумная и толковая голова. Поговоримъ съ нимъ кое про что́ изъ Гадячскихъ пунктовъ. Не дуракъ былъ Выговскій, что хлопоталъ о типографіяхъ и академіяхъ; только худо сдѣлалъ, что сдружился съ Поляками. Съ Поляками у насъ во вѣки вѣчные ладу не будетъ. Безъ Москаля нѣтъ намъ житья на свѣтѣ: Ляхи, Турки, Татаре истребятъ, перевернутъ насъ къ верху дномъ. Одинъ Москаль сбережетъ намъ и имя Русское, и вѣру православную.«

»Ой, синку!« сказалъ Шрамъ: »разнюхали мы теперь до́бре бояръ да воеводъ Московскихъ!«

»*Се, ба́тьку, якъ до чоловіка*«, отвѣчалъ гет-

манъ; »а Москаль намъ ближе Ляха, и не слѣдуетъ намъ отъ него отрываться.«

»Богъ его знаетъ!« говорилъ въ раздумьи Шрамъ; »можетъ, оно такъ и лучше будетъ.«

»Да ужъ не хуже, батько. Тутъ всѣ слушаютъ одного, а тамъ, что́ ни панъ, то и король; и всякая дрянь норовитъ, какъ бы козака въ грязь втоптать.«

»Не удастся имъ это, невѣрнымъ душамъ!« сказалъ Шрамъ, схватясь за усъ.

»Ну, вотъ для того-то и надобно намъ держаться за руки съ Москалемъ. Вѣдь это все одна Русь, Боже мой правый! Коли у насъ заведется добро, то и Москалю будетъ лучше. Погоди-ка, пускай Господь поможетъ намъ соединить оба берега Днѣпра подъ одну булаву; тогда заведемъ вездѣ *правные суды*, академіи, типографіи, поднимемъ Украину и возвеселимъ души великихъ Кіевскихъ Ярославовъ и Мономаховъ!«

Такъ разсуждая, гетманъ съ нѣсколькими приближенными отправился къ Печерскому архимандриту. Черевань легъ отдохнуть послѣ обѣда, а прочіе разбрелись по монастырю.

Что́ же происходило съ Лесею? Леся дѣйствительно разнемоглась послѣ приключенія за столомъ. Каждое слово проказника Запорожца она принимала за серьёзный противъ нея замыселъ, и просила мать запереть кругомъ двери и окна, чтобъ онъ не ворвался и не схватилъ ее, какъ

коршунъ голубку. Напрасно мать употребляла все могущество своего языка, чтобъ разсѣять ея страхъ; бѣдной дѣвушкѣ мерещилось одно, и она чувствовала живѣйшее безпокойство, какое бываетъ при ожиданіи угрожающаго бѣдствія.

Черевань, ввалившись въ комнату, гдѣ она лежала полубольная, и узнавши, въ чемъ дѣло, присовокупилъ отъ себя нѣсколько увѣщаній съ такимъ усердіемъ, что сказалъ даже раза два *бгатъ*, забывши, что говоритъ не съ мужчиною, но и это не помогло. Впрочемъ заботливый отецъ заснулъ отъ того ничуть не хуже, и проснулся, когда начали уже звонить къ вечернѣ.

Сомкó и его спутники воротились въ гостинницу въ самомъ радостномъ расположеніи духа; пили за здоровье единодушной, великой Украины, пили за здоровье царя православнаго и »праведнаго«, который — говорили они — ни для кого на свѣтѣ не покривитъ душею; не такъ какъ король, который отдалъ козаковъ на поруганіе магнатамъ. Ликовали отъ всего сердца, предвидя впереди много хорошаго для всего православнаго міра. Шрамъ обнималъ гетмана и едва не плакалъ отъ восторга; а Черевань, осушая кубокъ за кубкомъ, безпрестанно восклицалъ: *Щобъ нáшимъ ворогáмъ булó тяжко!*

Все это происходило въ свѣтлицѣ, сосѣдней съ комнатою, въ которой лежала разстроенная гетманская невѣста. Никто о ней не заботился: ко-

заки увлеклись войсковыми дѣлами, заговорились подъ стукъ ковшей и кубковъ и позабыли о своихъ женахъ и невѣстахъ. Это было въ порядкѣ вещей, къ этому всѣ привыкли; но обычай покоряетъ умъ, и не властенъ надъ сердцемъ: Леся сильно почувствовала свое отчужденіе. Не жаловалась, однакожъ, она въ душѣ своей ни на стараго Шрама, ни на его сына, — ихъ она оттолкнула отъ себя добровольно; не жаловалась и на своего отца, — тому все было не по чемъ, когда завязалась пріятельская пирушка; но ея сердце сильно обвиняло жениха, который какъ-будто позабылъ, что у него есть невѣста. У него въ головѣ только и мыслей, что́ про́ походы; сердце его только и бьется для военной славы. А дѣвичьему сердцу тогда только дорога рыцарская слава, когда козакъ вмѣнитъ ее въ ничто передъ любовью. Женщинѣ нужно хоть на одинъ мигъ, но полное торжество надъ сильнымъ, гордымъ мужчиною. Леся не имѣла и не могла имѣть надъ Сомко́мъ такого торжества. Онъ *удостоивалъ* ее любви и не сомнѣвался ни одной минуты въ ея привязанности.

Дѣйствительно, она полюбила его еще въ дѣтскомъ возрастѣ, когда онъ, бывало, носилъ ее на рукахъ и дарилъ ей то́ золотыя серьги, то́ ожерелья, добытыя въ Польшѣ. Еще тогда онъ называлъ ее суженою, и сложилъ руки съ ея матерью. Череваню казалось шуткою такое сватовство, потому что Сомко́ только изрѣдка навѣщалъ

его хуторъ, да и то какъ-будто мимоѣздомъ; но Череваниха не шутила съ нимъ словами: отъ всей души называлъ ее Сомко́ матерью, отъ всего сердца называла она его зятемъ. Только Сомко́ спокойно ждалъ, пока исполнятся Лесѣ дѣвичьи лѣта, — его увлекали болѣе строгія заботы; а удочери съ матерью только было и бесѣды, что́ про жениха. И выросла Леся, любя его, какъ умѣютъ любить только козачки, и готова была доказать жизнью и смертью любовь свою. Но отъ нея не требуютъ никакихъ доказательствъ. Она, съ ея преданнымъ сердцемъ, была оставлена какъ-бы въ сторонѣ: другіе предметы, другія чувства занимаютъ весь умъ и душу блистательнаго жениха ея. Заболѣло у нея сердце, но молчала бѣдняжка, не жаловалась и матери.

Что́ же Петро́? Онъ тотъ-часъ послѣ обѣда, взявши ружье, отправился въ окрестный лѣсъ подъ видомъ охоты, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ быть подальше изъ своей чаровницы. Его душа разрывалась на-двое: одна сила тянула его къ гордой красавицѣ, а другая заставляла бѣжать отъ нея, какъ отъ чего-то пагубнаго. Онъ воротился на подворье только вечеромъ, и никто не зналъ, какъ много перечувствовалъ онъ въ короткое отсутствіе. Въ свѣтлицѣ шелъ пиръ горой, и далеко были слышны шумныя рѣчи гостей. Нѣкоторые радушно предлагали ему круговую. Петро́ сперва отказывался, но потомъ съ горя взялъ огром-

ную коновку, наполненною наливкою, и выпилъ ее до дна, думая заглушить этимъ свою горесть. Но хмѣль не имѣлъ на его голову никакого дѣйствія.

Лишь только сѣли за ужинъ, какъ явился опять Запорожецъ, но уже безъ побратима.

Леся не вышла къ ужину. Голова у нея разгорѣлась, и она пришла въ такое состояніе, что мать нашла необходимымъ послать въ монастырьскую пасику за ворóжкою. Пришла ворожка, шептала надъ больною чародѣйскія, ни для кого непонятныя рѣчи, напоила ее какой-то травою, и осталась при ней ночевать. Къ вечеру Леся согласилась было на убѣжденіе матери раздѣться и лечь въ постель; но, услышавъ голосъ Кирила Тура, рѣшилась не раздѣваться и не ложиться спать во всю ночь. Она не сомнѣвалась, что этотъ пройди-свѣтъ дышетъ не своею силою: она слышала много чудесъ о Запорожскомъ *характéрствѣ*. А Кирило Туръ, какъ-бы съ намѣреніемъ позабавиться еще больше ея страхомъ, началъ опять свой странный разговоръ.

»Ну, панóве«, сказалъ онъ, »собрался я въ дорогу.«

»Въ какую?« спросилъ Сомкó.

»Да въ Черногорію жъ.«

»Всё-таки туда! Ты не отстаешь отъ своей затѣи?«

»Когда жъ это, пане ясновельможный, бывало, чтобъ Низовцы, что-нибудь затѣявши, оставили

свой замыселъ, какъ химеру? О чемъ никто подумать не отважится, то Низовецъ, сидя надъ широкимъ моремъ-лиманомъ, выдумаетъ, затѣетъ и скорѣй пропадетъ, нежели броситъ свою затѣю. Такъ, видно, и мнѣ приходится теперь, или пропасть, или достать славы: не даромъ мою Турову голову такъ заморочили дѣвичьи очи!«

»И ты, будучи Запорожцемъ, не стыдишься въ томъ признаваться!« сказалъ Шрамъ, который тоже заслушался его балагурства, какъ сказки. »А что̀ скажетъ товариство, когда узнаетъ, что куренный ота́манъ такъ осрамилъ Запорожье?«

»Ничего не скажетъ: я уже теперь вольный козакъ.«

»Какъ-то *теперь* вольный? а прежде развѣ не былъ вольный?«

»Видите ли, у насъ пока козакъ считается въ куренномъ товариствѣ, до тѣхъ поръ онъ такой же невольникъ у Сѣчевой старшины, какъ и послушникъ монастырьскій у своего игумена. Свяжись, когда хочешь, тогда съ бабою, то будешь знать, *по чімъ ківшъ лиха!* Но нашъ монашескій уставъ мудрѣе монастырскаго: у насъ вольному воля, а опасенному рай. Чего добраго ожидать отъ человѣка, которому запахнутъ, какъ говорится, прелести міра сего? У насъ, какъ только овладѣетъ которымъ братчикомъ дьяволъ суеты мірской, то заразъ ему отставка: иди къ бѣсовой матери, выбрикайсь на свободѣ, коли слиш-

комъ разжирѣлъ отъ Сѣчеваго хлѣба! И не разъ случалось, что бѣдный сѣромаха погуляетъ-погуляетъ по свѣту, ухватитъ, какъ говорятъ, шиломъ патоки, да увидѣвши собственными глазами, что въ мірѣ нѣтъ ничего путнаго, броситъ жінку и дѣтей, придетъ въ Сѣчь: ,»Эй, братчики, примите меня »опять въ свое товариство: нѣтъ на свѣтѣ до»бра, не стоитъ онъ ни радости, ни печали.« А козаки тогда: »*А що, братъ, ухопйвъ шйломъ* »*пáтоки?* Бери жъ корякъ да выпей съ нами этой »дуры, то, можетъ, поумнѣешь.« Вотъ горемыка садится межъ милымъ товариствомъ, пьетъ, разсказываетъ про свое житье-гореванье на свѣтѣ, а тѣ слушаютъ да только за бока берутся отъ смѣху. Такъ и мой покойный батько — царство ему небесное! — ѣздячи когда-то по Украинѣ, наѣхалъ на такія очи, что и товариство стало ему не товариство: сказано — лукавый замутилъ человѣку голову, такъ какъ вотъ мнѣ теперь. Ну, увольнился отъ товариства, сѣлъ хуторомъ гдѣто возлѣ Нѣжина, и хозяйство завелъ, и дѣтокъ прижилъ двоихъ. Одинъ изъ нихъ былъ карапузъ мальчикъ, а другая—дѣвочка. Только, годовъ черезъ пять-шесть, такъ ему все опротивѣло въ той сторонѣ, какъ орлу въ неволѣ. Тоскуетъ да и тоскуетъ козакъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли козацкую душу наполнять жінкою-квочкою да дѣтьми-писклятами? Козацкой души и весь міръ не наполнитъ. Весь міръ она прогуляетъ и разсыплетъ,

какъ дукаты съ кармана. Одинъ только Богъ можетъ ее наполнить....«

»Чтó жъ сдѣлалось съ твоимъ батькомъ?« спросилъ Сомкó. »Ты ужъ разсказывай одно; а то хочешь быть и попомъ и дякомъ.«

»Съ моимъ батькомъ?« сказалъ Запорожецъ, выходя изъ какой-то несвойственный ему задумчивости, въ которую впалъ онъ послѣ своего разсужденія. »Эге! я жъ говорю, что, женившись, батько мой скоро увидѣлъ, *що поживúвсь, якъ собáка мýхою*, и заскучалъ по Запорожью. Уже не разъ говорила ему моя мать, такъ какъ та жінка въ пѣснѣ:

Що ты мúлий дýмаешъ-гадáешъ?
Мáбуть, менé покúнути мáешъ,
Рáно встаéшъ, конѝ напоáешъ,
Жовтéнького вівсá підсипáешъ,
Зелéного сінцѝ підкладáешъ;
Въ сінечки йдешъ, нагáйки питáешъ;
Въ комóру йдешъ, сідéльця шукáешъ;
Дитѝ плáче, ти не поколúшешъ,
Все на мéне важкúмъ дýхомъ дúшешъ?...

Только мой бáтько не пускался въ такіе жалобные раздобары, какъ тотъ козакъ съ своею жінкою, а надумавшись-нагадавшись, сѣлъ разъ на коня, взялъ на сѣдло съ собою карапуза своего сынка, то есть меня негоднаго, да и гайдá на Запорожье! Не выбѣгала въ-слѣдъ за нимъ моя мать, какъ въ той пѣснѣ, не хватала за стремена, не упрашивала воротиться выпить вареной го-

рілки, нарядиться въ голубой жупанъ, и еще хоть разъ посмотрѣть на нее. И наливки, и жупаны оставилъ онъ ей на прожитье; а самъ, въ простой сермягѣ, удралъ за границу бабьяго царства, на Запорожье. Видно, и мнѣ придется пойти по батьковскимъ слѣдамъ.«

»Ну, бери жъ кубокъ да подкрѣпись на дорогу«, сказалъ гетманъ. »До Черной Горы не близокъ свѣтъ. Вотъ и мы погладимъ тебѣ дорогу.«

»Дякуемъ тебѣ, пане гетмане«, отвѣчалъ, низко поклонясь, Запорожецъ, и опорожнилъ, въ отвѣтъ, свой кубокъ. »Когда ты самъ гладишь мнѣ дорогу, то будь увѣренъ, что довезу я въ Черную Гору твою невѣсту благополучно.«

»Чтó ты думаешъ?« сказалъ Шрамъ потихоньку гетману. »Вѣдь эти Сѣчевые бурлаки такой народъ, что ихъ и самъ нечистый не разберетъ. Смотри еще, чтобъ въ самомъ дѣлѣ дьяволъ не подвелъ его на какую-нибудь сумасбродную шутку.«

»Богъ знаетъ чтó!« отвѣчалъ смѣясь гетманъ. »Я слишкомъ хорошо знаю этого юродиваго Запорожца. У него только въ глазахъ лукавство и насмѣшка, а душа такая, какъ-будто онъ выросъ въ церкви, а не на Запорожьи. Когда я проганялъ Ляховъ изъ Украины и отбивался отъ Юрася и Татарвы, онъ съ своимъ Черногорцемъ оказалъ мнѣ множество услугъ. Онъ былъ моимъ вѣстникомъ, шпіономъ, тѣлохранителемъ, онъ дрался за меня, какъ бѣшенный, и все это за кубокъ

наливки да за доброе слово. Не разъ насыпа́лъ я ему полную шапку талярей, но онъ, выходя отъ меня, выбрасывалъ ихъ вонъ, какъ соръ. »Откуда это столько половы набилось въ шапку!« Такой чудодѣй. Бывало говорю: »Кирило, скажи ради Бога, чѣмъ мнѣ наградить тебя за твои услуги? »вѣдь ты не разъ спасалъ меня отъ смерти.« — »Не тебѣ«, говоритъ, »награждать меня за это!« Вонъ оно что́, батько!«

»Да́«, отвѣчалъ Шрамъ, »это золото, а не Запорожецъ! — Пане ота́мане«, сказалъ онъ Кириллу Туру, »поди сюда, дай я обниму и поцѣлую тебя.«

»За что́ это такая ласка?« отвѣчалъ тотъ своимъ обычнымъ тономъ.

»Поди, поди; мнѣ-то знать, за что́!«

И Шрамъ прижалъ Запорожца къ своей груди.

»Пускай же наградитъ тебя Господь за твои рыцарскіе поступки!« сказалъ онъ.

»Эге, батько«, отвѣчалъ Запорожецъ. »То еще пустяки, да уже такъ меня приголубливаешь. Какъ же приголубишь ты Кирила Тура, когда онъ украдетъ у гетмана изъ-подъ полы невѣсту?«

»Врагъ меня возьми, братцы«, отозвался Черевань, который особенно любилъ балагурство во вкусѣ Кирила Тура, »врагъ меня возьми, если я когда видѣлъ подобнаго молодца! Душа, а не Запорожецъ! Поди, братъ, и ко мнѣ, и я тебя поцѣлую.«

»Вотъ добрые люди«, сказалъ Запорожецъ, освободясь отъ мягкихъ объятій Череваня. »Ў нихъ крадешь, а они тебя цѣлуютъ! Ей Богу, безподобные люди! Жаль, что уже больше не увидимся: въ Черногорію и воронъ костей вашихъ не занеćетъ. Ну, прощайте жъ теперь, панóве! благодаримъ за хлѣбъ, за соль. Прощайте, пора мнѣ готовиться въ дорогу....«

И, выходя изъ свѣтлицы, Кирило Туръ распростеръ руки и говорилъ: »Двери отмыкайтесь, а люди не просыпайтесь! двери отмыкайтась, а люди не просыпайтесь!«

»Чтó за причудливая голова у этого Запорожца!« сказалъ смѣясь Сомкó. »Безъ юродства ему не ѣстся и не спится. Это онъ насъ чаруетъ, характéрствуетъ.«

ГЛАВА VIII.

Ой по горі по високій ярая пшениця,
А по луці по зеленій шовкова травиця;
А по тій же по травиці два козаки ходять
Да вороних коней водять, не добре говорять:
»Ой поідемъ, пане брате, до Марусі въ-гості,
А въ твеі Марусеньки ввесь двіръ на помості«....
Ой узяли Марусеньку съ чорними бровами
Да повезли Марусеньку лугами-ярами....

Народная пѣсня.

Вечерній пиръ продолжался не долго, потому что благочестивымъ людямъ неприлично было въ монастырской гостинницѣ гулять до-поздна. За часъ до полуночи всѣ уже спали, нарушая тишину только храпѣньемъ, которое раздавалось отъ покоевъ, занятыхъ сановнѣйшими изъ гостей, до конюшень, гдѣ помѣстился Василь Невольникъ и нѣсколько другихъ козаковъ. Многіе улеглись подъ открытымъ небомъ на подворьѣ, и хоть ночь была довольно прохладна, но для этихъ крѣпкихъ людей, разгоряченныхъ напитками, прохлада ноч-

ная была такъ пріятна и живительна, какъ и для травъ, привянувшихъ на солнечномъ жару.

Кругомъ по лѣсу раздавалось пѣніе соловьевъ, покрываемое иногда дикимъ голосомъ *пугача*, который очень явственно выговаривалъ свое зловѣщее *пугу!* Козацкое солнце (¹) высоко поднялось надъ лѣсами, какъ-бы для того, чтобъ поглядѣдь на своихъ любимцевъ, безпечно покоящихся подъ его сіяніемъ. Звѣзды осыпали небо, какъ ризу.

Величественная картина ночи поселила въ умѣ Украинца рядъ благочестивыхъ и поэтическихъ мыслей. Мѣсяцъ, своими таинственными пятнами, напоминаетъ ему вражду двухъ первыхъ братьевъ. Чтобъ предостерегать на вѣки вѣковъ родъ человѣческій отъ подобнаго злодѣянія, Богъ начерталъ своею рукою на этомъ свѣтилѣ небесномъ образъ Каина, несущаго на плечахъ своего брата, въ знаменіе того, что никогда память о содѣянномъ убійствѣ не оставитъ совѣсти преступника. Звѣзды представляются воображенію Украинца человѣческими душами, которыя, воспользовавшись усыпленіемъ грѣховной плоти во время ночи, вознеслись къ своему Творцу, чистыя и блистательныя. Если покатится по небу и погаснетъ падающая звѣзда, Украинецъ заключаетъ, что погасла жизнь какого-нибудь человѣка, и усердно

(¹) Козаки много дѣлали дѣлъ своихъ ночью, при свѣтѣ мѣсяца. Отъ этого мѣсяцъ и называется *козацкимъ солнцемъ*.

перекрестится, прося Бога отпустить ему грѣхи его. Къ нѣкоторымъ изъ неподвижныхъ звѣздъ и созвѣздій онъ обращается, какъ къ священнымъ знакамъ творческой руки Божіей, благодѣтельнымъ для разныхъ временъ года, для разныхъ занятій, промысловъ и тому подобнаго. Такъ созвѣздіе Возъ (Большая Медвѣдица) считается благодѣтельною звѣздою чумаковъ; другія покровительствуютъ жатвѣ, скотоводству, и проч.

Ночь, распростершаяся надъ Печерскимъ монастыремъ и его холодными лѣсами, была прекрасна; но никто не любовался ею, хотя и былъ въ числѣ разгульныхъ богомольцевъ одинъ человѣкъ, который напрасно думалъ найти сонъ на травѣ, покрывавшей подворье. Этотъ человѣкъ долго переворачивался съ одного бока на другой, вздыхалъ, изрѣдка стоналъ, подобно раненному воину, который, при всемъ своемъ мужествѣ, не можетъ перенести терпѣливо боли своей раны; наконецъ онъ всталъ и вышелъ сквозь низенькую калитку въ лѣсъ.

Не трудно догадаться, что это былъ не кто другой, какъ Петро́, который таилъ отъ всѣхъ несчастную любовь свою, и тѣмъ жесточе мучился. Да и къ чему было бы ему кому-нибудь открываться, если такая откровенность, вмѣсто участія, дала бы иному случай посмѣяться надъ чувствами, которыя всякій влюбленный считаетъ самыми священными въ душѣ своей? Если и въ нашъ

образованный вѣкъ такъ не высоко цѣнятъ любовь къ женщинѣ, то что́ же сказать о томъ грубомъ вѣкѣ, когда женщину принимали въ спутницы жизни только по матерьяльнымъ нуждамъ, а не по требованію сердца, чувствующаго себя неполнымъ, недосозданнымъ? Въ-старину у насъ любили, можно сказать, однѣ женщины: доказательствомъ тому осталось множество сложенныхъ ими пѣсенъ. Мужчина только тогда возвышался до чувства поэтической любви, когда дѣлался семьяниномъ и отцемъ.

Какія думы, какія чувства занимали душу моего козака, не берусь разсказывать, да и самъ онъ едва ли былъ бы въ состояніи выразить что-нибудь словами. Еслибъ онъ имѣлъ мать, для которой всякое страданіе сына становится собственнымъ страданіемъ, или сестру, которую Украинскія наши пѣсни такъ хорошо назвали жалібницею, онъ бы *имъ* разсказалъ свое горе; потому что, если козакъ стыдился обнаруживать нѣжныя чувства передъ козакомъ, и прикрывалъ ихъ всегда насмѣшливымъ тономъ рѣчей, то онъ невольно дѣлался простодушнымъ юношею, когда мать окружала его своими заботами, или сестра принималась разчесывать его кудри, распрашивая о чужой сторонѣ, объ ужасахъ, нуждахъ и опасностяхъ, какимъ онъ подвергался. Мой Петро́ не имѣлъ ни матери, ни сестры. Казалось бы, его чувства тѣмъ удобнѣе могли огрубѣть посреди за-

біякъ-товарищей и суровыхъ воинскихъ занятій. Но вышло напротивъ: они достигли тѣмъ большей силы въ глубинѣ его чистой и страстной души, закрытой для всѣхъ женщинъ до этого знакомства.

Петро́ медленно бродилъ по узкой дорожкѣ, извивающейся между старыми дубами и березами, сквозь которыя мѣсяцъ, спустившись съ высоты неба, проливалъ по травѣ и по истрескавшимся корнямъ древеснымъ длинныя полосы свѣта. Ночь была уже на исходѣ. Вдругъ слышитъ онъ въ лѣсу конскій топотъ. Шумъ постепенно къ нему приближался. Опытный слухъ его сквозь пѣнье соловьевъ распознамъ умѣренную рысь двухъ лошадей. Избѣгая съ кѣмъ бы то ни было встрѣчи, онъ отошелъ въ сторону, и черезъ минуту, или черезъ двѣ, началъ различать голоса двухъ разговаривающихъ людей, изъ которыхъ въ одномъ не трудно было узнать Запорожца Кирила Тура. Несвободная, наполненная ошибками противъ языка и перемѣшанная Сербскими восклицаніями *бре* и *море*, рѣчь его собесѣдника обнаружила всегдашняго спутника его, Богдана Черногора.

»Хотѣлъ бы я знать, побро«, говорилъ Сѣчевикъ, »что́ скажутъ ваши отмичары о Запорожскомъ удальствѣ, когда ты имъ разскажешь, какъ Кирило Туръ подхватилъ себѣ *дівойку*, да еще какую!«

»Бре, побро«, отвѣчалъ Черногорецъ; »мнѣ всё

сдается, что ты меня морочишь. Не повѣрю, пока не увижу собственными глазами.«

»Мѣсяцъ еще не скоро зайдетъ; увидишь, коли не ослѣпнешь.«

»Но скажи, ради Бога, какъ ты *отметь дівойку*, не надѣлавши шуму?«

»Эге-ге! такія ли дѣла приходилось Запорожцамъ совершать на своемъ вѣку? А развѣ я напрасно заворожилъ всѣ двери?«

»Море!« воскликнулъ Черногорецъ. »Ты бъ уже хоть меня не дурачилъ!«

»Чтó за безтолковая у тебя голова!« сказалъ Кирило Туръ. »Ну, за чтóбъ меня выбрали отаманомъ? развѣ за то, что исправно осушаю ковши съ горілкою? На это у насъ много мастеровъ; а характерство не всякому дается.«

Между тѣмъ, какъ Петрó съ любопытствомъ и удивленіемъ слушалъ этотъ разговоръ, отмичары проѣхали мимо, и отъѣхали такъ далеко, что голоса ихъ начали покрываться неумолкавшимъ во всю ночь пѣньемъ соловьевъ.

Теперь эти странныя рѣчи Петру не казались уже шуткою, и первымъ его движеніемъ было идти на козацкое подворье и разбудить козаковъ. Но, сдѣлавъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ подворью, онъ перемѣнилъ свое намѣреніе, и ему стало даже стыдно, какъ могъ онъ быть такъ легкомысленъ, чтобы принять затѣю пьянаго Запорожца за настоящее дѣло!

Однакожъ онъ продолжалъ идти впередъ медленнымъ шагомъ.

»Чудно!« думалъ онъ, »какъ человѣкъ отъ юродства способенъ совсѣмъ спятить съ ума! Это тебѣ за то: не представляй изъ себя хи́мородника ([1]), не бурли, какъ кабанъ въ корытѣ! Я отъ души буду доволенъ, если ему за эту шутку Сомко́, также шутя, велитъ нагрѣть дубиною плечи.«

Послѣ нѣсколькихъ шаговъ, мысли его приняли другое направленіе.

»Но что́, если онъ въ самомъ дѣлѣ характе́рникъ?« думалъ онъ — и вспомнилъ разсказы старыхъ и бывалыхъ козаковъ о томъ, какъ эти бурлаки-Запорожцы, сидя на Низу въ камышахъ, надъ водою, обнюхиваются съ нечистымъ; какъ они выкрадывали изъ Турецкихъ крѣпостей не только своихъ товарищей, невольниковъ, но и самыхъ Турчанокъ, такимъ чуднымъ способомъ, что безъ особенной помощи Божіей, или безъ нечистой силы, обойтись, кажется, было бы трудно.

»Правда«, размышлялъ онъ, »почему же не быть помощи Божіей для освобожденія невольника изъ бусурменской земли, или для того, чтобъ невѣрная Турчанка сдѣлалась Христіянкою? Но отъ такихъ разбиша́къ, у которыхъ безпрестанно на языкѣ какая-нибудь дрянь, и Богъ отступится. Да притомъ же, вѣрно, не даромъ носится въ народѣ

([1]) Чародѣя.

слухъ про ихъ характерство.... Уходитъ отъ Татаръ, раскинетъ на водѣ бурку, сядетъ и плыветъ, какъ на плоту, да еще, сидя на буркѣ, и отъ Татаръ отстрѣливается! Конечно, то пустяки, что Ляхи вѣрятъ, будтобы Запорожцы родятся на Днѣпровскомъ лугу, какъ грибы, и оживаютъ до девяти разъ, потому, будтобы, что у каждаго Запорожца девять душъ въ тѣлѣ. Но украсть у добраго человѣка что-нибудь имъ такъ же легко, какъ достать тютюну изъ собственнаго кармана. Они напускаютъ туманъ на человѣка....«

Тутъ пришелъ ему на память Запорожскій бурлака, который сидѣлъ у стараго Хмельницкаго подъ стражею, и напускалъ туманъ. »Что́ вы«, говоритъ, »меня сторожите? Только захочу, то чорта-съ-два убережете. Завяжите«, говоритъ, »меня въ мѣшокъ, да привѣсьте къ перекладинѣ, такъ и увидите.« Завязали въ мѣшокъ и привѣсили къ перекладинѣ, а онъ и идетъ изъ-за двери. »А что́, вражьи дѣти, уберегли?«

»Что́ же«, думаетъ Петро́, »если и это такой удалецъ! Пойду скорѣй, чтобъ въ самомъ дѣлѣ не надѣлалъ онъ намъ бѣды.«

Но, пройдя шаговъ десять, онъ опять остановился.

»Что́ я за безумная голова!« сказалъ онъ почти въ-слухъ. »Кому я иду помогать? кого спасать? Развѣ у нея нѣтъ жениха, который долженъ охранять ея спокойствіе и честь? Что́ жъ я за

караульный, который долженъ не спать по цѣлымъ ночамъ, чтобъ какой-нибудь пьяница не подкрался и не испугалъ гетманской невѣсты? Когда ты выходишь за гетмана, такъ пусть вокругъ тебя на всѣхъ дверяхъ и воротахъ поставитъ сторожу; а мои уши ничего не слышали и очи не видѣли.... Пусть васъ хоть всѣхъ перехватаютъ эти гайдамаки — мнѣ какое дѣло? Воображаю я завтра ясновельможнаго пана, когда узна́етъ, что Запорожецъ изъ-подъ носа у него укралъ невѣсту! Воображаю и тебя, пышная пани Череваниха: такъ ли гордо будешь ты поглядывать на нашего брата, когда этотъ женихъ, со звѣздами вмѣсто очей, проспитъ невѣсту свою не хуже всякаго гультая? Воображаю и тебя, неприступная краля, когда эта шиба́й-голова замчитъ тебя между Черногорцевъ: тамъ женщины цѣлуютъ въ руку мужчинъ, а тѣ на нихъ даже взглянуть считаютъ милостью! Будешь ты тамъ скакать черезъ саблю этого дикаго Тура, не разъ вспомнишь пѣсню:

Люби́въ мене́, ма́мо, Запоро́жець,
Води́въ мене́ бо́су на моро́зець....«

Тутъ его мысли прерваны были послышавшимся вдали конскимъ топотомъ. Все его вниманіе обратилось въ ту сторону, откуда слышался топотъ. »Неужели въ самомъ дѣлѣ этотъ бурлака знается съ нечистою силою?« подумалъ онъ. »Но посмотримъ, не одни ли они возвращаются? — Нѣтъ,

въ самомъ дѣлѣ они ее везутъ!« воскликнулъ мысленно Петро́, примѣтя вдали всадниковъ, отъ которыхъ длинныя тѣни доставали по травѣ почти до куста, гдѣ онъ скрывался. Тутъ только пришло ему въ умъ, какую роль могла сыграть ворожка, за которою Череваниха простодушно посылала Василя Невольника....

Отмичары скоро подъѣхали очень близко. Смотритъ козакъ мой, — Кирило Туръ держитъ передъ собою Лесю на рукахъ, какъ ребенка. Видъ ея поразилъ Петра какимъ-то ужасомъ. Она казалась дѣйствительно заколдованною: сидѣла на конѣ, или лучше сказать, лежала на рукахъ у Запорожца, съ закрытыми глазами и опущенною на грудь головою, между тѣмъ какъ видно было, что она чувствуетъ свое положеніе. Петро́ услышалъ даже нѣсколько отрывистыхъ словъ, сказанныхъ ею въ этомъ полуснѣ; но за топотомъ коней и за свистомъ соловьевъ, которые передъ разсвѣтомъ запѣли громче прежняго, онъ не могъ разслушать, что́ она говорила. Онъ хотѣлъ было выдти изъ-за куста, заступить отмичарамъ дорогу и сразиться съ ними, не смотря на всѣ ихъ чары; но вспомнилъ, что при немъ нѣтъ никакого оружія, кромѣ ножа у пояса.

Когда они проѣхали мимо, Петро́ еще съ минуту не зналъ, на что́ рѣшиться. Не смотря на состраданіе къ Лесѣ и негодованіе къ похитителямъ, въ его сердцѣ всё еще не изчезли ревность

и низкое чувство мщенія. Онъ еще разъ обратился къ любимымъ своимъ размышленіямъ насчетъ досады и стыда людей, съ которыми Запорожецъ сыгралъ такую злую шутку.... Но вдругъ до его слуха долетѣлъ вопль увозимой красавицы, и ему показалось, что онъ слышалъ въ этомъ воплѣ свое имя. Сердце его затрепетало, и въ ту жъ минуту пробудилась въ немъ вся энергія, вся готовность пожертвовать за эту дѣвушку своею жизнью, хоть бы только для того, чтобъ она вспомнила о немъ съ благодарностью.

Онъ бѣгомъ бросился къ подворью, отъ котораго былъ не далеко, и сперва хотѣлъ было поднять на ноги весь домъ; но непреодолимое отвращеніе извѣщать Сомка́ о его невѣстѣ удержало его отъ этого. Къ тому жъ, онъ боялся потерять время. Итакъ онъ вбѣжалъ въ конюшню, разбудилъ спавшаго тамъ Василя Невольника и, пока сѣдлалъ своего коня, разсказалъ ему, въ чемъ дѣло.

Василь Невольникъ, отъ удивленія и страха, могъ только произносить: »Боже правый! Боже правый!« и Петро́, оставя его въ этомъ положеніи, помчался въ погоню.

Между тѣмъ отмичары продолжали свой путь такъ быстро, какъ только позволяло имъ затрудненіе везть полусонную красавицу. Бѣдная Леся видимо была напоена соннымъ напиткомъ, и такъ сильно, что до сихъ поръ не могла очнуться. Скоро, однакожъ, свѣжій ночной воздухъ и движеніе

отъ верховой ѣзды произвели на нее свое дѣйствіе. Она открыла отяжелѣвшія вѣки и, увидя себя въ лѣсу между двухъ усатыхъ рожъ, сочла это видѣніе за сонъ. При всемъ томъ страхъ ея былъ такъ силенъ, что она пронзительно закричала, призывая своихъ друзей на помощь; и этотъ-то крикъ произвелъ такое благодѣтельное дѣйствіе на любящее сердце Петра.

Что́ же касается до сердецъ Кирила Тура и его вѣрнаго побратима, то вопль прелестной *отмицы* тронулъ ихъ не болѣе того, сколько отчаянный крикъ зайца трогаетъ сердце охотника. Витязи ночи только взглянулись между собою съ торжествующимъ видомъ и продолжали мчать впередъ свою добычу. Она начала умолять ихъ, чтобъ не губили ее и возвратили къ отцу и матери; но Кирило Туръ на это весело разсмѣялся.

»Что́ за глупыя головы у этихъ дѣвушекъ!« сказалъ онъ. »Послѣ такихъ трудовъ бросить по доброй волѣ добычу! Нѣтъ, голу́бонько, не на такого напала. Да и чего горевать тебѣ? развѣ я не съумѣю любить тебя такъ же, какъ и кто другой? Не плачь, мое се́рденько! Привыкнешь, то будешь такъ же весело жить, какъ и за гетманомъ. Не даромъ говорятъ: *дівка якъ верба́: де посадй, то прийметця.*«

Не очень утѣшило Лесю такое увѣщаніе; бѣдняжка рвалась, кричала, поднимала къ небу руки.

»Послушай, моя дуся«, сказалъ ей Запорожецъ

такимъ голосомъ, отъ котораго она затрепетала, »я не знаю вашихъ нѣжностей. Можетъ быть, ясновельможный панъ гетманъ, или кто другой, умѣлъ бы лучше развеселить тебя; я же скажу только, что тебѣ выгоднѣе будетъ отложить свой крикъ до другого времени, ато насъ могутъ нагнать, и тогда не думай, чтобъ я возвратилъ тебя живую. Можетъ быть, у вашихъ сельскихъ волковъ можно вырвать изъ пасти еще не задавленнаго ягненка, но наши луговые не привыкли быть такими уступчивыми. Молчи, говорю, коли не нажилась еще на свѣтѣ!«

И, вынувъ изъ ноженъ кинжалъ, блеснулъ имъ при мѣсяцѣ передъ ея глазами, прибавя: »Не плачь, моя люба; *бачъ, яка́ цяця!*«

Яростный взглядъ, брошенный при этомъ изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, и голосъ, врѣзывавшійся въ самое сердце, заставили бѣдную отмицу повиноваться своимъ похитителямъ, и только мысленно молить Бога о помощи.

Когда они выѣхали изъ лѣсу на открытое поле, блѣдный лунный свѣтъ боролся уже съ розовымъ отблескомъ зари, которая начинала окрашивать своимъ пурпуромъ восточный горизонтъ. Поля простирались передъ ними широкими волнами, и дорога то́ спускалась въ долину, то́ подымалась на отлогую возвышенность. Взъѣхавъ на одну изъ такихъ возвышенностей, Кирило Туръ оглянулся,

и, замѣтя подъ лѣсомъ скачущаго во весь опоръ козака, сказалъ:

»Не будь я Запорожецъ, если этотъ молодецъ не за нами! И, если хочешь, побро, знать зоркость моего ока, то скажу тебѣ, и кто это. Это сынъ стараго Шрама. Врагъ меня побери, если я не догадываюсь, какой зарядъ несетъ такъ быстро эту пулю!«

»Море, драгій побратиме!« отвѣчалъ Черногорецъ, »чего жъ ты сталъ? утекаймо!«

»Не такой, братъ, у него конь, чтобъ намъ уйти съ отмицею. Нѣтъ, лучше остановимся и дадимъ ему бой по-рыцарски.«

»Бре, побро, я никогда не прочь отъ бою; но насъ двое: стрѣлять намъ не приходится, а на сабляхъ не знаю, что́ можно сдѣлать Шрамову сыну; только провозимся здѣсь до свѣту, пока наскучутъ и отнимутъ дівойку.«

»Я много разъ слышалъ«, сказалъ Кирило Туръ, »что Шрамовъ сынъ одинъ изъ первыхъ рубакъ на Украинѣ, и потому-то не хочу, чтобъ онъ видѣлъ спину Кирила Тура, послѣ того, какъ махалъ ему издали саблею. Посмотри, какъ онъ машетъ: будто проситъ добрыхъ пріятелей воротиться въ-гости. Будь я дрянь, а не Запорожецъ, коли сегодня одинъ изъ насъ не добудетъ рыцарской славы, а другой рыцарской смерти! Ты увидишь сегодня такой поединокъ, что перестанешь выхвалять своихъ Черногорскихъ юнаковъ.«

»Ты хочешь, побро, одинъ съ нимъ биться?« спросилъ Черногорецъ.

»А вже жъ одинъ!« отвѣчалъ Кирило Туръ. »Я скорѣй промѣняю саблю на веретено, чѣмъ нападу вдвоемъ на одного.«

Между тѣмъ, какъ они разговаривали, остановясь на одномъ изъ полевыхъ Бугровъ, Петро́ приближался къ нимъ тѣмъ быстрѣе, что Леся, увидя неожиданную себѣ помощь, вынула изъ кармана бѣлую *ху́стку* ([1]) и начала махать ему, въ знакъ радости.

Отмичары только что́ оставили за собою мостикъ, перекинутый черезъ одинъ изъ глубокихъ проваловъ, которыми въ этомъ мѣстѣ покрыты нагорные берега Днѣпра. Кирило Туръ, спустивъ свою отмицу на землю, всталъ съ коня и, разобравши ветхій мо́стикъ, побросалъ бревна въ провалъ, на днѣ котораго ревѣлъ мутный потокъ, подмывая крутыя берега.

»На что́ ты это творишь, драгій побратиме?« спросилъ Черногорецъ.

»На то«, отвѣчалъ Кирило Туръ, »чтобъ этотъ молодецъ доказалъ сперва право имѣть дѣло съ Запорожцемъ. Пускай перепрыгнетъ черезъ этотъ ровчакъ, тогда я готовъ съ нимъ рубиться, хоть до страшнаго суда.«

»Бре, побро, къ чему это? Коли ты думаешь,

([1]) Платокъ.

что ему не удастся перепрыгнуть, то лучше оставимъ его по ту сторону, а сами доберемся скорѣй до своей *схóванки* (¹).«

»Ха-ха!« отвѣчалъ Кирило Туръ, »можетъ быть, у васъ въ Черногоріи такъ дѣлаютъ, а у насъ важнѣе всего »честь и слава, войсковая справа«, которая бъ и »сама себя на смѣхъ не давала, и »непріятеля подъ ноги топтала.« О головѣ думать нечего. Не даромъ написано: *Человѣкъ, яко трава*. Не сегодня, такъ завтра ляжетъ она, какъ отъ вѣтру бурьянъ на степи, а —

Слáва не вмре, не поля́же,
Рицáрство козáцьке вся́кому роскáже.«

Между тѣмъ какъ этотъ удалецъ, дѣйствуя поразбойничьи, мечталъ о рыцарской славѣ (что́, впрочемъ, водилось и въ Нѣмецкомъ рыцарствѣ), Петрó летѣлъ на него съ обнаженною саблею. Но конь его, доскакавъ до провала, вдругъ остановился, уперся въ землю передними ногами и дико храпѣлъ отъ страху.

»Ге-ге-ге!« сказалъ, смѣясь, Кирило Туръ. »Видно, не по твоему вкусу такіе ярки?«

»Подлый человѣкъ!« вскричалъ Петрó, »такъ-то заплатилъ ты за угощеніе?«

»За угощеніе? вотъ великое дѣло!« отвѣчалъ Кирило Туръ. »У насъ въ Сѣчи пріѣзжай, кто

(¹) Тайника.

хочешь, воткни ратище въ землю, а самъ садись, ѣжь и пей, хоть тресни—никто тебѣ ложкою очей пороть не станетъ. А эти городовые кабаны только потому все считаютъ своимъ, что прежде другихъ забрались въ огородъ. Олухи вы царя небеснаго! Подумали бы вы сперва, кто тотъ огородъ засадилъ всякою всячиною, на потребу человѣка?«

»Іуда ты нечестивый!« продолжалъ Петро, »тебя обнимаютъ и цѣлуютъ за вечерею, я ты умышляешь въ то самое время злодѣйство!«

»Ха-ха-ха!« засмѣялся Запорожецъ, »вольно дурнямъ обнимать и цѣловать меня, когда я въ глаза имъ говорю, какъ честный человѣкъ, безъ обмана, что увезу сегодня жъ па́нночку! Чѣмъ городить такіе пустяки, попробуй лучше перепрыгнуть черезъ провалье; то мы съ тобою покажемъ этому юнаку, какъ бьются настоящіе рыцари.«

Петро́ и безъ его совѣта намѣренъ былъ это сдѣлать. Оборотя назадъ коня, онъ разогнался, чтобъ перепрыгнуть пространство шириною около полуторы сажени; но его конь, видно, не былъ пріученъ къ подобнымъ скачкамъ, или не надѣялся на свои ноги. Добѣжавъ до провала, онъ снова уперся ногами въ землю, потомъ всталъ надыбы и едва не опрокинулся на спину.

Кирило Туръ отъ души захохоталъ, стоя на другомъ краю пропасти, и, по-видимому, вовсе не заботился о предстоящей схваткѣ.

»Ай-ай!« кричалъ онъ, »ай да козакъ! дівчá по-неволѣ перескочило черезъ провалье, а онъ, погнавшись за нею, испугался ярка́!«

»Я бъ тебѣ скоро заткнулъ глотку, Иродова душа«, сказалъ раздосадованный Петрó, »колибъ не забылъ взять пистолетовъ!«

»Никогда я не повѣрю«, отвѣчалъ тотъ равнодушно, »чтобъ сынъ Шрама взялся за разбойничье оружіе одинъ противъ одного, тогда какъ имѣетъ въ рукѣ честную саблю.... Чтó же *мнѣ* мѣшало бы отдѣлаться отъ тебя пулею и ѣхать дальше, вмѣсто того, чтобъ ждать, пока ты отважишься прыгнуть черезъ ровча́къ?«

»Подлая кожа!« говорилъ между тѣмъ Петрó, досадуя на своего коня. »Чтобъ тебя волки съѣли! Я обойдусь и безъ твоихъ ногъ!«

И отошелъ нѣсколько шаговъ назадъ, чтобъ разбѣжаться на отчаянный прыжокъ.

Угадавъ его намѣреніе, Леся закрыла въ ужасѣ глаза и мысленно молила Бога подкрѣпить его силы. Впрочемъ, глядя на его высокій ростъ, стройность тѣла и легкость движеній, можно было ожидать, что онъ исполнитъ свое намѣреніе, не подвергаясь большой опасности.

Въ самомъ дѣлѣ прыжокъ былъ такъ ловокъ, что Петрó ступилъ правóю ногою на другой берегъ; но едва коснулся онъ земли, какъ она обрушилась подъ нимъ подобно хрупкому снѣгу, и онъ полетѣлъ бы на дно глубокаго провала, ес-

либъ Кирило Туръ не подбѣжалъ и не подалъ ему руки.

»Молодецъ, братъ, ей Богу, молодецъ!« говорилъ онъ. »Не даромъ о тебѣ идетъ такая слава. Ну, теперь я отъ всей души готовъ съ тобою стукнутся саблями.«

»Слушай, товарищъ«, сказалъ ему Петро́: »не буду я съ тобою биться.«

»Какъ! ты отказываешься отъ моей бранки?«

»Нѣтъ! скорѣй откажусь отъ жизни! Но послушайся меня, братъ: отдай мнѣ ее, кончи на этомъ свою шутку, и вотъ тебѣ рука моя, что я буду твоимъ вѣрнѣйшимъ другомъ.«

»Ха-ха-ха! вотъ чудеса!« воскликнулъ Запорожецъ. »Богданъ, слышишь ли?... Я зналъ, что въ тебѣ бездна отваги, но не зналъ, что такъ мало толку. Не совсѣмъ же ты, козаче, пошелъ по батьку. Какой бы дьяволъ заставилъ меня затѣвать съ гетманомъ такую шутку, колибъ не самъ сатана засѣлъ въ моемъ сердцѣ? Нѣтъ, братъ, умереть отъ доброй шаблюки для меня ничего не значитъ, но отдать назадъ такую кралю — ой-ой-ой! Итакъ го́ді бала́кать! Стукнемся лучше такъ, *щобъ ажъ ворогáмъ було́ тя́жко*, и пускай лучше про нашу славу Божій Человѣкъ сложитъ пѣсню, чѣмъ разойтись чортъ знаетъ по-каковски.«

И, говоря это, онъ обнажилъ свою тяжелую и длинную шаблюку:

»Ой па́нночко на́ша, па́нночко шаблю́ко!
Зъ бусурма́номъ зустріва́лась, да й не двійчи цілува́лась!«

говорилъ онъ. »Поцѣлуйся жъ теперь съ этимъ рыцаремъ такъ, чтобъ Запорожцамъ не было стыдно передъ городовыми, а Черногорцы чтобъ не величались своими юнаками!«

»Итакъ ты не уступишь безъ бою своей бранки?« спросилъ Петро́. »Пускай же насъ Богъ разсудитъ, а меня проститъ, что поднимаю руку на человѣка, который только что спасъ меня отъ смерти!«

И сталъ въ оборонительное положеніе.

»Коха́ный побро!« обратился тогда Кирило Туръ къ Черногорцу, »если я паду, не препятствуй козаку взять нашу отмицу, а самъ ступай въ Черногорію и скажи, что есть на свѣтѣ Украйна, гдѣ добрые молодцы не уступаютъ въ храбрости Черногорскимъ юнакамъ. Жаль, что далеко до шинка́, ато бъ и мы сдѣлали такъ, какъ ты разсказывалъ про ваши юнацкіе поединки, — стукнули бъ сперва по доброй чаркѣ, поговорили, пошутковали и начали бы смертный бой, какъ веселый танецъ.—Что́ жъ ты, козаче, не нанадаешь?« обратился онъ къ Петру. »Твое право нападать, а мое отбиваться.«

Петро́ началъ сѣчу. Никогда можетъ быть, не сходились на Кіевскихъ поляхъ два бойца, столь равные по силѣ, искусству, неустрашимости и хлад-

нокровію. Плотная фигура Запорожца обѣщала на первый взглядъ болѣе силы; но стройные и гибкіе члены молодого козака должны, казалось, были взять верхъ надъ его тяжелою силою. Стукъ сабельныхъ ударовъ, наносимыхъ и отражаемыхъ съ равнымъ искусствомъ, приводилъ въ трепетъ сердце Леси, и только глаза такого человѣка, какъ Черногорецъ, могли смотрѣть на этотъ страшный бой безъ ужаса. Онъ видѣлъ въ немъ нѣчто столь высокое въ своемъ родѣ, что, глядя на него, забылъ и объ опасности своего друга, и о своей отмиц̆ѣ. Съ восторгомъ мастера наблюдалъ онъ какъ удары съ обѣихъ сторонъ отпускались сперва изрѣдка и съ умѣреннымъ напряженіемъ силы, какъ они постепенно дѣлались быстрѣе и крѣпче, какъ оба противника перемѣняли одинъ за другимъ разные способы сражаться и отвѣчали другъ другу съ такимъ присутствіемъ духа, знаніемъ дѣла и единомысліемъ, какъ музыканты въ дуэтѣ. Между тѣмъ, по воспламененнымъ уже яростью ихъ взорамъ, по искрамъ, сыпавшимся отъ сабель, и напряженію мускуловъ, можно было каждую минуту ожидать, что чья-нибудь голова распадется на части подъ ударомъ. Этого, однакожъ, не случилось, потому что въ самомъ жару поединка сабли вдругъ перебились, и противники остались обезоруженными.

»Ну, чѣмъ же мы кончимъ?« сказалъ Петро́, разгорячась, и уже забывъ свои кроткія мѣры.

»Давай бороться, или стрѣляться на пистолетахъ. Мнѣ не хотѣлось бы пустить молву, что я не справился съ Кириломъ Туромъ.«

»Къ чорту борьбу!« отвѣчалъ Запорожецъ, тяжело дыша: »это шутовскій поединокъ; да тебѣ жъ и не ударить меня объ землю такъ, чтобъ и духъ вонъ.... Пистолеты также къ чорту! немного чести раздробить человѣку черепъ глупою пулею. А есть у насъ, коли хочешь, кинжалы, равной величины и одного мастера. Схватимся за руки по-братски, по стародавнему обычаю, и пусть намъ Господь милосердный отпустить наши согрѣшенія!«

Взявъ у побратима кинжалъ и примѣривъ къ своему, онъ подалъ своему противнику, и тотъ схватилъ опасное оружіе съ какою-то безумною радостью. Потомъ они взялись крѣпко лѣвыми руками, и между ними началась битва, гораздо отчаяннѣе первой.

»Эй, драгій побро!« сказалъ Черногорецъ, »оканчивай скорѣй: вонъ уже погоня за нами!«

»Не бойся«, отвѣчачъ, задыхаясь Кирило Туръ: »пока переправятся черезъ байракъ, всему будетъ конецъ.«

»Наши, наши!« вскричала Леся, обративши на дорогу глаза, устремленные до сихъ поръ съ ужасомъ на сражающихся.

Дѣйствительно, на мѣсто боя поспѣшали нѣсколько всадниковъ съ такою быстротою, какая

только была возможна для ихъ лошадей. Впереди всѣхъ скакалъ Сомкó; за нимъ старый Шрамъ, а за нимъ еще нѣсколько человѣкъ.

Выѣхавъ изъ лѣсу, они скоро увидѣли вдали на возвышеніи двухъ бойцевъ, которыхъ сабли блистали красными полосами противъ зардѣвшагося на востокѣ неба. Шрамъ, зная силу и искусство своего сына, увѣренъ былъ, что онъ положитъ хищника на мѣстѣ. Но, когда бойцы взялись за кинжалы, у него замерло сердце: онъ зналъ, что въ этакомъ бою нерѣдко оба противника падаютъ разомъ.

Такъ и случилось. Не успѣла погоня доскакать до провала, какъ Петрó и Кирило Туръ нанесли въ одно и то же мгновеніе другъ другу въ грудь по такому удару, что оба повалились замертво.

ГЛАВА IX.

Ой не жалкуйте, слáвні Запорóзці,
На Москóвськихъ генерáлівъ:
Ой жалкуйте жъ ви, слáвні Запорóзці,
На преврáжихъ своіхъ пáнівъ;
Ой що вáши паний, еретúчі сини,
Да не дóбре зробúли,
Що степъ дóбрий, край весéлий
Да й занапастúли!

Народная пѣсня.

Черногорецъ бросился на помощь къ Кирилу Туру, а Леся къ Петру. Пораженная горестью, она забыла и дѣвическій свой стыдъ, и все на свѣтѣ. Она закрыла платкомъ глубокую его рану, пала къ нему на грудь, и рыдала, какъ по мертвомъ. Чтó ей теперь и блистательный женихъ, и гетманство? Горячая кровь бьетъ изъ раны; просачивается сквозь платóкъ, омываетъ ей руку. Еслибъ могла, она отдала бъ теперь душу, чтобъ спасти отъ смерти того, кто такъ великодушно жертво-

валъ за нее своею жизнью. Уже и Шрамъ съ гетманомъ обскакали байракъ и достигли мѣста битвы, а она ничего не замѣчаетъ: плачетъ и убивается надъ своимъ защитникомъ.

»Постой, доню«, сказалъ Шрамъ: »слезами раны не залѣчишь. Дай-ко мы перетянемъ ее поясомъ. Еще, можетъ быть, не совсѣмъ бѣда.«

А Сомкó, между тѣмъ, трудился надъ Кириломъ Туромъ. Опасное положеніе Запорожца изгнало изъ его сердца всякое злобное противъ него чувство. »Бѣдная Турова голова!« говорилъ онъ; »я думалъ, ты шутишь только по-Запорожски, а тебѣ лукавый въ самомъ дѣлѣ обморочилъ голову! Когда я гнался за тобою, я радъ бы былъ растерзать тебя на части, а теперь лучше бы мнѣ никогда не жениться, чѣмъ видѣть тебя безъ памяти.«

И не обратилъ никакого вниманія на то, что его невѣста рыдаетъ надъ молодымъ козакомъ, какъ-будто надъ женихомъ своимъ.

»Не знаю, пане гетмане«, говорилъ Шрамъ, »какъ у тебя достаетъ духу возиться еще съ этой собакой.«

»Помилуй!« отвѣчалъ Сомкó, »неужели такъ его и бросить?«

»А почему жъ? пускай бы пропадалъ негодный, какъ заслужилъ!«

»Нѣтъ, онъ не такъ думалъ, выручая меня нѣсколько разъ изъ бѣды.«

»Была ему за то благодарность. А это развѣ ты

ни во чтó ставишь, чтó онъ чуть не погубилъ твоей невѣсты?«

»Чтó мнѣ невѣста? Этого цвѣту много по всему свѣту, а Кирила Тура другого не найдешь во всемъ мірѣ.«

»Такъ вотъ какъ онъ меня любитъ!« подумала Леся, и сердце ея навсегда его отвергло.

Старый Шрамъ тоже нахмурился, и, когда Сомкó, оставя Кирила Тура, обратился съ участіемъ и съ помощью къ Петру, онъ отклонилъ его рукою и сказалъ:

»Смотри уже, пане гетмане, за своимъ Запорожцемъ, а у Петра есть отецъ: *онъ* объ немъ позаботится.«

И, снявши съ себя рясу, привязалъ, на-подобіе люльки, между двухъ лошадей. Въ эту люльку положили раненаго и повезли къ монастырю.

»Вотъ гдѣ, сынку, пришлось мнѣ колыхать тебя въ козацкой колыскѣ!« говорилъ, идучи возлѣ, старый Шрамъ. »Не судилъ тебѣ Богъ украситься смертельными ранами за Украину, а досталъ ты. ихъ за чужую невѣсту!«

Сомкó хотѣлъ было уложить въ такую жъ колыску и Кирила Тура, какъ вдругъ откуда ни возьмись Запорожцы. Едва наскочили, тотъ-часъ догадались, въ чемъ дѣло.

»Чтó это, панóве, хотите вы дѣлать съ нашимъ товарищемъ?« закричали они. »Неужели онъ такой сирота на свѣтѣ, что колибъ не городвые

козаки, такъ тутъ бы и остался посреди степи, въ пищу звѣрямъ да птицамъ? Нѣтъ, никогда еще братчикъ братчика не оставлялъ на чужія руки. Отдайте намъ его. Наши лекарства мигомъ поставятъ его на ноги.«

И, не дожидаясь отвѣта, мигнули Черногорцу, схватили Кирила Тура, одинъ за плеча, другой за ноги, положили поперегъ лошадей передъ сѣдломъ, вскочили на коней и помчались, какъ вихорь. Богданъ Черногоръ за ними въ-слѣдъ.

Петра, между тѣмъ, везли потихоньку и бережно. Сомкó велъ за руку Лесю и на этотъ разъ заботливо освѣдомлялся о здоровьи; но она, отъ горести и волненія, не могла отвѣчать ему ни слова.

Скоро встрѣтили и Череваниху. Василь Невольникъ гналъ лошадей, не жалѣя. Чтó ужъ и говорить о томъ, какъ обрадовалась мать, увидавъ свою Лесю!

Сильно сожалѣла Череваниха о Петрѣ, и обратилась къ Шраму:

»Добрóдію мой! надѣлала вамъ горя моя бѣдная Леся; но мы съ нею постáраемся, чтобъ и поправить это горе. Везите пана Петра прямо въ Хмарище. Мы съ Лесею не будемъ по цѣлымъ ночамъ спать, пока не поставимъ козака на ноги. Довольно я на своемъ вѣку перевязала козацкихъ ранъ, да и моя Леся съ самого дѣтства пріучена къ этому.«

Шрамъ согласился, и Череваниха отправилась

съ Лесею впередъ, чтобъ дома все устроить къ принятію гостей. Дорогою Леся десять разъ пересказывала, какъ сражался за нее Петро съ Кириломъ Туромъ; а когда пріѣхали домой, прежде всего она занялась постелью для больного. Она уступила ему свою спальню, постлала ему свои подушки, украсила сво́локъ и образа свѣжими цвѣтами, занавѣсила окно разшитою шелками ху́сткою (1). Родная сестра не могла бы нѣжнѣе заботиться о любимомъ братѣ. Гости Череваня пировали въ Хмарищѣ, или ѣздили въ Кіевъ хлопотать о военныхъ запасахъ; Череваниха ихъ угощала, провожала и встрѣчала; а между тѣмъ у Леси только и дѣла было, что копать коренья, приготовлять травы, да сидѣть у постели больного. Помогалъ ей и Василь Невольникъ.

Петро какъ-будто въ другой разъ на свѣтъ родился. Ему нѣтъ нужды, что Леся не его суженая. Онъ знаетъ, что она его любитъ, — больше ничего ему не надо. Не разъ, въ тяжкомъ недугѣ, открывъ глаза, не то во снѣ, не то на яву, видѣлъ онъ, какъ она, наклонясь надъ нимъ, наблюдаетъ его дыханіе. Какъ мать смотритъ въ глаза ребенку и радуется, когда онъ улыбнется: такъ она глядѣла ему въ глаза, чтобъ убѣдиться, замѣчаетъ ли онъ окружающіе его предметы.

А онъ, ослабѣвъ всѣмъ тѣломъ, жилъ только

(1) Платкомъ.

сердцемъ, и не хотѣлъ бы ни здоровья, ни жизни, еслибъ ему дано было такъ и умереть, глядя въ эти любящія очи. Въ саду поетъ соловей; благоуханный вѣтеръ вѣетъ въ окно черезъ цвѣтущія деревья; тихій свѣтъ вечерняго солнца, пробираясь сквозь вѣтви, играетъ по стѣнѣ; возлѣ него сидитъ Леся, беретъ его за руку, прикладываетъ свою ладонь къ его головѣ.... да́, не нужно ему ни жизни, ни здоровья, дайте только такъ обомлѣть и уснуть на вѣки!

Но здоровье возвращалось къ нему замѣтно, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе наполняло его тѣло, какъ наполняетъ вода истощенный колодезь: и губы зарумянились, и глаза оживились. Радуется старый Шрамъ, радуется и гетманъ, но никто не радуется больше Леси. Только ея радость подобна была осеннему мѣсяцу, безпрестанно затемняемому тучами. Восторгъ ея часто уступалъ мѣсто мрачной грусти. Тяжело горевала она, размышляя о томъ, какъ будутъ проходить безъ радостей молодыя лѣта ея въ гетманскихъ свѣтлицахъ, какъ она вѣчно будетъ слушать одни толки о войнахъ, о походахъ, да звонъ сребряныхъ кубковъ. Поняла бѣдняжка, да поздно, что Сомко́ созданъ не для счастья женщины. Нѣтъ у него ни того нѣжнаго слова, ни того теплаго взгляда, который всего нужнѣе для женскаго сердца. Онъ гетманъ съ ногъ до головы, блистаетъ, красуется между козаками, и нѣтъ ему равнаго во всей Украинѣ; но никогда не взгля-

нетъ онъ и не скажетъ слова такъ отъ души, какъ бѣдный Петро́. И, однако жъ, надобно покориться своей участи. Напрасно было бы говорить о своемъ горѣ отцу, или матери; пускай и самъ Петро́ о томъ не знаетъ.

Такъ размышляла, бывало, сидя у постели больного, Леся, и чѣмъ больше онъ оправлялся, тѣмъ больше она его убѣгала.

»Что́ ты, Леся, какъ-будто боишься меня?« сказалъ онъ ей однажды, удержавъ ее за руку. »Развѣ я врагъ тебѣ? Или я тебѣ опротивѣлъ въ долгой болѣзни? Зачѣмъ ты отъ меня убѣгаешь?«

Леся ничего ему не отвѣчала, только слезы блеснули въ опущенныхъ глазахъ.

»Не уходи отъ меня«, говорилъ онъ, »не бойся меня! будь мнѣ родной сестрою. Я покоряюсь своей несчастной участи; не быть намъ въ парѣ: такая наша доля. Но я всё таки не перестану любить тебя, какъ сестру, до самой смерти.«

»Не говори мнѣ этого!« вскричала Леся. »Лучше разомъ разойтись, *якъ чо́рні хма́ри*, и не встрѣчаться до-вѣку!«

И, вырвавши руку, побѣжала въ садъ выплакать на свободѣ горе.

Но послѣ того придетъ, бывало, опять къ нему, сядетъ у его постели и начнетъ напѣвать какую-нибудь грустную пѣсню. Все, что́ на душѣ есть все выскажетъ она въ пѣснѣ; и хоть ничего не

говорили они съ Петромъ, но понимали другъ друга.

Чтó же до Сомкá, то онъ ни мало не заботился о близкихъ ихъ отношеніяхъ, да и Шрамъ, и Черевань, и сама Череваниха оставались на этотъ счетъ совершенно спокойны. Такова была простота и твердость тогдашнихъ нравовъ. *Зарученная* дѣвушка была нехранимою и неприкосновенною собственностью жениха, и ни одной невѣстѣ не входило въ голову, чтобы можно было разойтись съ однимъ и принадлежать другому. Все общество пришло бы отъ того въ ужасъ, и вѣчный позоръ покрылъ бы семью такой дѣвушки.

Когда Петрó оправился такъ, что могъ сѣсть на коня, начали гости Череваня поговаривать о дорогѣ за Днѣпръ; но все еще медлили, чтобъ дать ему больше оправиться. Вдругъ прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что царскіе бояре переѣхали уже черезъ границу. Всѣ встрепенулись, оставили безпечную бесѣду, и собрались въ дорогу: Сомкó спѣшилъ на-встрѣчу боярамъ въ Переяславъ; Шрамъ нетерпѣливо ждалъ съѣзда старшинъ козацкихъ, чтобъ подвинуть все войско заднѣпровское противъ Тетеры; Череваниха мечтала о гетманской сватьбѣ, а Черевань радъ былъ пировать до скончанія вѣка съ козаками. Рѣшено было ѣхать Череваню съ его семействомъ къ брату Череванихи, Нѣжинскому полковому осаулу Гвинтовкѣ, а Шрама съ сыномъ пригласилъ гет-

мепъ къ себѣ въ Переяславъ. Послѣ рады, на которую ожидали царскихъ уполномоченныхъ для утвержденія Сомка́ на гетманствѣ, предположено съиграть гетманскую свадьбу на всю Украину, а на свадьбѣ склонить всѣхъ козаковъ къ походу на Тетеру, да прямо и двинуться на другой берегъ Днѣпра.

Но лишь выѣхали за Броварскіе лѣса, какъ встрѣтилъ ихъ другой гонецъ изъ Переяслава; а гонцемъ былъ на этотъ разъ не простой козакъ: скакалъ во весь духъ Переяславскій сотникъ Юско̂ съ тремя козаками. Всѣ были этимъ встревожены и ждали чего-то необычайнаго.

»Съ какими вѣстями?« спросилъ гетманъ.

»Лучше бъ и не говорить!« вскричалъ Юско́, махнувъ рукою.

»Неужели Татаре?«

»Хуже Татаръ! Изъ одного Васюты сдѣлалось четыре. Зѣньковскій, Полтавскій и Миргородскій поклонились Иванцу!«

»Какъ! мои полковники перешли на его сторону?«

»Всѣ трое, какъ слышишь, пане гетмане.«

»И Миргородскій, и Полтавскій, и Зѣньковскій?«

»Всѣ трое; остались на нашей сторонѣ только Лубенскій да Ґадячскій.«

»Почему жъ меня объ этомъ до сихъ поръ не извѣстили?«

»Вчера вечеромъ только сами объ этомъ узна-

ли. Я скакалъ всю ночь и три раза перемѣнилъ лошадей.«

»Чтó же? какъ? или когда? хоть разскажи толкомъ!«

»А вотъ какъ. Ѣздилъ нашъ бурмистръ къ князю Ромодановскому съ деньгами въ Московскую казну; только слышитъ, что князь въ Зѣньковѣ. Завернулъ туда, а тамъ пируютъ у Зѣньковскаго Грицька Остапъ Миргородскій и Демьянъ Полтавскій. Ну, это еще бы не чтó. Идетъ къ князю, а у князя полно Запорожцевъ, и всё изъ тѣхъ голышей, чтó, пропивши все имущество, служили но дворамъ у богатыхъ козаковъ, а потомъ, соскучась слушаться хозяина, ушли въ Запорожье. Иные тотъ-часъ узнали бурмистра. »А чтó это?« кричатъ, »не отъ крáмаря ли?« Ужъ извини меня въ этóмъ словѣ, ясновельможный.... »Не отъ Пе»реяславскаго ли«, говорятъ, »торгаша къ князю? »Чорта-съ-два тутъ поживитесь! Вотъ мы васъ, »городовыхъ кабановъ, скоро упóраемъ!« Разслушался, поразспросилъ нашъ бурмистръ, ажъ тутъ вотъ какая новость, — лучше бы мнѣ и не говорить! Князь съ Иванцемъ побратался, называетъ его гетманушкою Запорожскимъ, отдалъ ему Украину по самый Роменъ въ управленіе!«

Сомкó схватился за голову.

»Скорѣе ждалъ бы я молніи съ чистаго неба, чѣмъ такой вѣсти! Миргородскій, Полтавскій.... промѣнять меня на Иванца! Нѣтъ, пропала, вид-

но на-вѣки рыцарская честь на Украинѣ! положили мы ее съ батькомъ Богданомъ въ могилу!... Но смотри, правда ли еще всему этому?«

»Дай Богъ, чтобъ этому были неправда! только Иванецъ въ Зѣньковѣ: видѣлъ его бурмистръ своими глазами. А Запорожцы, говорятъ, въ великой милости у царя, и чего только попросятъ, все царь по ихъ желанію дѣлаетъ. Потому-то князь, зазвавши въ Зѣньковъ полковниковъ, уговорилъ ихъ царскимъ словомъ слушаться Иванца, какъ гетмана. А у насъ теперь, видишь, какъ завелось! всякъ о себѣ только заботится: лишь бы мнѣ хорошо было. Чтобъ пріобрѣсть себѣ царскую милость, полковники охотно согласились, чтобъ Иванецъ управлялъ по Роменъ Украиною.«

»Такъ, такъ!« сказалъ горько Сомко́. »Гетманствуй надъ нами, кто хочешь: хоть рыцарь, хоть свинопасъ, лишь бы мы были полковниками. О панство, проклятое панство! теперь-то я увидѣлъ тебя своими глазами! Ты готово изгибаться въ дугу передъ всякою дрянью, лишь бы пановать надъ другими!... Сомко́, или Иванецъ — имъ всё равно!... Ну, а что́ же Васюта: и тотъ поклонился Иванцу?«

»Нѣтъ, видно, не поклонился.... Бурмистръ разсказывалъ, что пьяные Запорожцы и ему угрожали. Да и на всю городовую старшину недобрымъ духомъ они дышутъ; а особливо тѣ, что́ изъ винокуровъ да изъ работниковъ. Иного хозяинъ

когда-нибудь выбранилъ, или ударилъ, такъ теперь уже сбираются за все отблагодарить.«

»Вотъ какими новостями привѣтствуютъ насъ въ моей гетма́нщинѣ!« сказалъ, горько усмѣхнувшись, Сомко́. »Ну, да еще помѣряемся.... О, проучу я этихъ негодяевъ; дайте мнѣ только взять ихъ въ руки!«

»Что́ жъ ты, сыну, думаешь теперь дѣлать?« спросилъ Шрамъ.

»Ѣхать въ Переяславъ, собрать въ себѣ подручные мнѣ полки и стоять хоть противъ цѣлаго свѣта. Наше право козацкое, а мои козаки никого, кромѣ меня, не признаютъ гетманомъ!«

»И это значитъ«, говорилъ Шрамъ, »вмѣсто войны съ недоляшкомъ Тетерею, начнется война межъ козацкими полками на этой сторонѣ!... Ужъ если Иванецъ захватилъ въ свои руки три полка, то безъ бою изъ Украины его не вытѣснишь; а Васюта себѣ будетъ воевать: за него вся Сѣверія, вся Стародубщина будетъ сражаться. Дожидайтесь же теперь, Паволочане, пока гетманъ Сомко́ управится съ своими непріятелями! Какъ бы еще, подъ эту суматоху, Тетера не пожаловалъ на сю сторону: у него съ Ляхами что-то подобное давно въ головѣ вертится.«

»Ну, а что́ жъ ты дѣлалъ бы, ба́тько? Посовѣтуй мнѣ своимъ толкомъ, я тебя послушаю.«

»Вотъ что́ я тебѣ посовѣтую. Поѣзжай ты въ Переяславъ, да пиши ко всѣмъ полковникамъ,

чтобъ убоялись Бога да помыслили о козацкой славѣ, на которую Иванецъ налагаетъ свою нечистую руку. А я между-тѣмъ поѣду съ Череванемъ въ Нѣжинъ. Я открою сумасшедшему Васютѣ глаза, что и самъ пропадетъ и другихъ погубитъ; и если только онъ соединитъ свои силы съ твоими, тогда у всѣхъ опустятся руки, и твои полковники опять подъ твою булаву возвратятся.«

»Пусть теперь возвращаются, а уже не я развѣ буду, если не сдѣлаю съ ними такъ, какъ Хмельницкій съ Гладкимъ.«

»Не хвались, сынку, да Богу молись!« мрачно сказалъ Шрамъ. »Не будемъ терять дорогого времени, простимся!«

Простились и разъѣхались. Никто не сказалъ никому при разставаньи ничего пріятнаго. У всѣхъ сердце сжалось, какъ-бы передъ какимъ-нибудь великимъ несчастіемъ.

»Эге-ге! вижу, вижу, куда доля клонитъ Украину!« говорилъ самъ себѣ Шрамъ, повѣся голову. (Онъ ѣхалъ позади всѣхъ и не хотѣлъ ни съ кѣмъ разговаривать.) »Видно, не такова воля Божія, чтобъ Украина спокойно хлѣбомъ-солью наслаждалась! или, можетъ-быть, приближается уже конецъ свѣту, когда возстанетъ братъ на брата.... И откуда жъ поднимается туча, Боже Ты мой милый! Запорожье, что̀ искони было гнѣздомъ козацкаго рыцарства, теперь плодитъ только лисицъ да волковъ!... Видно, дожили, окаянные, до пу-

стыхъ кармановъ, такъ и мутятъ народъ, чтобъ въ суматохѣ поживиться. Видно, стало завидно негоднымъ лѣнтяямъ, что у городового козака и стадо овецъ, и хуторъ съ полными амбарами. А кто жъ посылалъ на Запорожье, когда, по разгромѣ Ляховъ, всякому было вольно *занять займанщину?* Нѣтъ, пойдемъ рыцарствовать! Пьянствовать да лежать на боку, а не рыцарствовать! Конечно, иная честная да святая душа въ самомъ дѣлѣ отказалась отъ займанщины, какъ отъ суеты мірской; а другой разбойникъ пошелъ въ Сѣчь, чтобъ только не трудиться на хозяйствѣ. Вотъ и нарыцарствовали! Полюбуйся, Украина, своими дѣтками! Лукавый Иванецъ подбился къ Запорожцамъ, да теперь и дѣлаетъ изъ-подъ княжеской руки все, чтó только вздумаетъ. Вижу, къ кому онъ прибирается: онъ хочетъ Сомку доказать дружбы; но еще жъ Богъ не совсѣмъ насъ оставилъ, еще, можетъ-быть, наберется сотня горячихъ, искреннихъ душъ въ Украинѣ!«

Онъ былъ выведенъ изъ задумчивости грознымъ крикомъ нѣсколькихъ голосовъ. Василь Невольникъ наѣхалъ на пьянаго косаря, растянувшагося поперегъ дороги; товарищи вступились за него и окружили рыдванъ съ бранью и угрозами. Когда Шрамъ подскакалъ къ толпѣ, цѣлая буря восклицаній поразила слухъ его. »Кармазины!« кричали буйные голоса. »Опять расплодились вы-

вельможные недоляшки! Да намъ не новость скашивать такой бурьянъ въ Украинѣ.«

И косари страшно размахивали косами надъ головами женщинъ, между-тѣмъ какъ одинъ изъ нихъ прибѣжалъ съ топоромъ, чтобъ изрубить въ рыдванѣ колеса.

»Прочь, Иродивы души!« вскрикнулъ Шрамъ громовымъ голосомъ.

Увидѣвъ передъ собой попа, косари немного смутились и отступили.

»Что́ это?« говорилъ Шрамъ. »Или вы Турки, или Татаре, что нападаете на подорожнихъ? Христіянская ли у васъ душа, или уже вы и вѣру, и Бога забыли?«

»Нѣтъ, пап'отче«, отозвался одинъ косарь, »не забудетъ добрый человѣкъ Христіянской вѣры довѣку; но какъ же терпѣть, когда паны давятъ людей по дорогамъ?«

»Но еще, слава Богу, у насъ руки не въ кандалахъ!« отозвалось уже нѣсколько голосовъ: »еще не позволимъ глумиться надъ собою! Довольно уже и того, что одинъ свиту золотомъ да сребромъ вышиваетъ, а у другаго нѣтъ и сермяги; одинъ своихъ полей да сѣнокосовъ глазомъ не обниметъ, а мы вотъ съ половины косимъ. А изъ-подъ Лядскаго ига выбивались всѣ разомъ!«

»Такъ, такъ! вижу, вижу!« говорилъ самъ къ себѣ Шрамъ. »Повсюду пробралась бѣда изъ Запорожья!«

»Изъ Запорожья?« подхватили косари. »Какое изъ Запорожья! Это всё наши городовые творятъ, а въ Запорожьи всѣ равны, нѣтъ ни пановъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ.«

»Жалкія, слѣпорожденныя вы дѣти!« воскликнулъ сквозь слезы Шрамъ. »Да умилосердится Господь надъ вашей темнотою! Пропустите рыдванъ! пропустите, не заступайте дороги, ато я призову на васъ проклятіе Господне!«

»Ну, ужъ пустите, братцы, нечего дѣлать!« говорили косари, расходясь по сторонамъ дороги. »Зналъ ты, пан'отче, что́ сказать. А ужъ колибъ не ты, то мы бъ узнали, изъ какого дерева спицы въ рыдванѣ.«

»Пусть васъ Господь помилуетъ!« сказалъ, удаляясь отъ нихъ, Шрамъ. »Въ тяжеломъ ходите вы недугѣ! Да будетъ проклятъ чародѣй, который омрачилъ ваши головы!«

Такую пѣсню должны были выслушивать наши путешественники нѣсколько разъ, пока достигли Нѣжина. Заѣзжалъ ли Шрамъ въ кузницу подковать коня,—въ кузницѣ кузнецъ, позабывъ о желѣзѣ въ горну, толковалъ съ хуторянами про черную раду: »Что́ вы«, говоритъ, »поправляете сошники? поправляйте лучше отцевскіе списы (¹): скоро всѣмъ будетъ работа. Недавно ѣхали въ Нѣжинъ Запорожцы, такъ говорили, что опять поднялся на пановъ

(¹) Копья.

такой гетманъ, какъ Хмельницкій; созываетъ всю чернь подъ Нѣжинъ въ черную раду и на грабежъ Нѣжина.« Сходилась ли гдѣ-нибудь въ селѣ *судная рада*,—старики, вмѣсто расправы съ виновными да хозяйственныхъ распоряженій, разсказывали въ судной радѣ, откуда взялось козачество и какъ весь *міръ* выбился изъ-подъ Ляховъ и недоляшковъ на волю.

»Чтó теперь за держáвцы-козаки?« говорилъ иной сѣдобрадый историкъ (тогда степенные *посполитые* (¹) носили бороды). »Съ такими можно еще побороться. Нѣтъ, вотъ при Наливайкѣ или при Павлюгѣ были Ляхи-державцы, вотъ державцы! у одного сотня селъ. Но и съ тѣми съумѣли наши управиться. Напримѣръ, Кисѣль, или Ерема Вишневецкій.... Батюшки! Идешь бывало съ чумаками степью: »Чье село?« — »Вишневецкаго.« — »Чьи ланы (²)?« — »Вишневецкаго«. — »Чье старóство?« — »Вишневецкаго!« Идешь недѣлю, и всё владѣнья одного пана. Видите ли, дѣлали тѣ великіе паны съ королемъ, чтó хотѣли, такъ кóроль роздалъ имъ всѣ города, пригороды, села, то на старóства, то на волости. Но и съ такими, говорю, дуками отцы наши управились.«

Такъ проповѣдывалъ сельскій ораторъ на своемъ вѣчѣ, и вѣче, слушая, позабывало, для чего со-

(¹) Простолюдины.
(²) Пахатныя пóля въ большихъ размѣрахъ.

бралось оно. Еще недавно сбросилъ народъ тяжелое иго Польской безурядицы; еще живы были въ памяти стариковъ возмутительныя сцены панскихъ насилій; еще не улеглись вырвавшіяся на волю страсти долго безмолвствовавшаго простонародья. Новый порядокъ вещей, устроенный самими представителями козачества, едва могъ заключить разливъ необузданной воли въ законныя границы; но къ нимъ никто не привыкъ еще, и каждую минуту можно было ожидать ихъ разрушенія. Такая минута наступила теперь. Шрамъ это чувствовалъ, внимая не́-хотя народнымъ толкамъ.

Молодые поселяне окружали стариковъ и едва вѣрили ушамъ своимъ, чтобы еще такъ недавно весь край находился въ такомъ страшномъ порабощеніи у магнатовъ, пановъ, шляхты и всего ихъ причета.

»Какъ же это«, спрашивали они, »какъ это смогли наши выбиться изъ-подъ такой кормыги?«

»Ге, какъ! Богъ нашимъ помогалъ. Ляхи да недоляшки́ думали, что когда притопчутъ козака, или посполитаго, то и будетъ лежать, *якъ хворости́на на гре́блі*. Мы для нихъ все равно, что́ скотъ несмысленный. А нашъ братъ-сѣромаха, въ своей изорванной свиткѣ, день и ночь со слезами зоветъ на помощь Бога. Ляхи да недоляшки тонутъ, бывало, въ пуховикахъ, пьютъ, гуляютъ а нашъ братъ, все равно какъ невольникъ къ отцу и матери, взываетъ къ Богу,—передъ Бо-

гомъ становитъ свою душу, какъ горящую, непогасимую свѣчу. Отъ того-то и не ослабѣвало наше сердце, отъ того-то мы смѣло возставали противъ нечестивой силы, и Господь всякій часъ помогалъ намъ!«

Вспоминая такимъ образомъ о недавней старинѣ, сельская *громада* (¹) тутъ же переходила къ своему времени и принималась перебирать, кто изъ козацкихъ старшинъ отъ чего разбогатѣлъ и какимъ это образомъ сдѣлалось такъ на Украинѣ, что у одного нѣтъ ни земли, ни хаты—надобно жить въ *подсосѣдкахъ*, а другой на свои ланы людей не можетъ нанять достаточно, пашетъ всю осень и всего вспахать не успѣваетъ. Тутъ опять являлся кто-нибудь *рѣчникомъ*, и пускался въ разсужденіи о *займанщинѣ*. Шраму не трудно было догадаться, къ чему онъ клонитъ дѣло и для кого онъ работаетъ. Запорожцы вездѣ раскинули свои сѣти на уловленіе простодушной черни.

»Когда освободили, съ помощью Божіею, отъ Ляховъ Украину«, говорилъ рѣчникъ, »то вся земля по обѣ стороны Днѣпра стала козакамъ общею. Вотъ и росписали всѣ земли по полкамъ; одни села къ одному, а другія къ другому полку

(¹) Общество поселянъ, въ смыслѣ законодательной, или исполнительной власти, называлось въ Украинѣ искони *громадою*. Представителями десяти, или болѣе хатъ, а иногда цѣлаго села, были *громадскіе мужи*.

тянули, и каждое село въ своемъ полковомъ городѣ должно было судиться. Ну, а въ полкахъ осягли и позанимали козаки земли подъ сотни, а въ сотняхъ подъ города, мѣстечки, села и деревни, а въ городахъ, мѣстечкахъ, и селахъ деревняхъ подъ свои дворы, огороды, сады, хутора, левады и пастовники. Казалось бы, и хорошо, да то обѣда, что старинные козаки не захотѣли дѣлиться по-ровну съ войсковою черныю. »Какіе«, говорятъ, »они козаки? Ихъ отцы и дѣды никогда »не знали козачества! Сдѣлаемъ перепись, и кто »козакъ, тотъ будетъ имѣть козацкую вольность, »а кто пахатный крестьянинъ, тотъ пускай свое »дѣло знаетъ.« Закипѣлъ было не малый бунтъ: чернь не хотѣла отказаться отъ своего козачества. На-силу самъ покойный Хмельницкій кое-какъ утихомирилъ. И вотъ, кто былъ побогаче, кто могъ выѣзжать въ войско на добромъ конѣ и съ добрымъ оружіемъ, тотъ остался козакомъ и вписанъ въ козацкій реестръ; а кто ходилъ пѣшкомъ, тѣ остались въ мужичествѣ, сидѣли на ранго́выхъ (¹), на магистратскихъ, на монастырскихъ земляхъ, или жили *подсосѣдками* у богатыхъ козаковъ, а иные остались козацкими *подпомощниками*, что́ двадцать и тридцать человѣкъ одного козака въ походъ снаряжали. Бѣдняки подсосѣд-

(¹) Такъ назывались земли, которыми пользовались, на помѣстномъ правѣ, козацкіе старшины.

ки хотѣли бъ то и сами козацкой вольности попробовать, да не сила! Какъ старшины козацкіе распорядились, такъ и осталось до сей поры. Давай нашъ братъ и пóдать отъ дыма, давай и подводы, ступай и гре́бли чинить по дорогамъ; а козакъ ничего этого не знаетъ. Придетъ, бывало, полковникъ, или войсковой старшина къ гетману: »Благослови, пане гетмане, занять займанщи́ну«, да и займетъ, сколько обниметъ глазомъ степей, лѣсовъ, сѣнокосовъ, рыбныхъ озеръ, и уже это его родовая земля, уже тамъ подсосѣдокъ хоть живи, хоть убирайся къ другому пану, коли не любо. Также и сотникъ, или осаулъ, или хорунжій полковой придетъ къ полковнику: »Благослови, батьку, занять »займанщи́ну.« — »Займи, сколько въ день конемъ »объѣдешь.« А сотники козакамъ по всей сотнѣ займанщи́ну роздавали. Объоретъ плугомъ, обнесетъ кольями, или рвомъ окопаетъ, да уже нашъ братъ туда и не суйся; и гдѣ онъ на болотѣ вколотитъ сваю, тамъ нашъ братъ мельницы не строй; самъ онъ, или его дѣти построятъ (1). Такъ-то, дѣти, такъ-то, братцы, эти богачи, эти дуки изъ такихъ же, какъ и мы, сѣромахъ, расплодились.

---

(1) Точное понятіе о займанщи́нахъ, кромѣ народныхъ воспоминаній, получилъ я изъ рукописи, которой давно уже нигдѣ не встрѣчаю, а она стоила бы обнародованія. Составилъ ее въ началѣ XVIII столѣтія нѣкто Чуйкевичъ и далъ ей такое заглавіе: »Эксцерптъ изъ правъ Малороссійскихъ, въ прекращеніе горькой въ судахъ волокиты.«

Въ Хмельни́ччину рѣдко который родовой панокъ удержался въ Украинѣ да присталъ къ козакамъ, а теперь ихъ не пересчитаешь! Послѣ войны иные повылазили изъ Польши и выпросили у гетмана предковскія земли, но это кто-кто, ато всѣ паны изъ козачества вышли. Уже иной и позабылъ того, съ чьимъ отцемъ когда-то вмѣстѣ шли на во ну. Тотъ въ бѣдности остался, а ему фортуна послужила, выскочилъ въ старшины, въ значные козаки, занялъ займанщи́ну, осадилъ слободы подсосѣдками и теперь кармазиновый жупанъ носитъ, а мы сермяги молча лата́емъ. Такъ-то, братцы, такъ-то, дѣти!

А Шрамъ со стороны слушаетъ-слушаетъ, да не знаетъ, что́ и говорить этимъ воспламененнымъ головамъ. »Нечего«, думаетъ, »и словъ попусту тратить. Ведромъ воды не залить пожару. Тутъ, вижу, долго кто-то старался, — а кто же больше, если не проклятые камышники? Со всѣхъ сторонъ подложили злодѣи огня!... Велика будетъ милость Божія, если мы успѣемъ погасить его!«

ГЛАВА V.

А жёны шляхéтскіи стáли жёнами козáцкими.

Лѣтопись Самовидца.

На другой день, при заходѣ солнца, достигли наши путешественники хутора Нѣжинскаго полковаго осаула, Гвинтовки. Съ именемъ хутора въ воображеніи читателя, конечно, соединяются пустынныя картины лѣсовъ и водъ, между которыхъ мирно пріютились скромныя строенія и огорожи. Лѣсъ и вода — благодать въ Украинѣ, и ради этой-то благодати каждый, кто можетъ, поселяется отдѣльнымъ хуторомъ, оставляя безводныя и открытыя для жаровъ и вьюги села. Панъ Гвинтовка *занялъ* себѣ для хутора самую лучшую мѣстность подъ Нѣжиномъ, и даже у полковника Васюты Золотаренка не было такихъ широкихъ прудовъ на хуторахъ, не было такихъ вѣковѣчныхъ лѣсовъ, такихъ роскошныхъ пастóвниковъ, какъ у Гвинтовки.

Первое, примѣченное здѣсь Шрамомъ строеніе

были кузница и хата хуторского кузнеца. Отставъ отъ своихъ спутниковъ и проѣзжая мимо убогаго Вулканова жилища, Шрамъ былъ свидѣтелемъ сцены, которая вовсе не ладила съ пасмурнымъ настроеніемъ его души. Изъ хаты бросилась опрометью молодая женщина едва не подъ ноги его коню. За нею выскочилъ мужчина съ нагайкою въ рукѣ.

»Уже жъ я дамъ тебѣ за эти пѣсни!« кричалъ онъ. »Добрался я теперь до тебя!«

Женщина, видя, что не уйдетъ отъ своего гонителя, начала съ большимъ проворствомъ бѣгать вокругъ Шрамова коня.

»Вотъ велика бѣда!« говорила она. »Будто уже нельзя и запѣть:

Ой ти, старий дідугá,
Изігнýвся, якъ дугá;
А я — молодéнька,
Гуляти радéнька!«

Мужчина точно былъ уже съ сѣдиною, а она еще въ первой молодости.

»Погоди, погоди, *врáзька дóчко!*« говорилъ онъ, »дай мнѣ только до тебя добраться: я покажу тебѣ свою старость. Смѣйся, смѣйся! Засмѣешься ты у меня *на кýтні* (¹)! Моргáй, моргáй (²)! *Якъ моргнý тебé, то й ногáми вкрúесся* (³)!«

(¹) Т. е. заплачешь. *Кýтні зýби* — угловые зубы, къ концу челюстей.

(²) *Моргáти* — мигать, дѣлать гримасу.

(³) Т. е. какъ ударю, то полетишь къ-верху ногами. Но въ этомъ

И началъ гоняться за нею вокругъ Шрама. Но она явно чувствовала превосходство своей ловкости въ этой игрѣ:

»Отдохни немного, Остапъ! видишь, какъ запыхался! А я тебѣ спою другую пѣсню, когда эта не по душѣ.«

И, подтанцывая на бѣгу, и плеща въ ладоши, она начала пѣть:

Колйбъ мені або́ такъ, або́ сякъ,
Колйбъ мені Запорбзький козáкъ;
То бъ вінъ менé тудй-сюдй повернýвъ,
То бъ вінъ менé до сéрденька пригорнýвъ!

Остапъ началъ было уже ослабѣвать, но эта пѣсня вдохнула въ него новыя силы.

»Э! такъ вонъ еще чтó! Уже жъ теперь ты не уйдешь отъ меня! Тó-то я вижу, что Запорожцы что-то слишкомъ часто просятъ тебя вынесть воды напиться! А у нихъ не вода на умѣ.«

И пошла опять бѣготня вокругъ Шрама.

»Сгиньте вы къ нечистому!« вскрикнулъ Шрамъ. »Дайте мнѣ проѣхать!«

»Гдѣ жъ мнѣ, пан'отче, дѣться?« сказала женщина. »Онъ меня убьетъ, если поймаетъ! Вы не знаете его: хоть дурень, а золъ, какъ собака!«

Шрамъ обратился къ кузнецу:

»Стыдно тебѣ съ сѣдою чуприною такъ дура-

переводѣ нѣтъ юмору, который не оставляетъ Украинца и во время гнѣва.

читься! Оставь ее; послѣ расправишься! дай мнѣ проѣхать.«

Кузнецъ тогда только разсмотрѣлъ передъ собой священника. Для степеннаго Украинца великой стыдъ забыться въ присутствіи такой особы, и потому, поклонясь Шраму, онъ побрелъ съ смущеннымъ видомъ въ хату; только въ дверяхъ еще погрозилъ женѣ нагайкою. Но та, видно, часто разъигрывала съ нимъ подобныя сцены. Она смѣясь показала ему кукишъ.

»Дома панъ осаулъ полковый?« спросилъ у нея Шрамъ.

»Да дома, пан'отче! Тамъ всё съ Запорожцами бенкетуютъ.«

»Какъ! Гвинтовка съ Запорожцами?«

»А почему жъ? Развѣ вы не знаете, что теперь Запорожцы первые въ свѣтѣ люди? Говорятъ, царь подарилъ имъ всю гетма́нщину.«

»Чтобъ ты за такія рѣчи окаменѣла, какъ Лотова жена!« вскрикнулъ въ досадѣ Шрамъ, и пустилъ коня рысью.

»Соль тебѣ на языкъ! печи́на (¹) тебѣ въ зубы!« сказала потихоньку глупая баба. Видно, была немножко подъ хмелькомъ.

(¹) Кирпичъ изъ печи. Такъ обыкновенно говорятъ, чтобъ уничтожить дѣйствіе клятвы, которая, по мнѣнію народа, навлекаетъ на человѣка разныя бѣдствія, даже и въ такомъ случаѣ, когда онъ не виноватъ. Потому-то, съ одной стороны, Украинцы боятся *проклїну*, а съ другой — никто такъ страшно не проклинаетъ, какъ выведенный изъ терпѣнія Украинецъ.

Подъѣзжая уже къ хуторскимъ постройкамъ, Шрамъ замѣтилъ въ сторонѣ, между деревьями, старика, высокаго росту, съ длинною бѣлою бородою, одѣтаго въ свитку, подобную монашеской рясѣ. Это былъ Божій Человѣкъ. Шрамъ тотъ-часъ своротилъ съ дороги и подъѣхалъ къ нему. Старикъ не обратилъ никакого вниманія на топотъ коня и продолжалъ идти узкой тропинкою, напѣвая въ полъ-голоса псаломъ:

»*Спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобный, яко умалишася истины отъ сыновъ человѣческихъ; суетная глагола кійждо ко искреннему своему: устнѣ льстивыя въ сердцѣ, и въ сердцѣ глаголаша злая....*«

»*Оттáкъ, діду!*« сказалъ Шрамъ: »не хотѣлъ ѣхать со мною, да прежде меня здѣсь очутился!«

»А, это Шрамъ со мною говоритъ!« сказалъ спокойно Божій Человѣкъ.

»Какими судьбами ты очутился въ этихъ мѣстахъ?« спросилъ его Шрамъ. »Ты жъ не сюда держалъ дорогу?«

»Мнѣ по всему свѣту одна дорога. Попали меня въ свои руки въ Кіевѣ Запорожцы-прощальники, сыплютъ сребро-золото, не отпускаютъ отъ себя ни на минуту, а потомъ и на сю сторону Днѣпра перетянули.«

»На что́ же имъ тебя нужно?«

»Да вотъ оставили на моихъ рукáхъ своего товарища. Заболѣлъ у нихъ одинъ куренный отá-

манъ. »Излечи намъ, батько, этого козака, такъ »мы тебѣ поможемъ вызволить изъ неволи не од- »ного невольника.« Вотъ я и нянчусь съ нимъ, какъ съ ребенкомъ: тó играю ему на бандурѣ, тó перемѣняю перевязку. *Здобýвся дóбре сiромáха!* Тотъ самый, чтó схватился съ твоимъ Петромъ.«

»И тебѣ отогрѣвать такую змѣю, Божій Человѣче!« сказалъ Шрамъ.

»Для меня всѣ вы равны«, отвѣчалъ кобзарь. »Я въ ваши драки не мѣшаюсь.«

»Иродова душа!« продолжалъ Шрамъ. »Чуть не спровадилъ на тотъ свѣтъ послѣдняго моего сына!«

»Ба! А гдѣ бишь теперь твой Петрó?«

»Тутъ со мною; бѣдный до сихъ поръ еще не совсѣмъ оправился.«

»Такъ это вы къ Гвинтовкѣ въ-гости!«

»Кто къ Гвинтовкѣ, а я прямо въ Нѣжинъ, къ Васютѣ.«

»Не застанешь ты Васюты въ Нѣжинѣ. Поѣхалъ, говорятъ, въ Батуринъ на раду.«

»На какую раду?«

»Кто жъ его знаетъ, на какую? Вѣрно, всё о гетманствѣ хлопочетъ; такъ созвалъ еще въ Батуринѣ раду.«

»Такъ и Гвинтовка тамъ?«

»Нѣтъ, видно ему не нужно Гвинтовки для этого дѣла; ато почему бы ему не созвать рады въ своемъ *столéчномъ* городѣ? Да цуръ ему! чтó

намъ объ этомъ толковать! Прощай, пан'отче, не задерживай меня.«

Съ этимъ словомъ, Божій Человѣкъ повернулся и побрелъ своей дорогой, напѣвая по-прежнему:

»*Восхвалю имя Бога моего съ пѣснію и возвеличу Его во хваленіи....*«

Шрамъ догналъ свой поѣздъ уже возлѣ воротъ пана Гвинтовки, — пана совсѣмъ другой руки, нежели Черевань. Это тотъ-часъ видно было по необыкновенной высотѣ его воротъ (высокія ворота означали тогда, по обычаю Польскому, шляхетство хозяина), а еще больше по архитектурѣ его дома, состроеннаго на Польскій образецъ, съ двухъярусными крышами и высокими рундуками. Посреди двора стоялъ столбъ, и въ столбѣ вправлены были желѣзныя, мѣдныя и сребряныя кольца для привязыванія лошадей. Гость-простолюдинъ долженъ былъ привязывать къ желѣзному кольцу; кто немного повыше — къ мѣдному, а кто еще выше — къ сребряному. Все это отзывалось спѣсью пановъ Польскихъ, и не укрылось не только отъ глазъ Шрама, но даже и Череванихи.

»Не даромъ у моего брата жінка княгиня«, сказала она: »у него и все не по-нашему.«

»Да́«, сказалъ Шрамъ, »козаки наши, тягаючись съ Ляхами лѣтъ десять, порядочно таки пропитались Лядскимъ духомъ; а кто еще взялъ за себя Польку, то и совсѣмъ ополячился.«

Тутъ услышали они звуки роговъ, и сквозь другія ворота въѣхалъ на дворъ самъ панъ Гвинтовка, въ сопровожденіи своихъ козаковъ-охотниковъ, которые, кромѣ собакъ, вели за собою еще нѣсколько паръ быковъ.

»Охота!« сказалъ Шрамъ: »все это Польскія выдумки. Когда водились у нашего брата, козака, своры собакъ?«

»Да и этого никогда не водилось«, сказала Череваниха, »чтобъ на полеваньи (¹) ловили быковъ вмѣсто дичины. — Привитай, братъ, далекихъ и нежданныхъ гостей!« закричала она къ Гвинтовкѣ своимъ звонкимъ голосомъ.

»И жданныхъ, и давно желанныхъ«, отвѣчалъ панъ Гвинтовка, подъѣхавши къ рыдвану. »Чолóмъ, кохáна сéстро! чоломъ, любый зятю! чоломъ, ясная панно-небóго!... (²) Э! да кто жъ это съ вами въ поповской рясѣ? Неужели это панъ Шрамъ?«

»А кому жъ была бъ нужда«, сказалъ Шрамъ, »ѣздить сюда изъ Паволочи? Вотъ и мой сынъ со мною!«

»Ну, уже такой радости я совсѣмъ не ожидалъ!« воскликнулъ Гвинтовка. »Княгиня! княгиня!« закричалъ онъ, обращаясь къ окнамъ своего дома, »выходи на рундýкъ, погляди, какихъ Господь послалъ намъ гостей!«

(¹) На охотѣ.
(²) Племянница.

Высокая, благородной наружности женщина показалась въ дверяхъ на этотъ зовъ. Она была блѣдна, но прекрасна, хотя первая молодость ея уже прошла. Ея Украинскій костюмъ какъ-то не согласовался ни съ чертами ея лица, ни съ ея поступью и движеніями, и кто бы посмотрѣлъ на нее внимательнѣе, тотъ легко узналъ бы въ ней иную породу и иное племя.

»Княгиня моя! золото мое! привитай же моихъ гостей щирымъ словомъ и ласкою. Вотъ моя сестра, вотъ зять и племянница, а вотъ высокоповажный панъ Шрамъ. Его всѣ знаютъ на Украинѣ и въ Польшѣ.«

Голосъ Гвинтовки былъ грубъ, но радостенъ. Княгиня повиновалась ему, по-видимому, охотно, однакожъ въ ея поступи и въ выраженіи лица, улыбающагося какъ-то неестественно, видно было чувство худо скрытаго страха и глубокой горести. Гвинтовка взялъ ее подъ руку и подвелъ къ рыдвану. На-встрѣчу ей вышла изъ своей колесницы Череваниха. Съ любопытствомъ озирала она съ головы до ногъ княгиню. Но когда онѣ сблизились, Череваниха увидѣла, что княгиня совсѣмъ не ею занята: она вперила глаза во что-то другое, съ такимъ видомъ, какъ-будто ей представилось какое-нибудь страшилище. »Рыдванъ! рыдванъ!« закричала она вдругъ, какъ говорится, не своимъ голосомъ; колѣни ея подогнулись, и она упала въ обморокѣ.

Это смутило и гостей, и хозяина. Одинъ Черевань сохранилъ спокойствіе и, довольный тѣмъ, что знаетъ причину неожиданности, сказалъ усмѣхаясь:

»Ге! не дивуйтесь этому, бгатцы: рыдванъ этотъ взятъ подъ Пилявою, а въ рыдванѣ сидѣлъ князь съ княжичемъ; князя погнали Татаре въ Крымъ, а княжича вражьи козаки, наскочивши, растоптали лошадьми.«

Княгиню въ это время подняли, и она, услышавъ послѣднія слова Череваня, протяжно и глубоко застонала.

»Вишь, Лядское отродье!« сказалъ нѣжный ея супругъ. »Я думалъ, она совсѣмъ уже забыла прежнее, но, видно, волка сколько хочешь корми, онъ всё таки въ лѣсъ смотритъ.«

»Га-га-га!« засмѣялся на это Черевань. »А я жъ тебѣ говорилъ, бгате: »Эй не бери, бгатъ Мат»вѣй, нечестивой Ляшки! не будетъ тебѣ съ нею »добра!« Такъ чтó жъ, коли тебѣ бѣлое лице да черныя брови дороже щирой души Украинской?«

»Нехай ему цуръ, свате!« сказалъ Гвинтовка: »оставимъ это! Просимъ до госпóды (1), дорогіе гости. Дайте я всѣхъ васъ перецѣлую. — Вы, черти! хамы негодные!« обратился онъ къ толпѣ своихъ охотниковъ. Чего стоите оторопѣвши? Возьмите пани да отнесите въ будинокъ.«

---

(1) *Госпóдà* — домъ, въ возвышенномъ и учтивомъ тонѣ.

Потомъ онъ очень привѣтливо перецѣловался съ своими гостьми и повелъ ихъ въ свѣтлицу.

»Скажи, Бога ради«, спросилъ у него тогда Шрамъ, »чтó это за дикіе звѣри съ рогами появились въ Нѣжинскихъ лѣсахъ? Гонялись наши дѣды по низовымъ степямъ за бѣлорогими сугаками, гонялись, если вѣрить пѣснямъ, и за золоторогими турами по Днѣпровскимъ дебрямъ, но такихъ тяжконогихъ оленей никогда еще не ловили.«

»Не дивись этому, батько«, отвѣчалъ Гвинтовка: »иныя теперь времена, иные обычаи. Сугаки да туры питались одною травою, а эти тяжконогіе олени съѣдаютъ сосны и дубы до самого корня.«

»Га-га-га!« засмѣялся веселый Черевань. »Это уже, бráтіку, настоящая загадка!«

»Глядите«, сказалъ Гвинтовка, »вонъ толпятся въ ворота, поснимавши шапки, Нѣжинскіе кожемяки, ткачи и дегтяри. Солнце какъ-будто для того и спустилось къ самому лѣсу, чтобъ еще больше накрасить ихъ толстыя морды. Какъ они теперь смирны и покорны, когда у меня волы въ дворѣ! а пойди, поговори съ ними въ магистратѣ, не задобривши сперва полковника! тамъ сей-часъ покажутъ они тебѣ какой-нибудь ветхій пергаминъ съ висящею печатью.«

»Да чтó жъ тебѣ эти добрые люди сдѣлали?« спросилъ Шрамъ.

»Добрые! нашелъ ты добрыхъ! Скорѣй я назо-

ву добрымъ лысаго дідька, нежели этихъ проклятыхъ салогубовъ (¹). Ты, видно, еще не знаешь, что эти добрые затѣваютъ съ Запорожскими гайдамаками на насъ, городовыхъ козаковъ! Запорожцы теперь съ Нѣжинскими мѣщанами, какъ родные братья. Вражьи салогубы ни напитковъ, ни наѣдковъ, ничего для камышниковъ не жалѣютъ. Только и дѣла, что съ ними бражничаютъ. И такая завелась дерзость у вражьихъ мугирей, что ѣдетъ знатный козакъ по улицѣ, никто передъ нимъ и шапки не снимаетъ. А покажись въ магистратъ, такъ зáразъ достанутъ изъ-подъ кади заплѣснѣвѣлый шпаргалъ (²), да и суютъ въ глаза старшинѣ: вотъ, дескать, наше старосвѣтское право! А кто ихъ такъ разшевелилъ? Всё проклятые Низовцы!«

»Постой, братъ«, сказалъ Шрамъ, »а ты самъ на чьей же сторонѣ?«

»Какъ на чьей? Разумѣется, на гетмáнской!«

»А зачѣмъ же ты водишься съ Запорожцами?«

»Я вожусь съ Запорожцами? Кто тебѣ это сказалъ?«

(¹) Салогубами называютъ, въ насмѣшливомъ смыслѣ, торговцевъ саломъ, рыбой и проч., а за-урядъ съ ними и всѣхъ торгашей, которые жирно ѣдятъ и мало работаютъ.

(²) Автору однажды стоило большого труда убѣдить мѣщанъ показать ему старинный пергаминный документъ, тщательно ими скрываемый отъ всѣхъ. Когда наконецъ сомнѣнія ихъ разрушились, пергаминъ принесли изъ погреба, гдѣ онъ хранился подъ кадью съ квашеною свеклою, и отъ того весь покрылся плѣсенью.

»Кто бъ ни сказалъ, а есть слухъ, что ты пируешь съ ними не хуже Нѣжинскихъ мѣщанъ.«

»Плюнь ты, пан'отче, въ глаза тому, кто тебѣ это скажетъ. Чтобъ я, будучи паномъ на всю гу́бу, не нашелъ себѣ лучшей компаніи, чѣмъ эти голыши, что́ ушли въ Сѣчь, обокравши своихъ хозяевъ!... ну, такъ! спасибо, пан'отче!«

»Да, да!« проговорилъ сквозь зубы Шрамъ: »вижу я, что ты *панъ на всю гу́бу*, хоть и не говори мнѣ этого.«

А Гвинтовка между тѣмъ въ окно:

»А, вражьи мужвалы! съ какимъ покорнымъ видомъ подходятъ теперь къ рундуку! но я имъ пока́жу разницу между паномъ и хамомъ. Гей, сволочь!« крикнулъ онъ своимъ слугамъ, »не пускать ко мнѣ этихъ длиннополыхъ лычаковъ! Бейте ихъ по затылку! гоните со двора батогами Хамово племя.«

»Катъ-знаетъ что́, бгатъ!« сказалъ Черевань. »Кто жъ этакъ добраго человѣка гонитъ, какъ собаку отъ порога?«

А Шрамъ не вытерпѣлъ и прибавилъ:

»Такъ дѣлали только Польскіе паны да наши недоляшки, и мнѣ кажется, что едва-ли не ополячила тебя твоя княгиня.«

»Какъ это такъ?«

»Такъ, что твои слова и поступки пристали и извергу Еремѣ (1).«

---

(1) Такъ называли козаки князя Іеремію Вишневецкаго, самаго гордаго пана, самаго ожесточеннаго ихъ противника, который, въ

Густая краска обиды покрыла щеки Гвинтовки. »Батько!« сказалъ онъ Шраму, »отъ одного тебя снесу я, не проливъ горячей крови, такія слова. Я такой же Ерема, какъ ты Барабашъ, Ерема! Нѣтъ, пусть дьяволъ возьметъ мою душу, если я не готовъ вынуть за Украину изъ ноженъ саблю одинъ противъ десятерыхъ!«

И, обнаживъ саблю, блеснулъ ею, какъ молніею, вокругъ своей головы, въ красномъ свѣтѣ заходящаго солнца.

»Ну, ну, успокойся,« сказалъ Шрамъ. »Развѣ я тебя не знаю? Мало что́ молвится подъ горячую минуту? Не все перенимай, что́ по водѣ плыветъ.«

А между тѣмъ подумалъ:

»И Еремѣ Вишневецкому дорога́ была Украина, и онъ махалъ на нее саблею. Какъ не махать, защищая свои имѣнія?«

»И въ самомъ дѣлѣ«, сказалъ Гвинтовка, къ-стати ли мнѣ теперь спорить, когда я долженъ думать объ одномъ: какъ удовольствовать моихъ гостей? Послѣ дороги вамъ прежде всего нужно подкрѣпиться, да и вечерняя пора на дворѣ. А гей, княгиня! давай-ка козакамъ вечерять! Увидишь, пан'отче, какъ ополячила меня княгиня! Скорѣй—

сознаніи своихъ правъ на неограниченную власть надъ множествомъ селъ и городовъ въ Украинѣ, не зналъ мѣры своему мщенію надъ тѣми, которые прогнали его въ Польшу, и, казня плѣнниковъ, кричалъ палачамъ: »Мучьте ихъ такъ, чтобъ они чувствовали!«

я ее окозачилъ. У меня не гайдуки, не маршáлки застилаютъ скатертью столъ. Мы доказали Ляхамъ, чтó значитъ козацкая сабля: княгини ихъ теперь служатъ козакамъ за столомъ и не за столомъ. Не для того взялъ я за себя бѣлорукую, высокоименитую, пышную Польку, чтобъ держать для нея полонъ домъ слугъ: сама она моетъ мнѣ сорочки и варитъ вареники. Княгиня! мое золото! чи ты спишь, чи не чуешь, вечерять козакамъ пора!«

Какъ тѣнь мертвеца нехотя оставляетъ могилу и является на зовъ чародѣя; такъ явилась на громовой призывъ Гвинтовки его блѣдная княгиня. Подобно восточной рабѣ, поклонилась òна гостямъ тихо и глядя въ землю, и дрожащими руками стала покрывать столъ бѣлою скатертью. Красота рукъ у женщинъ самая долговременная, и руки княгини, съ сверкающими перстнями, чудными линіями мелькали въ вечернемъ полусвѣтѣ надъ движущимися складками скатерти.

»Не честь, не слава ли козакамъ имѣть такихъ рабынь?« сказалъ Гвинтовка, глядя на эти изящныя руки. »Сестра, племянница! прошу до гурту. Сядьте и не заботьтесь ни о чемъ, какъ паны надъ панами. Вамъ будетъ прислуживать гордая Польская пани, высокоименитая княгиня!«

»Рыдванъ нашъ напугалъ твою княгиню«, сказала Череваниха, »и — въ добрый часъ молвить — когдабъ съ нею чего не приключилось отъ пе-

реполо́ху. Смыть бы ее святой водой, да пускай бы надѣла скорѣе сорочку назадъ пазухою.«

»Э, се́стро!« отвѣчалъ беззаботно Гвинтовка, »мой голосъ подниметъ ее и изъ мертвыхъ! Не разъ и не два игралась у насъ такая комедія. Ты не гляди на это, что княгиня моя такъ смутна. Только скажу слово, тотъ-часъ развеселится, да еще и черезъ саблю поскачетъ. Вѣдь наши жъ козачки плясали подъ Польскую дудку!«

Какъ описать, что́ дѣлалось на ту пору въ душѣ бѣдной княгини, нѣкогда богатой и сильной, какъ царица, а теперь одинокой и беззащитной, какъ невольница? Видно, она привыкла уже сносить отъ своего новаго мужа всевозможныя оскорбленія, потому что ни слезами, ни вздохомъ не выразила своего чувства. Она слушала слова Гвинтовки съ такимъ видомъ, какъ-бы они не къ ней относилась; только его грубый и гремящій голосъ видимо потрясалъ ея нервы, какъ слабо натянутыя струны.

»Ну, княгиня«, продолжалъ онъ, »ворочайся проворнѣе; докажи, что высокая порода на что-нибудь таки тебѣ пригодилась. Давай намъ какой-нибудь настоянки, чи запеканки, только такой, чтобъ и старость помолодѣла.«

Приказаніе было исполнено, и княгиня, въ качествѣ хозяйки, должна была выпить чарку сама, прежде нежели начала потчевать гостей.

»Пейте спокойно, мои дорогіе гости«, говорилъ

Гвинтовка: »не бойтесь, вража Полька не отравитъ васъ.«

»А отъ нихъ, не во гнѣвъ твоей княгинѣ, этого ожидать можно«, сказалъ Шрамъ. »Можетъ быть, батько Богданъ до сихъ поръ здравствовалъ бы, еслибъ не водилъ сватовства съ Ляхами (¹).«

»Видишь, мое золото«, сказалъ княгинѣ нѣжный супругъ ея, »видишь, каковы твои земляки! Благодари Бога, что я тебя отъ нихъ избавилъ. Хоть, можетъ быть, мои дубовыя свѣтлицы не то, что̀ ваши Волынскіе за́мки, да по крайней мѣрѣ поживешь межъ православнымъ народомъ; всё таки на томъ свѣтѣ не такъ будешь смердѣть Ляд-скимъ духомъ, когда позовутъ на судъ Божій.«

»Да по-нашему ли она молится Богу?« шепнула Череваниха брату.

»Оттакъ, се́стро!« отвѣчалъ онъ въ-слухъ. »Неужели ты думаешь, что твой братъ назвалъ бы своею женою нечестивую католичку? Уже не знаю, что̀ тамъ въ душѣ у нея сидитъ, а она у меня и въ церковь ходитъ, и крестится по-нашему. Перекрестись, мое золото!«

Княгиня, какъ дитя, перекрестилась по-православному.

Она была самое жалкое существо между этими людьми, добрыми по-своему, но жестокосердыми тамъ, гдѣ ими управляла народная ненависть, вос-

(¹) Преждевременную смерть Хмельницкаго приписывали отравѣ, всыпанной въ напитокъ гостями — Поляками.

питанная въ Украинцахъ долговременными страданіями ихъ подъ игомъ пановъ Польскихъ. Она подобна была воробью, попавшемуся въ руки сельскимъ мальчишкамъ, которые, по миѳическому преданію, считаютъ себя въ правѣ дѣлать съ нимъ все, что̀ только можетъ придумать дѣтская злость (¹). Она не видѣла, какъ несправедливо, какъ возмутительно было для большинства необузданное господство пановъ и шляхты въ Украйнѣ; ей не входило въ голову, среди блеска, роскоши, пріятныхъ бесѣдъ и танцевъ, что отъ этихъ веселостей обливаются кровью тысячи сердецъ, столь же чувствительныхъ, какъ и ея собственное, что вражда къ ея сословію и племени всасывается подавленною толпою съ молокомъ матери, что кругомъ высокихъ, звучащихъ музыкою палатъ, ростутъ и мужаютъ въ убогихъ хатахъ мстители, и что прольются рѣки шляхетской крови за сребро и золото, извлекаемое изъ шляхетскихъ имѣній. Веселая, добрая, щедрая, она далека была отъ мысли, что участвуетъ въ тяжкихъ преступленіяхъ противъ человѣчества; и даже теперь, неся жестокую кару за нихъ, она не понимала, за что̀ судьба послала ей такую участь. Она тѣмъ болѣе была жалка, что не понимала этого!

»Ну, прошу жъ за столъ, дорогіе гости!« го-

(¹) Старухи баютъ дѣтямъ, что будтобы воробьи, летая вокругъ распятаго Спасителя, чирикали: *Живъ! живъ!* а Жиды, слыша это, принимались мучить Его снова.

ворилъ Гвинтовка. »Давно мой по́куть не видалъ такихъ гостей.«

Гости усѣлись за столъ, освѣщаемый серебрянымъ каганцемъ, и Шрамъ, благословя пищу, взялся за ложку, какъ со двора кто-то отодвинулъ кватирку (¹) и закричалъ громко: »*Пу́гу!*«

Шрамъ бросилъ на столъ ложку и молча глядѣлъ на хозяина.

Хозяинъ видимо смутился и не зналъ, что́ дѣлать: отвѣчать ли на Запорожское привѣтствіе, или успокоить своего именитаго гостя

»*Пу́гу!*« раздалось подъ окномъ громче прежняго, и въ форточкѣ мелькнули чьи-то бѣлые усы. »Чи ты спишь, пане князю, чи уже такъ загордился, что не хочешь пустить и въ хату добраго человѣка?«

»Прошу, прошу, пане ота́мане«, отвѣчалъ Гвинтовка. »И хата, и хозяинъ — все твое.«

»А собаки жъ у васъ не кусаются?«

»Вотъ славно! а на что́ жъ поется въ пѣснѣ:

Запорожскій козакъ
Не боится собакъ?«

»А кошки у васъ не царапаются?«

»Богъ съ тобою, пане ота́мане!«

»Теперь чортъ знаетъ, какъ стало на Украинѣ. Сѣчевикъ не во всякую хату суйся.«

(¹) Форточку въ окнѣ.

»По крайней мѣрѣ, моя хата отворена для добрыхъ молодцевъ настежь.«

»Такъ это ты такъ не водишься съ Запорожцами?« отозвался тогда Шрамъ.

»Эхъ, батько!« отвѣчалъ покраснѣвъ Гвинтовка. »Запорожецъ Запорожцу рознь. Это — *батько Пу́гачъ*, старецъ Сѣчевой. Съ нимъ по-неволѣ надобно ладить. Теперь у насъ въ Украинѣ все такъ перепуталось и перемѣшалось, что прямою дорогою никуда не проѣдешь. Мы утремъ Запорожцамъ носъ, какъ только возьметъ наша; а теперь идти имъ на-перекоръ трудно: теперь они въ особой ласкѣ у царскаго величества, и царь дѣлаетъ для нихъ все, что́ ни попросятъ.«

»Не идти жъ намъ съ тобою по одной дорогѣ«, сказалъ Шрамъ.

Тутъ въ свѣтлицу вошли два Запорожца: одинъ сѣдой старикъ, другой еще очень молодой козакъ. Это былъ извѣстный на Сѣчи батько Пу́гачъ, старѣйшій изъ Запорожскихъ старцевъ, со своимъ чурою. Его-то именемъ, помните, Черногорецъ думалъ унять своего побратима отъ любовныхъ дурачествъ.

Физіономія Пугача была выразительна и мрачна. Бѣлыя брови повисли надъ глазами и почти закрывали ихъ: лобъ и все лице покрыты были сабельными рубцами и глубокими морщинами. И ота́манъ, и чура одѣты были въ простыя сермяги, а сорочки ихъ, по-видимому, никогда не зна-

ли мытья. Напротивъ, вмѣсто мытья, Запорожцы опускали свои сорочки и полотняные шаровары въ жидкій отстой дегтя, и такимъ образомъ, благоухая кругомъ на далекое пространство, носили ихъ до тѣхъ поръ, пока они не расползались на тѣлѣ. Батько Пугачъ принадлежалъ къ самымъ суровымъ рыцарямъ своего ордена, отрицавшагося міра и всѣхъ удобствъ жизни. Онъ смотрѣлъ дикимъ боровомъ и носилъ платье грубое и запачканное, какъ щетина. Не смотря на это, хозяинъ встрѣтилъ его съ особеннымъ *пошанова́ньемъ* и просилъ садиться за сто́лъ.

»Не сяду!« отвѣчалъ батько Пугачъ, стоя посреди свѣтлицы.

»Отъ чего жъ не сядешь?«

»Отъ того, что у тебя добрымъ людямъ такая честь, якъ собакамъ.«

»О какихъ это людяхъ ты говоришь?«

»Да хоть бы и о тѣхъ, что́ за возъ дровъ платятъ по пяти паръ воловъ. Да вотъ и они сами идутъ поклониться твоей панской милости.«

Дверь отворилась, и нѣсколько человѣкъ Нѣжинскихъ мѣщанъ вошло въ свѣтлицу.

»Ну, скажи«, продолжалъ Пугачъ, »за что́ ты заграбилъ у нихъ скотъ?«

»За то, чтобъ не рубили моего лѣсу.«

»Да вѣдь они не въ твоемъ лѣсу рубили, а въ городовомъ.«

»Въ городовомъ, ей Богу, въ городовомъ!« говорили мѣщане, кланяясь Пугачу и Гвинтовкѣ.

»Вотъ славно!« сказалъ Гвинтовка. »Съ котораго это времени моя *займанщина* сдѣлалась городовымъ лѣсомъ?«

»Да это, пане, по-твоему она твоя, а по нашимъ магистратскимъ записямъ она наша, Богъ знаетъ съ какого времени. Еще какъ только батько Хмельницкій выгналъ Ляховъ изъ Украины, то заразъ и далъ намъ привилей »осягнуть подъ го»родъ Нѣжинъ поля, лѣса и сѣножати, якіи сами »улюбимъ«, и до сихъ поръ стоятъ еще знаки, что̀ постановили наши бурмистры.«

»Это-то мы знаемъ«, возразилъ запальчиво Гвинтовка, »это-то мы знаемъ, что вы того только и глядите, какъ бы поймать лучшій кусокъ изъ козацкой добычи. Козакамъ тогда было не до займанщинъ: козаки тогда бились съ Ляхами по-надъ Случью, по-надъ Горынью, да тонули въ Литовскихъ болотахъ; а вы, сидя дома, съ своими мордатыми бурмистрами, повыкраивали себѣ самые лучшіе куски изъ Украины! Такъ нѣтъ же! козацкая сабля больше значитъ, чѣмъ бурмистерская патерица (1). Панъ полковникъ Нѣжинскій позволилъ мнѣ занять займанщину подъ Нѣжиномъ на конскій бѣгъ; я цѣлый день съ своими козаками не вставалъ съ коня, и теперь никто не въ правѣ говорить, что это не мое доброе!«

(1) Палка, въ почетномъ смыслѣ: знакъ власти.

»Послухай, пане князю, ты стараго Пугача«, сказалъ Запорожецъ. »Пускай мѣщане кое-чѣмъ и поживились отъ козаковъ въ Польскую заверуху; да уже жъ и козаки начали теперь прибирать мѣщанъ добре въ свои руки! Засѣвши въ ихъ магистраты и ратуши, ваша старшина орудуетъ ихъ войтами, бурмистрами и райцами, какъ чортъ грѣшными душами. Коли полковникъ далъ тебѣ займанщину въ мѣщанскихъ лѣсахъ, ну, и называй ихъ своими, только отдай этимъ добрымъ людямъ воловъ.«

Задумался на мгновеніе Гвинтовка, но, взглянувши на Шрама, сказалъ рѣшительно:

»Нѣтъ, пане ота́мане, пусть они ищутъ ихъ у своихъ бурмистровъ, чтó подѣлали знаки въ моихъ лѣсахъ; а я докажу имъ, что я въ своемъ добрѣ панъ, и этимъ безшабельнымъ Хамамъ поуменьшу пыхи.«

»Дурни вы, дурни съ своимъ панствомъ, да еще и не каетесь!« воскликнулъ батько Пугачъ. »Погодите, скоро придетъ время.... не помогутъ вамъ ни ваши сабли, ни ваши грамоты, чтó повыпрашивали вы себѣ у короля, лижучи сенаторамъ руки! — Дѣтки мои!« обратился батько Пугачъ къ мѣщанамъ, »плюньте вы и на его панство, и на воловъ. Мы скоро воротимъ вамъ все десятерицею.«

»О, спасибо жъ тебѣ, батько нашъ!« воскликнули мѣщане, »что хоть ты за насъ вступился!

Просимъ же до насъ на вечерю, просимъ до нашей простацкой господы! и мы съумѣемъ угостить тебя такъ, что не будешь голоденъ.—Прощай, пане князю! *Прийде и на нáшу ýлицю прáзникъ!*«

»Постой, пане отáмане!« сказалъ Гвинтовка батьку Пугачу. »Я не хочу съ тобою ссориться за этихъ лычаковъ. Пусть берутъ своихъ воловъ да убираются къ нечистому, а ты оставайся у меня вечерять.«

»Не до вечери теперь нашему брату«, отвѣчалъ батько Пугачъ. »Довольно намъ теперь работы и безъ вечери. Скоро будутъ наши сюда подъ Нѣжинъ. Вотъ ѣдутъ уже царскіе бояре; мы ихъ до Переяслава не допустимъ. Хорошъ городъ и Нѣжинъ для черной рады. Такъ намъ уже теперь не до вечери.«

И вышелъ изъ свѣтлицы. Но на дворѣ козаки Гвинтовки слышали, какъ онъ сказалъ мѣщанамъ: »Чтобъ ихъ нечистый взялъ съ ихъ вечерею, этихъ пановъ окаянныхъ! Пойдемъ лучше къ вамъ, дѣтки!«

И мѣщане едва не на рукахъ унесли батька Пугача.

Гвинтовка остался передъ Шрамомъ въ самомъ затруднительномъ положеніи: онъ чувствовалъ, что Шрамъ разгадалъ теперь его, а между тѣмъ ему жаль было и расположенности батька Пугача.

При наступающей съ разныхъ сторонъ бурѣ, онъ старался въ обѣихъ враждующихъ партіяхъ

заготовить себѣ опору, чтобъ, въ случаѣ перевѣса той или другой, не пострадать вмѣстѣ съ прочими. До сихъ поръ онъ умѣлъ ладить со всѣми; но теперь размолвка съ батькомъ Пугачемъ сдѣлала его какъ-бы сторонникомъ Сомка, а это было ему совсѣмъ не по душѣ: онъ любилъ отпустить молодецкую фразу тамъ, гдѣ говорили о родинѣ и козацкой славѣ; но когда дѣло принимало серьезный ходъ и нужно было рисковать имѣніемъ и жизнью, тамъ панство тотъ-часъ брало въ немъ перевѣсъ надъ патріотизмомъ.

Разныя тревожныя мысли терзали его душу; однакожъ онъ усиливался казаться радостнымъ, и веселою бесѣдою старался оживить свой ужинъ, за который всѣ принялись теперь съ постными лицами. Но ни его привѣтствія, ни поддѣльный восторгъ не имѣли никакого дѣйствія на стараго Шрама, а при его нахмуренныхъ бровяхъ, отягощенныхъ смутными думами, и всѣмъ другимъ было какъ-то жутко.

Гвинтовка вышелъ наконецъ изъ себя, и, не зная, на комъ выместить свою досаду, напалъ на бѣдную княгиню, которая подавала на столъ кушанья. Все ему не нравилось, все находилъ онъ сдѣланнымъ *по-Лядски*. Несчастная женщина дрожала, какъ былина въ полѣ отъ вѣтру, и въ-торопяхъ опрокинула на столъ коновку съ наливкою. Это взорвало гнѣвъ ея мужа, который, ка-

залось, только и ждалъ чего-нибудь подобнаго, чтобъ излить на нее всю свою злобу.

»Чортова кровь!« вскричалъ онъ и толкнулъ ее такъ сильно, что бѣдная княгиня упала и осталась безъ чувствъ посреди свѣтлицы.

»Гей, черти! Хамы!« закричалъ Гвистовка, »возьмите къ бѣсовой матери отсюда эту Лядскую падаль!«

Нѣсколько дївчатъ выбѣжали изъ боковой двери и унесли полумертвую свою пани.

Черевань при этой сценѣ посматривалъ на Шрама, что̀ онъ скажетъ, но Шрамъ, по-видимому, ничего не замѣчалъ.

Послѣ ужина онъ объявилъ хозяину, что завтра на зарѣ ѣдетъ въ Батуринъ, а Петра оставляетъ у него въ хуторѣ, какъ еще слабаго послѣ болѣзни.

Съ тѣмъ и разошлись всѣ спать.

ГЛАВА XI.

»Здорóвъ, здорóвъ, пáне Сáво!
Якъ ся собі мáешъ?
Дóбрихъ гостéй собі мáешъ —
Чимъ іхъ привітáешъ?«
— »Ой давъ би вамъ мéду и пива —
Не схóчете пúти.
Ой ви жъ менé молодóго
Хóчете згубúти!«

Народная пѣсня.

Петрó, проснувшись на другой день, пошелъ въ конюшню и не нашелъ уже тамъ отцева коня. Еще на разсвѣтѣ уѣхалъ неутомимый Шрамъ. Тяжело было на сердцѣ у Петра: его преслѣдовала всё одна мысль. Прежде, бывало, его мучила холодность гордой красавицы, потомъ ревность къ счастливому сопернику; теперь онъ зналъ, что его любятъ; это, съ одной стороны, его радовало, но съ другой — онъ тѣмъ больше мучился, что долженъ былъ отказаться отъ любви добровольно. Уваженіе къ отцевской волѣ и къ правамъ обру-

ченнаго жениха было въ немъ такъ сильно, что у него не мелькнула въ головѣ даже и мысль своевольно овладѣть Лесею. Онъ, напротивъ, рѣшился всячески отъ нея удаляться и при первой возможности вступить въ воинское Запорожское братство, чуждающееся женщинъ.

Походивъ по подворью, онъ не хотѣлъ возвращаться въ покои; ему тяжело было встрѣчаться съ Лесею, не смотря на всю привязанность къ ней. Въ тягостномъ раздумьи онъ вышелъ за ворота, и пошелъ, отъ нечего дѣлать, бродить по лѣсу.

Не смотря на продолжительную дорогу, послѣ которой вчера онъ чувствовалъ себя очень измученнымъ, теперь онъ былъ почти здоровъ, и пріятное ощущеніе возраждающихся силъ, при всемъ его горѣ, дѣлало его чувства и мысли какъ-то грустно-спокойными. Тоскуя о своей несчастной любви, онъ въ самой тоскѣ находилъ какое-то наслажденіе, и, отказавшись отъ предмета, къ которому стремился, ни за что въ мірѣ не согласился бъ отказаться отъ этой тихой грусти о немъ. Незамѣтно онъ отдалился отъ хутора, и, продолжая идти машинально по узкой дорожкѣ, увидѣлъ не въ дальнемъ отъ себя разстояніи дымъ, выходящій изъ-за деревьевъ. Утреннее солнце просвѣчивало его своими золотыми лучами. Скоро показалась огорожа и убогая хатка подъ соломеною крышею. Онъ хотѣлъ было уже воротиться назадъ, чтобъ не тревожить по-пусту чужихъ со-

бакъ, которыхъ по хуторамъ держатъ всегда множество, какъ изъ-за деревъ появились передъ нимъ двѣ фигуры, заставившія его остановиться. Молодая женщина вела подъ руку высокаго и крѣпко сложеннаго козака, который, по-видимому, вовсе не нуждался въ ея подпорѣ и говорилъ ей:

»Да ну, Настýсю, къ нечистой матери! что́ ты меня ведешь, какъ пьяницу изъ шинка? Я сегодня хочу поиграть на конѣ по полю, а ты меня водишь, какъ ребенка. Геть! говорю, отстань отъ меня!«

Каково же было удивленіе Петра, когда онъ въ этомъ козакѣ узналъ стараго своего знакомца, Кирила Тура! Казалось бы, для него должна быть непріятна такая встрѣча, но, напротивъ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ глядѣлъ на своего соперника. Кирило Туръ тоже ему обрадовался, привѣтствовалъ самымъ дружескимъ образомъ и поздравлялъ съ выздоровленіемъ.

»Не думалъ я, братъ«, говорилъ онъ, »чтобъ послѣ такого удара довелось тебѣ еще глядѣть на Божій свѣтъ! Да и самъ я не хотѣлъ бы ужъ больше подниматься на ноги: Богъ знаетъ, удастся ли въ другой разъ уснуть такъ сладко!«

»*Не знать щó ви говóрите, брáтіку!*« возразила тутъ его спутница, глядя на него съ нѣжностью и не оставляя руки его.

»Молчи, баба!« сказалъ Запорожецъ. »Тебѣ ли мѣшаться въ козацкія рѣчи? Знаете ли вы толкъ

въ жизни? Вамъ жизнь представляется чортъ знаетъ чѣмъ. Хата, печь, подушки,— вотъ и вся жизнь ваша. А козаку поле — не поле, море — не море, чтобъ разгуляться. Козацкая душа развѣ въ безпредѣльномъ небѣ найдетъ себѣ просторъ. Вотъ жизнь!« И потомъ, обращаясь къ Петру: »Я, братъ, уже совсѣмъ покидалъ этотъ свѣтъ, набитый бабами и всякими глупостями; уже и ногу поставилъ было на порогъ, чтобъ идти въ далекую дорогу.... такъ що жъ? добрые люди уцѣпились за меня и таки воротили назадъ. Думаютъ, куды какое доброе дѣло сдѣлали! Думаютъ, что ничего и лучше уже нѣтъ этой мизерной жизни! А, право, у кого толку есть хоть на копейку, тотъ скажетъ, что умному человѣку на свѣтѣ жить совсѣмъ не сто́итъ....«

»Скажи, пожалуйста«, прервалъ его философствованіе Петро́, »какъ же ты попалъ изъ Кіева на сю сторону Днѣпра?«

»Такъ, какъ и ты. Взяли меня добрые люди, да и давай няньчить, сповивать, купать, поить всякими травами, а потомъ и сюда перевезли. Перевезли, и куда жъ? какъ разъ въ хату къ моей матери. Тутъ уже бабы меня какъ взяли въ свои руки, то вотъ никакъ не отвяжусь отъ нихъ. Увѣряютъ меня, что я нездоровъ. а я медвѣдя удержалъ бы за ухо.«

»А побратимъ твой гдѣ?«

»Э, побратиму моему теперь довольно работы!

Хочемъ задать перцу городовой старшинѣ; такъ шатается теперь по всѣмъ усюдамъ, какъ челнокъ у ткача по основѣ. Натянули наши братчики вамъ добрую основу, соткутъ вамъ такую сорочку, что ни руками, ни ногами не поворотите.«

»Да ну«, сказалъ Петро́, »когда говорить, то говори ясно, а не загадками.«

»Говори ясно!« возразилъ смѣясь Запорожецъ. »Какой теперь чортъ скажетъ тебѣ что-нибудь ясно, когда со всѣхъ сторонъ наступаютъ тучи! Прояснится вамъ развѣ тогда, когда ударитъ громъ и засверкаетъ молнія! А уже до этого не далеко. Говорилъ мнѣ побратимъ, что уже наши братчики надъ Остромъ, въ Романовскаго Ку́тѣ и кошъ заложили. Сегодня самъ Иванъ Мартыновичъ прибудетъ съ стариками, а къ завтрешнему дню едва ли и бояре царскіе не подоспѣютъ. Черный народъ собирается подъ Нѣжиномъ, какъ саранча: говорятъ, въ Нѣжинѣ великій урожай на карма́зины....«

У Петра отъ этихъ словъ пошелъ холодъ по тѣлу. Онъ прежде всего подумалъ объ отцѣ своемъ и хотѣлъ было тотъ-часъ извѣстить его обо всемъ слышанномъ, но въ то же время вспомнилъ, что отецъ его уѣхалъ въ Батуринъ. Другою мыслью его была забота о Лесѣ. Онъ боялся, чтобъ въ суматохѣ, какая неминуемо должна здѣсь наступить, она какъ-нибудь не пострадала; боялся также, чтобъ Кирило Туръ не вздумалъ опять ее

похитить. Не зная, что́ предпринять, онъ намекнулъ о ней Запорожцу.

Запорожецъ при имени Леси весело разсмѣялся.

»Ге-ге!« сказалъ онъ. »Неужели ты до сихъ поръ не выбросилъ изъ головы своей дури? Мнѣ казалось, довольно пустить человѣку съ полъ-ведра крови, чтобъ образумить: но, видно, нѣтъ! видно, васъ няньки закармливаютъ такою кашею, что вы до самой старости не перестанете льнуть къ бабамъ!«

»А ты«, спросилъ Петро́, »будто совсѣмъ уже забылъ ту, за которую дрался, какъ сумасшедшій?«

»Тьфу!« сказалъ съ досадою Запорожецъ. »Сталъ бы я думать теперь о такой пакости! Одинъ тому часъ, что́ человѣкъ сдурѣетъ. Теперь давай мнѣ хоть десять такихъ краль, то, ей Богу, всѣхъ отдамъ за люльку тютюну!«

Петро́ отъ души радовался такому настроенію души опаснаго волокиты.

»Ну, куда жъ ты теперь идешь?« спросилъ онъ.

»Да вотъ Божій Человѣкъ велѣлъ мнѣ гулять въ полѣ утромъ и вечеромъ, а бабы мои.... Это сестра моя, коли хочешь знать, а тамъ въ хатѣ есть еще мать.... такъ бабы мои не вѣрятъ, что я выздоровѣлъ. Но я сегодня докажу имъ, что пора имъ отъ меня отвязаться; осѣдлаю коня да проѣду по полю такъ, »щобъ ажъ ворогамъ було́ »тя́жко«, какъ говоритъ Черевань. Но пока что́, зайдемъ ко мнѣ въ хату, выпьемъ по чаркѣ.«

Петро́ на это согласился, и Запорожецъ ввелъ его въ хату своей матери.

»Вотъ, братъ, и моя пані-ма́тка!« сказалъ онъ. »Коли хочешь, мамо, знать, что́ это за козакъ, то это тотъ самый, съ которымъ разомъ мы были нашпигованы кинжалами.«

»Я не скажу имъ«, шепнулъ онъ гостю, »что ты-то и нашпиговалъ меня; ато онѣ будутъ глядѣть на тебя чортомъ. Эти бабы не смыслятъ, что можно сегодня съ человѣкомъ рубиться отъ души, а завтра быть пріятелями. Чортъ знаетъ, какъ глядятъ на Божій свѣтъ!«

Старушка очень рада была гостю и тотъ-часъ же принялась за угощеніе. Въ печи горѣлъ огонь. Въ одну минуту появились горячіе блины и наполнили всю хату пріятнымъ паромъ.

»Вотъ какъ меня на старость утѣшилъ Господь милосердный?« говорила мать Кирила Тура, обращаясь къ Петру. »Не думала я уже видѣть своего сына, своего яснаго сокола!«

Тутъ она обняла голову Запорожца и поцѣловала его въ чуприну.

»Го́ді, го́ді, ма́мо!« говорилъ Запорожецъ, стараясь отъ нея освободиться. »Ты бъ, сдается, только и дѣлала, что́ няньчилась со мною. Я боюсь, чтобъ товари́ство теперь не прогнало меня изъ Січи за то, что отъ меня бабою пахнетъ!«

»А ты всё таки думаешь про ту проклятую Сѣчь?«

*

»Пані-ма́тко! не давай воли языку, коли хочешь, чтобъ я прожилъ еще хоть полдня у тебя въ хатѣ! Какъ можно называть проклятымъ славное Запорожье!«

»*Щобъ воно́ тобі запа́лось!*« сказала со слезами старушка. »Взяло оно у меня мужа, пропала моя молодость, не знала я счастья на свѣтѣ; а теперь возьметъ еще и сына, — не дозна́ю я счастья и въ старости!«

»Ну, что́ ты будешь дѣлать съ этими бабами!« сказалъ смѣясь Кирило Туръ. »У нихъ счастьемъ называется чортъ знаетъ что́! Ну, давай лишь, нене, намъ по чаркѣ, то, можетъ быть, повеселѣемъ. Теперь Січъ будетъ не далеко: въ Романовскаго Ку́тѣ. Правда, и туда вашему брату все равно нельзя показать носъ, такъ я самъ иногда навѣдаюсь къ вамъ, да и гостинца, можетъ быть, привезу.«

»Не нужно мнѣ лучшаго гостинца, какъ ты самъ, мой коханый сынку!«

»Э, пожалуй! такъ не для бабъ же создалъ Господь козака! есть у него что-нибудь лучшее дѣлать, нежели сидѣть съ вами въ хатѣ да уплетать блины. А блины славные! нечего сказать, пані-ма́тко, славные блины!«

Въ это время подъ окномъ раздался конскій топотъ, и кто-то громко закричалъ по-Запорожски: *Пу́гу, пу́гу!*«

Женщины затрепетали. Имъ не въ первый разъ

было слышать этотъ дикій зовъ; но никогда онъ не производилъ на нихъ такого дѣйствія.

»Охъ, моя ма́тінко!« вскрикнула сестра Кирила Тура. »Чего жъ меня это такой страхъ ошибъ? Кто это, мой бра́тіку?«

»Се вже, се́стро«, отвѣчалъ мрачно Запорожецъ, »пріѣхали по мою душу.«

»Охъ, лишечко!« вскричала мать, не понимая, что́ значатъ эти странныя слова, но угадывая чувствомъ страшный смыслъ ихъ. »Охъ, мой сынку! что́ жъ это ты говоришь?«

»А вотъ добрые молодцы сами тебѣ растолкуютъ«, отвѣчалъ Запорожецъ съ угрюмымъ спокойствіемъ.

Въ эту минуту дверь отворилась, и на порогѣ показался извѣстный уже намъ батько Пугачъ съ своимъ чу́рою.

»А здоровъ, вражій сынъ!« съ такимъ привѣтствіемъ обратился онъ къ Кирилу Туру. »Якъ ся собі ма́ешъ? Добрые пріѣхали къ тебѣ гости: чѣмъ-то ихъ угостишь? Прощайся лишь, вражій сынъ, съ матерью и съ сестрою, бо уже не долго будешь топтать траву!«

»Батечки мои, голубчики!« вскричала испуганная этими угрозами мать Кирила Тура. »Что́ жъ это вы съ нимъ хотите дѣлать? Не оставляйте меня сиротою на старости, не отнимайте у меня моего яснаго сокола!«

Но батько Пугачъ не обратилъ никакого вниманія на ея вопли и опять обратился съ своею

странною рѣчью къ Туру: »А що, вражій сынъ! поднялся уже на ноги? отпасъ уже толстую морду? Поѣдемъ лишь до ко́ша на расправу. Пакостникъ негодный! плюга́вецъ! загладишь ты сегодня весь стыдъ, що наробивъ товари́ству. Одѣвайся лишь, вражій сынъ! сѣдлай коня! Тебя бы слѣдовало, взявши за шею, привести до коша на веревкѣ, якъ собаку, да ужъ я честь на себѣ кладу. Пои́грай уже, такъ и быть, въ послѣдній разъ на конѣ.«

Бѣдныя женщины въ оцѣпенѣніи прислушивались къ этимъ угрозамъ, и потомъ, какъ-бы пронзенныя стрѣлою, повалились въ ноги батьку Пугачу, и рыдая умоляли его не лишать ихъ единственной ихъ радости и утѣшенія.

»Геть къ нечистой матери!« вскрикнулъ неумолимый Запорожецъ. »Якого чорта лазите передо мною? Не я надъ нимъ судья. Все товари́ство будетъ съ нимъ расправляться.«

»Катъ знае, що робишъ ты, батько!« сказалъ веселымъ голосомъ Кирило Туръ. »Кто жъ таки такъ пугаетъ женщинъ? Вѣдь и у тебя, я думаю, была мать: не волчица произвела тебя на свѣтъ. Садитесь лишь да подкрѣпитесь, чѣмъ Богъ послалъ, а я одѣнусь, осѣдлаю коня, да и поѣдемъ. Ма́мо, се́стро! полно вамъ Богъ знаетъ чего убиваться! Развѣ вы не знаете шутокъ Запорожскихъ? Нашъ братъ шутитъ по-медвѣжьи, такъ что иного и до слезъ доведетъ.«

Бѣдныя женщины не знали, чему вѣрить. Лучъ отрады блеснулъ, однакожъ, у нихъ въ душѣ, и онѣ, ободрясь немного, стали боязливо наблюдать за движеніями своего грознаго гостя. Наружность батька Пугача не предвѣщала ничего добраго. Мрачное лице его, съ нахмуренными бѣлыми бровами, и во всякое время не развеселило бы никого, а теперь оно казалось вѣстникомъ чего-то ужаснаго.

»Чего это вы оторопѣли?« обратился къ нимъ смѣясь Кирило Туръ. »Батько пошутилъ, а у нихъ уже и души нѣтъ. Давайте лишь на столъ блиновъ горячихъ, а я попотчеваю гостей перчаківкою. Я вамъ говорилъ, что сегодня поиграю на конѣ по полю. Ну, вотъ пріѣхали за мною козаки, да и все тутъ. А онѣ уже и расплакались! Эхъ, бабская натура! А еще просятъ остаться съ ними! Что за житье козаку съ такими плаксами!«

Батько Пугачъ сѣлъ за столъ, перекрестился и началъ спокойно ѣсть блины. По его знаку, чура его также сѣлъ и принялся за завтракъ.

Кирило Туръ вышелъ изъ хаты и началъ свистѣть, призывая своего коня, гулявшаго на волѣ, а чтобъ успокоить мать, онъ, идучи мимо окна, затянулъ козацкую пѣсню:

Ой кóню мій, кóню! заграй підо мнóю
Да розбий тýгу мою,
Розбий, розбий тýгу по тéмному лýгу
Козакóві молодóму.

Но эта пѣсня, неудачно выбранная, вмѣсто того, чтобъ успокоить, еще больше растрогала бѣдную старушку. Оставивъ свое дѣло дочери, она сѣла въ концѣ стола, за которымъ завтракалъ батько Пугачъ, и начала такъ горько плакать, что и желѣзное сердце стараго Запорожца смягчилось.

»Не плачь, нéне«, сказалъ онъ: »дурно слезы тратишь.«

Подъ окномъ опять раздался звонкій, и на это время невыразимо печальпый, голосъ проходившаго мимо Кирила Тура:

Ой згадáй мене́, моя́ старá нéне,
Якь ся́дешъ у вéчері ісiти:
»Десь моя́ дити́на на чужiй сторонi,
Да немá одъ нéі вiсти!«

Сковорода опрокинулась у сестры его при этихъ словахъ. Она бросилась къ матери, обняла ее и закричала:

»Мамо, голубонько! чтó съ нами будетъ, когда не будетъ у насъ Кирила!«

Въ это время Кирило Туръ вошелъ въ хату, принявъ на себя самый безпечный видъ. Взглянувъ на эту сцену, онъ съ удивленіемъ пожалъ плечами и, разставивши врозь руки, сказалъ:

»Ну, чтó съ этими бабами дѣлать? И работу бросили! Уже правда, що только *нагадáй козі смерть*, то наслушаешься крику. Чтó жъ? развѣ мнѣ самому печь блины для пана отáмана? Пол-

но, говорю вамъ, плакать! Давайте еще горячихъ блиновъ.«

»Ну лишь одѣвайся«, сказалъ батько Пугачъ. »Я долго ждать не стану. А ты что̀ за человѣкъ?« обратился онъ къ Петру.

Тотъ сказалъ ему свое имя и прозвище.

»А! ты сынъ того сумасшедшаго попа, что̀ вмѣшался не въ свое дѣло! Мы ему скоро утремъ носъ! да и всѣмъ вамъ достанется на тютюнъ. Иванъ Мартыновичъ уже тутъ. Скоро онъ васъ научитъ, какъ пановать да гетманствовать.«

Въ прежнія времена Петро̀ нашелъ бы слова для отвѣта грубому Запорожцу; но потеря крови и продолжительная болѣзнь такъ его охладили, что онъ заблагоразсудилъ лучше смолчать, нежели вступать въ безполезные споры.

Какъ только Кирило Туръ одѣлся, Пугачъ и его чура встали, помолились образамъ, поблагодарили хозяйку и вышли изъ хаты.

»Кирило поклонился матери и сестрѣ.«

»Прощай, пані-ма̀тко! прощай, сестро!« сказалъ онъ весело. »Прощай, братъ!« обратился онъ къ Петру, и быстро ушелъ въ-слѣдъ за своимъ гостемъ.

Мать и сестра бросились за нимъ, чтобъ обнять его на прощанье; но онъ вскочилъ уже въ сѣдло и началъ такъ кружить и бросать во всѣ стороны своего коня, что онѣ не осмѣлились схватить ни за поводья, ни за стремя.

»Когда жъ тебя, братіку, ждать намъ въ гости?« спросила сестра.

»Тогда я пріѣду къ вамъ въ гости, когда выростетъ трава на помостѣ!« отвѣчалъ Кирило Туръ, сжалъ стременами коня и полетѣлъ, какъ вихорь.

Несчастныя провожали его глазами и, когда онъ совсѣмъ уже скрылся изъ виду, долго еще стояли, какъ окаменѣлыя; наконецъ воротились въ опустѣлую хату и, казалось, готовы были умереть въ рыданіяхъ.

»Куда они его помчали, моего яснаго сокола!« говорила бѣдная мать, ломая руки.

»Не убивайся, пані-мáтко!« сказалъ Петрó. »Они поѣхали въ Романовскаго Кутъ. Кирило скоро назадъ будетъ.«

»Когда выростетъ трава на помостѣ!« проговорила тихо сестра Запорожца.

»Голубчикъ мой!« сказала старушка Петру, »сдѣлай ты мнѣ, несчастной матери, такую милость, пойди въ Романовскаго Кутъ и посмотри, чтó они съ нимъ будутъ дѣлать. Охъ, видно, онъ чѣмъ-нибудь провинился передъ товари́ствомъ, а у нихъ нѣтъ жалости! пойди туда, мой голубь сизый, и хоть вѣсточку принеси намъ, живъ ли онъ еще, не убили ли они его еще до смерти?«

»Добре, пані-мáтко, пойду!« сказалъ Петрó, котораго размягченная любовью душа живо сочувствовала ихъ горести.

Мать и дочь проводили его съ напутственными благословеніями.

ГЛАВА XII.

Тілько я, мовъ окаянний,
И день, и нічъ плачу
На роспуттахъ велелюднихъ —
И ніхто не бачить;
И не бачить, и не знае,
Оглухли, не чують,
Кайданами міняютця,
Правдою торгують.

Шевченко.

Урочище *Романовскаго Кутъ* было всякому въ той сторонѣ извѣстно. Поэтому Петру не трудно было найти его и во всякое другое время, а тѣмъ болѣе теперь, когда всѣ говорили объ Иванѣ Мартыновичѣ, который расположился съ своими Запорожцами кошемъ въ этомъ урочищѣ. Это былъ полуостровъ, образованный сліяніемъ какой-то безъимянной рѣчки съ рѣкою Остромъ. Нѣсколько старыхъ дубовъ, раскинувшихъ свои темныя

вѣтви надъ водою, дѣлали это мѣсто привлекательнымъ и доставляли Запорожцамъ прохладу.

Еще издали Петро́ услышалъ глухой гулъ множества голосовъ, подобный ярмарочному шуму. Подошедъ ближе, онъ въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ тамъ родъ ярмарки. Въ Романовскаго Кутѣ тѣснилось множество народу, одѣтаго по большей части весьма бѣдно. Это были поселяне, привлеченные подъ Нѣжинъ щедростью Бруховецкаго и обѣщаніемъ предать имъ на́ разграбленіе Нѣжинъ, наполненный, по случаю наступающей рады, панами. Каждый вооруженъ былъ косою, или топоромъ; и это возбуждало въ Петрѣ предчувствіе чего-то ужаснаго.

Мѣстами межъ народомъ стояли бочки съ пивомъ, медомъ и водкою, — возы съ муко́ю, пшеномъ и другими съѣстными припасами. Все это доставили въ кошъ, изъ усердія къ Ивану Мартыновичу, Нѣжинскіе мѣщане, которыхъ онъ обѣщалъ освободить отъ власти козацкихъ старшинъ. Народъ распоряжался напитками и съѣстными припасами, ни у кого не спрашиваясь, и хозяйничалъ, какъ у себя дома. Устроены были наскоро въ землѣ печи. Въ одномъ мѣстѣ мѣсили ногами тѣсто для хлѣбовъ, въ другомъ — жарили быка, тамъ въ огромныхъ котлахъ варили кашу. Дымъ густыми облаками стлался надъ движущеюся толпою. Многіе были заняты только отбиваніемъ чоповъ у бочекъ и потчеваньемъ всякаго встрѣчна-

го и поперечнаго. Иные валялись уже безъ чувствъ. Безумная радость блистала на всѣхъ лицахъ. Имя Ивана Мартыновича раздавалось повсюду. Съ поднятыми къ верху чарками и шапками, превозносили его доблести и отеческую попечительность о людскомъ счастьи.

Общему восторгу помогали кобзари, которые, расхаживая промежъ народомъ, напѣвали и играли на кобзахъ разныя пѣсни. Петро́, углубясь въ толпу и стараясь добраться до средины этого сборища, встрѣчалъ самыя противоположныя зрѣлища. Въ одномъ мѣстѣ собирался смѣющійся кружокъ вокругъ танцующихъ удальцевъ; въ другомъ старики съ поникшими головами обступали слѣпого пѣвца, который, въ своей рапсодіи, припоминалъ имъ времена тяжкаго ига Польскаго и подвиги освободителя Украины, Богдана Хмельницкаго. Нѣкоторые, въ избыткѣ чувствъ, взволнованныхъ больше напитками, нежели пѣснею, горько рыдали; но и въ веселыхъ, и въ печальныхъ кружкахъ всѣхъ проникало одно господствующее чувство, — чувство ненависти къ козацкимъ панамъ. Бруховецкаго называли вторымъ Хмельницкимъ, который еще разъ возсталъ противъ притѣснителей и даруетъ народу вольность.

Минуя и танцующихъ, и плачущихъ, Петро̆ пробирался всё впередъ, ища глазами красныхъ жупановъ Запорожскихъ. Но, къ удивленію его, до сихъ поръ не мелькнуло еще передъ нимъ ни

одно кармазинное платье. Наконецъ очутился онъ на широкой площади, усыпанной пескомъ и окруженной козацкими шатрами. Множество людей бродило по ней взадъ и впередъ; только уже здѣсь не видно было ни повозокъ съ провизіею, ни бочекъ съ напитками, ни дымящихся печей. Теперь только замѣтилъ Петро́, что Запорожцы убранствомъ своимъ вовсе не отличались отъ прочаго народа. Ихъ можно было узнать только по длиннымъ чубамъ, небрежно спущеннымъ за ухо, да по оружію, иногда весьма богатому. Виднѣе прочихъ были здѣсь городовые козаки, которыхъ разноцвѣтные жупаны мелькали въ толпѣ довольно часто.

Петро́ остановился и разсматривалъ проходящихъ мимо, въ надеждѣ увидѣть Кирила Тура. Къ нему приближался средняго росту человѣкъ, окруженный по сторонамъ и сзади густою толпою Запорожцевъ, городовыхъ козаковъ, мѣщанъ и поселянъ. Имя Ивана Мартыновича, съ которымъ относились къ нему спутники, и уваженіе, съ какимъ всѣ давали ему дорогу, заставили Петра обратить на него все свое вниманіе. Человѣкъ этотъ былъ одѣтъ въ короткую поношенную свитку и въ полотняные шаровары. На ногахъ у него были старые съ дырами сапоги, изъ которыхъ выглядывали даже пальцы. Только одна сабля въ дорогой оправѣ отличала его отъ толпы Запорожскихъ его собратій, одѣтыхъ также весьма бѣдно.

Физіономія этого замѣчательнаго человѣка съ перваго взгляда казалась весьма простодушною. Никто бы, глядя на него, не подумалъ, что желанія его простираются дальше пріютнаго угла и вкуснаго куска хлѣба. Въ лицѣ его выражалось что-то даже располагающее къ нему. Не соотвѣтствовала этому выраженію только быстрота глазъ, которые бѣгали у него проворно то́ въ ту, то́ въ другую сторону, и, казалось, замѣчали всякое движеніе того, съ кѣмъ онъ разговаривалъ. Онъ шелъ нѣсколько сгорбившись и держа голову такъ, какъ-будто говорилъ: »Я ни отъ кого ничего не хочу, только меня не троньте.« Отвѣчая на вопросы своихъ спутниковъ, онъ иногда пожималъ смиренно плечами, уклонялся въ сторону и казался человѣкомъ, который готовъ дать всякому дорогу и ищетъ притаиться гдѣ-нибудь такъ, чтобъ его и не видѣли. Таковъ былъ Бруховецкій, котораго низкіе происки надѣлали столько бѣдъ Украинскому народу.

»Дѣтки мои!« говорилъ онъ тонкимъ, вкрадчивымъ голоскомъ своимъ, »чѣмъ же мнѣ прокормить васъ? чѣмъ васъ одѣть? Видите, я и самъ уже оббился, якъ кремень!«

»Батько ты нашъ, Иванъ Мартыновичъ!« отвѣчали Запорожцы, »лишь бы твое здоровье, а мы до-вѣку не загинемъ межъ добрыми людьми.«

»Ей Богу, правда! ей Богу, правда!« кричалъ громче всѣхъ одинъ мѣщанинъ (и это былъ не

кто другой, какъ Кіевскій Тарасъ Сурмачъ. Петро́ тотъ-часъ узналъ его. Бруховецкій изо всѣхъ городовъ вызвалъ на черную раду выборныхъ). »Ей Богу, правду говорятъ добрые молодцы. Лишь бы твое здоровье, а мы тебя и прокормимъ, и одѣнемъ со всѣмъ твоимъ товари́ствомъ. Не попускай только насъ никому въ обиду!«

»Охъ, Боже милостивый!« говорилъ Бруховецкій вздохнувши, »для чего жъ и живетъ нашъ братъ Запорожецъ на свѣтѣ, коли не для того, чтобъ стоять за православныхъ Христіянъ, какъ за родныхъ своихъ братьевъ? Развѣ намъ золото, развѣ намъ сребро, развѣ намъ панскіе хоромы нужны? Не о томъ мы, братцы, помышляемъ. Лишь бы добрымъ людямъ было привольно жить на Украинѣ, а мы проживемъ и въ бѣдности, проживемъ и въ землянкахъ, безо всякихъ затѣй: для пропитанія довольно намъ одного хлѣба съ водою: *хлібъ да вода́, то каза́цька ıда́!*«

»Ей Богу, такъ оно и есть!« кричали съ умиленіемъ мѣщане и мужики. »Запорожцы для насъ всякую нужду терпятъ. Какъ же намъ, братцы, не любить добрыхъ молодцовъ? Какъ не желать Ивана Мартыновича своимъ гетманомъ?«

»Дѣтки мои! Господь съ вами и съ вашимъ гетманствомъ!« говорилъ Бруховецкій. »У насъ гетманъ ли, ота́манъ, или такъ себѣ человѣкъ, всё равный товарищъ, всё равная Христіянская душа! Это только ваша городовая старшина завела

такъ, что коли не панъ, то и не человѣкъ. Не о гетманствѣ нашъ братъ Запорожецъ думаетъ, а о томъ, какъ бы васъ облегчить въ вашей тяжкой долѣ. Сердце у насъ болитъ, глядя на вашу нищету и убожество. При батькѣ Богданѣ текли по Украинѣ медовыя рѣки, народъ одѣвался пышно и красно, какъ макъ въ огородѣ; а теперь достались вы, бѣдняги, въ руки такимъ панамъ да гетманамъ, что́ ободрали васъ до сорочки! Надъ вами, мои дѣтки, во истину сбылись святыя словеса: »Не богатые ли притѣсняютъ васъ, и не они »ли влекутъ васъ на судилища? не они ли безсла»вятъ ваше доброе имя? называютъ васъ хамами »и рабами неключимыми!«

»Ей Богу, такъ! ей Богу, такъ!« кричали со всѣхъ сторонъ голоса. »Проклятые карма́зины скоро выдерутъ у насъ и душу изъ тѣла. Кто бъ и пожалѣлъ о насъ въ несча́стной нашей долѣ, еслибъ не Иванъ Мартыновичъ!«

»Вы знаете, мои товарищи, мои родныя братья«, обратился Бруховецкій къ Запорожцамъ. »въ какихъ сае́тахъ (1), съ какими достатками пришелъ я къ вамъ въ Сѣчь. И гдѣ же все то подѣлось? Все спустилъ съ рукъ, чтобъ только какъ-нибудь прикрыть вашу бѣдность. Не мало пошло моего добра и по Украинѣ. Какъ курица, что́ найдетъ одно зернышко, да и то отдастъ своимъ цыпля-

(1) Въ платьѣ изъ тонкаго сукна.

тамъ, такъ и я все, до послѣдняго жупана, роздалъ своимъ дѣткамъ; а теперь и самъ такъ оголѣлъ, что вотъ пальцы видны изъ сапоговъ, скоро придется босикомъ ходить! Що жъ? походимъ й босикомъ, лишь бы моимъ дѣткамъ хорошо было!«

»Батько нашъ родной!« закричали оружавшіе его почти сквозь слезы. Такъ лучше жъ мы продадимъ все до послѣдней сорочки и купимъ тебѣ такіе сапьянцы (¹), что и у царя нѣтъ лучшихъ!«

»Господь съ вами мои дѣтки«, говорилъ, смиренно пожимая плечами, Бруховецкій. »Вы думаете, я такъ, какъ ваши полковники да сотники, стану съ васъ драть послѣднюю шкуру, лишь бы у меня на ногахъ скрипѣли сапьянцы? Не доведи меня, Господи, до этого! Везли когда-то за мною въ Сѣчь жупаны и сапьянцы возами, везли золото и сребро мѣшками; я все сбылъ съ рукъ, все роздалъ, лишь бы моимъ дѣткамъ хорошо было!«

»Вотъ гетманъ, вотъ батько! вотъ когда дождались мы отъ Господа благодати!« кричали восхищенные слушатели.

Толпа провалила мимо Петра. Бруховецкаго такъ окружили со всѣхъ сторонъ, что никакъ невозможно было къ нему пробраться, и Петрó по-

---

(¹) Сафьянные сапоги.

терялъ его изъ виду. Теперь только онъ понялъ всю опасность, какой подвергалась городовая старшина. Наружность, ухватки и хитрыя рѣчи Бруховецкаго такъ привлекали къ нему, такъ обворожали сторонниковъ, что онъ могъ дѣлать съ ними все, что́ ему вздумается. Съ своими странными тѣлодвиженіями, съ своими простодушными, но хорошо обдуманными словами, онъ казался колдуномъ, который, ходя промежъ народомъ, сѣетъ въ немъ одуряющія чары.

Пораженный этими горькими мыслями, Петро позабылъ цѣль своего прихода въ Романовскаго Кутъ, какъ вдругъ ударили въ бубны. На площади стали ходить окличники и кричать: *У ра́ду! въ ра́ду, въ ра́ду!«* Всѣ заволновались и обратились туда, гдѣ били въ бубны. Скорѣе прочихъ поспѣшили въ раду Запорожцы.

»Зачѣмъ это бьютъ вѣщевые бубны?« спросилъ одинъ Запорожецъ другого, пробираясь впередъ межъ народомъ.

»Развѣ ты не знаешь?« отвѣчалъ тотъ. »Будутъ судить Кирила. Тура.«

Эти слова оживили Петра. Онъ поспѣшилъ за двумя Запорожцами, и ему посчастливилось занять на вѣчѣ такое мѣсто, откуда черезъ головы стоящихъ впереди все было видно. Посреди кружка, составленнаго изъ однихъ Запорожцевъ, стоялъ Кирило Туръ, потупя глаза. Въ кружкѣ виденъ былъ Бруховецкій съ гетманскою булавою.

Надъ нимъ держали распущенное бѣлое знамя, съ краснымъ крестомъ, и длинный бунчукъ. Возлѣ него по одну сторону стоялъ войсковой судья съ палицею, по другую—писарь съ перомъ, чернилицею, заткнутою за поясь, и бумагою, а далѣе по сторонамъ—сѣдые длинноусые *дѣды*, т. е. старики, не занимавшіе никакихъ должностей, но игравшіе важную роль па радахъ, потому что они перебывали во всѣхъ должностяхъ и не разъ носили санъ кошеваго ота́мана. Преклонныя лѣта увольняли ихъ отъ выборовъ. Ихъ дѣло было только совѣтовать, и отъ ихъ совѣта часто зависѣли важнѣйшія дѣла на Запорожьи. Куренные отаманы замыкали собою кружокъ. За ихъ спинами стояли уже простые Запорожцы. Всѣ были безъ шапокъ, какъ въ присутственномъ мѣстѣ. Народъ толпился со всѣхъ сторонъ, желая проникнуть въ средипу суднаго колеса; но Запорожцы, стоя тѣсно въ нѣсколько рядовъ плече съ плечемъ и упершись въ землю ногами, не позволяли стѣснить пустого пространства площади ни на одинъ шагъ.

Судъ открылся рѣчью извѣстнаго уже намъ батька Пугача. Вышедши впередъ изъ ряду дѣдовъ, онъ поклонился на всѣ четыре стороны очень низко, потомъ поклонился еще особо гетману, старикамъ, отаманамъ, и сказалъ громко и выразительно:

»Пане гетмане и вы, батьки, и вы, паны ота́маны, и вы, братчики, хоробрые товарищи, и вы,

православные Христіяне! На чемъ держится Украина, если не на Запорожьи? а на чемъ держится Запорожье, если не на предковскихъ обычаяхъ? Никто не скажетъ, когда началось козацкое рыцарство. Началось оно еще за оныхъ славныхъ предковъ нашихъ Варяговъ, что̀ моремъ и полемъ славы у всего свѣта добыли. Вотъ же никто изъ козаковъ не потемнилъ той славы, — ни тотъ Байда, что̀ висѣлъ въ Цареградѣ ребромъ на желѣзномъ крюкѣ; ни тотъ Самійло Кишка, что̀ мучился пятьдесятъ-четыре года въ тяжкой неволѣ Турецкой. Потемнилъ ее только одинъ ледящица, одинъ паливода, а тотъ паливода стоитъ передъ вами.«

Тутъ онъ взялъ Кирила Тура за плеча и, оборачивая на всѣ стороны, сказалъ:

»Смотри, вражій сынъ, въ глаза добрымъ людямъ, чтобъ для другихъ была наука!«

»Что̀ жъ этотъ паскудникъ сдѣлалъ?« продолжалъ ораторъ. »Сдѣлалъ онъ такое, что̀ только тьфу! не хочется и вымолвить: снюхался съ бабами и надѣлалъ стыда товариству на-вѣки! Теперь, панове, подумайте и скажите, какъ бы намъ этотъ стыдъ смыть? какую бъ кару ему выдумать?«

Всѣ обратилась къ гетману.

»Говори, батько, твое слово — законъ«, сказали старики.

Бруховецкій сгорбился, пожалъ смиренно плечами и сказалъ:

»Отцы вы мои родные! чтó я могу придумать путнаго своимъ никчемнымъ разумомъ? Въ вашихъ-то сѣдыхъ, почтенныхъ головахъ вся мудрость сидитъ. Вы знаете всѣ стародавніе обычаи и порядки. Судите, какъ сами знаете, а мое дѣло — махнуть булавою, да и быть по тому. Не даромъ же я васъ вывелъ изъ Запорожья на Украину. Устрояйте ее по-стародавнему, какъ сами знаете; судите и карайте, кого сами знаете; а я своего толку противъ вашего не поставлю: всѣ мы передъ вашими сѣдыми чупринами дѣти и дурни.«

»Ну, коли такъ«, сказали старики, »то чего жъ долго думать? до столба да кіями!«

Гетманъ махнулъ булавою. Собраніе заволновалось. Рада кончилась.

Бѣднаго Кирила Тура связали веревкою и повели къ позорному столбу, вкопанному на площади. Его привязали такъ, чтобъ онъ могъ поворачиваться на всѣ стороны; даже одну руку оставили свободною, чтобъ онъ могъ взять ковшъ и выпить меду, или горілки, которые поставлены были тутъ же, по обѣ стороны, въ большихъ чанахъ, вмѣстѣ съ коробкою калачей.

Осуждая своего собрата на смерть, Запорожцы не могли отказать ему въ нѣкоторомъ сострадании: становили возлѣ него хмѣльные напитки, чтобъ дать ему средство заглушить въ себѣ чувствованіе боли отъ ударовъ и перейти къ отцамъ

безъ лишнихъ мученій. Напитки эти предназначались также и для того, чтобъ придать товариству охоты казнить своего собрата. Каждый Запорожецъ, проходя мимо, долженъ былъ выпить ковшъ меду, или горілки, закусить калачемъ и ударить разъ кіемъ осужденнаго. Смерть его въ такомъ случаѣ была неминуема. Но бывали примѣры, что ни одна рука не прикасалась къ ковшу и не поднималась на преступника. Простоявъ у столба назначенное время, онъ освобождался, и тогда уже поилъ до-упаду все товариство. Чтобъ заслужить такое снисхожденіе суроваго Запорожскаго братства, козаку нужно было имѣть особенную репутацію въ Сѣчи.

Кирило Туръ былъ рыцарь изъ рыцарей, былъ душею своего братства, но вина его была такъ велика въ глазахъ Запорожцевъ, что не всѣ смягчились къ его участи. Проходя мимо, иные уже брались за ковшъ, но, взглянувъ на Кирила Тура и вспомнивъ какую-нибудь совмѣстную схватку съ невѣрными, или его разсказы и пѣсни, не дававшіе козакамъ скучать въ длинныхъ степныхъ переходахъ, всякій опускалъ руку и удалялся молча.

Много способствовалъ къ пощадѣ Кирила Тура и побратимъ его, Богданъ Черногоръ, который, прохаживаясь вокругъ позорнаго столба, одного останавливалъ угрозами, другого мѣткимъ упрекомъ, иного смягчалъ покорною просьбою. Сле-

зы катились градомъ изъ глазъ его. Это сильно дѣйствовало на сердца добрыхъ молодцевъ, всегда высоко цѣнившихъ дружескія связи.

Но вотъ идетъ прямо къ столбу батько Пугачъ. Этому патріарху Запорожской Сѣчи Богданъ Черногоръ не смѣлъ дѣлать угрозъ, еще менѣе смѣлъ упрекать его, а просьба замирала на устахъ при одномъ его взглядѣ. Какъ молодой щенокъ убирается въ сторону, завидѣвъ идущую мимо сердитую дворнягу, такъ Богданъ Черногоръ посторонился робко и молча отъ батька Пугача.

Батько Пугачъ подошелъ, выпилъ ковшъ горілки, закусилъ калачемъ, взялъ дубину и сказалъ Кирилу Туру:

»Повернись, вражій сынъ, спиною!«

Бѣдный Кирило Туръ повиновался, и безжалостный Пугачъ влѣпилъ ему такой полновѣсный ударъ, отъ котораго, казалось, и кости должны были разсыпаться въ дребезги. Кирило Туръ, однакожъ, только поморщился, но не испустилъ никакого стона.

»Знай, пáкостникъ, какъ шановать козацкую честь!« промолвилъ батько Пугачъ. Потомъ положилъ кій и пошелъ далѣе.

Петрó тронулся положеніемъ бѣднаго Тура и, думая, что онъ выдержитъ немного такихъ ударовъ, подошелъ къ нему, чтобъ принять отъ него какой-нибудь завѣтъ сестрѣ и матери. Но Черногорецъ, воображая, что Петрó также хочетъ по-

пробовать, крѣпка ли у Кирила Тура спина, сталъ между ними и, схватясь за саблю, сказалъ:

»Море! я не попущу всякому захожему ругаться надъ моимъ побратимомъ! довольно и своихъ товарищей!«

»Много жъ, видно, и у тебя въ головѣ толку!« сказалъ Кирило Туръ. »Оставь его, братъ. Это добрый человѣкъ: въ грязь тебя не втопчетъ, когда увязнешь, а развѣ вытащитъ. Здравствуй, братіку! Видишь, какъ славно потчеваютъ у насъ гостей! Это уже не горячіе блины, пане брате! Выпьемъ же хоть по коряку меду, чтобъ не такъ было горько.«

»Пей, братъ, самъ, отвѣчалъ Петро́, а я не буду. Боюсь, чтобъ наши сѣдоусые не велѣли отплатить тебѣ за медъ кіемъ.«

»Ну, будьте жъ, братцы, здоровы!« сказалъ Кирило Туръ. »Выпью я и самъ.«

»Что́ сказать твоей матери, и сестрѣ?« спросилъ Петро́.

При имени матери и сестры, что-то похожее на грусть мелькнуло въ лицѣ Запорожца, и онъ отвѣчалъ стихами пѣсни:

»Ой котóрий, козáченьки, бýде въ васъ у мíсті,
Поклонíтьця старíй нéньці, нещáсній невíсті;
Нехáй плáче, нехáй плáче, я вже не виплáче,
Бо надъ сúномъ надъ Кирúломъ чóрний вóронъ крячe!«

»Это таки и будетъ съ тобою, вражій сынъ!« сказалъ приблизившись одинъ изъ стариковъ, за

которымъ шло четверо сѣдыхъ сѣчевыхъ патріарховъ. »Не уповай на то, что молодежь тебя обходитъ. Мы и сами тебя укладемъ. Дай лишь намъ только выпить по ковшу горілки.«

Такъ говоря, онъ взялъ ковшъ, почерпнулъ, выпилъ и, похваливши горілку, взялся за кій.

»Ка́къ вы думаете, братцы?« обратился онъ къ своимъ товарищамъ. »Я думаю дать ему разъ по головѣ, да и пусть пропадаетъ ледащо!«

»Нѣтъ, братъ«, отвѣчалъ одинъ изъ стариковъ: »никто изъ насъ не запомнитъ, чтобъ когда-нибудь били виноватаго дубиною по головѣ. Голова — образъ и подобіе Божіе; грѣхъ подымать на нее дубину. Голова ничѣмъ не виновата. »Изъ »сердца исходятъ помышленія злыя, убійства, пре»любодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтель»ства, хулы«; а голова, братъ, ничѣмъ не виновата.«

»Что́ жъ, братъ«, возразилъ первый, »когда до того проклятаго сердца дубиною не достанешь? а по плечамъ не добить намъ этого быка и обухомъ! А жаль пускать на свѣтъ такого грѣховода! и безъ того уже чортъ знаетъ на что́ переводится славное Запорожье.«

»Послушайте, братцы, моего совѣта«, сказалъ третій старикъ. »Коли Кирило Туръ выдержитъ нашъ гостинецъ, то пусть живетъ: такой козакъ на что-нибудь еще пригодится....«

»Пригодится!« прервалъ его, проходя мимо, бать-

ко Пугачъ. »На какого чорта пригодится такой грѣховодникъ православному Христіянству? Бейте вражьяго сына! Жаль, что мнѣ нельзя больше бить, ато я молотилъ бы его дубиною, пока выпилъ бы до дна всю горілку. Бейте, братцы, вражьяго сына!«

Побужденные такимъ совѣтомъ, старики одинъ за другимъ осушали ковши и отпускали Кирилу Туру по доброму удару. Не смотря на преклонныя лѣта, руки этихъ патріарховъ имѣли еще довольно силы. Широкія плеча Кирила Тура трещали, однакожъ онъ выдержалъ терпѣливо всѣ пять ударовъ, и, когда старики удалились, продолжалъ еще шутить съ Петромъ.

»Добре парятъ у насъ въ Сѣчевой банѣ! нечего сказать!« говорилъ онъ, отирая кулакомъ слезы, выступившія у него изъ глазъ отъ боли. »Послѣ такой припарки, не заболятъ уже до-вѣку ни плечи, ни поясница!«

»Чтó сказать твоей матери?« спросилъ еще разъ Петрó.

»А чтó жъ ей сказать? Скажи, что пропалъ козакъ ни за собаку! вотъ и все! А кладъ мой знаетъ побратимъ. Онъ отдастъ одну часть матери, а другую отвезестъ въ Кіевъ на Братство: тамъ меня попуталъ грѣхъ, пускай же тамъ молятся и за мою душу; а третью часть моего скарбу подастъ онъ въ Черногорію: пускай добрые юнаки купятъ се-

бѣ свинцу да пороху, чтобъ было чѣмъ бить невѣрныхъ.«

»Крѣпись, побро!« сказалъ Богданъ Черногоръ. »Это послѣдніе удары. Теперь уже никто не подниметъ на тебя руки до самого обѣда, а тамъ тебя отпустятъ, и будешь вольный козакъ.«

Петрó рѣшился обождать, пока наступитъ обѣденная пора, чтобъ утѣшить мать и сестру Кирила Тура доброю вѣстью. Прохаживаясь по площади, онъ замѣтилъ, что не одинъ Черногоръ защищалъ преступника отъ лишнихъ ударовъ. Много молодцевъ, встрѣчаясь съ другими, выразительно брались за саблю, и какъ-бы говорили: »только ударь, коли хочешь!« Когда же зазвонили въ котлы къ обѣду, цѣлые десятки Запорожцевъ бросились къ Кирилу Туру, отвязали его и, радостно обнимая, поздравляли по банѣ.

»Ну васъ къ нечистой матери!« говорилъ Кирúло Туръ. »Когдабъ вы сами постояли у столба, то отпала бъ у васъ охота обниматься.«

»А що, вражій сынъ!« сказалъ подошедши батько Пугачъ, »вкусны кіи Запорожскіе? Я думаю, плечи теперь болятъ, какъ у того чорта, чтó возилъ монаха въ Іерусалимъ! Нá, вражій сынъ, приложи вотъ эти листья, то завтра все какъ рукою сниметъ. Били и насъ зá-молоду кое за чтó, такъ знаемъ мы лекарство отъ такого лиха.«

Запорожцы тутъ же раздѣли Кирила Тура, и морозъ пошелъ по тѣлу у моего Петра, когда онъ

увидѣлъ его бѣлую, вымытую руками нѣжно любящей сестры, сорочку, всю окровавленную и присохшую къ ранамъ. Кирило Туръ сжалъ зубы, чтобъ не стонать, когда грубые Эскулапы отдирали ее отъ тѣла. Батько Пугачъ самъ приложилъ ему къ спинѣ широкіе листы какого-то растенія, намазанныя клейкимъ цѣлительнымъ веществомъ.

»Ну«, сказалъ онъ, »теперь ходи здоровъ да больше не *скачи́ въ гре́чку* (1), ато пропадешь, какъ собака.«

Тогда Запорожцы съ торжествомъ подняли чаны съ напитками, коробку съ калачами и, окруживъ Кирила Тура, подошли къ обѣденному столу.

Столомъ и сидѣньемъ для добрыхъ молодцевъ служила зеленая трава подъ навѣсомъ густыхъ дубовъ. Каждый курень составлялъ особое семейство, въ которомъ куренной ота́манъ занималъ мѣсто отца. Старики обѣдали въ гетманскомъ куренѣ. Но батько Пугачъ пришелъ обѣдать въ курень Кирила Тура, что́ было знакомъ особенной чести, Кирило Туръ уступилъ ему свое отаманское мѣсто, и тотъ возсѣлъ, съ патріархальною важностью, имѣя у себя по обѣ стороны извѣстные уже намъ чаны. Два кобзаря, сидя насупротивъ его въ концѣ обѣденнаго кружка, играли и пѣли старинныя пѣсни — про Нечая, про Морозенка, про Пе-

---

(1) *Скака́ти въ гре́чку* значитъ — согрѣшить противъ седьмой заповѣди.

ребійноса, которые, по ихъ выраженію, добыли на всемъ свѣтѣ *несказанной славы;* пѣли они и про Берестечскій годъ, какъ »козаки бѣдовали а бѣдуючи сердце гартовали«, и про то, какъ томились Запорожцы въ неволѣ у Турокъ, какъ мучились на галерахъ, и, не смотря на всѣ муки, не измѣнили праюславной вѣрѣ. Все это они медленно и торжественно воспѣвали, для того, чтобъ и за трапезой козацкая душа *росла въ-гóру*.

Едва батько Пугачъ поблагословился обѣдать, едва братчики взялись за огромные ломти хлѣба и каждый вынулъ изъ кармана деревяную ложку, какъ Кирило Туръ оглядѣлся вокругъ съ безпокойствомъ и ударилъ руками по своимъ поламъ.

»Эхъ, братцы!« сказалъ онъ козакамъ, »мнѣ пáмороки забили кіями, а у васъ, видно, и никогда толку не было! Когда жъ это у насъ случалось, чтобъ отпустить гостя съ порожнимъ желудкомъ?«

Въ это время изъ-за дуба показался Богданъ Черногоръ, ведя за собою Петра.

»Вотъ мой гость!« воскликнулъ Кирило Туръ, вскочивъ съ своего мѣста. »Знаете ли, братчики, кто это? Это сынъ Паволочскаго попа, тотъ самый, съ которымъ мы за Кіевомъ стукнулись такъ, що ажъ поле усмѣхнулось!«

Межъ козаками поднялся смѣшанный говоръ. Имя Шрамова сына всякому было извѣстно. Нѣкоторые вставали съ своихъ мѣстъ, подходили къ

нему и обнимали его дружески; другіе тѣснились, чтобъ дать ему между собою мѣсто.

»Садись подлѣ меня, сынку«, сказалъ батько Пугачъ. »Ты добрый козакъ, и батько твой добрый козакъ, только сдурѣлъ на старость. Боюсь, чтобъ и ему *мышь головы не откусила*. Онъ человѣкъ горячій, а на черной радѣ будетъ не безъ лиха!«

»Що буде, то буде«, отвѣчалъ Петрó, »а буде те, що Богъ дасть.«

»Що? можетъ, думаете, ваша возьметъ? Чорта съ два возьметъ!« вскричалъ сурово батько Пугачъ. »Не даромъ мы вчера съ Иваномъ Мартыновичемъ встрѣтили царскихъ бояръ да дьяковъ,— и не съ пустыми руками.«

»Знаешь, батько, чтó?« сказалъ спокойнымъ голосомъ Петрó: »хоть молодому старика и не пристало учить, но я бы сказалъ тебѣ добрую пословицу: *Не хвались, да Богу молись.*«

»Молились мы, братіку, добре. Уже Богъ всѣ сердца преклонилъ на нашу сторону. Подвернемъ теперь мы подъ корыто ваше панство. Заведемъ на Украинѣ другой порядокъ. Не будетъ у насъ ни пановъ, ни мужиковъ, не будетъ ни богатыхъ, ни убогихъ, а все будетъ общее.«

»Э, козаче!« сказалъ онъ Петру, перемѣняя тонъ, »да у тебя, какъ вижу, ложки нѣтъ! Тотъчасъ видно, что не нашего поля ягода. У васъ въ городахъ все не по-людски дѣлается: ѣдятъ изъ

серебряныхъ мисокъ, а при душѣ деревяной ложки нѣтъ. Сдѣлайте ему, хлопцы, хоть изъ березовой коры, ато скажетъ батьку: »Тамъ Запорожцы голодомъ меня заморили«. И такъ уже старый адомъ дышетъ на Запорожцевъ.«

Не смотря на то, что въ Романовскомъ Кутѣ жарили барановъ и быковъ, Запорожскій обѣдъ состоялъ почти изъ однѣхъ рыбъ. Добрые молодцы вообще не любили мяса и предпочитали ему рыбу, чему причиною, вѣроятно, были обычаи полумонашескаго ихъ быта. Вся посуда у нихъ была деревяная; даже и межъ чарками и ковшами для питья не видно было ни серебра, ни золота. За обѣдомъ добрые молодцы много пили водки, меду и пива, но никто не былъ пьянъ. Отъ безпрестаннаго упражненія въ бражничествѣ, они пріобрѣли способность весьма долго неопьянѣвать.

Петро замѣтилъ, что Кирило Туръ въ этотъ разъ пилъ особенно много, можетъ быть, для того, чтобъ заглушить боль отъ претерпѣнныхъ побоевъ; но голова его была такъ крѣпка, что, казалось, не достаточно было и чана водки, чтобъ она опьянѣла. Онъ только сдѣлатся необыкновенно веселъ и, когда кончился обѣдъ и начались, на диво всѣмъ поселянамъ и мѣщанамъ, танцы, бойко пустился въ-присядку, катался колесомъ и выдѣлывалъ такія штуки, что и подумать было трудно, чтобъ этого удальца недавно били кі-

ями. Запорожцевъ такая сила и терпѣливость восхищали.

Петро́ послѣ обѣда хотѣлъ идти домой, но Кирило Туръ удержалъ его:

»Постой, братъ«, сказалъ онъ, »и я поѣду домой. Послѣ этой бани«, прибавилъ онъ ему на ухо, »не долго покрѣпишься. У меня въ спинѣ какъ-будто сто чертей сидитъ. Передъ теварийствомъ стыдно нѣжиться, а дома залягу до завтрашняго дня.«

Спустя нѣсколько времени, онъ велѣлъ осѣдлать для себя и для Петра коней, и выѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ коша, не сказавъ никому, куда и надолго ли. По-видимому, у Сѣчевыхъ братчиковъ не было никакого порядка, ни законовъ, между тѣмъ какъ, подъ наружною безпорядочностью, ихъ странный орденъ скрывалъ систематическія и дальновидныя учрежденія.

Доро́гою Запорожецъ отъ обѣденной попойки былъ очень говорливъ, отпускалъ забавныя шутки и наконецъ сказалъ Петру:

»Приставай, братъ, къ намъ въ Запорожцы. Какого чорта тратить тебѣ лѣта въ этомъ глупомъ городовомъ козачествѣ?«

»А что́ ты думаешь?« отвѣчалъ тотъ. »Мнѣ самому эта мысль не разъ приходила въ голову!«

»Вотъ люблю козака! Какого дьявола доживешься ты въ гетма́нщинѣ? Гетманщина скоро къ-верху дномъ станетъ.«

»Лучше уже и и не говори объ этомъ, Кирило. Самъ я вижу, что дѣло идетъ на страшный разладъ. Но скажи мнѣ безъ всякой скрытности, что́ заставило тебя идти противъ Сомка́? ты жъ всегда, бывало, воевалъ за него.«

»Эхъ, и ты, братъ, голова! Кто жъ противъ него идетъ? что я укралъ было у него невѣсту, это еще не бѣда: для него невѣста—самая лишняя вещь. Ему готовится другая свадьба, и не одному ему.... Заиграютъ вашей городовой старшинѣ наши братчики такъ, что затанцуете и нехотя. Ужъ если наши что́ задумаютъ, доброе ль, злое ль, то скорѣй воду въ Днѣпрѣ остановишь, чѣмъ ихъ. Хоть га́ти гати́, хоть мосты мости, вода таки возьметъ свое: ни совѣтомъ, ни силою не переломишь нашего товари́ства. Лучше плыви, куда вода несетъ.... Посмотримъ, что-то будетъ съ вашею гетма́нщиною, когда примутся няньчить ее такія няньки!«

»Я не понимаю ни тебя, ни твоихъ словъ«, сказалъ Петро́. »Что́ за охота тебѣ то́ будто открываться передо мною, то́ опять закрываться туманомъ? Брось хоть на минуту Запорожское юродство. Я человѣкъ прямодушный; почему бъ и тебѣ не говорить со мною прямо?«

Запорожецъ на это весело разсмѣялся. »Ой козаче, козаче!« сказалъ онъ. »Говори ему прямо! Да развѣ на свѣтѣ есть хоть одна дорога прямая? Думаешь идти прямо, а зайдешь чортъ знаетъ

куда! Хотѣлось бы честно положить животъ за вѣру Христіянскую, а дьяволъ подвернется и впутаетъ въ какую-нибудь пакостную исторію. Хотѣлось бы доброму человѣку »не стоять на пути грѣшниковъ, не ходить на совѣтъ нечестивыхъ, не сидѣть на сѣдалищѣ губителей«; такъ що жъ? Не всякому равняться съ Божьимъ Человѣкомъ.... У него и умъ и сердце, »въ законѣ Господнемъ; »поучается онъ закону Божію день и нощь«; а у такого ледачого, какъ я, хоть бы умъ и такъ и сякъ, такъ сердце не туды тянетъ....«

»Куда жъ тебя сердце тянетъ? Неужели ты опять задумалъ о томъ, за что́ недавно били кіями?«

»Тьфу!« сказалъ съ досадою Запорожецъ. »*Ти ёму́ образи́, а вінъ тобі лу́бъе!* Сгинь ты съ своими бабами!«

»Ну, а куда жъ тебя сердце тянетъ?«

»Куда меня сердце тянетъ?« сказалъ Запорожецъ, и вздохнулъ такъ глубоко, такъ что Петро́ принялъ это за новую выходку и засмѣялся. Смѣхъ его не развеселилъ Кирила Тура. Онъ смутно повѣсилъ голову и, какъ-бы позабывъ, что его слышатъ, началъ, къ удивленію своего спутника, читать одно мѣсто изъ книги пророка Іереміи: »*Чрево мое, чрево мое болитъ мнѣ, смущается душа моя, терзается сердце мое! Не умолчу, яко гласъ трубы услышала душа моя. Сотреніе на сотреніе призывается.... Доколѣ зрѣти имамъ бѣжащихъ, слышащъ гла́съ труб-*

ный? Понеже вожди людей моихъ сынове буіи суть и безумніи; мудри суть, еже творити злая, благо же творити, не познаша.... Ухъ!« сказалъ онъ вздрогнувши. »Братіку! мнѣ Богъ знаетъ чтó привидѣлось. Проклятая баня, кажется, начинаетъ бросать меня въ лихорадку. Да вотъ и моя хата. Засну, такъ все пройдетъ.«

Когда они подъѣхали къ хатѣ, на-встрѣчу имъ выбѣжали мать и сестра Кирила Тура. Радости ихъ изобразить не возможно. Одна брала коня за поводья, другая тащила Тура за руку съ коня. Запорожецъ смѣялся отъ души, припоминая имъ ихъ страхъ и слезы; но когда онѣ хотѣли обнять его, онъ отстранялъ ихъ руками и сказалъ потихоньку Петру:

»Теперь мнѣ такъ пріятно обниматься, какъ грѣшнику лизать горячую сковороду въ пеклѣ.«

»Ну, пані-мáтко«, сказалъ онъ матери, вошедши въ хату и сѣвъ на лавкѣ, »давай же теперь намъ такой горілки, чтобъ и самъ дьяволъ отъ одной чарки зашатался, да давай цѣлую боклагу. Такимъ рыцарямъ, какъ мы, мало одного штофа.«

Горілка была принесена, и Запорожецъ, вмѣсто того, чтобъ потчевать гостя, взялъ боклагу и началъ пить изъ нея съ такою жадностью, съ какою развѣ жнецъ въ іюльскіе жары пьетъ воду.

Мать, боясь, чтобъ онъ не опился, хотѣла отнять у него посудину.

»Геть, мамо! геть, мамо!« закричалъ онъ съ до-

садою. »Человѣкъ не скотина, больше ведра не выпьетъ!«

И продолжалъ тянуть до тѣхъ поръ, пока упалъ безъ чувствъ на землю.

Всѣ были этимъ поражены; но одинъ Петро́ зналъ причину такого страннаго поступка. Онъ помогъ женщинамъ поднять Кирила Тура съ земли и положить въ постель, потомъ простился съ хозяйками и направилъ путь къ хутору Гвинтовки, размышляя о всемъ видѣнномъ и слышанномъ имъ въ этотъ день.

ГЛАВА XIII.

Тимъ-то й сталась по всёму світу,
Страшенная козацькая сила,
Що у васъ, панове молодці,
Була воля й дума единa.

Народная дума.

Между тѣмъ Шрамъ, не смотря на свою старость, скакалъ, какъ простой гонецъ, въ Батуринъ. Солнце еще не вырѣзалось изъ-за Нѣжинскихъ левадъ, когда онъ проѣзжалъ мимо; изрѣдка только просвѣчивало оно сквозь вербы и осокоры. Еще мѣщане не выгоняли и коровъ своихъ на пашу. Шрамъ былъ доволенъ, что никто ему не встрѣчался: въ ту смутную годину иной буянъ готовъ былъ остановить коня и подъ священникомъ, спрашивая: »На чьей сторонѣ?«

Вдругъ слышитъ онъ въ лѣсу надъ дорогою говоръ. Одни голоса кричатъ: »На сабляхъ!« а другіе »На пистолетахъ!«

»Пуля лукава: кладетъ она праваго и виноватаго, а съ саблею — кому Богъ поможетъ.«

»Нѣтъ, сабля — сила, а пуля — судъ Божій.«

»Да вотъ пан'отецъ ѣдетъ; пускай онъ насъ разсудитъ.«

Смотритъ Шрамъ — въ лѣсу цѣлая толпа народу. Она видимо раздѣлялась на двѣ партіи. Одни были въ кармáзинныхъ жупанахъ и при сабляхъ, а другіе—въ синихъ кафтанахъ да въ сермягахъ, безъ сабель, только нѣкоторые держали ружья и дубины на плечахъ.

»Чтó это вы«, сказалъ Шрамъ, »опередили солнце, чтобъ бушевать здѣсь? Развѣ еще мало суматохи по Украинѣ?«

Нѣкоторые сняли передъ нимъ шапки и говорили:

»Собрались мы здѣсь, пан'отче, на Божій судъ. Пускай Господь разсудитъ людскую неправду.«

»Чтó жъ за неправда и отъ кого?«

»Да вотъ, видишь, полюбилъ молодецъ дѣвушку; ну, и дѣвушка не прочь отъ того. Только молодецъ нашего мѣщанскаго званія, сынъ пана войта, а дѣвушка, видишь ли, роду шляхетскаго, дочка пана Домонтовича. Вотъ и послалъ молодецъ сватовъ, а въ сватахъ пошли не какіе-нибудь люди, а бурмистры да райцы магистратскіе. Но чтó жъ бы ты думалъ, пан'отче? какъ принялъ ихъ вельможный панъ Домонтовичъ? Раскричался, какъ на своихъ *грунтовыхъ* мужиковъ, назвалъ

всѣхъ хамами, лычаками. »Не дождетесь«, говоритъ, »и родъ вашъ не дождется, чтобъ Домон»товичъ отдалъ дочку за мужика.«

»Вотъ какъ развеличалось панство!« подхватили тутъ нѣкоторые изъ синекафтанниковъ. »Это тѣ, что̀ бокомъ, по милости батька Хмельницкагò, пролѣзли на Украину! а колибъ не впустилъ, то пропадали бъ съ голоду въ Польшѣ!«

»Молчите, молчите, горлатыя вороны?« сказалъ одинъ изъ красныхъ жупановъ; »дайте и намъ что-нибудь вымолвить! Неужели вы хотите, чтобъ отецъ принуждалъ насильно идти замужъ одну дочь за вашего войте́нка?«

»Какой врагъ проситъ его принуждать? Только позволь, она пойдетъ съ дорогою душею.«

»Отъ чего жъ съ дорогою душею? А можетъ-быть, и гарбуза дастъ.«

»Гарбуза! нѣтъ, не гарбуза, когда сама дала перстень.«

»Ну, полно квакать! посмотримъ, чья возьметъ.«

»Разводите бойцевъ!« кричатъ одни.

»Какъ же намъ разводить, когда не согласились, на чемъ драться. Пускай рѣшитъ пан'отецъ.—Скажи пан'отче«, обратились мѣщане къ Шраму, какимъ оружіемъ лучше узнать судъ Божій? Вотъ братъ становится за сестру, а женихъ за себя и за все мѣщанство. Кто одолѣетъ, того и право. Если падетъ женихъ, такъ и быть—пускай карма́зины радуются: а если нашъ будетъ верхъ, тогда давай намъ невѣ-

сту, хоть тресни. Не защитятъ пана Домонтовича ни привиллегіи, ни высокіе ворота!«

»О, чтобъ Господь васъ поразилъ громомъ да молніею!« воскликнулъ, вмѣсто рѣшенія, Шрамъ.

»За что́ жъ это ты насъ проклинаешь, пан' отче?«

»О головы слѣпыя и жестокія! Когда сбирается на небѣ гроза Господня, такъ и хищные звѣри забываютъ свою ярость; а вы передъ самою грозою заводите кровавыя распри!«

И съ этими словами оставилъ ихъ и поскакалъ не оглядываясь.

Въ Борзнѣ заѣхалъ Шрамъ отдохнуть къ сотникъ Бѣлозерцу. Сотникъ Бѣлозерецъ былъ одинъ изъ тѣхъ старинныхъ сотниковъ, что́ первые тайно послали къ Хмельницкому вѣрныхъ козаковъ съ словеснымъ отзывомъ: »Поднимай Украину, а »мы поддержимъ тебя«; и потому былъ онъ Шраму искренній пріятель.

Только лишь подъѣхалъ Шрамъ къ воротамъ, какъ изъ воротъ выѣзжаетъ въ дорогу самъ Бѣлозерецъ. Старые товарищи обнялись и долго не говорили ни слова.

»Ну, батько«, сказалъ наконецъ Бѣлозерецъ, какъ разъ во время подоспѣлъ ты къ намъ на гетма́нщину въ-гости.«

»А что́?«

»Да что́? Не ты бы спрашивалъ, не я бы разсказывалъ!«

»Знаю, знаю все! Лучше бъ и не знать ничего, и не видѣть!«

»Куда жъ это?«

»Да куда жъ больше, какъ не въ Батуринъ, на раду къ сумасшедшему Васютѣ?«

»Эге! рада уже кончена.«

»Какъ? когда же?«

»Заѣзжай до господы; все разскажу.«

Когда вошли въ свѣтлицу и усѣлись въ концѣ стола, Белозерецъ началъ разсказывать, какъ происходила въ Батуринѣ рада.

»Глупый Васюта«, говорилъ онъ, »такое выдумалъ, что чуть и самъ не погибъ со своимъ замысломъ. »Присягайте«, говоритъ, »мнѣ на послу»шаніе; а не присягнете, такъ тутъ вамъ и ка»путъ.« Подучилъ вражій дѣдуганъ пѣхоту да хотѣлъ прижать старшину такъ, чтобъ и не писнула. Вотъ какъ теперь завелось у насъ?«

»Да чего добраго и ждать«, сказалъ Шрамъ, »отъ того, кто превращался изъ козака въ Ляха? Уже когда ты сдѣлался разъ Золотаревскимъ, то Золотаренкомъ во вѣки вѣковъ не будешь! Ну, что жъ старшина?«

»А старшина говоритъ: »Убойся Бога! долго »ли тебѣ жить на свѣтѣ? Пусть бы младшіе гет»мановали. Эй, пане полковникъ, не черни Сом»ка передъ царемъ, держись его, такъ еще и »ты, и мы всѣ поживемъ въ покоѣ.« Куда тебѣ! расходился нашъ старчуганъ не на шутку. »Ско-

»рѣе«, говоритъ, »у меня на ладони волосы вы»ростутъ, нежели Переяславскій торгашъ будетъ »гетманомъ! Обо мнѣ стараются въ Москвѣ бояре, »за меня стоитъ и Бруховецкій съ Запорожцами. »Я«, говоритъ, »недавно послалъ къ нему въ Зѣнь»ковъ посланцевъ.«—»Не вѣрь ты«, говорятъ ему, »Запорожцамъ: они тебя въ глаза обманываютъ, »пріѣзжаютъ къ тебѣ изъ Сѣчи, чтобъ только »чѣмъ-нибудь поживиться; и за твои подарки тру»бятъ тебѣ въ уши про гетманство. Развѣ не зна»ешь, какимъ духомъ дышутъ они на всю горо»довую старшину? Это у нихъ обычай давній!« Куда! и слушать ничего не хочетъ. Какъ тутъ гонецъ изъ Зѣнькова. — »А что́?« — »Распрощай»ся«, говоритъ, »пане полковникъ, съ гетманствомъ. »Тамъ Запорожцы такое говорятъ, что и волосъ »вянетъ.« — »Но что́ же князь?«—»А что́ князь! »князь съ Запорожцами за панібра́та, а твои подар»ки принялъ только ради шутки. Довольно у него »и своего добра.« Васюта и руки опустилъ. Тогда старшина къ нему, а пѣхота и себѣ взяла сторону старшины: дошло до того, что едва Васюта не сложилъ тамъ и головы. Вдругъ отъ Сомка́ письмо.

»Отъ Сомка́ къ Васютѣ?« съ удивленіемъ спросилъ Шрамъ. »Изъ Переяслава?«

»Нѣтъ, изъ Ични. Сомко́ уже въ Ичнѣ.«

»Не думалъ я, чтобы Сомко́ такъ скоро переломилъ себя!«

»Ага! пришла трудная минута; нужно было попрать ногами всякую гордость. »Во имя Бога«, говоритъ, »ты, панъ полковникъ Нѣжинскій, и всѣ, »находящіеся подъ его рукою! послушайте моего »голоса, не губите на вѣки Украины. Или вамъ »лучше«, говоритъ, »быть подъ рукою свинопаса »Иванца, или подъ рыцарскою рукою Переяслав»скаго Сомка́? Забудьте всѣ раздоры! Не время »намъ теперь враждовать, время постоять за честь »своей отчизны. Я«, говоритъ, »жду въ Ичнѣ. Кто »вѣрный сынъ своей отчизны, тотъ явится подъ »мое знамя. Собирайтесь, не допустимъ лукаваго »Запорожца захватить въ руки гетманскую була»ву Украинскую.« Видитъ тогда Васюта, что некуда дѣваться, давай зазывать съ собою старшину въ Ичню, да и двинулись всѣ изъ Батурина. Я тоже, распорядившись дома съ своею сотнею, направилъ было путь въ Ичню.«

»Такъ чего жъ медлить?« сказалъ Шрамъ. »Сейчасъ на коней да и въ Ичню!«

»Господи! тебѣ, видно, и сносу не будетъ. Неужели тебя создалъ Господь изъ желѣза, что тебя ни раны, ни лѣта не одолѣваютъ?«

»*Обновися, яко о́рля, юность моя!*« отвѣчалъ Шрамъ. »На коня! нечего медлить!«

»Да что́ это ты? Хоть чарку горілки выпей, хоть подкрѣпись немного пищею!«

Съ трудомъ уговорилъ Бѣлозерецъ Шрама отдохнуть немного. Шрамъ и самъ скоро почувство-

валъ, что отдыхъ ему необходимъ. Однакожъ онъ не долго оставался у Бѣлозерца и, лишь только усталость отъ продолжительной ѣзды прошла, тотъчасъ сѣлъ съ своимъ пріятелемъ на коней и поскакалъ по Иченской дорогѣ.

Едва проѣхали они треть своего пути, какъ встрѣтилъ ихъ гонецъ изъ Ични съ полковничьимъ распоряженіемъ, чтобъ Борзенскіе козаки выступали немедленно къ Нѣжину.

»Они уже и безъ того на дорогѣ къ Нѣжину.« сказалъ Бѣлозерецъ. »Я напередъ это предвидѣлъ. А гдѣ же панъ гетманъ?«

»Панъ гетманъ«, отвѣчалъ гонецъ, »отправилъ свое войско подъ Нѣжинъ впередъ, а самъ съ Нѣжинскимъ и съ другими полковниками отправится туда, а можетъ быть уже и отправился, въ-слѣдъ за войскомъ. Вся старшина козацкая присягнула ему на послушаніе въ рынковой Иченской церкви.«

»Зашевелились наши!« сказалъ Шрамъ. »Слава Тебѣ, Господи! Ну, не будемъ же и мы терять времени.«

Поворотили коней на Нѣжинскую дорогу и поскакали доброю рысью. Подъ самымъ городомъ, тамъ, гдѣ Иченская дорога сходилась съ Борзенскою, съѣхались они съ Сомкóмъ и его свитою. Сомкó былъ опять веселъ, какъ солнце.

»Не журись, батько«, сказалъ онъ Шраму: »все будетъ хорошо. Ужъ когда мы взялись за руки

съ паномъ Золотаренкомъ Нѣжинскимъ, такъ пусть устоитъ противъ насъ, кто хочетъ. Лубенскій. Прилуцкій и Переяславскій полки я выправилъ съ Вуяхевичемъ подъ Нѣжинъ, а Черниговскій будетъ туда сегодня ночью. Чего жъ ты хмуришься?«

»Ты говоришь, пане ясновельможный, что выправилъ полки съ Вуяхевичемъ?«

»Съ моимъ генеральнымъ писаремъ.«

»Знаю я, знаю, только я не далъ бы ему гетманскаго бунчука въ такую минуту.«

»Э, батько мой! ты уже слишкомъ недовѣрчивъ къ людямъ.«

»А ты, сынку, кажется, слишкомъ много на нихъ полагаешься. Слыхалъ я кое-что про Вуяхевича....«

»Э, полно! Ты моего Вуяхевича не знаешь. Никто лучше его не съумѣетъ удержать козаковъ въ порядкѣ.«

»Смутныя, смутныя времена!« говорилъ въ раздумьи Шрамъ..

»Не такъ еще, какъ тебѣ кажется.«

»Дай Богъ! А что́ ты скажешь о черни, что сбирается въ полки подъ Нѣжиномъ, такъ какъ въ началѣ Хмельничины?«

»Ничего не скажу, кромѣ того, что мнѣ больше ихъ жаль, нежели досадно, больше досадно, нежели страшно. Пока у меня въ стану будутъ пушки и козаки, я ничего не опасаюсь. Ты думаешь, можетъ быть, что меня привели въ уны-

ніе Миргородцы, Полтавцы да Зѣньковцы? Нѣтъ, они меня только огорчили. Не то для меня уронъ, что три полка отъ меня отпали, а то уронъ, что честь и правда попраны!«

»О голова ты моя золотая!« подумалъ Шрамъ. »Еслибы всѣ такъ, какъ ты, держались чести да правды! ато, на кого ни взглянешь, у всякаго первая забота объ этомъ несчастномъ панствѣ, объ этомъ чванствѣ и господствѣ, которое гнететъ и губитъ Украину!«

Когда Сомко́ съ своимъ конвоемъ въѣхалъ въ городъ и миновалъ урочище Галатовку, ему преградила дорогу погребальная процессія. На вопросъ: »Кто умеръ?« отвѣчали: »Сынъ Нѣжинскаго войта.«

»Тотъ, что́ сегодня утромъ становился съ молодымъ Домонтовичемъ на Божій судъ?« спросилъ Шрамъ.

»Тотъ самый«, отвѣчали печально мѣщане. »Не послужила бѣдному фортуна. Только стукнулись саблями, тотъ-часъ и положилъ его на мѣстѣ вражій карма́зинъ.«

»Э, нѣтъ!« вмѣшался тутъ кто-то со стороны: »сперва Домонто́виченко досталъ войтенка по лѣвой рукѣ, — кровь такъ и брызнула. »Полно,« говоритъ, »будетъ съ тебя!« А войтенко: »Нѣтъ, или »мнѣ, или тебѣ не жить на свѣтѣ!« — »Такъ пус»кай же«, говоритъ, »Господь успокоитъ твою ду»шу!« и началъ наступать еще сильнѣй на вой-

тéнка; попятналъ его всего ранами: »Эй«, говоритъ, »довольно! пожалѣй себя!« А тотъ машетъ да и машетъ на пропалую, пока Домонтовиченко далъ ему такъ, что и повалился бѣдняга, какъ снопъ.«

»Пускай, пускай!« говорили мрачно, идучи за тѣломъ мѣщане. »Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.«

Долго ждали путешественники, пока пройдетъ похоронный ходъ; но ему какъ-будто и конца не было. Весь Нѣжинъ поднялся провожать сына своего войта. Шрама поразило сперва то, что въ этой толпѣ народа не было ни одного кармазиннаго платья: этимъ выразилось окончательное раздѣленіе двухъ враждебныхъ партій; потомъ, что вмѣстѣ съ мѣщанами шло много козаковъ, но межъ ними не замѣтилъ Шрамъ ни одного старшины козацкаго. Это заставило его подозрѣвать, что и въ самомъ войскѣ кроется вражда низшихъ чиновъ противъ старшихъ. Ничего не сказалъ онъ гетману, только покачалъ головою. Молчалъ и Сомкó, глядя на процессію, а старшины только переглядывались между собою.

Васюта Нѣжинскій тоже, видно, сдѣлалъ нерадостное заключеніе, и лишь очистилась дорога, тотъ-часъ распрощался съ гетманомъ и поспѣшно поскакалъ къ своему двору. Старшины Нѣжинскіе тоже разъѣхались по своимъ домамъ, а прочіе послѣдовали за Сомкóмъ къ его лагерю, ко-

торый былъ расположенъ за урочищемъ Біляковкою.

Безпокойство Шрама еще больше увеличилось, когда, пріѣхавши въ Сомковъ лагерь, онъ нашелъ тамъ совершенный безпорядокъ и безладье. Говоръ и крикъ козаковъ слышались издали. Вокругъ лагеря не было никакихъ пикетовъ. Никто даже не окликнулъ въѣзжающихъ въ него всадниковъ. Козаки расхаживали по лагерю толпами, и Шраму показалось, что онъ, въ вечернемъ мракѣ, замѣтилъ прошедшаго мимо батька Пугача.

Сомкó, остановясь у своей палатки, тотъ-часъ потребовалъ къ себѣ генеральнаго писаря своего, Михайла Вуяхевича, которому поручено было начальство надъ лагеремъ. Но его долго не могли найти. Сомкó напалъ на старшинъ, кричалъ, сердился, но безпорядокъ отъ того ничуть не уменьшался. Онъ разослалъ ихъ по всему лагерю съ приказаніемъ возстановить тишину; и самъ поѣхалъ также промежъ шатрами, въ сопровожденіи своихъ приближенныхъ. Шрамъ, нахмуривъ брови, молча ѣхалъ за нимъ.

Скоро встрѣтили они Вуяхевича. Разъѣзжая, подобно имъ, промежъ козаками, генеральный писарь, казалось, занятъ былъ болѣе своею рѣчью, нежели возстановленіемъ въ таборѣ порядка.

»Вражьи дѣти! печкуры!« кричалъ онъ, не обращая вниманія на волновавшіяся вокругъ него купы. »Мы васъ научимъ шановать старшину!

Не будете вы у насъ важничать, какъ тѣ Запорожцы, что̀ всякъ у нихъ равенъ. Дадимъ мы вамъ такого равенства, что и не захочете. Мало чего нѣтъ, что у Запорожцевъ всѣ равны, что съ ними гетманъ ихъ за панібра́та, что межъ ними нѣтъ ни богатыхъ, ни убогихъ, а все у нихъ общее! На то они Запорожцы, козаки надъ козаками. А вы что̀ такое? мужичьѐ! сущее мужичьѐ! Да мы васъ, вражьихъ дѣтей, батогами! Погодите лишь, пусть кончится рада; мы васъ приставимъ къ земляной работѣ; мы вамъ дадимъ знать Запорожскую вольность!«

Козаки отъ такихъ рѣчей не только не унимались, напротивъ, вились шумными роями вокругъ поѣзда генеральнаго писаря, и тѣ, которые были напереди, молча ловили, кажется, каждое его слово, между тѣмъ, какъ за ихъ спинами вырывались изъ смѣшаннаго ропота слова: »Слышите, что̀ говоритъ панъ писарь? мы мужики! насъ батогами! къ землянымъ работамъ! а старшина будетъ нами орудовать, якъ чортъ грѣшными душами! Не дождетъ же она этого!«—»Не дождетъ, не дождетъ!« кричали еще громче тѣ, которыхъ совсѣмъ не было видно.

»Пане писарь!« сказалъ Сомко̀, встрѣтившись съ нимъ. »Что̀ это у тебя за безпорядокъ? Развѣ на то я поручилъ тебѣ таборъ?«

»Да вотъ, ясновельможный пане гетмане«, отвѣчалъ Вуяхевичъ, кланяясь низко, »вотъ какая

бѣда тутъ. Недалеко отсюда таборъ гетмана Запорожскаго....«

»Гетмана!« вскричалъ Сомко́ такъ громко, что покрылъ вокругъ себя говоръ толпы. »Развѣ у тебя есть еще гетманъ, кромѣ меня? Такъ ступай же ты къ нему и служи ему вѣрою и правдою, если хочешь, такъ же какъ и онъ, погулять верхомъ на свиньѣ! И вырвалъ у него изъ рукъ бунчукъ гетманскій.«

Голосъ Сомка́ возстановилъ тишину сперва вокругъ него, а потомъ и во всемъ таборѣ. »Гетманъ, гетманъ пріѣхалъ!« раздавалось между козаками, и однихъ этихъ словъ было довольно, чтобъ заставить каждаго о себѣ подумать. Сомко́ былъ добръ, довѣрчивъ, великодушенъ; но иногда онъ не зналъ мѣры своему гнѣву и, подобно своему зятю Богдану Хмельницкому, разилъ булавою всякаго, кто въ горячую минуту осмѣливался противъ него пикнуть. Онъ былъ хорошій стратегикъ и своими побѣдами обязанъ былъ болѣе своему искусству и порядку, въ какомъ держалъ свое войско, нежели превосходству силъ. Это одобряли, однакожъ, только старшины, свѣдущіе въ военной практикѣ; а войсковая чернь, напротивъ, вздыхала о прежней свободѣ и роптала на своего гетмана. Хитрая политика Бруховецкаго еще болѣе развратила сторонниковъ Сомка́. Стоя близь Романовскаго Кута, гдѣ господствовала совершенная вольность и гдѣ, казалось, никого не было старшаго,

козаки Сомковы, въ его отсутствіе, забурлили, заглушили голосъ своей старшины, а къ тому еще Запорожцы подослали въ лагерь нѣсколько добрыхъ молодцевъ, которые въ конецъ взволновали чернь своими разсказами.

»А что́, пане гетмане!« сказалъ Шрамъ послѣ сцены съ Вуяхевичемъ. »Можетъ быть, и теперь еще твой генеральный писарь добрый тебѣ слуга?«

Сомко́ только махнулъ рукою и ушелъ въ свою палатку.

»Дай лишь мнѣ, сыну, своего бунчука. Я лучше какого-нибудь недоляшка досмотрю у тебя порядку.«

Сомко́ отдалъ ему молча бунчукъ.

»Бѣдная козацкая голова!« подумалъ Шрамъ. »Такъ-то всегда обходится намъ честь и слава. Смотрятъ со стороны люди, завидуютъ блеску и сіянію, а въ сердце никто не заглянетъ. Какъ тяжело отцу, когда, не дай Боже, удастся разбойникъ-сынъ; такъ тяжело гетману, который день и ночь о своей гетманщинѣ размышляетъ, день и ночь не даетъ себѣ покою, лишь бы какъ-нибудь эту несчастную Украину устроить по-людски; а тутъ у него подъ бокомъ шипятъ змѣи, — прежде всего самого себя береги! Тяжело, тяжело управлять народомъ! не завидую я ни одному царю во всемъ свѣтѣ.«

Такъ размышляя, обошелъ Шрамъ, съ гетманскимъ бунчукомъ въ рукѣ, весь лагерь и вездѣ

разставилъ стражу, чтобъ ни въ лагерь, ни изъ лагеря никого не пропускали. Не отдыхая ни минуты, онъ безпрестанно былъ на ногахъ, безпрестанно переходилъ отъ одной къ другой толпѣ козаковъ, варившихъ вечернюю кашу, прислушивался къ ихъ разговорамъ, вмѣшивался въ ихъ бесѣду. Здѣсь онъ разсказывалъ какое-нибудь приключеніе изъ войнъ Богдана Хмельницкаго, воспоминая, какъ тогда у козаковъ была »воля и дума едина«; въ другомъ мѣстѣ къ-стати вводилъ въ свою рѣчь какую-нибудь Евангельскую притчу или событіе изъ священной исторіи. Его слово, какъ знаменитаго воина и вмѣстѣ духовной особы, имѣло благодѣтельное вліяніе на возмущенные умы козаковъ. Но онъ не зналъ, что дьяволъ ходитъ за нимъ и всѣваетъ плевелы въ посѣянную имъ пшеницу. Этотъ дьяволъ былъ Вуяхевичъ. Принявъ на себя суровый видъ, онъ тоже толкался межъ козаками и изрѣдка бросалъ, какъ-бы безъ умыслу, нѣсколько ядовитыхъ словъ такъ искусно, что они снова отравляли сердцá, успокоенныя Шрамомъ. Еслибъ Шрамъ слышалъ эти слова, онъ въ ту жъ минуту раздробилъ бы ему голову, и отвѣчалъ бы за это передъ генеральною радою; но въ томъ-то и дѣло, что Вуяхевичъ такъ искусно умѣлъ разсѣять свои отрывистыя фразы, что одни только тѣ ихъ слышали, для кого онѣ назначались.

Войско Сомково шумѣло и волновалось, какъ

пчелиный рой передъ полетомъ. Теперь уже никто не видѣлъ надъ собою старшихъ; всякъ сдѣлался самъ дѣйствующимъ лицемъ, всякъ взвѣшивалъ въ своемъ умѣ настоящія обстоятельства и спрашивался у собственнаго произвола, что́ предпринять ему. Зловредныя сѣмена, посѣянныя въ козацкихъ умахъ умышленными угрозами Вуяхевича, пустили немедленно ростки и дали плодъ свой. Въ иныхъ мѣстахъ по табору козаки трактовали въ-слухъ о своей старшинѣ, вспоминая всякую непріятность, испытанную ими когда-либо отъ сотниковъ и полковниковъ. Старшина, слушая эти толки, приходила въ ужасъ и робко усмиряла своихъ подчиненныхъ. А между тѣмъ козаки толпами уходили изъ стану въ Романовскаго Кутъ, и каждую минуту можно было ожидать, что войско оставитъ лагерь и уйдетъ къ Бруховецкому.

Можетъ быть, это и случилось бы, еслибъ Шрамъ, созвавъ на-скоро частную раду, не произнесъ къ козакамъ сильной утѣшительной рѣчи. Впрочемъ на войсковую чернь не столько подѣйствовали его политическіе доводы, сколько имя Христа, которое онъ нѣсколько разъ повторялъ энергическимъ голосомъ, поднимая вверхъ сіяющій крестъ съ распятіемъ. Когда души чѣмъ-нибудь сильно встревожены, когда люди, въ запутанныхъ и угрожающихъ обстоятельствахъ, не знаютъ, куда обратиться и гдѣ искать спасенія; тогда легче всего дѣйствовать на нихъ Словомъ

Божіимъ. Съ дѣтскою покорностью, съ сознаніемъ человѣческой своей немощи, они обращаются тогда къ зовущему подъ покровъ вѣры голосу, и рѣчь проповѣдника разливается по стѣсненнымъ сердцамъ, какъ живительное лекарство. Увѣщаніе Шрама оковало всѣ уста и смирило всѣ души. Старшина ободрилась и, не довѣряя подчиненнымъ, сама заняла всѣ пикеты.

Между тѣмъ Сомко́, терзаемый досадою, сидѣлъ въ своемъ шатрѣ, не обращая ни къ кому ни взора, ни рѣчи. Онъ слышалъ въ лагерѣ шумъ, но не спрашивалъ о причинѣ его, а доносить ему о новыхъ неустройствахъ никто не осмѣливался.

Спалъ ли онъ въ эту ночь, или нѣтъ, не извѣстно; но Шрамъ не смежалъ глазъ ни на минуту. Онъ цѣлую ночь ходилъ по лагерю, осматривалъ учрежденную имъ стражу и часто устремлялъ взоръ на Романовскаго Кутъ, гдѣ блестѣли, отражаясь на зелени дубовъ, яркіе огни и до самой зари не утихалъ шумный говоръ, подобный ропоту моря передъ бурею.

ГЛАВА XIV.

Я ридáю, якъ згадáю
Ділá незабýті
Нáшихъ прéдківъ.... тя́жкі ділá!
Якъ-бй ихъ забути,
Я оддáвъ би весéлого
Віку половйну....
Оттакá-то нáшá слáва,
Слáва Украіни!

Шевченко.

Разскажемъ теперь, чтó происходило въ домѣ Гвинтовки во время Шрамова отсутствія. Въ эту смутную годину не было и тамъ спокойствія и согласія ни между мужчинами, ни между женщинами. Женщинъ смущала несчастная княгиня, жена Гвинтовки. Ея знатное происхожденіе, ея Польская природа и католическая вѣра, насильно обращенная въ Греко-Русскую, все это дѣлало искренность между ними невозможною, хотя, съ другой стороны, наши козачки, Череваниха и Леся, не могли не чувствовать сострадания къ ея жал-

кой долѣ и желали бы сколько-нибудь облегчить ея грусть. Она не довѣряла ихъ доброй расположенности къ себѣ, съ горечью и худо скрытою гордостью принимала знаки ихъ состраданія и постоянно искала случая отъ нихъ удаляться.

А между мужчинами тоже все какъ-то не клеилось. Черевань не могъ надивиться перемѣнѣ въ характерѣ Гвинтовки. Зналъ онъ Гвинтовку съ-молоду, какъ отличнаго козака. Когда Хмельницкій, во время своихъ войнъ, разсылалъ для наѣздовъ небольшія козацкія партіи, или, какъ говорили тогда, *пускалъ загоны*, нѝкто не пробирался глубже Гвинтовки въ Польшу, и козаки, бывало, говорятъ въ лагерѣ: »О, далеко наша гвинтовка стрѣляетъ!« А въ козацкомъ обществѣ на пиру Гвинтовка былъ любезнѣйшимъ собесѣдникомъ. Потому-то и сблизился съ нимъ Черевань и женился на его родной сестрѣ. По-видимому, онъ и теперь такъ же удалъ, такъ же любезенъ и искрененъ, но все у него стало какъ-то шатко, и разговоры его навсегда потеряли ту прелесть искренности, которая свойственна только прямодушному человѣку. Черевань, при всей простотѣ своей, не могъ этого не замѣтить, и тяготился его сообществомъ.

»Какъ это, Михайло, у васъ случилось«, спросилъ его однажды Гвинтовка, »что ты обручилъ свою Лесю съ Переяславскимъ гетманомъ?«

»А почему жъ, бгатъ, намъ не породниться

хоть бы и съ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра?« отвѣчалъ Черевань. »Развѣ мы отъ роду съ гетманами хлѣба-соли не ѣли?«

»Кто жъ противъ этого? Дочка моей сестры съумѣетъ повести себя какъ слѣдуетъ на всякомъ мѣстѣ. Только вы какъ-то поспѣшили, да когдабъ людей не насмѣшили.«

»На чтó это ты намекаешь?«

»На то, что теперь, въ этой суматохѣ того и смотри, что какой-нибудь Запорожскій гуляка подставитъ ногу; споткнешься — и прощай гетманство!«

»Пускай спотыкаются, бгатъ, наши вороги, а не Сомкó!« сказалъ Черевань.

»Ге-ге! спотыкались, братъ, люди и получше твоего Сомкá. Выговскій, казалось, крѣпко сидѣлъ на гетманскомъ столѣ, но *Гадячскіе пункты* и того опрокинули. А, говорятъ, панъ Сомкó тоже хочетъ трактовать съ Москвою о Гадячскихъ пунктахъ. Хочетъ много выиграть, да когдабъ не проигралъ и послѣдняго! Иванъ Мартыновичъ, помоему, лучше дѣлаетъ, что безъ торгу пробирается къ гетманскому столу.«

»Тому, бгатъ, нечего торговаться, кто продалъ дьяволу душу. Иванцу теперь все равно—Ляхъ, Турокъ и православный. Увидишь, коли онъ отъ царя не перейдетъ къ Турку (¹)!«

(¹) Это и случилось бы, еслибъ »вихреватая голова« Дорошенко не явился мстителемъ за поруганныя права народа.

Не ожидалъ Гвинтовка отъ своего зятя такого рѣзкаго отвѣта; не сказалъ, однакожъ, ничего и, будто ни въ чемъ не бывало, повелъ своего гостя осматривать хозяйство. Съ гордостью показывалъ онъ Череваню свои наполненныя хлѣбомъ гу́мна, свои овчарни, свои мельницы и табуны лошадей, гулявшихъ по лугу за хуторомъ.

Черевань дивился богатству Гвинтовки, однакожъ подумалъ: »У меня нѣтъ ни такихъ лѣсовъ, ни такихъ широкихъ луговъ, да зато ни одинъ Кіевскій мѣщанинъ не поглядитъ косо на Хмарище.«

Воротясь къ обѣду, застали на дворѣ Нѣжинскаго сотника, Гордія Костомару.

»Что́ ты ту́тъ, панъ осаулъ, дома дѣлаешь?« такъ началъ бесѣду Нѣжинскій сотникъ. »Тамъ въ городѣ бѣда творится!«

»Что́ жъ тамъ за бѣда у васъ творится?« сказалъ хладнокровно Гвинтовка.

»Мѣщане пируютъ съ козаками....«

»Ну, бгатъ«, вмѣшался Черевань, »дай Богъ и по-вѣкъ такой бѣды!«

»Да постой, добро́дію! отъ чего и какъ пируютъ? Дрался на поеди́нкѣ сынъ пана Домонтовича съ сыномъ нашего войта и убилъ войтенка на-повалъ.«

»Ну, и аминь ему!« сказалъ Гвинтовка.

»Аминь! нѣтъ, не скоро еще скажутъ аминь этому дѣлу.... Вотъ послушай-ка. Мѣщане выка-

тили на улицу бочки съ пивомъ, съ медомъ, съ горілкою, дѣлаютъ поминки по войтенку на весь крещеный міръ, а козаки столпились, какъ пчелы вокругъ патоки, и зашумѣли такъ, что страшно и слушать: пьютъ да бранятъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, панство и всю городовую старшину.«

»Ну, пусть себѣ бранятъ.«

»Пусть бранятъ! А это какъ тебѣ покажется, что всѣ знатные люди, что́ съѣхались на раду, боятся выткнуть носъ за ворота? Козаки толпами бродятъ по городу да буянятъ, какъ бугаи въ стадѣ; иные порываются грабить панскіе дворы.«

»Что́ жъ вашъ полковой судья дѣлаетъ?«

»Судья самъ труситъ. Страхъ хоть кого возьметъ. Подъ эту суматоху, которая творится по случаю рады, всего можно ожидать.«

»Чему быть, тому не миновать«, сказалъ угрюмо Гвинтовка.

»Такъ, значитъ, тебѣ до этого нѣтъ надобности?«

»А что́ жъ я долженъ бы по-твоему дѣлать?«

»Что́ дѣлать? ѣхать да усмирять козаковъ, пока еще не поздно.«

»Вотъ тебѣ на! усмиряй ему козаковъ, когда полковничій пернач у судьи!«

»Да что́ ему въ томъ пернач? Козаки и ухомъ не ведутъ. А тебя и безъ пернача послушаются. Поѣдемъ, ради Бога поѣдемъ!«

»Послушаются, да не теперь!« сказалъ Гвинтовка, подмигнувши какъ-то странно глазомъ. »Бу-

детъ время, когда они меня послушаются; а теперь, коли перначъ не у меня, такъ я и не полковой старшина. Вотъ что́! Пускай тамъ себѣ хоть къ-верху ногами городъ поставятъ. *Моя́ хи́та съ кра́ю, я ні́чо́го не зна́ю.*«

»Эге-ге!« сказалъ сквозь зубы сотникъ Гордій. »Такъ видно правда тому, что добрые люди проговаривали.... Пане осаулъ полковый! побойся Бога! мнѣ кажется, что ты что́-то недоброе противъ нашего пана полковника умышляешь!«

»Пане сотникъ!« отвѣчалъ смѣясь Гвинтовка, »побойся Бога! мнѣ кажется, что́ ты что́-то недоброе противъ насъ съ зятемъ умышляешь! Вотъ обѣдъ на столѣ, а ты Богъ знаетъ какой разговоръ развелъ! Сядемъ-ка да подкрѣпимся, такъ, можетъ быть, повеселѣемъ.«

Сѣлъ сотникъ Костомара за столъ, но и пища ему въ ротъ не йдетъ. Его мучатъ страшныя мысли. Онъ нѣсколько разъ пробовалъ окольными разговорами заставить Гвинтовку какъ-нибудь проговориться; но тотъ понималъ его намѣреніе, и всѣмъ его вопросамъ придавалъ шуточный смыслъ. Встревоженный и огорченный, сотникъ уѣхалъ ни съ чѣмъ изъ хутора.

»Послушай, мой любый бра́тіку!« отозвалась тогда Череваниха: »когда говорилъ ты съ Костомарою, меня точно морозомъ обдало....«

»*Ось ли́хо!*« сказалъ Гвинтовка, обращая въ шутку ея слова. »Ужъ не сглазилъ ли тебя Костома-

ра! У него, говорятъ, недобрые глаза: какъ посмотритъ съ завистью на коня, то и коню не сдобровать.«

»Отъ *пристріту*, бра́тіку, я помогла бы себѣ, а отъ твоихъ рѣчей у меня голова пошла кругомъ.«

»Потому что не женское дѣло въ нихъ вслушиваться!« сказалъ сурово Гвинтовка.

»Въ такомъ, бра́тіку, великомъ случаѣ, какъ эта рада, *що грама́да, те й ба́ба*. Не вмѣшивалась я въ ваши козацкія рѣчи за обѣдомъ; но, оставшись наединѣ, не во гнѣвъ тебѣ скажу, что мнѣ чего-то сдѣлалось страшно. Братъ, милый братъ! вспомни, что насъ отецъ и мать учили закону Божьему.... Душа у человѣка одна, какъ у козака, такъ и у женщины; погубивъ ее, другой не добудешь....«

»Вотъ что́ значитъ жить подъ Кіевомъ!« прервалъ свою сестру Гвинтовка: »тотъ-часъ и видно монашескую науку! А у насъ въ Нѣжинѣ разумные люди такъ женщинъ учатъ: *Жіно́ча рѣчь коло при́печка!*«

И съ этимъ ушелъ изъ свѣтлицы.

Наступилъ вечеръ. Возвратился въ хуторъ Петро́ и началъ разсказывать все, что́ видѣлъ и слышалъ въ Романовскаго Кутѣ. Череваниха, Леся и Черевань поражены были его вѣстями и печально призадумались; но Гвинтовка, слушая его разсказъ, только улыбался. Черевань не могъ постиг-

нуть, отъ чего онъ такъ спокоенъ, когда со всѣхъ сторонъ приходятъ такія страшныя вѣсти! отъ чего онъ слушаетъ толки объ ужасныхъ замыслахъ Запорожцевъ съ такимъ видомъ, какъ-будто ему разсказываютъ забавную сказку.

На нашихъ влюбленныхъ грозный поворотъ произшествій произвелъ особенное дѣйствіе. Послѣ разсказовъ объ опасности, какая угрожаетъ Сомкý, Петрó и Леся боялись не только заговорить, но даже взглянуть другъ на друга. И у него, и у нея возникла въ глубинѣ души дума, которую бъ они желали подавить, какъ недостойную, но которую въ то же время противъ воли лелѣяли въ сердцѣ. Они хорошо разумѣли другъ друга и, подобно людямъ, искушаемымъ демономъ на грѣхъ, не смѣли встрѣтиться глазами.

Во всемъ обществѣ Гвинтовки произошла теперь перемѣна. Даже и Череваниха сдѣлалась молчаливою, а Черевань, глядя на нее, такъ упалъ духомъ, что не развеселился даже и за ужиномъ. Только княгиня осталась неизмѣнною. Подобно плакучей березѣ, которая и въ дождь, и въ ведро грустно опускаетъ къ землѣ вѣтви, она была всегда молчалива и печальна, смѣялся ли кто, или плакалъ.

На другой день лишь только Черевань и Петрó встали и умылись, какъ явился къ нимъ козакъ отъ Гвинтовки и сказалъ:

»Просилъ васъ панъ надѣвать новыя платья,

потому что сегодня будетъ рада; а пани прислала вамъ по новой лентѣ къ сорочкамъ.«

»Сегодня рада?« спросилъ удивленный Петро́. »Какъ же она можетъ состояться безъ гетмана Сомка́ и Васюты Нѣжинскаго?«

»Оба они уже здѣсь, добродѣю. Прибылъ панъ Сомко́ еще вчера къ ночи съ войскомъ, какъ услыхалъ, что бояре уже въ Нѣжинѣ.«

Петро́ тотъ-часъ велѣлъ сѣдлать лошадей; а Черевань между тѣмъ разсматривалъ присланную ему отъ княгини ленту:

»Голубая.... отъ чего жъ не красная? Козакъ привыкъ носить въ сорочкѣ красную ленту, а это, видно, Польская мода. Ну, ничего, вдѣнемъ и Польскую: равно теперь уже у насъ все повелось по-Польски.«

Кони были скоро готовы. Гвинтовка вскочилъ проворно въ сѣдло и поскакалъ впередъ. Черевань и Петро едва успѣвали за нимъ слѣдовать. Ихъ провожали придворные козаки Гвинтовки и Василь Невольникъ.

Все поле между хуторомъ и городомъ было покрыто козаками и мужиками. Ихъ можно было различить еще издали по тому, что мужики, не смотря на свою попытку соединиться въ полки, валили къ вѣчевому мѣсту нестройными толпами, а козаки подвигались густыми фалангами. Движущіяся купы народу, на переднемъ планѣ, и поднятая ими пыль мѣшали разсмотрѣть ясно ко-

зацкія сотни; только видно было, что съ-права движется одна, а съ-лѣва другая густая масса войска. Виднѣющіяся слабо сквозь пыльный вихорь знамена показывали, гдѣ Запорожцы, и гдѣ Сомково ополченіе. На знаменахъ Сомка́ изображены были орлы и образа́; въ ополченіи Бруховецкаго также виднѣлись знамена съ орлами, подаренныя царемъ, или принадлежащія его городовымъ сторонникамъ, но межъ ними рѣзко отличались бѣлыя Запорожскія хоругви, на которыхъ не было другого знака, кромѣ широкаго краснаго креста. Все поле оглашалось шумнымъ говоромъ, который совершенно согласовался съ нестройнымъ волненіемъ народа. Подъ городомъ, на мѣстѣ рады, разбитъ былъ привезенный изъ Москвы великолѣпный шатеръ. У шатра построена Московская рать для наблюденія за порядкомъ.

Чѣмъ ближе къ шатру, тѣмъ болѣе было шуму и толкотни въ народѣ. Картина этого буйнаго сборища была чрезвычайно разнообразна. Одинъ ѣхалъ верхомъ, другой шелъ пѣшкомъ, одинъ въ дорогомъ красномъ жупанѣ и въ сопровожденіи слугъ, другой въ бѣдной сермягѣ, въ кругу своихъ забіякъ-товарищей, жадно посматривавшихъ на всякаго пана. Мѣщане отличались по большей части синимъ цвѣтомъ, но это не были Нѣжинскіе: тѣ шли на раду со стороны города, а эти, съѣхавшись подъ Нѣжинъ изъ другихъ городовъ, стояли въ полѣ вокругъ Романовскаго Кута куре-

нями съ сельскою чернью, и теперь, вмѣстѣ съ нею, толпились возлѣ вѣча.

Гвинтовка велѣлъ ѣхать впереди себя козакамъ, ато бы не продраться ему сквозь толпы народа къ шатру.

»Дорогу, дорогу пану осаулу Нѣжинскому!« кричали съ поднятыми вверхъ нагайками козаки.

»Э! это нашъ князь!« сказалъ одинъ мѣщанинъ. »Постой-ка, не долго будешь княжить!«

Но другой остановилъ его:

»Не слишкомъ, братъ, храбрись противъ этого пана: я кое-чтó слышалъ про него отъ Запорожцевъ.«

»Чтó жъ ты слышалъ?«

»Слышалъ такое, что не слишкомъ храбрись противъ него, — вотъ чтó?«

Между тѣмъ по другую сторону Гвинтовки, пока козаки раздвинули передъ нимъ толпу, Петрó слышалъ такой разговоръ:

»Какъ ты думаешь? чей будетъ верхъ?«

»А чей же, если не Ивана Мартыновича?«

»Э, погоди еще! у Сомкá, говорятъ, въ таборѣ довольно пушекъ и чернаго пшена: есть чѣмъ заглянуть въ глаза Бруховцамъ.... А онъ-то не таковъ, чтобъ отдалъ добровольно бунчукъ и булаву.«

»Будутъ наши и пушки, когда Богъ поможетъ. Козакамъ уже давно надоѣло стоять у старшины у порога. Кто не въ кармáзинахъ, тотъ и за столъ съ ними не садись....«

Пробравшись немного впередъ, Гвинтовка и его спутники опять были остановлены.

»Правда ли«, спрашивалъ одинъ голышъ другого, »что вчера хоронили войтéнка?«

»Это еще не диво«, отвѣчалъ тотъ, »а диво то, что чуть ли не всѣ Нѣжинскіе козаки шли съ мѣщанами за гробомъ. Похороны протянулись чрезъ весь городъ, такъ что голова была на Біляковкѣ; а хвостъ на Козыревкѣ....«

Еще разъ остановился нашъ поѣздъ. Повстрѣчался Гвинтовка съ какимъ-то знатнымъ старшиною, который началъ разсказывать, какъ Сомкó встрѣтился съ Бруховецкимъ у царскаго полномочнаго посла, князя Гагина. Князь еще утромъ пригласилъ къ себѣ козачьихъ старшинъ на совѣтъ. »И тамъ-то было послушать, какъ Иванецъ привѣтствовалъ Сомкá!«

»О, Иванецъ собака!« сказалъ, понизивъ голосъ, Гвинтовка: »ужъ только въ кого вцѣпится, то не отстанетъ. Какъ же рѣшили быть радѣ? по-нашему?«

»Конечно. Рѣшили, чтобъ старшина собралась избирать гетмана въ шатеръ, а чернь, чтобъ сама по себѣ избирала, кого пожелаетъ.«

»И Сомкó согласился?«

»Согласился по-неволѣ; только видишь: нашъ Бруховецкій ведетъ своихъ пѣшкомъ и безъ оружія, по уговору, а Сомковцы величаются на коняхъ и въ полномъ вооруженіи. Сомкó, я слы-

шалъ, хочетъ стрѣлять изъ пушекъ, если рада кончится не по его вкусу.«

На это Гвинтовка засмѣялся и сказалъ:

»Пускай себѣ стрѣляетъ на здоровье!«

Такъ потолковавши, пріятели пожали одинъ другому руку и разстались, значительно кивнувши головою.

Смотритъ Петро́ — тутъ и кузнецъ толкается промежъ народа, съ молотомъ на плечѣ.

»Ты чья сторона, Остапъ? Запорожская?« спрашиваетъ его пастухъ съ длиннымъ деревяннымъ крючкомъ въ рукѣ.

»Чтобъ они пропали тебѣ всѣ до одного, эти проклятые Запорожцы!«

»Какъ! за что́ это?«

»За что́? Есть за что́!... Гмъ!... Сказано: *не віръ жінці, якъ чужо́му соба́ці.*«

»О? Неужели Запорожецъ станетъ подбиваться къ женщинѣ?«

»Ого! ты еще не знаешь этихъ пройди́світовъ! Это, если хочешь знать, самые канальи.«

»Ой?«

»И не ой! Вчера зазвали меня въ кошъ, какъбудто и добрые: »Тамъ у насъ то да сё нужно »перековать, а у насъ такого искуснаго кузне- »ца, какъ ты, не было и не будетъ.« Зазвали, да и давай угощать. Я жъ тамъ пью, веселюсь, а они у меня дома бѣду творятъ.... Возвращаюсь

утромъ, проспавшись, домой, а дома уже кто-то похозяйничалъ....«

»Да это, братъ, тебѣ такъ на похмѣльѣ показалось!«

»Показалось!« вскрикнулъ кузнецъ съ досадою. »А это тебѣ какъ покажется? Спрашиваю Ивася: »Съ кѣмъ вы, сынку, безъ меня вечеряли?« А она, плутовка, уже и перехватываетъ: »Съ Богомъ, »скажи, Ивасю, съ Богомъ!« А ребенокъ, извѣстно, глупый, никакихъ хитростей не понимаетъ,—посмотрѣлъ на нее да и спрашиваетъ: »Развѣ жъ, »мамо, то Богъ, что въ красномъ жупанѣ?«

Миновали наши паны и этихъ собесѣдниковъ, и чѣмъ ближе подъѣзжали къ царскому шатру, тѣмъ труднѣе становилось имъ пробираться впередъ. Слышны уже были сквозь общій говоръ бубны. Межъ народомъ кричали въ разныхъ мѣстахъ окличники: »*У раду! въ раду! въ раду!*« но это только для соблюденія обычая: народъ и безъ того тѣснился къ *вѣчевому мѣсту*, особенно мужики.

»Ну ужъ, братъ«, говорилъ иной; »теперь съ пустыми карманами къ жінкáмъ не воротимся!«

А другой отвѣчалъ, смѣясь отъ радости: »Заработаемъ больше, чѣмъ на косовицѣ! Видишь, въ какихъ паны кармазинахъ! все это наше будетъ.«

»Да и возлѣ мѣщанскихъ лавокъ руки погрѣемъ! Говорили Запорожцы, чтó все поровну между народомъ подѣлятъ.«

Смотритъ Петро́ — межъ мужиками тѣсниться тутъ и Тарасъ Сурмачъ.

»И ты противъ гетмана Сомка́ и моего отца?«

А тотъ: »Спасибо вельможному пану Сомку́, спасибо и твоему пан'отцу! Вы привыкли выбирать гетмана только козацкими голосами, а теперь и нашъ мѣщанскій выборный сто́итъ чего-нибудь на радѣ.... Э, козаче!« воскликнулъ онъ, указавъ на голубую ленту Петра, »такъ это ты только ума вывѣдываешь?«

Не успѣлъ Петро́ собраться съ отвѣтомъ, какъ ихъ опять разлучили. Вотъ приближаются наши паны къ самому вѣчевому кругу. Слуги Гвинтовки взяли отъ нихъ коней. Такъ какъ здѣсь уже были почти одни козаки, то всѣ тотъ-часъ дали Гвинтовкѣ дорогу, а за нимъ пробрались впередъ Петро́, Черевань и неотступный Василь Невольникъ. Нѣкоторые изъ встрѣчныхъ пожимали выразительно Гвинтовкѣ руку; онъ усмѣхался и раскланивался.

Петро́, къ удивленію и ужасу своему, не видѣлъ здѣсь почти ни на комъ красной ленты. Черевань тоже замѣтилъ это таинственное преобразованіе и, оборотясь къ Василю Невольнику, сказалъ:

»Вотъ, бгатъ Василь, какая тутъ чудная мода на ленты завелась!«

А Василь Невольникъ покачалъ головою и сказалъ только:

»Охъ, Боже правый, Боже правый!«

Пробрался наконецъ Гвинтовка въ самый первый рядъ, гдѣ стояли полковники, сотники, осаулы, хорунжіе, судьи полковые и писаря съ чернильницами и бумагою въ рукахъ. Они образовали пространный кругъ, посреди котораго стоялъ столъ, покрытый ковромъ. На столѣ лежала булава Бруховецкаго съ бунчукомъ и знаменемъ. Самъ Бруховецкій стоялъ въ голубомъ жупанѣ впереди своихъ Запорожцевъ. Здѣсь онъ уже явился совсѣмъ не тѣмъ человѣкомъ, чтó въ Романовскаго Кутѣ. Подбоченившись съ гетманскою важностью, онъ самодовольно посматривалъ на все собраніе и весело усмѣхался, когда ему дѣлали замѣчанія о старшинахъ съ красною лентою.

Спустя минуту, вошелъ въ собраніе, сквозь царскій шатеръ, и Сомкó съ своими старшинами. Они были всѣ въ панцыряхъ и въ сисюркахъ, съ саблями при боку и келепами (¹) въ рукахъ. Сомкó держалъ золотую булаву. Надъ нимъ развѣвались войсковое знамя и бунчукъ. Два литаврщика стали передъ нимъ съ сребряными литаврами.

»Гордый, пышный и разумомъ высокій гетманъ!« подумалъ Петрó: »но еслибъ ты зналъ, на кого ты опираешься! Діаволъ давно уже похитилъ у

(¹) Кéлепъ—чеканъ. Съ этимъ оружіемъ козаки не разлучались даже и въ домашней прогулкѣ. Обычай носить на палкѣ топорикъ дошелъ до нашего времени. Я самъ видѣлъ стариковъ съ келепами.

тебя вѣрныя души, а ты и не подозрѣваешь! Жаль мнѣ тебя, золотая голова, хоть ты и преградилъ собою мнѣ дорогу....«

Прибытіе Сомка́ не прекратило шумнаго говора въ вѣчевомъ кругѣ; онъ еще усилился. Хмѣльные Запорожцы кричали изъ-за спины Бруховецкаго:

»Положи булаву, положи бунчукъ и хоругвь, Переяславскій торгашъ!«

Сомко́ велѣлъ своимъ литаврщикамъ ударить въ литавры, и когда шумъ нѣсколько стихнулъ, онъ громкимъ и важнымъ голосомъ сказалъ:

»Не положу! пускай скажутъ мнѣ это мои подручники! (и посмотрѣлъ гордо на обѣ стороны) А васъ, голышей, я не знаю, откуда вы втерлись въ козацкое рыцарство, да и знать не хочу.«

Эти слова сильно задѣли Запорожцевъ. Поднялись ругательства. Нѣкоторые уже пробирались впередъ, чтобъ начать бой. Эти забіяки, хоть и пришли въ раду, по уговору, безъ оружія, но припасли по хорошей дубинкѣ подъ полою, и, можетъ быть, безъ драки не обошлось бы, еслибъ не удержали ихъ Сѣчевые патріархи. Стоя въ переднемъ ряду, они остановили буяновъ руками и словами:

»Стойте, стойте, дѣти! обождите ладу, ато все дѣло испортите.«

Между тѣмъ на противоположной сторонѣ вѣ-

чевого круга Шрамъ, обращаясь на обѣ стороны къ своимъ сторонникамъ, говорилъ:

»Видите, дѣти, съ кѣмъ намъ пришлось спорить о гетманствѣ! Сто́ятъ ли эти »буіи вепри Днѣпровскіе«, чтобъ съ ними трактовать по-людски? Саблею мы съ ними расправимся, саблями да пушками протрезвимъ этихъ негодныхъ пьяницъ!«

Петро́ хотѣлъ пробраться къ своему отцу и къ немногимъ вѣрнымъ старшинамъ, которые стояли вокругъ него съ красными лентами: онъ хотѣлъ раздѣлить съ ними опасность, которую все предвѣщало; но теперь уже нельзя было пройти между столпившимися козаками никакимъ образомъ. Итакъ по неволѣ оставался онъ въ кругу заговорщиковъ, означившихъ себя голубою лентою. Теперь уже не только старшины, но и простые козаки смѣло обнаруживали свои замыслы.

»Ну, братъ«, говорилъ одинъ, »дождались мы наконецъ своего праздника, будемъ панами на Украинѣ! Пускай всякъ теперь козака знаетъ!«

»Надъ кѣмъ же мы будемъ пановать«, спрашивалъ другой, »когда всѣ станутъ одинъ другому равны?«

»Кто это тебѣ сказалъ?«

»Какъ же иначе? Видишь, межь нашею старшиною виднѣются, какъ грибы въ травѣ, толстогубые бурмистры отъ мѣщанъ! а вонъ — стоитъ, разинувъ ротъ, и мужицкій выборный!«

»Ге-ге! не знаешь же ты Ивана Мартыновича!

Я не то слышалъ вчера въ шинкѣ отъ Сѣчеваго братчика. »*Одинъ*«, говоритъ, »*тому́ часъ, що ба́тько въ пла́хті*: пускай«, говоритъ, »повеличаются, *якъ порося на о́рчику*, а послѣ довольно »съ нихъ чести — и плотины чинить. Есть«, говоритъ, »кому пановать и безъ салогубовъ и безъ »мужиковъ«. Ивану Мартыновичу лишь бы козачество къ себѣ приласкать, а больше ему ни до кого нѣтъ дѣла.«

Вдругъ раздался громъ бубновъ и трубъ. Изъ шатра вышелъ царской бояринъ, князь Гагинъ, съ думными дьяками. Въ обѣихъ рукахъ несъ онъ съ торжествомъ царскую грамоту, а его спутники — царскую хоругвь для козацкаго войска, бархатъ, камку, парчу и соболи въ подарокъ гетману и старшинамъ. Всѣ они были съ окладистыми бородами, въ богатыхъ Турскихъ шубахъ, въ сапогахъ, шитыхъ золотомъ и усѣянныхъ жемчугомъ. Подошедши къ столу, они поклонились сперва на-право, гдѣ стоялъ Сомко́, потомъ на-лѣво, гдѣ стоялъ Бруховецкій, потомъ поклонились въ третью и четвертую стороны. Всѣ мало - помалу умолкли.

КнязьГагинъ перекрестился большимъ Русскимъ крестомъ отъ самой лысины до низко повязаннаго пояса, тряхнулъ въ обѣ стороны сѣдыми кудрями, поднялъ высоко передъ собою грамоту, — два дьяка поддерживали ему руки, — и началъ читать длинный царскій титулъ.

Сельская чернь, стоявшая за Запорожцами, не слыша чтенія, боялась опоздать съ провозглашеніемъ и начала кричать: »Ивана Мартыновича волимъ! Бруховецкаго волимъ!« А задніе ряды ополченія Сомкова, услышавъ этотъ крикъ, начали себѣ кричать: »Сомка́, Сомка́ волимъ гетманомъ!« и по всему полю понесся крикъ, подобный бурѣ, бушующей въ бору. Тогда и ближніе ряды, видя, что чтеніе совсѣмъ заглушено, начали провозглашать гетмановъ, и въ одну минуту крикъ обхватилъ всѣхъ козаковъ отъ самыхъ дальнихъ рядовъ до передняго круга, составленнаго изъ старшинъ.

»Бруховецкаго!« кричали одни.

»Сомка́!« кричали другіе.

»Не удастся свиноѣзду гетмановать надъ нами!«

»Не удастся торгашу пановать надъ козаками!«

»Такъ вотъ же́ тебѣ!«

»Возьми жъ и ты отъ меня!«

И началась драка.

»Стойте! стойте стѣною!« вскричалъ Сомко́ своимъ. »Дадимъ имъ отвѣтъ саблями!«

Но на этотъ крикъ только немногіе обнажили сабли и столпились вокругъ своего гетмана, а прочіе, какъ-бы со страху, потѣснились назадъ крича:

»Не наша сила! не наша сила! въ таборъ! уходите въ таборъ!«

Между тѣмъ Запорожцы схватили Бруховецкаго на руки и бросились толпою къ столу такъ не-

истово, что чуть не сбили съ ногъ и самого князя съ дьяками. Князь Гагинъ, тѣснимый и толкаемый со всѣхъ сторонъ, едва могъ выбраться изъ бурной ихъ толпы и уйти въ царскій шатеръ.

»Гетманъ, гетманъ Иванъ Мартыновичъ!« орали во все горло Запорожцы.

»Дѣти!« вскрикнулъ къ своимъ Шрамъ, »неужели мы потерпимъ такое поруганіе? Долой Иванца! Сомко́ гетманъ! Больше никто!«

И густая толпа, окруживъ Сомка́, начала пролагать себѣ дорогу къ столу саблями. Уже потѣснили противниковъ, уже посадили Сомка́ на столъ. Но Запорожцы напали на гетманскихъ приверженцевъ, какъ злыя осы; одни падали подъ ударами сабель, а другіе наступали по трупамъ падшихъ и бросались съ ножами и дубинами на Сомковыхъ сторонниковъ; сломали его бунчукъ, вырвали изъ рукъ у него золотую булаву. Посмотрѣлъ Сомко́ съ высоты стола — вокругъ него только горсть старшины и козаковъ; далѣе все Запорожцы.

»Эй, братцы«, закричалъ онъ, »полно! нѣтъ здѣсь нашихъ! Мы посреди враговъ!«

Смотрятъ старшины — въ самомъ дѣлѣ, они со всѣхъ сторонъ окружены Запорожцами, которые бушуютъ вокругъ нихъ, какъ море вокругъ пловцевъ. Бруховецкій, сбитый со стола, размахивая булавою, кричитъ:

»Бейте, дѣти, торгаша! шапку червонцевъ за добрый ударъ!«

Сторонники Сомковы поняли тогда опасность своего положенія и, сдвинувшись тѣсно плечемъ къ плечу, начали отступать къ царскому шатру. Тутъ Московская рать, приведенная княземъ Гагинымъ для порядка на раду, заслонила ихъ отъ Запорожцевъ и дала возможность уйти къ лошадямъ, которыя стояли подъ защитою вѣрныхъ козаковъ за шатромъ. Многіе, однакожъ, положили головы на радѣ.

Черевань между тѣмъ, не смотря на суматоху и безпрестанные толчки тѣснящихся вокругъ него козаковъ, продолжалъ не умолкая кричать: «Сомка́, Сомка́ гетманомъ!«

»Что́ это ты горланишь, стоя межь нашими?« вскрикнулъ ему одинъ Запорожецъ-ота́манъ, за которымъ слѣдовала, сверкая глазами, его разъяренная ватага.

»А що жъ, братцы?« отвѣчалъ добродушный толстякъ. »Я своего зятя на всякомъ мѣстѣ готовъ провозгласить гетманамъ.«

»А, такъ это торгашевъ тесть! Бейте его, братцы, бейте эту кабанью тушу!« вскричали Запорожцы, и, можетъ быть, Черевань распрощался бъ тутъ со свѣтомъ, еслибъ не защитилъ его Василь Невольникъ.

»Пугу, пугу!« закричалъ онъ, заслонивъ Череваня. »Головешка! Гаврило! развѣ не узналъ Ва-

силя Невольника? Не трогайте этого пана: онъ на моихъ рукахъ.«

»Эге! вотъ гдѣ встрѣтились!« сказалъ отаманъ, узнавши стараго товарища. »Полно, полно, дѣти! довольно намъ и безъ него работы.«

И свирѣпая толпа двинулась мимо, поражая всякаго, кто былъ не въ голубой лентѣ.

Во время схватки Запорожцевъ съ городовыми козаками у гетманскаго стола, Гвинтовка разыгрывалъ другую часть траги-комедіи. Сѣвъ на коня, котораго провели къ нему весьма ловко козаки, онъ поднялъ вверхъ сребрянный перначъ, съ повязанною на немъ голубою лентою, и, отъѣхавъ нѣсколько отъ побоища, началъ разъѣзжать то́ въ ту, то́ въ другую сторону и кричать:

»Эй, козаки, непустыя головы! Кто не отвыкъ отъ винтовки, ко мнѣ! за мною!«

Козаки, по-видимому, ждали этого сигнала: толпами окружали они Гвинтовку, предоставя Запорожцамъ управляться самимъ съ Сомко́мъ и его вѣрными подручниками, и Гвинтовка направилъ путь свой къ табору, держа высоко надъ головою перначъ съ голубою лентою. За нимъ густыми роями слѣдовали козаки.

Между тѣмъ Сомко́ и его свита, вырвавшись изъ Запорожской кутерьмы, сѣли на коней и также поспѣшали въ лагерь. Къ нимъ присоединились изъ разныхъ полковъ и сотенъ тѣ козаки и старшины, которые или остались вѣрными чести,

или не были введены въ тайны заговора. Мѣщане и мужики, не понимая, что́ передъ ними дѣлается, толкались безсмысленно между козаками. Всё еще не понимая козней, которыя противъ него устроены, Сомко́ въѣхалъ въ лагерь со стороны полка Переяславскаго, а Гвинтовка въ то самое время ввалился со своею ватагою со стороны полка Нѣжинскаго.

Первою заботою Сомка́ было — построить козаковъ въ боевой порядокъ.

»До строю!« кричалъ онъ своимъ старшинамъ. »Пушкари, готовьте пушки! Пѣхота съ ружьемъ станетъ между пушками, а конница по крыльямъ.«

Генеральные старшины, полковники и ихъ подчиненные разъѣхались по полкамъ и сотнямъ строить войско. Не легко было это сдѣлать, потому что нѣкоторые козаки остались на радѣ, другіе замѣшались не въ свои сотни. Сомко́, весь въ жару, разъѣзжалъ промежъ волнующимися сотнями, блестя своимъ сребристымъ панцыремъ. Его занимала одна дума — ударить на Бруховецкаго, разметать его сборище и захватить силою бунчукъ и булаву въ свои руки, когда не стало ни ума, ни справедливости въ Украинѣ.

Но еще старшины не привели въ порядокъ полковъ, еще не вскрикнулъ Сомко́: *рушай!* а уже полкъ Нѣжинскій и двинулся изъ лагеря.

»Э, Васюта не привыкъ слушать старшихъ!«

сказалъ Сомко́. »Ну, ничего, пускай онъ ударитъ первый, а мы поддержимъ его.«

Какъ въ это время прискакалъ на конѣ самъ Васюта: »Бѣда, пане гетмане! вотъ когда наконецъ мы сѣли!«

»Что́? какъ?«

»Теперь-то у насъ *кобйла пóрохъ поïла!* Не я уже полковникъ Нѣжинскій, а Гвинтовка. Посмотри, вонъ онъ надъ козаками перначемъ посвѣчиваетъ!«

За Васютою прибѣжало еще нѣсколько старшинъ Нѣжинскихъ.

»Пропало дѣло!« кричитъ сотникъ Гордій Костомара. »Безъ Нѣжинскаго полка всё равно, что́ безъ правой руки!«

Еще Сомко́ не рѣшился, что́ предпринять ему въ такую трудную минуту, какъ сотни Нѣжинскаго полка подъѣхали къ толпѣ Бруховецкаго, — а Бруховецкій стоялъ посреди своихъ на столѣ подъ войсковымъ знаменемъ и бунчукомъ, — наклоняли одна за другою сотенныя хоругви и, возвратясь назадъ, начали грабить возы полковниковъ и старшинъ, оставшихся вѣрными Сомку́.

Между тѣмъ на другой сторонѣ лагеря произошло также волненіе.

»Какого чорта будемъ ждать?« кричали козаки. »Развѣ того, чтобъ саблею взяли насъ съ безбулавнымъ нашимъ гетманомъ?«

И каждая сотня, схвативъ свое знамя, выступала на поклонъ Бруховецкому.

Тогда Сомкó, видя, что все разстроилось, поскакалъ съ небольшимъ числомъ старшины къ царскому шатру, къ князю Гагину. Входитъ въ шатеръ, — Бруховецкій уже тамъ. Князь поздравляетъ его съ гетманствомъ и вручаетъ ему царскіе подарки. Бруховецкаго окружаютъ Вуяхевичъ и множество бывшихъ сторонниковъ Сомкá съ толпою Запорожцевъ.

»Га-га!« вскрикнулъ счастливый соперникъ, замѣтивши Сомкá, »вотъ какая рыба поймалась! Чтó ты теперь, вельможный безбуланный гетманъ, намъ скажешь?«

Но Сомкó, ничего не слушая, обратился къ князю:

»Князь!« сказалъ онъ громкимъ и смѣлымъ голосомъ, какъ-будто велъ за собою десять полковъ, »развѣ на то тебя царь послалъ въ Украину, чтобъ ты потворствовалъ Запорожскимъ бунтовщикамъ?«

Князь былъ пораженъ внезапнымъ появленіемъ Сомкá и его старшинъ. Онъ еще не опомнился отъ своего испуга и думалъ, что опять начнется между противными сторонами кровавая схватка. Онъ привелъ съ собою сильный отрядъ пѣхоты; но ни онъ самъ, ни его подчиненные не знали, какъ употребить ее въ дѣло при такомъ страшномъ замѣшательствѣ. Московская рать стояла подъ

ружьемъ, какъ оцепенѣлая, не понимая, что̀ вокругъ нея дѣлается и ожидая съ каждой минутою нападенія отъ козаковъ.

»Зачѣмъ же ты привелъ изъ Москвы на нашъ хлѣбъ войско«, продолжалъ Сомко́, »когда оно стоитъ безъ всякаго движенія? Дай мнѣ воеводскую свою палицу, я поведу его на защиту лагеря отъ черни!«

Князь совершенно потерялся и только переступалъ съ ноги на ногу. Но тутъ поддержалъ его Бруховецкій.

»Властью моею гетманскою«, сказалъ онъ, »запрещаю тебѣ, князь, вмѣшиваться въ войсковыя наши дѣла! Козаки сами себѣ судьи: два съ третьимъ дѣлаютъ, что̀ имъ угодно. А возьмите, паны братцы, этого бунтовщика да бросьте въ темницу.«

»Такъ нѣтъ ни въ комъ правды«, сказалъ Сомко́, »ни въ своихъ, ни въ чужихъ?«

А Бруховецкій ему:

»Есть въ свѣтѣ правда, пане Сомко́, и она покарала тебя за твою гордость. Возьмите его, братчики, да закуйте въ цѣпи.«

»Пане гетмане!« сказали тогда Сомку́, окруживъ его, старшины, »лучше намъ положить здѣсь всѣмъ головы, нежели отдать тебя врагу на поруганіе!«

Заплакалъ Сомко́, въ отвѣтъ на это предложеніе, и сказалъ:

»Братцы мои! стóитъ ли думать теперь о моемъ поруганіи, когда злой врагъ мой наругался надъ честью и славою отчизны! Пропадай сабля! пропадай и голова! Пропадай, несчастная Украина!«

И, вынувъ изъ золотыхъ ноженъ саблю, бросилъ ее на землю. Всѣ друзья его сдѣлали то же. Горько заплакали нѣкоторые изъ нихъ и сказали:

»Боже правосудный! пусть наши слезы падутъ на голову нашему губителю!«

Возвеселился тогда Бруховецкій; тотъ-часъ велѣлъ взять подъ стражу Сомкá, Васюту, полковниковъ — Черниговскаго Силича, Лубенскаго Засядку и всѣхъ бывшихъ при нихъ старшинъ, а Вуяхевичу приказалъ писать въ Москву донесеніе, что будто-бы Сомкó съ своими приверженцами бунтовалъ противъ царя народъ, хотѣлъ возстановить Гадячскіе пункты и вызывалъ Орду въ Украину.

Князь Гагинъ тоже хлопоталъ, какъ бы не дошло до царя, что онъ содѣйствовалъ Бруховецкому въ его козняхъ противъ Сомка. Для этого онъ описалъ царю Сомкá и его приверженцевъ самыми черными красками, а о Бруховецкомъ донесъ, что онъ »хоть не ученъ, да уменъ, и ужесть какъ воровать и исправенъ. Посадивши его на границахъ, можно спать въ Москвѣ безъ торопливости.«

Пока войсковая канцелярія и Московскіе дьяки занимались составленіемъ бумагъ, князь повелъ

Бруховецкаго и его старшину въ соборную Нѣжинскую церковь къ присягѣ; а послѣ присяги новый гетманъ пригласилъ князя и его свиту къ себѣ на обѣдъ, въ домъ къ бурмистру Колодію Тамъ мѣщане приготовили богатый пиръ Бруховецкому и его старшинамъ.

ГЛАВА XV.

Ой идуть наші Запорозці,
Ажъ рипліять сапьянці....
Да лежять, лежять пани въ кирмазинахъ
По два й по три въ ямці,
Ой якъ крикнуть полковники
На сотниківъ грізно:
»Ой не тратьте, вражі сини,
Козацького війська!«
— »Ой ради бъ ми не тратити —
Не можна спинити:
Наважились вражі сини
Й ноги не пустити.«

Народная пѣсня.

Отвязавшись отъ Запорожцевъ, Черевань на-силу перевелъ духъ, отъ усталости и волненія.

»Бгатъ Василь!« сказалъ онъ, »давай мнѣ скорѣе коня. Чортъ возьми эту раду! Вотъ не въ добрый часъ надоумило меня ѣхать съ этимъ бѣшенымъ Шрамомъ!«

Василь Невольникъ отправился за конями, но кругомъ происходила такая суматоха, что онъ со-

всѣмъ потерялся и, подобно щепкѣ на волнахъ, былъ увлекаемъ тó въ одну, тó въ другую сторону. Долго ждалъ его Черевань, а тутъ буря становится всё сильнѣе и сильнѣе; со всѣхъ сторонъ его тѣснятъ, толкаютъ; потъ катится съ него градомъ.

»Гдѣ это нечистый подѣлъ моего Василя!« говорилъ онъ въ досадѣ. »Бгатіку Петрусь, не оставляй хоть ты меня. Ой, когдабъ мнѣ добраться по-живу, по-здорову въ свое Хмарище! созывай тогда себѣ раду, кто хочетъ!«

Когда жъ провозгласили Запорожцы Бруховецкаго гетманомъ, толпа тотъ-часъ сдѣлалась тише. Сперва Гвинтовка отвелъ своихъ единомышленниковъ къ лагерю, потомъ отошли туда и другіе полки Сомковы. Только Запорожцы шумѣли и волновались вокрутъ гетманскаго стола, какъ злыя осы вокругъ гнѣзда своего, да поселяне гудѣли по всему полю, какъ трутни. Съ полъ-часа никто изъ этого сброду не зналъ, чтó дѣлается передъ ихъ глазами въ козацкомъ войскѣ. Поклонъ сотень Сомковыхъ Бруховецкому показался имъ началомъ сраженія, и многіе постарались заблаговременно обезопасить себя бѣгствомъ. Только когда двинулся Бруховецкій съ княземъ и со всѣми Московскими и козацкими силами въ Нѣжинъ, по всему полю раздались восклицанія черни:

»Хвала Богу! хвала Богу! нѣтъ теперь ни па-

на, ни мужика, нѣтъ ни убогихъ, ни богатыхъ! всѣ заживемъ въ довольствѣ!«

»Что́ жъ, братцы?« говорили иные, »пойдемте панскимъ добромъ дѣлиться. Теперь пановъ полонъ городъ.«

»Э, будетъ еще время погулять по городу! Вонъ козаки въ Сомковомъ таборѣ хозяйничаютъ. У Сомковой старшины, говорятъ, полны возы однихъ карма́зиновъ.«

»Ну, кто куда хочетъ. Вездѣ будетъ обо что́ погрѣть руки.«

И одна часть алчнаго на добычу сброду толпами бросилась къ городу, а другая къ Сомкову табору. Поле однакожъ не опустѣло. Многіе, въ упоеніи радости, позабыли о добычѣ, которою приманилъ ихъ сюда Бруховецкій, и, нанявъ музыкантовъ, водились съ танцами по всему полю. Веселость ихъ въ такую смутную годину, звонъ музыки, топотъ танцевъ и радостные припѣвы заставляли Петра и Череваня еще сильнѣе чувствовать горесть. Они одни были здѣсь свободны отъ чаръ, которыми упоилъ Бруховецкій козаковъ, мѣщанъ и мужиковъ; они съ нетерпѣніемъ желали выпутаться изъ этого омута и только ждали, пока Василь Невольникъ возвратится съ лошадьми.

Не прошло съ полъ-часа, какъ валятъ опять толпы народу со стороны города, а на-встрѣчу имъ другія, со стороны лагеря.

»Куда вы?« спрашиваютъ.

»А вы куда?«

»Мы въ таборъ.«

»А мы въ городъ.«

»Э, чорта-съ-два!«

»Какъ?«

»Такъ, не пускаютъ! Московская сторожа не пускаетъ нашего брата въ городъ.«

»Напрасно жъ и въ таборъ будете соваться. Козаки сами тамъ хозяйничаютъ, а нашему брату даютъ оглоблею по шеѣ.«

»Что жъ это? Неужели это насъ козаки *убрáли въ шóры?*(¹)«

»Видно, не хуже, какъ и *Выговскій Москву!*«

Тутъ подбѣжали новыя толпы:

»Бѣда!« кричатъ, »пропало дѣло! Слышали вы, чтó говорятъ Запорожцы?«

»А чтó жъ они говорятъ?«

»А вотъ чтó. Сунулись иные изъ нашихъ черезъ огороды да давай хозяйничать въ панскихъ дворахъ; такъ братчики ихъ кіями по спинѣ: »Убирайтесь«, говорятъ, »къ нечистой матери, мужичье неумытое!« да и прогнали за городъ. Начали было наши упрямиться, начали говорить: »Мы жъ теперь всѣ равны!« — »Вотъ мы васъ«, говорятъ, »поравняемъ нагайками! Убирайтесь, »вражьи дѣти, за добра ума, по своимъ селамъ, »пока не узнали, *по чімъ ківшъ лйха!*«

(¹) Обманули.

»Эге, такъ вотъ какая намъ благодарность!« закричали предводители (у каждой толпы былъ свой предводитель). »Стойте же, братцы! Когда мы помогли кому-нибудь взобраться на гетманскій столъ, такъ съумѣемъ и со стола спихнуть. Сбирайтесь въ полки, кричите опять *въ раду!* освободимъ Сомка́ и Васю́ту изъ неволи! съ ними все еще можно поправить!«

Взволновался народъ, поднялся новый говоръ, раздались новые крики; но ничего изъ всего этого не вышло. Толпа потеряла уже прежній энтузіазмъ. Нѣкоторые подумавши сказали:

»Нѣтъ, видно, напрасно перемѣшивать тѣсто, посадивши въ печь хлѣбы. Какіе посадили, такіе и спекутся. Будетъ съ насъ и того, что потанцовали дня два съ Запорожцами.«

Другіе по-неволѣ должны были согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

»Напрасно, напрасно!« кричали они. »Ничего изъ этого не будетъ. Козаки теперь будутъ стоять одинъ за другого дружно; погрѣютъ только намъ бока, да съ тѣмъ и домой воротимся. Лучше убраться по-добру, по-здорову.«

Между тѣмъ иные вели между собою такую бесѣду:

»Я таки схватилъ себѣ съ одного воза въ таборѣ сало; будетъ жінці да дѣтямъ до Филиповки.«

»А я мѣшокъ пшена. Колибъ только пособилъ кто-нибудь дотащить до хутора.«

»Ге, что́ ваше сало да пшено! Мнѣ вонъ посчастливилось было добыть жупанъ такой, что́ пары воловъ стоилъ; да вражій козакъ далъ ке́лепомъ по рукѣ такъ, что не хотѣлъ бы и шестерни. Теперь подъ косовицу какъ разъ это кстати. Люди будутъ зарабатывать, а я носись съ рукою. Вотъ тебѣ и рада!«

»Уберемся, уберемся отсюда, пока еще и ногъ намъ не перебили, какъ свиньямъ въ огородѣ. Правду сказать, не на доброе мы дѣло пустились. Лучше сдѣлали наши сосѣди, что не послушали Запорожцевъ. Теперь стыдно и въ село показаться. Будутъ дразнить черною радою до-вѣку.«

И началъ расходиться изъ-подъ Нѣжина народъ. Замолкла музыка, прекратились танцы и радостныя восклицанія по полю. Скоро всѣ до послѣдняго смекнули, что веселиться не отъ чего.

Еще не все поле очистилось отъ поселянъ, какъ сцена на немъ опять перемѣнилась. Начали разъѣзжаться изъ Нѣжина паны, съѣхавшіеся сюда по случаю рады. Иной привезъ съ собою жену и дочерей, разсчитывая весьма благоразумно, что, при такомъ стеченіи въ Нѣжинъ козачества, скорѣе Богъ пошлетъ суженаго, нежели въ хуторскомъ захолустьи. Но тутъ не свадьба имъ готовилась. Войсковая чернь, особливо Запорожская, напала на ихъ квартиры и дворы по-непріятельски и начала грабить всѣхъ, у кого не было въ сорочкѣ голубой ленты. Тогда паны рады были

какъ-нибудь убраться изъ города; только это не всѣмъ удавалось. Иные, защищая свое семейство и имущество, сложили тутъ же голову, а дочерей ихъ насильно козаки расхватали себѣ въ жены. Но и тѣ, кому посчастливилось выбраться за заставу, не были въ безопасности. За ними долго еще гнались по полю Запорожцы.

Мѣсто, гдѣ происходила рада, сдѣлалось теперь позорищемъ безчеловѣчнаго убійства и грабительства. Ѣдетъ, на-примѣръ, въ *кóванной* брикѣ панъ и держитъ обнаженную саблю или ружье на-готовѣ; слуги его верхомъ окружаютъ брику; а за ними, то приближаясь, то отдаляясь, то заѣзжая съ-боку, гонятся, на мѣщанскихъ лошадяхъ, безъ сѣделъ, Запорожцы. Ни выстрѣлы, ни сабельные удары не останавливаютъ ихъ; одинъ падаетъ, а другой лѣзетъ еще съ бóльшимъ остервененіемъ. Слуги сперва держатся вокругъ своего пана крѣпко, но когда падетъ и съ ихъ стороны два-три человѣка, бодрость ихъ оставляетъ, и они разсыпаются врозь. Тогда Запорожцы останавливаютъ лошадей и рубятъ колеса, опрокидываютъ повозки, сдираютъ съ пановъ дорогіе кармáзины. По полю валялся не одинъ *кованный возъ* съ раненными конями, не одна жена оплакивала убитаго мужа, не одинъ панъ горько оканчивалъ жизнь, истекая кровью. Разломанные сундуки, разбросанныя одежды, кровавыя и изорванныя, летящій по вѣтру пухъ изъ распоротыхъ подушекъ (въ

которыхъ Запорожцы искали денегъ) довершали ужасную картину. Черевань, глядя на все это, вздрагивалъ отъ ужаса: еслибъ Гвинтовка не обезопасилъ его голубою лентою, не миновать бы и ему такой участи.

Но не всѣ паны подвергались такимъ бѣдствіямъ. Нѣкоторые давали добрый отпоръ Запорожскимъ разбойникамъ; другіе бросали имъ изъ сундуковъ одежды, и такимъ образомъ отъ нихъ отдѣлывались, но не совсѣмъ однакожъ: схвативъ добычу, Запорожецъ подкладывалъ ее подъ себя вмѣсто сѣдла и продолжалъ гнаться за повозкою.

»Эй, люди добрые!« кричали паны поселянамъ, которые, подобно оторопѣвшимъ овцамъ, бродили по полю, »защитите насъ, ато и вамъ то же дудетъ!«

И озлобленные Запорожцами поселяне, гнушаясь ихъ кровавою потѣхою, брали подъ свою защиту преслѣдуемыхъ пановъ и окружали ихъ повозки. Если жъ иной негодяй и тутъ не отставалъ еще, они пускали въ дѣло свое дубье и косы, такъ что не одинъ поплатился жизнью за свою дерзость.

Нѣкоторые прибѣгали еще къ одному средству спасенія: переодѣвшись изъ кармáзиновъ въ сермяги, вмѣшивались въ толпы простолюдиновъ и пробирались домой пѣшкомъ, а лошадей и все, чтó при себѣ имѣли, бросали въ городѣ, на поживу Запорожцамъ и войсковой черни.

Тогда-то поселяне поняли, въ какія сѣти запуталъ ихъ Бруховецкій, и начали собираться вокругъ пановъ, провожая ихъ домой и охраняя потомъ ихъ хутора и сельскіе дворы; а паны начали придумывать средства, какъ бы освободить Украину отъ Бруховецкаго и его клевретовъ.

Смотритъ Черевань — ѣдетъ изъ Нѣжина и Тарасъ Сурмачъ. Запорожцы не трогаютъ его, потому что у него въ сорочкѣ голубая лента. Въ повозкѣ съ нимъ сидитъ еще съ полъ-десятка мѣщанъ.

»Ге-ге!« сказалъ онъ съ горькимъ смѣхомъ Черевaню, »вотъ какъ наши поживились!«

»А что̀ тамъ, братъ?«

»Да что̀! Запорожскіе братчики такъ насъ одолжили, что мы только ушами захлопали.«

»А что̀ жъ они вамъ, братъ?«

»Да что̀! Довольно съ тебя того, что у бурмистра Колодія расхватали кубки, сребряныя коновки, ковши, что̀ мѣщане снесли со всего города на гетманскій бенкетъ. Сталъ бурмистръ ихъ бранить, называть ворами, разбойниками, такъ едва и самъ не *наложи́лъ голово́ю*. »Не называй«, говорятъ, »козака воромъ! Теперь уже«, говорятъ, »миновалось *это мое, а то твое*; все »теперь общее; свое добро, а не чужое разобрали »добрые молодцы со стола.« Вотъ тебѣ и вольность, которою поманилъ насъ Бруховецкій! вотъ и защита отъ городовой старшины! Это жъ еще

не все. Тутъ одни у бурмистра пирують, а тамъ голота разбрелась по городу да давай въ *крамныхъ комбрахъ* (1) хозяйничать. Все изъ коморъ растаскали. Мѣщане къ гетману съ жалобою, а тотъ смѣется: »Развѣ жъ вы, вражьи дѣти«, говоритъ, »не знаете, что теперь мы всѣ, какъ »родные братья? все у насъ теперь общее.« Такъ-то *убрали* насъ въ *шóры* Запорожскіе братчики. Я съ своими бурмистрами вижу, что бѣда, собрался да скорѣй домой, чтобъ и у насъ въ Кіевѣ не сдѣлалось все общимъ.«

»Бгатцы!« сказалъ Черевань, выслушавъ разсказъ своего земляка, »въ проклятую годину выѣхали мы изъ дому! Когдабъ у меня тутъ не жінка да не дочка, то и я сѣлъ бы съ вами да и убрался бъ изъ этого аду! Нужно ихъ захватить да вывезти отсюда.«

»Да и хорошо сдѣлаешь, добрóдію, когда захватишь поскорѣе. Я слышалъ, что гетманъ просваталъ твою панну у Гвинтовки за своего писаря. Есть слухъ, что хочетъ переженить и всѣхъ своихъ бурлакъ на панянкахъ.«

»Чорта-съ-два просватаетъ!« заревѣлъ тутъ кто-то, какъ изъ бочки, густымъ басомъ.«

Черевань оглянулся — передъ нимъ Кирило Туръ на своемъ ворономъ конѣ, въ сопровожденіи десяти товарищей.

(1) Лавкахъ съ товарами.

»Чорта-съ-два просватаетъ!« повторилъ онъ. »Уже кому что, а Череванівна будетъ моя. Пускай же не даромъ били меня за нее кіями!«

»Кирило!« вскрикнулъ Петро́. »Кирило Туръ! слышишь ли?«

»Нѣтъ, не слышу«, отвѣчалъ юродивый Запорожецъ, проѣзжая мимо. »Какой я Туръ? Развѣ ты не видишь, какъ теперь все перевернулось? Кого звали недавно еще пріятелемъ, того зовутъ теперь врагомъ; богатый сталъ убогимъ, а убогій богатымъ; жупаны превратились въ сермяги, а сермяги въ карма́зины: какъ же ты хочешь, чтобъ только Туръ остался Туромъ? Зови меня или быкомъ, или козломъ, только не Туромъ.«

»Да полно, ради Бога! до шутокъ ли теперь? Скажи, на милость Божію, неужели ты опять возвратился къ своей старой затѣѣ?«

»Это ты о Череванівнѣ намекаешь? А почему жъ не возвратиться? Сомко́ твой уже у чорта въ зубахъ; не бойсь, не вырвется изъ лапъ у Иванца! такъ кому жъ больше, если не Кирилу Туру, достанется Череванівна? Ты, можетъ, думаешь, *тебѣ* оставлю? Нашелъ дурака!«

И помчался съ своей ватагою къ хутору Гвинтовки, оставивъ Петра въ величайшемъ горѣ.

Черевань тоже стоялъ, какъ окаменѣлый. Въ этотъ день произошло столько дивнаго, ужаснаго и потрясающаго душу, что добрый человѣкъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Все, что онъ

видѣлъ и слышалъ, очень похоже было на неестественныя событія, вяжущіяся одно съ другимъ въ тяжеломъ снѣ. Умъ его былъ всѣмъ этимъ наконецъ до того подавленъ, что онъ не могъ ни о чемъ думать, и стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, устремивъ безъ смыслу глаза на удаляющагося отъ него Тараса Сурмача съ его бурмистрами.

Въ эту минуту очень кстати явился Василь Невольникъ съ лошадьми. Петро́ вскочилъ тотъ-часъ на сѣдло и, не ожидая Череваня, поскакалъ за Кириломъ Туромъ; но тутъ перерѣзалъ ему дорогу старый Шрамъ.

»Куда это ты мчишься, сынку?«

»Тато! Запорожцы опять хотятъ украсть Череванівну!«

»Оставь теперь и Череванівенъ, и всѣхъ! Пусть себѣ крадутъ и грабятъ, что́ хотятъ! Ступай за мною: намъ тутъ нечего больше дѣлать: заклевалъ воронъ нашего сокола.«

Что́ было на это отвѣчать старому, поверженному въ горесть отцу? Петро́, сдѣлавъ надъ собою усиліе, послѣдовалъ за нимъ молча; но сердце его какъ-будто разорвалось на двое.

»Бга́тіку!« послышался въ это время сзади голосъ Череваня, »постой, дай хоть посмотрѣть на тебя.«

Шрамъ долженъ былъ остановиться.

»Гдѣ это ты, бгатъ, былъ въ эту бурю?«

»Что́ о томъ спрашивать? Прощай, намъ некогда.«

»Да постой же! куда жъ это вы? Ну, бгатъ, вотъ я съ тобою и на радѣ былъ, — чтобъ ее никогда больше не видѣть! а что́ изъ того вышло? Только бока натолкали да одинъ разбойникъ едва не послалъ на тотъ свѣтъ! Что́ жъ ты еще мнѣ прикажешь дѣлать?«

»Ничего больше. Поѣзжай себѣ съ Богомъ въ Хмарище.«

»А не будешь больше называть меня Барабашемъ?«

»Теперь Барабашей полна гетманщина!«

»Ей Богу, бгатъ, я кричалъ: *Сомка́!* такъ, что чуть не треснулъ. Эхъ, въ несчастную минуту выѣхали мы изъ Хмарища! Какъ-то моя Леся услышитъ про эту раду!... Постой! Куда жъ это вы, бгатцы?«

»Куда мы ѣдемъ, тамъ не бывать тебѣ.«

»Да, правду сказать, бгатъ, слава Богу, что и не бывать! Хорошо погуляли и подъ Нѣжиномъ! вотъ до котораго часу толкаюсь не обѣдавши!«

»Ну, поѣзжай же себѣ обѣдать, не задерживай насъ напрасно. Прощай, не поминай насъ лихомъ.«

»Прощайте и вы, бгатцы! да заѣзжайте при случаѣ въ Хмарище; можетъ быть, еще разъ ударимъ лихомъ объ землю.«

»Нѣтъ уже! теперь насъ больше не увидите, развѣ услышите про насъ. Прощай на-вѣки!«

Пріятели обнялись и поцѣловались. Петро́ крѣпко сжалъ Череваня прощаясь, и тотъ, какъ-бы понявъ его чувство, сказалъ:

»Ой, бга́тіку! не лучше ли было бы, колибъ мы не гонялись за гетманами!«

Съ тѣмъ и разъѣхались. Шрамъ поворотилъ на Козелецкую дорогу, а Черевань, въ сопровожденіи Василя Невольника, возвратился въ хуторъ своего родственника. Василь Невольникъ до самого хутора отиралъ рукавомъ слезы.

ГЛАВА XVI.

Настáне судъ, заговóрять
И Дніпрó, и гóри,
И потечé сторіками
Кровъ у сúне мóре
Дітéй вáшихъ, и не буде
Комý помагáти;
Одцурáетця брáтъ брáта
И дитúни мáти;
И димъ хмáрою застýпить
Сонце передъ вáми,
И на-віки прокляне́тéсь
Своіми синáми!

Шевченко.

Между тѣмъ новый гетманъ пировалъ въ Нѣжинѣ. Возлѣ него сидѣли Московскіе послы. Ихъ сановитая наружность рѣзко противорѣчила плутоватой минѣ Бруховецкаго и дикости ухватокъ и рѣчей Запорожскихъ его старшинъ. Казалось бы, этимъ людямъ никогда не сойтись на общій пиръ; но такова сила корыстолюбія, что сановитые вель-

можи не устыдились подружиться съ безчестными разбойниками, а людей, которые сдѣлали бы имъ честь своею дружбою, предали поруганію и тиранству. За золото Бруховецкаго они безстыдно обманывали своего царя, который во всемъ на нихъ полагался, и сдѣлались причиною послѣдовавшихъ скоро за тѣмъ между Россіею и Украиною войнъ, которыя погубили множество народу съ той и съ другой стороны и на-долго поселили племенную непріязнь и отчужденіе.

Тутъ же за столами сидѣли и городовые старшины, тайно продавшіе Бруховецкому Сомка́ и его пріятелей. Теперь, слушая неистовыя рѣчи Запорожцевъ, они невольно вспоминали пиры Сомковы, на которыхъ слышались толки о доблестяхъ козацкихъ, о лучшемъ устройствѣ Украины, и не одинъ изъ нихъ, подобно Іудѣ, почувствовалъ, что́ онъ сдѣлалъ; но уже поправить дѣло было не возможно; по-неволѣ должны были брататься съ разбойниками. А тѣ сидятъ въ чужихъ жупанахъ, то́ слишкомъ узкихъ, то́ слишкомъ широкихъ, пьютъ горілку, какъ воду, и въ шумномъ крикѣ хвалятся самыми варварскими дѣлами.

Князь Гагинъ съ удивленіемъ посматривалъ на пирующихъ. Послѣ чинныхъ Московскихъ обѣдовъ, этотъ пиръ казался ему настоящимъ Содомомъ.

»Неужто у васъ въ Сѣчи всегда такъ шумно пируютъ?« спросилъ онъ у Бруховецкаго.

Но прежде нежели гетманъ собрался съ отвѣ-

томъ, одинъ изъ братчиковъ грубо вмѣшался въ бесѣду и отвѣчалъ за гетмана извѣстными стихами:

Въ насъ у Січі то и розумъ, хто *Отче-нáшъ* знáе;
Якъ у-рáнці встáвши, вмиетця, то чáрки шукáе;
Чи чáрка то, чи ківшъ бýде, не глядить переміни,
Глáдко пьють, якъ зъ лýка бьють до ночнóі тіни.

Когда же Запорожцы начали расхватывать со стола мѣщанское сребро, князь испугался не на шутку и тотъ-часъ простился съ Бруховецкимъ. А Бруховецкій того только и ждалъ. Ему хотѣлось остаться безъ чужихъ, съ своими козаками: не все еще онъ кончилъ.

Распрощавшись съ княземъ и его свитою за воротами, онъ хотѣлъ воротиться на дворъ, какъ увидѣлъ приближающихся къ себѣ двухъ Запорожскихъ стариковъ съ молодымъ братчикомъ посрединѣ. Взявши съ двухъ сторонъ за воротъ, они вели его черезъ городскую площадь, сурово поводя изъ-подъ сѣдыхъ бровей глазами, подобро волкамъ, которые, схвативъ гдѣ-нибудь подъ селомъ неосторожную хавронью, ведутъ за уши въ лѣсъ на расправу.

»Гдѣ это вы, батькú, бродили до сихъ поръ?« спросилъ ихъ Бруховецкій.

»Да вотъ, видишь ли, за этимъ негодяемъ и обѣдъ потеряли.«

»Чтó жъ онъ?«

»Эге, чтó! тутъ такого стыда надѣлалъ товариству, что срамъ и говорить! Повадился вражій

сынъ ходить къ ковалихѣ. У Гвинтовки подъ хуторомъ коваль живетъ, такъ онъ туда и повадился.«

»Такъ это вы поймали его на *горячому вчинку?*

»Сцапали, пане гетмане, такъ, какъ кота надъ саломъ. Намъ уже давно донесено, что Сенчило скачетъ въ гречку. Э, постой же, вражій сынъ! дай намъ тебя подсмотрѣть! да уже и не спускали съ него глазъ. Что́ жъ? тутъ добрые люди на радѣ гетмана избираютъ, а онъ, негодный, шмыгъ да къ ковалихѣ. А мы за нимъ на́глядкомъ. »Отвори!« Не отворяетъ. — »Отвори!« Не отворяетъ. Мы разломали дверь, а онъ поганый тамъ, какъ боровъ въ берлогѣ....«

»Что́ жъ вы это думаете дѣлать съ нимъ?«

»А что́ жъ больше, если не кіями? Только уже этого не такъ, какъ Кирила Тура. Это̆му нужно такъ нагрѣть бока, чтобъ не топталъ больше травы.«

Запорожцы столпились вокругъ разговаривающихъ и вытянули шеи, слушая, что́ скажетъ гетманъ. А Бруховецкій, прежде нежели изрѣчь рѣшеніе, окинулъ глазами окружавшую его толпу, и, видно, взглядъ его былъ понятъ нѣкоторыми, потому что ему отвѣчали значительною усмѣшкою.

»Ударить на раду!« сказалъ онъ.

И не прошло минуты, какъ окличники начали кричать обычный зовъ, ходя по базару, а посреди площади войсковой до́вбышъ началъ бить въ литавры.

Запорожцы сходились со всѣхъ сторонъ на вѣчевой призывъ съ необыкновенною поспѣшностью, такъ что, пока городовые козаки собрались на площади, они успѣли составить изъ однихъ себя въ нѣсколько рядовъ вѣчевой кругъ и пропустили въ средину его только гетмана, старшинъ да стариковъ съ обвиненнымъ.

Когда гетманъ сталъ на своемъ мѣстѣ, подъ бунчукомъ и знаменемъ, всѣ умолкнули, прислушиваясь, чтó будутъ говорить старѣйшины. Вотъ и выступилъ на средину одинъ изъ обвинителей козака Сенчила; но лишь хотѣлъ раскланяться на всѣ стороны, какъ Иванъ Мартыновичъ велѣлъ ударить въ сребряные гетманскіе бубны и открылъ раду собственною рѣчью.

»Паны полковники, осаулы, сотники и вся старшина, и вы, братчики Запорожскіе, и вы, козаки городовые, а особливо вы, мои Низовые дѣтки! къ вамъ теперь обращаю я слово. Когда заохочивалъ я васъ идти со мною въ Украину на волю и на роскошь, неужели я тогда противъ васъ злоумышлялъ? неужели я думалъ тогда кормить васъ тутъ кіями, а поить на привязи къ столбу? Охъ, Боже мой, Боже! я сердца своего оторвалъ бы кусокъ да далъ моимъ дѣткамъ; а тутъ сѣдыя Сѣчевыя головы всё кіи да кіи вымышляютъ! И за чтó жъ долженъ погибнуть хоть бы и этотъ несчастный Сенчило? (Сенчило стоялъ посреди круга.) За то, что случилось, можетъ быть, разъ на вѣку вскочить въ

гречку! Какой же его бѣсъ удержится, когда мы здѣсь безпрестанно ходимъ посреди пашни? Хорошо было карать такъ въ Сѣчи, а тутъ придется намъ за женщинъ перегубить всѣхъ братчиковъ. Какъ вамъ кажется, панове молодцы, правду я говорю, или нѣтъ?«

И Запорожцы со всѣхъ сторонъ заревѣли:

»Святую правду, пане гетмане! святую правду!«

»А вамъ какъ кажется, батьки?« спросилъ гетманъ у стариковъ.

Но старики, пораженные его рѣчью, стояли, потупя головы, и ничего не отвѣчали. Долго размышляли, стоя посреди безмолвствующей рады, сѣдые патріархи, долго посматривали одинъ на другого, качая головою и какъ-бы не вѣря ушамъ своимъ; наконецъ одинъ изъ нихъ, именно батько Пугачъ, выступилъ нѣсколько впередъ и сказалъ:

»Видимъ, видимъ, вражій сынъ,—нужды нѣтъ, что ты гетманъ, — до чего мы у тебя дожили! *Убралъ* ты насъ *въ шоры*, какъ самъ захотѣлъ! Вывезли мы тебя на своихъ старыхъ плечахъ въ гетманы, а теперь ты уже безъ насъ думаешь править Украиною! Но не долго будешь править! я тебѣ говорю! Когда началъ брехать, какъ собака, то и пропадешь, какъ собака! я тебѣ говорю, что пропадешь, какъ собака!«

»Потише, батько!« вскричалъ Бруховецкій. »Что̀ это ты распустилъ морду, какъ халяву? да это не Сѣчь: тутъ тебѣ гетманъ не свой братъ!«

»Вотъ какая намъ честь за наши труды!« говорили огорченные старики. »Умно, значитъ, совѣтовали намъ въ Сѣчи: »Эй, не слушайте, батьки, этого пройдохи! *подвезетъ* онъ вамъ *Москаля!*« А мы всё еще не вѣрили, всё думали, авось либо съ помощью Божіею заведемъ и въ Украинѣ такой порядокъ, какъ въ Запорожьи!«

»О, головы вы заплѣснелыя!« сказалъ Бруховецкій, »Какого жъ бы тутъ ожидать порядка, когдабъ Запорожская Сѣчь была посреди женатаго народа? Вы думаете, для всякаго это такіе жъ пустяки, какъ для вашихъ старыхъ костей; а мы-то иначе себя чувствуемъ.... Не Москаля я вамъ везу, а дѣлаю дѣло по правдѣ, такъ что ни одинъ братчикъ на меня не пожалуется. Въ Запорожьи, посреди степи, нужно бурлачить, а въ мірѣ нужно жениться да хозяйничать.«

»Но развѣ ты намъ не говорилъ, окаянный, когда подговаривалъ насъ идти съ собою въ гетманщину: »Пойдемъ, батьки, со мною, мы заведемъ Запорожье по всей Украинѣ?« Развѣ ты не говорилъ, что Сѣчь будетъ Сѣчью, а Запорожцы будутъ судить и рядить по своимъ обычаямъ всю гетманщину?«

»Говорилъ и, какъ обѣщалъ, такъ и исполнилъ. Сами видите, что Запорожцы теперь первые паны въ гетманщинѣ; подѣлалъ я ихъ сотниками и полковниками; будутъ они судить по Запорожскимъ обычаямъ всю Украину. Уже и теперь нѣтъ ни

у мѣщанина, ни у мужика — *это мое, а это твое:* все стало общее; козакъ вездѣ хозяйничаетъ, какъ въ собственномъ карманѣ. Чего жъ вамъ еще хочется? чтобъ я за пустяки колотилъ кіями братчиковъ? Нѣтъ, этого не будетъ: я не врагъ своимъ дѣткамъ.«

»За пустяки? такъ это у тебя теперь пустяки? На чемъ держится Сѣчь и славное Запорожье, то обратилъ ты теперь въ шутку?«

»Пускай себѣ держится, когда хочетъ; а мы межъ людьми будемъ жить по-людски; а кому у насъ не правится, тотъ иди себѣ въ Сѣчь ѣсть сухую рыбу съ квасомъ.«

»Мы таки и пойдемъ, вражій сынъ! ты насъ колѣномъ не толкай. Только хорошо помни, что брехнею свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься! Плюйте, братцы, на его гетманство! пойдемте къ своимъ Низовымъ куренямъ. Гей, дѣти, кто за нами?«

Сѣчевые батьки́ думали, что на этотъ окликъ такъ и посыплются изъ рядовъ братчики; но добрые молодцы молчали, какъ нѣмые, и прятались одинъ за другого.

»Кто за нами?« вскрикнулъ еще разъ батько Пу́гачъ. »Кому любо съ нечестивцемъ погибать въ грѣхахъ, тотъ оставайся тутъ; а кто не хочетъ потерять золотой своей славы, тотъ гайда съ нами за Пороги!«

Но и на вторичный вызовъ никто ни съ мѣста.

»Такъ вы, значитъ, всѣ однимъ мvромъ мазаны?« сказалъ батько Пу́гачъ. »Пропадайте жъ, поганые! Увидите, до чего вы доживетесь на Украинѣ съ такою правдою. Не долго попануете! Поднимутся и противъ васъ такъ, какъ противъ Сомка́ да Васюты! И не просите тогда у насъ помощи, ледащи́цы! Хоть пускай мимо самой Сѣчи плывутъ по Днѣпру ваши тѣла, не двинемся вамъ на помочь! Хоть огнемъ тутъ горите, не придемъ гаситъ пожаръ! Пропадете собаками, когда вздумали жить по-собачьи, и дѣти ваши не помянутъ васъ добрымъ словомъ! Погибайте жъ тутъ, коли такъ захотѣли! Чтобъ васъ такъ счастье и доля покинули, какъ мы васъ покидаемъ! Тьфу! плюю и на тотъ слѣдъ, который топталъ я для негодяевъ! Плюйте и вы, братцы!« обратился батько Пугачъ къ своимъ товарищамъ. »А на прощанье скажемъ этому Ироду, чего мы ему желаемъ: оно жъ его и не минуетъ!«

И начали старики одинъ за другимъ выходить изъ вѣчеваго круга. И первый, выходя, оборотился, плюнулъ на свой слѣдъ и сказалъ:

»Чтобъ тебя побилъ неслыханный срамъ, что ты посрамилъ нашу старость!«

И другой плюнулъ и сказалъ:

»Чтобъ на тебя образа́ падали!«

И третій, оборотясь, плюнулъ и сказалъ:

»Чтобъ тебя пекло́ да морило! чтобъ ты не зналъ покою ни днемъ, ни ночью!«

И четвертый:

»Чтобъ тебя окаяннаго земля не приняла!«

И пятый:

»Чтобъ ты на страшный судъ не всталъ! (1)«

И, вышедши изъ собранія, тотъ-часъ велѣли сѣдлать лошадей, и уѣхали со своими чурами изъ Нѣжина.

А Бруховецкому того только и хотѣлось. Посмѣявшись вдоволь съ своими хмѣльными клевретами, онъ сказалъ:

»Ну, теперь, братчики, намъ своя воля. Отдѣлались мы отъ глупыхъ мужиковъ, отдѣлались отъ мѣщанъ, спровадили и старыхъ хрычей къ нечистой матери. Теперь пейте, гуляйте и веселитесь! А меня что-то ко сну клонитъ. Пойду, немного отдохну. — Петро Сердюкъ, проведи, братъ, меня домой.«

И пошелъ Бруховецкій къ своему гетманскому двору, опираясь на крѣпкаго приземистаго козака и едва передвигая ноги. Запорожцы, глядя ему въ-слѣдъ, слегка подсмѣивались.

---

(1) Все это побранки народныя. Украинецъ тогда только бранится отцемъ и матерью, когда разсерженъ умѣренно; но когда его огорчатъ до глубины души, онъ оставляетъ отца и мать своего врага въ покоѣ. Вдохновясь гнѣвомъ, онъ постигаетъ нелѣпость подобныхъ ругательствъ и беретъ для своихъ проклятій моральную сторону человѣка. Этимъ онъ допекаетъ своему ближнему хуже всего, — тѣмъ болѣе, что проклятію приписывается въ народѣ особенная сила, и тотъ, кто не боится уже ни кулака, ни стыда, боится еще проклятій, особенно такихъ, какъ приведенныя выше.

»Подтоптался«, говорили они, »нашъ Иванъ Мартыновичъ, совсѣмъ подтоптался.«

»Еще бъ не подтоптаться, надѣлавши въ одинъ день столько дѣла!«

»Да, видно, и въ голову лишній разъ съ радости стукнулъ.«

Но Бруховецкій не изнемогъ отъ трудовъ и не опьянѣлъ на пиру. Въ то время, когда другіе считали его ослабѣвшимъ и полусоннымъ, его неутомимый умъ затѣвалъ новыя козни. Не спокойна была его душа отъ мысли, что Сомко́ живетъ еще на свѣтѣ. Боязливый, при всей дерзости, онъ представлялъ себѣ возможность новаго переворота, и мстительный образъ Сомка́ поражалъ ужасомъ его воображеніе. Склонясь на козака, путаясь ногами, какъ дѣлаютъ пьяные, и зажмуривъ глаза, какъ котъ, онъ иногда бормоталъ къ своему спутнику по два, по три слова съ такимъ безсмысленнымъ видомъ, что и подумать было трудно, что они исходятъ изъ трезваго и сильно работающаго разсудка.

»Слыхалъ ли ты, братъ Сердюкъ«, говорилъ онъ, »такое чудо, чтобъ мышь откусила голову человѣку?«

Петро Сердюкъ на это простодушно засмѣялся.

Да это, пане гетмане, только такую поговорку проложено.«

»Гмъ! проложено!... однакожъ съ чего-то взята эта поговорка.... Охъ, совсѣмъ ноги не несутъ...

Вража старость беретъ уже и меня въ свои лапы.... Выпилъ человѣкъ чарку, или не выпилъ, уже и голова и ноги, хоть возьми да и отруби, какъ полѣнья.«

»Это вы, пане гетмане, на радахъ такъ уходились.«

»Охъ, на радахъ, на радахъ!... Послужилъ я козакамъ отъ всей души... посмотримъ, какъ-то мнѣ козаки послужатъ.«

»И, пане ясновельможный! что́ вы объ этомъ безпокоитесь! Мы за васъ головы всѣ до одного положимъ!«

»Головы!... Довольно бъ съ меня было и одной головы.... когдабы кто умѣлъ положить ее, такъ, чтобъ никогда не встала.«

Козакъ опять усмѣхнулся и думалъ:

»Видно, порядкомъ батько потянулъ съ радости: не знать что́ городитъ.«

А онъ шелъ, тяжело дыша, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ опьянѣлый, и только отъ времени до времени бросалъ своему провожатому по нѣскольку словъ, намекая на голову Сомка и выжидая, не догадается ли онъ, въ чемъ дѣло. Но козакъ на этотъ разъ, какъ-будто съ умысломъ, былъ недогадливъ. Наконецъ, когда вступили въ за́мокъ, Бруховецкій сказалъ ему:

»Видишь ли возлѣ конюшни, при самой землѣ окошко?... Тамъ сидитъ вельможный Сомко́, что́

брезгалъ когда-то всѣми, и не было ему равнаго въ цѣломъ свѣтѣ.... Какъ тебѣ это чудо кажется?«

»Чудо великое«, отвѣчалъ Петро́ Сердюкъ, »нечего сказать! Служитъ вамъ фортуна, пане гетмане, лучше всякаго чуры.«

»Но я разскажу тебѣ что́-то еще дивнѣе. Послушай-ко, братъ, какой мнѣ сонъ сегодня передъ свѣтомъ снился. Кажется, шелъ я съ тобою домой, и пришелъ, и легъ спать, и проспался, только проснувшись по-утру, слышу, что ночью совершилось неслыханное чудо: Сомку́ мышь голову откусила! Какъ тебѣ кажется, Петро́? что́ этотъ сонъ означаетъ? Колибъ ты разгадалъ мнѣ его, я нашелъ бы, какъ наградить тебя.«

Задумался козакъ, но, помолчавъ немного, отвѣчалъ:

»Что́ жъ, пане гетмане? не къ тому ли это клонится, чтобъ Запорожецъ превратился въ мышь?«

Гетманъ обнялъ и поцѣловалъ его за этотъ отвѣтъ, а когда вошли въ свѣтлицу, онъ снялъ съ руки золотое кольцо и сказалъ:

»Этотъ перстень всякаго превратитъ въ такую крысу, что́ проберется, куда ей нужно, хоть чрезъ двѣнадцать дверей. Возьми, надѣнь на палецъ, и нигдѣ тебя не остановятъ.«

Но козакъ не принималъ перстня и пятился назадъ.

»Что́ жъ ты отступаешь?« спросилъ гетманъ съ удивленіемъ.

»Потому отступаю, пане гетмане, что хоть Запорожецъ на всякое *характе́рство* способенъ, но за такое дѣло еще ни одинъ не брался. Прощай, пане гетмане! Може́тъ быть, съ хмѣлемъ и твой сонъ выйдетъ изъ головы.«

И съ этимъ словомъ вышелъ изъ свѣтлицы, оставя гетмана въ совершенномъ остолбенѣніи отъ стыда и удивленія.

Долго стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, наконецъ началъ ходить неровными шагами по свѣтлицѣ и разсуждать почти въ-слухъ:

»Э!« сказалъ онъ сквозь зубы, остановясь, »стало быть правда тому, что́ говорятъ: никогда козакъ не былъ и не будетъ ка́томъ!«

И началъ опять ходить.

»Чортъ знаетъ, какія глупости!« продолжалъ онъ. »Какъ-будто не все одинъ дьяволъ — задушить какую-нибудь погань на радѣ, или дать ножемъ подъ бокъ въ подземельи!«

И задумался, остановясь среди свѣтлицы. Потомъ отвѣчалъ самъ себѣ полу-словесно, полумысленно:

»Видно, не все одно!... Почему жъ бы мнѣ самому съ нимъ не расправиться?... Пока Сомко́ былъ Сомко́мъ, я становился противъ него смѣло, а теперь меня какъ-будто страхъ пробираетъ....«

И опять молча началъ прохаживаться по свѣтлицѣ.

»Врагъ его знаетъ«, думалъ онъ, »какъ чело-

вѣкомъ доля играетъ.... Видно, самъ лукавый помогаетъ мнѣ въ моихъ затѣяхъ.... А правду сказать, лучше, еслибъ ничего этого не было.... Охъ, батько мой Богданъ! не узналъ бы ты теперь своего Иванца́.... Врагъ!... И откуда нечистый подсунулъ мнѣ врага!... А уже теперь поздо останавливаться.... Или я, или онъ.... Два кота въ одномъ мѣшкѣ не поладятъ.... Отъ чего жъ это не хватаетъ у меня силы повершить?... Была сила свѣтъ переставить на свой ладъ, а теперь боюсь пырнуть ножемъ подъ бокъ.... Дивное дѣло: не боялся человѣка въ полномъ вооруженіи, а боюсь въ цѣпяхъ....«

Этотъ несвязный разговоръ съ самимъ собою то́ вырывался у него, какъ-бы противъ воли, сквозь зубы, то́ договаривался мысленно. Иногда онъ останавливался, но, не простоявъ и полъ-минуты, опять принимался ходить. Длинныя паузы не рѣдко отдѣляли отвѣтъ отъ вопроса. Онъ былъ злодѣй, слишкомъ скоро прошедшій свою школу и слишкомъ быстро низпустившійся въ мрачную бездну зла; порожденія озлобленной души явились ему тамъ безъ покрова и заставили его содрогаться.

ГЛАВА XVII.

А въ неділю ра́но
Ся сла́вонька ста́ла:
Взяли, взяли коза́ченька,
Забили въ кайда́ни, —
Ой на но́ги ди́би,
На ру́ки скрипи́ці....
Визволь Бо́же, коза́ченька
Съ те́мноі темни́ці!

Народная пѣсня.

Черезъ нѣсколько времени доложили гетману, что какой-то человѣкъ хочетъ донести ему на-единѣ о какомъ-то важномъ дѣлѣ. У Бруховецкаго для подобныхъ гостей всегда былъ доступъ. Тотъчасъ велѣлъ впустить.

Ввалилось въ дверь что́-то толстое и горбатое, въ надвинутомъ на голову кобенякѣ. Не видать было его лица, только глаза блестѣли изъ-подъ капюшона. Бруховецкій самъ не зналъ, чего испугался: такъ его душа была встревожена.

»Кто ты?« спросилъ онъ.

»Я тотъ«, отвѣчалъ страннымъ какимъ-то голосомъ незнакомецъ, »кого тебѣ нужно.«

»Духъ Святой съ нами!« вскрикнулъ гетманъ. (Ему Богъ знаетъ, что́ показалось.)

»Кого жъ мнѣ нужно?« спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

»Тебѣ нужно такого человѣка, который бы наворожилъ покой на гетманщину. Вездѣ народъ толпится вокругъ пановъ и придумываетъ, какъ бы освободить Сомка́; да и Нѣжинскіе мѣщане начали толковать теперь о Сомкѣ, какъ Жиды о Мессіи.«

»Гмъ!... Что́ жъ ты за человѣкъ?«

»Я человѣкъ себѣ мизе́рный, швець изъ Запорожья; но если сошью кому-нибудь сапоги, то носить будетъ долго.«

»Какъ же ты заворожишь гетманщину?«

»Простымъ способомъ. Она тотъ-часъ успокоится, какъ только пойду да разскажу Сомку́ сонъ, что́ сего-дня передъ разсвѣтомъ тебѣ снился....«

»Дьяволъ! откуда ты мой сонъ узналъ?«

»Отъ крысы.«

»Какъ такъ?« сказалъ Бруховецкій, закусивъ злобно губу.

»Успокойся на этотъ разъ; подумай лучше, какъ тебѣ освободиться отъ своего врага, чтобъ вмѣстѣ съ тобою всѣмъ намъ не было такъ, что сего-дня панъ, а завтра пропалъ.«

*

Долго молчалъ Бруховецкій.

»Открой голову«, сказалъ онъ наконецъ; »я посмотрю, не въ самомъ ли ужъ дѣлѣ лукавый ко мнѣ присосѣдился?«

Запорожскій швецъ отбросилъ назадъ кобенякъ, и Бруховецкій отъ удивленія отступилъ назадъ.

»Кирило Туръ!«

»Тсъ! молчи, пане гетмане. Довольно и того, что *ты* знаешь теперь, какъ меня зовутъ.«

И Кирило Туръ опять накрылъ голову.

»Неужели ты возмешься за такое дѣло?«

»А почему жъ? развѣ у меня руки не людскія?«

»Но ты, говорятъ, немножко свой съ Сомкóмъ!«

»Какъ чортъ съ попомъ. Я давно уже ищу, какъ-бы ему удружить, и въ Кіевѣ, самъ здоровъ знаешь, чуть-чуть не доказалъ ему дружбы, да проклятый поповичъ помѣшалъ.«

»За чтó жъ ты на него озлился?«

»Это мнѣ знать. У всякаго своя тайна. Я тебя не спрашиваю, не спрашивай и ты. Не задерживай меня, и коли хочешь, чтобъ я поблагодарилъ тебя за сотничество, такъ говори, какъ мнѣ къ нему пробраться.«

»Вотъ какъ«, отвѣчалъ Бруховецкій. »Возьми ты этотъ перстень; съ нимъ пройдешь вездѣ; никто тебя не станетъ останавливать и распрашивать. Я даю его своимъ козакамъ только въ самыхъ важныхъ случаяхъ.«

»Славный перстень!« сказалъ Кирило Туръ. »Еще и лукъ со стрѣлой вырѣзанъ на печати!«

»Это, если хочешь знать, тотъ самый, что́ покойный Хмельницкій снялъ съ руки у соннаго Барабаша. Я самъ ѣздилъ съ этимъ знакомъ и въ Черкасы къ Барабашихѣ за королевскими грамотами. Покойный гетманъ подарилъ мнѣ его на память.«

»Эге! съ доброй руки подарокъ на добро и служитъ.«

Съ этими словами, Кирило Туръ вышелъ изъ свѣтлицы. Бруховецкій проводилъ его до другой двери.

»Ложись спать, пане гетмане«, сказалъ Кирило Туръ на-прощанье, »не безпокойся. Передъ разсвѣтомъ снился тебѣ твой сонъ, передъ разсвѣтомъ я его и оправдаю.«

И пошелъ онъ сгорбившись черезъ дворъ въ своемъ странномъ нарядѣ. Темнота скрывала его отъ любопытныхъ. Впрочемъ и при свѣтѣ дня никто бы не узналъ въ немъ теперь ни молодецкой походки, ни стройнаго росту: онъ казался дряхлымъ, сгорбленнымъ старикомъ.

Когда подошелъ онъ ко входу въ подземелье, стоявшій на стражѣ козакъ уставилъ противъ него копье и остановилъ его; но лишь увидѣлъ у него на рукѣ гетманскій перстень, тотъ-часъ отворилъ ему дверь.

За тою дверью, нѣсколько далѣе и глубже, еще

была дверь, которую охранялъ также козакъ, вооруженный съ головы до ногъ. Въ углубленіи стѣны слабо горѣлъ каганецъ. И этотъ пропустилъ Кирила Туръ молча, лишь только онъ показалъ ему перстень.

Далѣе еще увидѣлъ Кирило Туръ одну дверь, охраняемую также вооруженнымъ козакомъ. Онъ взялъ у козака каганецъ и ключъ отъ тюрьмы Сомковой и сказалъ:

»Ступай къ своему товарищу. Я буду исповѣдывать невольника, такъ, можетъ быть, услышишь что́-нибудь такое, чего никому не надо слышать.«

»Да я и самъ радъ«, отвѣчалъ козакъ, »убраться подальше. Знаю, на какую исповѣдь пришелъ ты.«

»Ну, когда знаешь, такъ и хорошо. Смотри жъ, не входи къ нему до самого утра. Послѣ исповѣди онъ уснетъ; будить его не надо!«

»Уснетъ послѣ твоей исповѣди всякъ!« ворчалъ козакъ, затворяя за собою дверь.

А Кирило Туръ между тѣмъ отворилъ дверь въ темницу и тотъ-часъ заперъ ее за собою. Поднявши къ-верху каганецъ, онъ увидѣлъ Сомка́, прикованнаго толстою цѣпью къ стѣнѣ. Узникъ сидѣлъ на соломѣ, въ старой сермягѣ, безъ пояса и безъ сапоговъ. Все у него ограбили, когда взяли подъ стражу. Изъ прежней одежды осталась на немъ только шитая сребромъ, золотомъ и голубымъ шелкомъ сорочка. Шила эту сороч-

ку бѣдняжка Леся, украсила вдоль по воротнику, по разрѣзу пазухи и по краямъ широкихъ рукавовъ цвѣтами и разводами, а ея мать подарила эту сорочку нареченному зятю на память гостеванья его въ Хмарищѣ. И странно, и грустно было бы каждому глядѣть, какъ она блистала своею бѣлизною и шитьемъ изъ-подъ грязной невольничьей одежды несчастнаго гетмана.

Кирило Туръ поставилъ на окнѣ каганець и тихо подошелъ къ унылому узнику. Сомкó смотрѣлъ на него молча, безъ любопытства и страха. Запорожецъ вынулъ изъ-за голенища ножъ и показалъ Сомку, съ выразительнымъ движеніемъ.

Сомкó поднялъ глаза къ небу, перекрестился и сказалъ спокойно:

»Чтó жъ? дѣлай, для чего тебя послано.«

Но причудливый Запорожецъ спросилъ его сиплымъ и гнусивымъ голосомъ:

»Неужто тебѣ совсѣмъ не страшно умирать?«

»Можетъ быть, мнѣ и было бы страшно, когдабы не было написано: *Не убойтеся отъ убивающихъ тѣло и потомъ не могущихъ лише чтó сотворити....*«

»Да это ты разсуждаешь такъ, пока не почуялъ въ тѣлѣ желѣза; а дай-ко я рѣзну тебя для пробы по грудинѣ.«

»Адское изчадіе!« вскрикнулъ тогда Сомкó, »неужели тебѣ мало одной крови? ты хочешь еще натѣшиться моими муками! По твоему голосу ви-

жу, что ты живешь только въ подземельяхъ и привыкъ питаться человѣческою кровью! Такъ впивайся жъ въ мое тѣло, гадъ отвратительный! Буду молчать, пока и замучишь меня; не услышишь ты, презрѣнный, какъ стонетъ гетманъ Сомкó!«

»Добре! ей Богу, добре!« сказалъ тогда Кирило Туръ своимъ естественнымъ голосомъ, прятая ножъ за голенище. »Ей Богу, мнѣ кажется, что я смычекъ, а всѣ люди скрыпки: какъ я поведу, такъ они и играютъ! Не жизнь я на свѣтѣ коротаю, а свадьбу играю.«

»Чтó это?« говоритъ Сомкó. »Неужели я отъ тоски начинаю бредить? Въ самъ ли дѣлѣ ты Кирило Туръ, спрашиваю именемъ Божіимъ, или это мнѣ марá представляется?«

Запорожецъ весело разсмѣялся.

»Еще и спрашиваетъ!« сказалъ онъ, отбрасывая на спину кобенякъ. »А какая жъ бестія, кромѣ Кирила Тура, пробралась бы къ тебѣ чрезъ три сторóжи? На всей гетманщинѣ только я одинъ умѣю очаровать всякаго такъ, что и самъ не знаетъ, чтó дѣлаетъ.«

»Чтó жъ ты мнѣ скажешь?«

»А вотъ чтó я тебѣ скажу. Давай-ко мѣняться на платье да вылѣзай изъ этой гадкой конуры. Тутъ только гадамъ жить, а не человѣку. Тамъ за городомъ, подъ Бугаевымъ дубомъ, ждетъ тебя такой же дурень, какъ и я, — Паволочскій попъ съ сыномъ. Хотѣлъ было ѣхать уже обратно въ

Паволочь; думалъ, что ты попался на-вѣки чорту въ зубы; ѣхалъ спасать Паволочанъ. Тетера, видишь ли, пронюхалъ, что́ тутъ Шрамъ противъ него затѣваетъ, да и прижалъ Паволочанъ.... Тѣсно и жарко стало бѣднягамъ. Вотъ почему Шрамъ бросился было, какъ опаренный, на ту сторону; но я послалъ козака на-перерѣзъ дороги. »Постой«, говорю, »по́пе! еще, можетъ-быть, мы воротимъ »сокола изъ клѣтки«. А тутъ и въ народѣ распустили мои братчики молву, что Сомко́ уже на волѣ, такъ сбирайтесь въ купы да ждите знака. Ты, можетъ быть, и не знаешь, что Иванца уже всѣ раскусили. Теперь только гукни по Украинѣ, такъ тысяча тысячу будетъ толкать да бѣжать къ твоей хоругви. Поднимутся и тѣ, что́ не были на черной радѣ. На раду вѣдь сползлась только вся дрянь изъ гетманщины, а добрые люди Иванцевымъ сорванцамъ не повѣрили. Потому-то Иванецъ и сдѣлалъ на радѣ все, что́ хотѣлъ. А съ Запорожья тожъ только одни разбойники вышли въ Украину, а что́ осталось въ Сѣчи добраго, все за тебя теперь станетъ. Только явись да вскрикни: »Кто за Сомка́?...« Что́ жъ ты слушаешь молча, какъ-будто я тебѣ сказку сказываю?«

»Потому слушаю молча, что изъ всего этого мало будетъ добра! Много разлилъ Христіянской крови Выговскій за это жалкое гетмановanье; много и Юрась погубилъ народу, добиваясь власти надъ обѣими сторонами Днѣпра; неужели же въ

Украинѣ не уймется хоть на одинъ годъ литься Христіянская кровь? Мало еще ея лилось! еще я начну земляковъ одного противъ другого ставить! Иванецъ теперь съ козаками будетъ держаться крѣпко; чтобъ его сбить, надобно потерять десятки тысячъ народу; а для чего? для того только, чтобъ не Бруховецкій, а Сомко́ гетманствовалъ!«

»Нѣтъ же, когда хочешь знать!« воскликнулъ, съ несвойственнымъ ему увлеченіемъ, Кирило Туръ: »не для того только, чтобъ ты гетманствовалъ, а чтобъ правда взяла верхъ надъ неправдою!«

»Возьметъ она верхъ и безъ насъ, братъ Кирило. Можетъ быть, Господь только для науки народу допустилъ торжествовать злодѣямъ. Видно, нельзя иначе довести людей до ума, какъ горемъ да бѣдою!«

»Такъ, значитъ, ты совсѣмъ отрекаешься отъ своего гетманскаго права?«

»А что́ жъ бы ты дѣлалъ на моемъ мѣстѣ? Были у меня и друзья, и пріятели, были полки и пушки, да Богъ не благословилъ мнѣ гетманствовать; *друзи мои и искренніи мои отдалече мене сташа и чуждахуся имене моего:* такъ чего жъ мнѣ идти противъ воли Божіей? Рука Его видимо на мнѣ отяготѣла....«

»Шрамъ не такъ объ этомъ думаетъ.«

»Не такъ думалъ и я, пока смерть не заглянула мнѣ въ глаза; а теперь иначе смотрю я на Божій міръ.«

»Смотри себѣ ты на него, какъ хочешь; только всё же, я думаю, у тебя въ головѣ осталось столько мозгу, чтобъ не сидѣть въ этой бойнѣ, когда тебѣ отворяютъ настежъ двери?«

»Но какъ уйти, когда вокругъ сторо́жа?«

»Эхъ, и ты разумная голова! Только надѣнь эту зашептанную видло́гу, то пройдешь сквозь огнь и воду, не то сквозь стражу!«

»А цѣпи?«

»Эге! а ты думаешь, я и позабылъ о нихъ! Худо жъ ты знаешь Кирила Тура. Я принесъ такой *разрывъ-травы*, что только приложу къ замкамъ, такъ и распадутся къ чорту. Дай-ко сюда ноги.«

»Постой, братъ, я догадываюсь, что́ ты замыслилъ. Скажи мнѣ, какъ ты выдешь отсюда безъ своего наряда?«

»Что́ тебѣ до меня? Ступай-ка сперва ты, а я себѣ найду дорогу и не изъ такой темницы....«

»Нѣтъ, братъ, этого не будетъ! Пускай погибаетъ тотъ, кому Господь опредѣлилъ пострадать за правду; а чужою смертью я не куплю свободы.«

»Смертью? Чортъ знаетъ что́ городитъ! Видно, тутъ у тебя отъ сырости въ головѣ завернулось. Неужто ты думаешь, что я тутъ буду долго занимать твое мѣсто? Нашелъ дурака! Я буду на волѣ завтра же утромъ....«

»Какъ же ты вырвешься на волю сквозь всѣ эти запоры и сторо́жи?«

»Какъ? такъ, какъ повелитъ Господь.... Ну, да ужъ объ этомъ не твоя забота. Развѣ ты не слыхалъ о нашихъ характéрникахъ, чтó намалюетъ на стѣнѣ лодку, сядетъ, да и пошелъ, какъ-будто по Днѣпру? А Кирило Туръ неужели глупѣе всѣхъ, чтобъ и себѣ не смастерить чего-нибудь подобнаго?«

»Дивно мнѣ, какъ у тебя достаетъ охоты шутить, рѣшаясь на самую мучительную смерть? Чтó ты мнѣ ни толкуй о своемъ характéрствѣ, а я хорошо знаю, что только ножи Иванцевыхъ палачей выпустятъ тебя на волю.«

»Эхъ, пане мой, пане!« сказалъ Запорожецъ совсѣмъ другимъ противъ прежняго тономъ. »Развѣ жъ вся наша жизнь не шутка? Помажетъ медомъ по губамъ, ты думаешь: вотъ-то гдѣ счастье! смотришь — все одна мана́! Потому-то и бросаешь ее, куда ни попало. Но чтó объ этомъ толковать? Нутко, давай помѣняемся нарядами.«

»Нѣтъ, мой голубь! этого не будетъ.«

»Какъ?... Такъ это значитъ, я передъ Шрамомъ останусь брехуномъ? Я только и радовался, что вотъ таки докажу старому ворчуну, что и нашъ братъ Запорожецъ не совсѣмъ лещадо; а ты у меня и послѣднюю радость отнимаешь?«

»И будто все это ты затѣялъ только для оправданія себя передъ Шрамомъ?«

»А для чего жъ бы еще? Ты, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ подумаешь, что у меня въ умѣ была,

какъ говорятъ, отчизна: что вотъ, сказать, освобожу Сомка́, а самъ положу голову за Украину: Сомко́ больше меня ей нуженъ. Ка'знае що! Такъ дѣлаютъ только тѣ, кто не понимаетъ даже и того, что своя сорочка къ тѣлу ближе. То, еслибы пришлось мнѣ положить голову за жiнку, за дѣтей; такъ это было бъ святое дѣло; сказано: какой отецъ своихъ дѣтей не любитъ! Ато подставь подъ топоръ шею.... а за что́? Ха-ха-ха! Нашелъ же и ты дурака, паве гетмане! Въ Украинѣ такихъ простаковъ не слишкомъ много, а я не послѣднiй между людьми!«

»Охъ, голова ты моя милая!« сказалъ Сомко́. »Ты и въ темницу вносишь ко мнѣ отрадный свѣтъ! Теперь мнѣ легче будетъ пострадать за правду: вижу теперь, что правда не у одного меня живетъ въ сердцѣ и не погибнетъ со мною въ Украинѣ! Простимся жъ, пока увидимся на томъ свѣтѣ.«

Запорожецъ, весело усмѣхавшiйся, нахмурился и на мгновенiе призадумался.

»Такъ ты въ самомъ дѣлѣ«, сказалъ онъ, »хочешь остаться въ этой бойнѣ?«

»Я уже сказалъ, что чужою смертью не куплю себѣ свободы. А что́ сказалъ я разъ, то и навѣки останется неизмѣннымъ.«

»Пускай же будетъ проклята та минута, что́ вложила тебѣ въ душу такую безтолковую химе-

ру! Вижу теперь, что тебя не переспоришь. Прощай! не замѣшкаюсь и я на этомъ свѣтѣ.«

Обнялись и оба заплакали.

Вышедъ изъ темницы, Кирило Туръ снялъ съ себя охобень и бросилъ подъ ноги сторожамъ:

»Возьмите себѣ, Иродовы дѣти, за входъ и выходъ. Знайте, что не палачъ проклятаго Иванца, а Кирило Туръ приходилъ навѣстить неповинную душу.«

Потомъ, проходя мимо стоявшаго извнѣ сторожа, бросилъ ему подушку, которая служила ему гробомъ, и сказалъ:

»Возьми, собака, себѣ, чтобъ не спать на соломѣ, сторожа́ праведную душу!«

И вышелъ изъ за́мка. Гетманскій перстень давалъ ему вездѣ свободный пропускъ.

Недалеко отъ за́мка, подъ старой колокольнею, ожидалъ его съ лошадьми Богданъ Черногоръ. Онъ не зналъ, съ какимъ замысломъ Кирило Туръ оставлялъ его здѣсь, отправляясь въ за́мокъ. Ему было сказано только, что онъ долженъ дать Турова коня тому, кто придетъ и скажетъ: *Ищи вѣтра въ полѣ!* А я, прибавилъ Туръ, ужъ рано или поздно соединюсь съ тобою.

Грустно было теперь Кирилу Туру садиться на коня, приготовленнаго для Сомка́, а еще грустнѣе ѣхать къ Шраму съ извѣстіемъ, что Сомко́ не возвратится уже къ своимъ друзьямъ.

Шрамъ и его сынъ ожидали Сомка́ въ условленномъ мѣстѣ подъ старымъ дубомъ, въ урочищѣ Бабичо́вкѣ. Завидѣвъ издали скачущихъ отъ Нѣжина по полю козаковъ, воинственный попъ, отъ нетерпѣнія и радости, вскочилъ на коня и поскакалъ къ нимъ на-встрѣчу. Но, когда увидѣлъ, что Сомка́ нѣтъ, душа его наполнилась великою грустью. Нѣсколько разъ онъ удерживалъ готовый сорваться съ языка вопросъ, наконецъ выговорилъ почти шепотомъ:

»А гдѣ жъ Сомко?«

»А ты въ самомъ дѣлѣ думалъ«, отвѣчалъ Кирило Туръ, »что я освобожу его изъ дьявольскихъ когтей? Это я лишь бы тебя поморочить. Сказано: морочить людей — Запорожская потѣха!«

»Кирило!« сказалъ Шрамъ, »по твоему голосу я вижу, что ты самъ на себя клеплешь. Когда не удалось спасти его, то хоть разскажи, отъ чего не удалось! Охъ, Боже, Боже!«

»А вотъ отъ чего. Сомко́, коли хочешь знать, такой же дурень, какъ и мы съ тобою. Чужею, говоритъ, смертію, не хочу покупать себѣ воли. Уже я ему и отчизну, уже я ему и правду совалъ подъ носъ, а онъ таки свое несетъ. Сказано: *ду́рню хоть колъ на голові теши.* Съ тѣмъ я и оставилъ его, — лучше бъ оставилъ тамъ свою голову!... Прощай!«

»Что́ жъ теперь ты думаешь съ собою дѣлать?«

»А что́ жъ? ужъ конечно не то, что́ ты. *Живий живе́ гада́е.* Думаю ѣхать сей-часъ къ Гвинтовкѣ да украсть еще разъ Череванівну. Видно, ужъ ей *на роду́ написано* не миновать моихъ рукъ, а мнѣ написано не миновать Черногоріи. Заживемъ тамъ съ нею припѣвая, не по-вашему! Прощайте!«

И, поклонясь низко Шраму и его сыну, поворотилъ коня и поскакалъ съ своимъ побратимомъ къ хутору Гвинтовки. Но догоняетъ его Петро́.

»Чего еще отъ меня хочетъ этотъ бабій хвостъ?« сказалъ Кирило Туръ, осаживая коня.

»Кирило!« говоритъ Петро́, у тебя душа добрая; обѣщай передать отъ меня два слова Череванівнѣ. Хоть она будетъ и твоею женою, къ мертвому не ревнуютъ. Мы съ отцемъ ѣдемъ не для жизни, а на вѣрную смерть.«

»Добре!« отвѣчалъ Кирило Туръ, »передамъ. Что́ жъ ей сказать?«

И тутъ же шепнулъ своему побратиму:

»Знаю напередъ: какую-нибудь любовную глупость.«

»Скажи ей«, говорилъ Петро́ »что я и на томъ свѣтѣ ея не забуду!«

»Видишь?« шепнулъ Кирило Туръ Черногорцу, и отвѣчалъ Петру:

»Добре, скажу.«

»Ну, прощайте жъ, братцы, на-вѣки!«

»Прощай, братъ, да не забудь и меня на томъ свѣтѣ.«

И разъѣхались въ разныя стороны. Тогда Кирило Туръ засмѣялся и говоритъ:

»Какъ мы заблаговременно распоряжаемся тѣмъ свѣтомъ! А тамъ, можетъ быть, черти такъ прижарятъ, что вся любовная дрянь изъ головы вылетитъ!«

»Видно, никто сюда не возвратился!« подумалъ Петро́ и, съ стѣсненнымъ сердцемъ, спѣшилъ къ хатѣ.

Цвѣты вокругъ криницы заросли бурьяномъ и засохли. Это привело моего козака въ совершенное отчаяніе.

Вдругъ чей-то голосъ заставилъ его вздрогнуть и остановиться. Это былъ голосъ Леси. Она всё еще напѣвала пѣсню, но уже не ту, что́ прежде: теперь ни нѣга, ни любовная грусть не отзывались въ ея голосѣ; пѣсня ея была уныла, какъ стонъ осенняго вѣтра между деревьями.

Задыхаясь отъ волненія, Петро́ спѣшитъ къ хатѣ.

Отворилъ дверь — и видитъ свою Лесю, и съ нею ея мать, почти въ томъ же положеніи и за тѣми жъ занятіями, какъ и въ оный памятный для него вечеръ.

»Боже мой!« воскликнула Череваниха, всплеснувъ руками. А Леся, увидя неожиданно передъ собой своего возлюбленнаго, не могла произнести ни слова.

Череваниха обняла теперь Петра́, какъ сына, и долго цѣловала. Потомъ онъ подступилъ и къ Лесѣ, но уже безъ всякой робости и смущенія. А она, въ радости, забывъ все на свѣтѣ, обняла его и залилась слезами на его груди. И долго всѣ не могли успокоиться, — плакали, смѣялись,

разспрашивали, и никто не понималъ отрывистыхъ отвѣтовъ.

Суматоха еще больше увеличилась, когда ввалился въ хату Черевань. Заслышавши изъ свѣтлицы знакомый голосъ, онъ бѣгомъ пустился въ пекарню, съ трудомъ перевалился черезъ порогъ и отъ восторга ничего не могъ выговорить; только: *бгатіку! бгатіку!* и бросился съ распростертыми руками къ гостю. Обнималъ, цѣловалъ его и хотѣлъ что́-то сказать, и всё только: *бгатіку!* и ничего больше.

Когда же всѣ немного успокоились, Череваниха посадила Петра на лавкѣ, и сама сѣла возлѣ него, а Леся сѣла по другую сторону, и обѣ держали его за руки.

»Ну, разскажи жъ намъ, Петрусь«, сказала Череваниха, »какъ это тебя спасъ Господь отъ смерти. А намъ сказали, будто и ты съ пан'отцемъ отдалъ Богу душу.«

Между тѣмъ Черевань всё мѣрялся, какъ бы ему такъ помѣститься, чтобъ поближе было слушать; садился онъ и возлѣ жены, и возлѣ дочери, но всё таки казалось ему далеко до разсказщика; наконецъ придумалъ позицію, которою остался доволенъ: сѣлъ на полу противъ Петра, поджавши по-Турецки ноги.

И Петро́ началъ разсказывать имъ со всѣми подробностями похожденія свои съ самого того времени, какъ разстались они съ Череванемъ подъ

Нѣжиномъ. Часто онъ былъ прерываемъ то́ вопросами, то́ горестными восклицаніями; когда жъ дошелъ до прощанья своего съ отцемъ, Черевань такъ и захлипалъ, и одной рукой закрылъ глаза, а другой удерживалъ Петра, чтобъ остановился и далъ ему переплакать. Женщины также плакали, и всѣ они общею горестью слились въ одно сердце и въ одну душу. И тяжело было имъ, и вмѣстѣ радостно.

»Разскажите жъ теперь вы мнѣ«, сказалъ Петро́, »какъ вырвались вы изъ Запорожскихъ лапъ и добрались до Хмари́ща?«

»Вырвались?« отвѣчала Череваниха. »Скажи лучше: какъ Запорожцы насъ вырвали изъ добрыхъ рукъ, въ которыя мы было попались? Почтенный мой братецъ, возвратившись изъ рады, взялъ насъ совсѣмъ подъ свою опеку и чуть было уже не просваталъ Лесю за какого-то разбойника; какъ въ тотъ же вечеръ, поздно, ѣдетъ на дворъ Кирило Туръ, а за нимъ съ десятокъ Запорожцевъ. Показалъ моему брату какой-то перстень: »Отдавай«, говоритъ, »мнѣ Череваня со всѣмъ гнѣздомъ »его.« — »Для чего? куда?« — »Велѣлъ гетманъ »забрать и везти сію минуту въ Гадячъ. Видно«, говоритъ, »Черевані̇внѣ на роду написано быть »за гетманомъ«. Мы такъ и обомлѣли.«

»Такъ, такъ, бгатъ!« подтвердилъ Черевань. »Я уже думалъ, что въ самомъ дѣлѣ придется мнѣ породниться съ собакою.«

»Стали просить мы Кирила Ту́ра«, продолжала Череваниха, »такъ и не смотритъ, и не слушаетъ. Впрягли въ рыдванъ лошадей, Василя Невольника посадили возницею и помчали насъ со двора. Мы плачемъ, горюемъ, а Кирило Туръ тогда: »Нѐ плачьте, глупыя головы! вамъ надобно радоваться, а не плакать: не въ Гадячъ я »васъ везу, а въ Хмарище!« Мы давай благодарить; а онъ: »Что́ мнѣ такая благодарность? тогда меня поблагодарите, когда стану съ вашею кралею на рушникѣ!« Мы опять такъ и помертвѣли! Думали, что у него въ самомъ дѣлѣ такая думка въ сердцѣ. Да уже, когда привезли насъ въ Хмарище, тогда вражій Запорожецъ засмѣялся да и говоритъ: »А вы въ правду думали, что и я »такъ глупъ, какъ какой-нибудь Петрусь! Нехай »вамъ цуръ, вражимъ бабамъ! отъ васъ все лихо »на землѣ происходитъ. Варите лишь вечерять; »намъ далека еще дорога!«

»Куда жъ это была дорога?« спросилъ Петро́.

»Въ Черногорію, бга́тіку!« отвѣчалъ Черевань. »Исполнилъ таки свое слово Кирило Туръ, что всё бывало, хвалился Черногоріею. За вечерею онъ все мнѣ разсказалъ. Напились такъ вражьи Запорожцы, что и повалились покотомъ на травѣ въ саду. Я думалъ, завтра еще будутъ у меня похмѣляться; встаю утромъ, а ихъ и слѣдъ простылъ. Такой народъ! Такъ говорилъ мнѣ вотъ что́ Кирило Туръ за вечерею: »Я«, говоритъ,

»всѣми силами старался направить еще въ Сѣчи »своихъ братчиковъ на добрую дорогу; но чтó жъ, »когда Иванцу самъ чортъ помогаетъ? Уже я чего »не дѣлалъ, на какія хитрости не поднимался! »ничто не помогло. Тогда«, говоритъ, »вижу, что »все идетъ къ чорту, и о ста головахъ не выду»маешь Сомкý помощи, махнулъ рукою, да и бро»силъ на-вѣки Запорожье, чтобъ ничего не ви»дѣть и не слышать. Хотѣлъ«, говоритъ, »было, »помолившись въ Кіевѣ Богу, бросить совсѣмъ »Украину, такъ тутъ нечистый подсунулъ вашу »кралю.... Теперь уже«, говоритъ, »пойте Сомкý »вѣчную память: не сегодня, такъ завтра ему отъ »Иванца аминь.« И, повѣришь ли, бгáтіку? когда разсказывалъ онъ про Сомкá, то будто и усмѣхается, а слеза въ ложку только капъ!«

»Какъ же онъ оставилъ сестру и мать?«

»Мы и про нихъ у него разспрашивали«, сказала Череваниха, »и журили его, какъ таки оставить ихъ сиротами на-вѣки? такъ говоритъ: »Чтó »козаку мать да сестра? Война съ невѣрными — »наша мать, а булатная сабля — наша сестра! »Оставилъ я«, говоритъ, »имъ на прожитье денегъ, »будетъ съ нихъ, пока живы; а Запорожца создалъ Господь не для бабъ!« Такой причудникъ!«

Въ такихъ разговорахъ бѣжали незамѣтно часы и минуты. Само собою разумѣется, что Петрó не позабылъ освѣдомиться и о Василѣ Неволь-

никѣ. Ему отвѣчали, что онъ уѣхалъ въ городъ на рынокъ и будетъ къ обѣду.

Дѣйствительно, передъ обѣдомъ Василь Невольникъ показался въ саду на дорожкѣ, ведя за собою Божьяго Человѣка. Радости его выразить невозможно: со всѣхъ сторонъ онъ заходилъ къ Петру, разставивъ врозь руки, пожималъ плечами и, казалось, глазамъ своимъ не вѣрилъ. А Божій Человѣкъ только усмѣхался, ощупывая Петра.

Говоръ зашумѣлъ тогда еще веселѣе. Леся звенѣла своимъ голоскомъ, обращаясь безпрестанно къ гостю свободно, какъ къ родному брату.

Послѣ обѣда Божій Человѣкъ услаждалъ все общество своими пѣснями; когда жъ началъ сбираться въ безконечную свою дорогу, Петрó положилъ ему мѣшокъ золота за пазуху, на выкупъ невольниковъ, за упокой души своего пан'отца.

»Грустно мнѣ«, сказалъ Петрó Божьему Человѣку, »что въ свѣтѣ злодѣй287 пануетъ, а добрымъ людямъ за труды и за горести нѣтъ никакой награды!«

»Не говори такъ, сынку«, отвѣчалъ Божій Человѣкъ. »Всякому на свѣтѣ своя кара и своя награда.«

»Отъ чего жъ Иванецъ торжествуетъ, а Сомкó и мой пан'отецъ выпили горькую?«

»Иванца Богъ грѣхомъ уже покаралъ (¹). А пра-

(¹) Никогда я не забуду, какъ поразилъ меня такимъ отвѣтомъ бандуристъ, воспѣвшій въ думѣ безнаказанное злодѣйство. *Іхъ*

бедному человѣку какой награды желать въ этомъ мірѣ? Гетманства, богатства, или торжества надъ врагомъ? Только дѣти гоняются за такими цацками; кто жъ хоть немного вышелъ изъ ребячества, тотъ ищетъ своей душѣ иного блага.... Нѣтъ, говоришь, награды! За что́ награды? За то, что у меня душа лучше, нежели у тысячи моихъ ближнихъ? А въ этомъ развѣ мало милости Божіей? мало милости, что моя душа смѣетъ и возможетъ то, чего другому не придетъ и въ голову? Иной еще скажетъ, что такой человѣкъ, какъ твой покойный отецъ, гоняется за славою! Суета суетъ! Слава нужна міру, а не тому, кто́ славенъ. Міръ пускай учится добру, слушая, какъ жертвовали жизнью за общее благо; а славному слава у Бога!

Сказавши это, Божій Человѣкъ замолчалъ и склонилъ задумчиво голову. И всѣ слушатели призадумались отъ его слова. Потомъ повѣсилъ черезъ плече бандуру, поклонился на три стороны и ушелъ изъ хаты. Василь Невольникъ проводилъ его до самой Паволочской дороги.

А Петро́ остался у Череваня, какъ въ собственной семьѣ своей. Черевань замѣнилъ ему отца, а Череваниха стала для него родною матерью. О Лесѣ хоть и не говорить уже. Лишнимъ также

Богъ гріхо́мъ уже́ покара́въ! Какой глубокій смыслъ народной философіи! Къ-стати замѣчу, что многое въ этомъ сочиненіи написано цѣликомъ со словъ народа (разумѣется въ подлинникѣ, а не въ переводѣ).

было бы разсказывать и о томъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ стали въ Хмари́щѣ думать о свадьбѣ, и не успѣла наступить весна, не успѣли по-прежнему расцвѣсти вишни и цвѣты въ саду, а уже Петро́ и Леся были обвѣнчаны.

Такимъ образомъ вся буря смутной тогдашней годины прошла для нихъ, какъ во снѣ. Такъ иногда разразиться надъ цвѣтущею природою сокрушительная гроза; грохочетъ громъ, бушуетъ вѣтеръ; буря ломаетъ деревья, исторгаетъ съ корнями дубы и березы; но чему суждено рости и цвѣсти, то все уцѣлѣетъ и будетъ красоваться весело и пышно, какъ-будто никогда и грозы не видало.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПОВѢСТИ П. А. КУЛИША

II

ПОВѢСТИ

П. А. КУЛИША

ТОМЪ ВТОРОЙ

АЛЕКСѢЙ ОДНОРОГЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1860

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 23-го Марта 1860 года.

Ценсоръ *А. Ярославцовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

АЛЕКСѢЙ ОДНОРОГЪ

АЛЕКСѢЙ ОДНОРОГЪ.

ГЛАВА I.

Мѣстомъ событій, описанныхъ въ моей повѣсти, была страна, называвшаяся Сѣверіею. Она заключалась въ предѣлахъ нынѣшней Черниговской и отчасти Курской и Орловской губерній, и въ царствованіе Бориса Годунова была пограничьемъ Московскаго государства со стороны Литвы. Поэтому называли ее также и *Литовскою Украйною.*

Главная черта въ физіономіи этой Украйны была, какъ и теперь есть, рѣка Десна. Она протекала почти по самой рединѣ Сѣверіи, съ сѣвера на юго-западъ, подмывая, съ правой стороны, лѣсистыя горы, а съ лѣвой — лелѣясь вдоль широкихъ луговъ и степныхъ равнинъ, отѣняемыхъ также довольно часто густыми пущами.

Съ той и съ другой стороны впадало въ нее нѣсколько небольшихъ рѣкъ, также окутанныхъ густыми зарослями.

Бѣлые мѣловые обвалы раздирали то тамъ, то сямъ черную, косматую одежду нагорнаго берега Десны, что́ придавало его лѣсамъ еще больше дикости. Захожій, незнакомый съ стороною человѣкъ, охотнѣе вглядывался въ перспективу лѣваго берега, который расплывался предъ его взоромъ заманчивыми полосами постепенно блѣднѣющей синевы, весело посвѣчивая противъ солнца длинными озерами и рѣчными затоками.

Впрочемъ, оба берега Десны были въ то время малопріютны для человѣка. Въ темнотѣ нетронутыхъ топоромъ сѣверскихъ лѣсовъ стояли и ржавѣли обширныя болота, давая въ своихъ заросляхъ и топяхъ неприступныя убѣжища множеству дикихъ птицъ и звѣрей. Воды рѣкъ и озеръ разливались шире нынѣшняго, какъ и во всей Русской землѣ. Обработанныхъ полей было мало. Вся страна представляла картину запустѣнія и безлюдья.

Немногіе города и села, осаженные по рѣчнымъ взгорьямъ, по лѣсамъ и сырымъ низменностямъ Сѣверіи, сообщались между собой извилистыми дорогами, да и тѣ проторены были копытами животныхъ и ногами пѣшеходовъ: на колесахъ встарину ѣзжали здѣсь мало; товары провозили: лѣтомъ — по водѣ, а зимою — на саняхъ.

Царь Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ далъ повелѣніе валять вездѣ въ государствѣ по дорогамъ деревья и устраивать плотины; но это повелѣніе не было еще исполнено въ пограничной, дикой, малолюдной землѣ Сѣверской, и самая такъ называемая тогда *большая Новгородская гонная дорога,* пролегавшая чрезъ Новгородъ или Новгородокъ-Сѣверскій въ Литву была рядъ топкихъ гатей, гнилыхъ мостовъ, плохихъ перевозовъ и безчисленныхъ поворотовъ между болотъ и камышчатыхъ озеръ.

Въ народонаселеніи Сѣверской, или Литовской Украйны было замѣтно три главные состава: восточную болѣе степную половину страны занимали своими бѣлыми, крытыми соломою, хатами собственно такъ называемые Украинцы; на западной, по преимуществу лѣсистой сторонѣ Десны, жили въ курныхъ, покрытыхъ досками-выколками, избахъ сухощавые и клинобородые бѣлорусцы; въ верхнихъ, отдѣленныхъ впослѣдствіи къ Орловской губерніи, городахъ и селахъ Сѣверіи жили поселяне, малымъ чѣмъ отмѣнные отъ обитателей средины Московскаго государства.

Неизвѣстно, съ котораго времени устоялось въ Сѣверской области это разнохарактерное населеніе: такъ ли оно было и въ то еще время, когда князья Давидовичи облегали *переспы* [1] Новгоро-

---

[1] Валы.

да-Сѣверскаго, или это уже въ эпоху татарскую подданные Гедиминовы подвинулись изъ дремучихъ лѣсовъ своихъ къ свѣтлой рѣкѣ Деснѣ, а послѣ войнъ царя Іоанна III съ Литвою, можетъ быть, жители близкой къ Окѣ Украйны Русскаго царства углубились въ такъ называемыя *поля* и перемѣшались съ Сѣвцами, Дмитровцами и другими коренными обитателями верхней Сѣверіи. Знаемъ только, что со временъ царя Іоанна IV Грознаго началъ примѣшиваться сюда четвертый, чисто Московскій составъ. Много приходило тогда въ Литовскую Украйну выходцовъ изъ внутренныхъ городовъ государства; они уходили изъ родины отъ правой и неправой грозы, и царь не преслѣдовалъ ихъ здѣсь по особеннымъ причинамъ. Вопервыхъ, посылать сыщиковъ въ страну пограничную, покрытую лѣсами и непроходимыми топями, гдѣ лабиринтъ дорожекъ былъ извѣстенъ однимъ непосидячимъ на мѣстѣ бродягамъ, было едва ли не вовсе безполезно, а во-вторыхъ, царю нужны были въ Сѣверіи, на случай войны, люди, годные къ ратному дѣлу: »собственная безопасность«, думалъ онъ, »заставитъ ихъ усердно защищать границу.«

Царь Борисъ Ѳеодоровичъ тоже не могъ ввести строгій порядокъ во внутреннемъ устройствѣ Литовской Украйны. Тутъ находили пристанище всякаго рода преступники, которымъ посчастливилось уйти отъ наказанія. Сюда бѣжали непокорные холопи

отъ своихъ господъ. Здѣсь искали счастья земледѣльцы, уклонявшіеся отъ налоговъ и повинностей. А когда изданъ былъ извѣстный указъ объ укрѣпленіи казенныхъ крестьянъ и слугъ за владѣльцами земель, и помѣщики начали приписывать къ своимъ дворамъ, вмѣстѣ съ простолюдинами, людей »благородныхъ«, служившимъ имъ отъ бѣдности, и всѣхъ, кто нравился имъ ремесломъ, смышленостью или дородствомъ, тогда въ Сѣверской землѣ появились многіе поселенцы, по тогдашнему времени образованные, или по крайней мѣрѣ бывалые, рѣшительные, отважные, словомъ — способные къ поддержанію смутъ, наступившихъ для Московскаго царства съ первою вѣстью въ народѣ, что сынъ царя Іоанна Грознаго, Димитрій, живъ и идетъ на своего злодѣя Годунова войною.

Число выходцевъ умножилось въ Сѣверіи еще холопями сосланныхъ царемъ Борисомъ въ ссылку бояръ, отличавшихся древностью своего происхожднія. Люди этихъ опальныхъ осуждены были вести жизнь бродягъ: никто не смѣлъ—подъ опасеніемъ царскаго гнѣва — принять ихъ къ себѣ; несчастные гибли съ голоду, или расходились по вольнымъ украйнамъ промышлять себѣ хлѣбъ добрымъ и недобрымъ ремесломъ.

Но всего больше наполнилась Литовская Украйна, или Сѣверія, выходцами изъ внутреннихъ областей во время голода, постигшаго Московское государство въ началѣ царствованія Бориса Году-

нова. Многіе бояре, дворяне и боярскіе дѣти, нахватавъ себѣ прежде въ кабалу вольныхъ слугъ, стали тогда сами не рады своему пріобрѣтенію и, тяготясь кормить дорогимъ хлѣбомъ, прогоняли несчастныхъ со двора. Безпріютные бѣдняки считали себя, послѣ этого, въ правѣ воровать въ барскихъ помѣстьяхъ и грабить по дорогамъ, а боясь воеводскихъ сыщиковъ, уходили на границы государства и больше всего въ землю Сѣверскую, гдѣ голодъ свирѣпствовалъ менѣе и гдѣ малолюдныя пустыни давали имъ убѣжище отъ преслѣдованія Разбойнаго Приказа.

Здѣсь одни изъ такихъ выходцевъ, перемѣнивъ имя, записывались въ городовые и станичные козаки, которыхъ правительство содержало при воеводахъ на жалованьи для охраненія крѣпостей, для сторожи по землянымъ городкамъ, по лѣснымъ засѣкамъ, по рѣчнымъ бродамъ и перелазамъ, для разъѣздовъ по пограничнымъ *шляхамъ-сакмамъ*, и давало имъ за эту службу болѣе или менѣе обширныя помѣстья; другіе дѣлались *подсосѣдниками* и *захребетниками* у этихъ служилыхъ поселенцевъ, или у прочихъ зажиточныхъ пахарей, но бо́льшею частью они ходили бобылями подъ именемъ вольныхъ козаковъ, дневали и ночевали Богъ знаетъ гдѣ, кормились Богъ знаетъ чѣмъ, показывались купою и по одиночкѣ то тамъ, то сямъ, воровали, грабили, убивали и вдругъ исчезали безъ вѣсти, какъ перелетныя птицы.

Съ началомъ смутъ, порожденныхъ самозванщиною, эти вольные козаки стали чаще и смѣлѣе показываться въ окрестностяхъ городовъ и погостовъ, являться толпами на сельскихъ ярмаркахъ и принимать угрожающій видъ. Коренные жители Сѣверіи и помѣстные служилые козаки боялись ихъ и ненавидѣли, и съ радостью отводили въ губную избу на расправу всякаго бродягу, котораго имъ удавалось схватить на воровскомъ промыслѣ. Козаки мстили поселянамъ и помѣщикамъ за своихъ товарищей новыми проказами и такимъ образомъ держали осѣдлое населеніе Сѣверіи во всегдашней бдительности и готовности отражать эту домашнюю орду. Главная черта въ характерѣ всѣхъ вообще Сѣверянъ была поэтому воинственность, которая-то больше всего и помогла Самозванцу въ борьбѣ его съ вялыми ополченіями царя Бориса.

—

Осенью 1604 года, именно въ концѣ октября, когда отцвѣтшая природа съ каждымъ порывомъ вѣтра теряла послѣдніе клочки своей лѣтней одежды, Алексѣй Однорогъ въѣхалъ въ Сѣверію со стороны Литвы, на возвратномъ пути въ Москву изъ чужеземщины.

Это былъ статный и сильный молодецъ, хорошо вооруженный, на добромъ сѣромъ конѣ, въ кафтанѣ изъ простаго зеленаго сукна, съ мѣховыми

оторочками, и въ круглой мѣховой шапкѣ съ поднятыми къ верху наушниками. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ, на каромъ, тоже добромъ конѣ, слуга его Добрыня, старикъ невзрачный, толстоносый, узкоглазый, съ виду хитрый и вмѣстѣ добродушный. И хитрость и добродушіе, очевидно, не заходили въ немъ далеко.

Алексѣй Однорогъ былъ однимъ изъ осьмнадцати молодыхъ людей, отправленныхъ царемъ Борисомъ въ Нѣмецкія земли для науки всему полезному, чего не знали на Руси. Лѣтъ пять странствовалъ онъ по разнымъ Европейскимъ государствамъ, освоился съ чужими языками и перенялъ многое отъ разныхъ иноземныхъ мастеровъ и книжныхъ людей, пробовалъ сражаться въ иноземныхъ арміяхъ и особенно понаторѣлъ въ малоизвѣстномъ тогда на Руси *огненномъ боѣ* со всѣми его примѣненіями.

Старый слуга Добрыня, отправленный отцемъ Алексѣя вмѣстѣ съ нимъ для береженья молодого боярича и надзора надъ нимъ, натерпѣлся довольно страху за него и за себя въ переѣздахъ черезъ заоблачныя горы и бездонныя пропасти, въ опасныхъ плаваніяхъ по морямъ, въ житьѣ-бытьѣ между народами неправославными, которыхъ онъ почиталъ нехристями, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда горячій нравъ Алексѣя увлекалъ его въ схватку на шпагахъ съ Нѣмецкими забіяками или въ сраженіе, гдѣ онъ рисковалъ головой Богъ

знаетъ за какую землю и за какого государя; насилу удержалъ душу въ тѣлѣ бѣдный старикъ отъ вѣчныхъ безпокойствъ и горереванья; изсушила, изтомила его чужбина; сѣрая голова его побѣлѣла, какъ Воробьевы горы въ зиму; согнуло бѣднягу въ дугу, и пять лѣтъ показались ему пятью вѣками.

Но не допустилъ-таки Господь своего усерднаго молителя умереть на чужой сторонѣ. Вотъ онъ возвращается на Святую Русь, къ могиламъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Ожилъ старикъ и стряхнулъ со спины нѣсколько тяжкихъ годовъ при одномъ восклицаніи: »Вотъ она! вотъ Русская земля!« и теперь сердце его томится только желаніемъ увидѣть Русскій крестъ на церковной главѣ, а старая кровь его волнуется только отъ нетерпѣнія похвалиться скорѣе передъ честнымъ людомъ на Москвѣ своимъ питомцемъ и сдать его съ рукъ на руки старому боярину.

Товарищъ странствія Добрыни, Алексѣй, не меньше его жаждалъ возвращенія на родину; но чужеземщина совсѣмъ иначе подѣйствовала на его душу и здоровье, — видно потому, говаривалъ старикъ, что молодое дерево пересадить легко изъ лѣсу въ садъ, а старое будетъ зеленѣть тамъ только, гдѣ выросло. Алексѣй оставилъ Русь тонкимъ, худощавымъ юношею и сложился на чужомъ хлѣбѣ въ дюжаго широкоплечаго мужчину. На щекахъ его игралъ здоровый румянецъ, потемнѣвшій отъ южнаго солнца; пріятно очертанныя гу-

бы оживлены были почти всегда легкою улыбкою, которая говорила ясно, что душа его не знала еще тяжелыхъ испытаній.

Онъ былъ привлекательный молодой человѣкъ, хотя ни его слабо-голубые, почти сѣрые глаза, ни носъ, очертанный грубовато, ни лобъ довольно низкій и гладкій, безъ живописныхъ выпуклостей, ничто не создано было какъ у красавцевъ. Онъ только тѣмъ и бралъ, что въ выраженіи его лица, въ голосѣ и движеніяхъ отражались ясная правдивая душа и горячее сердце.

Итакъ, Алексѣй Однорогъ и его вѣрный пѣстунъ возвращались домой. Въ то время путь изъ Литвы въ Московское государство былъ и другой, путь, гораздо лучше проторенный; но наши путники избрали Новгородскую Сѣверскую дорогу по особенной причинѣ.

Уже давно оставили они послѣднюю деревню, населенную одноплеменниками западныхъ Сѣверянъ, признававшими *осударемъ* польскаго Жигимонта, давно уже ѣхали по землѣ царя Московскаго, но не встрѣтили еще ни погоста, ни починка, ни одинокой избы, гдѣ бы назвали ихъ *земляками* — именемъ, самымъ пріятнымъ послѣ долгаго странствованія по чужбинѣ.

Области Московскаго государства отдѣлялись тогда отъ иноземныхъ не чертами, строго опредѣленными, а широкими пустынными полосами, которыя хотя по договорнымъ грамотамъ и при-

надлежали государству, но въ сущности тамъ жили только звѣри прискучіе, птицы перелетныя да неподвижныя племена деревьевъ. Въ эти пустыни отъ времени до времени выѣзжали, по одному и по два, станичные козаки соглядать, не идутъ ли съ чужой стороны воинскіе люди на Русь, пробѣгали по условленнымъ путямъ — *сакмамъ*, встрѣчались съ сосѣдними объѣздами, мѣнялись *доѣздными памятями* и возвращались на свои сторо́жи, которыя раскинуты были жидкою цѣпью по пустынямъ, въ виду чужихъ степей, передъ городами Брянскомъ, Стародубомъ, Почепомъ, Новгородомъ-Сѣверскимъ, Путивлемъ и такъ далѣе.

Новгородская гонная дорога, не смотря на названіе свое *большая*, вела нашихъ путниковъ то узкими лѣсными просѣками, то гнилыми болотными гатями, то бугроватыми и извилистыми торами по дикому полю, на которомъ степной бурьянъ и густой дрокъ спорили за каждый кусочекъ чернозема съ жосткими, низкорослыми кустарниками.

День склонялся къ вечеру. Солнце довольно часто выбивалось на просторъ изъ-за густыхъ облаковъ, тяжело идущихъ по небу съ готовымъ запасомъ снѣгу на зиму. Вся сторона кругомъ, отъ перемѣнчиваго освѣщенія, то усмѣхалась, то хмурилась. Съ возвышенностей, на которыя по временамъ поднимались путники, видны были впе-

реди холмы за холмами, лѣса за лѣсами. Тонкая синяя мгла лежала по низменнымъ мѣстамъ, между тѣмъ какъ всѣ возвышенности горѣли теплыми красками, которыми осень расписала лѣса, кустарники и травистую землю.

Путники наши съ каждой высоты запускали зрѣніе въ глубину неопредѣленнаго далека, стараясь за этими нитями мглистой синевы, за пестрыми рядами возвышенностей, за свѣтлыми полосами березовыхъ и темными грядами сосновыхъ лѣсовъ разглядѣть верхи церквей или дымъ деревенскій. Но ничего подобнаго вдали не мелькало. Кой-гдѣ блеснетъ сквозь темную синеву излучина рѣчки, но на ней не чернѣетъ приземистая мельница; кой-гдѣ поднимается къ небу косвеннымъ столбомъ дымъ, но это не тотъ пріятный для усталаго путешественника дымъ, который обѣщаетъ ему ужинъ и ночлегъ: это гдѣ нибудь далеко въ сторону ползетъ пожаръ по смолистому сосновому бору.

Молодой человѣкъ спокойно ожидалъ, пока дорога приведетъ наконецъ ихъ къ какому нибудь пристанищу; но старикъ часто охалъ, пожимался на сѣдлѣ, покачивалъ головой и безпрестанно оглядывался по сторонамъ. Было, однакожь, видно, что его безпокоило нѣчто гораздо важнѣйшее, нежели усталось и безпріютность страны. Дѣйствительно, когда они еще раза три взъѣхали на возвышенность и спустились въ сырое удолье,

и когда лѣсъ, перемѣжаемый до сихъ поръ открытыми мѣстами, потянулся по обѣ стороны дороги, какъ двѣ стѣны, онъ высказалъ — и, можетъ быть, въ сотый разъ уже — свое безпокойство.

»Эхъ, осударь Алексѣй Николаичъ«, такъ началъ онъ: »не даромъ ты родился подъ вѣтеръ да подъ бурю. На все у тебя своя воля: больно прытокъ ты, на бѣду себѣ и мнѣ старику, придался. Ну, не цѣплялся ли я тебѣ въ полы: »Не »сворачивай, молъ, сударь, на эту разбойничью »дорогу, поѣзжай прямо на Смоленскъ къ родимой »Москвѣ; чай ждетъ не дождется старый бояринъ »сынка«. Но тебѣ запахло здѣсь бѣдами; на бѣды любо тебѣ накликаться. Домой почитай пріѣхали, и тутъ умудрился впутаться въ бѣду. Эхъ, не дожить тебѣ до сѣдыхъ волосъ, — право такъ!«

»Полно, полно ворчать, Пахомычъ«, безпечно отвѣчалъ Алексѣй, которому вошли въ привычку укоры старика, какъ ребенку замѣчанія говорливой няни.

»Какъ не ворчать, батюшка мой!« продолжалъ тотъ; »да ворчанье-то мое не въ прокъ тебѣ. Ахъ, кабы далъ мнѣ Господь сдать тебя на руки старому боярину! то-то бы свѣчу поставилъ Владимірской Богородицѣ! И сдалъ бы я тебя, удалую головушку, цѣла и невредима, когда бъ окаянный не напутилъ тебя ѣхать черезъ эту Сиверу! Вишь глушь-то кругомъ, глушь! И на помочь никого не дозовешься.«

»Чтó за глушь?« говоритъ Алексѣй. »Дорога торная, просѣки широкія: чего тебѣ еще хочется?«

»Да безлюдье-то, бояричъ, какое! Избы не встрѣтишь, не то города.«

»Жаль, не настроилъ для тебя царь городовъ! Но до Сѣверскаго Новгородка не далеко; а тамъ до Путивля тебѣ знакомая дорога; самъ ты хвалился.«

»Будетъ тебѣ не далеко«, ворчалъ старикъ, »какъ высыплютъ изъ лѣсу....«

И не докончивъ своей мысли, онъ боязливо оглянулся по сторонамъ.

»И, Пахомычъ!« сказалъ Алексѣй: »чтó тебѣ все мерещатся разбойники? Вѣдь мы и сами, ты знаешъ, съ усами.«

»Эва!« воскликнулъ, съ полу-досадою, съ полу-насмѣшкою, Добрыня: »вишь какой храбрецъ, богатырь Илья Муромецъ, проявился! Защититъ тебя не бось кованная сорочка? Только коню тяжесть. Тутъ не съ двумя, не съ тремя придется тягаться: тьма-тмущая, говорятъ, сползлась головорѣзовъ — шапками забросаютъ!«

»А не ты ли, Добрыня Пахомычъ, говаривалъ почасту, что ни силачу, ни богачу, ни разумнику суда Божьяго не миновать?«

»Да оно такъ«, отвѣчалъ медленно Добрыня, побѣжденный собственнымъ оружіемъ, и, чтобъ перемѣть основу своего ворчанья, сказалъ: »Но зачѣмъ тебѣ вдаваться въ опасность изъ-за пу-

стяковъ? Захотѣлось повидать свою нареченную, такъ надо повернуть на глухіе дебри, на медвѣжьи логовища, на козачьи притоны.«

»Ну, угораздило меня вспомянуть про нареченную!« сказалъ, усмѣхаясь, Алексѣй. »Я думалъ, это угомонитъ тебя, а ты разворчался пуще прежняго. Но послушай, Пахомычъ: вѣдь ты умный мужикъ?«

»Вѣстимо«, отвѣчалъ тотъ: »за умомъ къ Нѣмцамъ не поѣхалъ бы....«

»Какъ же ты не разсудишь, что дѣло-то стоитъ того, чтобъ пуститься хоть въ какую сторону?«

»Стоитъ! хотѣлъ бы я знать, какъ оно этого стоитъ.«

»А вотъ какъ: видишь ли, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, я зналъ толкъ въ жизни не больше запечнаго котенка.«

»Теперь небось много ума-разума набрался!« заворчалъ опять старикъ. »Своевольства да задору только набрался!«

Но Алексѣй, не обращая на то вниманія, продолжалъ:

»Когда обручалъ меня батюшка съ Берендѣевой Парашею, чтобъ жениться мнѣ на ней, воротясь изъ чужеземщины, я готовъ былъ обручиться и со всякой дѣвушкой, по его выбору.«

»А теперь какъ же?« прервалъ его Добрыня: »теперь нѣшто пошелъ бы противъ отцовской воли?«

»Не то, Пахомычъ, но по крайней мѣрѣ я бы пожелалъ теперь сперва видѣть суженую лицомъ.«

»Вотъ-те на! да когда жъ это бывало на Руси, чтобъ показывали жениху невѣсту? Эко срамъ какой!«

»Пускай бы мнѣ и не показывали, я самъ бы постарался посмотрѣть.«

»Что́ жъ ты насильно, что ли, вломался бы въ дѣвичій теремъ?«

»Ну, ужъ объ этомъ не заботься: придумалъ бы я, какъ согнать тучи съ ясна мѣсяца.«

»Вотъ они, Нѣмецкіе-то обычаи!« сказалъ преданный, но вѣчно недовольный своимъ бояричемъ, Добрыня. »Ну, и что́ жъ? пускай бы ты посмотрѣлъ, а еслибъ не по нраву?« Такъ, небось пошелъ бы къ батюшкѣ да сказалъ: »Власть ваша, осударь батюшка, не люба мнѣ невѣста?«

»Вѣстимо.«

»Господи, ты Боже мой! вотъ-те и заморскія науки! Ну, готовься къ отвѣту, Добрыня Пахомычъ: возлелѣялъ батюшкѣ сынка на добро да на славу, научилъ уму-разуму!«

Алексѣй не могъ удержаться отъ смѣху всякій разъ, когда его дядька простодушно принималъ на себя отвѣтственность передъ отцомъ за его нравственность, умъ и всѣ помышленія. Чтобъ пригасить, однакожъ, негодованіе своего пестуна и сдѣлать его способнымъ продолжать разговоръ хоть

нѣсколько минутъ безъ огорченія, онъ обратился къ хорошо испытанному средству.

»Послушай ты меня, Добрынюшка«, сказалъ онъ.

»Слушаю«, отвѣчалъ тотъ, всё еще съ прежнимъ выраженіемъ лица.

»Вѣдь ты мужикъ-то головастый!«

Нѣсколько морщинъ изгладилось на черствомъ лицѣ старика, и онъ; погладивъ свою небольшую, бѣлую съ желтизною бородку, отвѣчалъ:

»Вѣстимо дѣло: небось, твой батюшка не отдалъ бы тебя дураку подъ началъ.«

»Ну, такъ какъ же ты этого не возьмешь въ толкъ, что съ женой сойтись — вѣкъ не развестись?«

»Вотъ это по-нашенски сказано«, замѣтилъ Добрыня. »Ты всегда умно говоришь, когда повторяешь мои рѣчи. Посмотримъ дальше, къ чему ты рѣчь-то гнешь.«

»Какъ же мнѣ, Пахомычъ, жениться не по сердцу? Теперь-то мимоѣздомъ и взглянуть мнѣ на нее, и коли не по нраву, то лучше вѣкъ не жениться. Ужъ я найду, какъ мнѣ переговорить съ батюшкой; а изъ Москвы ѣздить въ такую даль на развѣдъ не приходится.«

»Глупенько ты разсудилъ, осударь мой«, сказалъ на это Добрыня. »Живутъ въ добрѣ и съ непригожими. Лучше всего положиться на волю Божію. Жена мужу отъ Бога дается. Господь указываетъ намъ ее черезъ отца; а какъ, оставя Бо-

га и отца, самъ возьмешься выбирать, такъ и жди добра! Вотъ онъ Русскій-то обычай чѣмъ хорошъ. Покоряйся отцу, а съ тѣмъ и Богу. Для Вѣры-то да для покорства и заведено такъ изстари, чтобъ не досматриваться своей суженой-ряженой. Ты, бояричъ, Нѣмеччину отряхни здѣсь въ дикомъ бору, коли хочешь пожить счастливо на святой Руси.... Но чу! что̀ это?« сказалъ Добрыня, перемѣнясь въ лицѣ.

»Чего ты испугался?« отвѣчалъ Алексѣй; »это пѣсня.«

»Да пѣсня-то, я слышу, да что̀ за напѣвъ такой! словно сова завываетъ!«

Изъ глубины лѣса съ лѣвой стороны, кто-то звонкимъ и дикимъ голосомъ пропѣлъ, или, лучше сказать, прокричалъ, что-то похожее на пѣсню:

Гой, ты, боръ-борина!

Эхо звучно пошло по высокимъ деревьямъ, на которыхъ мало оставалось листьевъ, и когда умолкнуло, съ правой стороны другой голосъ отвѣчалъ:

Ты, чужая сторона!

»Господи!« проговорилъ тихо Добрыня, »сердце такъ и заходило: быть бѣдѣ!«

»Эхъ, ты, Добрыня!« сказалъ Алексѣй: »порочишь только богатырское имя.«

»Слушай, слушай!« шепталъ тотъ, весь въ трепетѣ.

Съ лѣвой стороны лѣса понесся новый стихъ пѣсни:

Пріюти ты молодца....

И въ отвѣтъ ему съ лѣвой:

Безъ матери, безъ отца.

На этотъ разъ голоса послышались явственнѣе. Ихъ выраженіе неизвѣстно какимъ показалось Алексѣю, но Добрыня охотнѣе услышалъ бы въ полночь на кладбищѣ голоса покойниковъ, когда они, какъ онъ, бывало, самъ разсказываетъ, качаются на крестахъ при свѣтѣ мѣсяца.

Онъ подъѣхалъ къ своему спутнику такъ близко, что конь его терся бокомъ о своего товарища, и какъ испугъ, такъ же, какъ и мужество человѣка, сообщается этому чуткому животному, то конь Добрыни насторожилъ уши и боязливо поводилъ глазами, между тѣмъ какъ его сосѣдъ, досадуя на помѣху, огрызался на него и перемѣнилъ ровную рысь на рьяные скачки.

Между тѣмъ пѣсня въ лѣсу продолжалась и слышно было уже очень близко, съ одной стороны·

Мнѣ матушка — темна ночь.

А съ другой:

Вострой ножъ — мнѣ отецъ....

Добрыня застоналъ и, схватя за повода коня Алексѣева, умолялъ бояріча воротиться назадъ. Но

въ то же мгновеніе ему показалось, что голоса раздаются сзади, и онъ, бросивъ поводья, убѣждалъ его, съ краснорѣчіемъ испуганнаго человѣка, пришпорить лошадей и летѣть впередъ безъ оглядки.

Было, однакожъ, поздно бѣжать, потому что голоса раздались впереди очень близко:

Ты, тоска-кручина, прочь!
Разгуляйся, молодецъ!

И въ нѣсколькихъ шагахъ показалось съ обѣихъ сторонъ на дорогѣ по человѣческой фигурѣ: одна — на конѣ, другая, какъ говорилось въ старину, сама-о-себѣ.

Солнце свѣтило въ лицо нашимъ путникамъ и не давало разсмотрѣть хорошо этихъ людей. Они чернѣли на свѣтлой глубинѣ ярко освѣщенной солнцемъ просѣки и показались Добрынѣ великанами. Двѣ длинныя тѣни, достигавшія по землѣ почти до копытъ его коня, еще увеличивали впечатлѣніе страха, который пронялъ бѣднаго старика до костей.

Онъ уже поворотилъ было коня на уходъ и хотѣлъ опять схватить повода своего боярича, но тотъ быстро отскочилъ въ сторону и подъѣхалъ къ двумъ великанамъ, заступившимъ ему дорогу.

ГЛАВА II.

Конный великанъ былъ въ самомъ дѣлѣ крупной породы мужчина, съ черною, окладистою бородою и съ правильными очертаніями лица, которое можно бы назвать очень красивымъ, если бъ густыя брови не слишкомъ низко нависли надъ его сверкающими глазами. Впрочемъ, наружность его не имѣла въ себѣ ничего разбойничьяго, и если бъ онъ повстрѣчался Алексѣю иначе, то былъ бы принятъ имъ за честнаго горожанина, за боярскаго сына или за дворянина средней руки.

На немъ былъ широкій охабень изъ толстаго, рыжаго сукна, которое, будучи охвачено на плечахъ и на рукавахъ свѣтящимъ сзади солнцемъ, ярко краснѣло на темной зелени сосенъ; на глаза надвинута была шапка изъ черныхъ барашковъ, съ четвероугольнымъ мѣховымъ козырькомъ, который былъ приподнятъ, но могъ, опу-

скаясь, защищать глаза отъ солнца и вмѣстѣ съ стоячимъ воротникомъ охабня закрывать лицо отъ любопытныхъ; ноги были обуты въ огромные до колѣнъ сапожищи, а вооруженіе его — тогда никто не выѣзжалъ въ дорогу безъ оружія — состояло изъ меча при боку и желѣзной, скованной на подобіе молота, боевой палицы, которая висѣла у сѣдла. Все это было очень небогато, какъ у зажиточнаго простолюдина; но прекрасный черный жеребецъ, на которомъ онъ сидѣлъ, давалъ ему наружность особы значительной.

Товарищъ его былъ человѣкъ совсѣмъ другаго покроя: худощавый, рыжебородый, со взглядомъ сѣверскаго медвѣдя. Кожа на его рукахъ, ногахъ и на лицѣ до того потемнѣла и огрубѣла отъ вліянія жаровъ и холода, что потеряла природный цвѣтъ свой и казалась чѣмъ-то похожимъ на рыжеватую юфть.

Но еще замѣчательнѣй была его одежда. Вся она состояла изъ короткаго тулупчика, котораго переднія полы были привязаны веревочками къ заднимъ, такъ что тулупчикъ служилъ ему вмѣстѣ и штанами, да изъ башмаковъ, сдѣланныхъ изъ двухъ кусковъ кожи и обтянутыхъ вокругъ голыхъ ногъ лыками; а оружіемъ были огромная дубина на плечѣ и длинный ножъ, привѣшенный къ кожанному поясу. Шапки, сорочки и другихъ принадлежностей одежды ему, видно, было не нужно, или негдѣ было взять.

Едва Алексѣй успѣлъ окинуть обоихъ взглядомъ, какъ всадникъ наскакалъ на него очень близко и, схватясь за рукоять меча, закричалъ:

»Чья сторона?«

Не понявъ этого вопроса, Алексѣй обнажилъ саблю и сказалъ:

»Прочь съ дороги, или убью!«

»Ого!« воскликнулъ незнакомецъ, приготовясь къ защитѣ: »въ нашемъ дому хозяйничать! За это стоитъ проучить по-свойски молодца. Но говори сперва, чья сторона? За кого ты? Борисъ али Дмитрій?«

»Вотъ что!« подумалъ Алексѣй, и отвѣчалъ смѣло: »Борисъ!«

»Такъ не смѣй же важничать въ осударевой вотчинѣ, Годуновецъ!« сказалъ тотъ. »Сдайся, или тутъ же положишь голову!«

»За царя моего радъ положить всегда голову«, отвѣчалъ Алексѣй. »Но еще посмотримъ, кто кому страшенъ.«

И выпалъ на него по правиламъ иноземнаго фехтованья.

»Ай-ай!« сказалъ съ удивленіемъ его противникъ, отпарировавъ ударъ съ искусствомъ, которое также удивило Алексѣя. »Давно не встрѣчался я съ соколомъ такого полета. Откуда пожаловалъ, удалецъ, на святую Русь за смертью?«

И, говоря это, онъ продолжалъ отпускать ударъ за ударомъ такъ ловко и сильно, что только добрая

миланская кольчуга давала нашему молодому путешественнику смѣлость презирать ихъ.

Все это произошло такъ быстро, что Добрыня готовъ былъ думать, что видитъ сонъ. Однакожъ, стукъ и блескъ оружія говорилъ ему ясно объ опасности, которой подвергается господинъ его. Нѣсколько секундъ онъ былъ въ оцѣпенѣніи: такъ сильно поразила его мысль о возможной смерти молодаго боярича среди этихъ глухихъ пустынь; но скоро онъ преодолѣлъ свой ужасъ и, какъ человѣкъ прибѣгающій къ послѣднему усилію въ отчаянномъ случаѣ, выхватилъ саблю и бросился на помощь Алексѣю.

Въ эту минуту, какъ будто молодость воротилась къ старику: такъ много силы чувствовалъ онъ въ рукѣ. Но дѣло доказало, что сила эта была у него только въ сердцѣ. Пѣшій разбойникъ — иначе никто не назвалъ бы оборвыша — въ два скачка очутился между нимъ и предметомъ его сердоболія, остановилъ за узду его лошадь и замахнулся на него дубиною.

»Не шевелись, старина!« закричалъ онъ, »ато тутъ тебѣ и аминь!«

Но Добрыня нашъ не струсилъ и напалъ на него съ мечемъ; но тотъ, шутя, отразилъ дубиною всѣ его удары и доказалъ, что жизнь и смерть сѣдой бороды зависятъ вполнѣ отъ рыжей.

Но не о собственной жизни и смерти думалъ старикъ: каждый взмахъ меча плечистаго против-

ника Алексѣева падалъ на его сердце. Уже ему мерещилась могила съ бѣднымъ крестомъ при глухой лѣсной дорогѣ, и видѣлъ онъ самого себя издыхающимъ на этой могилѣ. Вѣрность его не уступала собачьей; и дѣйствительно, гдѣ бы ни умеръ молодой бояричъ, Добрыня остался бы скитаться вокругъ того мѣста, и святая Русь, предметъ его воздыханій, закрылась бы для него на-вѣки.

Слезы выступили у него изъ глазъ, съ досады на его безсиліе, и, не находя другаго средства помочь своему господину, онъ закричалъ трепещущимъ отъ волненія голосомъ:

»Безбожники! знаете ли вы, на кого напали? Убирайтесь, окаянные, своей дорогою, аль будетъ вамъ казнь отъ царя такая, какой неслыхано и при Грозномъ! Слышите? это бояричъ Однорогъ, не простой дворянинъ! За каждый волосъ его вы дадите отвѣтъ самому государю.«

На этотъ разъ дряхлому тезкѣ сказочнаго богатыря посчастливилось больше, нежели, можетъ быть, самъ онъ ожидалъ: имя боярича Однорога подѣйствовало волшебно на лѣсныхъ витязей.

»Однорогъ!« повторилъ конный, осаживая назадъ своего жеребца. »Такъ ты въ самомъ дѣлѣ Однорогъ, сынъ боярина Николы Аѳонасьича?«

»Да, я его сынъ«, отвѣчалъ Алексѣй, удивляясь, что въ этихъ разбойничьихъ притонахъ знаютъ его отца.

»Такъ намъ не за что съ тобой драться«, ска-

залъ тотъ, вкладывая въ ножны мечъ: »ты будешь нашъ. Ай да рубака! искры летятъ, что изъ подъ молота!«

»Съ какой стати мнѣ быть вашимъ?« спросилъ съ досадой Алексѣй; »и кто ты, что смѣешь сына боярина Однорога называть своимъ?«

»Да какъ же сыну-то боярина Николы Аѳонасьича не быть нашимъ?« отвѣчалъ съ увѣренностью незнакомецъ.

»Что́ за новости!« говорилъ Алексѣй, внѣ себя отъ удивленія. »Съ чего ты взялъ, чтобъ бояринъ Никола Аѳонасьичъ Однорогъ измѣнилъ своему царю, Борису Ѳеодоровичу?«

»Я не скажу«, отвѣчалъ тотъ, »что онъ измѣнилъ Борису, а знаю, что онъ вѣренъ *природному* царю Московскому. Да что́ объ этомъ толковать на перепутьи? Добро пожаловать, бояричъ, на святую Русь изъ чужеземщины праздновать съ Русскимъ народомъ великій праздникъ возврата осударева на свой прародительскій престолъ! Мы не враги съ тобой, а пріятели, слуги одного царя.«

»Мой царь Борисъ Ѳеодоровичъ!« воскликнулъ Алексѣй. »Никогда не буду я слугой бродяги-самозванца, и тотъ брешетъ, какъ песъ, кто говоритъ, что старый бояринъ Однорогъ промѣняетъ своего законнаго царя на вора!«

»У, горячая кровь! знатная кровь!« сказалъ весело незнакомецъ, взглянувъ на своего товарища, который, оставя въ покоѣ Добрыню, стоялъ

неподвижно, опершись на дубину, и вслушивался въ разговоръ. »Славная кровь! такихъ-то молодцовъ намъ теперь и надо!«

»Но кто ты, еще разъ спрашиваю«, вскричалъ Алексѣй, »что такъ смѣло на царской дорогѣ возглашаешь царемъ Самозванца?«

»Я воевода Новгородскій-Сѣверскій«, отвѣчалъ тотъ съ гордымъ видомъ, какой только могъ принять на себя какой бы то ни было воевода.

»Какъ!« воскликнулъ Алексѣй, пораженный этими словами больше прежняго: »ты воевода Плещеевъ, Алексѣй Романовичъ?«

»Какой Плещеевъ! Что̀ мнѣ Плещеевъ твой! Я — Мулюха, я настоящій воевода здѣшній. Онъ и его братія не смѣютъ носа выткнуть изъ своей кучки, а мой голо́съ знаютъ всѣ здѣшнія лѣса и болота, трущобы непроходныя и топи бездонныя!«

Алексѣй не могъ прійти въ себя отъ удивленія.

»Неужели«, думалъ онъ, »края государства уже затлѣлись явной измѣной?«

Другая мысль его была объ отцѣ. Пять лѣтъ, проведенныхъ имъ въ отсутствіи, неужели могли переродить человѣка, самаго твердаго, самаго вѣрнаго царю, самаго доблестнаго, какого только онъ зналъ на Руси? Пускай бы еще говорилъ ему объ этомъ простолюдинъ, тогда бы онъ заткнулъ себѣ уши; но слышать такую вѣсть не за тайну отъ измѣнника-воеводы нельзя было безъ горь-

каго сомнѣнія даже и въ томъ, на кого онъ полагался во всякомъ случаѣ больше, нежели на самаго себя.

Эти мысли такъ тяжело налегли на душу Алексѣю, что когда Мулюха протянулъ ему руку въ знакъ примиренія и дружбы, онъ безсознательно подалъ ему свою, — но вдругъ отхватилъ и сказалъ:

»Нѣтъ, не подамъ руки измѣннику царя!«

»Измѣннику Бориса Годунова«, ты хочешь сказать, отвѣчалъ тотъ, не обидясь, »но вѣрному слугѣ царскому. Твой отецъ такой же измѣнникъ и такой же вѣрный подданный, какъ и я.«

»Это говоришь ты«, сказалъ, подумавъ, Алексѣй. »Нѣтъ, не можетъ быть, нѣтъ и сто разъ нѣтъ, чтобы старый бояринъ Однорогъ измѣнилъ своему государю!«

»А если ты услышишь это отъ самаго батюшки, тогда что́?«

»Тогда.... тогда увидишь, что́; хвалиться нечего заранѣ.«

»По крайней мѣрѣ«, сказалъ Мулюха, »ты не откажешься отъ ночлега въ воеводскомъ домѣ. Кто не радъ угостить сына боярина Николы Афонасьича?«

»Нѣтъ, не войду и подъ кровлю къ мятежнику«, отвѣчалъ Алексѣй. »Мы сойдемся съ тобой только на кровавомъ пиру, въ полѣ ратномъ. Тамъ сынъ боярина Однорога разопьетъ съ крамольниками охотно чашу смертную.«

»Ай да молодецъ же!« воскликнулъ Мулюха. »Ну, право, хоть ты и упираешься покамѣсть за своего Годунова, но не могу натѣшиться твоими рѣчами: точно уголье въ горну подъ мѣхомъ! Перемѣни только имя Бориса на Димитрія, и будутъ чудныя, истинно боярскія рѣчи!«

»Прощай и забудь, что меня видѣлъ«, сказалъ Алексѣй, опуская поводья.

»Погоди маленько«, сказалъ Мулюха, заѣхавъ ему дорогу. »Ты неразумно отказываешься отъ моего ночлега. До самого Путивля и за Путивль еще тебѣ придется спать подъ открытымъ небомъ, коли захочешь ночевать только у своихъ. И въ самой твоей материнской вотчинѣ путивльской, въ Перебоищѣ — вѣдомо мнѣ и это — ты не найдешь ни одного двора, гдѣ бы не славили царевича Димитрія.«

»Въ самомъ дѣлѣ?« воскликнулъ Алексѣй, и холодъ пошелъ по его тѣлу при мысли, что Самозванецъ въ Литвѣ набираетъ не наберетъ себѣ тысячи человѣкъ ополченія, а тутъ уже знатная часть государства отпала отъ законнаго царя Московскаго.

Тревога его не укрылась отъ проницательнаго взгляда Мулюхи.

»Поѣдемъ, бояричъ«, сказалъ онъ: »ты узнаешь отъ меня столько, что поуменьшишь свою вѣрность къ гонителю природнаго царя. Но погоди, дай отпустить мнѣ своего Огонь-Бороду.«

»Эй, ты, Огонь-Борода«, сказалъ онъ своему товарищу, »ступай въ Чертово Хайлище, вели Недогону съ товарищами ждать въ Зубрицкомъ Яру, пока красный пѣтухъ ударитъ крыльями.«

Огонь-борода кивнулъ головой, какъ-будто сказалъ: *смекаю*, повернулся и исчезъ въ лѣсу.

Это пахло чѣмъ-то зловѣщимъ и съ одной стороны отталкивало Алексѣя отъ Мулюхи, какъ отъ человѣка, пропащаго, но съ другой — непреодолимое любопытство влекло его, наперекоръ его убѣжденіямъ, къ непостижимому воеводѣ Новгородскому. Желаніе узнать поскорѣе о положеніи дѣлъ въ отечествѣ и объ отцѣ своемъ, котораго Мулюха зналъ, помогло ему также преодолѣть отвращеніе къ обществу измѣнника.

Онъ опустилъ поводья и нѣсколько минутъ ѣхалъ рядомъ съ Мулюхой молча; мысли, одна другой тяжелѣ, клонили внизъ его голову. Скоро, однакожъ, въ его умѣ сверкнула свѣтлая догадка и на минуту озарила всѣ его недоумѣнія. Въ ухваткахъ и рѣчахъ своего новаго знакомца замѣтилъ Алексѣй что-то мужицкое, не боярское, потому что и тогда, богатство, власть и служебныя занятія бояръ дѣлали ихъ движенія и рѣчи болѣе или менѣе отличными отъ обычая простонароднаго. Самое имя *Порфирій*, обращенное въ простонародное *Парфиль*, наводило сомнѣніе на подлинность его воеводскаго званія.

»Послушай, господинъ воевода«, сказалъ Алексѣй: »что́ это за прозвище у тебя такое чудное? Я никогда не слыхалъ на Москвѣ имени боярина Мулюхи, хотя слыхалъ и знаю бояръ и дворянъ безъ числа.«

»Это оттого, другъ любезный«, отвѣчалъ Мулюха, »что я вышелъ недавно изъ малыхъ людей въ воеводы. Это твой Борисъ Годуновъ нарядилъ меня въ сѣверскіе правители.«

»И ты«, воскликнулъ съ негодованіемъ Алексѣй, »вытащенный царемъ изъ грязи, такъ отблагодарилъ его за благодѣяніе!«

»Не горячись, пока не свѣдаешь, какъ быль была«, отвѣчалъ спокойно Мулюха. »Иное дѣло Москва, иное дѣло Сивера-глушь. Лучше бы мнѣ быть на Москвѣ какимъ ни на есть мастеромъ, чѣмъ въ этомъ захолустьи воеводою. Вашъ царь не допускаетъ нашего брата къ Москвѣ и близко: воеводствуй волей и неволей на рубежѣ; а нашъ осударь Дмитрей Ивановичъ всѣмъ путь откроетъ къ Москвѣ свободный. Но не за это одно мы ему служимъ, а больше за то, что онъ природный осударь Московской.«

Пожалъ плечами Алексѣй: дико, какъ лѣсной вѣтеръ, шумѣли въ его ушахъ рѣчи Мулюхины. Онъ, однакожъ, продолжалъ задавать ему вопросы за вопросами, и Мулюха разсказалъ ему, что Русь для Бориса и Борисъ для Руси совсѣмъ уже не то, что́ были въ памятное для всѣхъ время

подъ Серпуховымъ. Тогда, по грамотѣ Годунова, котораго считали царемъ законнымъ, пятьсотъ тысячъ войска собралось на берегахъ Оки. Теперь тѣ самые бояре, дворяне и боярскіе дѣти, которые шесть лѣтъ тому назадъ выѣзжали въ поле съ густымъ роемъ даточныхъ людей и холопей, подѣлались *нѣтчиками*. Однихъ нѣтъ въ полкахъ — прикинулись въ болѣзнь, другихъ раззорилъ голодъ, у третьихъ сбѣжали холопи со двора, выселились крестьяне въ Юрьевъ день, а иной *въ-нѣтехъ* такъ себѣ, малый за стараго прячется.

»Дубьемъ да плетьми«, разсказывалъ Мулюха, »согнали къ Брянску кой-какую рать, да и оттуда—кто изнурился отъ долгаго стоянья въ полѣ, кто испроторилъ запасы,—давай расползаться по домамъ за подмогою, и стала рать Борисова жидка, какъ истоптанный лапоть. Димитрій царевичъ на границѣ, а она не смѣетъ выступить въ Украйну. Прошли тѣ времена, что козаки, какъ пауки по паутинѣ, сновали взадъ и впередъ по степямъ съ доѣздными вѣстями. »Я самъ«, продолжалъ Мулюха, пріосанившись, »въ Серпуховской годъ наряженъ былъ заставнымъ головою, въ степяхъ надъ Донцомъ-рѣкой. У насъ отъ засѣки къ засѣкѣ, отъ сторóжи къ сторóжѣ ты не выбралъ бы полъ-часа въ сутки, чтобъ пролѣзть къ городамъ, не повстрѣчавшись съ козаками. Степи, лѣса и рѣки, въ полдневный жаръ и въ утренню

росу, и при мѣсячномъ свѣтѣ, звенѣли нашими голосами и выстрѣлами. Какъ стрѣла изъ лука, такъ вѣсть отъ одной сторóжи до другой летѣла, и чуть завидитъ сторожевой козакъ съ дерева гонца, то по взмаху шапки смекнетъ въ чемъ дѣло, и уже на конѣ, и летитъ-свиститъ къ очередной сторóжѣ, и черезъ часъ изъ города двинулся уже заставный голова со стрѣльцами на перерѣзъ непріятелю. А теперь, какъ здѣсь проѣхали вы отъ самой границы подъ самый немало Новгородокъ, такъ поѣзжайте и со стороны Черкасъ и съ Татарскаго кону — вездѣ вамъ будетъ просто отъ Годуновцевъ, не просто лишь отъ слугъ царя природнаго. Мы зорко смотримъ по лѣсамъ и болотамъ, и Годуновцы боятся нашего оклика, какъ лоси и козы охотничья рога. Отблагодарили козаковъ за ихъ усердіе. Ты видѣлъ моего Огонь-Бороду, въ какомъ нарядѣ разгуливаетъ онъ по лѣсу; да и то кабы не Парфиль, не Мулюха, такъ не за чтó бъ и ножа-защитника добыть, — ходи съ булавой, что перехожій калика. Зато жъ и они теперь поклонятся добрымъ поклономъ! своими трупами помостятъ они мостъ надеждѣ-царевичу къ Москвѣ бѣлокаменной.«

Всего больше, даже больше, нежели самая злоба Мулюхи на царя Бориса Годунова, была не по сердцу Алексѣю эта восторженность, съ которою отчаянный крамольникъ описывалъ ему плохія

обстоятельства царствующаго государя и усердіе украйныхъ козаковъ къ Самозванцу.

Но тѣ же самыя рѣчи производили противное дѣйствіе на вѣрнаго его пѣстуна. Добрыня любилъ царя не меньше, какъ и господинъ его, но только царя, а не Годунова. Молва о чудесномъ спасеніи сына Іоанна Васильевича Грознаго, которой захлебнулъ онъ въ Польшѣ, живо подѣйствовала на старое его воображеніе, и сколько Алексѣй ни убѣждалъ его разными доводами, что не можетъ быть живъ младенецъ Димитрій, убіенный въ Угличѣ среди бѣла дня, и котораго смерть была изслѣдована боярами и властями на самомъ мѣстѣ убійства, старика, наперекоръ разсудку, очаровывала дивная судьба воображаемаго царевича.

Онъ жадно выслушивалъ въ Польшѣ и въ Литвѣ разсказы о томъ, какъ царица Мараа, узнавъ о замыслѣ Годунова погубить наслѣдника престола, подмѣнила, будто бы, царевича Димитрія похожимъ на него мальчикомъ, а самаго его отправила тайно въ Литву съ вѣрными слугами; какъ царевичъ, въ видѣ простого сироты, ходилъ изъ дому въ домъ по Литвѣ, пуще всего боясь, чтобъ не узнали, кто онъ, и какъ наконецъ, въ опасной болѣзни, открылся онъ въ своемъ родѣ-племени литовскому пану, у котораго жилъ слугою, чтобы тотъ, по его смерти, передалъ на Русь вѣсть о сынѣ царя Іоанна Васильевича, погиб-

шемъ въ чужедальней сторонѣ, и наказъ его къ православному люду Русскому творить молитвенныя поминанія о душѣ его.

Грустное положеніе мнимаго царевича, умирающаго среди иновѣрцевъ, живо трогало сердце Добрыни, полное тоской по родинѣ, боязнью умереть на чужой сторонѣ и страстнымъ желаніемъ воротиться на святую Русь. Онъ, правда, иногда какъ будто и покорялся доводамъ Алексѣя, но память его скоро теряла нить умозаключеній, а въ сердцѣ между тѣмъ само собой внѣдрялась болѣе и болѣе чудная повѣсть о покровительствѣ Божіемъ надъ беззащитной головой царственнаго юноши.

Поэтому онъ съ восторгомъ услышалъ, что на Руси также признаютъ Димитрія царевичемъ, и рѣчи Мулюхи были для него чарующею музыкой. Радость его была тѣмъ живѣе, что разбойники, угрожавшіе смертью Алексѣю, оказались слугами природнаго царя Московскаго.

Но ему сдѣлалось опять чего-то страшно, когда Мулюха, проѣхавъ съ версту, прервалъ разговоръ съ его бояричемъ и оглянувшись кругомъ на деревья, завопилъ—нельзя сказать: запѣлъ—прежнюю пѣсню:

Гой, ты, боръ-борина!

Голосъ его, какъ труба, загремѣлъ въ лѣсу, и черезъ минуту послышался вдали чуть внятный,

но знакомый уже Добрынѣ и Алексѣю, отвѣтный стихъ:

Ты, чужая сторона!

Съ каждымъ новымъ кличемъ быстро усиливался отвѣтный голосъ, наконецъ прозвучалъ за передними соснами; вслѣдъ за тѣмъ затрещали сухія вѣтки, и показался изъ лѣсу человѣкъ, одѣтый и вооруженный не лучше Огонь-Бороды,— только этотъ былъ объ одномъ глазѣ, и такъ непріятны для зрѣнія были его всклоченные сѣдые волосы и сѣрая борода, сбившаяся въ колтунъ, что Добрыня невольно проговорилъ:

»Экъ, одноглазый лѣшій, прости Господи!«

»А, это ты, Полосастый Климъ?« сказалъ Мулюха. »Кто стоитъ на броду, на забоѣ, у Ольгина Тору, черняки аль бѣляки?«

»Бѣляки«, отвѣчалъ Полосастый Климъ.

»Вели Косолапу«, продолжалъ Мулюха, »ты найдешь его у Воеводскаго дуба.... вели наказать въ Красную Розсошь, чтобъ были къ воеводѣ на домъ передъ полуночью.«

Отправя и этого гонца, Мулюха сказалъ Алексѣю:

»Солнце скоро зайдетъ, бояричъ: мы не поспѣемъ гонной дорогой въ городъ на ужинъ; надо перехватиться намъ черезъ Ольгинъ Торъ путемъ ближайшимъ.«

»Что это за окликъ у васъ такой?« спросилъ Але-

ксѣй, которому все въ этомъ человѣкѣ казалось крайне необыкновеннымъ и невиданнымъ.

»А ты, бояричъ, знать не бывалъ на украинныхъ станицахъ?« сказалъ ему, усмѣхнувшись, Мулюха. »Все здѣсь не по-Московски; человѣкъ здѣсь перерождается отъ шкуры до костей. Но вотъ погостишь у насъ на Сиверѣ, такъ не то увидишь и услышишь.«

»Мнѣ нѐкогда гостить здѣсь«, отвѣчалъ Алексѣй: »я спѣшу въ Москву, какъ только кони вынесутъ.«

»Спѣхъ твой напрасенъ«, сказалъ таинственно Мулюха: »не ѣздить тебѣ дальше Сиверы.«

»Какъ!« воскликнулъ, быстро поворотясь къ нему, Алексѣй.«

»Да ужъ я тебѣ говорю, что не ѣздить«, отвѣчалъ тотъ спокойно.

»Чтò бъ это значило?« сказалъ Алексѣй, пораженный вдругъ странною мыслью, и рука его протянулась сама собой къ саблѣ: »ужъ не ловушка ли? Если ты воевода только на перекресткахъ, то эта сабля живо отправитъ тебя въ твое мѣсто.«

Спокойная усмѣшка Мулюхи обезоружила Алексѣя.

»Прямой ли я воевода«, сказалъ съ достоинствомъ Мулюха, »объ этомъ ты узнаешь скоро. Если жъ тебѣ не по нраву мой обычай, такъ ступай гонной дорогой, а я поспѣшу на горячій ужинъ объѣздомъ. Только безъ меня смотри, чтобъ не

случилось бѣды! Собаки не трогаютъ захожихъ только при хозяинѣ....«

»О Господи!« простоналъ Добрыня, »помилуй насъ грѣшныхъ! Батюшка Алексѣй Николаичъ, не покидай добраго человѣка въ дорогѣ!«

»Солнце садится быстро«, продолжалъ Мулюха. »Прощай; у меня не одно еще сегодня дѣло.«

Алексѣю стало стыдно его опрометчивости, хотя въ душѣ его все-таки оставалось какое-то сомнѣніе на счетъ его необыкновеннаго знакомца, и, колеблясь нерѣшимостью, какъ ему думать и дѣйствовать, онъ спросилъ (а Мулюха, казалось, и ожидалъ этого вопроса):

»Но зачѣмъ же ты говоришь, что мнѣ не ѣздить дальше Сиверы?«

»Объ этомъ узнаешь ты отъ меня дома.«

»Не думаешь ли ты силою задержать меня въ своемъ воеводствѣ?«

»А что намъ изъ тебя добра, коли ты силою будешь въ нашей рати? Нѣтъ, ты будешь нашимъ добровольно, и не позже, какъ сегодня, ты узнаешь, почему.«

»Говори сейчасъ, или я съ тобой не поѣду.«

»На это твоя воля. А я скажу тебѣ только въ городѣ, и то на прощаньи. Тогда узнаешь ты койчто отъ меня и про батюшку, боярина Николу Афонасьича. Ты, чай, думаешь, что онъ на Москвѣ, въ боярской думѣ засѣдаетъ?«

»Боже мой!« подумалъ Алексѣй, поколебавшись

еще разъ въ своемъ убѣжденіи касательно отца: »неужели въ самомъ дѣлѣ онъ сталъ за одно съ этими крамольниками?«

И, не отвѣчая на вопросъ Мулюхи и боясь развѣдывать у него про отца больше, онъ поѣхалъ за своимъ проводникомъ, какъ прикованный къ нему цѣпью.

———

ГЛАВА III.

Мулюха повернулъ съ большой гонной дороги на тропинку такую узкую, что можно было ѣхать только гусемъ, да и то вѣтви хлестали безпрестанно по лицу съ обѣихъ сторонъ.

Долго извивались наши всадники между деревьями, наконецъ въѣхали въ березовый жиднякъ. Здѣсь дорожка пошла прямѣе, и часто сквозь березы открывалась глубина вида. Она представляла широкую котловину рѣчки, которая тихо плыла между камышчатыхъ топкихъ береговъ. Зарѣчная сторона, поднимаясь круто, была покрыта лѣсомъ, густымъ, раскрашеннымъ осенними цвѣтами и молчаливымъ. Солнце скрывалось за горою; отъ этого весь видъ потянутъ былъ холодною тѣнью. Встававшій надъ водой туманъ дѣлалъ окрестность еще пасмурнѣе.

»Тропинка эта«, началъ говорить Мулюха, »гораздо короче большой дороги, только не всякъ пу-

стится сю въ такую пору.... Я самъ, немного позже, ни за какія радости не поѣхалъ бы вдоль Ольгина Тора да черезъ Буйвище.«

И слова эти сказаны были такимъ голосомъ, который далъ знать обоимъ спустикамъ, что тутъ скрывается что-то несвойское....

Сердце заходило въ старой груди Добрыни, и самъ Алексѣй спросилъ съ невольною торопливостію:

»А что?«

»Да Богъ съ нимъ«, отвѣчалъ Мулюха и остановилъ коня, чтобъ дать Алексѣю поровняться съ собою. »Тутъ въ старину«, продолжалъ онъ, понизя голосъ и посматривая на противоположный берегъ такъ, какъ будто боялся что-то увидѣть, »тутъ въ старину совершилось дѣло дивное, нелюдское....«

»Что же такое?« спросилъ Алексѣй, нечуждый суевѣрія своего вѣка,—суевѣрія, которое творило тьму повѣрій и балладъ по всей Европѣ и среди безлюдныхъ мѣстъ, прославленныхъ какой-нибудь волшебной или кровавой повѣстью, наводило дрожь на людей, незнавшихъ страху въ битвахъ на сушѣ и на водѣ.

»А вотъ что«, отвѣчалъ Мулюха. »Но я, право, не знаю, говорить ли мнѣ, или ужъ отложить на другое время? какъ-то немножко тово.... страхъ пронимаетъ. Они жъ.... всѣ этакіе.... не любятъ, когда ихъ поминаютъ.«

И остановился, вѣроятно, въ ожиданіи просьбы; но Алексѣй освободился уже отъ перваго впечатлѣнія таинственнаго голоса Мулюхи и молчалъ, стѣстенный сознаніемъ, что этотъ человѣкъ, котораго онъ презиралъ, какъ измѣнника, въ короткое время покорилъ его своему вліянію; а Добрыня не смѣлъ вступить въ разговоръ съ воеводою и только испускалъ невнятныя восклицанія: »Господи! угодники Божіи! святые ангелы-хранители!«

Приписывая молчаніе Алексѣя нѣмой боязни и довольный произведеннымъ на него впечатлѣніемъ, Мулюха продолжалъ, не дожидаясь просьбы:

»Рѣчку эту прозвали севрюки здѣшніе Ольгинымъ Торомъ по какой-то Ольгѣ Богачкѣ. Была, видишь, въ старину удѣльная княгиня, что ли, здѣсь какая-то, Ольга Богачка, и хаживала этой рѣчкой на судахъ къ Деснѣ рѣкѣ, а Десной рѣкой къ Чернигову, къ своей дочери. А дочь-то ея, слышишь, была замужемъ за Черниговскимъ княземъ. А Черниговъ не былъ тогда пустынейгородкомъ, какъ ныньче: княжили въ немъ князья, торговали Цареградскіе гости. Да нашли съ востока поганые Татаре; князя Черниговскаго убили на стѣнномъ забралѣ, а княгиня съ вѣрнымъ гусляромъ-баяномъ ушла вверхъ по Деснѣ въ лодкѣ. Доплываетъ она, батюшка ты мой, до розсоши, до Ольгина Тору, оглянется—за ней погоня. Она къ берегу да на гору въ лѣсъ. Татаре

въ лѣсъ за нею. Нельзя спастись ей отъ басурманъ. Вдругъ смотритъ — передъ ней земля разверзлась. Глубь безконечная и синѣетъ какъ небо, на небѣ облака, и тамъ облака ходятъ. А то не земля разверзлась: то была передъ ней круча надъ устьемъ Ольгина Тора. Ольгинъ Торъ, видишь, шелъ въ ту стародавнюю старину не бѣднымъ ручьемъ — плылъ какъ есть всклянь съ котловиной. Княгиня-то, слышь, обрадовалась: думаетъ самъ Богъ разверзъ передъ ней мать сыру-землю, да и ринулась въ воду. Вотъ оно какъ было-то дѣло!«

»Я тутъ не вижу еще ничего страшнаго«, сказалъ Алексѣй.

»Да погоди«, отвѣчалъ Мулюха, по видимому, не совсѣмъ довольный его спокойствіемъ: »тутъ еще не все; послушай-ка далѣе. Какъ услыхала Ольга Богачка про такое несчастіе. »Не жилица«, говоритъ, »я на бѣломъ свѣту!« Рядитъ судно, приплываетъ къ этой кручѣ-то; зовется круча Ольгино Буйвище. Вотъ мы скоро увидимъ ее, только поворотимъ за этотъ лѣсной сапожокъ, за этотъ лѣсъ-отъ, что вдался языкомъ въ воду. Ольга-Богачка вышла на этотъ сапожокъ, взбѣжала на кручу, на самую закраину, протянула руки къ небу: »Прими, Господи, мою душу!« и хотѣла броситься внизъ. Ну, Богъ душу-то ея принялъ, да самое ее не приняла ни земля, ни вода: приросла къ утесу ногами и доднесь стоитъ на своемъ Буй-

вищѣ. Смотри, вотъ она!« заключилъ Мулюха робкимъ шопотомъ.

Въ это время они обогнули, вмѣстѣ съ рѣкою, лѣсную ногу или сапожокъ, и передъ ними пошла по тому берегу, къ самой Деснѣ, отвѣсная гора; верхъ ея поросъ лѣсомъ, а бока наерошены были кореньями, по которымъ цѣплялись и висѣли густыя вязи дикаго, уже изсохшаго хмѣлю и замороженнаго осенними утренниками бурьяну. Въ своемъ безпорядочномъ и поблекломъ убранствѣ, гора бросала мертвенную тѣнь на рѣку, которая ее подмывала, и на отлогій берегъ, по которому ѣхали наши путники. Крайній отрогъ этой горы чернѣлъ, какъ надломанная сверху башня, надъ Десною, и на немъ вросли двѣ сосны, которыя своими очертаніями могли въ самомъ дѣлѣ напоминать живому воображенію станъ, поднятыя вверхъ руки и развѣвающуюся одежду женщины. Онѣ рисовались рѣзко на золотистомъ вечернемъ небѣ и готовы были, казалось, каждый мигъ обрушиться въ воду, которой переднiй планъ, затѣненный горою, блестѣлъ какъ вороненое желѣзо, а дальный, охваченный невидимымъ солнцемъ, горѣлъ огненною рѣкой.

»Такъ это, говоришь ты, Ольга Богачка?« спросилъ Алексѣй, ожидавшій чего-то больше отъ повѣсти Мулюхи. »Это просто двѣ сосны.«

»Двѣ сосны!« сказалъ, съ нѣкоторой досадой,

разсказщикъ. »Хотѣлъ бы я, чтобъ ты повидалъ эти двѣ сосны въ полночь!«

»Что́ же тогда?« спросилъ Алексѣй.

»А то«, отвѣчалъ Мулюла и, казалось, невольно понизилъ голосъ, »то, батюшка ты мой, что лишь въ лѣсу взвоетъ сова, Ольга Богачка оживаетъ какъ есть, бродитъ по-надъ рѣкой и, кого встрѣтитъ, съ крикомъ и плачемъ спрашиваетъ: »Гдѣ дочь моя? гдѣ дочь моя?«

»Господи, насъ заступи и спаси!« послышалось сзади. »Экая сторона! эхъ, Алексѣй Николаичъ, не сдобровать намъ съ тобой!«

»Ты не встрѣчался съ ней ни разу?« спросилъ Алексѣй, полу-сомнѣваясь, полу-вѣря словамъ Мулюхи.

»Я? Сохрани Господи всякаго крещенаго человѣка! Одинъ изъ моихъ молодцовъ забрелъ было сюда ночью, да послѣ дня три былъ словно потерянный. И теперь я не пустился бы въ раздобары, коли бъ не видалъ отсюда Новгородскаго за́мка всего въ свѣту солнечномъ.

Они подъѣхали въ это время близко къ устью Ольгина Тора и увидѣли солнце, сѣвшее уже на самый край земли. Къ нему пошла изгибами, вся золотая, рѣка Десна, скрываясь иногда за выступами горъ, которыя то завлекали ее въ свои изгибы, то выгибали крутымъ лукомъ далеко въ луга. При послѣднемъ поворотѣ влѣво, виднѣлся на горѣ недавно обновленный Новгородскій за́-

мокъ, или собственно *городъ*. Онъ былъ весь деревянный, но въ вечернемъ освѣщеніи блестѣлъ, какъ окованный мѣдью. Внизу передъ нимъ, въ туманномъ оврагѣ, лежала часть *посада*, котораго дома замѣтны были только по струямъ дыму, просвѣченнаго солнцемъ. Далѣе за городомъ виднѣлся Спасскій монастырь, окутанный деревьями. Покатая гора подъ нимъ до самой воды была набугрена огромными камнями, которые казались обломками низринутаго въ рѣку зданія. Всѣ эти предметы, изъ-за тяжелой массы Ольгина Буйвища, живописались въ воздушной глубинѣ легко и прозрачно, а красноватый солнечный свѣтъ, разливаясь по убогимъ верхамъ монастырскимъ, по деревьямъ и выдвинувшимся изъ горы камнямъ, охватывая вскользь бока крѣпостныхъ строеній и сверкая по водянымъ нитямъ на лугахъ, превращалъ этотъ уголокъ земли въ картину, на которую нельзя было досыта наглядѣться.

Путники наши, однакожъ, надо признаться, далеки были отъ новѣйшей страсти къ живописнымъ мѣстоположеніямъ. Наступающая ввиду волшебнаго Ольгина Буйвища ночь, усталость и голодъ обращали всѣ ихъ помыслы къ мѣсту отдыха.

Но Ольгинъ Торъ, окутанный съ обѣихъ сторонъ камышомъ, все еще не представлялъ удобнаго брода. Возлѣ самого устья, правда, камышчатая полоса рѣзко прерывалась, но зато рѣчка забурлила здѣсь по камнямъ, выдававшимся со

дна. Камни шли уступами, и вода, еще тихая у камыша, вдругъ превращалась въ шумящіе изгибы, крутясь и пѣнясь, врѣзывалась въ спокойно плывущую Десну и проводила по ней длинную, черную, сверкающую на солнцѣ, гриву.

»Этотъ *черторый*, какъ его здѣсь называютъ«, сказалъ проводникъ, »не замерзаетъ и зимой. Въ старину, говорятъ, его не было: вода спáла въ Ольгиномъ Тору отъ ея проклену за дочку. Говорятъ, мертвая до тѣхъ поръ будетъ бродить здѣсь да вопить по ночамъ, пока и до остатку высушитъ свой Торъ.«

»Какъ же ты насъ переведешь черезъ эти водовороты!« спросилъ Алексѣй.

»А вотъ, видите эту тихую полосу воды у камышей, надъ сѣдымъ черторыемъ? Тутъ-то и есть бродъ по твердому камню.«

»Да здѣсь, какъ разъ, снесетъ насъ въ Десну.«

»Такъ и думаетъ всякій захожій, кто не знаетъ здѣшнихъ мѣстъ. А тутъ воды и по колѣни коню нѣтъ. Эта камѣнная плотина только и держитъ рѣку въ ложбинѣ, а то бы вся ушла въ Десну. Ступай за мной смѣло.«

Путешественники перебрались черезъ баснословный Ольгинъ Торъ и поѣхали по-подъ горой, по узкой, незамѣтной съ противнаго берега тропинкѣ, къ лѣсному сапогу. Тамъ они поднялись на гору и скоро выбрались на гонную дорогу.

Чрезъ часъ утомительной ѣзды по высотамъ и

удольямъ наддесенскимъ, очутились они на отлогомъ склонѣ возвышенностей, который назывался Заручьемъ, потому что отдѣляется отъ городского посада ручьемъ Ярославовымъ, теперь почти изсякшимъ. Въ Самозванщину это урочище стояло еще незаселенною пустынею и было очищено отъ лѣсу для того только, чтобы въ военное время не дать непріятелю подойти незамѣтно къ городу.

Первый предметъ, замѣченный Алексѣемъ, когда онъ взглянулъ впередъ съ главной высоты Заручья, былъ прудъ, тускло отражавшій потемнѣвшее небо и неопредѣленныя формы вербъ, насаженныхъ, какъ можно было догадаться, вдоль плотины. Надъ прудомъ, по сю сторону, можно было неясно разсмотрѣть какое-то деревянное строеніе, съ высокимъ вокругъ заборомъ, а изъ-за него, въ отдаленіи, чернѣла на ночномъ небѣ гора съ зáмковыми башнями. Подъ горой мерцали кое-гдѣ огоньки, обозначавшіе посадъ Новагородка-Сѣверскаго.

»Намъ надо заѣхать на минуту сюда«, сказалъ Мулюха, подъѣхавъ къ деревянному строенію.

И Алексѣй съ своимъ дядькой послѣдовали за нимъ въ ворота, которыя отворились передъ ними какъ бы сами собой.

Имъ представился въ полу-station мракѣ широкій дворъ съ навѣсами и разными постройками вдоль забора. Среди двора стояла большая изба, съ ярко

освѣщенными волоковыми окнами, изъ которыхъ несся шумный говоръ множества голосовъ.

Добрынѣ сдѣлалось страшно. Самъ Алексѣй началъ подозрѣвать что-то недоброе, особенно когда услышалъ стукъ замковъ, которыми накрѣпко запирали ворота.

Загадка объяснилась тотчасъ. Мулюха, поворотя коня къ Алексѣю, снялъ шапку и, низко кланяясь, сказалъ:

»Добро пожаловать, дорогой гость, Алексѣй Николаичъ: это мой воеводской дворъ!«

Алексѣй не зналъ, что отвѣчать на это: досада и стыдъ, что дался такъ легко въ обманъ разбойнику, отняли у него на минуту рѣчь.

О Добрынѣ и говорить нечего.

»Не сердись на меня, бояричъ«, сказалъ Мулюха: »тебѣ не зла, а добра хотятъ. Не подойди я подъ тебя обманомъ, ты бы ко мнѣ не заѣхалъ; а не заѣхалъ бы ты ко мнѣ, то какъ разъ попалъ бы въ эту ночь между молотъ и наковальню. Не даромъ тебѣ говорю. Слѣзай-ка съ коня да отдохни у насъ, такъ постарѣешь въ часъ пятью годами, узнаешь такое, чего тебѣ и во снѣ не грѣзилось.«

Алексѣю оставалось только молчать. Мулюха очевидно былъ атаманъ шайки лѣсныхъ бродягъ, но онъ говорилъ съ такою твердостью о старомъ бояринѣ Однорогѣ, что нельзя было не предположить между ними чего-то общаго. Дѣйствія его въ отношеніи къ Алексѣю также заставляли думать, что

въ основу скоповъ Сѣверскихъ вплетена нить и его судьбы. Прежній намекъ Мулюхи на мѣстопребываніе отца Алексѣева и послѣднія слова его объ опасностяхъ, скопившихся надъ самимъ Алексѣемъ, давали новое побужденіе безпокойному любопытству нашего добра молодца. Итакъ, убѣжденный, что тутъ хотятъ не жизни его, Алексѣй рѣшился терпѣть нѣсколько времени сообщество разбойника, какъ зло неизбѣжное и неотвратимое, и, если можно, извлечь изъ него какую нибудь выгоду для дальнѣйшей дороги.

На это онъ рѣшился тѣмъ скорѣе, что у него, при всемъ стыдѣ и досадѣ на самого себя, повеселѣло на душѣ, когда онъ узналъ, кто таковъ Мулюха.

»Значитъ«, думалъ онъ, »измѣна въ Сѣверской землѣ не пошла еще такъ далеко, какъ проповѣдывалъ съ умысломъ о томъ крамольникъ; значитъ, Новгородскій замокъ, самый неприступный въ Сѣверіи, еще находится во власти царя, и хоть мятежники смѣло гнѣздятся подъ его выстрѣлами, однакожъ правительство еще въ силахъ держать заставы на большихъ дорогахъ (ибо этимъ объяснилъ теперь себѣ Алексѣй причину того, что Мулюха избралъ трудную и, какъ казалось, дальнѣйшую дорогу къ городу мимо Ольгина Буйвища), а слѣдовательно и всю страну въ нѣкоторомъ повиновеніи.«

ГЛАВА IV

Между тѣмъ какъ эти мысли быстро вращались въ головѣ его, Мулюха былъ окруженъ дюжими ребятами, которые приняли отъ него коня съ почтительнымъ усердіемъ, подобающимъ настоящему воеводѣ.

Соскочивъ на землю, Мулюха очень учтиво повторилъ Алексѣю приглашеніе на ночлегъ и тутъ же велѣлъ своимъ дворчанамъ принять отъ гостей и выхолить хорошенько лошадей.

Алексѣй слѣзъ съ коня, и Мулюха, угадывая по его движеніямъ, что́ происходило въ душѣ его, сказалъ:

»Не гнушайся нашей бесѣдушкой, бояричъ. Мы не воры, не разбойники. Мы роду честнаго и желаемъ быть честными людьми. Это твой Борисъ Годуновъ съ своими боярами нарядилъ насъ бѣглецами да баламутами, а нашъ свѣтъ-осударь Дмитрій Ивановичъ воротитъ насъ на наше мѣсто.«

*

Эта успокоительная рѣчь неизвѣстно въ какой мѣрѣ подѣйствовала на господина, но слуга перекрестился и проговорилъ тихо:

»Дай-то, Господи, чтобъ этому была правда!«

Бѣдному старику, однакожь, суждено было долго еще мучиться страхомъ за жизнь своего боярича. Когда онъ вступилъ за Мулюхой и Алексѣемъ въ избу, ему представилось зрѣлище, само по себѣ очень обыкновенное, но отъ котораго сердце его затрепетало сильнѣе, нежели когда-либо.

Посреди просторной избы вдѣланъ былъ въ потолочныя доски дымоволокъ, выплетенный изъ лозы въ видѣ колокола и обмазанный глиною; подъ нимъ на желѣзной решоткѣ трещали ярко пылающія сосновыя щепки, а вокругъ огня помѣщалось человѣкъ десять плечистаго народа въ грязныхъ, нараспашку, сорочкахъ и всѣ они были заняты оттачиваніемъ огромныхъ ножей, похожихъ на мечи.

»Здорово, молодцы!« сказалъ Мулюха, перекрестясь, съ низкимъ поклономъ, передъ образомъ въ серебрянномъ окладѣ, который обрисовывался нѣсколькими искрами въ темномъ углѣ избы. »Работайте, работайте! Что ножъ, то лишняя верста дороги къ родимой матушкѣ Москвѣ. А вотъ я вамъ привезъ гостя именитаго, почетнаго, боярича Алексѣя Николаича Однорога. Прямо къ намъ пожаловалъ изъ чужеземщины.«

Молодцы отвѣсили Алексѣю по низкому поклону, или, какъ говорили тогда, *поклонились большимъ обычаемъ*.

»Добро пожаловать, бояричъ, въ нашу братчину«, говорили они.

»Раздѣвайся, Алексѣй Николаичъ, будь какъ у себя дома, сказалъ привѣтливо и запросто Мулюха, снимая съ себя охабень, подъ которымъ надѣто было черное плисовое полукафтанье, съ золотыми галануми.«

»Ба, ба!« воскликнулъ онъ, замѣтя подлѣ дымоволока человѣка, похожаго наружностію и нарядомъ на Огонь-Бороду. »Ты зачѣмъ здѣсь, Буйтуръ.«

»Я съ Черниговской сакмы, Парфиль Яковличъ«, отвѣчалъ тотъ.

»Ну, что́ новаго?«

»Да новостей полонъ коробъ, и всѣ трепечутся, что рыба въ неводу. Насилу дождался твоей милости, чтобъ ты услышалъ не послѣдній.«

»Ну, ну, развязывай свою ношу поживѣе.«

Буйтуръ откашлянулся, какъ человѣкъ, готовый возгласить что-то очень важное, и сказалъ съ торжественностію:

»Осударь нашъ Дмитрей Ивановичъ — въ Черниговѣ!«

»Слава те, Христосъ!«закричалъ Мулюха съ своими товарищами. »Значитъ, Моравскъ уже нашъ?«

»Еще со вчерашняго дни«, отвѣчалъ Буйтуръ.

»Слава те, Христосъ!« раздалось опять, и всѣ захребетники Мулюхины крестились вмѣстѣ съ нимъ на образъ большими крестами.

»Ну, что́, бояричъ?« сказалъ потомъ Мулюха, обратясь къ Алексѣю.

»Еще Богъ милостивъ«, отвѣчалъ Алексѣй: »Черниговъ не Богъ знаетъ какая важная крѣпость.«

»Неважная! пускай и такъ: будетъ въ его власти скоро и важная! будетъ за нимъ крѣпость Новгородская, и не дальше, какъ въ эту же ночь.«

»Что жъ онъ, развѣ не нашъ?« спросилъ одинъ изъ молодцовъ, окружившихъ Мулюху.

»Онъ только лишь перешагнулъ границу«, отвѣчалъ Мулюха, »и не знаетъ еще, какъ здѣсь дѣла пошли.«

»Но какъ же«, обратился онъ къ Буйтуру, »какъ Господь помогъ нашему свѣтъ-осударю справиться съ Московскими Басмановскими стрѣльцами? Вѣдь у него, мы знаемъ, рать изъ Литвы невеличка.«

»Басмановъ подоспѣлъ къ Чернигову поздно«, отвѣчалъ Буйтуръ.

»Ну, хвала тебѣ, Господи! А наши козаки, небось, прислужились знатно?«

»Какъ разъ да два. Еще осударь былъ не доходчи Чернигова, какъ наши съ посадскими севрюками сдавили воеводскихъ стрѣльцовъ, что макуху.«

»И будто Татевскіе да Шаховскаго осадные

люди Черниговскіе стрѣляли-таки впрямъ по нашимъ?«

»Треску было довольно, а дѣло дѣломъ поведено. Воеводъ выслали осударю на гостинецъ.«

»Что́ жъ? чай, указалъ смертью казнить злодѣевъ?«

»И, куды! пожаловалъ великою милостью, оставилъ при себѣ. Князь Татевъ, говорятъ, въ большомъ почетѣ.«

»Вотъ нашъ царь-то каковъ!« обратился Мулюха къ Алексѣю: »и злодѣевъ своихъ жалуетъ; а вашъ и вѣрныхъ слугъ казнитъ!«

На это отвѣчать было не́чего. До Алексѣя доходили за границею слухи о несчастной подозрительности Бориса, жертвою которой слѣлалось много людей невинныхъ, усердныхъ царю, и о томъ, какъ много доносчиковъ породила эта подозрительность. При всей его преданности благодѣтелю его, сердце благороднаго юноши возмущалось, когда ему разсказывали, что за доносы награждали деньгами, а за ложные извѣты не наказывали. Онъ опасался, чтобъ Борисъ не подкопалъ самъ себя такими мѣрами, и опасенія его начали теперь сбываться. Съ горечью выслушалъ онъ упрекъ Мулюхи и не сказалъ ни слова въ оправданіе царя, за котораго въ важномъ случаѣ готовъ былъ пожертвовать жизнію.

»Ну, гдѣ же дѣвался Басмановъ?« продолжалъ распрашивать Буйтура Мулюха.

»Это-то и есть тó, зачѣмъ меня къ твоей милости послано: Басмановъ идетъ къ Новгородку.«

»Ой ли?« сказалъ Мулюха. »Дѣло неладно!... спѣшно идетъ?«

»Спѣшно: къ разсвѣту будетъ.«

»Къ разсвѣту! лишь бы не къ полуночи. Эй, Филатка! катай къ Зубрицкому Яру. Чуть только придутъ Чертохайловцы, чтобъ ты, не смигнувъ глазомъ, очутился у Черняка Жука: онъ знаетъ, чтó въ горенъ положено; пусть выпускаютъ краснаго пѣтуха на волю. Скажи, что время больно вздорожало.«

Одинъ изъ молодцовъ бросился одѣваться, и едва кончилъ Мулюха распоряженіе, на немъ очутился смурый охабень съ высокимъ воротникомъ, которымъ можно было, въ случаѣ надобности, закрыть лицо отъ любопытныхъ встрѣчныхъ, — подъ охабнемъ короткій мечъ, а за поясомъ ножъ въ ременныхъ ножнахъ.

Чуть вышелъ онъ изъ избы, тотчасъ заскрипѣла калитка и послышался топотъ коня, удаляющагося во всю прыть отъ подворья. Алексѣй догадался, что здѣсь держатъ лошадей всегда осѣдланными.

»Ну, вотъ, тары да бары«, сказалъ Мулюха, принявъ прежній безпечный видъ свой, »а гость стоитъ не посаженный. Милости просимъ, бояричъ, въ свѣтелку. А вы, молодцы-удальцы, по-

ворачивайтесь: кто бражки, кто пивца, да что́ въ печи, то и на столъ мечи.«

»Да еще есть къ твоей милости у меня словечко отъ воеводы Черниговскаго Пратазанова«, сказалъ Буйтуръ Мулюхѣ.

»Ну, говори, да живо: я и то ужъ не порядкомъ хозяйничаю.«

»Велѣлъ воевода Черниговскій спросить твою милость, будешь ли ему сватомъ, какъ придетъ царевичъ въ твое воеводство?«

»Онъ все хлопочетъ о Берендѣевой Парашѣ?« сказалъ Мулюха, и вниманіе Алексѣя видимо удвоилось. »Передай ему отъ меня, что это кусъ не по его глоткѣ, — подавится. Пускай не важничаетъ черезчуръ своимъ боярскимъ родомъ. Безъ меня что́ онъ за важная птица передъ царевичемъ? Все *моими* трудами сдѣлано.«

»Ну, такъ приказалъ Пратазановъ передать твоей милости, что будетъ промышлять своимъ толкомъ, а невѣсту отъ Берендѣя добудетъ.«

»Чорта добудетъ!« закричалъ запальчиво Мулюха, нахмуривъ брови. »Берендѣй не по немъ звѣрь, такъ скажи ему. Не по немъ звѣрь Берендѣй: я знаю, за чѣмъ это говорю, а онъ стреляетъ, зажмуря глаза. Есть у меня зять Берендѣю — не Пратазанову чета! такъ скажи ему. А чуть онъ покусится на что-нибудь воровское, то, право слово, распластаю его какъ судака!«

»Что́, заиграли глазки! Я и съ этой стороны

тебя знаю!« сказалъ Алексѣю, глядя на него лукаво, Мулюха, когда они вошли въ свѣтелку.

Алексѣй выдержалъ его лукавый взглядъ спокойно, какъ человѣкъ, для котораго сердечныя дѣла уже не шалость; но не могъ надивиться, что этотъ крамольникъ, будучи ему до сихъ поръ вовсе неизвѣстенъ, такъ озаботился всѣми его дѣлами и раскинулъ, по-видимому, свои сѣти не только между простолюдинами, но и между боярами.

»По чести«, сказалъ онъ, »ты дивный человѣкъ: и воевода, и атаманъ отчаянной вольницы, и сватъ. Но еще дивнѣе мнѣ, какъ все перемѣнилось на Руси въ мою отлучку. Неужто гордый бояринъ Берендѣй такъ друженъ — безъ околичностей скажу—съ человѣкомъ твоей масти? Я знавалъ его вѣрнымъ царю, какъ и мой батюшка.«

»Онъ и ныньче таковъ, горой бы его вздуло!« отвѣчалъ съ видимой досадой Мулюха; »но этимъ-то онъ и есть мнѣ подначальный человѣкъ. Что́ хочу, то теперь съ нимъ сдѣлаю. Онъ у меня здѣсь, на Сиверѣ, что бревно въ глазу: хватаетъ моихъ молодцовъ, какъ цапля лягушекъ. Да чуть осударь Дмитрій Ивановичъ сюда, тотчасъ волкъ оборотится овцой, а овца волкомъ. Тогда-то я составаю Парашу за кого хочу, съ придачею Сиверскихъ вотчинъ Берендѣевскихъ. Коли ты будешь нашъ, она будетъ твоя, а не будешь — не видать тебѣ ни мизинчика твоей нареченной.... Но вотъ и ужинъ на столѣ. Засядемъ да подкрѣ-

пимся. Кому спать, а намъ еще надо много дѣла сдѣлать. Вотъ тебѣ почетный уголъ, подъ образами, бояричъ Алексѣй Николаичъ; милости просимъ. Эй, старшіе, садитесь съ нами; а вы, меньшіе, угостите у себя хорошенько боярскаго слугу.«

Двое изъ кузнецовъ надѣли плисовыя полукафтанья, какъ на самомъ Мулюхѣ, и помѣстились за столомъ нѣсколько поодоль отъ гостя и хозяина.

»Видишь, бояричъ«, началъ говорить Мулюха послѣ перваго приступа къ горячей похлѣбкѣ, къ которой и гость его, порядочно проголодавшійся, не былъ равнодушенъ: »благословилъ меня Господь семейкою изрядною. Все это, батюшка мой, ребята бездомные, бѣглецы далекіе, головы безпріютныя. Одинаковая доля породнила насъ на чужбинѣ. На все мы мастера: сами себѣ повара, сами слуги и хозяева. Кабы началъ тебѣ всякій разсказывать свою бѣду-исторію, ты бъ и до утра не переслушалъ.«

»Разскажи, по крайней мѣрѣ, хоть ты свою«, сказалъ Алексѣй. »Ужъ если судьба свела меня съ тобой на полсутокъ, такъ я хочу знать, какого гнѣзда ты птица.«

»Исторія моя невеличка, да замысловата«, отвѣчалъ Мулюха. »Коли ты не видалъ прямой удали въ чужеземщинѣ, такъ здѣсь налюбуешься ею вдоволь. Времячко закипѣло бурное: есть на чемъ молодцу, что ножу, навостриться. Но ты слушай меня, бояричъ, а самъ почаще въ чашку загля-

дывай. Дѣло, видишь, вотъ какъ было. Жили-были мы на Москвѣ два брата, вольные люди ремесленники, и навострились такъ оружейному и всякому обронному дѣлу, что поди межь Нѣмцами такихъ мастеровъ поищи. И жили мы душа въ душу, и семьи наши, и жены наши и дѣтки малые — все это была одна семья, какъ есть одна! Вѣкъ бы этакъ жить да Бога хвалить, а судилось вѣдь иначе. Выпало намъ на долю связаться съ недобрымъ человѣкомъ, бояриномъ Онуфрѣевымъ. Работали значитъ на него работу разную. А бояринъ-отъ Онуфрѣевъ возьми да и закабали себѣ насъ вольныхъ обронныхъ мастеровъ. Мы къ расчету, а онъ служилый листъ намъ изъ Холопья Приказа: »Вы у меня шесть мѣсяцевъ служили—вы мои вѣчные холопи.« Всполошилися мы — къ Борису Ѳеодоровичу съ челобитьемъ: »Мы дескать вольные мастера Московскіе: работали за деньги.... помилуй, разсуди, осударь!« Анъ Борисъ-то Ѳеодоровичъ ужъ инымъ духомъ дышетъ — ужъ онъ не тотъ, что былъ правителемъ. Прежде, бывало, проси у него, чего хочешь, — щедрый и правосудный правитель, а тутъ ужъ онъ принялся замазывать боярамъ да вотчинникамъ глаза, чтобъ позабыли его недавнее боярство. Какъ прежде угождалъ намъ, людямъ торговымъ да ремесленникамъ, такъ теперь сталъ потворствовать боярамъ: нашъ братъ не будетъ противъ нихъ правъ. Мы свое дѣло сдѣлали, подставили плеча взлѣзть

на престолъ; пришла очередь боярамъ поддерживать, чтобъ не свалился. Дѣлъ больно много стало — такъ куда ему до нашего дѣла! Шлетъ насъ въ Холопій Приказъ: »Тамъ разберутъ: у меня дьяки правосудные.« Это значитъ: поди, овца, къ волкамъ судиться. Ну, не стерпѣло ретивое: среди бѣла дня, среди Москвы, проткнулъ я своего супостата запоясникомъ, и былъ таковъ: звѣремъ прискучимъ приснулъ въ Украйну. Ну, тутъ житье иное. Тутъ не одинъ Москвичъ мыкаетъ горе: кого доносъ, кого кабала, кого прыткость-бойкость молодецкая загнала въ Сиверскую глушь. А тѣмъ временемъ слухъ о царевичѣ растетъ и воеводы Годуновскіе руки опускаютъ. Смекнулъ я дѣломъ и засѣлъ подъ Новгородкомъ. Собралъ себѣ семейку — молодецъ къ молодцу. Кузницу, мельницу себѣ срубили. Въ кузницѣ куемъ, жерновами мелемъ; посадскіе мужики, сельскіе севрюки осударемъ-милостивцемъ величаютъ; да намъ не того надо: авось либо Господь помилуетъ насъ великою милостью да воротитъ на Москву вмѣстѣ съ царевичемъ, яснымъ нашимъ солнышкомъ. Вотъ тебѣ, дорогой гость, вся исторія кузнеца-обронщика, Парфиля Мулюхи, воеводы Новгородскаго.

»Но гдѣ ты научился такъ драться на мечахъ?« спросилъ Алексѣй.

»У тѣхъ же, чай, людей, что и ты«, отвѣчалъ Мулюха. »Мы съ братомъ учились своего худо-

жества у Нѣмца на Москвѣ же, а бывалый былъ человѣкъ нашъ мастеръ — прошелъ сквозь огонь и воду, былъ и на томъ свѣтѣ, въ Америкѣ, дрался не только съ людьми, но и съ чертями. Онъ-то насъ вышколилъ!«

»Еще дай себя спросить, что́ это за Пратазановъ и зачѣмъ онъ зовется воеводой Черниговскимъ?«

»Видишь ли, бояричъ: Сивера вся подѣлена на двѣ части: города, посады, погосты и села, хоть и не всѣ, тянутъ къ твоему царю Борису; а лѣса, болота, большія и малыя дороги, а ночью такъ и всѣ околицы, тянутъ къ нашему свѣтъ-осударю Дмитрію. Опять же стрѣльцы, городовые и станичные козаки, люди посадскіе и севрюки сельскіе зовутъ покамѣсть царемъ, хоть и не всѣ, Бориса; а мастера, что загнаны сюда волею аль бѣдою, и вольные козаки величаютъ осударемъ своего батюшку Дмитрія Ивановича. Надъ лѣсами-то, да надъ болотами, да надъ этими буйными головушками стоятъ большіе и малые воеводы. Мнѣ, большому воеводѣ, по всей Новгородчинѣ подначаленъ всякій горемыка безталанный, и дѣлаю я дѣла тамъ, гдѣ нога моя никогда не бываетъ. Моего слова боятся въ томъ высокомъ за́мкѣ, что смотритъ на Заручей пушечными жерлами, и никто не знаетъ, гдѣ сходится моя власть съ властью Годуновскихъ воеводъ — за кономъ ли посадскимъ, али за порогомъ воеводской избы. Эти

руки«, воскликнулъ воспламененный собственной рѣчью Мулюха, засучивъ рукава и протянувъ къ Алексѣю пару сильныхъ жилистыхъ рукъ, »эти руки выковали тысячу смертей Годуновцамъ! Не для кабальной работы сотворены онѣ Господомъ Богомъ, — сотворены онѣ на то, чтобы подпереть престолъ царя православнаго, истиннаго!... Но чу! что за шумъ?«

Въ свѣтелку вбѣжалъ одинъ изъ меньшихъ братьевъ.

»Батюшка Парфиль Яковличъ!« закричалъ онъ, »красный пѣтухъ распустилъ уже крылья на посадѣ!«

»Ахти мнѣ!« сказалъ Мулюха, торопливо вставая изъ-за стола. »Лошадей! лошадей!... Что́ жъ бы это значило?... Братцы, кольчуги, куяки!... (1) Приспѣло времячко: покажемъ себя въ глаза воеводамъ! пускай узнаютъ, какую цацу выковали имъ Заручейскіе кузнецы!... Но что́ жъ это Жукъ поторопился? не случилось ли какой помѣхи!... Но будь что́ будетъ.... на коней! авось-либо поклонимся великому осударю знатнымъ гостинчикомъ — Новгородскимъ за́мкомъ.

Въ нѣсколько минутъ всѣ молодцы были въ стальныхъ сорочкахъ и въ шлемахъ-мисюркахъ; мечи на ременныхъ черезъ плечо перевязяхъ; въ

(1) Латы изъ желѣзныхъ дощечекъ, нашитыхъ на бархатъ, сукно или кожу.

рукахъ рогатины; у сѣделъ желѣзныя, на подобіе молотовъ, боевыя палицы.

Алексѣй и Добрыня тоже осѣдлали своихъ коней. На нихъ никто не обращалъ вниманія, и они выѣхали за ворота вмѣстѣ съ дружиною Мулюхи.

Новгородскій посадъ пылалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Ночь была совершенно безвѣтренная, и дымъ, восходя къ небу, стлался надъ столбами пламени подобно купамъ густыхъ вѣтвей надъ древесными стволами. Крики народа звонко раздавались въ ночномъ воздухѣ. Предубѣжденный слухъ Алексѣя старался уловить въ пожарной тревогѣ восклицанія особеннаго рода; ему чудились даже ружейные выстрѣлы, а люди, густо мелькающіе въ разныхъ мѣстахъ на посадѣ, представлялись его воображенію бойцами, смѣсившимися въ жестокой сѣчѣ.

Несмотря на поспѣшность выѣзда и на сомнѣнія, по видимому, волновавшія отважнаго крамольника Мулюху, онъ вспомнилъ о своемъ гостѣ.

»Прощай, бояричъ Алексѣй Николаичъ!« сказалъ онъ. »Увидимся, или нѣтъ, но чтобъ ты не бродилъ безъ толку по Сиверѣ, я направлю тебя въ одно мѣстечко, что стрѣлу изъ лука. Слушай: батюшка твой Никола Афонасьичъ въ Перебоищѣ, въ твоей Сиверской материнской вотчинѣ, подъ Путивлемъ. Довольно съ тебя этого! Ступай къ нему; отъ него узнаешь больше. Онъ нашъ и ты нашъ будешь!«

И, перекрестясь большимъ крестомъ, онъ произнесъ набожно:

»Теперь благослови насъ, Николай угодникъ Божій, и ты, святой Побѣдоносецъ!«

Всѣ молодцы также сотворили по крестному знаменью и поскакали за своимъ атаманомъ.

Дѣйствительно, слова Мулюхи направили сердце моего добра молодца, какъ стрѣлу изъ лука, къ одной цѣли. Теперь онъ позабылъ — а хоть и не позабылъ, то пренебрегъ — цѣль, для которой избралъ возвратную дорогу въ Москву черезъ Сѣверскій Новгородъ. Усадьба боярина Берендѣя лежитъ не дальше часу пути въ сторону отъ Сѣверскаго Новгорода; но онъ не заѣдетъ туда ни на минуту. Сердце его сильнѣе всего требуетъ убѣжденія, дѣйствительно ли отецъ его пошатнулся вмѣстѣ съ другими и держитъ сторону ложнаго царевича Димитрія. Свиданіе съ отцомъ рѣшитъ, что онъ долженъ дѣлать во исполненіе своего долга, какъ Русскій, и изъ усердія къ царю, какъ облагодѣтельствованный имъ человѣкъ. Но онъ все еще не довѣрялъ словамъ Мулюхи.

Добрыня, напротивъ, вѣрилъ имъ отъ души и радовался, что старый бояринъ его стоитъ за царевича Димитрія.

»Видишь, осударь Алексѣй Николаичъ«, говорилъ онъ, оставшись съ нимъ позади Мулюхи: »ты все корилъ, бывало, блажью старика; а вотъ

и самъ твой батюшка призналъ царевича Дмитрея сыномъ царя Ивана Васильевича!«

»Молчи, Добрыня!« отвѣчалъ Алексѣй: »не говори мнѣ объ этомъ ни слова, пока увидимся съ батюшкой. Будемъ ѣхать всю ночь и весь день.«

»До Перебоища-то не Богъ знаетъ, какъ далеко отъ Новгородка«, сказалъ успокаивая себя Добрыня; дорога-то мнѣ хорошо знакома. Тамъ ѣздятъ отъ воеводы къ воеводѣ служилые козаки: бояться нечего. Пожаръ-то какой, Господи! Не останавливайся, бояричъ, и не заглядывайся — Богъ съ нимъ; намъ бы только выбраться на Путивльскую дорогу.«

Теперь Алексѣю стали ясны распоряженія и похвальбы Мулюхи. Мятежники, видно, сговорились зажечь посадъ и, когда осадные стрѣльцы и козаки выдутъ гасить огонь, ударить вдругъ на за́мокъ и овладѣть имъ во имя царевича Димитрія. Итакъ, онъ готовился мимоѣздомъ быть свидѣтелемъ приступа, котораго успѣхъ казался несомнѣннымъ, судя по тому, что́ можно было вывести изъ рѣчей отчаяннаго и на все готоваго Мулюхи.

Чѣмъ больше, однакожъ, онъ приближался къ крѣпости, тѣмъ больше убѣждался, что на нее никто не нападаетъ. Опытный слухъ его тотчасъ бы отличилъ боевые крики отъ шуму, обыкновенно сопровождающаго пожаръ.

Онъ уже поднялся на гору и очутился на посадѣ, какъ ѣхавшій за нимъ Добрыня сказалъ:

»Смотри, смотри, бояричъ, не наши ли это знакомцы? Эко лѣшіе летятъ сломя-голову! и откуда они высыпали?«

Алексѣй оглянулся и увидѣлъ вдали нѣсколько всадниковъ, которые быстро скакали по направленію отъ города къ Мулюхину двору. Близость огня усиливала темноту отдаленія, и всадники обозначались во мракѣ только блескомъ кольчугъ и куяковъ, по которымъ сверкало пламя пожара, да брызгами искоръ, вышибаемыхъ конскими подковами изъ камней.

Отлегло на сердцѣ у Алексѣя.

»Стало быть«, подумалъ онъ, »пожаръ произошелъ не отъ краснаго пѣтуха, котораго долженъ былъ выпустить Жукъ, а отъ такой причины, которая заставила самаго Мулюху убираться назадъ за-добра-ума.«

Дѣйствительно, посадъ горѣлъ безъ большой суматохи, какой бы можно было ожидать, и странно было видѣть, что жители давали огню полную свободу; если жъ хозяева принимались кое-гдѣ гасить пожаръ, то воеводскіе недѣльщики разбивали ведра, рубили бочки, разгоняли палками народъ.

Пробираясь по улицамъ, Алексѣй замѣтилъ, что многіе жители стараются ускользнуть съ своими пожитками въ поле, тогда какъ другіе ве-

зутъ и несутъ ихъ по направленію къ за́мку. Нѣсколько разъ ему послышалось въ смѣшанномъ говорѣ имя Басманова, и, вслушавшись хорошенько въ отрывки разговоровъ, онъ вывелъ изъ нихъ заключеніе, что Басмановъ съ своими стрѣльцами уже здѣсь, что онъ-то велѣлъ зажечь въ разныхъ мѣстахъ посадъ, можетъ-быть, опасаясь, что Самозванецъ нагрянетъ сюда изъ Чернигова по его пятамъ, а можетъ-быть провѣдавъ о замыслѣ мятежниковъ, которыми кипѣли окрестности Сѣверскаго Новгорода.

Часто попадались въ улицахъ и праздныя толпы, которыя никому не помогали спасать пожитки и смотрѣли на пожаръ, какъ люди, у которыхъ горѣть здѣсь нечему. Ихъ смуглыя лица показывали, что домъ и кровъ рѣдко бываютъ мѣстомъ ихъ труда и отдыха. Отъ нихъ такъ и пахло вѣтромъ буераковъ и лѣсовъ, въ которыхъ они жили, какъ звѣри, нося на себѣ все свое имущество. Въ этихъ толпахъ нерѣдко поблескивала при огнѣ полоса длиннаго ножа или другаго оружія. Бурлаки держались одинъ близъ другого тѣсно и, казалось, сомнѣвались, они ли должны боятся кого здѣсь, или сами внушать ужасъ. Замѣтно, впрочемъ, было, что недѣльщики, подкрѣпляемые небольшими отрядами стрѣльцовъ и служилыхъ городовыхъ козаковъ, проходили тамъ тише, гдѣ чернѣли эти дикія и какъ бы на что-то отчаянное приготовленныя сборища. Бочки ру-

бились и въ ихъ глазахъ, но палки оставались въ покоѣ.

»Ну, что́, звѣрье лѣсное? чего сбѣжались на пожаръ?« сказалъ, проходя мимо, старый стрѣлецъ.

»А тебѣ жаль и лучины, не токма́-что дневного свѣта!« отвѣчалъ за всѣхъ одинъ голосъ. »Добро загнали насъ въ лѣсную темь, несытые волки!«

»Вотъ ужо погодите«, сказалъ тотъ: »недалеко царская рать: не усидите тогда и по лѣснымъ трущобамъ!«

»Близокъ и нашъ праздникъ, отвѣчали ему. »Погодите и вы, мірскіе объѣдала!«

»Да бей ихъ, баламутовъ окаянныхъ! бери, тащи на висѣлицу!« сказалъ другой стрѣлецъ.

»Попробуй-ко начать!« отвѣчали ему изъ толпы лѣсныхъ скитальцевъ.

»Не тронь ихъ«, сказалъ старый недѣльщикъ: »воевода Петръ Ѳедорычъ не велѣлъ затѣвать въ ночь драки съ бурлаками. Кто знаетъ, сколько ихъ ждетъ только знака въ ярахъ вокругъ посада? Безъ готовой подмоги, ты думаешь, они такъ смѣло сползлись бы къ за́мку?«

»Эхъ, страсти ка́кія!« говорилъ Добрыня. »Пронеси насъ, Господи! Ужь и молю тебя и прошу, осударь мой, если, не дай Богъ, повстрѣчаемъ такихъ налетовъ, какъ этотъ Мулюха, не моги ты съ ними, что пѣтухъ съ пѣтухомъ, сцѣпливаться;

кони у насъ добрые: унесутъ и отъ быстраго вѣтра.«

Въ общей суматохѣ и бѣготнѣ на Алексѣя не обращалъ никто особеннаго вниманія. Онъ быстро миновалъ охваченныя пламенемъ мѣста посада, повернулъ въ Козацкую улицу, куда пожаръ не проникнулъ еще, и скоро очутился въ лѣсу, отдѣлявшемъ тогда Спасскій монастырь отъ города.

ГЛАВА V.

Вокругъ монастыря царствовала глубокая тишина. Прямо въ лицо нашимъ путникамъ свѣтилъ мѣсяцъ, только что поднявшійся надъ деревьями, которыхъ темные верхи были слегка окрашены пожарнымъ заревомъ.

Обогнувъ монастырскую ограду, они начали спускаться съ горы, между огромныхъ камней, и теперь только подумали о препятствіи, какое можно встрѣтить при переѣздѣ чрезъ рѣку въ ночную пору, и еще въ такую тревожную годину.

Еще съ горы они увидѣли на паромѣ черную купу людей, изъ которыхъ многіе, если не всѣ, были вооружены, потому что противъ мѣсяца часто поблескивали полосы желѣза. Изъ-за нихъ виднѣлась какая-то будка, въ какихъ ѣздили тогда однѣ женщины да дряхлые старики. Паромъ готовился отчалить. Путники наши спустились къ переправѣ, крича издали, чтобъ ихъ обождали. Напрасно! Паромъ отчалилъ.

На берегу осталось нѣсколько человѣкъ всадниковъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Они, очевидно, кого-то провожали.

»Люди добрые!« сказалъ Алексѣй, »что̀ это значитъ? Почему не хотѣли обождать одной минуты?«

»Значитъ не хотѣли«, отвѣчалъ ему высокій бородачъ въ нахлобученной на глаза косматой шапкѣ, оправляя сѣдло на своемъ конѣ.

Прочіе видимо отъ него сторонились, какъ-будто не желая быть узнанными.

»Да вы сами чьи же?« спросилъ Алексѣй.

»Божьи да осударевы«, отвѣчалъ тотъ угрюмо.

»Кто же отъѣхалъ на паромѣ? Я вижу боярскую, женскую колымачу.«

»Кому нужно, тотъ и отъѣхалъ.«

Понялъ Алексѣй, что больше спрашивать было не о чемъ, и замолчалъ.

Между тѣмъ до его слуха долетѣло нѣсколько словъ, которые сильно встревожили его. Человѣкъ пять-шесть всадниковъ столпились въ кучу и кто-то произнесъ его имя.

»Не можетъ быть!« сказалъ на это голосъ, какъ-будто знакомый Алексѣю.

»Онъ, онъ«, продолжалъ прежній голосъ: »я узналъ его по слугѣ. Старый хрычъ въ пять лѣтъ не перемѣнился вовсе.«

»Что же намъ дѣлать съ нимъ?«

»Захватить на всякой случай. Вѣренъ ли онъ,

или измѣнникъ, царевичъ, во всякомъ случаѣ, скажетъ спасибо.«

Этихъ словъ было достаточно, чтобы заставить Алексѣя рѣшиться на послѣднюю мѣру, которой отъ него, конечно, никто не ожидалъ. Кони его были привычны ко всѣмъ случайностямъ тогдашняго боевого времени, исполненнаго опасностей и неожиданныхъ приключеній. Прежде чѣмъ другой надумался бы, что́ ему дѣлать, Алексѣй плылъ уже по Деснѣ и объ одномъ заботился, чтобъ не зачерпнуть воды въ высокія голенища.

Всадники всполошились.

»Не пустить ли молодца въ Кіевъ на поклоненіе?« сказалъ знакомый Алексѣю голосъ.

»Нѣтъ, не тронь«, отвѣчалъ другой. »Отъ отца онъ не отстанетъ.«

»Да отецъ-то его осударевъ измѣнникъ!«

»Какъ знать? Увидимъ это, какъ придетъ царевичъ. Тогда развяжутся всякому руки и языкъ.«

Во все это время бѣдный Добрыня стоялъ, какъ пораженный громомъ и ничего не слышалъ, кромѣ всплесковъ воды и конскаго храпу.

Сперва ему казалось, что Алексѣй, вспѣнивъ воду, пошелъ прямо ко дну; но, протерши хорошенько глаза, онъ удостовѣрился, что неразумное чадо его заботъ держится съ своимъ конемъ довольно высоко на поверхности воды. Еще прошла минута въ нерѣшимости. Наконецъ лучшее чувство Добрыни взяло верхъ надъ остолбенѣньемъ.

Онъ сотворилъ большое крестное знаменье, какъ человѣкъ, рѣшившійся на все, и бросился съ конемъ въ рѣку.

Оба коня были боевые, добытые Алексѣемъ для войны у людей, прошедшихъ сквозь огонь и воду; поэтому и Добрыня не встрѣтилъ въ своемъ никакого сопротивленія. Заплескалась, въ блескѣ мѣсяца, вода, и сѣдой богатырь, напѣвая *у-у-у!* отъ холоду, поплылъ по прозрачнымъ струямъ Десны, какъ лебедь.

Между тѣмъ Алексѣй былъ уже на срединѣ рѣки и поровнялся съ паромомъ. Мѣсяцъ свѣтилъ ему слѣва, и лучи его падали прямо на паромъ. Алексѣй увидѣлъ на паромѣ, черезъ головы смотрѣвшихъ на него людей, колымагу, съ занавѣсками на столбикахъ, какъ въ нынѣшнихъ дѣтскихъ кроваткахъ, и не успѣлъ онъ разсмотрѣть всей группы людей и лошадей, обданныхъ луннымъ свѣтомъ и покрытыхъ густыми тѣнями, какъ его поразилъ женскій голосъ:

»Боже мой! онъ плыветъ, плыветъ!«

Эти слова, вынужденныя, можетъ быть, естественнымъ страхомъ за жизнь человѣка, отозвались въ душѣ молодого странника, какъ голосъ нѣжнаго участія. Алексѣй посмотрѣлъ, и изъ-за грубыхъ лицъ, помѣщенныхъ на первомъ планѣ, ему мелькнуло на темной глубинѣ колымаги озаренное мѣсяцемъ личико, какого не встрѣчалъ онъ и въ славной женскою красотой чужеземщинѣ.

»Боже! его снесетъ на камни, на водовороты!« раздалось другое восклицаніе.

»Э-э! чему повиснуть, то́ не потонетъ!« сказалъ на это грубый голосъ одного изъ провожатыхъ.

Занавѣска задернулась, неизвѣстно чьей рукою.

Взяла Алексѣя досада.

»Кто бы ты ни была, прекрасная незнакомка«, сказалъ онъ языкомъ тогдашняго Европейскаго рыцаря, »благодарю тебя за жалость къ бѣдному страннику! А ты, что́ вздумалъ угощать меня висѣлицею, береги уши: я тебѣ окарнаю ихъ живо!«

»Ого, какой богатырь щучьяго царства!« отвѣчали съ парома. »Подай мнѣ пальникъ (¹), Дементій: я отправлю его на ночлегъ къ русалкамъ.«

»Побойся Бога, Шелепугинъ«, сказалъ другой женскій голосъ: »что́ ты? Я не потерплю такого беззаконія!«

Эти слова, произнесенныя тономъ строгимъ и повелительнымъ, остановили злодѣйство, которое, въ годину безсилія законныхъ властей и разрушенія общественнаго порядка въ Сѣверской Украйнѣ, было бы дѣломъ обыкновеннымъ.

Итакъ, Алексѣй опередилъ паромъ и вышелъ на берегъ въ добромъ здоровьи.

Между тѣмъ Добрыня, невзявшій предосторож-

(¹) Фитиль, которымъ запаливали *пищаль*, т. е. ружье безъ замка. *Самопалы*, съ замками, были тогда рѣдки.

ности наворачивать коня противъ воды, былъ снесенъ быстротою теченія внизъ по рѣкѣ и подвергался опасности попасть на водовороты, образованные скрытыми подъ водою камнями; но и онъ выбрался на сушу благополучно. Весь дрожа отъ холода и страха, старикъ началъ усердно молиться на Новгородскій монастырь, мирно сіявшій на горѣ своими крестами изъ-за темныхъ деревьевъ, между тѣмъ какъ вправо изъ-за стѣнъ и башень за́мка вставало пламя, покрытое клубами дыма и несся по водѣ глухой точно подземный гулъ.

Несовсѣмъ былъ неправъ пѣстунъ Алексѣя, когда называлъ его шальнымъ малымъ. Добрый нашъ молодецъ забывалъ часто, что у него нѣтъ другой жизни въ запасѣ. Русская удаль его нашла обильную пищу за границею въ обществѣ тамошней воинственной молодежи. Онъ же еще, на бѣду себѣ, вѣрилъ въ предопредѣленіе судьбы, и потому бросался на опасность очертя-голову.

Едва паромъ причалилъ къ берегу, онъ подъѣхалъ къ толпѣ находившихся на немъ людей и сказалъ:

»Кто изъ васъ Шелепугинъ? кто здѣсь смѣлъ честному человѣку пророчить висѣлицу? выходи на расправу!«

Грозный ли видъ его и обѣщающая сильнаго бойца наружность, или другая причина заставила противника остаться въ неизвѣстности, только провожатые таинственной колымаги съ занавѣсками,

несмотря на то, что ихъ было около десяти человѣкъ, отвѣчали въ одинъ голосъ:

»Ну, ну, проваливай! Затѣялъ когда драться!«

И засуетились возлѣ лошадей и повозки.

»Такъ вы, я вижу, всѣ айайки!« сказалъ презрительно Алексѣй: »одного испугались!«

И, обратясь къ задернутой занавѣскѣ, откуда недавно слышалъ такой очаровательный голосъ, сказалъ:

»Почтенныя госпожи, не знаю, какого вы роду-племени, но какъ вы показали доброту свою ко мнѣ, такъ дайте отблагодарить васъ, чѣмъ могу. Позвольте мнѣ провожать васъ, поколь укажетъ путь мой; ато эти холопи разбѣгутся, чуть повстрѣчаютъ лисицу.«

Молчаніе внутри колымаги было ему отвѣтомъ и немножко пристыдило храбраго витязя.

»Проваливай, проваливай своимъ путемъ!« сказали ему провожатые. »Самъ ты лисица, коли не лѣсной медвѣдище. Вишь подъѣзжаетъ съ чѣмъ!«

Между тѣмъ прискакалъ Добрыня, опять испуганный ссорою, которую готовъ былъ завязать неугомонный его питомецъ. Видъ старика подѣйствовалъ на Алексѣя больше его увѣщаній. Добрыня скорчился въ-три-погибели и такъ дрожалъ, что рѣчь его дребезжала, какъ горохъ въ рѣшетѣ. Оставя въ покоѣ колымагу и провожатыхъ, Алексѣй озаботился отогрѣваньемъ своего дядьки. Лѣсъ былъ въ нѣсколькихъ шагагъ отъ нихъ. Алексѣй

слѣзъ съ коня, собралъ сухихъ сучьевъ и развелъ огонь надъ дорогой.

Едва Добрыня возвратилъ себѣ, посредствомъ благодѣтельной теплоты, даръ слова, онъ прежде всего воспользовался имъ для выговоровъ своему бояричу и для увѣщаній и просьбъ не накликаться на бѣду по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ сдастъ его старому боярину съ цѣлою головою и непереломанными руками.

Но Алексѣй не слушалъ его: мысли его неслись за таинственною колымагою. Образъ молодой незнакомки занялъ его воображеніе, и что-то похожее на предчувствіе любви томило его душу. Ему бы хотѣлось узнать, кто она и зачѣмъ пускается въ дорогу ночью? Очевидно, ее преслѣдуетъ опасность? Но какая?... Тутъ его умъ собралъ всѣ обстоятельства того времени, пытаясь объяснить изъ нихъ загадочную встрѣчу. Самозванецъ въ Черниговѣ. Козацкая вольница, управляемая до сихъ поръ тайно посадскимъ мужикомъ Мулюхою, не боится уже обнаруживать своихъ притоновъ. Она открыто покушается на крѣпость; она только и ждетъ прихода своего царевича. Тогда по всей Сѣверіи пойдетъ грабежъ во имя Самозванца. Видно, время опасное, если Басмановъ рѣшился сжечь посадъ и держаться противъ Сѣверскихъ скоповъ въ одной крѣпости? Но видно и сама крѣпость ненадежна противъ собирающейся на нее грозы, если боярскія семейства спаса-

ются бѣгствомъ на лѣвый берегъ Десны. Что, если это — Берендѣева Параша съ своею теткою?...

Едва эта мысль мелькнула въ головѣ молодого человѣка, какъ онъ не могъ уже съ нею разстаться. Пора любви давно для него наступила, и онъ, по Русскому обычаю, готовъ былъ любить женщину, которую ему укажутъ. Пребываніе въ чужихъ земляхъ не возстановило его противъ чужого выбора—онъ остался юношею Русскимъ; но развило въ немъ на столько личной самостоятельности, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ уклониться отъ ненавистнаго сожительства. Прежде чѣмъ посылать своей невѣстѣ сговорные подарки, онъ желалъ видѣть ее во что́ бы то ни стало, — видѣть женщину, съ которой суждено ему вѣковать вѣкъ свой, и это былъ самый смѣлый романъ, возможный для молодого человѣка того тяжелаго, всѣхъ и все подавлявшаго времени.

»Что́ же, въ самомъ дѣлѣ, тутъ невозможнаго«, думалъ онъ, »чтобъ это была Параша Берендѣева, моя нареченная невѣста? Я не отстану отъ нея; я буду слѣдить за этой колымагой все утро и узнаю таки, кто ѣдетъ. Дорога торная тутъ одна — Путивльская. Съ колымагой по кореньямъ и рытвинамъ въ ночную пору не далеко уѣдешь. Догонимъ ихъ какъ разъ.«

Но въ это время Добрыня, развѣсивъ передъ огнемъ свои мокрыя онучи, задремалъ самымъ сладкимъ сномъ. Алексѣй великодушно далъ ему

соснуть для подкрѣпленья старческихъ силъ и, подложивъ на костеръ валежнику, прилегъ тутъ же на своемъ вьюкѣ, въ полной увѣренности, что сонъ къ нему не подкрадется. Случилось однако жъ иначе. Костеръ горѣлъ, горѣлъ и наконецъ погасъ. Передразсвѣтный холодъ разбудилъ ихъ обоихъ почти въ одно и то же время.

Сносливъ былъ Русскій человѣкъ XVII вѣка, да и вообще въ Европѣ удобства помѣщенья и ночлеговъ не избаловали тогда еще людей военныхъ, привычныхъ къ лагерной жизни. Повалиться среди открытаго поля или въ лѣсу осеннею порою и со сну чувствовать себя что́ называется *ничего*, для тогдашняго боевого странника было дѣломъ естественнымъ. Наши путники жалѣли только о лошадяхъ, простоявшихъ на поводу безъ корму. Но кони несли ихъ бодро и, по видимому, не тяготились крупною рысью, на сколько позволяла ее неровная дорога.

ГЛАВА VI.

Алексѣй былъ совершенно увѣренъ, что черезъ часъ, не болѣе, увидитъ предметъ своего преслѣдованія. Однако жъ прошелъ часъ, прошло и два часа, а ничего подобнаго колымагѣ не мелькало вдали, да и не могло мелькать, потому что туманъ сгущался часъ отъ часу больше и лѣсная просѣка казалась дымящимся каналомъ среди деревьевъ.

Лѣсъ на этой сторонѣ Десны былъ мельче и состоялъ по бо́льшей части изъ низкихъ ольхъ, рябины и другихъ деревьевъ, любящихъ низменныя мѣста. Часто онъ прерывался на значительное пространство открытыми полянами; но зато болота представляли для путешественника здѣсь больше затрудненій, нежели на гористомъ берегу Десны глубокія провалы и поросшіе соснами косогоры. Дорога часто расходилась въ стороны, чтобъ обогнуть топкое мѣсто, и опять соединялась

въ одну бугроватую, пересѣченную древесными корнями полосу.

Чѣмъ дальше ѣхали наши путники, тѣмъ торъ дѣлался слабѣе, и лишь мѣстами по глубокимъ выбоинамъ замѣтно было, что тутъ дорога гонная. Уже и тотъ и другой начали подумывать, не сбились ли они съ главнаго пути, но Алексѣй не хотѣлъ объявить этого первый, а Добрынѣ было стыдно послѣ недавнихъ его увѣреній, что ему хорошо знакома дорога отъ Новгородка до Перебоища.

Наконецъ выѣхали они изъ послѣдней лѣсной полосы на открытое мѣсто и очутились въ какомъ-то морѣ безъ береговъ. Туманъ позволялъ видѣть кругомъ не дальше, какъ падаетъ дротикъ, брошенный рукой мальчика, начинающаго учиться ратному дѣлу.

Подвигаясь впередъ медленно и съ явнымъ уже сомнѣніемъ, они, въ добавокъ къ прежнему горю, увидѣли, что дорога раздвоилась широкою розсошью направо и налѣво. Это поставило нашихъ богатырей втупикъ, потому что при розсоши не было, какъ въ сказкахъ, столба съ предсказаніемъ, что́ постигнетъ добра-молодца на томъ и на другомъ пути.

Добрыня совѣтовалъ избрать правую стежку, какъ ближайшую къ юго-востоку, гдѣ лежалъ Путивль; но Алексѣй предпочелъ мнѣніе своего коня, который, настороживъ уши, поворачивалъ голо-

ву налѣво и громко ржалъ, какъ будто отвѣчалъ на зовъ пасущихся недалеко кобылицъ.

Проѣхавъ еще съ часъ лѣвою отраслью дороги по ровной почвѣ, вспаханной подъ озимый хлѣбъ, они не встрѣчали никого, кромѣ воронъ, дрофъ и запоздалыхъ журавлей, поспѣшавшихъ въ тѣ стороны, откуда Русь за свои мужицкія издѣлія получала вина и сласти для боярскихъ желудковъ. Наконецъ послышался собачій лай, и черезъ нѣсколько минутъ ихъ окружило стадо псовъ разныхъ породъ, разной величины и масти.

Добрыня готовъ былъ подумать, что они заѣхали въ собачье царство — онъ уже слыхалъ про царство лошадиное — какъ сквозь густой лай и визгъ послышались человѣческіе голоса.

Нѣсколькихъ словъ, ясно разслышанныхъ нашими путниками, было достаточно для убѣжденія, что здѣсь живетъ *народъ Хохолъ*.

Дѣйствительно, изъ тумана скоро выступило нѣсколько фигуръ въ высокихъ черныхъ барашковыхъ шапкахъ, въ короткихъ сермягахъ и тулупчикахъ, въ широкихъ холстяныхъ шароварахъ и — что̀ всего болѣе бросалось тогда въ глаза — съ бритыми бородами (потому что у Украинцевъ бороду носили только старшины, которыхъ всѣ называли *батька́ми*). Каждая изъ этихъ фигуръ держала въ одной рукѣ по тяжелому луку, а въ другой — по пучку длинныхъ стрѣлъ; у поясовъ — ножи.

»Ось вони́! ось вони́!« закричали усатые люди. »Забігай, забігай съ того бо́ку! Лови́, держи́!«

»За кого вы насъ почитаете, добрые люди?« сказалъ Алексѣй, остановясь и догадываясь, что тутъ есть какая-то ошибка.

»Та се не вони́!« сказалъ одинъ изъ ловцовъ: »тамъ черне́ць съ козако́мъ, а се хлопъя́ зъ дідомъ.«

»Не йми́ віри оча́мъ!« сказалъ показавшійся послѣ всѣхъ старикъ, одѣтый почти такъ же просто, какъ и прочіе, но отличенный сѣдою бородой, »не йми́ віри оча́мъ! вінъ, ка́жуть, чарівни́къ — уся́чиною переки́нетця.«

Кроткій видъ Добрыни и спокойныя убѣжденія Алексѣя, что они ошибаются, поколебали, однако жъ, немного добрыхъ людей, и они, окружа всадниковъ и не обращая больше на ихъ рѣчи вниманія, начали держать *раду*, какъ поступить имъ въ такомъ сомнительномъ дѣлѣ. Лай и завыванья собакъ, прогнанныхъ отъ ихъ находки, придавали этой радѣ какую-то дикую торжественность.

Глубокомысленное изреченіе: »Не йми віри оча́мъ«, было произнесено нѣсколько разъ и принято *грома́дою* съ важнымъ вниманіемъ; наконецъ рѣшили — такъ или иначе оно есть — отвести ихъ къ какому-то Проклу Прокловичу.

»Мы не сдѣлаемъ вамъ никакого зла, коли вы не нашего лова звѣрь«, сказалъ обращаясь болѣе

къ Добрынѣ, нежели къ Алексѣю, сѣдой ловецъ: »сохрани Боже, чтобъ мы кому заподѣяли какое зло! не потерпитъ этого ни Господь Богъ, ни Прокло Прокловичъ. Нагодуемъ васъ, упокоимъ и выведемъ на прямую дорогу, коли вы не нашего гону бобры. Ступайте за нами.«

Простодушныя лица этого народа внушали столько довѣрчивости, что даже Добрыня не усомнился за нимъ послѣдовать, а Алексѣй радъ былъ отдохнуть подъ безопаснымъ кровомъ, чтобъ съ новыми силами пуститься въ путь къ Перебоищу.

Старикъ ловецъ помѣстился впередъ съ полдесяткомъ своихъ товарищей; остальные въ несравненно бо́льшемъ числѣ стали плечо съ плечомъ, сзади, и конвой съ плѣнниками двинулся въ путь. Стая собакъ гарцовала кругомъ, какъ партизаны вокругъ регулярнаго войска.

Добрыня молчалъ, удрученный обычнымъ горемъ, и только по временамъ повторялъ съ тяжкимъ вздохомъ:

»Ахъ, Господи! ка-бы мнѣ сбыть его поскорѣе съ рукъ! Донеси меня, Господи, до Перебоища: лучше тогда въ сыру-землю, чѣмъ съ нимъ въ дорогу!«

Алексѣй между тѣмъ разсматривалъ своихъ переднихъ провожатыхъ. Всѣ они были одѣты одинаково, то есть просто и почти бѣдно; но въ пріемахъ и въ поступи старика замѣтна была необыкновенная какая-то важность. Его спутники

переговаривались между собой въ полголоса какъ-будто изъ почтенія къ его присутствію.

»Послушай, старче«, сказалъ Алексѣй, намѣреваясь кой-о-чемъ распросить его.

Но тотъ на этотъ зовъ не шевельнулъ и усомъ.

Алексѣй повторилъ свои слова громче, наконецъ сказалъ съ нетерпѣніемъ:

»Да что ты глухъ, что́ ли? Эй, мужики! Что вашъ старикъ-то глухъ?«

Одинъ изъ усачей повернулся къ нему и проговорилъ:

»Ты зовешь батька?«

»Ну, батьку«, отвѣчалъ Алексѣй, »если онъ вашъ батька?«

»Такъ такъ же бъ ти и говори́въ!« сказалъ усачъ: »ста́рець у насъ — ни́щий, убо́гий, а се ба́тько.«

И, обратясь къ важному старику, доложилъ почтительно:

»Батько Потапъ, тебе хлопець зве.«

Но тотъ, не поворачивая головы, отвѣчалъ:

»Скажи ёму: коли́ ста́рший мовчи́ть, такъ ме́ншому засьǃ«

И усачъ повторилъ его слова, оборотясь къ Алексѣю.

»Старшій изъ насъ двоихъ я«, сказалъ Алексѣй, будучи не въ состояніи удержаться отъ смѣху.

»Якъ би се такъ?« спросилъ, посмотрѣвъ на него въ-полъ-глаза, величавый батько.

»Такъ, что я бояричъ, а онъ холопъ«, отвѣчалъ Алексѣй.

Батько Потапъ остановился и окинулъ его взглядомъ съ головы до ногъ.

»Пра́вду вінъ ка́же?« спрошено было у Добрыни, и, когда полученъ былъ утвердительный отвѣтъ, тогда только важный старикъ удостоилъ Алексѣя нѣкотораго вниманія и пошелъ рядомъ съ его конемъ, готовый, по видимому, удовлетворить его любопытство.

»Скажи пожалуй, батька, что́ вы за люди?« спросилъ у него Алексѣй.

»Самъ ба́чишъ«, отвѣчалъ тотъ: »народъ христія́ньский.«

»Этого съ меня мало«, сказалъ Алексѣй: »я хочу знать, какого вы званія, чьи вы холопи, крестьяне или вольные бѣлопашцы?«

»Ты обо всѣхъ хочешь знать или обо мнѣ одномъ?« спросилъ батько Потапъ, на своемъ странномъ для Москвича языкѣ, который мы будемъ передавать здѣсь по сѣверно-русски.

»Ну, хоть о себѣ сперва скажи, что ты за человѣкъ?«

»Что́ за человѣкъ! а какъ тебѣ сдается?«

»Да что́ жъ? ты, пожалуй, боярскій ловчій, что ли?«

»Ловчій! нѣтъ подымай выше.«

»Ну, пускай ты будешь губной староста.«

»Подымай еще выше.«

»Кѣмъ же тебѣ быть еще въ этомъ захолустьи?« сказалъ Алексѣй, наблюдая въ его осанкѣ странную смѣсь важности и простодушія. »Пожалуй, ужъ не самъ ли ты дѣдичъ этихъ пустынь?«

»Нѣтъ, я не дѣдичъ, не осадчій и не отчинникъ здѣшній, но мало меньше того: я тіунъ, або *сýднiй дiдъ* Прокла Прокловича?«

»Кто же этотъ Проклъ Проклычъ?« спросилъ Алексѣй, на котораго титло *сýдняго дiда* сдѣлало меньше впечатлѣнія, нежели, можетъ быть, ожидалъ сѣдой батько.

»Кто Прокло Прокловичъ!« съ удивленіемъ повторилъ онъ: »такъ ты не знаешь Прокла Прокловича?«

»Не знаю и не слыхалъ никогда такого чуднаго имени.«

»И пана Заболотнаго не слыхалъ?«

»И пана Заболотнаго не слыхалъ.«

»Ну, такъ хоть же слыхалъ когда-нибудь про Мосты, про урочище Мосты?«

»Никогда ничего подобнаго не доходило до моихъ ушей.«

»Ну, ну!« сказалъ старикъ, покачавъ головой. »Постой же еще: вѣрно ты слыхалъ когда-нибудь, хоть въ сказкѣ, про Черныя Лозы?«

»И, нѣтъ, совсѣмъ не слыхалъ«, отвѣчалъ Алексѣй, начиная смѣяться.

»Ого!« сказалъ глубокомысленный батько, взглянувъ на заднихъ своихъ спутниковъ, и тѣ, по ви-

димому, совершенно поняли, что́ значитъ это *ого*, потому что покачали значительно головами. »Изъ далекой же стороны залетѣла къ намъ птица! Откуда это ты такой взялся, что не слыхалъ ни Прокла Прокловича, ни Мостовъ, ни Черныхъ Лозъ?«

»Охотно тебѣ это скажу«, отвѣчалъ Алексѣй: »но сперва растолкуй мнѣ, что́ это за Проклъ Проклычъ такой, что за Черныя Лозы и Мосты?«

»До́бре«, сказалъ старикъ. »Смотри: видишь ты, вонъ сквозь туманъ блеститъ вода? Это не море и не Днѣпро и не Десна, да не переѣдешь черезъ нее ни байдакомъ, ни вплавь. Затѣмъ-то и помощены тутъ кладки. Но это еще не Мосты: это еще только кончикъ Мостовъ.«

Передъ нимъ въ это время показалась длинная полоса воды, которой берега терялись въ туманѣ: сквозь холодную мглу виднѣлись только, то темнѣе, то блѣднѣе, — купы небольшихъ деревъ. Дорога здѣсь пошла топкая, и только связки хвороста, положенныя поперекъ, давали возможность пробираться кое-какъ впередъ на коняхъ. Черезъ минуту всадники должны были, по требованію сѣдого батька, спѣшиться. Болотная гать уступила мѣсто доскамъ, положеннымъ, въ нѣсколькихъ вершкахъ надъ водою, съ перекладины на перекладину, которыя утверждались на дубовыхъ сваяхъ.

Батько Потапъ взялъ за поводъ коня Алексѣева и повелъ впередъ, а остальному конвою и

двумъ плѣнникамъ велѣлъ размѣститься такъ, чтобъ человѣкъ отъ человѣка отстоялъ »на три ратовища.«

Эта предосторожность была необходима, потому что перекладины размѣщены были рѣдко, и длинныя доски, несмотря на толстоту свою, гнулись и плескались по водѣ. Старикъ, для бóльшаго убѣжденія своихъ спутниковъ, припомнилъ имъ недавнее потопленіе здѣсь какого-то смѣльчака, котораго едва баграми могли послѣ нащупать и вырвать изъ всасывающей глубины болота.

Разговаривать сдѣлалось теперь неудобно, и Алексѣй молча шелъ въ трехъ ратовищахъ отъ своего коня, съ удивленіемъ разсматривая эту дикую равнину, залитую стоячею водою, и шаткую переправу, которая тянулась, по видимому, на безконечное пространство.

Поднялся съ востока легкій вѣтеръ и началъ свивать въ клубы лежавшій надъ водою туманъ. Алексѣй вспомнилъ сказку о прозрачныхъ утопленицахъ, подметающихъ, сдѣланными изъ вѣтра метлами, хрустальные полы своихъ покоевъ.

Розовый востокъ заалѣлъ ярче, отражаясь въ длинныхъ нитяхъ воды, потянувшихся дальше и дальше въ глубь лѣсной низменности.

Тишина, царствовавшая въ полѣ и на лугу, смѣнилась здѣсь звонкими криками дикихъ гусей и утокъ, которыхъ цѣлыя стада виднѣлись вдали по обѣ стороны зыбкаго мостика. Между ихъ тем-

ными купами показывалось порой семейство гордыхъ лебедей, а черные аисты, такъ рѣдкіе на сѣверѣ, стояли неподвижно, поджавъ одну ногу, на пловучихъ островкахъ трясины, какъ будто обдумывая, въ какую сторону уходить отъ приближающейся зимы.

Чѣмъ дальше шли, съ своими провожатыми, наши путники, тѣмъ гуще становились деревья, которыя прежде изрѣдка виднѣлись имъ темными пятнами въ туманѣ. Это были гибкія ивы съ тонущими въ водѣ вѣтвями, раскидистыя вербы и ольхи съ покраснѣвшими листьями.

Наконецъ перекладины, извиваясь направо и налѣво, потянулись жидкимъ лѣсомъ, изрѣзаннымъ водяными затоками, и опять смѣнились чѣмъ-то въ родѣ плотины.

Послышался не вдалекѣ стукъ топоровъ сквозь такованье глухихъ тетеревей и стрекотанье безчисленнаго множества дроздовъ, перелетавшихъ стадами съ дерева на дерево.

»Вотъ наши Мосты!« крикнулъ издали батько Потапъ, оборотясь къ Алексѣю, »но это еще не все: посмотришь, что̀ будетъ дальше.«

Они вступили въ лѣсъ, состоявшій изъ сосенъ и березъ необыкновенно высокихъ, ровныхъ и тонкихъ. Эхо топоровъ ходило по деревьямъ звонко, какъ по натянутымъ струнамъ. Крики птицъ, доселѣ рѣзкіе и нестройные, сливались здѣсь со стукомъ сѣкиръ въ какой-то волшебный ладъ.

Это чувствовалъ, по видимому, даже флегматическій батько Потапъ: онъ закричалъ опять къ Алексѣю, подмѣшивая своимъ голосомъ въ пустынный концертъ новый токъ звуковъ и отзвучій:

»Что́, каковы наши Мосты? Нѣтъ въ свѣтѣ веселѣе мѣста! всякая благодать Божія! Еще жъ увидишь Черныя Лозы.«

Сквозь деревья опять заблестѣла вода. Это что-то въ родѣ рѣки, разлившейся между небольшими островами, густо поросшими высокимъ, тонкимъ и стройнымъ лѣсомъ. Досчатыя перекладины, подобныя прежнимъ, шли здѣсь съ островка на островокъ, и глазъ зашедшаго въ это мѣсто впервые, очаровывался видомъ каналовъ или рукавовъ рѣчки, расходящихся въ разныхъ направленіяхъ по лѣсу, и мглистою глубиной пейзажей, состоявшихъ только изъ дерева, воды и неба, но чрезвычайно разнообразныхъ.

Но не на это, однакожъ, обратилъ здѣсь особенное вниманіе Алексѣй. Онъ увидѣлъ, что стукъ топоровъ не былъ, какъ онъ предполагалъ, вѣстникомъ мирныхъ занятій дровосѣка или плотника: народъ хохолъ рубилъ на сосѣднихъ островахъ боевыя засѣки, которыя, отстоя отъ мостиковъ на ружейный выстрѣлъ, могли защищать эту тѣсную дорогу противъ кокого угодно войска.

»Что́ это значитъ?« спросилъ онъ съ удивленіемъ.

»Ага!« отвѣчалъ батько Потапъ. »Это значитъ,

что и насъ голою рукою не бери. Ты думаешь, Черныя Лозы такъ себѣ хуторъ! увидишь, что это за Черныя Лозы. Прокла Прокловича другого въ свѣтѣ не отъищешь; не отъищешь, я думаю, и Черныхъ Лозъ другихъ.«

Еще топкое болото съ зыбкими гатями; еще озера стоячей воды съ купами лозы и камыша, съ пловучими маковками и всякими волокнистыми травами, изъ которыхъ водяной плететъ свои сѣти на уловленіе неосторожныхъ и пьяныхъ путниковъ. Наконецъ показались верхи высокихъ липъ и вязовъ, а ниже ихъ купы рябины, густо накрапленныя красными кистями. Еще ниже, изъза болотныхъ кустарниковъ показалась чуть возвышенная надъ водою полоса луга, сокращавшагося въ узкую линію, и по немъ игралъ табунъ лошадей, по большой части сѣрыхъ и бѣлыхъ.

Кони Алексѣя привѣтствовали обитателей этого уединеннаго пастбища громкимъ ржаньемъ, и нѣсколько жаркихъ мордъ обратилось къ нимъ, пуская на встрѣчу облака дымнаго пару.

»Это у насъ запасъ на Татаръ: проклятая погань часто подкрадывается къ нашимъ селамъ«, сказалъ батько Потапъ Алексѣю, когда они ступили на лугъ. »Если надо, то сегодня сто коней и выѣдетъ за ними въ погоню. Они меня боятся, глупые: я ремесломъ коваль, такъ меня лошади чуютъ издали. Не разсудятъ, что безъ подковъ скоро имъ будетъ какъ безъ ногъ. На завтра надо

ожидать добраго мороза. А тамъ вправо, на буграхъ, смотри, какая отара овецъ. Слава тебѣ Господи, не нуждается ни въ чемъ Прокло Прокловичъ.«

Пройдя еще нѣкоторое разстояніе и повернувъ за рябиновую рощу, они поднялись на возвышенный кряжъ земли, покрытый изрѣдка деревьями. Тутъ паслось стадо коровъ и быковъ, крупныхъ, лбистыхъ, круторогихъ, по большой части кирпичнаго цвѣта, ярко горѣвшаго на солнцѣ, которое взошло съ противоположнаго конца пустыни и прогоняло съ низины послѣднія залежи тумана.

»Это любимцы Прокла Прокловича«, сказалъ батько Потапъ. »Каждаго вола знаетъ онъ по имени и всякое утро приноситъ имъ по куску хлѣба.«

Но видно, не отъ одного Прокла Прокловича лакомились эти животныя-флегматики: нѣсколько важныхъ быковъ, съ отвислыми почти до колѣнъ во́лами, подошли къ батьку Потапу и протягивали къ его рукѣ свои круглыя и гладкія морды.

»Благодатная животина«, говорилъ, поглаживая ихъ, медленный, какъ и они, батько Потапъ: »они насъ кормлятъ хлѣбомъ. Такъ говоритъ и Прокло Прокловичъ. Вотъ видны крыши чрезъ верхи: это наши запасы хлѣбные, и все труды вотъ этихъ добряковъ. Ихъ сто́итъ жаловать. А

вотъ настоящіе дармоѣды! Смотри, сколько ихъ у насъ!«

Въ это время туча бѣлыхъ голубей поднялась изъ-за недалекихъ уже липъ и вязовъ. Освѣщенные снизу только что взошедшимъ солнцемъ, они сверкали на лазури небесной, какъ золотыя и серебряныя блестки.

»Это забава Прокла Прокловича«, продолжалъ старикъ. »Да почему жъ и не позабавиться доброму человѣку? Есть, говорятъ, люди, что̀ забавляются людскими слезами; то хуже, мнѣ сдается. А нашъ Прокло Проклович и скоту, и птицѣ, и человѣку дѣлаетъ добро.«

»Но все-таки ты не сказалъ мнѣ, кто этотъ добрый Проклъ Проклычъ?« замѣтилъ Алексѣй.

»Какъ же, я тебѣ скажу, кто Прокло Прокловичъ«, отвѣчалъ его собесѣдникъ, »когда ты еще не знаешь Черныхъ Лозъ? Говорить, такъ говорить по порядку. Вотъ Мосты ты видѣлъ. Я думаю, нѣтъ на свѣтѣ такого другого мѣста — и Прокло Прокловичъ такъ думаетъ. Видѣлъ ты и Черныхъ Лозъ кусокъ. Это уже Черныя Лозы, вотъ, гдѣ мы идемъ. Но посмотришь, что̀ будетъ дальше.«

Повернувъ за хлѣбные склады, они очутились у тѣхъ высокихъ вязовъ и липъ, которые виднѣлись издали. Батько Потапъ объяснилъ Алексѣю, что Проклъ Прокловичъ собственными руками на-

садилъ эти липы, для того, чтобъ отдѣлить овины отъ хлѣбныхъ запасовъ.«

»Собственными руками!« повторилъ Алексѣй, разсматривая съ удивленіемъ разросшуюся, по видимому, лѣтъ во сто рощу. »Сколько же лѣтъ самому вашему Проклу Проклычу?«

На это батько Потапъ какъ-то странно потрясъ головою.

»Я тебѣ говорю«, сказалъ онъ, »что другого Прокла Прокловича не найдешь на свѣтѣ. Мнѣ вотъ о Рождествѣ минетъ осьмидесятый годъ, моему брату мирóшнику (1) будетъ лѣтъ пять нáдъ-то, а мы оба и не зазнаемъ Прокла Прокловича безъ уса. Ему по малой мѣрѣ лѣтъ сто и двадцать.... Вотъ и наши гумны. Хлопцы«, оборотился батько Потапъ къ своимъ товарищамъ съ луками, »ступайте по своимъ мѣстамъ. Я самъ поведу гостей къ Проклу Прокловичу. Теперь уже вы наши гости«, сказалъ онъ Алексѣю. »Я вижу по твоей мóвѣ и по всему, что ты хлопъя́ доброго роду; ато было подумалъ сперва, не тотъ ли ты чернецъ, что вербуетъ по нашимъ селамъ глупыхъ севрюковъ для какого-то проявы-царевича.«

»Чернецъ — и вербуетъ севрюковъ?« спросилъ Алексѣй. »Стало быть, и монастыри пошатнулись на сторону Самозванца?«

(1) Мельнику.

»Нѣтъ, монастыри стоятъ твердо еще за царя Бориса«, отвѣчалъ батько Потапъ, »а этотъ чернецъ — видно, самъ нечистый въ человѣческомъ образѣ. Водится съ лѣсными козаками по всей Сиверѣ и сыплетъ деньги: а откуда онѣ у него берутся, скажетъ развѣ тотъ, чтó съ козьими рогами.«

»Откуда жъ онъ? изъ какого монастыря?«

»Изъ самой Москвы. Это тотъ самый Отрепа, про котораго была царская грамота, что онъ озвался царевичемъ. А онъ не говоритъ, что онъ царевичъ, а только божится, что знаетъ царевича съ дѣтства и видѣлъ въ Литвѣ. Правда этому или нѣтъ«, продолжалъ батько Потапъ, »только всюду развозитъ этотъ Отрепа грамоты отъ своего царевича, а темный людъ тревожится, какъ пчелы въ коробкѣ. Царевичъ этотъ идетъ, слышно, сюда войною; кто не покорится — въ пень вырубитъ. Такъ вотъ и думай бѣдный мужикъ: стоять за царя Бориса — раззоритъ царевичъ; стоять за царевича — бѣда будетъ отъ царя Бориса. По неволѣ пристаютъ иные къ тому Отрепѣ.«

»А вы?« спросилъ Алексѣй.

»А намъ чего бояться въ своихъ Черныхъ Лозахъ? Видишь, какія кругомъ болота? Какъ велитъ Прокло Прокловичъ снять кладки, такъ никто въ свѣтѣ къ нему не доступится.«

»А зимой?«

»Зимой хоть и не думай. Эти болота всю зиму тлѣютъ и дымятся, какъ дегтярный майданъ. Подъ

снѣгомъ да подо льдомъ такія тутъ у насъ западни, что шурхнешь какъ разъ на-вѣки ([1]). Разъ поткнулись было сюда зимою лѣсные козаки, эти бродяги, что̀ понаходили изъ Московскихъ городовъ. Купа ихъ была немалая. Думали ночью поживиться скотомъ въ Черныхъ Лозахъ, да насилу выбрались изъ болотъ. Весною поймали ихъ баграми больше десятка. Уже какой былъ Татаринъ Батый! находилъ онъ на здѣшнюю Украйну еще при прадѣдѣ нашего Прокла Прокловича; Кіевъ раззорилъ, всѣхъ подъ ярмо подклонилъ, а въ Черныхъ Лозахъ и нога его не была. И не заплатили дѣды Прокла Прокловича дани ни шеляга поганымъ Татарамъ. Это онъ самъ говорилъ.«

»Зачѣмъ же вамъ засѣки«, спросилъ Алексѣй, »если къ вамъ нельзя доступиться?«

»А ты развѣ не видалъ послѣ зеленыхъ святъ на небѣ помела? Прокло Прокловичъ какъ только увидѣлъ, заразъ и промолвилъ: »Будетъ вели-

---

([1]) Смутное воспоминаніе о недоступныхъ селитьбахъ въ давнія, полныя напастей, времена сохранилось у Смолянъ. Они говорятъ, что есть гдѣ-то въ ихъ губерніи лѣсъ, среди котораго находится широкое, топкое, непроходимое болото, и по тому болоту не только лѣтомъ, но и въ самую холодную зиму нѣтъ ни проѣзда, ни прохода; оно никогда не мерзнетъ и никогда не пересыхаетъ. Посреди его есть островъ зеленый и цвѣтущій, какъ лужайка. Тутъ ростутъ высокія, красивыя деревья, еще нетронутыя отъ начала міра, и водятся различные звѣри, птицы и пресмыкающіяся, которыхъ давнымъ-давно уже нѣтъ въ другихъ мѣстахъ. (Намекъ на неизмѣнность старинной жизни въ такихъ захолустьяхъ.)

»кая война въ Русской землѣ, какой еще никогда »не бывало«, и велѣлъ готовить на засѣки дерево. Что жъ? вотъ и справдились слова Прокла Прокловича. Подуло отъ Литвы такимъ вѣтромъ, что снесетъ, можетъ быть, не одинъ городъ. Только и защиты добрымъ людямъ будетъ, что въ Черныхъ Лозахъ. Мѣста у насъ довольно, лѣсъ на хаты кругомъ, а хлѣба не переѣсть пяти городамъ: столько его запасено у Прокла Прокловича.«

Безчисленныя скирды подлѣ гуменъ, поросшія уже бурьяномъ, подтверждали слова батька Потапа.

За гумнами опять посажена была густая роща изъ кленовъ, ясеней и буковъ. За рощею открылось передъ нашими путниками большое село, состоящее изъ бѣлыхъ подъ соломенными крышами хатъ, окруженныхъ садами. Алексѣй подивился множеству плодовитыхъ деревьевъ, на которыхъ еще изрѣдка оставались плоды-зимовки.

»Что́ теперь!« сказалъ ему батько Потапъ. »Когда бъ ты побывалъ въ нашихъ Черныхъ Лозахъ весною, какъ сады цвѣтутъ, то сказалъ бы, что это сущій рай Божій.«

»И все это Прокла Проклыча мужики живутъ?«

»Все это? да у него десять такихъ селъ есть, коли не больше. Мы и сами не знаемъ, сколько подъ нашею рукою крестьянъ.«

»Можетъ ли это статься«, сказалъ Алексѣй, »чтобъ вотчинникъ не зналъ своихъ вотчинъ?«

»Станется по неволѣ«, отвѣчалъ батько Потапъ,

»коли отчиннику такъ нужны тѣ отчины, какъ пятое колесо къ возу. У него вотъ есть Черные Лозы — больше ему на что? Севрюки сами горнутся къ Проклу Прокловичу, какъ дѣти къ батьку: »Не оставляй насъ, пане: безъ тебя насъ и »куры заклюютъ; будь нашимъ дѣдичемъ.« — »Ну, »ну, смотрите жъ, шануйтесь, ато и цуръ вамъ!«

»Какъ же это?« спросилъ Алексѣй: »развѣ вашъ дѣдичъ никакихъ оброковъ съ крестьянъ не собираетъ?«

»Какъ можно не собираетъ?« отвѣчалъ старикъ. »Безъ того какой бы онъ былъ дѣдичъ? Лѣтомъ отъ всякой души принеси ему въ Черныя Лозы по снопу жита. Видѣлъ, какія скирды навалены? Это все оброчный хлѣбъ. Да къ Рождеству, да къ Великодню бобра, або куну отъ *всякаго дыма.*«

»А въ царскую казну?«

»То уже они общиною собираютъ и платятъ; чи вешняя дань, чи осенина, сами разложатъ на *выти*, на *тягла,* да и отдаютъ данщикамъ. И даточныхъ людей міромъ сбираютъ. Только слава та, что изъ вотчинъ Прокла Прокловича, а они сами высылаютъ въ войско даточныхъ. Вотъ и теперь пошло къ Брянску ихъ съ сотню или больше. Прокло Прокловичъ въ это не мѣшается; а если захочетъ подспорить царю, такъ у него сто юнаковъ есть про запасъ, конныхъ, збройныхъ и оружныхъ; есть и воевода про нихъ такой, что назадъ не попятится.«

»Кто жъ этотъ воевода?«

»Да хоть бы и я«, сказалъ съ гордостью батько Потапъ. »Что ты такъ на меня смотришь? не бойся, умѣемъ и мы ратовать.«

Село оканчивалось небольшимъ склономъ къ запруженной рѣчкѣ, которая раздѣляла островъ (видно было, что Черныя Лозы — островъ) на двѣ половины. Рѣчка только у плотины блестѣла чистымъ озеромъ, по которому разгуливали гуси и ручные лебеди, а въ верховьяхъ и она поросла пластами высокаго камыша. За рѣчкою чернѣла низкая деревянная церковь и выглядывали изъ-за саду крыши панскаго жилища.

Мельница на плотинѣ шумѣла и работала тремя поставами. Кругомъ на острову царствовало спокойствіе, по видимому, невозмущенное отъ вѣка никакими тревогами. Самыя дѣти, которыми наполнены были всѣ улицы, вели свои игры какъ-то мирно, безъ задору. Порядочная толпа этихъ веселыхъ болтушекъ собралась вокругъ незнакомцевъ и съ прыжками и пѣснями провожала ихъ черезъ плотину на панскій дворъ, который для нихъ, по видимому, былъ такимъ же привычнымъ мѣстомъ, какъ и церковный погостъ, гдѣ это молодое поколѣніе весело играло между могилами прадѣдовъ.

Не берусь объяснять, отчего всѣ мирные предметы, видѣнные Алексѣемъ на этомъ низменномъ и спокойномъ острову, показались чѣмъ-то род-

ственнымъ его душѣ. Было ли это неясное воспоминаніе прошедшаго, или темное предчувствіе будущаго, только эти плескающіеся по водѣ мостики, эти водныя равнины съ криками гусей и утокъ, съ картинными семьями лебедей, съ отраженнымъ въ глубинѣ тихихъ водъ заревомъ востока, съ этими стройными лѣсами, гдѣ стукъ топора превращается въ звонъ струны на гусляхъ, съ этими наконецъ привольными пастбищами и стадами, — отчего все это какъ-будто видѣлъ онъ уже когда-то во снѣ? Еще менѣе объяснимо, отчего ему вообразилась неразлучною съ этими предметами мелькнувшая при лунѣ на переправѣ незнакомка — дочь ли она Берендѣя, или нѣтъ — вообразилась такъ живо, что онъ не безпокоился даже о потерѣ ея слѣда. Онъ шелъ съ словоохотливымъ своимъ провожатымъ и уже не задавалъ ему вопросовъ: онъ наслаждался мирнымъ сномъ, обнявшимъ его душу, среди этого тихаго уголка земли.

Каково жъ было его удивленіе, когда, вступивъ на широкое подворье Прокла Прокловича, онъ увидѣлъ — не во снѣ, а на-яву — знакомую колымагу! Можетъ быть, онъ бы усомнился еще, та ли самая колымага, которая стоила ему стольких волненій и безпокойствъ, но двое изъ слугъ, провожавшихъ ее, узнавъ Алексѣя, нагло обратились къ нему съ насмѣшками надъ его ночнымъ плаваньемъ.

Внимательный взглядъ на этихъ нахаловъ удо-

стовѣрилъ Алексѣя, что они должны быть такъ называемые *боярскіе знакомцы,* то есть бѣдные потомки дворянъ, служащіе какому-нибудь боярину только за пропитаніе и одежду.

»Негодные холопи!« сказалъ Алексѣй: »вы теперь смотрите на меня смѣло, какъ собаки изъ подворотни: знаете, что на чужомъ подворьи я посовѣщусь проучить васъ, какъ вы заслуживаете!«

»Ты говоришь до́бре, сынку«, сказалъ ему батько Потапъ. »Я не даромъ замѣтилъ, что ты хорошаго роду дитя. Отдадимъ коней этимъ хлопятамъ, а сами пойдемъ къ Проклу Проклoвичу.«

Два человѣка, давно вышедшіе изъ возраста хлопя́тъ, приняли лошадей отъ батька Потапа и Добрыни, и путники наши были введены въ чертоги обладателя дивнаго острова, Черныхъ Лозъ.

У Алексѣя вертѣлся на языкѣ вопросъ: кто это пріѣхалъ въ колымагѣ? но онъ не успѣлъ сдѣлать его батьку Потапу, или, лучше сказать, не надѣялся, чтобъ тотъ двумя словами, безъ предварительныхъ распросовъ и околичныхъ толковъ, удовлетворилъ его любопытство, и потому отложилъ свой вопросъ, какъ это ни было для него трудно, до удобнѣйшей минуты. Между тѣмъ, новые предметы и лица заняли сильно его вниманіе.

ГЛАВА VII.

Чертоги Прокла Прокловича отличались отъ хатъ по ту сторону пруда только своею обширностію. Соломенная крыша, синія круглыя стекла въ окнахъ, деревянныя трубы, — все было просто, какъ у мужиковъ. Вмѣсто крыльца и навѣса передъ входомъ росли густые дубы, широко раскинувшіе вдоль крыши свои вѣтви. Подъ ними по обѣ стороны входа для сѣдалищъ лежали, на врытыхъ въ землю столбахъ, толстыя дубовыя доски, гладко обтертыя и даже округленныя на углахъ отъ долголѣтняго употребленія. Тутъ Прокло Прокловичъ, по словамъ батька Потапа, рѣшалъ споры своихъ подданныхъ и выслушивалъ ихъ просьбы. На одной скамьѣ сиживалъ онъ самъ съ почетными гостями, которые бывали въ Черныхъ Лозахъ очень рѣдко, или съ священникомъ, который находился при немъ почти безотлучно; а на другой засѣдали тіуны или »судніе дѣды«,

именно — батько Потапъ, съ своимъ братомъ мельникомъ, и еще двое батьковъ, изъ которыхъ одинъ былъ *тéсля* ([1]), а другой ткачъ. (По видимому, въ этомъ тридесятомъ царствѣ всякій мастеръ своего дѣла былъ уже поэтому и знатный человѣкъ.)

На этотъ разъ гости застали Прокла Прокловича съ мельникомъ и двумя другими сѣдыми батьками въ первомъ покоѣ, отворявшемся въ большія сѣни. Прокло Проклович только что возвратился съ утренней прогулки и сидѣлъ съ длиннымъ посохомъ, котораго верхній конецъ украшенъ былъ мѣднымъ молоткомъ съ разводами.

Это была особа, вовсе непохожая на мірянина. Широкое, полное и еще непотерявшее всей свѣжести лицо его выражало какое-то благочестивое размышленіе, встрѣчаемое иногда въ лицахъ престарѣлыхъ священниковъ. Большая лысина, по краямъ которой спускались внизъ длинные золотисто-сѣдые волосы, и бѣлая борода, покрывавшая всю грудь и спускавшаяся на самыя колѣни, гдѣ подостланъ былъ подъ нее темно-красный, уже неновый, платокъ ([2]), — все это, вмѣстѣ съ

([1]) Плотникъ.

([2]) Эта черта старинныхъ обычаевъ сохранена въ *Сказаніи о Гришкѣ Отрепьевѣ* (стр. 6): «И пріидоша въ Острозѣполь, и повѣдаша объ нихъ князю Константину Константиновичу, и повелѣ имъ внити въ палаты своя, и внидоша и поклонишася ему, завидѣша благовѣрнаго князя, сидяща на мѣстѣ своемъ, возрасту мала суща, браду имѣюща до земли, на колѣнѣхъ же его посланъ былъ платъ, на немъ же лежаще брада его.»

широкорукавымъ, синяго цвѣта, платьемъ, похожимъ на рясу и подложеннымъ черными серебристыми бобрами, давало Проклу Прокловичу наружность стариннаго князя Русскаго.

Въ обширномъ покоѣ, гдѣ необыкновенная чистота занимала мѣсто всякаго убранства, царствовала глубокая тишина. Всѣ три старика смотрѣли молча на Прокла Прокловича, и выраженіе ихъ глазъ, полныхъ любви и почтенія къ нему, придавало такой характеръ этому маститому старцу, что Алексѣй почувствовалъ къ нему уваженіе, подобное тому, какое питалъ онъ къ своему отцу.

Батько Потапъ потерялъ здѣсь свою величавую осанку, и лѣта его, казалось, уменьшились на половину. Онъ подошелъ почтительно къ Проклу Прокловичу и сказалъ, низко поклонившись:

»Добри́день тобі, пане дідичу, Прокло Прокловичъ.«

Дѣдичъ молча протянулъ ему для поцѣлуя руку и потомъ началъ говорить медленно и тихимъ голосомъ:

»Гдѣ это ты такъ замѣшкался, Потапе? А мы слушали святые псалмы Давидовы. Не посылаетъ намъ Господь священника на мѣсто покойнаго отца Петра, — да будетъ ему мирная обитель у Господа Бога! Потомъ обошли часть нашей палестины. Прекрасны дѣла Господни на небесахъ, на землѣ и на водѣ. Потомъ покормили своихъ пернатыхъ дѣтокъ; потомъ, вотъ, и сами возжа-

ждали временной пищи; — да не вся семья собралась — вотъ, сидимъ и поджидаемъ.«

Батько Потапъ отвѣчалъ:

»Я ходилъ съ хлопцами, чи не захвачу волка, что полошитъ наше стадо — этого окаяннаго Отрепу, да вмѣсто того набрелъ на добрыхъ людей. Вотъ, пане дѣдичъ, Прокло Прокловичъ, *молодá дитúна*, боярскаго роду, съ своимъ пѣстуномъ. Я знаю, что тебѣ непротивно добраго человѣка удовольствовать хлѣбомъ-солью.«

»Напрасно ты, Потапе«, сказалъ, немного помолчавъ, патріархальный Прокло Прокловичъ, »напрасно ты гоняешься за злымъ человѣкомъ. Видно, и его нужно на свѣтѣ, такъ какъ ядовитыхъ гадовъ, которыхъ создалъ тотъ же Господь Богъ на какую-то потребу. Онъ погибнетъ и самъ, сдѣлавъ свое дѣло. Еслибъ онъ попался тебѣ въ руки, то я угостилъ бы его, какъ добраго, и отпустилъ бы съ миромъ. А кого отлучитъ онъ отъ людей богобоязливыхъ, тотъ самъ увидитъ послѣ, чтó сдѣлалъ, и восплачется, и возвратится къ намъ, а не возвратится, пускай погибаетъ своею — лишь бы не нашею — виною. Гостямъ же твоимъ я радъ. Подойди ко мнѣ, прекрасный юноша«, обратился Прокло Прокловичъ къ Алексѣю.

Алексѣй повиновался, и тотъ протянулъ ему благосклонно руку, какъ и своему вѣрному Потапу. Нашъ добрый мóлодецъ не призадумался, поцѣловать ли ему эту почтенную руку, или нѣтъ:

такъ покорила его доброта, сіявшая въ наружности и въ рѣчахъ этого старца.

»Господь тебя благословитъ и направитъ на путь истинный, чадо мое«, сказалъ Прокло Прокловичъ, положа руку на голову Алексѣя. »Садись подлѣ меня. А вы, дѣти, велите подавать обѣдъ.«

Та же почесть была оказана и Добрынѣ,—почесть, потому что важный старикъ протягивалъ для поцѣлуя руку съ невыразимою благосклонностію. Но Добрыня отказался сѣсть въ присутствіи бояръ и объявилъ, что для него много чести и глядѣть на нихъ.

На этотъ разъ Прокло Прокловичъ промолчалъ, но когда поданный черезъ оконце изъ кухни обѣдъ поставленъ былъ батьками на столъ, и Добрыня отказался занять мѣсто за боярскою трапезою, Прокло Прокловичъ выразилъ свое удивленіе цѣлою рѣчью, которую онъ произносилъ тихимъ голосомъ и съ разстановкою, какъ-будто диктовалъ писцу:

»Чудно, какъ измѣнились вокругъ насъ обычаи!« говорилъ онъ. »Какихъ-нибудь лѣтъ девяносто еще назадъ, не слышно было по-надъ Десною, чтобъ слуги обѣдали розно отъ господій. А за памяти моего дѣда, блаженной памяти, — когда правилъ здѣшнею Русью князь Гедыминъ,— и подумать никто не могъ, чтобъ слуга былъ не домочадецъ. Свѣтъ мѣняетъ обычаи скоро: не успѣетъ пройти полъ-сотни лѣтъ, смотри — уже

и не та жизнь кругомъ; но я держусь извѣчной старины. Какъ было у моихъ предковъ, какъ водилось на Руси за великаго князя Владиміра Кіевскаго, такъ пускай и у меня будетъ. По праздникамъ у меня обѣдаютъ всѣ, у кого нѣтъ своей семьи, а по буднямъ вотъ только мои подручники, да еще человѣкъ пять слугъ. Садись, добрый человѣкъ!« сказалъ Прокло Прокловичъ Добрынѣ. »Брашно и пиво созданы Господомъ Богомъ для всѣхъ чадъ его нераздѣльно.«

Добрыня хотѣлъ еще упрямиться, потому что видъ этого старца внушалъ ему почтеніе, смѣшанное съ непонятнымъ для него страхомъ, но нѣсколько словъ Алексѣя заставили его отложить здѣсь свои обычаи въ сторону, и онъ помѣстился на концѣ стола, гдѣ сидѣли батьки Черныхъ Лозъ.

У Прокла Прокловича обѣдъ былъ, по давнему обычаю, во время нашего сельскаго завтрака; въ полдень у него подавали полдникъ, а вечеромъ вечерю, или ужинъ. Въ его домашнемъ быту все соотвѣтствовало своему названію, установленному первыми образователями обычаевъ славянскихъ.

Столъ, за которымъ засѣдали теперь наши путники, былъ сдѣланъ изъ крѣпкаго грушеваго дерева и навощенъ какъ паркетъ, такъ что всякая пролитая жидкость легко вытиралась. Кушанья, въ маленькихъ мисочкахъ, стояли по всему столу.

въ однѣхъ лежали жареныя домашнія и дикія птицы, въ другихъ были жидкія варева, въ третьихъ яблоки, груши и разнаго рода приливныя ягоды. Тутъ же стояли и душистые соты на деревянной тарелкѣ. Каждый выбиралъ, что́ ему было по вкусу, надъѣдалъ сколько хотѣлъ и мѣнялся съ сосѣдомъ или отодвигалъ свою мисочку на средину стола и придвигалъ къ себѣ другое кушанье. Прокло Прокловичъ почти не касался мясного, ограничивался только жидкими блюдами и плодами. Больше всего любилъ онъ, по видимому, сладкое, а пилъ одну воду, хотя нѣсколько разъ напоминалъ гостямъ о кувшинахъ съ медомъ и наливками.

Алексѣй посматривалъ на него такъ часто, какъ только позволяла скромность, и замѣтилъ, что, при всей своей старости, онъ имѣетъ свѣжіе, необыкновенно бѣлые зубы. Для плодовъ онъ не употреблялъ ножа, а косточки сливъ грызъ безъ всякаго затрудненія.

За столомъ царствовала такая тишина, какъ за монастырскою трапезою, въ присутствіи строгаго игумена. Всѣ, казалось, только желали слышать тихую рѣчь Прокла Прокловича, и никто не считалъ своихъ рѣчей достойными его слуха. Алексѣй ожидалъ, что хозяинъ станетъ его распрашивать о его родѣ-племени (какъ это первое дѣло у его земляковъ Москвичей при встрѣчѣ съ незнакомыми), и не осмѣливался до тѣхъ поръ предложить ему никакого вопроса, хотя у него ни-

когда не выходила изъ мыслей таинственная колымага. Но Прокло Прокловичъ смотрѣлъ на него такъ спокойно, какъ-будто издавна знавалъ его и не нуждался потому въ распросахъ. Молодому человѣку наскучило наконецъ молчать, и онъ, приклонясь немного къ своему сосѣду, по видидимому, брату батька Потапа, спросилъ почти шопотомъ:

»Растолкуй мнѣ, батька, какимъ чудомъ вашъ дѣдичъ сберегъ зубы до такой старости?«

Алексѣй расчитывалъ на тугость слуха, свойственную старикамъ; но Прокло Прокловичъ былъ очень чутокъ. Поворотъ головы его остановилъ отвѣтъ батька мирóшника, и дѣдичъ обратился къ Алексѣю съ такою рѣчью:

»Ты удивляешься, любезный юноша, какъ я до такой старости сберегъ неповрежденные зубы? Я охотно скажу тебѣ это, чтобъ тебѣ было извѣстно такое, чего ты рѣдко услышишь въ жизни. Всѣхъ моихъ предковъ — упокой, Господи, въ Твоихъ обителяхъ ихъ души — по обѣту пятой заповѣди, благословилъ Творецъ небесный долголѣтіемъ на землѣ. Поживъ въ мирѣ, тишинѣ и всякомъ благочестіи лѣтъ яко сто-двадцать и сто-тридцать и больше, мирно отошли они къ Отцу свѣтовъ. Я также наслѣдовалъ ихъ долгоденствіе. На девяносто-девятомъ году выпали у меня всѣ зубы, такъ что я не могъ вкушать ничего, кромѣ киселика, молочка и другихъ дѣтскихъ яствъ; но

неизреченною благостію Божіею обновилась, яко о́рля, юность моя: выросли новые зубы въ старыхъ ямкахъ, и сталъ я видѣть такъ, что никогда голуби мои не теряются для меня въ поднебесьи, а слухъ мой изощрился до того, что когда хожу по своимъ лѣсамъ, то слышу, какъ растекается птичій говоръ по каждому древу, и могу издали различить плескъ дикихъ гусей отъ лебединаго плеску.«

Во все время, какъ онъ говорилъ, Алексѣй не спускалъ съ него взора, вглядывался въ пріятное расположеніе его морщинъ, въ выраженіе свѣтло-голубыхъ глазъ его и былъ очарованъ спокойною ясностію души, которая проглядывала во всѣхъ чертахъ этого блаженнаго старца и которой ни съ чѣмъ нельзя сравнить такъ, какъ съ зеркальными равнинами слегка отуманенныхъ водъ, окружающихъ его удаленное отъ остальнаго Русскаго свѣта жилище.

Старикъ, съ своей стороны, ощущалъ видимое удовольствіе, глядя на цвѣтущую молодость своего гостя, и долѣе обыкновеннаго останавливалъ взоръ на его русыхъ кудряхъ, на свѣжемъ лицѣ и глазахъ, сіявшихъ тихимъ, привлекательнымъ свѣтомъ.

»Не осуди меня, отецъ мой, за смѣлость«, сказалъ Алексѣй, обождавъ съ минуту и увѣрившись, что Прокло Прокловичъ не намѣренъ продолжать рѣчи: »мнѣ кажется, что я въ тебѣ вижу счастли-

вѣйшаго человѣка, какой только бывалъ на свѣтѣ.«

На это Прокло Прокловичъ помолчалъ, подумалъ, опустя на столъ глаза, покачалъ слегка головою и, поднявъ снова взоръ на Алексѣя, отвѣчалъ:

»Возлюбленный юноша.... Я называю тебя возлюбленнымъ«, замѣтилъ онъ, остановясь, »не для гладкости рѣчи: твой видъ, свычай и обычай и нѣжное твое слово пришлись мнѣ по душѣ: блаженныхъ родителей ты чадо. Слушай же, это я буду говорить тебѣ для того, чтобъ ты сохранилъ въ памяти. Память о насъ, старикахъ, между молодежью пріятна намъ, какъ среди зимы свѣжіе плоды лѣтніе, сбереженные доброю хозяйкою. Слушай же: когда я сравниваю себя съ другими людьми, то нахожу, что неизреченно благъ ко мнѣ Создатель: удалилъ Онъ меня отъ всякихъ житейскихъ треволненій, поставилъ ноги мои на правотѣ, на мѣстѣ злачнѣ вселилъ мя, на водѣ покойнѣ основалъ мя. Но угодно было Его милосердію дать мнѣ вкусить и горя, можетъ быть, для того, чтобъ не пересталъ я жаждать, яко елень на источники водные, туда, гдѣ ни печали, ни воздыханія. Ты видишь, милый юноша, что я живу одинъ, какъ дубъ, безъ лѣторАслей на корнѣ....«

Прокло Прокловичъ остановился и, по-видимому, взгрустилъ; но эта грусть затмила его ясный

ликъ и глаза не болѣе, какъ затмѣваетъ мимолетный вѣтерокъ зеркальную поверхность окутаннаго садовою зеленью пруда. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ продолжалъ свою рѣчь такъ спокойно, какъ-будто говорилъ о событіи временъ Авраамовыхъ.

»Трое было у меня сыновей, и всѣ достигли твоего возраста — были въ самомъ наусіи — и были на тебя похожи красотою и прелестью рѣчей. Воспиталъ я ихъ въ страхѣ Божіемъ; научены они были святому Писанію и преданіямъ лѣтописнымъ; уже я утѣшался думою, что не погибнетъ мой корень на землѣ. Но Богъ судилъ иначе....

»Однажды зашелъ въ наши болота старецъ, незрящій и убогій, заблудился и увязъ въ трясинѣ. На крикъ его прибѣжали мои дѣти, вывели на сушу незрящаго старца и привели ко мнѣ въ свѣтлицу. Старецъ несъ за плечами гусли, на подобіе разрѣзаннаго по поламъ арбуза, звонкіе, что и вѣтерокъ не пролетитъ мимо нихъ молча. Подкрѣпился онъ пищею и питьемъ, оправился и началъ разсказывать намъ, откуда онъ....

»Онъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ, если помнишь по лѣтописцу Печерскому, положилъ голову храбрый князь Святославъ, когда ворочался изъ Болгаріи въ Кіевъ. Тамъ течетъ славная рѣка Днѣпръ и проходитъ сквозь каменныя горы. Шумъ и ревъ отъ воды, говорятъ, такой, какой у насъ можно

слышать только, когда подвинутся и загремятъ небесныя силы. Чудную рѣчь имѣлъ этотъ незрящій старецъ: онъ поставилъ намъ эти горы передъ глазами, что ты бы сказалъ—мы видимъ, какъ словутица Днѣпръ воздымается на превысокіе камни и вода падаетъ съ камней, какъ упала на голову Фараонову воинству. И за этими страхами водными есть большіе острова; ростетъ на островахъ всякое дерево и виноградъ, а птицъ и звѣрей безъ числа; и Днѣпръ разлился кругомъ островов, какъ море. А за островами есть камыши, похожіе на лѣсъ, неисходимые и безконечные....

»И за этими-то камышами живутъ на степяхъ поганые Татары возлѣ моря, а за моремъ — безбожные Турки, откуда они набѣгаютъ и полонятъ Польшу, Русь и Москву. И безъ числа бъ они полонили Христіянъ; но на островахъ, за каменными горами, на Днѣпрѣ завелось воинское братство на поганыхъ враговъ Христіянства. Собралось много отважныхъ людей изъ разныхъ мѣстъ и, покопавши землянки, живутъ на островахъ, и наѣзжаютъ полемъ на Татаръ и отбиваютъ у нихъ плѣнныхъ, и на челнахъ выѣзжаютъ изъ тѣхъ неисходныхъ камышей въ море и потопляютъ турецкіе корабли. И ничего не силенъ имъ сдѣлать ни Турокъ, ни Татаринъ, потому что не найдетъ ихъ въ тѣхъ неисходимыхъ камышахъ и боится вплывать туда кораблями, чтобъ не заблу-

диться и не увязнуть. И каждый день, говорятъ, льется отъ нихъ невѣрная кровь, и много оттого добра Христіянству....

»Обо всемъ этомъ незрящій старецъ говорилъ намъ пространно, и какъ остановится говорить, то беретъ гусли и на гусляхъ играетъ, какъ течетъ Днѣпръ, воздымаючись на каменныя горы, какъ лелѣется вода широко, что море, кругомъ островов, какъ шумятъ безконечные камыши, какъ свистятъ стрѣлы и гремятъ мушкеты противъ невѣрныхъ. То́ играетъ, то́ поетъ, и такимъ чуднымъ даромъ одарилъ его Господь, что человѣкъ забываетъ, что́ онъ и гдѣ онъ, и кажется всякому человѣку, что онъ плыветъ по морю и ѣздитъ по степямъ съ тѣми отважными Христіянами-воинами....

»Двѣ недѣли прожилъ у насъ старецъ, и все мы слушали и не наслушались его рѣчей и пѣсень. Не зналъ же я тогда, какое горе готовится мнѣ послѣ толикой сладости. Какъ удалился отъ насъ незрящій старецъ, не стало юношеской веселости у моихъ дѣтей; лѣса, болота и воды наши имъ опостылѣли: у нихъ въ ушахъ только реветъ и шумитъ Днѣпръ, а въ головѣ кипитъ война на невѣрныхъ. И угодно, видно, было Богу, чтобъ я отпустилъ ихъ въ ту славную сторону на службу Христіянству. Отнялась отъ меня и рѣчь увѣщевать ихъ, чтобъ остались со мною. Отпустилъ я ихъ, возлюбленный мой юноша, и

вотъ много уже лѣтъ, какъ о нихъ нѣтъ никакой вѣсти. Такъ осталось мое старое древо безъ лѣторатслей при корняхъ!« Прокло Прокловичъ замолчалъ и понурилъ голову.

»И ты, отецъ мой, живешь одинъ межъ своими подданными?« спросилъ Алексѣй, тронутый тихими жалобами старца, »и ни съ кѣмъ не ведешь знакомства?«

»Нелюбо мнѣ водить знакомство съ новыми людьми«, отвѣчалъ Прокло Прокловичъ. »Лучше жить одному со стариною.«

»Однакожъ«, сказалъ Алексѣй, »ваши Черныя Лозы не покинуты всѣми. Вотъ и сегодня я видѣлъ, къ вамъ пріѣхали гости въ колымагѣ. Кто эти госпожи? мнѣ хотѣлось бы знать.«

»Узнаешь послѣ«, отвѣчалъ старикъ. »Я не спросилъ еще тебя самого о твоемъ родѣ-племени. По нашему давнему обычаю, не годится спрашивать странника, кто онъ и откуда, пока онъ голоденъ и утомленъ. Я замѣчаю, что ты держишь далекій путь и не спалъ ночью. Довольно мы поговорили. Обѣдъ конченъ; совѣтую тебѣ подкрѣпить свои молодыя силы сномъ, а потомъ будетъ еще время обо всемъ побесѣдовать.«

Съ этими словами онъ всталъ изъ-за стола и, послѣ молитвы, прочитанной имъ вслухъ, велѣлъ одному изъ батьковъ отвести Алексѣя и его слугу на свѣжее сѣно.

Какъ ни раздражено было любопытство моего

добра мо́лодца, но онъ скоро уснулъ на душистой своей постели и проспалъ глубокимъ сномъ часовъ пять или шесть. Проснувшись, онъ прежде всего вспомнилъ о колымагѣ и обѣщаніи Прокла Прокловича удовлетворить его желанію знать, что́ это за гости; но его ожидало такое зрѣлище, которое отбило у него всякую охоту къ распросамъ.

Колымага стояла уже у развѣсистыхъ дубовъ, съ запряженными гусемъ лошадьми. Прокло Прокловичъ провожалъ изъ дому двухъ женщинъ. Солнце, пробиваясь сквозь красные дубовые листья, ярко озарило личико, которое мелькнуло Алексѣю на переправѣ въ лунномъ свѣтѣ. Красота незнакомки заиграла чудно въ этомъ освѣщеніи; но увы! обѣ таинственныя путешественницы были въ одѣяніи монахинь.... Алексѣй остановился на полушагѣ и смотрѣлъ на уѣзжающую колымагу съ тяжелымъ удивленіемъ проснувшагося человѣка, который вмѣсто очаровательнаго сна видитъ буднишнюю, убогую дѣйствительность.

Колымага уползла за ворота. Ее провожалъ прежній конвой, подъ предводительствомъ двухъ батьковъ. Прокло Прокловичъ, стоя съ двумя другими батьками у входа въ свою обитель, слѣдилъ за нею глазами до тѣхъ поръ, пока она скрылась изъ виду, и никто бы не сказалъ, соединяетъ ли его съ этими путницами какое-нибудь чувство, кромѣ внушеннаго гостепріимствомъ: такъ взоръ его былъ тихъ и безстрастенъ. Вид-

но, однакожъ, было, что не совсѣмъ онъ равнодушенъ къ отъѣзду гостей, потому что не замѣчалъ присутствія Алексѣя и, качая головою, говорилъ:

»Тяжкія для всѣхъ наступаютъ времена: недаромъ восходила луна и солнце въ тройномъ образѣ! О, стонати Русской землѣ! скажу и я съ древнимъ Баяномъ. Такъ, такъ, Потапъ, и ты, Панько́: быти грому великому, итти дождю стрѣлами великому!«

Алексѣй слушалъ его въ своемъ уныніи, и не могъ понять, какъ эти слова прикладывались въ умѣ престарѣлаго Прокла Прокловича къ двумъ путницамъ, которыхъ отъѣздъ, очевидно, навелъ его на такія мрачныя мысли.

»Ты уже проснулся, возлюбленный юноша«, сказалъ, замѣтивъ его, Прокло Прокловичъ. »Садись подлѣ меня на этой скамьѣ и разскажи мнѣ, кто ты, какого роду-племени, откуда и куда ѣдешь? Садитесь и вы«, обратился онъ къ двумъ своимъ тіунамъ: »послушаемъ этого прекраснаго юношу, что́ онъ намъ о себѣ разскажетъ. А тѣмъ временемъ будетъ готовъ полдникъ. Ну, скажи же намъ, сынку, какихъ родителей ты чадо и какъ заѣхалъ въ нашу палестину?«

Алексѣй, не хуже Одиссея, разсказалъ ему о своемъ происхожденіи и о томъ, какъ онъ, по царскому повелѣнію, отправленъ былъ въ чужіе края, какъ странствовалъ онъ по далекимъ зем-

лямъ, какимъ учился наукамъ и военнымъ хитростямъ, какъ наконецъ воротился на Русь и, сбившись съ дороги, попалъ въ Черныя Лозы.

Старикъ слушалъ его съ недовѣрчивымъ видомъ и, когда кончился разсказъ, смотрѣлъ такъ пристально ему въ глаза, что Алексѣй не могъ не смутиться. А Прокло Прокловичъ только того и ждалъ. Онъ поднялъ голову съ незамѣтною доселѣ въ немъ строгостью и, возвыся голосъ, заговорилъ къ своему гостю такъ:

»Возвратись къ своему отцу! оставь путь непослушанія и своеволія: онъ ведетъ къ погибели....«

»Съ чего же ты это взялъ, отецъ мой«, прервалъ его въ удивленіи Алексѣй, »что я хожу путемъ непослушанія и своеволія.«

»Возвратись къ своему родителю!« продолжалъ Прокло Прокловичъ съ возрастающимъ жаромъ, и голосъ его началъ дрожать отъ нѣжнаго чувства, подступившаго къ его сердцу. »Пощади преклонныя лѣта его, не оставь его сирымъ и скорбящимъ, какъ я, безъ своихъ дѣтей!«

»Да я къ отцу и возвращаюсь!« началъ было Алексѣй.

Но Прокло Прокловичъ продолжалъ, не останавливаясь:

»Конечно, ты чѣмъ-нибудь огорчилъ своего родителя и устрашился наказанія, или, можетъ быть — это еще хуже — вознегодовалъ на него

за достойную кару. Горе тебѣ, если такъ! Развѣ ты не читалъ написаннаго: »Сыне, не пренебрегай наказанія отча?« Такъ, чадо, не сомнѣвайся возвратиться въ домъ отчій. Вотъ и блудный сынъ оставилъ было своего родителя и желудями питался, а потомъ одумался и снова пріобрѣлъ родительскую любовь. Такъ и ты: оставь свои странствованія и лживую хвалу ими, возвратись къ отцу, припади къ стопамъ его и скажи: »Батюшка, предаю себя твоей власти: лучше »мнѣ гнѣвъ твой, нежели скитанье по чужбинѣ »и покиваніе главами отъ честныхъ людей!« И какъ не боишься ты, чадо мое, одинъ съ перехожимъ каликою — я думаю, что и твой спутникъ не слуга боярскій, а перехожій сказочникъ — какъ не боишься ты скитаться по Сиверскимъ нашимъ пустынямъ и дебрямъ? Сохрани Боже звѣря или лихого человѣка! горе тогда сѣдой головѣ твоего родителя, а если у тебя есть мать, то ей несчастной горе кольми паче!«

»Чему быть, того не миновать«, отвѣчалъ Алексѣй и принялся разувѣрять патріархальнаго Прокла Прокловича въ его ошибкѣ.

Но Прокло Прокловичъ отвѣчалъ сперва на первую половину его рѣчи:

»Оно-то такъ, чадо мое. И Владиміръ Мономахъ пишетъ: »Никто же не можетъ вредитися и »убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно, а

»иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни »мати, ни братья не могутъ отъяти.«

А на вторую съ упорною недовѣрчивостью повторилъ:

»Возвратись къ отцу своему: пути лукавые ведутъ къ погибели.«

»Мнѣ очень горько, отецъ мой«, сказалъ Алексѣй, »что ты, старецъ такой почтенный, считаешь меня блуднымъ сыномъ. Я никогда не бывалъ, да и не буду, противенъ отцовской волѣ. Правда, что батюшка мой строгъ; но пускай бы онъ дѣлалъ со мною что́ хотѣлъ, а я никогда не противился бы волѣ его, какъ ты думаешь.«

Прокло Прокловичъ, вмѣсто отвѣта, замѣтилъ, что солнце дошло до полуденной высоты, и приказалъ подавать полдникъ.

Алексѣй думалъ уже, что побѣдилъ его сомнѣніе. Но старость всегда подозрительна. Проклу Прокловичу показалось, видно, невѣроятнымъ, чтобы такой молодой человѣкъ могъ побывать въ столькихъ земляхъ, да еще по царскому повелѣнію, тогда какъ онъ, достигши старости ветхозавѣтныхъ патріарховъ, едва ли выѣзжалъ изъ Черныхъ Лозъ далѣе Татарскихъ степей, гдѣ въ молодости онъ ратовалъ противъ хищниковъ. Самое отправленіе молодыхъ людей за-границу въ науку казалось ему чѣмъ-то дикимъ, потому что старинный Русскій человѣкъ всему научался на родинѣ, и не было для него лучшей школы, какъ

въ дому престарѣлаго отца или родственника. Прокло Прокловичъ слушалъ Алексѣя съ недовѣрчивостью и сожалѣніемъ, выражавшимся такъ ясно въ его глазахъ, въ его лицѣ и въ покачиваньи головою, что Алексѣй не могъ не смущаться, и его нетвердая рѣчь походила дѣйствительно на ложь.

Прокло Прокловичъ замолчалъ о блудномъ сынѣ единственно потому, что съ его старинными обычаями несогласно было говорить гостю за трапезою о томъ, чтó ему непріятно. Онъ свелъ разговоръ на современныя событія, толковалъ о мѣрахъ, какія онъ предпринялъ для безопасности своего острова, и отзывался о Самозванцѣ какъ объ орудіи сатаны, позавидовавшаго мирному правленію царя Бориса.

Алексѣй попробовалъ спросить его о положеніи дѣлъ въ Сѣверіи, въ надеждѣ провѣрить слова Мулюхи и развѣдать пообстоятельнѣе объ отцѣ своемъ; но Прокло Прокловичъ рѣшительно не зналъ, чтó дѣлается вокругъ него, и изъ всѣхъ Сѣверскихъ отчинниковъ, на которыхъ вѣрность можетъ полагаться Борисъ, назвалъ одного Берендѣя, своего родственника по женѣ.

Это извѣстіе поразило Алексѣя: въ его умѣ блеснула странная догадка.

»Берендѣй тебѣ родственникъ?« сказалъ онъ такимъ тономъ, что Прокло Прокловичъ сдѣлалъ

головой движеніе быстрѣе обыкновеннаго, »и, стало быть, эта молоденькая монахиня дочь его?«

»А тебѣ зачѣмъ это знать?« спросилъ тихимъ и ровнымъ голосомъ Прокло Прокловичъ.

Молодой человѣкъ представилъ свои сердечные интересы въ возможно законномъ видѣ, по понятіямъ вѣка.

Старикъ выслушалъ его съ обычнымъ своимъ терпѣніемъ; но на спокойномъ, исполненномъ благодушія лицѣ его яснѣе и яснѣе выступало состраданіе къ молодому потерянному человѣку, а тихіе глаза его выражали упрекъ оскорбленной старости, передъ которою выдаютъ за истину самую нелѣпую выдумку. Когда Алексѣй кончилъ докладъ свой, старикъ покивалъ головою и сказалъ:

»Сынъ боярина Однорога и нареченный зять боярина Берендѣя не скитался бы по нашей Украинѣ убогимъ странникомъ съ однимъ дряхлымъ слугою. Не подобаетъ старцу препираться съ юношею; довольно одного обличенія. Да исправитъ Господъ стопы твои! Младъ и прекрасенъ еси зѣло, но лукавство скитальческой жизни обуяло твой разумъ.«

Чтó было отвѣчать на это? Алексѣй, въ свою очередь, посмотрѣлъ съ сожалѣніемъ на Прокла Прокловича и думалъ:

»Долгоденствіе тоже не дается человѣку даромъ: судьба за сбереженіе жизни отбираетъ у него са-

мое лучшее—ясный умъ и сердечную чуткость. И враги мои вѣрили мнѣ на слово; а этотъ старикъ видитъ во мнѣ такого же самозванца, какъ и въ Отрепьевѣ. Ну, Богъ съ тобой! Живи себѣ на своемъ островѣ еще сто лѣтъ; а мнѣ съ тобой говорить больше не о чемъ.«

Все однакоже въ словахъ Прокла Прокловича Алексѣй не нашелъ отрицанія, что проѣзжая монашенка — не дочь боярина Берендѣя. Если же она его дочь, то что̀ заставило его отдать въ монастырь единственную наслѣдницу своихъ вотчинъ? »Нѣтъ, это не она!« было послѣднимъ его рѣшеніемъ. На этомъ рѣшеньи можно бы, кажется, ему и успокоиться: нареченная невѣста его остается за нимъ по-прежнему. Но ему не того хотѣлось: ему хотѣлось именно, чтобъ эта монашенка была его невѣста. Для другой не осталось у него въ сердцѣ ни малѣйшаго уголка. Чужеземщина сдѣлала таки съ нимъ свое дѣло: онъ полюбилъ женщину, не спросясь ума-разума, не дождавшись благословенья родительскаго! Онъ полюбилъ стороннюю женщину въ то время, когда у него была нареченная невѣста, и эта женщина еще въ добавокъ—монахиня!

Склонивъ на грудь буйную удалую головушку, нашъ добрый молодецъ сидѣлъ молча за трапезой Прокла Прокловича. Старикъ приписалъ его глубокую раздумчивость своей назидательной рѣ-

чи и когда встали изъ-за стола, снова принялся представлять ему въ примѣръ блуднаго сына. Въ заключенье своей проповѣди, онъ просилъ его остаться у себя въ хуторѣ нѣсколько дней, отдохнуть, оправиться и поразмыслить на досугѣ, какъ исправить на будущее время житіе свое. Но Алексѣй согласился остаться только до слѣдующаго утра, зная, что къ ночи все равно не доѣдетъ до Перебоища, и опасаясь сбиться въ темнотѣ съ дороги. Съ другой стороны, онъ надѣялся найти случай развѣдать у тіуновъ Прокла Прокловича, кто именно эта молодая монахиня. Онъ все еще не хотѣлъ разстаться съ неясною для него самого надеждою, что она не навѣки удалилась изъ міра, и что между ними могутъ открыться какія нибудь соотношенія. Но тіуны Прокла Прокловича отвѣчали ему съ убійственнымъ хладнокровіемъ, что не годится дознаваться о монахиняхъ, чьи онѣ родомъ.

На другой день послѣ ранняго своего обѣда, Прокло Прокловичъ простился съ Алексѣемъ очень ласково, изъявляя надежду, что онъ образумится, и велѣлъ ковалю Потапу вывести странниковъ на Путивльскую дорогу.

Батько Потапъ проводилъ Алексѣя и вѣрнаго слугу его изъ Черныхъ Лозъ по дорогѣ противоположной той, которая привела ихъ сюда утромъ. Съ этой стороны острова мосты лежали въ четы-

ре доски, и доступъ къ захолустью стариннаго Русскаго отчича былъ ближайшій, но зато многочисленныя засѣки по обѣимъ сторонамъ дороги замѣняли недочетъ болотныхъ топей и дѣлали невозможнымъ насильственный входъ въ Черныя Лозы.

ГЛАВА VIII.

Алексѣй дивился самъ себѣ, отчего онъ послѣ встрѣчи съ этой женщиной, началъ менѣе думать и безпокоиться о своемъ отцѣ и о смутныхъ обстоятельствахъ отечества; стыдился себя, упрекалъ себя, старался силою направить къ этимъ предметамъ свои мысли и продолжалъ мечтать и думать о таинственной монахинѣ.

Между тѣмъ Добрыня старался вознаградить себя за молчаніе, которое хранилъ вмѣстѣ съ другими въ присутствіи Прокла Прокловича, и безъ умолку разглагольствовалъ съ батькомъ Потапомъ о Черныхъ Лозахъ и ихъ владѣтелѣ, какъ о предметахъ, которымъ не могъ надивиться. Безмятежный Прокло Прокловичъ, съ своею патріархальною наружностью и тихою важностью, съ своими древними обычаями, съ своими медленными, отзывавшимися Библіею рѣчами, среди общаго безмолвія и благоговѣйнаго вниманія слушателей,

показался Добрынѣ чѣмъ-то выше обыкновеннаго человѣка; а наполненный благами жизни островъ Черныя Лозы, гдѣ горемыка отдохнулъ, послѣ тревожной дороги, не мучась опасеніями за своего боярича, представлялся воображенію его земнымъ раемъ.

На эту тему батько Потапъ готовъ былъ вести бесѣду отъ утра до вечера и отъ вечера до утра. Онъ не замѣтилъ, какъ кончились мосты, и съ сожалѣніемъ увидѣлъ, что дорога идетъ уже лѣсомъ и что пора ему воротиться домой.

Простясь съ этимъ важнымъ тіуномъ Черныхъ Лозъ, Добрыня пробовалъ разговориться съ Алексѣемъ о чудномъ островѣ, гдѣ все такъ мирно и спокойно, тогда какъ кругомъ земля кипитъ бѣдами; доводилъ до его свѣдѣнія о перемѣнѣ погоды, о рѣзкомъ холодѣ въ воздухѣ, о томъ, что зима собирается мостить мостъ по дорогамъ, и что звенящія о землю подковы предсказываютъ къ ночи крѣпкій морозъ.

Алексѣй на все соглашался и оставлялъ сужденія Добрыни безъ всякаго возраженія и замѣчанія. Онъ видимо скучалъ его болтовнею, и можно бы подумать, что его мысли гуляютъ за тридевять земель,—только даваемые довольно часто шпоры коню доказывали присутствіе по крайней мѣрѣ одной изъ нихъ въ головѣ его.

Лѣсъ по ту сторону Черныхъ Лозъ тянулся не дальше, какъ на одинъ часъ пути. За нимъ

до самого Путивля пошли почти сплошь открытыя степи. Среди лѣсовъ, виднѣющихся тамъ и сямъ на кругозорѣ, среди возвышенностей и буераковъ, сопровождающихъ лѣнивыя извилины какой нибудь рѣчки и теряющихся вмѣстѣ съ нею въ необозримыхъ равнинахъ, самою выразительною чертою въ физіономіи этого уголка Сѣверіи казались такъ называемыя *бабы* на курганахъ,— грубые каменные истуканы великанскаго роста, боги какого-то народа, оставленные въ незапамятныя времена своими поклонниками. Тогда ихъ нѣ расхитила еще жадность древнолюбовъ, и онѣ, возвышаясь на жертвенныхъ холмахъ своихъ то тамъ, то сямъ по Южно-Русскимъ и Татарскимъ степямъ, придавали однообразнымъ ихъ равнинамъ очарованіе тайны, которою полны дикія лица этихъ кумировъ для изыскателя старины.

Пока ѣхали наши путники лѣсомъ, перемѣна погоды еще не казалась имъ рѣзкою; по крайней мѣрѣ Добрыня старался бодриться на холодѣ и приписывалъ дѣйствіе мороза своей старой крови. Но когда они очутились среди чистаго поля, наступающая зима начала пожимать ихъ въ своихъ костяныхъ лапахъ такъ чувствительно, что Алексѣй и Добрыня должны были достать изъ тороковъ запасные тулупы. Завернувъ хорошенько ноги въ широкія полы, а руки погрузя въ теплыя рукавицы они продолжали путь свой по одинокой торной тропѣ, пролегающей черезъ пустын-

ныя равнины, мимо загадочныхъ каменныхъ *бабъ*, мимо безъименныхъ кургановъ, мимо урочищъ, много разъ, можетъ быть, названныхъ и забытыхъ смѣнившимися здѣсь племенами.

Небо давно было покрыто сплошь сѣдыми облаками, и день не замедлилъ погаснуть. Густыя сумерки обѣщали ночь темную.

Алексѣй и его спутникъ напрасно смотрѣли то впередъ, то по сторонамъ, не увидятъ ли въ степи ѣздока, не примѣтятъ ли деревушки, чтобъ освѣдомиться, далеко ли еще до Перебоища. Но люди въ ту смутную годину боялись показываться вдали обитаемыхъ мѣстъ; а деревни въ украинныхъ мѣстахъ Московскаго государства строились такъ, чтобъ не было замѣтно ихъ издали зоркому глазу Татарина. Лѣсъ, низменное корыто между полей, углубленная излучина рѣчки были пригоднѣйшими мѣстами для осадчаго, населявшаго слободу.

Итакъ наши странники должны были довольствоваться собственнымъ знаніемъ мѣстности, а знаніе Добрыни (Алексѣй не былъ до сихъ поръ въ Сѣверіи) ограничивалось воспоминаніемъ, что Перебоище стоитъ на рѣчкѣ, влѣво отъ большой гонной дороги, и что повернуть къ нему надо въ лѣсу у Пятницы, то есть у столба съ образомъ святой Параскевіи Пятницы, покровительницы странниковъ. Но вотъ они достигли и лѣса, уже давно ѣдутъ узкой просѣкою, а ничего похожаго

на Пятницу не видно. Наступившая темнота не давала имъ надежды увидѣть ее и до разсвѣта.

Вдругъ Добрыня, которому Перебоище до сихъ поръ не давало подумать о лѣсныхъ бродягахъ, ни о лѣшихъ, потихоньку вскрикнулъ и началъ тереться съ своимъ конемъ о коня Алексѣева.

»Смотри, смотри!« прошепталъ, или, лучше сказать, простоналъ онъ, указывая пальцемъ впередъ.

И дѣйствительно, въ темной глубинѣ просѣки показалось нѣчто, озадачившее самого Алексѣя: заблестѣли огненныя черты, похожія на тѣ, какія проводитъ по небу падающая звѣзда. Черты эти были не длиннѣе лука и походили на его дугу. Онѣ мелькали горизонтально, быстро смѣняя одна другую, и суевѣрное воображеніе могло бы принять ихъ за волшебныя лыжи, на которыхъ лѣсовики разгуливаютъ по своимъ владѣніямъ.

Такъ и подумалъ Добрыня, какъ только первое впечатлѣніе испуга позволило ему о чемъ-нибудь подумать, или что нибудь вообразить.

Алексѣй, напротивъ, послѣ нѣкотораго недоумѣнія, заключилъ, что волшебный этотъ огонь означаетъ близость людей, чего онъ и желалъ теперь больше всего на свѣтѣ. Не ломая головы надъ рѣшеніемъ загадки и не слушая бѣдняка Добрыни, онъ поскакалъ быстрѣе впередъ, и не успѣлъ приблизиться къ луковиднымъ огненнымъ чертамъ на полетъ дротика, какъ они обратились въ пукъ пламени и освѣтили двухъ человѣкъ въ

одеждѣ поселянъ, но вооруженныхъ немужичьимъ обычаемъ. Оказалось, что одинъ изъ нихъ добывалъ огня, посредствомъ размахиванья соломы, въ которую вложенъ былъ зажженный трутъ или уголь, и это простое дѣйствіе производило подобіе фантастическихъ лыжъ лѣшаго.

»Слышишь, Терёха, кто-то скачетъ на конѣ?« сказалъ этотъ человѣкъ и поднялъ вверхъ пылающую солому, чтобъ освѣтить приближающагося къ нему Алексѣя.

Другой схватилъ рогатину, прислоненную къ толстому пню, съ вдолбленнымъ въ него небольшимъ образомъ, и закричалъ:

»Кто ѣдетъ?«

»А тебѣ кого надо?« спросилъ Алексѣй.

»Борисъ, или Димитрій?« спросилъ тотъ, между тѣмъ какъ его товарищъ, торопливо подложа солому подъ кучу хвороста и схватя свою рогатину, становился въ оборонительное положеніе.

»Скажи сперва, далеко ли до Перебоища?« спросилъ Алексѣй.

»А, такъ ты въ Перебоище держишь дорогу?« заговорилъ другой.

»Ба, ба, ба!« сказалъ тогда Добрыня, узнавъ сперва по голосу, а потомъ въ лицо этого человѣка. »Это ты, что ли, Яшка Курнапѣтъ? что это тебя въ станишники, что ли, нарядили? Слава те Господи!« обратился онъ къ Алексѣю: »мы

дома! Это одерноватый холопъ твоего батюшки. Что́, любезные земляки, признаете ли вы насъ?«

Но любезные земляки какъ-то странно пожимались и не изъявляли никакой радости при встрѣчѣ съ Добрынею.

»Ну, что́ жъ вы переминаетесь, олухи вы деревенскіе?« сказалъ онъ. »Шапки долой! передъ вами бояричъ Алексѣй Николаичъ!«

Мужики сняли шапки, но руки ихъ поднялись какъ-будто противъ воли своихъ владѣльцевъ. Они вмѣсто поклона, озирались по сторонамъ и, казалось, расчитывали, удобно ли будетъ дать тягу, въ случаѣ драки.

»Это въ Перебоище дорога?« спросилъ Алексѣй, замѣтя возлѣ Пятницы тропинку, идущую влѣво отъ большой дороги.

»Проводи ихъ въ Перебоище«, сказалъ Яшкѣ Курнапѣту его товарищъ. »Веди прямо къ Сысоевой избѣ.«

Тотъ надѣлъ шапку, кивнулъ головой и, обратясь къ Алексѣю, сказалъ:

»Вотъ дорога въ Перебоище. Я пойду впереди.«

»Да я-то какъ одинъ останусь?« сказалъ, опомнясь, товарищъ Курнапѣта.

»А кой чортъ станется тебѣ здѣсь?« отвѣчалъ Курнапѣтъ.

»Кой чортъ? а попробуй-ка-сь ты посторожить самъ на самъ съ лѣшимъ. Оставайся, коли хошь, здѣсь у Пятницы, а я сведу ихъ въ Перебоище.«

»Нѣтъ, ужъ коли вести, такъ поведемъ вдвоемъ.«

»А что́ скажетъ дядя Сысой? Аль позабылъ ты, для чего здѣсь поставлено насъ?«

»Ну, пусть ихъ ѣдутъ сами: не минуютъ Сысоевой избы.«

»И впрямь, что́ намъ бросать сторо́жу? Мимо деревни имъ не проѣхать.«

»Ступайте этой дорогой«, сказалъ грубо Яшка Курнапѣтъ, обратясь къ Алексѣю и Добрынѣ: »она приведетъ васъ въ само Перебоище.«

Ухватки этихъ людей и ихъ загадочныя рѣчи не предвѣщали Алексѣю ничего добраго. Онъ вслушивался въ ихъ разговоръ съ возрастающимъ недоумѣніемъ и не могъ ни коимъ образомъ опредѣлить себѣ положеніе своего отца по этой встрѣчѣ съ его одерноватыми холопями.

Если онъ измѣнилъ царю Борису Ѳеодоровичу, то неужели разошелся въ этомъ съ крестьянами, которые, судя по прочимъ Сѣверскимъ простолюдинамъ, должны бы скорѣе всего стоять за одно съ своимъ бояриномъ на сторонѣ мнимаго царевича (а что они не за одно съ нимъ, это можно было замѣтить по всему). Если жъ онъ остался вѣренъ царю и пошелъ врозь съ крестьянами, то какъ объяснить удаленіе его въ Сѣверскую его отчину? Въ такую смутную для государства годину, онъ могъ бы быть посланъ въ эту украйную страну на воеводство, какъ человѣкъ надеж-

ный; но быть здѣсь въ отпуску для хозяйственныхъ дѣлъ не приходилось ему ни коимъ образомъ.

Желая, однакожъ, рѣшить этотъ вопросъ хотя отчасти, Алексѣй спросилъ Перебойцевъ:

»Вы за кого?«

Вопросъ этотъ понятенъ былъ тогда въ Сѣверіи всякому, и Яшка Курнапѣтъ отвѣчалъ необинуясь:

»За природнаго осударя!«

»Нечего жъ съ вами больше и толковать«, сказалъ Алексѣй и поскакалъ по дорогѣ къ Перебоищу.

За нимъ поспѣшалъ вѣрный Добрыня.

»Ну«, говорилъ онъ, »вотъ мы почти что дома на печи! Страшно оглянуться назадъ, какія страсти перенесъ человѣкъ! Ну-ка, сивка-бурка, провези еще маленько мои старыя кости, тогда меня и калачемъ не сманишь съ полатей, таскайся по дорогамъ кто хошь, мнѣ пора на покой. Ухъ, да и поработалъ же я! чего не перенесъ! Но слава те, Господи! за все слава!«

»Не радуйся прежде времени, Добрынюшка«, сказалъ Алексѣй.

»А что́?« спросилъ старикъ.

»То, что намъ надо еще одно мытарство пройти. Сысоева изба эта не обойдется намъ даромъ. Перебойцы, знать, поднялись на дыбы противъ батюшки.«

»И, что́ ты, сударь! Чего тебѣ бояться въ своей

вотчинѣ? Да гдѣ это слыхано? да у кого подымется рука на своего природнаго отчича? Намъ отчичъ — другой царь. Да и съ чего бы Перебойцамъ становиться противъ твоего батюшки на дыбы, коли онъ съ ними одну сторону держитъ?«

»Толкуй ты себѣ«, сказалъ Алексѣй, »а я тебѣ скажу вотъ что́: не сказывай здѣсь моего имени. Меня въ Перебоищѣ не знаютъ; назовемся боярскими знакомцами изъ Путивля: авось-либо доступимся къ батюшкѣ безъ большихъ хлопотъ.«

»Инъ быть по твоему«, отвѣчалъ Добрыня. »Меня хошь и знаютъ, да въ потемкахъ не разглядятъ. Пускай будетъ и по твоему. Удалъ ты былъ на чужбинѣ, а трусоватъ сталъ у себя дома. Ну, да лишь бы добраться намъ до боярина Николы Афанасьича, а тамъ по мнѣ хоть волкъ траву ѣшь. Да вотъ и огоньки мелькаютъ. Вонъ и наше Свято-озеро.«

Огоньки, замѣченные Добрынею, горѣли какъбудто на днѣ пропасти, потому что темнота не давала видѣть легкой покатости, по которой дорожка спускалась къ Перебоищу. Густой лѣсъ кончился, и по склону пологой возвышенности пошли только рѣдкія сосны. Въ промежутки между нихъ отъ времени до времени мелькала вправо накрапленная огнями деревня, и за нею отъ мутнаго неба отдѣлялась черная полоса лѣса, вѣроятно, на возвышенности, соотвѣтствующей той, по которой спускались теперь наши странники.

Съѣхавъ ниже, они очутились на берегу Святого озера, заливавшаго самую глубину долины. Дорога повернула вправо и потянулась по берегу къ деревнѣ, которая огибала крутымъ лукомъ конецъ водной равнины. Озеро покрылось уже льдомъ: это тотчасъ можно было замѣтить по его тусклому блеску, похожему на блескъ оловянной плиты. По ту сторону, насупротивъ деревни, горѣлъ одинокій огонекъ, скользя по льду черезъ все озеро полосою свѣта.

Добрыня узналъ урочище, намѣченное этимъ огонькомъ.

»Что́ это?« сказалъ онъ: »аль и въ Спащину, въ скитъ, забрались люди? или это тѣшатся.... духъ святъ при насъ! Въ мою бытность въ Перебонщѣ разсказывали мнѣ про скитъ не больно веселую быль. Въ этомъ урочищѣ нечисто. Стоялъ тутъ монастырь когда-то, и убѣжала сюда сестра къ брату отъ Татаръ. Татаре погнались за бѣглянкою, анъ имъ дорога заслонена облакомъ Божіимъ. Приходитъ она въ монастырь, а чернецовъ-то и искуси лукавый.... Вотъ Богъ и открылъ Татарамъ дорогу къ монастырю. Всѣ пострадали лютою смертью, а набольшихъ грѣшниковъ и мать земля не приняла. Встаютъ о полночь и стоятъ до позднихъ пѣтуховъ. Груди распороты ножами; сердце горитъ огнемъ бѣсовскимъ. Вотъ онъ и свѣтъ-то! Видишь, какой онъ кро-

вавый; непохожъ на нашъ огонь. Только еще, кажись, далеко до полуночи....«

Не обращая много вниманія на разсказъ Добрыни, Алексѣй прислушивался къ голосамъ, которые почудились ему со стороны деревни. Они были протяжны, какъ пѣсня; только чѣмъ дальше ѣхалъ онъ по берегу озера, тѣмъ больше убѣждался, что это что-то совсѣмъ иное.

»Господи! да это воютъ по покойникѣ!« сказалъ Добрыня, сразу отгадавшій, въ чемъ дѣло.

Нѣсколько скачковъ впередъ подтвердили слова его: послышались ясно завыванья женщинъ надъ покойникомъ. Лай собакъ, встрѣтившихъ незнакомцевъ у крайней избы, заглушилъ на время голоса. Но когда Алексѣй и Добрыня въѣхали въ деревню, до слуха ихъ долетали уже ясно слова двухъ хоровъ, изъ которыхъ одинъ, пропѣвъ нѣсколько жалобныхъ стиховъ оканчивалъ ихъ словами: »Ахъ, провожаніе твое, Сергѣй!«, а другой отвѣчалъ ему: »Ахъ, да и прощанье!« и продолжалъ свою долю надгробныхъ жалобъ.

Дорога шла по самому берегу озера: избы тянулись вдоль нея по прибрежному скату. Добрыня объяснилъ тутъ Алексѣю, что Перебоище раздѣляется на двѣ части безъименною рѣчкою, которая вливается здѣсь въ озеро и выходитъ изъ него у пустыннаго скита, и что усадьба боярская стоитъ но ту сторону рѣчки.

»За рѣкой«, говорилъ Добрыня, »живутъ кре-

стьяне, а по сю сторону слободка одерноватыхъ холопей. Еще дѣдушка твой осадилъ ихъ изъ дворовой челяди здѣсь на *деревнѣ* (1). За буйство да за пьянство ссылалъ онъ ихъ сюда, и вотъ, мало по малу какой починокъ набрался.... А, вотъ и усадьба боярская! Это она такъ ярко свѣтится. Куда жъ это рѣчка дѣвалась? и какого это Сергѣя отпѣваютъ?«

Добрыня, однакожъ, скоро увидѣлъ, что ошибается. Яркій свѣтъ выходилъ изъ волоковыхъ оконъ крестьянской избы, мимо которой пролегала по берегу озера дорога. Она была занята густой толпой народа, собравшагося, видно, поглядѣть на покойника, котораго отпѣвали въ избѣ. Рамы — если только онѣ когда нибудь тамъ были — на этотъ разъ были изъ оконъ выставлены, чтобъ душа мертваго, притаявшаяся у образовъ, могла свободно вылетѣть, куда ей надо. На окнѣ стояда чашка съ святой водою, чтобъ душа искупалась и омылась отъ нѣкоторыхъ грѣховъ своихъ, а въ головахъ покойника — горшокъ каши, чтобъ подкрѣпить ему силы передъ долгимъ путемъ. Сидя на коняхъ, наши путники видѣли черезъ головы окружавшихъ избу крестьянъ, какъ

---

(1) ***Деревня***, ***дернь*** значило встарину пахатное поле, особенно то, котораго ***содрана*** сохою трава. По »Словотолковнику« Макарова слово ***деревня*** въ Вологодской губерніи употребляется и теперь въ смыслѣ пахатнаго поля.

вкладывали покойнику въ ротъ мѣдныя деньги для покупки на томъ свѣтѣ мѣста, а въ руки— грамотку отъ попа съ описаніемъ его жизни и поведенія.

Эти обычаи — грубая смѣсь стараго язычества съ христіанскимъ ученіемъ церкви — сопровождались громкими воплями жены умершаго и стороннихъ женщинъ, приглашенныхъ на похороны для большей торжественности, такъ какъ похороны считались тѣмъ торжественнѣе, чѣмъ больше голосило женщинъ.

Слышны были такого рода рѣчи, обращенныя къ тому, кто не могъ ихъ больше слышать: »Тебѣ ли было умирать? ужъ я ли тебѣ не корилась? не рожала ли я тебѣ дѣтей красавцевъ? ужъ у тебя ли не всего было вдоволь?« и все это кончалось и начиналось повторяемыми хоромъ восклицаніями: »Ахъ, провожаніе твое, Сергѣй! Ахъ, да и прощанье!«

Алексѣй и Добрыня имѣли время разсмотрѣть и выслушать все это, потому что остановились въ нерѣшимости, какъ имъ пробраться сквозь толпу Перебойцевъ, которыхъ лица, озаренныя то тамъ, то сямъ струями свѣта, падавшаго изъ оконъ, выражали раздраженную злобу. У двухъ или у трехъ человѣкъ замѣтилъ Алексѣй на головѣ повязки съ кровавыми пятнами. Видно было, что только боязливое почтеніе къ мертвому удерживало ихъ буйныя рѣчи. Глухой ропотъ ходилъ

кругомъ, и Алексѣй догадывался, что здѣсь недавно была боевая схватка. Грубое обращеніе сторожей у Пятницы навело его на мысль, что участникомъ этой драки могъ быть его отецъ, вынужденный необходимостью приводить своихъ холопей къ покорноти силою; и если только это было такъ дѣйствительно, то хуже всего было бы для Алексѣя, еслибъ его узнали, а узнать его могли по его спутнику. Во всякомъ случаѣ онъ не надѣялся проѣхать сквозь эту толпу безъ расспросовъ, а неловкій отвѣтъ могъ возбудить подозрѣніе, и тогда надо было рѣшиться на отчаянную мѣру — проложить себѣ дорогу саблею.

Сообразя все это, Алексѣй осадилъ коня и спросилъ Добрыню, не знаетъ ли онъ другой дороги къ боярской усадьбѣ.

Но не успѣлъ Добрыня дать отвѣтъ, какъ сбоку заговорилъ знакомый ему голосъ:

»Ба! Добрыня Пахомычъ! какимъ чудомъ очучился ты здѣсь?«

Эти слова взволновали все сборище, и черезъ минуту послышались грозные голоса:

»Да это Одноролсекъ! Дядя Сысой! самъ Богъ посылаетъ тебѣ отвѣтчика. Сынъ поплатится намъ за отца. Ребята, заходи сзади! хватай!«

Схватить Алексѣя было, однакожъ, нелегко. Онъ размахивалъ направо и налѣво саблею и потомъ, перемѣня оборонительную тактику на настунательную, заставилъ мужиковъ податься на-

задъ. Можетъ быть, ему бы удалось пробиться сквозь толпу и оставить ее позади; но дядя Сысой закричалъ:

»Чего вы испужались, дурачье? онъ одинъ! Валяй въ него бревнами, каменьями! выкатывай со двора телеги! станови поперегъ дороги! Задушимъ щенка, пока не сбѣжался со старымъ псомъ!«

Нападеніе возобновилось съ большою яростью. Одно чудо спасло Алексѣя отъ летящихъ на него со всѣхъ сторонъ камней и кольевъ. Темнота и боязнь попасть въ своихъ помогали ему. Наконецъ появились на сцену человѣка три или четыре съ рогатинами и пратазанами. Алексѣй успѣлъ отразить и нанести нѣсколько ударовъ, повалилъ одного смѣльчака замертво; но вдругъ конь его, проколотый въ бокъ брошеннымъ издали дротикомъ, попятился назадъ, взвился на дыбы и упалъ безъ дыханія.

Что́ оставалось теперь дѣлать Алексѣю пѣшему и одному среди дороги, загроможденной съ двухъ сторонъ телегами, — одному, потому что Добрыня не осмѣлился даже обнажить сабли въ этомъ неравномъ бою и сложа руки, заблаговременно читалъ своему бояричу отходную? Оглянувшись вокругъ, бѣдный молодой человѣкъ рѣшился на послѣднее средство къ спасенію. Озеро не могло еще замерзнуть крѣпко, но отчаяніе внушило Алексѣю надежду, подобную той, съ которою утопающій хватается, по пословицѣ, и за

бритву. Однимъ прыжкомъ онъ очутился на самомъ берегу и ловко скользнулъ на ледъ. Ледъ затрещалъ и вгибался подъ нимъ, какъ натянутое полотно; каждую секунду ломкая ткань напяленная морозомъ на воду, готова была лопнуть, но Алексѣй старался тяготѣть на одномъ мѣстѣ какъ можно меньше и скользилъ далѣе и далѣе. На бѣгу, или, лучше сказать, на лету, онъ сбросилъ съ себя тулупъ; движенія его сдѣлались свободнѣе, тяжесть уменьшилась, и онъ, разставя руки, какъ будто летѣлъ вдоль огненной струи, которая отражалась на льду отъ огонька, мерцавшаго по ту сторону озерка.

Перебойцы онѣмѣли отъ изумленія

»Самъ нечистый ему помогаетъ!« сказалъ наконецъ дядя Сысой. »Слыханное ли дѣло—пройти по озеру въ первый морозъ?«

»Это искуситель, а не человѣкъ!« сказалъ другой мужикъ. »Я метнулъ ему въ спину сулицею, кажись, такъ ловко, что пропоролъ бы его насквозѣ; чтó жъ? сулица отскочила назадъ! посмотрите, какъ загнулось жало! Видно, онъ заговоренъ противъ желѣза.«

Между тѣмъ Добрыню схватили, стянули съ коня и держали нѣсколькими парами дюжихъ рукъ

»Тащите его на расправу!« сказалъ дядя Сысой. »Пускай хоть этотъ заплатитъ мнѣ головой за моего Сергѣя!«

Добрыня не остался безмолвною жертвою: умъ

его, освобожденный отъ боязни за жизнь боярича, вышелъ изъ оцѣпенѣнія и употребилъ въ дѣло всю изворотливость, какая только отмѣрена была природою на его долю. Но послѣдуемъ сперва за Алексѣемъ.

Алексѣй остановился тогда только, какъ ступилъ на землю. Оглянувшись назадъ, онъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ, что пробѣжалъ такое пространство по тончайшему льду, который, отражая горѣвшіе по ту сторону, на деревнѣ, огни, блестѣлъ теперь какъ вода, нетронутая вѣтромъ. Отдаленные голоса Перебойцевъ смѣшивались въ неясные звуки, и только пронзительный вой женщинъ надъ покойникомъ слышался такъ, что почти можно было различать слова: »Ахъ, провожаніе твое, Сергѣй! ахъ, да и прощанье!«

ГЛАВА IX.

Алексѣй долго смотрѣлъ на противоположный берегъ и прислушивался къ отдаленному говору, не узнаетъ ли, чтό сталось съ вѣрнымъ его Добрынею. Но голоса слышались всё глуше и глуше, наконецъ уступили мѣсто однимъ завываньямъ женщинъ.

Алексѣй обвелъ тогда кругомъ глазами, какъ бы вопрошая окружающіе его предметы, чтό ему дѣлать, и взоръ его остановился на одинокомъ огонькѣ, къ которому онъ направлялъ черезъ озеро бѣгъ свой. По разсказу Добрыни, огонекъ этотъ долженъ былъ бы смутить его воображеніе, а по безпріютному положенію, въ какомъ онъ очутился, долженъ былъ бы его обрадовать; но вблизи рѣдко бываетъ страшно то, чтό пугаетъ воображеніе издали, а испытанная недавно бѣда возбудила въ моемъ витязѣ, вмѣсто радости, опасеніе, какъ бы не попасть изъ огня да въ полымя.

Онъ осторожно приблизился къ мѣсту, откуда выходилъ свѣтъ, и скоро различилъ во мракѣ нѣчто въ родѣ избы. Нависшія со всѣхъ сторонъ сосны мѣшали ясно видѣть строеніе; но оно казалось очень невеликимъ и низкимъ. Свѣтъ выходилъ изъ небольшого окна, укрѣпленнаго желѣзною решеткою, и озарялъ по краямъ его кирпичи, округленные временемъ и непогодою. Сухія вѣтви, покрывавшія сплошнымъ слоемъ землю, доказывали, что это мѣсто нежилое. Трудно было Алексѣю добраться по нимъ безъ треску до оконца; однакожъ кое-какъ онъ къ нему приблизился и заглянулъ во внутренность строенія.

Пылавшій на землѣ огонь освѣщалъ довольно просторную комнату, если только можно назвать комнатою четыре стѣны, въ которыхъ, кромѣ двери и этого оконца, не было другихъ отверстій. Это былъ, вѣроятно, остатокъ кладовой, единственнаго каменнаго зданія въ старинныхъ деревянныхъ монастыряхъ. Бугроватыя, поросшія мхомъ, стѣны во многихъ мѣстахъ разсѣлись широкими трещинами; часть низкихъ сводовъ упала большими обломками на землю, и дымъ отъ костра свободно выходилъ въ дыру, образованную этимъ проваломъ. По стѣнамъ висѣли мечи, желѣзныя шапки и латы, называемыя куяками.

Все это Алексѣй разсмотрѣлъ послѣ, а теперь взоръ его остановился прежде всего на людяхъ, которые стояли вокругъ огня и повторились тѣнью

на стѣнахъ и потолкѣ, въ видѣ уродливыхъ великановъ. Въ памяти моего добра молодца мелькнулъ на мгновеніе разсказъ Добрыни, и воображеніе его готово было уже создать страшилища, въ родѣ монаховъ съ пылающими кровавымъ огнемъ сердцами; но одного внимательнаго взгляда было достаточно, чтобъ удостовѣриться въ естественности этихъ людей.

Ихъ было человѣкъ шесть или семь. Они стояли неподвижно вокругъ огня, съ глазами, устремленными на человѣка, сидѣвшаго на обломкѣ свода, спиной къ Алексѣю, и съ видимой готовностію исполнять его приказанія, хотя онъ былъ одѣтъ съ такой же простой овчинный тулубъ, какъ и всѣ прочіе, и не отличался никакимъ знакомъ богатства и власти. Важный незнакомецъ былъ молча занятъ ужиномъ, состоящимъ изъ обжареннаго мяса и хлѣба. Мясо очевидно принадлежало еще недавно ободранной овцѣ, которая висѣла тутъ же возлѣ огня и придавала этому загадочному сборищу дикій характеръ. Алексѣй не успѣлъ еще сдѣлать объ этихъ людяхъ никакого заключенія, какъ ему бросилось въ глаза сходство нѣкоторыхъ изъ нихъ съ Московскими людьми его отца. Онъ еще сомнѣвался, вѣрить ли своимъ глазамъ, или нѣтъ, какъ вдругъ сидѣвшій незнакомецъ поднялся съ своего мѣста и разрѣшилъ его недоумѣніе. Это былъ его отецъ.

Изумленіе, радость и горе овладѣвали попере-

мѣнно душою Алексѣя и наконецъ уступили мѣсто чувству, заговорившему въ немъ сильнѣе всѣхъ прочихъ: ему стало стыдно передъ самимъ собою, какъ онъ могъ оставаться такъ долго въ сомнѣніи на счетъ вѣрности своего отца царю Борису Ѳедоровичу и повѣрить словамъ Мулюхи, который очевидно примѣшивалъ половину лжи въ свои мятежническія рѣчи.

»Но какимъ образомъ онъ очутился въ такомъ бѣдственномъ положеніи? что́ привело его изъ Москвы въ Сѣверскую глушь и заставило пріютиться въ этой развалинѣ?... Что онъ не измѣнилъ царю, это ясно по поведенію Перебойцевъ; но неужто у батюшки, кромѣ Перебоища, не осталось ни одной вѣрной вотчины, гдѣ бы онъ могъ жить, какъ слѣдуетъ боярину?«

Между тѣмъ какъ Алексѣй задавалъ себѣ эти вопросы, старый Однорогъ досталъ изъ-за пазухи серебряные складни (1) и, поставя ихъ въ углу, началъ читать извѣстную молитву за царя. Борисъ, чувствуя, что его не любятъ, обнародовалъ эту необыкновенную молитву, какъ-будто изъ опасенія, чтобъ государство не позабыло, что́ значитъ царскій санъ, въ который онъ облекся. Ее должны были читать вездѣ, гдѣ сходилось нѣсколько человѣкъ на обѣдъ или на ужинъ, или просто на братину вина. Передъ войною съ Са-

(1) Складной образъ.

мозванцемъ, эту молитву произносили почти вездѣ въ знатныхъ домахъ изъ одного страха доносовъ, съ худо скрываемымъ отвращеніемъ; но старый Однорогъ читалъ ее такъ выразительно, съ такимъ сочувствіемъ ея содержанію, какъ-будто она вышла изъ его головы и сердца.

Это еще больше пристыдило Алексѣя: въ устахъ отца его эта молитва была оправданіями друга, котораго онъ обвинилъ въ несвойственномъ ему преступленіи. Онъ не могъ оторваться отъ окна, пока не дослушалъ ея до конца.

Едва онъ повернулся, съ намѣреньемъ отыскать дверь въ келью, какъ вдругъ знакомый голосъ произнесъ его имя, и Алексѣй увидѣлъ передъ собой, при свѣтѣ, падавшемъ изъ окна, отцовскаго дворчанина, бражника Савелія, одѣтаго въ ратный доспѣхъ и вооруженнаго протазаномъ. Вооруженіе это не шло къ нему, такъ точно, какъ и выраженіе какого-то тяжкаго чувства, рѣзко напечатлѣннаго на его отъ природы беззаботномъ и веселомъ лицѣ.

»Ну, не совсѣмъ, знать, еще Господь прогнѣвался на насъ«, сказалъ бражникъ Савелій, »что послалъ къ намъ тебя, нашу радость! Откуда это ты, батюшка нашъ, съ неба, что ли, свалился? какъ это подошелъ ты къ самому скиту мимо нашей сторожи?«

»Савелій! что́ это съ батюшкой? зачѣмъ онъ здѣсь, въ этой развалинѣ?« спросилъ Алексѣй.

Савелій бражникъ понизилъ голосъ:

»Неужто ты еще не знаешь, что батюшка твой, бояринъ Николай Афанасьичъ, въ опалѣ?«

Алексѣй содрогнулся.

»Можетъ ли это статься?« воскликнулъ онъ.

»Тише«, сказалъ Савелій: »мы какъ разъ противъ оконца; отойдемъ вотъ къ палисаду. Эхъ, времена! пришлось горе мыкать въ такой трущобѣ! Можетъ ли статься, а сталось вотъ, какъ видишь. Заварилось пиво, будетъ пиръ на весь крещеный міръ, а первая, знать, чаша досталась намъ со старымъ бояриномъ.«

»За чтó жъ эта опала?« спросилъ Алексѣй.

»Да Богъ знаетъ; не наше холопье дѣло рядить-судить про боярскія дѣла, а только вотъ указано твоему батюшкѣ боярину отъ царскаго величества не выѣзжать изъ Перебоища.«

»Зачѣмъ же батюшка не въ усадьбѣ, а здѣсь въ скиту?« спросилъ Алексѣй.

»Не поладилъ съ Перебойцами«, отвѣчали ему. »Батюшка твой, видишь, даромъ что въ напрасной опалѣ, готовъ и голову положить за царя Бориса Ѳедоровича, а они-то думали, что онъ будетъ стоять съ ними за того, чтó зовутъ природнымъ осударемъ. Встрѣтили Перебойцы боярина съ хлѣбомъ-солью, — ладно; только одинъ и спроси: »А каковы, молъ, слыхать новинки »про царевича про Дмитрея Ивановича?« А батюшка твой какъ держалъ чеканъ, такъ его и

хлопнулъ. »Ахъ вы, измѣнники! Кто еще тутъ »стоитъ за вора разстригу? всѣхъ перебью!« Перебойцы видятъ, что бояринъ дышетъ нездѣшнимъ духомъ, и поднялись. Пошелъ было бояринъ на проломъ — куда! онъ самъ-десятъ съ дворчанами, а ихъ и не перечесть. Вотъ зачѣмъ онъ не въ усадьбѣ, батюшка ты нашъ!«

»Такъ я и думалъ«, сказалъ Алексѣй; »но неужто васъ при батюшкѣ изъ пятидесяти дворчанъ осталось только девятеро?«

»Нѣтъ, не девятеро насъ вышло съ бояриномъ въ Сиверу, да знаешь, какой теперь дуетъ съ Литвы вѣтеръ? Люди теперь — словно рожь на лопатѣ: чтó падаетъ зерномъ, а чтó летитъ половою за вѣтромъ. Чуть лишь къ Перебоищу, такъ бóльшей половины дворчанъ какъ не бывало у твоего батюшки. Глядь-поглядь, насъ только горсточка.«

»Какъ? въ глазахъ измѣнили?«спросилъ Алексѣй.

»Да, перебѣжали къ Перебойцамъ«, отвѣчалъ Савелій. Еще на Москвѣ, знать, завербовати ихъ на сторону Самозванца. Еще дорогой проговорились наши ребята: »Увидишь, дескать, чтó запо»етъ бояринъ, какъ пріѣдетъ въ Перебоище!« Лѣшій ихъ знаетъ, съ чего они взяли, что бояринъ станетъ въ Сиверѣ за Самозванца.«

»Страшныя дѣла слышу я!« сказалъ Алексѣй и вспомнилъ Мулюху, который съ такою увѣренностью говорилъ, что отецъ его на сторонѣ мни-

маго Димитрія. Самыя мрачныя догадки родились въ умѣ его. Ему представилась чудовищная сѣть крамолы, которою опутаны царь и его вѣрные слуги.

»И, что́ тутъ страшнаго?« отвѣчалъ, понявъ его буквально, Савелій. »Не пужайся, осударь нашъ: батюшка твой и тутъ не оплошалъ: одарилъ его Господь духомъ великіимъ. Онъ и насъ учинилъ богатырями. Даромъ, что онъ самъ-десятъ съ нами, а вотъ загородили мы себѣ городъ, да и воюемъ съ Перебойцами, какъ съ невѣрными басурманами. Видишь ли, вотъ палисадникъ? Это наша работа: въ двѣ недѣли у насъ дѣло поспѣло. Обрубились острожкомъ, рвомъ окопались, валомъ обсыпались. Завтра отъ воды начнемъ городить городъ. До сихъ поръ вода насъ защищала съ этой стороны, да вдругъ замерзла. Засядемъ здѣсь и будемъ ожидать, пока увидитъ царь Борисъ Ѳедоровичъ, кто крамольникъ, кто нѣтъ. А говоритъ бояринъ, что скоро онъ увидитъ.«

»Но чѣмъ же вы кормились до сихъ поръ и чѣмъ батюшка думаетъ прокормиться здѣсь послѣ?« спросилъ Алексѣй.

»А вотчина-то подъ бокомъ на что? Старыхъ запасовъ въ ней надолго хватитъ.«

Пожалъ Алексѣй плечами.

»Какъ же вы умудрились вдесятеромъ все-таки держать въ страхѣ Перебоище?«

»А вотъ какъ: сядетъ бояринъ съ нами на конь—самопалы въ рукахъ—пріѣзжаемъ къ Пят-

ницѣ—тутъ за скитомъ Пятница на Путивльскомъ перекресткѣ—трубимъ въ рожокъ. Перебойцы выходятъ. »Давайте, окаянные баламуты, столько-то барановъ, столько-то мѣръ овса, столько-то муки.« — »Не дадимъ. Служи нашему осударю,— тогда мы твои холопи будемъ« —»Такъ не дадите? Ребята, самопалы къ плечу!« Мужики къ деревнѣ — мы за ними. »Зажигай первую избу!« Видятъ тогда пострѣлы, что придется зимовать безъ покрышки, давай мирволить и выдадутъ все, чтó душѣ твоей любо.«

»Но это не всегда такъ будетъ«, сказалъ, въ безпокойствѣ за отца, Алексѣй. »Хорошо, что у нихъ нѣтъ ни пищалей, ни самопаловъ, а добудь они себѣ огненнаго бою, тогда съ ними не справишься.«

»Пока они добудутъ, а мы въ скиту припасемъ себѣ запасу до весны. Яма у насъ полна уже всякаго добра; стогъ сѣна для лошадей на лугу подъ бокомъ — перетаскать въ острожокъ не долго. Въ усадьбѣ на деревнѣ намъ бы съ бояриномъ не усидѣть—дымомъ бы выкурили — а здѣсь поди-кась поговори съ нами сквозь частоколъ. Добро, что бояринъ догадался вывезть изъ Москвы возы походные съ огненнымъ боемъ да зелейную казну. Думалъ оборонять Перебоище отъ Самозванца, а вотъ пришлось ратовать противъ своихъ же мужиковъ. Да слава Богу, что ты, надёжа нашъ, въ-пору-во-время воротился къ

батюшкѣ. Только гдѣ же твой дядька Пахомычъ? Безъ коня, безъ вожатаго, впрямь ты какъ будто съ неба свалился. Неужто перебрался ты сюда льдомъ отъ Перебойцевъ? Ледъ еще не сдержитъ человѣка.«

»Долго будетъ разсказывать«, отвѣчалъ Алексѣй; »дай-ка прежде повидаться съ батюшкой.«

Савелій проводилъ его къ низенькой двери, которая отворялась внутрь и была крѣпко-накрѣпко заперта.

Алексѣй постучался въ дверь и на вопросъ: кто? сказалъ свое имя. За дверью послышался радостный говоръ, дверь отворилась. Алексѣй естественно, казалось бы, долженъ былъ броситься въ объятія отцу; но онъ этого не сдѣлалъ: онъ переступилъ порогъ его жилища съ нѣкоторымъ страхомъ.

Отецъ воспитывалъ его съ особенною заботливостью, и потому былъ непомѣрно къ нему строгъ. Отеческія наставленія нерѣдко сопровождались у него ударомъ палки или кулака, такъ какъ по тогдашнимъ понятіямъ побои въ домашней іерархіи не только не были дѣломъ унизительнымъ для наносящаго и терпящаго ихъ, но тотъ почитался плохимъ отцемъ, кто не колотилъ своего сына, и тотъ негоднымъ сыномъ, кто не принималъ отъ отца побоевъ, какъ благословеніе Божіе. Всякое выраженіе нѣжности къ дѣтямъ тогдашніе добрые отцы считали нарушеніемъ своего патріархаль-

наго достоинства и поводомъ къ непослушанію и другимъ порокамъ со стороны дѣтей. Ни о чемъ они такъ не заботились, какъ о томъ, чтобъ дѣти боялись ихъ: кромѣ страха, они не знали другихъ средствъ для удержанія ихъ въ благочестіи, воздержаніи и прилежаніи къ ихъ дѣлу.

Бояринъ Однорогъ, горячій во всемъ, что казалось ему добро́ и красно́, довелъ эту обычную суровость родительскую до крайности. По его обращенію съ Алексѣемъ, можно было бы подумать, что онъ его совсѣмъ не любитъ, между тѣмъ какъ онъ любилъ Алексѣя больше собственной жизни, и именно потому не пропускалъ ни одного случая поколотить его собственною родительскою рукою.

Отъѣздъ Алексѣя въ чужеземщину не обошелтякже безъ подобныхъ нѣжностей, — тѣмъ больше, что стараго Однорога это событіе не радовало, какъ залогъ всего лучшаго, чего можетъ ожидать молодой человѣкъ на царской службѣ, напротивъ огорчало по опасенію, чтобъ онъ не извратилъ въ Нѣметчинѣ своихъ Русскихъ понятій, какъ сынъ, какъ подданный и какъ христіянинъ.

Не напрасно пишетъ пасторъ Беръ, жившій въ тѣ времена въ Москвѣ, что »Россіяне, особенно знатнаго рода, согласятся скорѣе умереть, нежели отправить своихъ дѣтей въ чужія земли, — развѣ царь ихъ принудитъ; что они одну Русь почитаютъ государствомъ христіянскимъ; что

всѣхъ иноземцевъ называютъ они людьми погаными, некрещеными, невѣрующими въ истиннаго Бога.« Бояринъ Однорогъ, наперекоръ природному своему толку, думалъ точно такъ. Назначеніе сына его въ чужіе края до того встревожило его душу, что онъ осмѣлился сказать царю въ глаза: »Царь государь! воля твоя меня казнить и миловать, но лучше бъ ты велѣлъ снять съ плечъ мою голову, чѣмъ дѣлать меня сиротою на старости: прямой я буду сирота, коль мое дѣтище перевернетъ Русской обычай свой на басурманской.«

Борисъ былъ мягокъ въ первое время своего правленія и спросилъ:

»Такъ ты не желаешь, чтобъ сынъ твой ѣхалъ къ Нѣмцамъ въ науку?«

»Нѣтъ, государь«, отвѣчалъ опомнясь Однорогъ: »противъ твоего указа я не ворочу его назадъ. Будь съ моимъ сыномъ, что́ будетъ, но никто не скажетъ, что бояринъ Однорогъ былъ царскимъ ослушникомъ.«

Отеческая строгость стараго Однорога, въ последніе дни передъ отъѣздомъ Алексѣя превратилась даже въ жестокость, такъ что Добрыня, самый приближенный и старшій изъ слугъ, потерялъ терпѣніе и отрѣзалъ напрямикъ своему боярину:

»Дурѣешь ты, осударь Никола Афанасьичъ, съ печали: за что́ колотишь малаго безъ толку?«

»Врешь, дубовая башка!« отвѣчалъ ему боя-

ринъ: »не дурѣю я съ печали и не безъ толку колочу малаго: колочу я его на добро, — чтобъ не забывалъ онъ объ отцѣ средь басурманщины, да чтобъ зналъ, чего ему отъ меня ждать за всяко худое дѣло.«

Всѣ эти обстоятельства живо вспомнились Алексѣю, когда наступила минута свиданія съ отцомъ. Пять лѣтъ свободнаго разгуливанья по чужимъ краямъ подняли было въ немъ гордое сознаніе своей личности, но такова сила первоначальныхъ впечатлѣній, что когда отворилась наконецъ дверь и онъ очутился передъ отцемъ своимъ, онъ почувствовалъ ту же робость, ту же боязнь разсердить его, какую чувствовалъ всегда въ его присутствіи.

Долгое странствованіе Алексѣя по чужбинѣ не только не увеличило между нимъ и отцемъ его родственной нѣжности, напротивъ какъ-бы поссорило ихъ. Они оба повиновались царю — Алексѣй съ охотою, старый Однорогъ съ горестью; оба знали, что отказаться отъ царскаго назначенія было бы и беззаконно по суду совѣсти, и опасно по царскому суду; но старикъ смотрѣлъ на путешествіе Алексѣя, какъ на своевольный побѣгъ изъ родительскаго дома, и даже самъ Алексѣй считалъ удовольствіе, съ какимъ онъ отправился въ чужіе краи, какъ-бы преступленіемъ противъ отца, котораго онъ почиталъ и любилъ, несмотря на всю его строгость. Поэтому они встрѣ-

тились почти такъ, какъ предсказалъ бы почтенный Прокло Прокловичъ, то есть, какъ блудный сынъ съ отцемъ своимъ. Разница была въ томъ только, что старый Однорогъ принялъ Алексѣя гораздо суровѣе, нежели кроткій отецъ Евангельской притчи блуднаго сына, да и Алексѣй подступилъ къ отцу своему не съ трогательнымъ раскаяньемъ — раскаяваться ему было не въ чемъ — а со страхомъ, въ который примѣшивались радость свиданія и жалость къ бѣдственному положенію старика.

Всѣ эти чувства ясно выразились въ его движеніяхъ, въ его лицѣ и голосѣ, когда онъ, снявъ шапку еще за дверью и остановясь почтительно у самого порога, сказалъ съ низкимъ поклономъ:

»Здраствуй, государь батюшка! по добру ли у тебя все по здорову?«

Это привѣтствіе вызывало на радушный отвѣтъ; но государь батюшка, вмѣсто того, нахмурилъ брови и указалъ сыну на образъ.

Алексѣй спохватился тогда, что, въ волненіи различныхъ чувствъ и мыслей, онъ не помолился, какъ велѣлъ Русскій обычай, предъ святыми иконами и поклонился человѣку прежде Бога. Онъ поспѣшилъ со всею набожностью исполнить этотъ древній обычай; но уже было поздно.

»Чтó, Нѣмецкой умникъ!« загремѣли грозныя слова отца: »аль въ басурманскихъ земляхъ и Бога позабылъ?«

»Нѣтъ, государь батюшка, не позабылъ я Бога«, началъ было Алексѣй.

Но старый Однорогъ схватилъ его за плечи и, поворотя къ себѣ спиною, толкнулъ такъ сильно къ двери, что Алексѣй едва удержался на ногахъ.

»Долой съ глазъ моихъ, басурманъ! чтобъ и нога твоя здѣсь не была!« закричалъ старикъ и сильно захлопнулъ за Алексѣемъ дверь.

Слуги оторопѣли отъ удивленія. Они привыкли къ строгости боярина, но въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ никто не ожидалъ, чтобъ онъ прогналъ отъ себя того, кто, казалось бы, одинъ могъ его утѣшать и радовать. У иныхъ на глазахъ навернулись слезы, и они, сложась по слову, выразили свои чувства боязливо, но тѣмъ не менѣе прямо и рѣзко.

»Молчать, олухи!« отвѣчалъ, возвратясь на свое сѣдалище, старый Однорогъ: »вы дурачье. и больше ничего.«

»Да ужь и ты, бояринъ не больно премудръ, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано«, отвѣчали ему съ досадою слуги. »Господь посылаетъ тебѣ радость, а ты взревѣлъ и распустилъ лапища — медвѣдь медвѣдемъ.«

»Дурачье! олухи!« повторилъ хладнокровно бояринъ и, потупя голову, погрузился на нѣсколько минутъ въ глубокія размышленія; потомъ велѣлъ воротить къ себѣ Алексѣя.

Приказаніе это было исполнено съ великою охотою. Дворчане радовались, что гнѣвный бояринъ такъ скоро смягчился, и съ торжествомъ привели къ нему молодого своего господина. Но они тотчасъ увидѣли свою ошибку.

»Такъ ты еще меня не слушаться! Ты хочешь оставаться здѣсь противъ моей воли!« сказалъ бояринъ, обращаясь къ сыну. »Вонъ! говорю тебѣ, и никогда не смѣй показываться въ моей вотчинѣ!«

»Государь батюшка!« сказалъ Алексѣй, »чѣмъ я такъ огорчилъ тебя? Дай повиниться передъ тобой, коли я чѣмъ тебя оскорбилъ.«

»Слышать ничего не хочу!« продолжалъ запальчиво отецъ. »Ищи себѣ батюшки въ Нѣметчинѣ, въ басурманщинѣ! Долой съ глазъ моихъ!«

И съ прежнею церемоніею выпроводилъ бѣднаго Алексѣя за дверь.

»И, бояринъ осударь!« сказали огорченные слуги, »впрямь ты — съ тоски али съ радости — точно полоумной. Виноватъ ли малый, что царь посылалъ его въ басурманщину? Какой онъ басурманъ? не видишь развѣ, что онъ крестится и молится, какъ и мы, Русскому Богу?«

»Дурачье вы, дубовыя башки! что́ вы смыслите!« отвѣчалъ старый Однорогъ и, сѣвъ на свой обломокъ, погрузился въ молчаливыя размышленія.

»Не кликнуть ли назадъ?« спросилъ одинъ изъ слугъ, какъ-бы подслушавъ его мысли.

»Кликнуть«, отвѣчалъ бояринъ.

Алексѣй еще разъ приведенъ былъ къ отцу. Смущеніе и горесть ясно рисовались на лицѣ его. Отецъ какъ-будто ничего этого не видѣлъ: взглядъ его былъ такъ же суровъ и гнѣвенъ, какъ и прежде.

»Ну, что́ скажешь?« спросилъ онъ.

»Батюшка государь!« сказалъ Алексѣй голосомъ, полнымъ покорности и печали, »лучше убей меня, только не прогоняй отъ себя! Пускай я и огорчилъ тебя, но вотъ тебѣ повинная голова моя—дѣлай со мной, что́ хочешь. Все перенесу отъ твоей руки, а не покину тебя въ такой бѣдѣ и смутѣ.«

Лицо суроваго старика вдругъ просвѣтлѣло.

»Ты ничѣмъ не огорчилъ меня, Алексѣй«, сказалъ онъ такъ ласково, какъ, можетъ быть, никогда еще не говаривалъ съ сыномъ. »Это было тебѣ испытаніе: не отречешься ли ты отъ меня, опальнаго, нищаго и безпомощнаго. Горе мнѣ, коли бъ тебѣ въ обиду показался теперь мой гнѣвъ! Не сгубила, вижу, тебя чужеземщина, и прямого набрался ты въ ней разума: знаешь страхъ Божій и отцовскую власть. Пускай же будетъ надъ тобой Господне и мое благословеніе!«

И, взявъ съ камня свои складни, старый Однорогъ сдѣлалъ ими надъ головою сына знакъ

креста, далъ ему приложиться, потомъ протянулъ ему для поцѣлуя руку и, въ знакъ особенной благосклонности, обнялъ и поцѣловалъ Алексѣя.

По обычаямъ того времени и по духу боярина Однорога, это объятіе и этотъ поцѣлуй не были обыкновеннымъ выраженіемъ отеческой нѣжности: это былъ какъ-бы священный знакъ возведенія сына въ достоинство друга и совѣтника. Такъ и поняли эту церемонію всѣ предстоящіе, которымъ, однакожъ, старикъ почелъ за нужное объяснить ее.

»Теперь вы видите, олухи«, сказалъ онъ, »что́ значитъ гнѣвъ мой. Я хочу быть отцемъ не по имени только, а впрямь отцемъ и господиномъ моего дѣтища. Царь на меня прогнѣвался, богатство мое и сила моя миновались, слуги мои покинули меня; но я все-таки Однорогъ отнынѣ и до вѣка, и вотъ, за покорность его моей власти въ эту смутную годину, награждаю его моею великою ласкою. И вамъ велю отдать ему честь, какъ самому мнѣ.«

Слуги подошли и поцѣловали Алексѣя въ руку.

»Объявляю его своимъ наслѣдникомъ«, продолжалъ, съ прежней торжественностью, старый Однорогъ. »Не малое завѣщаю ему наслѣдство — честь моего рода и вѣрность государю-царю до послѣдняго издыханія! Ну, теперь присядь къ огню, Алексѣй, да подкрѣпись чѣмъ Богъ по-

слалъ. Забудь про отцевской твой домъ на Москвѣ; здѣсь не то патоки да мазули, и никакихъ вовсе приправъ; обѣдъ у меня пустынническoй; но все-таки я Однорогъ и останусь Однорогомъ. Сижу въ этой норѣ, сплю на соломѣ, ѣмъ какъ послѣдній страдникъ, холопъ неключимый, а всё вѣрнѣе Богу и царю всѣхъ волкомъ и лисицъ, что́ рыщутъ теперь вокругъ престола. Эхъ, государь Борисъ Ѳедоровичъ! еслибъ тебѣ открылъ Господь глаза! увидалъ бы ты тогда, что́ Однорогъ, а что́ враги Однороговы. Но время близко; увидишь, хоть и поздно, да увидишь!... Ну, скажи же мнѣ, надежа мой Алексѣй, какъ это направилъ тебя Господь ко мнѣ, какъ сохранилъ Онъ тебя жива и невредима въ странствіяхъ и гдѣ твой Добрыня? Неужто схоронилъ старика на чужой сторонѣ?«

»Добрыня, государь батюшка, въ п ѣну у Перебойцевъ«, отвѣчалъ Алексѣй. »Какъ бы его намъ выручить поскорѣе?«

»У Перебойцевъ? ну, это еще не бѣда. Завтра, волею-неволею, они намъ его выдадутъ. Разсказывай-ка ты про себя, другъ мой.«

Алексѣй, присѣвъ къ ужину, разсказалъ ему все, что́ уже извѣстно читателю; умолчалъ только о призракѣ невѣсты, явившемся ему на перевозѣ и у Прокла Прокловича.

Отецъ, сидя противъ него на камнѣ, слушалъ, не прерывая его рѣчи и ни однимъ словомъ не

изъявляя никакого удивленія къ страннымъ новостямъ его; между тѣмъ какъ слуги, стоя вокругъ огня, невольно вскрикивали: »Господи! Ахъ, какія страсти!« или : »Эко диво-то дивное!«

»По истинѣ самъ Богъ хранилъ тебя, Алексѣй, на чужбинѣ и въ этой разбойницкой сторонѣ«, сказалъ старый Однорогъ, дослушавъ до конца разсказъ своего сына, »и это вѣрный намъ знакъ, что мы нужны на что-то въ свѣтѣ. Поработаемъ, мой другъ, за государя въ бѣдѣ, какъ работали въ счастьи. И малая вещь иной разъ великое исполняетъ дѣло. Кто знаетъ, чтó сдѣлаемъ съ тобою мы въ эти смуты для Русскаго царства! Одинъ Богъ знаетъ, на чтó насъ держитъ на свѣтѣ. Его святая воля!«

»Растолкуй же мнѣ теперь, государь батюшка, если можешь«, сказалъ Алексѣй: »какъ знаетъ тебя Мулюха, и почему онъ такъ смѣло увѣрялъ меня, что ты стоишь за Самозванца?«

»Мулюха этотъ не человѣкъ, а змѣя подколодная«, отвѣчалъ отецъ. »Это другой Косолапъ-разбойникъ; только Косолапъ держался на виду, а этотъ — точно ящерица въ травѣ: зашелеститъ, и нѣтъ. Онъ, точно нечистый грѣшными душами правитъ всѣми ворами и разбойниками въ Сѣверіи. Давно уже слышно о немъ — не то здѣсь на Украйнѣ, а и на Москвѣ, да никто не зналъ, гдѣ онъ гнѣздился. А онъ вотъ гдѣ! подъ самымъ бокомъ у Новгородской крѣпости! Эко по

рожденіе ехидны! Теперь, знать, нечего ему таиться — выползъ наружу змѣй-горинычъ; но рано: вѣдь въ Новгородѣ Сѣверскомъ Басмановъ. Съ этимъ шутокъ не шутятъ. Я ужъ по твоимъ разсказамъ вижу, какъ взялся онъ за дѣло. Раздавитъ онъ этому змѣю голову.«

»Но скажи, государь батюшка«, спросилъ Алексѣй: »почемъ этотъ Мулюха знаетъ, что ты въ Перебоищѣ, и зачѣмъ онъ увѣрялъ меня, будто бы ты....«

»Знавалъ онъ меня еще на Москвѣ. Былъ онъ славный обронщикъ, не хуже Парамши. Кто бы тогда подумалъ, что изъ этого обронщика выдетъ другой Косолапъ? Видно, дьяволъ гдѣ найдетъ, тамъ и беретъ свое. А что онъ говорилъ про меня воровскія рѣчи, то это шутки Шуйскихъ. Шуйскіе задумали погубить Бориса Ѳедоровича....«

»Какъ!« прервалъ съ ужасомъ Алексѣй, »неужто до того дошло дѣло, что бояре въ-явь стоятъ за Самозванца?«

»Еслибъ они стояли въ-явь!« отвѣчалъ старый Однорогъ. »Но въ томъ-то и бѣда, что они крамольничаютъ подъ рукой у нашего батюшки, а онъ, словно съ завязанными глазами, хватаетъ злорадниковъ своихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣту. Такъ и мнѣ вырыли яму, окаянные; но увидишь, сами въ ней очутятся. Скоро, не скоро, а правда всплыветъ на-верхъ.«

»За что́ же царь прогнѣвался на тебя, государь батюшка?«

»А за то, что я хотѣлъ открыть ему глаза на Шуйскихъ. Ты думаешь, малую они игру затѣяли? Самозванецъ-отъ — это ихъ дѣло, это ихъ исчадіе!«

»Какъ? Отрепьева надоумили Шуйскіе?«

»Отрепьевъ онъ, или нѣтъ — самъ только дьяволъ это знаетъ; а что эту сову выпустили въ Литву Шуйскіе, это я знаю навѣрное.«

»Да зачѣмъ же ты, батюшка, не открылъ этого царю, лишь только свѣдалъ измѣну?«

»Зачѣмъ не открылъ? А зачѣмъ не накидаютъ на перепела сѣтки, не выждавши время? Порхнетъ, и поминай, какъ звали, а ты остался въ дуракахъ. Такъ и здѣсь. Ты знаешь, что ужъ если я скажу слово, такъ это будетъ все равно, что дѣло. Хотѣлось мнѣ накрыть царскихъ крамольниковъ сѣткою, чтобъ и не шевельнулись, да и не спохватился, что они слѣдятъ за мной, какъ я за ними. Я ихъ ловлю, а они на меня куютъ ковъ. Только что я разинулъ ротъ, а у нихъ и дѣло сдѣлано. Словно сквозь ледъ я вдругъ провалился: такъ ловко подрыли они мнѣ яму. Но погоди, что́ будетъ дальше!«

»И царю вовсе не въ-догадъ, откуда взялся Самозванецъ?« продолжалъ спрашивать Алексѣй.

»Какъ не въ-догадъ? Онъ, батюшка нашъ, только лишь узналъ объ этомъ Литовскомъ ворѣ, то

сказалъ боярамъ въ глаза, что это ихъ дѣло. »Вы хотите крамолами подкопать престолъ!« такъ именно сказалъ онъ въ боярской думѣ. Всѣ потупили глаза; одни Шуйскіе смотрѣли на него прямо. Этой минутой они и взяли. На кого намекнутъ, тотъ и крамольникъ; а въ нихъ-то самихъ и все зло, — такое зло, какого еще не бывало на Руси. Ты думаешь, *одного* Самозванца они подставили? Я знаю троихъ; а сколько ихъ еще распущено по украйнамъ! Вотъ оно зло-то, любезный другъ!«

»И этому злу нельзя помочь никоими мѣрами?«

»А какъ ты ему поможешь?«

»Довести до царя вѣсть про измѣну. Пускай бы Шуйскіе на лобномъ мѣстѣ повинились въ своихъ крамолахъ. Народъ бы угомонился и пересталъ грезить Дмитріемъ-царевичемъ.«

»Легко сказать: довести вѣсть, а попробуй довести! Его сторожатъ теперь во сто глазъ, и самъ онъ того не знаетъ, что̀ съ нимъ дѣлаютъ: держитъ совѣтъ съ своими злодѣями и караетъ своихъ вѣрныхъ слугъ, какъ вотъ меня.«

»Легко сказать!« повторилъ Алексѣй. »Да давай *я* возьмусь пробраться къ царю и передать ему твои слова, какъ на бумагѣ!«

»Пропадешь«, сказалъ твердымъ тономъ отецъ, »пропадешь, Алексѣй, ни за копейку. Царь окружилъ себя иноземцами, что стѣннымъ забраломъ, и не показывается народу. Ни пробраться къ нему, ни грамоту подать не удастся.... Да ужъ коли

онъ не послушалъ меня въ чести, въ славѣ, то какъ повѣритъ опальному? Нѣтъ, это не годится; въ Москву я тебя не пущу, а дамъ тебѣ дѣло здѣсь въ Сиверѣ. Завтра узнаешь, какое. Теперь ты изморился — я это вижу. Молись Богу да ложись спать. Вотъ куча сѣна — это моя боярская постель; вотъ и тулупъ тебѣ укрыться.«

»Дай Богъ царю Борису Өедоровичу разсѣять эту тучу, что собралась надъ нимъ!« сказалъ Алексѣй. »А туча находитъ грозная на Русь!«

»Какая бъ она ни была«, отвѣчалъ старикъ Однорогъ, »намъ ея не бояться. Кому не страшно умереть за правое дѣло, тому ничто не страшно. Исполнимъ долгъ свой, а тамъ пускай будетъ, какъ Господь судитъ быть. Ложись спать, и я лягу, только сдѣлаю смѣну. Терентій и Өомка! теперь ваша очередь; пойдемте.«

Старый Однорогъ взялъ стоявшій у стѣны чеканъ и повелъ на смѣну свою сторожу.

ГЛАВА X.

Алексѣй, отходя ко сну, помолился съ чувствомъ человѣка, возвратившагося подъ родной кровъ, раздѣлся и легъ на указанную ему отцемъ кучу сѣна. Яркій огонь очага пріятно пригрѣвалъ ему въ лице и въ руку, непокрытыя тулупомъ, и онъ самъ не замѣтилъ, какъ уснулъ среди воспоминаній всего видѣннаго, слышаннаго и перечувствованнаго въ теченіе послѣднихъ сутокъ. Надъ его головой привѣтливо леталъ образъ прелестной монашенки, и цѣлую ночь грезилось ему, будто это его невѣста, будто она нарядилась въ черную одежду только для шутки и будто онъ съ нею ходилъ по мостикамъ въ Черныхъ Лозахъ, изъ рощи въ рощу, и разговаривалъ о близкой свадьбѣ. Однимъ словомъ, снилось то, чтó по тогдашнимъ Русскимъ обычаямъ было бы не возможно. Женихъ долженъ былъ

принять изъ рукъ родителей и свахъ свою невѣсту не иначе, какъ въ видѣ жены.

Проснулся онъ на другой день поздно и почувствовалъ на ногахъ что-то тяжелое. Онъ отпахнулъ полу тулупа и съ удивленіемъ увидѣлъ, что это была голова вѣрнаго Добрыни, который свернулся въ комокъ въ ногахъ своего боярича и, положа голову на его ноги, обнялъ ихъ обѣими руками.

Старый Однорогъ сидѣлъ уже у свѣжаго костра, на которомъ слуги варили что-то въ котлѣ, и писалъ грамотку, положа длинный узкій лоскутъ бумаги на колѣни, какъ обыкновенно писали тогда Москвитяне. Взглянувъ на Алексѣя, онъ усмѣхнулся и сказалъ:

»Знаешь, зачѣмъ онъ выбралъ себѣ такое изголовье? Намедни я сказалъ, что отправляю тебя подъ Новгородокъ съ Савельемъ, а онъ останется на покоѣ. Старый хрычъ бросилъ и ужинать, прилегъ въ ногамъ твоимъ и божился, что не разстанется съ тобой, пока живъ; да тутъ же и уснулъ, сердечный: видно, и онъ нетолсто спалъ на дорогѣ.«

»Какъ же это онъ вырвался изъ Перебоища?« спросилъ Алексѣй.

»Вырвался по пословицѣ: *Хорошая ложь дороже плохой правды*«, отвѣчалъ отецъ. »Увѣрилъ Перебойцевъ, что ты пріѣхалъ къ нимъ съ грамотою отъ вора Самозванца, что ты идешь

врозь со мной (а теперь это и не диковинка, что дѣти на одной, а отцы на другой сторонѣ); увѣрилъ дураковъ, что ты воротишься къ нимъ, если пошлютъ его къ тебѣ съ повинною. Тѣ и дались въ обманъ. Такъ онъ и вырвался отъ нихъ.«

»Съ конемъ вырвался?«

»Съ конемъ, какъ есть, и торока твои привезъ.«

»За это ему спасибо. Здѣсь не добыть такого коня ни за какія деньги.

»А теперь-то тебѣ пуще всего нуженъ добрый конь. А подъ твоего вожатаго найдется у меня. Одѣвайся, молись Богу, завтракай; у меня вотъ и грамотка готова. Время теперь дорого; поѣзжай съ Богомъ, не теряя ни одного часу. Самозванецъ близко. Кто знаетъ, какъ и однимъ часомъ теперь подспоришь царскому дѣлу?«

»Куда же это, государь батюшка, мнѣ ѣхать?«

»А вотъ куда. Ты не позабылъ, я чай, въ чужеземщинѣ, что есть на свѣтѣ бояринъ Берендѣй?«

»Какъ позабыть? я чуть не завернулъ было къ нему по дорогѣ.«

»Ну, добро. А помнишь, какой онъ тебѣ родичъ?«

»Помню.«

»Вотъ къ нему-то и поѣдешь ты.«

»Зачѣмъ же?«

»Какъ зачѣмъ? Вѣдь ты воротился изъ чужеземщины?«

»Воротился, да вѣдь время-то теперь какое, государь батюшка!«

»Какое бъ ни было время, намъ надо съиграть свадьбу, хоть бы подъ пушечной пальбой. Берендѣй, ты знаешь, какой вотчинникъ: у него въ Сиверѣ десять вотчинъ, а изъ тѣхъ вотчинъ выѣзжаетъ въ поле рати мало не тысяча головъ. Но ты, конечно, знаешь, что Берендѣй самъ давно ужъ на конь не садится?«

»Нѣтъ, этого не зналъ.«

»Затѣмъ онъ и съ Москвы съѣхалъ, что одряхлѣлъ; параличемъ пришибло, еле ноги таскаетъ. Отпросился на покой, да и живетъ въ захолустьи. Писалъ какъ-то на Москву ко мнѣ, что больно одряхлѣлъ и не чаетъ долго прожить на свѣтѣ.«

»Какъ же это Мулюха говорилъ мнѣ, что онъ ловитъ и хватаетъ вездѣ разбойниковъ?«

»Не онъ, видно, ловитъ, а ловятъ его знакомцы съ холопями. Онъ только натравливаетъ ихъ. Молодецъ старина! и безъ ногъ служитъ службу лучше ходячаго. Зато и жалуетъ его царь Борисъ Өедоровичъ своею милостью, и на Москву въ думу не велитъ возвращаться. Да и слава Господу Богу, что Берендѣюшка мой теперь подъ эту кутерьму здѣсь! Теперь его тысяча пригодится царю за десять тысячъ. А и безъ тысячи развѣ мало это само по себѣ значитъ, что въ воровской этой украйнѣ сидитъ такой крѣп-

кій царскій слуга? Писаніе гласитъ: »Небольшая »закваска весь хлѣбъ заквашиваетъ«: такъ и одна вѣрная душа иной часъ сдержитъ, пожалуй, цѣлую область отъ измѣны. Что́ же, еслибъ у Берендѣя былъ теперь сынъ въ твою стать?«

Алексѣй съ трудомъ удерживалъ выраженье радости, что наконецъ удостовѣрится, точно ли онъ встрѣтилъ свою нареченную. Что-то ему шептало, что она еще не произнесла иноческаго обѣта и скрывается въ монастырѣ ради смутнаго времени. Но ка́къ бы дѣло ни разъяснилось, всё же легче рѣшить свою судьбу такъ или иначе, чѣмъ оставаться въ мучительной неизвѣстности. Тяжело ему было думать о холодномъ обязательномъ бракѣ; но тогдашній Русскій человѣкъ былъ крѣпокъ покорностью непреоборимой силѣ и власти, тяготѣвшихъ надъ нимъ отъ колыбели до могилы.

Старый Однорогъ и не подозрѣвалъ между тѣмъ, какія мысли и чувства роятся въ душѣ Алексѣя.

»Даромъ, что я въ опалѣ«, продолжалъ онъ: »Берендѣй не таковской человѣкъ, чтобъ отвернуться отъ стараго пріятеля. Ты для него будешь хорошъ съ вотчинами и безъ вотчинъ, въ чести и въ царской немилости. Ужъ коли рукобитье пробито, слово дано, то не отопрется онъ отъ него и за все Сибирское серебро. Да онъ же и самъ мужикъ неглупый: смекаетъ, небось, и самъ, чего стоитъ такой, какъ ты, голова для его ты-

сячи подъ эту сумятицу. А ты, смотри, не плошай, не заспдись въ теплой избѣ съ молодой женой. Будетъ скоро довольно работы царскимъ слугамъ съ измѣнниками козаками да съ Литовскою сволочью. Выходи въ поле и покажи себя прямымъ Однорогомъ. Пускай бы хоть о мертвомъ обо мнѣ сказалъ государь, что Однорогъ не былъ крамольникъ! Ну, вотъ ты умылся и одѣлся. Надѣвай, братъ, и стальную сорочку: она теперь нужнѣй тулуба, — да молись Богу. Я отправляю тебя сейчасъ послѣ завтрака.«

Алексѣй молился разсѣянно. Голова его полна была мыслей объ отцѣ, о себѣ самомъ, о смутномъ положеніи дѣлъ въ отечествѣ, о предстоящей дорогѣ, о женитьбѣ и всего болѣе — надо сказать правду, что всего болѣе — о молодой монашенкѣ.

Послѣ молитвы, сынъ поздравилъ отца съ добрымъ утромъ и поцѣловалъ у него руку. Потомъ приступили къ завтраку, состоявшему изъ одной каши съ бараниной, какую обыкновенно варили въ ратномъ полѣ на бивакахъ.

Слуги, несмотря на переворотъ судьбы своего боярина, соблюдали къ нему всѣ обычные знаки почтенія, какъ-будто онъ трапезовалъ не въ бѣдной развалинѣ, а въ своихъ высокотеремныхъ палатахъ на Москвѣ. Кто бы услышалъ наканунѣ ихъ грубое заступничество за молодого боярича, тотъ бы подумалъ, что между старымъ Одноро-

гомъ и его дворчанами завелось панебратство безъ чиновъ; но рѣчи ихъ, грубыя для нашего времени, въ ушахъ почтеннаго боярина были только выраженіемъ сильнаго чувства любви къ его дѣтищу. Не подкрѣпляя крутыми словами своихъ убѣжденій, они не могли бы вовсе выразить своего чувства. Даже, если хотите, только эта грубость языка и оправдывала холопа, осмѣлившагося разинуть ротъ противъ боярина. »Не стерпѣло ретивое«, и ретивому прощалось многое; но та же грубость, сказанная въ обыкновенномъ случаѣ, показалась бы важнымъ преступленіемъ.

Вотъ почему тѣ самые слуги, которые еще недавно верстали боярина съ медвѣдемъ, теперь были молчаливы, какъ безсловесные, и не сводили глазъ съ своихъ господъ. Была ли это воля опальнаго боярина, или слѣдствіе собственнаго ихъ побужденія? И то и другое. Старый Однорогъ въ своемъ паденіи не могъ перестать чувствовать себя бояриномъ, а слуги его оскорбили бы собственную честь, не оказавъ ему должнаго почтенія. Въ тѣ времена важность господина проливалась и на слугъ, по крайней мѣрѣ въ ихъ собственномъ мнѣніи, такъ что дворчане знатнаго боярина считали себя выше дворчанъ прочихъ вотчинниковъ. Поэтому каждый изъ Однороговыхъ слугъ старался увѣрять себя, что служитъ не какому нибудь *страднику*, *худороднику*, и въ этомъ находилъ немалое утѣшеніе. Ни одинъ

изъ нихъ не смѣлъ присѣсть во время боярской трапезы, ни одинъ не смѣлъ шепнуть другому слова; служа у стола, они объяснялись въ необходимыхъ случаяхъ знаками.

Но когда бояринъ и сынъ его встали и помолились Богу, слуги размѣстились по другую сторону очага и, воображая себя отдѣленными отъ баръ стѣною, принялись за завтракъ и дали совершенную свободу своимъ языкамъ. Ѳазговоръ вертѣлся на предстоящей женитьбѣ молодого ихъ боярича и на связанныхъ съ нею надеждахъ зажить съ нимъ по-старому, по-Московскому.

»Кто говоритъ, что я не буду гулять у него на свадьбѣ?« вскрикнулъ вдругъ Добрыня, проснувшись и вскакивая на ноги съ быстротою молодого человѣка. »Осударь Никола Аѳанасьичъ! что́ жъ это? безъ меня отправлять дѣтище въ дорогу, по лѣсамъ, по болотамъ? Такъ это, бояринъ, награда за мою службу?«

»Да куда ты, старина, годишься?« отвѣчалъ бояринъ. »И то весь истрепался, что́ ветошка.«

»Истрепался!« возразилъ Добрыня. »Такъ ужъ меня и подъ печь бросить?«

»Не подъ печь, а на печь, или хоть на полати. Вотъ, кончивъ огорожу, срубимъ избу. Лежи тогда да отдыхай. Довольно ты потаскалъ по свѣту свои старыя кости.«

»Чтобъ я лежалъ на полатяхъ, а мой Алексѣй Николаичъ бродилъ одинъ по лѣсамъ, по тру-

щобамъ да по разбойницкимъ притонамъ! Нѣтъ, улежу я развѣ въ могилѣ! Власть твоя, бояринъ, а не уступлю я никому его. Я вскормилъ, я вспоилъ, я сберегъ его среди басурманщины, да и отдай другому ни за алтынъ? Нѣтъ, осударь-бояринъ! ползкомъ за нимъ поползу, а одного не пущу въ дорогу!«

»Но, Добрынюшка мой!« отозвался Алексѣй, »не ты ли самъ сто разъ проклиналъ скитанье по дорогамъ? Еще вчера ты сколько разъ желалъ одного — сдать меня на руки батюшкѣ.«

»Проклиналъ, желалъ! то было, да прошло, а теперь какъ подумаю остаться безъ тебя, такъ лучше бы мнѣ.... Нѣтъ, осударь Алексѣй Николаичъ, не уступлю тебя никому, — пока живъ, не уступлю!«

»Но ты боялся такъ разбойниковъ, и ты самъ видѣлъ, какіе сорви-головы рыскаютъ по лѣсамъ.«

»Эко страсти какія!« сказалъ презрительно Добрыня. »Поди ты! сталъ бы я бояться разбойниковъ! То говорилось, чтобъ ускромнять твою ретивость; а мнѣ, бѣдному холопу, чего бояться разбою?«

»Но что́, если меня убьютъ? какъ ты воротишься тогда къ батюшкѣ?«

»И, что́ ты, моя надежа! Съ нами Господь и Его святая сила; не допустятъ Онъ тебя до бѣды. Ужъ коли ты невредимо прошелъ всю басурманщину, то чего бояться дома, на святой

Руси? Съ нами Богъ! да и катай хоть на конецъ свѣта. Мы, славу Богу православные: чего намъ бояться?«

»Хорошо ты, Добрыня, разсуждаешь«, сказалъ старый Однорогъ, »добрѣ хорошо. Инъ быть по твоему. Умывайся, молись Богу да завтракай: поѣдешь, такъ и быть, опять съ Алексѣемъ Николаичемъ.«

»Въ одну минуту, бояринъ!« отвѣчалъ радостно Добрыня, »въ одну минуту буду готовъ! Чтó намъ долго мыться да бѣлиться? Плеснулъ водой — лишь бы законъ исполнить. »Господи Сусе Христе!« вотъ и вся наша холопья молитва. Намъ съ боярами передъ Богомъ не верстаться, холопья языка не распускать передъ нимъ. »Помилуй мя грѣшнаго«, да и все тутъ. Давайте, братцы, ложку.«

И Добрыня принялся проворнѣе всѣхъ хлебать изъ котла кашу.

Между тѣмъ бояринъ Однорогъ продолжалъ вести бесѣду съ сыномъ.

Алексѣй предложилъ отцу отправиться съ нимъ и со всѣми дворчанами къ Берендѣю, вмѣсто того, чтобъ оставаться въ своемъ острожкѣ съ горстью народа противъ сотень и, можетъ быть, тысячь мятежниковъ.

»Нѣтъ, Алексѣй«, отвѣчалъ старый Однорогъ, »противъ царскаго указа я и пальцемъ не двину.«

»Но чтó же дѣлать, государь батюшка, коли ты не силенъ выполнить царскій указъ?«

»Какъ не силенъ? что не пустили меня окаянные баламуты въ Перебоище, такъ мнѣ побѣжать и изъ вотчины? Такъ только Нѣмецъ станетъ разсуждать! (и старикъ грозно посмотрѣлъ на сына). На Руси у насъ разумъ покрѣпче Нѣмецкаго. Сказалъ царь: *ни ногой изъ вотчины,* и дѣлай по-царскому.«

»Да какъ же дѣлать-то по-царскому, коли не сила устоять?«

»Голову клади! Чтó, развѣ намъ страшно умереть по царской волѣ? Другое дѣло по своей, а по царской — тутъ нéчего думать! Царь пускай про то думаетъ, кого сберечь, кого потерять. Ну, чтó же, чтó ты качаешь головой?«

»Не гнѣвайся на меня, государь батюшка: мнѣ кажется, хорошо положить голову съ пользой, а какъ напрасно, то лучше сберечь ее до другого, для лучшаго случая.«

»Э-э!« сказалъ протяжно старый Однорогъ, вглядываясь подозрительно въ глаза Алексѣю. »Да это восвсе не по-Русски! Ты у меня берегись, дружокъ, пригибать такіе крючки. Коли сказано *умирай*, такъ умирай и не никни: тогда только будешь прямой царской слуга. Чтó ты? чтó еще хочешь сказать?«

»Ничего, государь батюшка, я молодъ человѣкъ.«

»Ничего? то-то, смотри у меня, ничего! На этомъ Русь стоитъ! Знаешь ты это, молокососъ?«

Алексѣй молчалъ, потупя въ землю глаза, и старался держать черты своего лица въ такой неподвижности, чтобы пытливый взглядъ отца не прочиталъ въ нихъ никакой противной ему мысли.

Старый Однорогъ долго смотрѣлъ на сына, какъ инквизиторъ; наконецъ успокоился и заговорилъ опять ласково.

Лишь только слуги окончили свой завтракъ, онъ велѣлъ сѣдлать коней для Алексѣя и его вѣрнаго слуги, да сверхъ того еще шестеро лошадей.

»Я провожу тебя съ моими молодцами«, сказалъ онъ; »ато, пожалуй, эти баламуты Перебойцы вздумаютъ напасть на тебя по-вчерашнему.«

»Неужто у васъ хватитъ силы пробиться туда и назадъ чрезъ Перебоище?« спросилъ Алексѣй.

»Кто жъ тебѣ это говоритъ? Мы найдемъ и другой путь къ большой гонной дорогѣ. Только у этихъ воровъ глаза зорки: вездѣ у нихъ разставлены дозоры. Чуть лишь кто не за Самозванца—колотятъ и дерутъ какъ нехристей. Слышно, Путивльцы отдали свои души нечистому. На улицахъ въ-явь говорятъ воровскія рѣчи про государя, а воевода сидитъ въ городкѣ и не знаетъ, какъ унять посадскихъ людей. Далеко ли до измѣны? Послѣ и самому придется плохо.«

»Стало быть, не даромъ намекнулъ мнѣ Мулюха про Путивль.«

»А что́ онъ тебѣ сказалъ?«

»Да сказалъ напрямикъ, что и въ Путивлѣ и за Путивлемъ не найти мнѣ ночлега у царскаго слуги — все Самозванщина.«

»Дай Богъ, чтобъ онъ и тутъ солгалъ, какъ про меня! Только слыхалъ я еще на Москвѣ, будто Мулюха ближе всего якшается съ Путивльскими посадскими мужиками. Да и вчера Добрыня нашъ чѣмъ, ты думаешь, лучше всего надулъ Перебойцевъ? разсказалъ имъ, какъ ты ужиналъ у Мулюхи и какъ Мулюха завладѣлъ Новгородскимъ за́мкомъ....«

»Какъ завладѣлъ? онъ не завладѣлъ имъ!«

»Знаю, да Добрыня-то увѣрилъ ихъ, олуховъ, будто Новгородокъ уже за Самозванцемъ, а ты будто бы ѣдешь съ этою вѣстью къ Путивльцамъ.«

»Велика, знать, шатость по всей Сиверѣ, коли такъ?«

»Упаси Богъ, какая! Чуть ли не одинъ Берендѣй и стоитъ здѣсь за Государя Бориса Ѳедоровича.«

»А Прокло Проклычъ?«

»Ну что́ этотъ? этотъ сидитъ въ своемъ болотѣ и не квакнетъ, не то, чтобы съ мѣста двинуться.«

»Такъ даточныхъ пошлетъ.«

»Что́ тѣло безъ головы? что́ даточные безъ гос-

подина? Холопамъ Богъ разума не далъ, ты это знаешь. Куда вѣтеръ повѣетъ, туда и клонятся.«

»Ну, скажи мнѣ, государь батюшка«, спросилъ Алексѣй: »какъ тебѣ сдается, неужто царство нашего государя стоитъ ужъ больно шатко?«

»Одинъ Господь знаетъ, Алексѣй, какъ оно стоитъ; а у меня пуще всего сердце ноетъ по томъ, что Шуйскіе ближе всѣхъ родовъ къ престолу. По старшинству имъ приходится быть въ войскѣ чуть не главными воеводами. Теперь только Мстиславскій выше ихъ, да и то однимъ лишь мѣстомъ. Заболѣй Мстиславскій, Шуйскіе и очутятся большими воеводами — и тогда все пропало: они заодно съ Мулюхою; царская рать какъ-разъ пойдетъ однимъ путемъ съ Мулюхинскими козаками.«

»Но Мстиславскій, я слышалъ, здоровъ и стоитъ подъ Брянскомъ?«

»Стоитъ, да стоятъ съ нимъ и двое Шуйскихъ. Затѣмъ, я думаю, и не йдетъ войско къ рубежу. Мстиславскій честная душа, да царя въ головѣ у него нѣту: измѣнники вертятъ имъ, какъ хотятъ. Самозванецъ въ Черниговѣ, а они, чай, до сихъ поръ снаряжаются къ походу. Чего добраго! еще, пожалуй, и Новгородъ прозѣваютъ.«

»Эхъ, что̀ бы царю назначить большимъ воеводою кого-нибудь не по мѣсту!«

»Не по мѣсту!« воскликнулъ отецъ. »Кто же за такимъ воеводою вышелъ бы въ поле? Родо-

вая честь всего дороже нашему брату. Приведись хоть бы и на меня: радъ я служить царю, да служить съ честью, а поставь меня ниже какого-нибудь худородника — не потерплю. Лучше мнѣ съ плечь голову долой, чѣмъ такое безчестье.«

Алексѣй, послѣ знакомства съ иноземными народами, понималъ всю нелѣпость мѣстничества, по которому должности въ войскѣ не давались по воинскимъ способностямъ, а принадлежали извѣстнымъ лицамъ по родовому старшинству; при всемъ томъ не рѣшился высказать отцу своего мнѣнія. Старый Однорогъ былъ вообще человѣкъ съ толкомъ, но предразсудки, вкоренившіеся въ Московскомъ дворянствѣ вѣками, господствовали надъ нимъ такъ же, какъ и надъ всякимъ другимъ бояриномъ и дворяниномъ того времени.

»Да, лучше съ плечь голову долой!« продолжалъ онъ. »Пускай государь случайныхъ людей посылаетъ съ стрѣльцами защищать города, вотъ какъ Басманова, а нашъ братъ, стараго корня бояринъ, своего мѣста въ войскѣ какому-нибудь выскочкѣ не уступитъ.«

»Не оттого ли, государь батюшка, и подъ Брянскомъ воеводы такъ долго застоялись, что бояре, окольничіе да дворяне всё спорятъ о мѣстахъ?« спросилъ боязливо Алексѣй.

»Это еще что́ за рѣчи у тебя глупыя?« отвѣчалъ старый Однорогъ, понявъ тонкость намека. »Доживи самъ до боярства, тогда поймешь, чего

оно стóитъ. Аль въ чужеземщинѣ разучился стоять за предковскую честь? Не хочешь ли въ стрѣльцы записаться? (¹) А и того лучше къ Нѣмцамъ пристать? Смотри ты мнѣ, служи царю, да не забывай, что ты сынъ боярина Однорога, чтобы намъ отъ другихъ родовъ не слыхать укоризны.«

Кони были готовы. Бояринъ Одноротъ вручилъ своему сыну грамотку къ будущему его тестю, благословилъ его серебряными складнями и повѣсилъ ихъ ему на шею; потомъ, разставя на главнѣйшихъ мѣстахъ своего острожка оставшихся въ немъ дворчанъ съ пищалями и зазженными пальниками, выѣхалъ съ остальными въ ворота и проводилъ Алексѣя по берегу озера, черезъ лѣсъ, къ рѣчкѣ, выходившей изъ озера въ полуверстѣ отъ Перебоища.

Густой снѣгъ, падавшій съ самого утра, скрывалъ это движеніе отъ Перебойцевъ.

Ледъ на рѣчкѣ былъ уже такъ крѣпокъ, что позволялъ перевести по-одиночкѣ лошадей. Черезъ полчаса Алексѣй и Добрыня скакали по большой гонной дорогѣ.

(¹) Знатные дворяне считали стыдомъ служить въ стрѣлецкомъ войскѣ. Если же нѣкоторые изъ нихъ, покоряясь необходимости, принимали на себя званіе стрѣлецкихъ полковниковъ, то подавали царю челобитныя, »чтобъ эта полковничья служба имъ и ихъ родственникамъ впредь отъ иныхъ родовъ была не въ упрекъ и не въ поносъ и не въ укоризну.«

ГЛАВА XI.

Послѣднія слова отца: »Смотри же, Алексѣй, ты ѣдешь не въ пуховикахъ валяться; готовься къ кровавому пиру, покажи себя Однорогомъ, прямымъ слугою царскимъ; обо мнѣ не заботься: умѣлъ я жить, съумѣю и умереть во славу царскаго имени«, — эти слова долго звучали въ ушахъ нашего молодого богатыря и не давали ему ни о чемъ другомъ думать. Онъ молча повиновался убѣжденіямъ Добрыни ѣхать скорѣе, чтобъ перебѣжать степную часть пути, пока дорога не будетъ занесена снѣгомъ. Воображеніе его было занято наступающею войною, въ которой предстоитъ ему принять дѣятельное участіе на челѣ даточныхъ вотчинныхъ людей будущаго его тестя.

Опустя голову и скрывъ лицо въ стоячемъ воротникѣ крытаго темнымъ сукномъ тулупа, которымъ снабдилъ его на дорогу отецъ, онъ ѣхалъ, едва обращая вниманіе на замѣчанія и размыш-

ленія своего Добрыни. Вдругъ послышался съ противной стороны конскій топотъ и вывелъ его изъ задумчивости. Не видя еще сквозь густо падающій снѣгъ, кто ѣдетъ, онъ ощупалъ за поясомъ пистолеты и приготовился къ оборонѣ.

Добрыня, крестясь, молясь и охая, сдѣлалъ то же самое.

Сквозь снѣжную мглу начали виднѣться между тѣмъ темныя фигуры двухъ всадниковъ. Еще минута, и путники встрѣтились.

Добрыня, какъ всегда, принялся было уже увѣщевать своего боярина не связываться съ этими людьми, пришпорить лошадей и пронестись мимо; но Алексѣй, тоже какъ всегда, его не послушался и поѣхалъ тихою рысью, съ видомъ человѣка, увѣреннаго въ своей силѣ.

Два незнакомца сдѣлали то же самое.

Та и другая сторона, по-видимому, ожидали вопроса, и обѣ ограничились только внимательнымъ обзоромъ встрѣчныхъ.

Встрѣчные показались нашимъ путникамъ, или по крайней мѣрѣ одному изъ нихъ, врагами неопасными, судя по невзрачной ихъ наружности и сухопарымъ лошадямъ ихъ. Они были закутаны въ новые нагольные тулупы, но мѣховыя шапки ихъ были всѣ въ клочкахъ и походили на болотныя кочки; у сѣдла виднѣлось у нихъ по кистеню, и вообще по посадкѣ на конѣ и по ухваткамъ они казались людьми знакомыми съ рат-

нымъ дѣломъ. Но, съѣхавшись съ нашими путниками на разстояніе рогатины, они не осмѣлились или не хотѣли остановиться и спросить по тогдашнему обыкновенію: »За кого?« а разъѣхались въ стороны и пропустили ихъ между собой.

Алексѣй и Добрыня недовѣрчиво провели ихъ глазами, опасаясь коварнаго удара съ тылу, однакожъ не замѣтили въ нихъ никакого признака враждебныхъ дѣйствій и скоро потеряли ихъ изъ виду, во мглѣ густо падавшаго снѣга.

Алексѣй тогда пожалѣлъ, зачѣмъ не спросилъ самъ у этихъ незнакомцевъ, за кого они. Можетъ быть, это вѣрные царскіе подданные; можетъ быть, они сообщили бы ему какія-нибудь полезныя для него извѣстія, или сдѣлали какое-нибудь предостереженіе на-счетъ пути. Такъ думалъ онъ, и вмѣстѣ съ этими думами тѣснилось въ его голову воспоминаніе, будто онъ гдѣ-то видѣлъ эти лица. Онъ сообщилъ это Добрынѣ.

»Я ужъ только молчу, чтобъ не пугать тебя, мой батюшка«, отвѣчалъ Добрыня; »а я узналъ тогда жъ одного сорванца.«

»Кто жъ онъ?«

»Кто? да не кто другой, какъ Мулюхинъ холопъ Огонь-Борода. Вѣдь онъ проѣхалъ подлѣ меня бокъ о бокъ, а буркала-то вытаращилъ, словно лѣшій изъ-за куста. Какъ не узнать? до смерти не забуду я этихъ глазъ: они мнѣ и во снѣ снились не разъ....«

»Зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ этого тотъ-часъ?«

»А что? небось, жаль, что не сцѣпился, какъ пѣтухъ съ пѣтухомъ? Будетъ съ тебя и прежняго молодечества. Пришла пора жениться, такъ надо-ть остепениться. Скажи еще спасибо, что не донесъ батюшкѣ боярину Николѣ Афанасьичу про всѣ про твои проказы. И такъ досталось, слыхалъ я, тебѣ отъ него; а было бъ не то еще, когда бъ не промолчалъ я, любя тебя.... Но чу! слышишь ли, бояричъ?«

»Конскій топотъ за нами!« сказалъ, оглядываясь назадъ, Алексѣй.

»Батюшка мой!« воскликнулъ Добрыня; »да это Огонь-Борода за нами гонится! пришпоримъ да дадимъ тягу: нашихъ коней не догнать его шкапѣ.«

»Стыдись, Добрыня!« отвѣчалъ Алексѣй, останавливая коня: »одного испугался!«

»Да чего жъ ты сталъ? Уйдемъ, говорю, пока цѣла голова на плечахъ! Одного? Знаемъ мы этого одного: свиснетъ, такъ изъ земли выскочатъ!«

Но Алексѣй, не слушая вѣрнаго своего конюшаго, спокойно поджидалъ скакавшаго за ними всадника. Добрыня по неволѣ остановился также.

Огонь-Борода, если это былъ онъ (разглядѣть сквозь снѣгъ не было возможности), замѣтя, что его поджидаютъ, придержалъ также коня и виднѣлся вдали сквозь бѣлую мглу, какъ призракъ, стоящій на воздухѣ.

Алексѣй, къ совершенному отчаянію Добрыни,

сдѣлалъ нѣсколько обратныхъ скачковъ: ему хотѣлось узнать, точно ли это одинъ изъ встрѣченныхъ ими недавно всадниковъ, или, можетъ быть, это иного сорта путникъ, остановившійся изъ опасенія съѣхаться съ незнакомыми людьми; но неясный призракъ всадника поворотилъ коня къ нему хвостомъ и скоро изчезъ въ снѣжномъ туманѣ.

Кто бы, впрочемъ, это ни былъ, благоразуміе велѣло теперь Алексѣю ускорить ѣзду, и онъ поскакалъ своимъ путемъ такъ быстро, какъ только могъ желать этого боязливый Добрыня.

Дорожнія приключенія нашихъ богатырей этимъ, однакожъ, не кончились. Не прошло полчаса, какъ раздался опять, уже впереди, конскій топотъ; только на этотъ разъ онъ былъ сильнѣе прежняго, и опытный слухъ Алексѣя далъ знать ему, что противъ него скачетъ не меньше десяти лошадей.

Дѣйствительно изъ-подъ бѣлой завѣсы, скрывавшей отъ него даль, выступилъ значительный отрядъ всадниковъ, на добрыхъ коняхъ, и, сколько можно было замѣтить, хорошо вооруженный. Кромѣ привѣшенныхъ у сѣделъ кистеней, торчали за спинами этихъ ѣздоковъ длинныя пищали, а можетъ быть и самопалы (1), въ чехлахъ. На нихъ были волчьи тулупы, крытые синимъ сукномъ,

(1) Пищаль зажигалась фитилемъ а самопалъ — огнивомъ и кремнемъ.

на головахъ — косматыя медвѣжьи шапки. Сами всадники были народъ всё видный и бодрый.

»Батюшка Алексѣй Николаичъ!« завопилъ Добрыня, не успѣвъ еще и разглядѣть, какъ великъ былъ этотъ отрядъ; »чтó намъ дѣлать? Своротимъ на сторону да обѣжимъ ихъ полемъ. За снѣгомъ они насъ не запримѣтятъ.«

»Эхъ, Добрыня! право, ты словно не Русской«, отвѣчалъ Алексѣй. »Чему быть, того не миновать: Божьяго суда не избѣгнешь. Впервой намъ, чтó ли, встрѣчаться въ чистомъ полѣ съ врагомъ? А вѣдь не допустилъ Господь погибнуть. Да это, можетъ быть, и не враги: это, пожалуй, ратные царскіе люди.«

»Царскіе! нѣтъ, батюшка мой, не тѣмъ они смотрятъ; да и Огонь-то Борода не даромъ скакалъ у нихъ передовымъ. Не говори имъ, кормилецъ мой, что ты стоишь за царя Бориса.«

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ нѣсколько голосовъ закричало еще издали:

»За кого?«

»За царя Бориса Ѳедоровича!« смѣло отвѣчалъ Алексѣй.

»Нѣтъ, нѣтъ!« воскликнулъ Добрыня: »за природнаго осударя! Не слушайте его, добрые люди: малый не о своемъ умѣ. За прирожденнаго осударя Дмитрея Ивановича!«

»Ба-ба!« раздался тогда знакомый Алексѣю и

Добрынѣ голосъ. »Слыхомъ-слыхать, видомъ-видать! по волѣ аль по неволѣ?«

И наши путники увидѣли передъ собой не кого другого, какъ Парфиля Мулюху съ его дружиною.

»Ну, чтó? не правду нѣшто сказалъ я«, началъ Мулюха, осадя своего коня, »не правду нѣшто я сказалъ, что батюшка твой держитъ нашу сторону?«

»Не правду«, отвѣчалъ Алексѣй: »ты солгалъ безъ всякаго стыда!«

»Ребята!« обратился Мулюха къ своимъ спутникамъ. »Каковъ молодецъ?«

»Да чтó съ нимъ калякать!« отвѣчалъ одинъ изъ нихъ: »долой съ коня царскаго супротивника!«

»Долой съ коня Годуновца!« подхватили другіе.

»Батюшки! чтó вы?« возопилъ Добрыня писклибымъ голосомъ. »И онъ и его батюшка стоятъ за Самозванца.... то-бишь за прирожденнаго осударя!«

»Нѣтъ, я не такъ глупъ, какъ вы«, возразилъ, не слушая его, Мулюха: »эдакой крови рѣдко на Руси. Онъ будетъ нашъ. Разступитесь, братцы, дайте ему дорогу. Разступитесь, говорю вамъ не шутя: пускай проѣдетъ богатырь.«

»Какъ же такъ пропустить его?« возразилъ было кто-то изъ толпы: »онъ, статься можетъ, везетъ Годуновскую грамоту.«

»Пускай его везетъ«, сказалъ Мулюха: »Году-

нову страшны осударевы грамоты, а осударю Годуновскія что́?«

»А какъ казну?«

»Казну? Откуда ему взять ее? Онъ не бывалъ дальше Перебойскаго скита, — это вѣрно; а наши Путивльцы не таковскіе люди, чтобъ прозѣвали лакомой кусъ. Нѣтъ, братцы, большой казны съ нимъ нѣту, а хоть и шевелится что́ въ мошнѣ, то не Годуновское, а отцовское нажитое. Пропустите, пропустите богатыря Илью Муромца.«

Отрядъ Мулюхи разступился, и Алексѣй съ своимъ конюшимъ проскакалъ сквозь ряды его.

»Онъ будетъ нашъ«, сказалъ ему вслѣдъ Мулюха.

Добрыня едва вѣрилъ глазамъ своимъ, очутясь опять свободнымъ, среди чиста поля.

»Ну, батюшка мой! прямо скажу — тебя Господь хранитъ«, замѣтилъ онъ: »эдакое звѣрье, и то разминулось не тронувши! Но оглянься«, прибавилъ онъ черезъ минуту: »за нами ѣдетъ одинъ. Эко лѣшіе, прости Господи! не развяжешься съ ними!«

Дѣйствительно, за ними слѣдовалъ чуть примѣтный вдали всадникъ.

Скоро въѣхали наши путники въ лѣсъ. Соглядатай не отставалъ и тутъ отъ нихъ.

Это безпокоило сперва господина и слугу; но скоро они убѣдились, что этотъ озоръ, какъ на-

зывалъ его Добрыня, имѣетъ совсѣмъ не то значеніе, какое они ему придавали.

Вдоль гонной Новгородской дороги таилось въ лѣсной чащѣ нѣсколько селъ, выглядывавшихъ на дорогу своими сторóжами. На сторóжахъ стояли съ рогатинами мужики и, едва приближались къ нимъ наши путники, ихъ останавливали и спрашивали: *за кого?* Мужиковъ было немного, и Алексѣй, ободренный удачными развязками Сѣверскихъ своихъ похожденій, съ увѣренностью въ покровительствѣ свыше, рѣшился идти вездѣ на проломъ. Неизвѣстно, однакожъ, до какой степени удалось бы ему Русское молодечество, еслибъ не содѣйствовало освобожденію его изъ мятежническихъ засадъ особенное обстоятельство. Лишь только дошло у перваго села дѣло до драки, озоръ наскакалъ близко и заставилъ мужиковъ опустить руки однимъ восклицаніемъ: »Не троньте! это наши!« Такъ былъ Алексѣй останавливаемъ на дорогѣ и выручаемъ изъ бѣды нѣсколько разъ.

Не смотря на то, на душѣ у него не было весело. По этимъ засадамъ онъ видѣлъ, въ какомъ состояніи находилась область, въ которую уже вступилъ Самозванецъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ намѣренъ, сдѣлавшись головой Берендѣева ополченія, употребить всѣ средства для поддержанія царской стороны.

Въ размышленіяхъ обо всемъ этомъ онъ до-

стигъ наконецъ усадьбы Берендѣя, лежавшей недалеко отъ Новгорода-Сѣверскаго. Озоръ, слѣдовавшій за нимъ, остался, видно, по ту сторону Десны, потому что на этой, сколько ни оглядывались Алексѣй и Добрыня, его не было видно. Правда, вечеръ наступилъ давно, и тьма, несмотря на бѣлизну снѣга, не позволяла видѣть глубоко въ даль.

———

ГЛАВА XII.

Старинные Русскіе люди не обзаводились хорошими постройками. Во внутреннихъ областяхъ государства были тому особыя причины, а въ украинахъ слѣдовали пословицѣ: *Близъ границы не строй свѣтлицы*. Помѣщики, проживавшіе въ своихъ вотчинахъ, строили такъ называемые *осадные дворы* въ городахъ, куда при наступленіи войны перевозили все свое добро. Села въ такихъ случахъ или отдавались во власть непріятелю, или пустѣли. Лѣса и болота во время войны дѣлались для бѣдныхъ поселянъ крѣпостями. Укрѣплять частныя владѣнія не было въ обычаѣ: плоская мѣстность и незнаніе фортификаціи были тому причиною.

Поэтому усадьба Берендѣя очень мало походила на Нѣмецкій замокъ, въ которомъ баронъ могъ по крайней мѣрѣ отсидѣться съ своими подданными во время непріятельскаго нашествія, если

не былъ въ состоянiи изгнать пришельцевъ оружiемъ изъ своихъ владѣнiй. Но всё-таки Алексѣю показалось страннымъ, что дворъ будущаго его тестя, вмѣсто крѣпкаго частокола, огороженъ былъ только бревенчатымъ заборомъ. Онъ помнилъ отзывъ Мулюхи о Берендеѣ и не могъ надивиться безпечной смѣлости разбитаго параличемъ старика, который живетъ себѣ, можно сказать, на-распашку среди гнѣзда разбойниковъ, памятныхъ даже Москвѣ, и не только живетъ, да еще и ловитъ ихъ при случаѣ, какъ лисицъ.

На стукъ Алексѣя въ ворота, отодвинулась заслонка маленькаго оконца, прорубленнаго въ заборѣ, и высунувшаяся въ него голова спросила, кто и зачѣмъ.

Имя Однорога не произвело, по-видимому, на нее особеннаго впечатлѣнiя: она спросила грубо:

»Что́ те надо?«

»Что́ мнѣ надо«, сказалъ Алексѣй, »объ этомъ узнаетъ твой баринъ, а не ты. Знай отворить ворота гостю.«

»Погоди маленько«, отвѣчала голова, задвигая оконце.

Алексѣй думалъ, что эти слова означаютъ готовность отворить ворота, но скоро убѣдился въ противномъ. Время шло да шло, а ворота не отворялись. Алексѣй былъ озадаченъ такимъ прiемомъ отъ привратника будущаго своего тестя.

Озадаченный не меньше его, Добрыня изъяс-

нялъ, однакожъ, медленность мужика тѣмъ, что, вѣроятно, онъ лежалъ на полатяхъ, когда застучали въ ворота, и что, видно, теперь возится съ лаптями.

Но прошло столько времени, что можно было бы навернуть на ноги по десяти онучь, а ворота всё не отворялись.

Алексѣй принялся колотить въ нихъ рукоятью своей сабли изо всей силы, такъ, чтобъ услышалъ его стукъ самъ хозяинъ. Онъ увѣрилъ себя, что грубость и лѣнь привратника выражаютъ не что́ иное, какъ ослабленіе дворчанской службы, по случаю болѣзни разбитаго параличемъ боярина. Онъ мысленно благодарилъ Провидѣніе, что оно послало его къ Берендѣю въ то время, когда этотъ больше всего нуждался въ немъ для соблюденія порядка въ своихъ отчинахъ и для поддержанія оружіемъ царскаго дѣла.

На стукъ, однакожъ, отзывалось только эхо въ лѣсу, да внутри двора поднялся лай множества собакъ. Наконецъ, на повторенные сто разъ удары въ ворота, послышался за ними шумъ и говоръ нѣсколькихъ человѣкъ; застучалъ засовъ, ворота отворились и на встрѣчу пріѣзжимъ выступила цѣлая толпа дворни.

Добрыня напрасно всматривался сквозь полумракъ въ Берендѣевыхъ дворчанъ: онъ не примѣтилъ между ними ни одного знакомаго себѣ

лица. Берендѣевы слуги были народъ всё новый, хотя у многихъ борода бѣлѣла сѣдиною.

Алексѣя поразило другое. Ватага холопей, вызванная за ворота его стукомъ, не думала разступиться передъ нимъ, чтобъ дать ему дорогу, и даже какъ-будто не обращала на него вниманія. Всѣ глаза, сколько ихъ было, устремлены были въ даль.

Алексѣй оглянулся: изъ ближняго лѣса высыпала толпа всадниковъ, взвѣвая облака летучаго снѣга. Сперва она казалась неясною тучею, какъ-будто часть лѣса отдѣлилась, свернулась въ комъ и катилась въ снѣжномъ вихрѣ, прямо ко двору Берендѣя. Но скоро передніе всадники вырѣзались изъ полу-мрака, и всѣхъ виднѣе былъ между ними одинъ, на сѣромъ конѣ съ длиною гривою. Широкая сѣдая борода, отвѣваемая на сторону вѣтромъ, придавала ему видъ Борея, несущагося по полю въ сопровожденіи трескучихъ морозовъ и зимнихъ вьюгъ.

Алексѣй и Добрыня не вѣрили глазамъ своимъ. Это былъ Берендѣй, — тотъ самый Берендѣй, о которомъ нѣсколько лѣтъ шла молва, что онъ разбитъ параличемъ и безъ костыля не выходитъ изъ избы. Старикъ былъ свѣжъ и крѣпокъ, какъ зимнее яблоко. На немъ была высокая мѣховая шапка, медвѣжья шуба, покрытая синимъ сукномъ; у сѣдла висѣла тяжелая боевая палица; объ короткія стремена бились мѣдные

ножны широкой сабли. Провожало его до двухъ десятковъ человѣкъ, вооруженныхъ рогатинами и пратазанами и одѣтыхъ въ цвѣтные тулупы и мохнатыя шапки.

Не успѣлъ Алексѣй прійти въ себя отъ удивленія и отдать будущему тестю подобающую честь, какъ тотъ пронесся мимо него въ ворота со всѣми своими спутниками. Дивно показалось молодому гостю, что его не замѣтили, или не узнали, хотя бояринъ Берендѣй смотрѣлъ, казалось, на него пристально. Съ сердцемъ, полнымъ непріятнаго предчувствія, онъ послѣдовалъ за боярскими вершниками и очутился на широкомъ дворѣ, обстроенномъ кругомъ избами.

Окна въ избахъ, затянутыя пузырями, свѣтились тускло; только изъ одной избы выходилъ яркій свѣтъ и ложился полосами по свѣжему снѣгу. То были боярскіе хоромы. Они отличались отъ прочихъ избъ только своею величиною, косящатыми, или *красными* окнами, вмѣсто волоковыхъ, и стеклами въ рамахъ, вмѣсто пузырей.

Добрыня, изъ почтенія къ знатности хозяина, слѣзъ съ коня еще за воротами, тогда какъ его господинъ, считая себя равнымъ по породѣ съ Берендѣемъ, хотѣлъ подъѣхать прямо къ крылечку красно-оконной избы; но его не допустили поверстаться знатностью съ хозяиномъ.

»Куда суешься, дѣтинушка? аль отшибъ себѣ память о подворотный кóнязь?« сказалъ грубымъ

голосомъ одинъ изъ верховыхъ, преграждая ему дорогу.

»Нагибаться было пониже«, прибавилъ другой, заѣзжая наперерѣзъ съ-боку.

Какъ ни обидна была для Алексѣя такая привѣтственная рѣчь, но другое, сильнѣйшее чувство не дало въ его душѣ мѣста досадѣ: онъ узналъ въ этихъ двухъ грубіянахъ недавнихъ своихъ знакомцевъ, провожавшихъ таинственную путницу, и мысль, неужели то впрямь была его невѣста, поразила его такъ сильно, что онъ не вдругъ понялъ, чего хотятъ отъ него эти люди.

Зато Добрыня, неотстававшій отъ его коня, вскипѣлъ двойнымъ гнѣвомъ за обиду своего господина.

»Ахъ, вы, медвѣди Сѣверскіе!« вскричалъ онъ, выступая впередъ, »да знаете ли вы, противъ кого рычите свои нелюдскія рѣчи? Долой съ дороги: это самъ Алексѣй Николаичъ! это сынъ его милости боярина Однорога!«

»Боярина Однорога?« возразилъ презрительно одинъ изъ Берендѣевцевъ. »Про такихъ бояръ у насъ воротная верея, а не красное крылечко.«

»Знай сверчокъ свой шестокъ«, прибавилъ другой, напирая конемъ на коня Алексѣева, который, огрызаясь, попятился назадъ.

Это задѣло наконецъ за живое Алекѣя; но завести драку съ дворчанами, пріѣхавъ къ Берендѣю гостемъ, да еще и женихомъ, показалось

ему непригоже. Впрочемъ, говоря истину, Алексѣя остановило не столько соблюденіе приличія, сколько то, что Берендѣй самъ былъ тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, что Берендѣй самъ могъ все видѣть и слышать, и не видѣлъ и не слышалъ ничего. Старый бояринъ гораздо больше занятъ былъ церемоніею слѣзанья съ коня, нежели тѣмъ, что́ происходило передъ его глазами съ нареченнымъ его зятемъ. Хотя, судя по бодрости, съ которой онъ держался на сѣдлѣ, онъ могъ бы, казалось, спрыгнуть на землю безъ посторонней помощи, но боярская важность требовала, чтобъ одинъ холопъ взялъ подъ уздцы его коня, другой подержалъ стремя и подалъ боярину *приступъ*, то есть скамейку, третій подставилъ ему подъ руку свое плечо, четвертый поддержалъ его подъ паху, когда онъ всходилъ на три ступеньки своего крыльца, пятый отворилъ съ низкимъ поклономъ передъ нимъ дверь, и неизвѣстно, сколько еще нужно было потомъ людей, чтобъ удовлетворить всѣмъ его потребностямъ, пока онъ раздѣнется, наѣстся, напьется и успокоится на пуховикѣ.

Алексѣй былъ поставленъ въ самое непріятное и затруднительное положеніе. Его не видятъ, не узнаютъ, его оскорбляютъ тамъ, гдѣ бы онъ долженъ былъ найти почетъ и радушіе. Послѣ такой встрѣчи, чего ему больше ждать отъ Берендѣя? Ясно, что Берендѣй измѣнился съ перемѣ-

ною обстоятельствъ стараго Однорога. Не поворотить ли Алексѣю коня и убраться отъ нареченнаго тестя безъ дальнѣйшихъ непріятностей? Но чтó онъ скажетъ своему отцу? Онъ только видѣлъ Берендѣя, но не слыхалъ отъ него ни слова. Старикъ захочетъ узнать подлинныя причины страннаго поведенія своего друга; ему надо передать точныя слова Берендѣя, если уже впрямь кончилась ихъ дружба. Да и Параша.... мысль о ней всего сильнѣе подѣйствовала на рѣшимость моего добра-мóлодца. Онъ долженъ видѣть Берендѣя; онъ долженъ удостовѣриться въ своей потерѣ.

Скрѣпя сердце, Алексѣй унялъ Добрыню, который продолжалъ браниться изо всей силы съ дворчанами, и сказалъ имъ:

»Инъ быть такъ. Не бояринъ мой отецъ у васъ, такъ и не бояринъ. Иду пѣшкомъ къ боярскому крыльцу; посмотримъ, чтó скажетъ самъ хозяинъ.«

Онъ соскочилъ на землю, бросилъ поводья на руки Добрынѣ и хотѣлъ итти къ хоромамъ; но его еще разъ остановили.

»Погоди, молодчикъ, погоди!« сказалъ одинъ изъ слугъ, которые всё еще оставались у крыльца и, казалось, очень были довольны происходившею передъ ними сценою. »Погоди: боярскій порогъ больно высокъ; зацѣпишься, споткнешься, рожу расквасишь.«

Одобрительный смѣхъ всей честной компаніи наградилъ краснобая дворчанина.

Алексѣй не понялъ было сперва, что̀ онъ хочетъ этимъ сказать; но когда двое широкоплечихъ верзилъ, въ мѣховыхъ шапкахъ, заслонили ему дорогу на крыльцо, смыслъ затѣйливой рѣчи сдѣлался для него слишкомъ яснымъ. Онъ остановился, смущенный и раздосадованный, и рѣшился ждать терпѣливо, пока его допустятъ предъ свѣтлыя боярскія очи. При всемъ томъ, у него не достало твердости выносить наглые взгляды дворчанъ, сопровождаемые разнаго рода усмѣшками, ужимками и красными словцами. Поворотясь къ крыльцу спиною, онъ смотрѣлъ разсѣянно на потемнѣвшую картину Берендѣева двора, среди котораго неподвижно стоялъ бѣдный Добрыня съ лошадьми.

Старикъ словно оледенѣлъ отъ холоднаго пріема въ гостяхъ у Берендѣя; онъ какъ-будто очутился въ за̀мкѣ безсмертнаго кощея, гдѣ могъ бы подвизаться не смутясь развѣ его прославленный тёзка. Что̀ чувствовалъ въ эту минуту Алексѣй, глядя на Добрыню, то вдвойнѣ тѣснилось въ груди его вѣрнаго дядьки. Оба они молчали и оба сомнѣвались, не придется ли имъ искать ночлега гдѣ-нибудь подальше усадьбы Берендѣевой.

Сомнѣніе ихъ разрѣшилъ наконецъ одинъ изъ боярскихъ истопниковъ, вышедшій сказать, что его честь, осударь Андрей Елизарычъ (имя Берендѣя), велитъ пріѣзжему дѣтинушкѣ войти въ хоромы предъ боярскія очи его чести.

Какъ ни жестко было для слуха молодого гостя выраженное такимъ образомъ приглашеніе въ боярскія хоромы, но онъ радъ былъ увидѣть Берендѣя, чтобъ узнать отъ него причину такого необыкновеннаго пріема сына стариннаго его друга и нареченнаго его зятя.

Изъ сѣней дверь отворялась въ просторную, жарко натопленную избу. Клубы пара, отъ соединенія холоднаго воздуха съ теплымъ, повалили отъ дверей и затмили на нѣсколько секундъ предъ глазами Алексѣя всѣ предметы; видны были только блестящіе оклады образовъ, съ горящими передъ ними лампадками.

Алексѣй помолился на нихъ со всѣмъ усердіемъ путешественника, нуждающагося въ спокойномъ пріютѣ на ночь. Смущенное состояніе души, въ какомъ онъ находился, продлило его молитву. Когда онъ отвелъ глаза отъ иконъ, холодный паръ, затемнявшій внутренность избы, поглотился теплотою, и первый предметъ, представившійся гостю, былъ самъ бояринъ Берендѣй, сидящій на точеномъ стулѣ съ высокою узкою спинкою. Онъ былъ уже въ одномъ просторномъ зипунѣ, застегнутомъ мелкими серебрянными пуговичками. На головѣ—похожая на скуфью шапка, на ногахъ—вмѣсто туфлей, домашніе валенцы. Вся обстановка избы, кромѣ дорогихъ образовъ, не представляла не только роскоши, но даже удобствъ, доступныхъ нынѣ мало-мальски достаточному домо-

владѣльцу. Голыя деревянныя стѣны, закоптѣлый потолокъ, огромная печь изъ зеленыхъ изразцовъ, тяжелый дубовый столъ передъ образами, лавки вдоль стѣнъ, висячій рукомойникъ у дверей, подлѣ него полотенце, съ красными концами, на гвоздѣ, въ углу вѣшалка съ боярскою шубою и другимъ платьемъ, и нѣсколько церковныхъ книгъ, на перекладинѣ подъ потолкомъ — вотъ все, чтó нужно было для гостиной, и вмѣстѣ столовой, и вмѣстѣ кабинета, и вмѣстѣ передней русскаго боярина двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Но зато онъ почелъ бы себя ничтожнымъ страдникомъ, еслибъ его не окружала цѣлая толпа слугъ.

Алексѣй, войдя въ его палаты, очутился въ обществѣ, состоящемъ человѣкъ изъ пятнадцати; но въ избѣ было такъ тихо, какъ-будто всѣ люди вылѣплены были изъ воску.

Въ отвѣтъ на его привѣтствіе, Берендѣй, не вставая со стула, отвѣчалъ сильнымъ, немного сиповатымъ, голосомъ:

»Здорово, здорово, залетная Нѣмецкая птичка! Чтó залетѣла на Русь въ такую пору?«

Эти слова отдались въ ушахъ Алексѣя свистомъ зимняго вѣтра, и самъ онъ представился себѣ въ эту минуту усталою птицею, которая рвется противъ снѣжнаго вихря и напрягаетъ послѣднія силы, чтобъ достигнуть какого-нибудь пріюта. Продолжительный путь безъ отдыха, отощавшій желудокъ и этотъ непредвидѣнный пріемъ у нареченнаго

наго тестя, — все это вмѣстѣ ослабило душевную его бодрость. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, безсильнымъ существомъ среди широкаго міра, и холодный взоръ Берендѣя, вонзавшійся въ самую его душу, казалось, говорилъ ему: »Да, братъ, ты подлинно значишь ныньче на Руси не болѣе послѣдняго изъ моихъ челядинцевъ.«

То ли, другое ли было на умѣ у Берендѣя, но только Алексѣй не осмѣлился подойти къ гордому бояри́ну для обычнаго поцѣлуя, какъ сдѣлалъ бы при другихъ обстоятельствахъ.

»Что́ залетѣла птица на Русь въ такую пору?« повторилъ Берендѣй, расправляя сѣдую свою бороду и усы, влажные отъ разстаявшей изморози.

»Лучшей поры, кажись, не выбрать, кто хочетъ служить и прямить государю«, отвѣчалъ, собравшись съ духомъ, Алексѣй.

»Хорошо сказано, да не къ тебѣ: къ тебѣ пристало бы сказать: чуетъ воронъ поживу; гдѣ трупъ, тамъ и орлы. Такъ, что́ ли?«

»Обижаешь, батюшка Андрей Елизарычъ«, отвѣчалъ Алексѣй. »Не знаю, чѣмъ я провинился передъ тобой; кажись, не такую бы слѣдовало тебѣ со мной повести рѣчь, увидавшись черезъ пять лѣтъ.«

»Смотри ты пожалуй!« сказалъ Берендѣй, повернувъ слегка голову къ стоящимъ у него за стуломъ прислужникамъ.

Тѣ пропустили сквозь свои усы по какому-то

неясному звуку, и оба покачали значительно головами.

»Вѣдь ты заодно стоишь съ своимъ отцемъ?« спросилъ Берендѣй гостя.

»Вѣстимо заодно«, отвѣчалъ онъ.

»Ну, такъ какъ же съ тобой еще разговаривать?«

»Господи Боже мой!« проговорилъ въ изумленіи Алексѣй. »Что́ жъ это такое? Неужто мы съ тобой не одному царю служимъ?«

»Каковъ молодецъ?« сказалъ Берендѣй, оглянувшись опять на скоихъ захребетниковъ.

»Ради Бога, Андрей Елизарычъ«, продолжалъ Алексѣй, »растолкуй мнѣ эту задачу́. Ушамъ своимъ не вѣрю. Какъ? за то я чужой сталъ боярину Берендѣю, что стою съ батюшкой за царя за Бориса Ѳедоровича!«

»Каковъ молодецъ?« повторилъ холодно Берендѣй и, казалось, готовъ былъ засмѣяться. Но важные старинные люди смѣивались рѣдко, когда вели рѣчь съ низшими: густые усы Берендѣя не шевельнулись.

»Птица обстрѣленная«, отвѣтилъ одинъ изъ захребетниковъ въ полголоса. (Почтительность не позволяла ему возвышать голосъ до уровня съ бояриномъ).

»Хитеръ звѣрекъ«, прибавитъ другой, такимъ же тономъ: »по порошѣ бѣжитъ, слѣды хвостомъ заметаетъ.«

»Подлинно такъ, Петровичъ«, сказалъ одобрительно Берендѣй. »Вотъ, смотри, онъ будетъ увѣрять меня, что его отецъ не измѣнникъ.«

»Мой батюшка измѣнникъ?« воскликнулъ Алексѣй, полуудивленный, полуобрадованный: причина суроваго пріема Берендѣя наконецъ ему объяснилась, и онъ надѣялся тотъ-часъ вывести его изъ недоумѣнія.

»Ато нѣтъ, чтó ли?« спросилъ его тотъ прежнимъ холоднымъ и недовѣрчивымъ голосомъ.

»И не былъ, и не будетъ онъ государевымъ измѣнникомъ!« отвѣчалъ съ жаромъ Алексѣй; »и это я готовъ доказать всякому, у кого виситъ на поясѣ сабля.«

»Ого!« сказалъ насмѣшливо Берендѣй, »какого пылу набрался! У насъ на Руси не тотъ обычай: судъ у насъ судитъ за обиду, а не сабля. »Не былъ и не будетъ!« Развѣ такъ, какъ и его сынъ не былъ и не есть государевымъ измѣнникомъ?«

»Вѣстимо такъ. А чтó же? Кто скажетъ про меня, что я покривилъ царскимъ дѣломъ?«

»Каковъ!« обратился еще разъ къ своимъ ближайшимъ слугамъ Берендѣй, пожавъ плечами. »Кто скажетъ про него? Видно, братъ, ты купилъ себѣ шапку-невидимку, да лихъ, обманули Нѣмцы. Невидимка-шапка за деньги не продается. Видали лису возлѣ курятника, видали медвѣдя на бортныхъ ухожаяхъ.«

»Что́ все это значитъ, ради Бога?« спросилъ Алексѣй, озадаченный пуще прежняго.

»Полно кобяниться, любезный мой!« сказалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ Берендѣй. »Есть и на ночного зрѣря ловцы: остались твои слѣды и безъ пороши кой-гдѣ въ тайныхъ мѣстахъ....«

»Не возьму въ толкъ твоихъ рѣчей, государь Андрей Елизарычъ!«

»Въ самомъ дѣлѣ?«

»Какъ въ туманѣ стою передъ тобой; точно сонъ мнѣ снится.«

»Что́ жъ? въ этомъ снѣ не мерещится ли тебѣ какая-нибудь круговая чаша?«

»Забылъ я давно, государь Андрей Елизарычъ, какъ пьютъ круговую. На чужой сторонѣ народъ не больно хлѣбосольный, да и на Руси, кажись, разучились честить гостей по православному....«

»Не клепли, дружокъ«, возразилъ насмѣшливо Берендѣй, »не клепли на святую Русь. Кого же встрѣтили на кону съ хлѣбомъ съ солью пріятели?«

»Встрѣтили на кону?« повторилъ въ изумленіи Алексѣй.

»Къ кому являлись на перекличку лѣсные удальцы изъ-за всякаго ракитова куста, изъ-за всякаго пня?« продолжалъ, не слушая его, Берендѣй.

»На перекличку? Это что́ же такое?«

»Кому отворились настежь вороты съ пудовымъ

замкомъ, да еще въ полночь, когда добрые люди не отворяютъ дверей ни врагу, ни пріятелю?«

»А«, произнесъ Алексѣй протяжно, начиная догадываться, о чемъ намекаетъ ему Берендѣй.

»А«, повторилъ тотъ, глядя ему пристально въ глаза. »А? знаетъ кошка, гдѣ молочко хлебала? Такъ-то ты прямишь съ своимъ отцемъ царю, Мулюхинъ кумъ и пріятель?«

Этотъ прямой укоръ еще разъ ободрилъ Алексѣя. Онъ былъ увѣренъ, что теперь въ одну минуту разсѣетъ всѣ недоразумѣнія Берендѣя.

»Смекаю, въ чемъ дѣло!« сказалъ онъ весело. »Злые языки передали тебѣ съ прибавками про мое знакомство съ Мулюхой. Не мудрено тебѣ считать меня такимъ же крамольникомъ. Только будь я крамольникъ и царскій супротивникъ, то не привезъ бы къ тебѣ отъ батюшки такой грамотки. Возьми-ка, прочти — что́ тогда скажешь?»

Съ этими словами Алексѣй вынулъ изъ-за пазухи свернутое въ трубочку посланіе своего отца къ Берендѣю и вручилъ ему съ почтительнымъ поклономъ.

Берендѣй взялъ грамотку съ недовѣрчивымъ видомъ и, прочитавъ ее, сказалъ гнѣвнымъ голосомъ:

»Кого ты вздумалъ дурачить, молокососъ? Али ты думаешь, что на Руси прямого толку нѣту? Али Русскій человѣкъ, по твоему, ворона? Вѣрный царскій слуга! Ты и твой отецъ вѣрные слу-

ги? И смотритъ прямо въ глаза боярину Берендѣю!«

»Не одному Берендѣю«, возразилъ съ такою жъ запальчивостью Алексѣй, »да нѣтъ на свѣтѣ человѣка, кому бы Однорогъ не посмотрѣлъ прямо въ глаза!«

»Не мудрено«, сказалъ, переходя отъ выраженія досады къ выраженію язвительнтсти, Берендѣй, »не мудрено, съякшавшись съ такимъ озорникомъ, какъ Мулюха!«

»Мулюха мнѣ такой же недругъ, какъ и тебѣ«, отвѣчалъ Алексѣй. »Загляни-ка въ грамотку, что́ въ ней про него написано.«

»Написано въ ней вотъ что́«, сказалъ Берендѣй, положа грамотку на колѣно и водя по ней пальцемъ: »Государю моему премногомилостивому »Андрею Елизарычу искатель милости твоей боя»ринъ Никола Однорогъ челомъ бьетъ. Здраствуй, »государь мой....« Ну, это своимъ порядкомъ, а вотъ что́ далѣ: »Есть у меня сынъ Алёшка за»булдыга; таскался онъ по Нѣметчинѣ пять лѣтъ »и воротился домой съ умомъ-разумомъ вели»кіимъ, а такимъ, чтобъ изъ нищаго страдника »учинить боярина сановитаго. А сдѣлалъ меня »страдникомъ царскій гнѣвъ. И видя я свои жи»воты всѣ отняты, всѣ въ приказъ записаны, »учалъ думать да гадать, какъ бы добыть себѣ »новые, и того большіе. А добыть ихъ мочно у »другого царя, у царя прирожденнаго. И пишу я

»листъ-грамотку къ вѣрному царскому слугѣ Берендѣю; а посылаю я, Однорогъ, ту грамотку »съ своимъ сыномъ, Алёшкой забулдыгою. А и »сынъ мой, Алёшка забулдыга, ту грамотку тебѣ, »Берендѣю, прочитаетъ Нѣмецкимъ толкомъ наизнанку....«

»Остановись, бояринъ Андрей Елизарычъ!« прервалъ его Алексѣй. »Грѣшно тебѣ издѣваться такъ надъ моей молодостью, а еще грѣшнѣй взводить измѣну на моего батюшку! Коли мой батюшка въ опалѣ тебѣ не чета, скажи прямо, а на честный родъ не клепли.«

»Я клеплю?« вскрикнулъ съ дѣйствительнымъ или притворнымъ гнѣвомъ Берендѣй.

»Какъ же сказать иначе«, отвѣчалъ Алексѣй, »когда взводятъ на человѣка небывальщину?«

»Поди ты съ нимъ!« сказалъ Берендѣй, обращаясь къ безмолнымъ своимъ захребетникамъ. »Эка обстрѣленая птица! Такъ и это у тебя небывальщина, что ты вотъ еще сегодня видался съ своимъ кумомъ Мулюхою?«

Алексѣй былъ пораженъ этими словами. Берендѣй это замѣтилъ и, не давая ему времени оправиться, продолжалъ:

»И то небывальщина, что твой отецъ взбударажилъ Путивль? Небось неправда и тому, что у него въ Перебойскомъ скиту припасено протазановъ на всѣхъ вольныхъ козаковъ, сколько ихъ

ни есть по Сѣверскимъ лѣсамъ? И ты думаешь, что Берендѣй ничего того не знаетъ?«

Алексѣй хотѣлъ отвѣчать; но въ эту минуту въ боярскую избу вошелъ человѣтъ, одѣтый подобно прочимъ Берендѣевскимъ захребетникамъ. Покрытые бѣлою изморозью его усы и засыпанный снѣгомъ тулубъ показывали, что онъ прибылъ издалека.

»Ну, что́, Степанычъ, наши сваты?« спросилъ его Берендѣй, не отвѣчая на низкій поклонъ его.

»Будутъ, бояринъ государь, къ третьимъ пѣтухамъ будутъ у двора.«

»Петрушка съ ними остался?«

»Съ ними, у попа Николы.«

»А что, Никола не кобянится?«

»Уломали«, сказалъ, подмигнувши значительно, Степанычъ: »царевичъ, дескать, близко; все перекувырнется головою внизъ, ногами вверхъ; бояться нечего, а денегъ киса не то, что́ колбаса!«

Берендѣй засмѣялся, сколько позволяло его достоинство, и по его глазамъ видно было, что онъ потѣшается отъ всего сердца какою-то тайною затѣею.

Между тѣмъ положеніе Алексѣя сдѣлалось невыносимымъ. Его поставили на одну доску съ услужливымъ холопомъ; объ немъ наконецъ вовсе позабыли.

»Государь Андрей Елизаричъ!« сказалъ онъ, скрѣпя сердца, »воля твоя корить меня измѣн-

никомъ и Мулюхинымъ кумомъ, а всё же я твой гость и усталый странникъ. Повели, батюшка, дать мнѣ у себя въ домѣ на ночь пристанище.«

»Какъ! оставить этакого ястреба въ птичнѣ!« воскликнулъ Берендѣй. »Да ты чего добраго, пошатнешь головы всѣмъ моимъ челядинцамъ! Ступай себѣ, голубчикъ, по добру, по здорову и поклонись мнѣ, что я тебя не отправилъ прямо въ Новгородской острожокъ къ Басманову.«

»Я и безъ твоей милости къ нему поѣду«, отвѣчалъ Алексѣй. »Съ Басмановымъ мой батюшка не пробилъ рукобитья; не опасаюсь я отъ него такого, какъ отъ тебя, безчестья. Только помни, бояринъ, что гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. Докажутъ Однороги царю, кто они таковы. Каково-то будетъ тебѣ тогда смотрѣть въ глаза нареченному зятю!«

»Убирайся, убирайся, нареченный ты крамольникъ!« сказалъ на это гнѣвно Берендѣй; »ато заговоришь ты другимъ голосомъ.«

Алексѣй пожалъ плечами и, казалось, не вѣрилъ ушамъ своимъ, услышавъ отъ Берендѣя въ его домѣ эту угрозу; однакожъ не сказалъ ничего, только помолился иконамъ, указалъ на нихъ молча хозяину и вышелъ изъ избы.

ГЛАВА XIII.

Онъ нашелъ Добрыню въ прежнемъ положеніи, между двухъ коней, которыхъ онъ держалъ за поводья. Бѣдныя твари, измученныя дальнею дорогою больше своихъ всадниковъ, рыли копытами снѣгъ и грызли осеннюю траву. Покрытые замерзлымъ пóтомъ, бока ихъ представляли такой же жалкій видъ, какъ и впалыя отъ изнеможенія щеки Добрыни. Они привѣтствовали возвращеніе Алексѣя тоскливымъ ржаніемъ, отъ котораго его подрало по сердцу. Оно показалось ему вопросомъ: »Гдѣ же ты намъ найдешь ночлегъ?« А отвѣчать на такой вопросъ было ему теперь всего труднѣе.

»Ну, что́, Добрынюшка?« сказалъ онъ съ горькою усмѣшкою, »какова святая Русь? Ты, бывало, всё охаешь: »Кабы Богъ далъ скорѣе намъ »на святую Русь воротиться!« Вотъ те и святая Русь! Вѣдь это въ первый и пожалуй въ послѣд-

ній разъ съ нами на вѣку случилось, что насъ прогнали ночью со двора?«

»Прогнали?« воскликнулъ Добрыня. »Какъ прогнали?«

»Да, да, мой другъ«, сказалъ Алексѣй, садясь на коня: »видишь, намъ и ворота отворяютъ. Поѣдемъ просить ночлега въ берлогѣ у какого нибудь медвѣдя.«

Добрыня, казалось, лишился голоса. Онъ молча взобрался на сѣдло и поплелся, скорчась на конѣ, слѣдомъ за Алексѣемъ по дорогѣ къ Новгородскому замку.

Долго ѣхали они молча. Алексѣй уже пересталъ и ожидать отъ своего дядьки отвѣта на свою горькую жалобу, какъ вдругъ Добрыня воскликнулъ:

»Русь! что́ те сдѣлала Русь? Она свята церквами да монастырями, а не грѣшными людишками. Что́ тебѣ она сдѣлала? Самъ ты своей бѣдѣ причина.«

»Это какимъ же способомъ?« спросилъ съ удивленіемъ Алексѣй.

»Тѣмъ способомъ«, отвѣчалъ Добрыня«, что служишь ты не тому царю, за котораго Богъ и люди, — не природному осударю.«

»Что́ ты, Добрыня? опять за старое? А мой батюшка развѣ служитъ не Борису Ѳедоровичу?«

»Ну, вотъ ему и честь таковская! Погляди, сколько дорогъ мы на Руси изъѣздили, а видалъ

ты хоть одну душу, чтобъ стояла за царя Бориса?«

»Какъ же не видалъ? Вотъ тебѣ Берендѣй первый.«

»Берендѣй?«

»Ну, да.«

»Бе-рен-дѣй?« повторилъ протяжно и съ видомъ величайшаго изумленія Добрыня. »Онъ, говоришь ты, стоитъ за царя Бориса?«

»Да какъ же, коли онъ чуть не съѣлъ меня изъ одного подозрѣнья, что будто я въ ладу съ Мулюхой?«

»Эхъ, головушка ты, Алексѣй Николаичъ!« воскликнулъ Добрыня съ досадой и насмѣшкой. »Набрался ты ума-разума у чужеземцевъ, да потерялъ свой Русской толкъ! Колибъ онъ служилъ одному съ тобой царю, такъ неужто ты думаешь, онъ бы прогналъ тебя со двора противъ ночи?«

Алексѣю показалось дикимъ это замѣчаніе, однакожъ оно запало ему въ душу....

»Нѣтъ, сударь«, продолжалъ Добрыня; »этого не сдѣлаютъ ни съ кѣмъ на Руси: всякъ побоится Бога. Сдѣлаютъ только съ царскимъ противникомъ. Тутъ ужъ и грѣхъ не въ грѣхъ.«

»Но какъ же«, спросилъ Алексѣй, »какъ же это Мулюха принялъ насъ за гостей? А я вѣдь прямо объявилъ ему, за кого стою и буду стоять до конца жизни.«

»Ну, ужь хоть бы и не до конца«, заворчалъ

Добрыня: »довольно и такъ натерпѣлись мы бѣдъ по твоей милости.«

Но это сказано было въ запасъ на будущее. На вопросъ же Алексѣя Добрыня отвѣчалъ своимъ порядкомъ:

»Мулюха особь статья, а Берендѣй себѣ особь.«

»Какъ же это?«

»А такъ, что ни одного знакомаго лица не нашелъ я межь его дворчанами. Разумѣешь теперь?«

»Что же тутъ разумѣть?«

»То, что все это Сѣверской наборъ, — смѣкаешь? чтобъ одинъ духъ былъ во дворѣ. Москвичъ, пожалуй, съ Сѣверякомъ и не поладитъ.«

»Пускай и такъ«, сказалъ Алексѣй; »но зачѣмъ же имъ быть непремѣнно царскими измѣнниками?«

»А не будь они, какъ говоришь ты, царскіе измѣнники«, отвѣчалъ Добрыни, »то чего бы бояться Берендѣю оставить насъ ночевать у себя во дворѣ? стало быть, боялся старый песъ, чтобъ ты чего-нибудь не провѣдалъ.«

На этотъ разъ Добрынѣ удалось убѣдить боярича сильнѣе прежняго. Алексѣй вспомнилъ слова Берендѣя: »пошатнешь. головы всѣмъ моимъ челядницамъ«, и далъ имъ теперь другое значеніе. Пришло ему на мысль еще одно обстоятельство: какимъ образомъ сдѣлалась извѣстна Берендѣю сегодняшная встрѣча его, Алексѣя, съ Мулюхою? Этотъ вопросъ, пожалуй, объяснялся

просто: Берендѣй могъ узнать стороной о поѣздкѣ Мулюхи по Путивльской дорогѣ, гдѣ Алексѣй естественно долженъ былъ съ нимъ повстрѣчаться; но умъ Алексѣя получилъ уже направленіе въ опредѣленную сторону, и изъ всего, что́ говорилъ Берендѣй о Мулюхѣ, онъ вывелъ заключеніе, что Берендѣй находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ Мулюхою и, притворяясь его преслѣдователемъ, обдѣлываетъ съ нимъ одно и то же дѣло.

Тутъ вспомнилъ Алексѣй и слабо защищенный дворъ Берендѣя, и его извѣстную на Москвѣ болѣзнь, которой и слѣдовъ не было замѣтно, и обвиненія стараго Однорога въ измѣнѣ (Мулюха говорилъ о немъ то же самое, только другимъ тономъ).

»Да«, заключилъ мысленно Алексѣй, »онъ заодно съ Мулюхой; только Мулюха показалъ мнѣ себя лицомъ, а Берендѣй — изнанкою. Но Новгородскіе воеводы.... какъ бы не разглядѣть имъ Берендѣя, находясь подлѣ него такъ близко? Впрочемъ Мулюха съ своей шайкою жилъ еще ближе къ крѣпости и умѣлъ прослыть у нихъ добрымъ ремесленникомъ. Но нѣтъ«, продолжалъ размышлять Алексѣй, »самъ Мулюха жаловался, что Берендѣй ловитъ его вольныхъ козаковъ и отсылаетъ къ воеводѣ. И замыселъ такъ называемаго Черниговскаго воеводы насчетъ Параши не показываетъ дружескихъ отношеній между Сѣвер-

ской сволочью и Берендѣемъ? Какъ согласить эти противорѣчія?«

Такія мысли заворочались быстро въ умѣ нашего богатыря, и неизвѣстно, къ какимъ бы привели онѣ его выводамъ, если бы новое дорожнее приключеніе не прервало ихъ на самомъ запутанномъ вопросѣ.

Въ лѣсу послышался говоръ нѣсколькихъ голосовъ, и вслѣдъ за тѣмъ, на дорогѣ, пересѣкавшей просѣку, по которой ѣхали наши странники, показалась толпа конныхъ людей. Замѣтя Алексѣя и Добрыню, она пріостановилась и поджидала, чтобъ они подъѣхали.

Добрыня, приходящій прежде отъ дорожнихъ встрѣчь въ такой страхъ, и не подумалъ теперь возвращаться назадъ или прятаться въ лѣсъ; всѣ мѣры, предпринятыя имъ для своей безопасности, состояли въ краткомъ наставленіи Алексѣю не орать попусту: »За царя Бориса!«

»Надоѣлъ ужъ мнѣ твой царь Борисъ«, говорилъ брюзгливый старикъ, потерявъ съ голоду и усталости всякое терпѣнье. »Много проку отъ твоего оранья, да и тебѣ не больше отъ твоего къ нему усердія.«

Съ этимъ словомъ онъ опередилъ Алексѣя, чтобъ не дать ему испортить дѣла, и, подъѣхавъ къ конной толпѣ, возгласилъ:

»Эй вы, люди добрые, вѣрные слуги царскіе,

укажите усталымъ странникамъ близкой и надежный ночлегъ.«

»А какому царю служите?« отозвался изъ толпы голосъ.

»Какому жъ больше служить, коль не вашему?« сказалъ осторожный старикъ.

»А коли нашему«, отвѣчалъ тотъ же голосъ, »такъ и поѣзжайте съ нами. Будетъ вамъ и ночлегъ, и чашка горячихъ щей въ добавокъ.«

»Ба, ба! да что̀ же это?« сказалъ Добрыня, подъѣхавъ къ самому носу того, съ кѣмъ разговаривалъ. »Терешка Лестратычъ, что̀ ли?«

»Фу, ты пропасть!« отвѣчалъ тотъ съ неме́ньшимъ удивленіемъ. »А ты кто же? ужъ не Однороговъ ли Добрыня?«

»Ай, ай!« продолжалъ Добрыня, удостовѣрясь, что передъ нимъ сидитъ на конѣ дворецкій князя Черкасскаго. »Вотъ гдѣ повстрѣчались! зачѣмъ это ты разгуливаешь по Сиверѣ?«

»Да почитай не затѣмъ ли, зачѣмъ и ты. Вѣдь вы тоже въ опалѣ?«

»Вотъ те на! Такъ и князь Борисъ Иванычъ здѣсь на Украйнѣ?«

»Эхъ, какъ бы то здѣсь, такъ и горюшка бы намъ было мало. Въ Сибири нашъ батюшка Борисъ Иванычъ, за снѣговыми горами.«

»А вы? Зачѣмъ же вы не съ нимъ?«

»Э, голубчикъ, нашего боярина покарали пуще вашего. Невелика еще бѣда жить въ своихъ

вотчинахъ, а его, нашего батюшку, съ приставами отправили въ ссылку, а мы, горемычные, оставлены, какъ стадо безъ пастуха. Никто не смѣй принять холопа Черкасскаго: таковъ заказъ отъ Годунова. Вотъ и скитаемся по украйнамъ. Да погоди, авось-либо выручимъ своего свѣтъ Бориса Иваныча изъ-за снѣговыхъ горъ. Ну, что́ жъ это ты, Пахомычъ, на посылкахъ у своего бояршна, что́ ли? Вѣдь онъ, чай, всё въ Перебонщѣ? къ кому посылка?«

»Постой, не до посылокъ намъ теперя. И я, и бояричъ съ самого почитай утра съ сѣдла не вставали; сами измучились и кони голоднёшеньки.«

»Бояричъ?« сказалъ Терешка Лестратычъ. »Такъ это съ тобой Алексѣй Николаичъ?«

И, не ожидая отвѣта, онъ подъѣхалъ къ Алексѣю и съ низкими поклонами поздравлялъ его съ возвращеніемъ на Русь.

Спутники Лестратыча, которыхъ было человѣкъ шесть, окружили Алексѣя съ такимъ же выраженіемъ радости.

»Въ пору подоспѣлъ ты, бояричъ, къ намъ на Украйну!« говорилъ одинъ.

«Теперь на Сиверѣ что ни рука, что ни голова, все спорить царскому дѣлу«, прибавлялъ другой.

»А такихъ головушекъ, небось, и на Москвѣ не густо«, продолжалъ третій.

»Многи лѣты царевичу Дмитрею!« восклицали прочіе.

»Полно горланить вздоръ, ребята«, сказалъ Алексѣй. »Царевичу Димитрію вѣчная память, вору Самозвацу анаѳема, а многи лѣта царю Борису Ѳедоровичу!«

Отъ этихъ словъ всѣ попятились назадъ, какъбудто наткнулись на медвѣжье логово.

Добрыня, видя, что дѣло плохо и что не уломать ему своего молодца ни просьбою, ни грозьбою, поднялся на хитрость. Онъ подъѣхалъ къ своему пріятелю и шепнулъ ему:

»Что вы всполошились? малый труситъ!«

»Ой ли?« сказалъ бывшій дворецкій.

»Какъ же, родимый?« продолжалъ Добрыня. »Дѣло невѣдомо, кто кого перевѣситъ; бояринъ стоитъ за одного, а сынъ за другого, а чей будетъ верхъ, за того и оба.«

Добрыня попалъ въ ладъ: въ то неопредѣленное время дѣйствительно многіе такъ поступали.

»Ну, Богъ съ тобой, бояричъ« сказалъ, Лестратычъ, »служи ты кому любо, а мы и головы положимъ за природнаго осударя. А коли нуженъ тебѣ ужинъ и ночлегъ, то, ради старой пріязни, мы дорогу тебѣ покажемъ.«

Какъ ни храбрился Алексѣй предъ Берендѣемъ, но, выѣхавъ за ворота, сообразилъ, что его въ замокъ ночью не пустятъ, и намѣревался пріютиться у перваго огонька, какой засвѣтится ему на дорогѣ. Видя, однакожъ, кругомъ пустыню и не зная мѣстности, онъ сильно безпокоился на-

счетъ своихъ лошадей. Поэтому, очутясь опять въ сообществѣ мятежниковъ, онъ рѣшился играть роль тайнаго Лжедимитріева приверженца, столь обыкновенную въ то смутное время, лишь бы только сберечь себя для лучшихъ обстоятельствъ.

»Поворачивай сюда, батюшка«, продолжалъ Лестратычъ: »тутъ вотъ, рукой подать, будетъ деревушка Мурмолка; мужички радѣютъ царскому дѣлу. Найдется что́ и поѣсть, найдется гдѣ и отдохнуть осударевымъ слугамъ. Поѣзжай съ Богомъ впередъ; а наше мѣсто у конскаго хвоста.«

Алексѣй поскакалъ по указанному ему пути, съ увѣренностью фаталиста, что чему быть, того не миновать.

Добрыня поѣхалъ за нимъ, рядомъ съ своимъ пріятелемъ, и продолжалъ разговоръ, къ которому и его бояричъ не могъ оставаться невнимательнымъ.

»Такъ это вы изъ-за рубежа ворочаетесь?« спрашивалъ бывшій дворецкій.

»Какое изъ-за рубежа?« отвѣчалъ Добрыня. »Мы на Руси давно уже.«

»А сколь давно?«

»Да чуть ли не три года.«

»Ой ли? Гдѣ же вы пропадали, что васъ не видать было на Москвѣ?«

»Да вотъ какъ теперь, не вставая съ коня, всё болтались по Сиверѣ. Оно, стало быть, три дня

показались намъ за три года, коли хочешь знать. Пріѣхали къ Новгородку, только что собрались, поужинавъ, спать, чуть лошади животы отвели — пожаръ, разбой; мы драла! Пріѣхали въ Перебоище — тамъ тоже кутерьма.«

»Чтó же тамъ за кутерьма?« спросилъ собесѣдникъ Добрыню.

Добрыня схохватился, что не слѣдуетъ разсказывать правду про отважную затѣю стараго боярина, и продолжалъ:

»Приняли было насъ Перебойцы за Годуновскихъ озоровъ, да благо подоспѣлъ на выручку къ сынку старый бояринъ. Бѣдовый народъ наши Перебойцы!«

»Слыхали мы. Подмѣшалъ бояринъ вашъ знатнаго хмѣльку въ Сиверское пиво. Шибаетъ пѣна къ самому Чернигову. Мы точно опьянѣли, какъ услыхали про Перебойскую вольницу. Бояринъ Однорогъ первый у насъ воевода. Самъ Мулюха, Парфилъ Яковличъ, передъ нимъ голову клонитъ. Говорятъ, у васъ вокругъ Перебоища видимо невидимо лѣсного козачества.«

»Да, ни пройти, ни проѣхать«, говорилъ Добрыня.

»Вѣдь и Путивльской посадъ и севрюки, подъ его рукою?«

»Севрюки севрюками, Лестратычъ, а и того лучше: самъ Салтыковъ съ осадными стрѣльцами и городовыми козаками у него подъ рукою.«

»Ай да Никола Афанасьичъ!« воскликнулъ Лестратычъ, отирая усы, какъ послѣ ковша меду.

»Добрыня!« сказалъ, оборотясь на сѣдлѣ, Алексѣй, »ври, да знай мѣру!«

»И, батюшка Алексѣй Николаичъ!« сказалъ умильнымъ голосомъ собесѣдникъ Добрыни, »чтó попусту тревожиться? Вѣдь мы свои люди, земляки, Москвичи природные.«

Алексѣй согласился внутренно, что досадуетъ попусту, и рѣшился молчать.

»Ну, зачѣмъ же вы не остались при старомъ бояринѣ въ Переборщѣ?« спрашивали Добрыню.

»А затѣмъ, что послалъ насъ бояринъ къ Берендѣю.... не къ ночи будь помянутъ!«

»Къ Берендѣю? а зачѣмъ?«

»Зачѣмъ? какъ бы тебѣ сказать? Ну, проста рѣчь — свататься.«

На это извѣстіе Лестратычъ насмѣшливо засвистѣлъ и оглянулся назадъ, какъ-будто говоря своимъ товарищамъ: слышите?

»Чтó жь тутъ тебѣ диковиннаго?« сказалъ Добрыня: »вѣдь у нихъ съ Берендѣемъ давно рукобитье пробито.«

»Знаемъ, знаемъ. Ничего нѣтъ диковиннаго. Только мы сосватали Параскевію Андреевну прежде васъ.

Читатель долженъ припомнить себѣ посланца Протазанова, Буйтура, извѣщавшаго Мулюху о сдачѣ Самозванцу Чернигова. Онъ объявилъ Му-

люхѣ, между прочимъ, что если онъ не обѣщаетъ Протазанову сосватать у Берендѣя дочь, то Протазановъ съумѣетъ и самъ обдѣлать это дѣло. Теперь изъ распросовъ Добрыни открылось, что Лестратычъ служитъ у Протазанова головою, что самъ Протазановъ теперь въ селѣ Мурмолкѣ, и что въ эту ночь онъ будетъ обвѣнчанъ съ Берендѣевой Парашей. Лестратычъ толковалъ объ этомъ съ полной увѣренностью, и хотя Алексѣй лишился теперь всякой надежды на родство съ Берендѣемъ, однакожъ предпріятіе Протазаново заняло его живѣйшимъ образомъ. Чтó же значила ночная поѣздка дочери Берендѣя за Десну? Чтó значила монашеская одежда на ней? И какъ все это совмѣщается съ тѣмъ, чтó онъ слышитъ? Онъ началъ вслушиваться внимательнѣе прежняго въ разговоръ своихъ спутниковъ.

»Неужто твой Протазановъ осмѣлится взять силою дочь у боярина Берендѣя?« спросилъ Добрыня.

»А чтó же ты про насъ разумѣешь?« сказалъ, съ сознаніемъ своей важности, голова Протазановцевъ. »Да у насъ, чтó ни кустъ, то козакъ. Только аукнемъ по лѣсу, такъ, ровно шишки съ сосенъ, посыплются отовсюду ребята. Только воевода Новгородской по плечу нашему воеводѣ. А Берендѣй намъ чтó? Дунемъ только въ солому, такъ завтра и слѣду не останется.«

»Однакожъ, не дунулъ до сихъ поръ въ солому ни Протазановъ твой, ни самъ Мулюха, и Бе-

рендѣй ловитъ васъ, какъ звѣрье по лѣсу«, сказалъ, невытерпѣвъ, Алексѣй.

»Я тебѣ скажу, чтó этому за причина, бояричъ. Видишь ли, Новгородской-отъ воевода забралъ себѣ въ голову, что онъ умнѣе всѣхъ на свѣтѣ. »Что мнѣ въ томъ«, говоритъ, »что разорю я Берендѣя? Лучше выдамъ его дочь за »кого хочу, съ придачей его вотчинъ. Пускай по»камѣсть онъ держитъ ихъ въ порядкѣ и лелѣетъ »въ терему дочку.« Вотъ какъ, стало-быть, разсуждаетъ Новгородской воевода Мулюха. Значитъ, хочетъ приманить къ рукамъ богатаго вотчинника на услугу царевичу. А царевичъ и безъ его милости управится съ Годуновцами. Видно ужъ и по началу: приходи только и бери всю Сиверу, а тамъ и Москву. А нашъ воевода Черниговской спустилъ на Москвѣ съ рукъ дѣдовскія вотчины, такъ ему-то собенъ Берендѣевна! Еще кто знаетъ, кого пожалуетъ ею царевичъ, а жены не отберетъ у мужа. Пускай Парфилъ Яковличъ не прогнѣвается съ своимъ вотчинникомъ. Мы свое возьмемъ, никому не кланявшись.«

»Да неужто онъ притащилъ за собой всю свою ватагу?« спросилъ Добрыня.

»Какъ это можно? Мулюхинцы не впустятъ въ свое воеводство Черниговцевъ. Силою тутъ ничего не возьмешь. Да теперь же вся рать подъ рукой у царевича. Самъ воевода нашъ урвался

сюда втихомолку. Всего насъ при немъ человѣкъ десятокъ.«

»Чтó жъ вы сможете сдѣлать съ Берендѣемъ?«

»Чтó сможемъ? Найдетъ лисица ходы къ курятнику. Не пуста киса у нашего воеводы. Проложили мы себѣ золотую сакму и мимо сторожи Мулюхиной, и мимо дворни Берендѣевой, прямо къ боярышниному терему.«

Тутъ только Алексѣй началъ догадываться, въ чемъ дѣло. Берендѣй, какъ видно, зналъ о покушеньи промотавшагося въ Москвѣ Протазанова и приготовился сыграть съ нимъ злую шутку....

Впереди на дорогѣ засвѣтился огонекъ. Странники наши подъѣхали къ Мурмолкѣ. Лестратычъ указалъ Алексѣю дворъ зажиточнаго мужика, съ наставленіемъ или молчать о царѣ Борисѣ, или объявить себя безъ обиняковъ на сторонѣ природнаго государя, ато не впустятъ, а хоть и побоятся не впустить, такъ не побоятся морить голодомъ.

Алексѣй поручилъ исполнить эту тяжкую для него роль Добрынѣ и послѣ переговора его сквозь воротную щель съ хозяиномъ, — переговора, заглушеннаго лаемъ собакъ, былъ впущенъ на дворъ и скоро очутился въ теплой избѣ. О тѣснотѣ, копоти и неопрятности этого убѣжища онъ и не подумалъ. Отдѣлавшись кой-какъ отъ обычныхъ въ то время разспросовъ хозяина и поужинавъ, чтó нашлось у хозяйки, онъ съ наслажденіемъ

повалился на разостланный для него на полу куль соломы и уснулъ такъ крѣпко, что ни Мулюха съ своими хитрыми затѣями, ни Протазановъ съ расчетами на возвращеніе промотаннаго достатка, ни Берендѣй съ загадочностью своихъ поступковъ, ни отецъ съ обманутыми надеждами, ни даже нареченная и потерянная для него невѣста, — никто и ничто ему не приснилось.

ГЛАВА XIV.

Долго онъ спалъ или коротко, это самому ему было меньше всего извѣстно, — только наконецъ почувствовалъ сквозь сонъ, что его кто-то цѣлуетъ. Онъ не могъ ни проснуться, ни совершенно потерять сознаніе, и воображеніе его воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы представить ему во снѣ то, къ чему стремились на-яву его желанія. Алексѣю показалось, что надъ нимъ наклонилась женщина въ черномъ и съ плачемъ умоляетъ его проснуться; слезы падаютъ на его щеки вмѣстѣ съ нѣжными поцѣлуями. Онъ понимаетъ, что она въ какой-то опасности, что онъ одинъ можетъ спасти, но никакъ не можетъ проснуться; наконецъ открываетъ глаза и встрѣчаетъ меланхолическій взглядъ теленка, который, съ тоски по своей матери, мычавшей на дворѣ, принялся лизать его щеки. Отогнавъ прочь нѣжнаго друга, Алексѣй обвелъ глазами избу, освѣ-

щенную лучиною. Хозяинъ что-то строгалъ, жена его пряла, двое дѣтей, уцѣпясь ей за поневу, просили ѣсть.

»Ѣсть! будетъ вамъ ужо ѣсть, какъ приткнутъ батьку рогатиной!« говорилъ брюзгливо мужикъ. »Тогда попрóсите ѣсть у волка!«

»И, Богъ вѣсть, чтó ты баешь«, сказала на это жена, вставъ съ донца, чтобъ отрѣзать дѣтямъ по куску хлѣба: »только настращалъ ребятъ. Чего тебѣ бояться, коли будешь сидѣть дома?«

»Да, усидишь, какъ погонятъ на ратное поле! Вишь ты, выдумали воры царевича, а нашъ братъ отдувайся!«

»Не погонятъ небось, какъ не найдутъ въ избѣ. Поѣхалъ въ лѣсъ по дрова, да и весь отвѣтъ!«

»А вы-то какъ останетесь? Кто оборонитъ тебя, съ ребятами, коли мужикъ спрячется въ лѣсъ? Только и держимся покамѣсть тѣмъ, что поемъ одну пѣсню съ Мулюхинцами. Выдумали окаянные какого-то царевича! Вся сволочъ съ Днѣпровскихъ понизовьевъ сползлась къ намъ на Сиверу. Корми, дѣлись послѣднимъ кускомъ со всякимъ бродягою. Давно ль объѣли дочиста всѣ закрома? вотъ опять двоихъ принесла нелегкая. Скоро небось ихъ выживешь!«

»Не тужи, братъ«, сказалъ Алексѣй, поднимаясь съ постели: »мы у тебя не замѣшкаемся, а за ночлегъ поблагодаримъ.«

»Ахъ, батюшка!« сказалъ торопливо мужикъ,

»ты ужъ и проснулся! Я вотъ съ женой толкую, скоро ли придетъ свѣтъ нашъ царевичъ. Много народа столпилось подлѣ Новгородка: тяжело для нашего брата мужика; увелъ бы скорѣе эту рать съ собой на Москву.«

»Полно, полно, братъ«, сказалъ, засмѣявшись, гость: »я все слышалъ.«

»Слыхалъ? ахъ-ти мнѣ! Жена, видишь ты, глупая баба, чего наболтала!«

»Успокойся, любезный«, продолжалъ Алексѣй: »мы стоимъ за царя Бориса Ѳедоровича, а не за Самозванца.«

»Ой ли? А твой старикъ вечоръ....«

»Какъ же быть иначе? заѣхали въ баламутную сторону. Съ волками, говорятъ, вой по-волчьи.«

»Ну, вотъ и мы точнехонько такъ!« подхватила хозяйка. »Сами не знаемъ, кого величать: наѣдутъ изъ острожка стрѣльцы—величаемъ царя Московскаго; набѣгутъ лѣсные ухорѣзы — величаемъ съ ними природнаго осударя.«

»Анъ и выходитъ, что съ быка дерутъ по двѣ шкуры«, прибавилъ хозяинъ. Каждому пріятствуй! а пріятствовать-то и нечѣмъ.«

»И много у васъ такихъ деревень, что́ стоятъ за царя Бориса Ѳедоровича?«

»Да всѣ рады бы стоять, только какъ стоять, батюшка? Царская рать далеко, а смерть не свой братъ.«

»Рать, говоришь, далеко? Да вотъ вамъ Басма-

новъ съ ратью въ Новгородкѣ. Къ нему бы примкнули.«

»Басмановъ! а чтó намъ добраго сдѣлаетъ Басмановъ? Вызжетъ, пожалуй, всю деревню, какъ однова́ посадъ. Только, выжегши, всѣхъ мужиковъ не заберешь въ острожекъ, что цыплятъ въ решето. А жены-то? а дѣти? Нѣтъ, оборони только насъ отъ этого сброду, такъ намъ и не надо лучшаго царя, какъ Борисъ Ѳедоровичъ.«

»Ну, а чтó, кабы вамъ сговориться потихоньку между собой да выбрать себѣ на всякое село голову? Знаешь, какое набралось бы ополченіе! и безъ царской рати вы бы оборонили себя отъ самозванщины.«

»Да, попробуй-ка сговориться!...« сказалъ, взглянувъ на жену, мужикъ.

»А чтó же?«

»То, что у насъ врядъ ли не у всякаго хозяина сидитъ за спиной по дозорщику.«

»Какъ это?«

»А такъ вотъ. Жили мы себѣ безъ горя здѣсь на Сиве́рѣ. Хлѣба довольно; поля всего не вспашешь. Какъ покажись на Московщинѣ голодъ. Къ намъ бобыли и поползли, точно тараканы. Что ни изба, то и работникъ у хозяина. Мы-то и довольны: прибавилось рукъ, прибавилось и хлѣба. Только не долго посидѣли смирно выходцы. Чуть лишь встряслась эта бѣда, чуть обозвался этотъ царевичъ, эта тума прирожоная, такъ

наши захребетники и отъ рукъ. Пошли гулять по дорогамъ; давай держать сторо́жи. Кто не за царевича, дерутъ, грабятъ. Оно, пожалуй, легче, чѣмъ потѣть за сохою. А на зиму къ намъ же лѣзутъ на полати.«

»И вы даромъ ихъ кормите?« спросилъ Алексѣй.

»Да хоть и не совсѣмъ даромъ: перепадетъ и на нашу долю иная кроха отъ добычи; да только мужикъ у нихъ словно на привязи. Волей-неволею, держи ихнюю сторону и не пикни про царя Бориса. А ты, батюшка, толкуешь *сговориться*. Какіе тутъ сговоры?«

»Итакъ, вы противъ воли должны идти съ Самозванцемъ на царскую рать?«

»Да вотъ какъ видишь, батюшка. И это еще бы не что; а вотъ то будетъ плохо дѣло, какъ, не дай Богъ, не устоитъ противъ царя Бориса Сѣверская наша сволочь.«

»Что́ ты, пріятель?« сказалъ Алексѣй. »Дай Богъ, чтобъ она не устояла!«

»Нѣтъ, батюшка! не приведи Господь! тогда насъ воеводскіе сыщики по суставамъ разнимутъ. Намъ ужъ теперь изъ кожи надо лѣзть, да поставить царевича на государствѣ. Ито ужъ похваляются на насъ служилые люди помѣстные. Поди имъ растолкуй, что насъ приневоливаютъ сильно. Хорошо имъ стоять за Бориса. Поборовъ никакихъ не знаютъ, живутъ въ крѣпкихъ дворахъ, сами съ-измала народъ конный и оружный,—

не боятся захребетниковъ; а нами вотъ правитъ всякое немытое рыло.

»Такъ есть-таки и на Сѣверской Украйнѣ вѣрные люди?« сказалъ радостно Алексѣй, встрѣчавшій до сихъ поръ вездѣ только приверженцевъ Самозванца.

»Какъ же, батюшка? всѣ городовые козаки, всѣ осадные стрѣльцы и боярскіе дѣти стоятъ за царя Бориса. У всякаго, вишь ты, помѣстья отъ казны здѣсь на Украйнѣ, еще и дворы отъ казны жъ построены: такъ чего и не стоять? Только не долго покрѣпятся и эти.«

»А почемъ ты это знаешь?«

»Да потомъ, что вѣдь оружный народъ выйдетъ изъ слободъ, станутъ по городамъ, по заставамъ, выступятъ въ поле, а тутъ изъ лѣсу ухорѣзы и нагрянутъ на слободы. Какая ужъ тамъ служба, коль у рати будутъ глаза на затылкѣ?... Что это собаки такъ расходились?« продолжалъ мужикъ, остановясь и прислушиваясь къ лаю своихъ дворнягъ. »Видно, волкъ у изгороди. Только стой, какъ-будто кто-то стучится.... Такъ и есть! стучатся въ ворота.... Подай, баба, лапти.... Кого-то Богъ пошлетъ, друга али недруга?... Эхъ, стучатъ! да ужъ босой не побѣгу.... А всякому угождай.... И обуться порядкомъ не дадутъ.... Погоди! некогда тебѣ!... Эхъ, время тяжкое! Еще и въ рать погонятъ!... Подай, баба, тулупъ, пойду отопру, ато будетъ хлопотъ съ воротами. Эхъ!«

Пока хозяинъ наматывалъ безконечные оборы своихъ лаптей и отпиралъ ворота, Алексѣй поспѣшилъ одѣться и подпоясать на всякій случай свою саблю, какъ вбѣгаетъ въ избу Добрыня, который всталъ раньше своего господина и успѣлъ уже напоить лошадей.

»Батюшка Алексѣй Николаичъ!« закричалъ вѣрный дядька: »бѣда!«

»Какая бѣда?« спросилъ спокойно Алексѣй, привыкшій къ опасностямъ, какъ къ дурной погодѣ.

»Бѣда, осударь! пришли по твою голову!«

»Кто пришелъ?«

»Лѣшій ихъ знаетъ, кто они; только я слышалъ, какъ спрашивали сквозь ворота у мужика: »Здѣсь, дескать, Однороговъ Алёшка?« Что́ намъ теперь дѣлать?«

»Не тужи, Добрыня, прежде времени«, сказалъ Алексѣй, осматривая торопливо замокъ своей пищали. »Голыми руками насъ не возьмутъ. Только бы намъ осѣдлать лошадей.«

»Да твоя лошадь осѣдлана!« сказалъ Добрыня. »Я лишь услышалъ стукъ, мигомъ затянулъ подпругу и прибѣжалъ къ тебѣ. Только взнуздать....«

»Такъ чего жь намъ бояться? Пойдемъ сядемъ на конь. Еще только отворяютъ ворота.«

Опасность придала Добрынѣ прыткости. Пока Алексѣй взнуздалъ своего коня и вскочилъ на сѣдло, онъ накинулъ сѣдло на своего рысака, затянулъ кой-какъ подругу и, не взнуздывая, по-

спѣшилъ сѣсть верхомъ, чтобъ не отстать отъ своего господина.

Не успѣли они выѣхать изъ-подъ навѣса, какъ на дворъ въѣхало человѣкъ пять вершниковъ, и Алексѣй, сквозь утреннюю мглу, узналъ въ нихъ Берендѣевыхъ дворчанъ.

При видѣ этихъ людей, обидѣвшихъ его такъ грубо наканунѣ, у него закипѣло ретивое, и онъ, вмѣсто страха за свою безопасность, обрадовался этой всрѣчѣ.

»Чтó вамъ здѣсь надо?« заговорилъ онъ первый.

»Приказалъ бояринъ проводить твою милость въ зáмокъ«, отвѣчалъ передовой, снимая полупочтительно, полу-нахально шапку.

»Только-то?« сказалъ Алексѣй, приготовившійся къ чему-то гораздо непріятнѣе. »Я самъ туда ѣду.«

»И добро, коли такъ«, отвѣчалъ тотъ: »мы твою милость проводимъ.«

»Чтó жъ это вашему боярину вздумалось присылать ко мнѣ провожатыхъ?« спросилъ Алексѣй, желая вызвать какое-нибудь объясненіе этой загадочной выходки Берендѣя.

Но дворчанинъ отвѣчалъ:

»Его боярская воля. Намъ почемъ знать?«

»Ну, поѣдемъ«, сказалъ Алексѣй, держа наготовѣ пищаль и оглядываясь на обѣ стороны, между тѣмъ какъ провожатые разступались, чтобъ дать ему дорогу.

Выѣхавъ за ворота, онъ увидѣлъ еще двухъ

верховыхъ, приготовлявшихся скакать впередъ, вѣроятно, для предупрежденія побѣга.

Алексѣй сунулъ въ руку стоявшему у воротъ хозяину серебряную монету за ночлегъ и поскакалъ впередъ, тревожимый предчувствіемъ какихъ-то новыхъ непріятностей.

ГЛАВА XV.

До за́мка было недалеко. Зимнее солнце только что начало подниматься надъ противоположнымъ, низменнымъ берегомъ Десны, когда Алексѣй достигнулъ Новгородскихъ укрѣпленій. Первымъ изъ нихъ былъ ровъ, прорытый, въ теченіе столѣтій, дождевыми потоками, которые стекали съ сосѣднихъ высотъ и прокладывали себѣ путь къ Деснѣ. Такими провалами изрѣзана правая сторона Десны возлѣ Новгорода-Сѣверскаго на большое протяженіе въ разныя стороны. Они подѣлили крутой рѣчной берегъ на множество горъ, которыя только издали кажутся непрерывною грядою. Самая высокая, самая обривистая и неприступная изъ нихъ выбрана была во времена оны какимъ-нибудь смѣлымъ Варягомъ, чтобъ свить на ней гнѣздо и летать изъ него за данью по окружнымъ областямъ.

Вершина этой горы представляла плоскость, довольно обширную для помѣщенія на ней городской церкви, воеводскаго дома, земской и губной избъ да нѣсколькихъ осадныхъ дворовъ, куда въ военное время семейства помѣщиковъ переселялись съ движимымъ имуществомъ, оставляя на произволъ судьбы свои села. Тутъ же, вдоль крѣпостного вала, построено было, на счетъ казны, множество небольшихъ чуланчиковъ для осадныхъ людей, или гарнизона, и посадскихъ севрюковъ, которые не въ состояніи были обзавестись заблаговременно осаднымъ дворомъ въ острожкѣ, а между тѣмъ должны были бѣжать туда изъ своихъ жилищъ отъ непріятеля.

Сдача Самозванцу Чернигова дала Басманову хорошій урокъ, и онъ, сжегши посадъ и забравъ къ себѣ въ крѣпость посадскихъ жителей заблаговременно, лишилъ ихъ возможности присоединиться къ осаждающимъ. Теперь онъ спѣшилъ, до прихода Самозванца къ крѣпости, снабдить ее съѣстными запасами для самой продолжительной осады. Богатые землевладѣльцы, поселившіеся, на время опасности, въ крѣпости, не жалѣли ничего для защиты своихъ семействъ, и осадные стрѣльцы день и ночь провожали въ крѣпость изъ ихъ деревень обозы съ хлѣбомъ, овощами и другими предметами первой потребности.

Алексѣй еще издали замѣтилъ вереницу саней,

поднимавшуюся наискось по противоположной сторонѣ рва на за́мковую гору, и поспѣшилъ догнать ихъ, чтобъ не дать времени запереть ворота. Когда онъ примкнулъ къ отряду конныхъ стрѣльцовъ, провожавшихъ сани, старшій дворчанинъ Берендѣя велѣлъ своимъ спутникамъ воротиться домой и въѣхалъ, вслѣдъ за Алексѣемъ и Добрынею, въ ворота одинъ.

Если читатель воображаетъ, что Добрыня былъ доволенъ этимъ убѣжищемъ, то очень ошибается. Онъ разучился быть довольнымъ съ самаго отъѣзда своего изъ Москвы. Странствуя съ своимъ молодымъ господиномъ по басурмарскимъ землямъ, онъ жилъ по крайней мѣрѣ надеждою на возвращеніе въ тихій запечекъ въ боярскомъ домѣ на Москвѣ, — запечекъ, гдѣ, въ благодатной теплотѣ, для него протекло столько часовъ сна, похожаго на бдѣніе, а бдѣнія, похожаго на сонъ, — запечекъ, съ которымъ связана была для него лучшая пора жизни и къ которому онъ былъ привязанъ, какъ къ доброй женщинѣ, постоянно ласковой, постоянно отогрѣвающей отъ житейскаго холоду.

Добрыня не вѣдалъ женскихъ ласокъ; женщина вообще, и покойная жена его въ особенности, была въ его глазахъ чѣмъ-то похожимъ на цѣпную собаку, которая лаетъ на вѣтеръ, если ей не на кого лаять, и все, что́ было въ его душѣ нѣжнаго и любящаго, онъ отдалъ безусловно сво-

ему запечку. И если любилъ онъ стараго боярина или Алексѣя, то это было только дѣйствіе подогрѣвающаго запечка. И если онъ питалъ въ душѣ еще какія-нибудь человѣческія чувства (а чувствовалъ онъ кое-что даже сильнѣе противъ другихъ боярскихъ захребетниковъ), то все это дѣлалъ запечекъ. Запечекъ былъ для него истолкователемъ всего, чѣмъ онъ обязанъ Создателю и людямъ. Безъ запечка въ его сердцѣ не отпечатлѣлось бы ничего, какъ на холодномъ воску, и теперь, если оно сохраняло прежнюю привязанность къ Однорогамъ, то потому только, что холодъ жизни сообщилъ ему твердость камня и лишилъ его возможности потерять старыя впечатлѣнія. Судите же, каковы были его чувства, когда онъ съ каждымъ днемъ и часомъ терялъ свою отраднѣйшую надежду!

Онъ еще и прежде разошелся съ своими господами въ мнѣніи о царевичѣ Димитріи; а теперь, когда онъ видѣлъ повсюду однихъ его приверженцевъ и враговъ Годунова, когда онъ узналъ, что царь Борисъ удалилъ его боярина отъ родного дома, а его самого — отъ милаго уголка, когда онъ убѣдился, что только примкнувъ къ приверженцамъ Димитрія, можно бы было Однорогамъ возвратиться въ Москву и вступить во всѣ права свои, онъ называлъ въ умѣ своемъ геройскую стойкость стараго Однорога безумствомъ, а поступки Алексѣя — ребячествомъ.

Такъ ли онъ думалъ и въ Перебоищѣ? Нѣтъ! Тамъ присутствіе бояряна, его непоколебимый духъ, его сознаніе собственнаго достоинства и увѣренность въ непреложности своихъ поступковъ уничтожали въ Добрынѣ мыслительную способность. Тамъ онъ былъ не болѣе, какъ вѣрный песъ, готовый издохнуть за своего господина. Такъ надобно смотрѣть и на прочихъ слугъ, рѣшившихся погибнуть вмѣстѣ съ энтузіастомъ господиномъ ихъ.

Иное дѣло былъ для Добрыни Алексѣй. Старикъ зналъ его ребенкомъ, который вѣрилъ отъ всей души всякой его сказкѣ; онъ постоянно считалъ себя его наставникомъ и не могъ вмѣстить въ своей головѣ мысли, чтобы этотъ молодецъ, котораго онъ такъ еще недавно — еще какъ-будто вчера — носилъ на рукахъ, могъ поступать умнѣе его самого. А какъ онъ находилъ его дѣйствія глупыми, то не могъ уважать и дѣйствій его отца, — тѣмъ болѣе, что тѣ и другія равно внушали ему безнадежность касательно возвращенія къ незабвенному запечку.

Впрочемъ его мысли приняли такое рѣшительное направленіе только съ той поры, когда разсѣялась надежда женить Алексѣя на Берендѣевой наслѣдницѣ и когда Берендѣй, въ его глазахъ, оказался приверженцемъ Димитрія. По его мнѣнію, теперь слѣдовало бы имъ возвратиться въ Перебоище, пристать къ сторонѣ Однороговыхъ

мужиковъ и, если старый бояринъ останется при своемъ упорствѣ, приберечь его, въ его острожкѣ, среди военной сумятицы, а между тѣмъ съ Перебойцами и Путивльцами постоять за природнаго осударя (Добрыня былъ твердо убѣжденъ, что онъ природный) и вмѣстѣ съ нимъ возвратиться въ Москву. Но онъ не успѣлъ высказать Алексѣю своего мнѣнія ни дорогою къ Мурмолкѣ, ни во время ужина. Онъ отложилъ свои заботы до утра и озаботился больше всего подкрѣпленіемъ измученныхъ лошадей, а потомъ и самого себя. Теперь же это было бы напрасно: ихъ провожало въ крѣпость семь человѣкъ, а Добрыня, по старой привычкѣ, до такой степени считалъ Алексѣя ребенкомъ, не смотря на всю его силу и ловкость, что не отважился бы поставить его и противъ одного бородача. Итакъ онъ, скрѣпя сердце, молчалъ во всю дорогу и въѣхалъ въ Новгородскую крѣпость съ такой охотой, съ какою куры лѣзутъ въ дорожную клѣтку, когда ихъ отправляютъ на продажу.

Крѣпость была полна народа, который суетился, ходилъ и ѣздилъ взадъ и впередъ, представляя подобіе разрытой муравьиной кучи: Шумъ, говоръ, крикъ и мѣстами громкій хохотъ сообщали этому скопленію людей веселый характеръ ярмарки. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ-часъ при въѣздѣ была торговая площадь, на которой посадскіе мужики спѣшили сбыть деревенскимъ жителямъ свой

домашній скотъ или промѣнять его на вещи, болѣе удобныя для сбереженія во время осады. Крѣпость отъ этого представляла, на первый взглядъ, что-то мирное, далекое отъ своего назначенія; но, чтобы разрушить это впечатлѣніе, достаточно было взглянуть на площадки по сю сторону частокола, торчавшаго на валу, съ стоящими на нихъ пушками, съ грудами камней и съ поднятыми на блокахъ толстыми колодами, которыя во время приступа перебрасывались поворотомъ рычага черезъ частоколъ и, скатываясь съ горы, давили непріятелей, какъ мухъ.

Алексѣй посмотрѣлъ на эти приготовленіи къ защитѣ съ удовольствіемъ знатока дѣла, между тѣмъ какъ Добрыню подрало по кожѣ, когда онъ вообразилъ, какъ крѣпостные ребята примутся за эти игрушки и чѣмъ отвѣтитъ имъ царевичъ Димитрій.

Но имъ некогда было долго разглядывать по сторонамъ, потому что стоявшая у воротъ сторожа остановила ихъ съ вопросами: кто и зачѣмъ?

Добрыня чувствовалъ себя плохо, какъ дворняга, которая, забѣжавъ въ рынокъ за хозяиномъ, тулится къ нему съ поджатымъ хвостомъ. При всемъ своемъ желаніи провозгласить природнаго осударя, онъ долженъ былъ молчаливо пойти за вѣрнаго царскаго слугу, какъ называлъ Алексѣй себя и его, въ отвѣтъ на вопросы.

»А отколѣ?« спросилъ воротный приставъ.

»Изъ Путивля«.

»Изъ Путивля!« воскликнуло нѣсколько голосовъ, и сторожевые стрѣльцы, не имѣвшіе обычая стоять, по-нынѣшнему, на своихъ мѣстахъ, окружили новоприбывшихъ съ любопытствомъ.

»А зачѣмъ?« продолжалъ допросъ.

»Объ этомъ узнаетъ воевода.«

»Вишь ты какой нравный! Ну, вотъ те и воевода, да еще и не одинъ.«

Воротный приставъ указалъ на двухъ стариковъ въ бархатныхъ поношенныхъ шубахъ и въ горлатныхъ высокихъ шапкахъ. Они, разговаривая между собой, медленно приближались къ сторожѣ, и Алексѣй не только успѣлъ узнать отъ воротнаго пристава, что одинъ изъ нихъ Плещеевъ, а другой князь Звенигородскій, но и разсмотрѣть ихъ обоихъ, съ наблюдательностію человѣка, предполагающаго, что отъ этихъ людей можетъ болѣе или менѣе зависѣть его участь.

Плещеевъ былъ толстый, приземистый человѣкъ, державшій голову такъ, что съ перваго взгляда было замѣтно, что онъ не владѣлъ вязами. Его контузило ядро въ одномъ сраженіи съ Шведами, и съ той поры онъ, какъ волкъ, не могъ поворачивать шеи. Торчащіе впередъ сѣдые усы, сѣрые на выкатѣ глаза и красныя, надутыя щеки давали ему такой видъ, точно кто схватилъ его за воротъ и толкаетъ впередъ.

Его товарищъ былъ высокій, чернобородый,

черноглазый, немного сгорбленный человѣкъ, съ такимъ выраженіемъ въ осанкѣ и въ лицѣ, какъбудто онъ сейчасъ готовъ шепнуть что-то сосѣду на ухо и выжидаетъ только минуты, чтобъ этого никто не замѣтилъ.

Всѣ три всадника, изъ почтенія къ этимъ знатнымъ особамъ, слѣзли съ коней. Воротный приставъ поспѣшилъ къ воеводамъ на встрѣчу и доложилъ о пріѣздѣ гонца *съ сеунчемъ* (съ вѣстью) изъ Путивля.

»Изъ Путивля! какое изъ Путивля?« сказалъ Плещеевъ: »я вижу Берендѣева Кречета. Эй, Кречетъ, что́ ты здѣсь и зачѣмъ?«

Дворчанинъ Берендѣя выступилъ впередъ и, къ удивленію нашихъ бѣдныхъ странниковъ, объявилъ воеводамъ, что въ эту ночь изъ дѣвичьяго терема пропала безъ вѣсти сѣнная дѣвушка, что Берендѣй розослалъ за нею во всѣ концы погоню, что вотъ поймано два подозрительныхъ человѣка (тутъ онъ обернулся и указалъ на Алексѣя и Добрыню), и что Берендѣй прислалъ ихъ къ воеводамъ для допроса.

»Такъ вотъ зачѣмъ Берендѣй не ѣдетъ самъ и не присылаетъ ничего въ осадный дворъ!« сказалъ Плещееву съ таинственнымъ видомъ, Звенигородскій.

»Да, видно птичка-то стоила клѣтки!« отвѣчалъ, подмигнувъ, Плещеевъ.

Алексѣй очень хорошо зналъ, куда дѣвалась

изъ терема сѣнная дѣвушка, и не могъ надивиться поступкамъ Берендѣя. Но ему не дали долго размышлять о взводимомъ на него обвиненіи.

»Гей, ты, разгильдяй!« закричалъ Плещеевъ Алексѣю: »что́ у тебя шапка гвоздемъ приколочена, аль тебѣ со страху руки оцѣпенѣли? Подойди-ко поближе.«

»Шапка моя свое дѣло знаетъ«, отвѣчалъ Алексѣй, подступивъ къ нему и приподнявъ шапку, »руки мои тоже при случаѣ себя покажутъ, а разгильдяемъ меня ты не зови, не узнавъ, кто я и какого роду.«

»Кто же ты таковъ? что́ за птица?«

»Сынъ боярина Однорога, коли тебѣ любо.«

»Какъ! Нѣмецъ-то? чужеземецъ?« спросилъ Плещеевъ.

А товарищъ его прибавилъ:

»Такъ вотъ чему ты научился? выкрадывать дѣвушекъ изъ теремовъ? Есть про такихъ у насъ застѣнокъ.«

»Не грози мнѣ, князь, застѣнкомъ«, сказалъ Алексѣй, »а сперва докажи, что я виноватъ.«

»Что́ тебѣ доказывать!« сказалъ запальчиво Плещеевъ. »Скажешь и самъ на себя, какъ подтянутъ къ потолку руки.«

»Вотъ тебѣ и вѣрный царскій слуга!« проговорилъ Добрыня съ трагическою насмѣшливостію. Сердце его разрывалось на части.

На самого Алексѣя слова воеводы произвели та-

кое впечатлѣніе, какъ-будто его вдругъ погрузили въ холодную воду. Онъ былъ не трусъ и не боялся ни ранъ, ни самой смерти, но терпѣть пытку въ глухомъ застѣнкѣ, по произволу подозрительныхъ мучителей, казалось для него ужаснымъ. И вотъ для чего онъ воротился на родину! вотъ какъ исполнились его горячія мечтанія! вотъ награда за его долгія странствованія, за его труди и за опасности, которымъ онъ подвергался!

Мрачныя мысли его не были разсѣяны и тѣмъ, что́ почелъ нужнымъ прибавить отъ себя другой воевода:

»Въ отца молодецъ! Тотъ баламутитъ севрюковъ, а этотъ крадетъ дѣвокъ.«

»Что́ же съ нимъ калякать?« сказалъ сердито Плещеевъ. »Въ застѣнокъ его да къ перекладинѣ! Эй!«

Это восклицаніе относилось къ недѣльщикамъ, которыхъ человѣкъ пять или шесть провожало воеводъ по крѣпости, въ такомъ отдаленіи, чтобы не слышать ихъ разговора.

Но прежде, нежели они подоспѣли на зовъ, князь Звенигородскій шепнулъ на ухо Плещееву:

»А что́ скажетъ Басмановъ? Вѣдь онъ про Однорога, помнишь, что́ торочилъ?«

Алексѣй поймалъ этотъ шепотъ и немножко ободрился.

»А что́ мнѣ Басмановъ!« сказалъ громко Пле-

щеевъ, поворотясь всѣмъ тѣломъ къ своему товарищу, потому что иначе не могъ бы на него взглянуть, — а взглянуть было нужно: въ глазахъ его выражалось гораздо больше, нежели могъ высказать языкъ. »Чтó мнѣ Басмановъ?« продожалъ онъ. »Развѣ я не наряженъ здѣсь осаднымъ воеводою?«

»Однакожъ ты отдалъ крѣпость Басманову«, возразилъ въ полголоса Звенигородскій.

»Отдалъ? Я впустилъ его въ крѣпость потому, что ему некуды было дѣваться. А его мѣсто въ Черниговѣ. Туда его нарядили; тáмъ пусть его и воеводствуетъ. Не его дѣло вступаться въ городовой нарядъ: вѣдай себѣ дѣла ратныя. Басмановъ! важная мнѣ птица твой Басмановъ! великая невидаль полковой воевода!«

»А зачѣмъ же ты, не свѣстяся съ нимъ, ничего не дѣлаешь?« продолжалъ тихимъ голосомъ Звенигородскій.

»Зачѣмъ?... Да чтó жъ ты съ нимъ сдѣлаешь, коли суется во всяку мелочь? По зубамъ ему не дашь! Вишь, чортъ бы его взялъ, непосидячій онъ какой: мы ѣще спимъ, а онъ ужъ всѣ уголки въ крѣпости обнюхаетъ. Давно ли здѣсь, а ужъ всякій человѣкъ ему вѣдомъ; безъ распросу и крысы не пропуститъ.«

»Ну, такъ и не мѣшай ему, Алексѣй Романовичъ«, сказалъ, съ хитрою улыбкою, Звенигородскій; »отошли къ нему молодца, да завер-

немъ-ка въ мою лачугу. Мнѣ Берендѣй прислалъ на дняхъ славной наливки: посмотримъ, гладко ли дно въ моихъ дѣдовскихъ кубкахъ.«

»Нѣтъ, молодца я припрячу, а Басманову пошлю сказать.... Эй!«

На этотъ зовъ явилось изъ-за его спины нѣсколько недѣльщиковъ, такъ какъ было извѣстно, что онъ не можетъ оглянуться, и сердитый воевода готовъ уже былъ отдать приказъ — схватить Алексѣя, но Алексѣй остановилъ его, сказавъ, что привезъ важныя вѣсти изъ Путивля къ Басманову.

»Вѣсти?« сказалъ Плещеевъ, повернушись къ нему всею шириною своей груди. »Зачѣмъ же именно Басманову? Есть и безъ него тутъ воеводы. Говори, чтó у тебя тамъ за вѣсти?«

»Мои вѣсти«, сказалъ Алексѣй, »не годятся для всѣхъ, а двумъ только воеводамъ тоже не скажу я ихъ. Я долженъ объявить свой сеунчъ передъ всѣми начальными людьми.«

»Ну, посиди же маленько«, сказалъ Плещеевъ, »пока всѣ они соберутся. Отведите его въ разбойную.«

»Послушайте, князь и вы, стрѣльцы!« сказалъ Алексѣй, отшатнувшись, чтобъ не даться въ руки недѣльщикамъ, »будьте свидѣтелями, что вотъ воевода Плещеевъ не допустилъ меня объявить мои вѣсти. Онъ одинъ будетъ въ отвѣтѣ за царское дѣло!«

Недѣльщики остановились. Плещеевъ пріутихнулъ.

»Малый-то догадливъ!« шепнулъ ему Звенигородскій. »Волей-неволей, а надо намъ его вести къ Басманову.«

»Что́ за недѣльщикъ я твоему Басманову?« началъ опять горячиться Плещеевъ, какъ-будто обрадовавшись случаю показать передъ воро́тниками, что онъ не то, чтобы тово, и что Басмановъ ему ни почемъ. Эка невидаль Басмановъ! Вольно вамъ, князьямъ, вилять хвостомъ передъ его милостью; а я двадцать лѣтъ служу здѣсь на воеводствѣ, да еще стану угождать худороднику!«

»И, Алексѣй Романовичъ!« сказалъ ему Звенигородскій голосомъ тихимъ, но который имѣлъ на его товарища магическое дѣйствіе, »что́ толковать про это! Вѣдомо дѣло, что твой родъ и заѣхалъ и переѣхалъ Басмановской (¹); да я не къ тому сказалъ. Дѣло, вишь ты, царское; всѣмъ воеводамъ надо его выслушать.«

»Ну, и выслушаемъ въ съѣзжей избѣ, а къ Басманову намъ ходить не рука.«

(¹) Терминъ мѣстничества. Многіе дворянскіе и княжескіе роды Русскіе ведутъ свое происхожденіе отъ Татарскихъ и другихъ выходцевъ, вступавшихъ въ службу Московскихъ государей. Кто вступилъ раньше, тотъ *заѣхалъ* другіе роды и имѣлъ передъ ними первенство въ служебныхъ »нарядахъ«.

»Да вѣсти-то, пожалуй, нетерпячія!« сказалъ Звенигородскій и сбилъ послѣднее упрямство съ Плещеева.

»Ты, князь, думаешь такъ?« спросилъ онъ.

»Я такъ думаю, Алексѣй Романовичъ. Знаешь Путивль?«

Тутъ Звенигородскій шепнулъ что-то очень тихо своему товарищу.

»А пожалуй!« сказалъ тотъ, значительно взглянувъ на него, то есть поворотясь къ нему грудью.

»Ну, то-то же.... Пойдемъ!«

»Нѣтъ, князь, ужъ ты меня уволь. Басмановъ пошелъ къ пушкамъ. Не терплю я этого дурацкаго снаряда. Какъ грохнетъ, такъ мнѣ и кажется, что меня дубиной треснули по шеѣ.«

Въ эту минуту раздался на другомъ концѣ крѣпости пушечный выстрѣлъ.

»Эхъ окаянную потѣху выдумалъ!« сказалъ Плещеевъ. »Тѣшится цѣлый день, словно ребенокъ. Трусишка этакой! Благо далъ царь зелейную казну — такъ думаетъ отдѣлаться грохааньемъ; а выдти въ поле, какъ хаживали мы на Татаръ, не хватитъ небось духу!«

»Вѣстимо мы безъ него лучше бы справили дѣло«, сказалъ Звенигородскій.

На это Плещеевъ отвѣчалъ только: »Эхъ!« и махнулъ рукою.

Загремѣлъ другой пушечный выстрѣлъ.

»Чтобъ его лѣшій дралъ!« сказалъ съ досадою

Плещеевъ. Веди, князь, ты самъ Однорога къ Басманову, а я, коли нужно, въ съѣзжей избѣ буду. Что́ тамъ за вѣсти? Довольно мы ужъ ихъ наслушались.«

»А наливка-то, Алексѣй Романовичъ!«

»Не уйдетъ, князь; прощай!«

»А Кречетъ-отъ и уйдетъ«, сказалъ въ полголоса Звенигородскій.

»Кречетъ? да! Ну, я ужо заверну къ тебѣ, обошедъ городъ.«

Съ этимъ воеводы разстались. Часть недѣльщиковъ пошла вслѣдъ за Плещеевымъ, а остальные отправились за Звенигородскимъ и тре́мя новоприбывшими, въ крѣпость.

Они нашли Басманова на валу, у пушки, въ толпѣ пушкарей и затинщиковъ. Онъ держалъ зажженный пальникъ и училъ пушкарей наводить орудіе. На немъ былъ соболій бугай, крытый голубымъ сукномъ, и бобровая, круглая шапка, съ голубымъ же бархатнымъ верхомъ. Самъ онъ былъ, что называется дѣтина личмя́нный, въ цвѣтѣ лѣтъ, съ густыми русыми кудрями, которыя, выходя изъ-подъ шапки, завивались вверхъ и смѣшивались съ сверкающими мягкими иглами бобровой шерсти. Только его щеголеватый нарядъ да воеводскій шестоперъ, небрежно заткнутый за поясъ, показывали въ немъ начальнаго человѣка. Пушкари и затинщики толкались вокругъ него такъ близко, онъ обращался къ нимъ съ своими

наставленіями такъ дружески, бранилъ и хвалилъ ихъ такими бойкими поговорками, такъ часто смѣялся самъ и такъ смѣло хохотали и балагурили вокругъ него другіе, что онъ казался лихимъ и любимымъ товарищемъ въ толпѣ своихъ подчиненныхъ. Между тѣмъ дѣло шло своимъ порядкомъ, и не разъ, вслѣдъ за веселою насмѣшкою, Басмановъ выхватывалъ изъ-за пояса шестоперъ и ласкалъ по спинѣ какого-нибудь неповоротливаго затинщика.

»Посмотри-ка, князь«, сказалъ онъ скороговоркою, лишь только обмѣнялся поклонами съ Звенигородскимъ, »взглянь, посмотри-ка, что́ мы сдѣлали съ Мулюхинымъ гнѣздомъ.«

Алексѣй взглянулъ сквозь порожнее отверстіе въ частоколѣ, ожидавшее еще пушки, и узналъ подъ снѣжнымъ покрываломъ Заручейскія возвышенности, соотвѣтствовавшія за́мковой горѣ, съ Мулюхинымъ дворомъ, который былъ страшно изуродованъ пушечными ядрами и картечью, и представлялъ подобіе какого-то ощетинившагося чудовища.

»А вы совѣтовали сжечь его!« продолжалъ Басмановъ. »Что́ пользы сжечь? Теперь мы на немъ бѣдово изловчились шибать ядра. Видишь, торчитъ уголъ? на немъ одномъ держится еще изба. Посмотри же, что́ съ нею будетъ!«

Съ этимъ словомъ онъ приложилъ пальникъ; пушка взревѣла, и когда дымъ разсѣялся, на мѣ-

стѣ изщепанной избы видна была только безобразная куча бревенъ, посреди которой виднѣлась печь, съ торчащею высоко трубою.

Пушкари и затинщики закричали во все горло:

»Браво, браво! слава, ай слава те, Петръ Ѳедоровичъ!«

»Ну, къ дьяволу, горлатыя вороны!« прикрикнулъ на нихъ Басмановъ.

Но всѣ смѣялись, какъ-будто онъ поблагодарилъ учтивостью за привѣтствіе.

»А?« сказалъ онъ Звенигородскому, подбоченясь лѣвой рукой, а правой рукой, въ которой былъ пальникъ, и наклоненіемъ головы показывая на развалины.

»Совѣтовали?« отвѣчалъ Звенигородскій на прежнія слова Басманова. »Кто жъ это совѣтовалъ? Меня, слава Богу, не бьетъ по шеѣ, какъ дубиной, пушечный выстрѣлъ. Да и зелейной казны я не жалѣю, какъ нашъ Алексѣй Романовичъ.«

»Да, князь, онъ черезчуръ бережливъ«, сказалъ, смѣясь, Басмановъ. »Доведись на него, такъ, я думаю, онъ бы и одного выстрѣла не сдѣлалъ по непріятелю. А?«

»Онъ говоритъ«, отвѣчалъ князь, понизивъ, вѣроятно, по привычкѣ, голосъ, хотя, все-равно, каждый его слышалъ, »онъ говоритъ, что нѣтъ на свѣтѣ лучшаго бою, какъ дубьемъ.«

Басмановъ засмѣялся.

»На себѣ извѣдалъ«, сказалъ онъ. »Слыхалъ

я, что его треснулъ по загривку Шведской мужикъ дубиною, а совсѣмъ не пушка.«

Звенигородскій отвѣчалъ также смѣхомъ и не защищалъ своего пріятеля:

»А вы чего зѣваете, медвѣжьи рыла?« сказалъ Басмановъ, обратясь къ затинщикамъ и пушкарямъ. »Поджидаете Самозванца, что̀ ли? Живо мнѣ!«

И, выхватя у одного затинщика изъ рукъ зарядъ, толкнулъ имъ зѣваку въ спину, и ловкимъ швыркомъ вогналъ зарядъ въ пушечное жерло.

»Прибирай! наводи!« говорилъ онъ, быстро повертываясь отъ одного человѣка къ другому.

Звенигородскій улучилъ эту минуту, чтобъ объявить Басманову о прибытіи изъ Путивля гонца.

»Гонецъ? гонецъ?« сказалъ Басмановъ, ища глазами. »Гдѣ онъ? Давай его сюда! Ныньче гонцы, что лѣтомъ огурцы.«

Алексѣй подошелъ, съ почтительнымъ поклономъ, къ Басманову.

Тотъ быстро окинулъ его взглядомъ и остановилъ его на лицѣ молодаго человѣка долѣе, нежели до сихъ поръ на чемъ-нибудь останавливалъ. Движенія, взгляды и слова его какъ-будто спорили другъ съ другомъ въ проворствѣ.

»Откуда? съ чѣмъ?« спросилъ онъ отрывисто.

»Дозволь мнѣ, государь воевода«, сказалъ Алексѣй, »объявить тебѣ сперва, что мое имя Алексѣй Однорогъ.«

Басма́новъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

»Откуда жъ это ты, батюшка, взялся?« сказалъ онъ. »Какъ очутился ты въ Путивлѣ на службѣ?«

»Я не на службѣ покамѣсть, я былъ у батюшки.«

»Вправду? что́жь ты мнѣ скажешь?«

»Ничего больше, кромѣ охоты служить царю подъ твоей рукой.«

»Ой ли? а батюшка-то твой?«

»Батюшка мой служитъ царю изъ послѣдняго, что́ у него осталось.«

»Служитъ, говоришь ты, царю? развѣ которому другому, а не Московскому? У насъ про него ходятъ недобрыя вѣсти. Онъ у насъ въ измѣнникахъ.«

»Я не отъ перваго отъ тебя это слышу, государь воевода. Злые люди знаютъ, видно, зачѣмъ распускаютъ такую молву. А онъ вотъ какой измѣнникъ своему государю.«

Тутъ Алексѣй разсказалъ Басманову все, что́ намъ уже извѣстно о Перебоищѣ.

»Вѣрю!« вскричалъ Басмановъ, взглянувъ на Звенигородскаго. »Вѣрю, князь, ему на честное слово, хоть ты мнѣ что́ ни расписывай. Да, таковъ Русской бояринъ, кто по правдѣ, по совѣсти носитъ это званіе, таковъ царской прямой слуга! И если кому этакую штуку выкинуть, то всего скорѣе старику Однорогу. Обними, братъ,

меня, Алексѣй Николаевичъ! Я тебѣ вѣрю душою!«

»Ты опять на меня безъ вины вину сворачиваешь, Петръ Ѳедоровичъ«, сказалъ Звенигородскій. »Вѣдь это говорилъ мнѣ Алексѣй Романовичъ, а онъ слыхалъ отъ Берендѣя.«

»Что-то онъ больно друженъ съ Берендѣемъ!« сказалъ Басмановъ. »Кабы еще не прикинуться ему въ болѣзнь по-Берендѣевски!«

»А это что́ за человѣкъ?« спросилъ онъ, замѣтивъ, что одинъ изъ спутниковъ Алексѣя, съ осторожными тѣлодвиженіями, пробирается назадъ, держась такъ, чтобы его не было видно Басманову за плечами Звенигордскаго.

»Это посланецъ Берендѣевъ«, сказалъ, оглянувшись, Звенигородскій.

»Э! подавайте-ка его сюды!«

Кречетъ былъ вытолканъ изъ толпы недѣльщиковъ впередъ.

»Зачѣмъ ты, голубчикъ?« спросилъ его Басмановъ, по-видимому, ласково, но такимъ тономъ, отъ котораго тотъ поблѣднѣлъ.

Однакожъ, собравшись съ духомъ, онъ разсказалъ Басманову, какъ вечоръ пріѣзжалъ Алексѣй Однорогъ къ его боярину и какъ въ ночь изчезла, неизвѣстно куда, сѣнная дѣвушка.«

Алексѣй хотѣлъ было оправдываться, но Басмановъ не далъ ему говорить.

»Всему этому должна быть такая жъ правда«,

сказалъ онъ, »какъ и приметная болѣзнь Берендѣева. Сыну боярина Однорога своровать сѣнную дѣвку у Берендѣя! Чтó за безсмыслица? Да я скорѣй повѣрю, что у медвѣдя забрали овцу передъ его рыломъ. Тутъ должна быть какая-то лисья уловка! И чего онъ хотѣлъ отъ меня, взводя на тебя этакую глупую вину? Повѣшу ли я тебя безъ суда, безъ расправы, за такую-то дѣвчонку мимо царской воли, чтó ли? Видно, ему этого впрямь хотѣлось: затѣмъ и твой батюшка у него въ измѣнникахъ. Я вѣдь знаю, что у нихъ было рукобитье, и вотъ онъ какъ хочетъ увильнуть, нечестивецъ! Да погоди!«

»Прикажи, осударь воевода«, сказалъ Кречетъ, »доложить боярину, чтобъ онъ самъ къ тебѣ пожаловалъ.«

»Прикажемъ, прикажемъ, голубчикъ, а ты поди-ка сперва на исповѣдь въ застѣнокъ. Мы изъ тебя повыжмемъ крамольной сокъ, — разскажешь ты намъ, какъ это вдругъ обмогся твой бояринъ послѣ болѣзни и зачѣмъ не переѣзжаетъ онъ въ осадный дворъ.«

Кречетъ онѣмѣлъ отъ ужаса, и недѣльщики, по знаку Басманову, увели его.

»Я самъ догадывался«, сказалъ таинственно князь Звенигородскій, »что Берендѣй боленъ нарочитымъ дѣломъ....«

»Однакожъ не сказалъ до сихъ поръ ни слова!« перебилъ его Басмановъ.

»А какъ бы вышла неправда! а Берендѣй вѣдь силенъ на Москвѣ. Я съ своимъ княжествомъ нескоро дослужусь у царя такой милости.«

»Царю, князь, всего нужнѣе прямота«, сказалъ Басмановъ. »Прями ему душой и сердцемъ, такъ и безъ княжества выѣдешь въ бояре.«

»Ну, братъ, спасибо!« обратился онъ къ Алексѣю, »спасибо, что подоспѣлъ ко мнѣ кстати! Вѣдь ты, я думаю, лихо насобачился ворочать этими игрушками. Ну-ка, наведи мнѣ эту старую чугунную дуру какъ разъ въ Мулюхину трубу!«

Алексѣй въ одну минуту прицѣлился. Басмановъ приложилъ пальникъ; загремѣлъ выстрѣлъ, и ядро раздробило въ щебень послѣдній остатокъ Мулюхина гнѣзда.

Басмановъ еще разъ обнялъ Алексѣя.

»Ну, братъ, не горюй«, сказалъ онъ: »снимемъ мы съ твоего батюшки опалу. Сегодня я отправлю на Москву гонца и распишу царю про его вѣрность. Теперь это диковинка; увидишь, если царь не нарядитъ его воеводою. Пойдемъ ко мнѣ. Я еще не завтракалъ, да и ты, пожалуй, тоже. Я занялъ для себя домъ, которому ты будешь въ свое время хозяиномъ.«

»Это какъ же такъ?« спросилъ Алексѣй.

»Такъ, что мы высватаемъ за тебя Берендѣеву Парашу, пускай онъ себѣ хоть лопнетъ.«

»Да вѣдь она въ монастырѣ?«

»Знаю; въ монастырѣ, да не въ монахиняхъ.«

»Въ самомъ ли дѣлѣ?« воскликнулъ обрадованный Алексѣй.

»Положись на меня: мои вѣстовщики тоже чего-нибудь стóятъ. Берендѣй — измѣнникъ, это вѣрно. Онъ только поджидаетъ Самозванца, чтобъ отдаться ему со всѣми животами. Затѣмъ и дочку тайно спровадилъ въ монастырь. Бродяга лакомъ, говорятъ, къ женскому полу, а совѣсть у него собачья! Не кручинься, все будетъ по-нашему. — Князь«, обратился Басмановъ къ Звенигородскому, »не хочешь ли съ нами? только наряди сперва гонца о-дву-конь къ Берендѣю, и пускай ему скажетъ, что если Берендѣй не будетъ здѣсь къ полудню, то я сдѣлаю съ его дворомъ то, что́ съ Мулюхинымъ. Сколько еще разъ биричамъ кликать въ осаду? Догадываюсь я, кого онъ поджидаетъ, да меня не проведетъ своимъ лицедѣйствомъ. Или чтобъ здѣсь былъ, или долой личину!«

ГЛАВА XVI.

Осадный домъ Берендѣя въ крѣпости состоялъ изъ двухъ избъ, одна противъ другой черезъ сѣни. Басмановъ уступилъ Алексѣю ту, которая назначалась для женщинъ. Значительная часть этого обиталища занята была широкою изразцовою печкою, позади которой печной строитель оставилъ пространство въ нѣсколько аршинъ, съ благимъ намѣреніемъ доставить успокоеніе старымъ костямъ какой-нибудь няни.

Алексѣй больше всего остался доволенъ этимъ уголкомъ, надѣясь угомонить имъ хоть на время Добрыню, который, надо сказать правду, крѣпко надоѣлъ ему, какъ надоѣдаетъ охотнику вѣрная, но худо воспитанная собака.

Дѣйствительно, Добрыня облизался, когда ему показали это убѣжище, и такъ какъ воеводскіе конюхи взяли на себя попеченіе о лошадяхъ, то онъ втащилъ въ запечекъ куль соломы, раздѣл-

ся, разулся и расположился здѣсь на житье со всевозможнымъ удобствомъ.

Чтó касается до самого Алексѣя, тó чувства его похожи были на тѣ, какія испытываетъ спасенный отъ потопленія, или тотъ, кто былъ сбитъ съ дороги, измученъ, повергнутъ въ отчаяніе мятелью и вдругъ очутился въ знакомомъ, радушномъ, ласкающемъ семействѣ.

Освободясь, въ отведенной ему квартирѣ, отъ тулупа и большихъ дорожныхъ сапоговъ, онъ расправилъ свои скомканныя кудри и поспѣшилъ къ Басманову на завтракъ. Но не завтракъ у него былъ на душѣ; ему хотѣлось поскорѣе видѣть гонца, отправленнаго въ Москву съ похвальнымъ отзывомъ объ отцѣ его. Лишь только съѣли они по мискѣ соленой рыбы, отваренной въ тертомъ горохѣ, и каждый запилъ это нехитро приготовленное блюдо добрымъ ковшомъ наливки изъ Сѣверскаго терну, Алексѣй заговорилъ объ этомъ предметѣ.

»Чтобъ потѣшить твою душеньку«, сказалъ, глядя на него весело, Басмановъ, »я, пожалуй, тотчасъ отправлю гонца. Листъ у меня готовъ: остается только приписать про твоего батюшку и про тебя. Носили, братъ, и мы длинные волосы (¹): мнѣ ли не знать, чтó у тебя теперь на душѣ?«

(¹) Опальные, въ знакъ сокрушенія своего о царской немилости, не стригли волосъ на головѣ.

Алексѣй поблагодарилъ Басманова еще разъ за участіе и спросилъ, какимъ образомъ гонецъ можетъ добраться до Москвы, если всѣ дороги заграждены мятежническими заставами?

»Клинъ клиномъ выбиваютъ«, отвѣчалъ Басмановъ. »Я выберу изъ осадныхъ людей пару висѣльниковъ, у которыхъ только и мысли, что про царевича Димитрія, какъ они зовутъ этого Литовскаго вора. Свои нигдѣ ихъ не задержатъ.... Эй, недѣльщикъ! послать ко мнѣ Кирюшку Миронова да Ваську Тупика.«

»Какъ!« сказалъ съ удивленіемъ Алексѣй, »неужто у тебя, Петръ Өедоровичъ, въ самомъ замкѣ есть явные измѣнники?«

»Ого, братъ! А ты небось считалъ весь этотъ сбродъ вѣрными царскими слугами? Да коли молвить правду, такъ и самъ здѣшній осадный воевода съ товарищемъ больно пошатнулись на бокъ. Я вижу, да только молчу.«

»Какъ же ты, Петръ Өедоровичъ, не сомнѣваешься съ этакими баламутами сидѣть въ осадѣ? Вѣдь это все равно, что сидѣть на кучѣ пороху, въ который воткнута свѣча.«

»Вѣстимо все равно; да чего мнѣ сомнѣваться то, коли я не дамъ пороху вспыхнуть!«

»А какимъ способомъ ты не дашь? дозволь спросить.«

»А вотъ какимъ. Со мной пришло пятьсотъ стрѣльцовъ, молодецъ къ молодцу. Ребята, скажу

тебѣ, бѣдовые; вѣрны мнѣ, какъ родные братья; спятъ чутко, смотрятъ зорко, стрѣляютъ мѣтко, смекаютъ шибко. Сѣверяне видятъ это и ходятъ у меня, что медвѣди на цѣпи, — ревутъ, да лапамъ воли дать не смѣютъ. Я безъ обиняковъ объявилъ имъ на первыхъ же порахъ, что шатость Новгородскую я знаю и въ пень вырублю всѣхъ, чуть только будетъ у нихъ какая воровская затѣя.«

»Хорошо«, сказалъ Алексѣй, »въ осадѣ они сидѣть будутъ, а выведи ихъ поле, такъ и передадутся.«

»Знаю, братъ, я«, отвѣчалъ Басмановъ, »кого вывести въ поле, кого нѣтъ. Выведу только тѣхъ, у кого жены да дѣти сидятъ въ осадѣ, а бобыли будутъ у меня метать камни, ворочать колоды и дѣлать валовое дѣло не хуже моихъ Московскихъ стрѣльцовъ. Ты скажешь, можетъ быть, что безъ этой сволочи было бы въ осадѣ намъ надежнѣе?«

»Нѣтъ, я этого не скажу«, отвѣчалъ Алексѣй.

»А зачѣмъ?«

»Затѣмъ, что тебѣ, опричь рати, нужны для тяжкой работы дѣловцы. Накатывать колоды, шибать каменья, таскать землю, чинить частоколъ: это на нихъ ты свалишь; а стрѣльцы-то у тебя будутъ завсегда свѣжи, не утомлены. Бой-то будетъ исправнѣе.«

»Умно, братъ! разумѣешь дѣло«, сказалъ Басмановъ. »А, вотъ и нужные намъ люди.«

»Здорово, здорово, сорванцы!« сказалъ онъ въ отвѣтъ на низкіе поклоны двухъ рослыхъ козаковъ, вошедшихъ въ избу. »Ну, что́ вы мнѣ скажете, если я наряжу васъ съ сеунчемъ въ Москву?«

»Довеземъ, батюшка воевода«, отвѣчалъ, взглянувъ на своего товарища, старшій изъ нихъ, которому, на видъ, было лѣтъ подъ сорокъ.

»А хочется вамъ на свѣжій вѣтеръ?«

»Коли отпустишь, батюшка, такъ погуляемъ«, отвѣчалъ, ухмыляясь, младшій.

»Соскучились небось безъ Мулюхи?«

»Что́ Мулюха передъ тобой, осударь воевода?« сказалъ старшій. »Лучшаго намъ вожа и не надо бы.«

»Эко, сорви-головы! Я же чѣмъ вамъ полюбился?«

»Всѣмъ, батюшка: и умомъ, и разумомъ, и обычаемъ«, сказалъ одинъ.

»За тобой«, прибавилъ другой, »мы бы полѣзли не то въ огонь, да хо́ть бы въ прорубь.«

»Такъ зачѣмъ же вы, разбойники, не прямите царю вѣрою и правдою?«

»Эхъ, Петръ Ѳедоровичъ! что́ воевать противъ природнаго осударя?« сказалъ одинъ.

»Дѣло трудное!« прибавилъ другой: »и рука не подымается, и сердце не ворохнется.«

»Ахъ, вы висѣльники!« воскликнулъ Басмановъ; »да какъ вы смѣете мнѣ это сказать? Аль

позабыли, съ кѣмъ говорите? Я вамъ сейчасъ по петлѣ на шею!«

»Всѣхъ, батюшка не перевѣшаешь«, отвѣчалъ спокойно старшій козакъ.

»Не перевѣшаешь всѣхъ, кто прямитъ природному осударю«, подкрѣпилъ младшій.

»Смотри, братъ, какая дерзость у этихъ волковъ!« сказалъ Басмановъ, обращаясь къ Алексѣю, и въ его голосѣ и взглядѣ замѣтно было невольное сочувствіе отвагѣ этихъ разгильдяевъ.

»Удивляюсь, батюшка Петръ Ѳедоровичъ«, отвѣчалъ съ негодованіемъ Алексѣй, »какъ ты позволяешь передъ собою говорить этакія воровскія рѣчи!«

»А что́ было бы проку, когда бъ я зажималъ имъ рты?«

»Другимъ не давали бы повады.«

»Нѣтъ, братъ Алексѣй Николаевичъ, не знаешь ты Сѣверскаго севрюка. Онъ тѣмъ злѣе, чѣмъ крѣпче взнузданъ. Души ты имъ не перестроишь, не отобьешь у нихъ охоты къ поживѣ (иные изъ того и стоятъ за Самозванца, чтобъ половить въ мутной водѣ рыбы), не отобьешь охоты воротиться въ Москву (многимъ только для этого и нуженъ природной осударь), а наконецъ чѣмъ ты разувѣришь сумазбродовъ (а такихъ всего больше), которые думаютъ, будто затѣмъ былъ и моръ и голодъ, что на государствѣ сидитъ не прирожденный царь? Вотъ какъ придетъ изъ Брян-

ска рать да разсѣетъ весь этотъ сбродъ, какъ полову, вмѣстѣ съ ихъ царевичемъ, такъ по неволѣ образумятся; а теперь что́ попусту тратить пеньку на петли? Онъ правду говоритъ, что всѣхъ не перевѣшать.«

»Но ради царскаго величества не пригоже воеводѣ выслушивать отъ крамольниковъ смѣлыя воровскія рѣчи«, сказалъ Алексѣй.

»Царское величество, братъ, велико силою«, отвѣчалъ Басмановъ. »Дай намъ задавить этого змѣя, этого природнаго ихъ осударя, такъ ты увидишь, какъ оно возсіяетъ даже и въ Сѣверскихъ трущобахъ. А теперь надо стараться объ одной пользѣ.«

»Что́ же за польза, Петръ Ѳедоровичъ, въ твоей поблажкѣ? дозволь спросить.«

»Та, что мы другъ друга не душимъ за горло.«

»Какъ это? Не понимаю.«

»А вотъ какъ. Начни я сажать въ тюрьму да пытать всякаго болтуна, то и не оберешься ихъ, что репейныхъ шишекъ на кафтанѣ. Одного бы я повѣсилъ, другого изувѣчилъ, — надполовинилъ бы вокругъ себя людей, потомъ разбила бы наша рать, поймала, истребила Самозванца, все стало бы тишь да гладь, а *Игорева полку не крѣсити:* не воскресилъ бы и самъ царь Борисъ Ѳедоровичъ тогда этихъ дураковъ. У нихъ пошатнулась голова, у нихъ воровскіе замыслы, — это такъ;

но всё же Господь создалъ ихъ не для бойни.
Такъ, что ли?«

Алексѣй молчалъ, пораженный спокойнымъ и даже веселымъ взглядомъ Басманова на вещи, отъ которыхъ у всякаго сжималось сердце.

»Но это еще не все«, продолжалъ воевода: »подумай еще о томъ, что этотъ же самый сумасбродный народъ, который теперь лягается, какъ дикій конь, послѣ станетъ служить службу тому же царю, отъ котораго теперь заслуживаетъ казнь.... Ты что-то хочешь сказать? говори.«

»Хороши твои мысли, Петръ Өедоровичъ«, сказалъ Алексѣй, »только больно далеко хватаютъ.«

Басмановъ засмѣялся.

»Вижу, вижу, братъ: у тебя на языкѣ пословица: *За версту блоху бьетъ, а подъ носомъ медвѣдь реветъ*. Такъ, чтó ли?«

»Коли не во гнѣвъ тебѣ, такъ пусть будетъ и такъ.«

»Ничто, братецъ любезный, мнѣ не во гнѣвъ, коли сказано прямо, отъ души. Пуще всего не терплю кривизны. А про *медвѣдя подъ носомъ* вотъ тебѣ рѣчь моя. Мишка безъ нужды на дыбы не встанетъ, а задѣнь его за живое, растормоши его, — тогда береги голову.«

»Другими словами....« сказалъ Алексѣй.

»Другими словами это будетъ вотъ чтó: баламуты мои, изъ которыхъ вотъ передъ тобой два неплохіе обращика, сидятъ со мной точно за шах-

матной доской.... Вмѣсто того, чтобы рѣзаться, мы только зорко смотримъ одинъ за другимъ, и ждемъ, чтó намъ пошлетъ судьба. Отчего? оттого, что я играю въ открытую. Покамѣсть, мнѣ везетъ, а чтó впередъ будетъ, знаетъ одинъ Господь. Они даютъ себѣ право крамольничать: какъ же не дать мнѣ права прямить государю? Есть у нихъ ко мнѣ зависть, да не злоба.«

»И зависти, батюшка воевода, нѣтъ«, вмѣшалъ въ разговоръ старшій козакъ. »Чему намъ завидовать? Черниговъ нашъ, Путивльщина наша, все кругомъ Новгородка наше; будетъ нашъ и Новгородокъ: плетью обуха не перешибешь.«

»Видишь?« сказалъ съ улыбкой Басмановъ Алексѣю. »Эта увѣренность, что вся земля поклонится Самозванцу избавляетъ меня отъ труда гасить бунты. Я даже думаю, что эти ухорѣзы и меня верстаютъ измѣнникомъ; они думаютъ, что я хочу только набить себѣ вѣрностью цѣну, а потомъ и отдаться природному ихъ государю.«

Алексѣй посмотрѣлъ пристально на Басманова, какъ-будто стараясь прочесть въ глубинѣ его голубыхъ глазъ то, чтó было скрыто и отъ самого его въ эту минуту.

Оба козака между тѣмъ переглянулись съ такимъ видомъ, точно говорили другъ другу: »На нашей онъ, на нашей сторонѣ!«

Басмановъ подмигнулъ Алексѣю и продолжалъ:

»А, говорятъ, молодецъ этотъ природный ихъ

государь-то. Сажень росту, пядень во лбу, аршинъ въ плечахъ, кулакъ въ человѣчью голову; отвага рѣдкая. Разъ встрѣтился онъ глазъ на глазъ съ лѣсничимъ мишкою. Мишка за дубокъ, а онъ за другой; вырвалъ съ корнемъ, и пошла потѣха; поднялся стукъ, что отъ сотни молотниковъ на току. Чтó же? распласталъ вѣдь мишку, какъ окуня. Признаюсь, жаль, что онъ обманщикъ, а будь онъ прямой царевичъ, послужилъ бы я ему вѣрою и правдою.«

Нужно было видѣть, чтó дѣлалось въ это время съ козаками. Они не ловили, а пожирали слова Басманова.

»Эхъ, Петръ Ѳедоровичъ! золотая головушка!« сказалъ старшій изъ нихъ, »и намъ тоже жаль, что ты не вѣришь нашему царевичу; а вѣрилъ бы ты ему, то были бъ мы при тебѣ, какъ одна рука, всѣ до единаго.«

»Не понимаю«, сказалъ Алексѣй, »чтó за мысль у тебя, Петръ Ѳедоровичъ, посылать къ государю съ сеунчемъ такихъ отъявленныхъ измѣнниковъ.«

»Какъ не понимаешь? да не говорилъ ли ты самъ, что всѣ дороги переняты Мулюхинцами? Чтó жъ, мнѣ сотню стрѣльцовъ отрядить, чтó ли? Да и сотня врядъ ли проберется теперь въ Москву; а эта пара лѣсныхъ вороновъ будетъ какъ разъ тамъ.«

»Соглашаюсь, что будетъ, коли захочетъ; а

какъ не захочетъ? Да и съ чего бы имъ желать доставлять царю сеунчъ про Сѣверскія шатости?«

»А вотъ пускай они сами тебѣ это скажутъ. Ну-ка, ты, Кирюшка Мироновъ, отвѣчай за меня. Чѣмъ ты завѣришь насъ, что посылка моя будетъ въ Москвѣ?«

»Да чѣмъ же?« отвѣчалъ тотъ усмѣхнувшись: »вѣстника царь безъ своего жалованья не оставитъ.«

»А еще?«

»А еще?... Сказать тебѣ правду, что́ ли?«

»Да зачѣмъ же ее таить, коли она у тебя, разбойника, на лбу написана?«

»Ну, такъ еще тѣмъ завѣримъ твою воеводскую милость, что свеземъ на Москву вѣсточку отъ Парфиля Яковлевича.«

»Видишь?« сказалъ, смѣясь, Басмановъ: »мошенники радешеньки случаю безъ боязни явиться въ Москвѣ и свѣститься съ тамошними крамольниками. Тамъ тоже не безъ нихъ.«

»И ты, Петръ Ѳедоровичъ, способствуешь этакой воровской перемолвкѣ?«

»А безъ меня нѣчто ея не было бы? Нѣтъ, братъ, ты не такъ смотришь на дѣла, какъ они есть. Я радъ, не меньше Мулюхи, что есть мнѣ вѣрный случай просить государя о скорой подмогѣ. Онъ думаетъ пожалуй, что здѣсь вся земля ему покорена. Уму непостижимо, чтобъ этакъ опрокинулись къ верху дномъ всѣ головы, какъ

здѣсь. Пускай же на Москвѣ знаютъ про это да скорѣе шлютъ намъ на выручку Брянскую рать.«

»Эка, чудеса ты мнѣ открываешь, Петръ Ѳедоровичъ!« сказалъ, дивуясь, Алексѣй. »Не возьму въ толкъ, какъ могутъ измѣнники доставить царю просьбу о выручкѣ? Не все ли это для нихъ равно, что накликать себѣ обухъ на голову?«

»То-то и дѣло, что не все равно. Они ея, Брянской-то рати, не боятся.«

»Какъ не боятся?« спросилъ Алексѣй.

»И въ усъ не дуютъ разбойники«, отвѣчалъ Басмановъ. »Ты еще не знаешь, что̀ такое бунтовщики. Это народъ пьяный, которому, какъ говорится, море по колѣни. Видалъ ты когда-нибудь, какъ раззадорятъ осиное гнѣздо? Бей, дави, жги огнемъ — не успокоится, пока не передушишь всѣхъ. Такъ и здѣсь: говори теперь имъ о царской рати, о пушкахъ, о висѣльницахъ, о чемъ хочешь — все это будетъ что горохомъ объ стѣну. Тогда только опомнятся, какъ рыкнутъ чугунныя жерла противъ самого ихъ рыла. Да вотъ лучше всего послушаемъ, что̀ скажутъ эти ухорѣзы про Брянскую рать. Ну, говори кто-нибудь.«

»Что̀ говорить?« отвѣчалъ одинъ изъ козаковъ. »Ужъ коли написано у Бога на небесахъ сидѣть на государствѣ царевичу Дмитрею, такъ и чугунъ и мѣдь растаютъ льдомъ. Стрѣляй изъ пушки — пушка те въ куски разлетится, и рука приростетъ къ самопалу.«

»Охъ, вы, чортова сыть!« воскликнулъ Басмановъ, какъ-будто сердясь и какъ-будто въ шутку. »Знаю я, что́ у васъ на умѣ: вы думаете—царская рать прошпигована такими же бестіями, какъ и вы? хоругви склонитъ? рукъ не подниметъ? Чорта съ два этого дождетесь! Есть тамъ довольно Берендѣевъ и Мулюхъ, да есть надъ ними и Мстиславской.«

Мятежники, въ отвѣтъ на эту рѣчь, усмѣхнулись.

»Что́ съ этими чертями толковать?« сказалъ Басмановъ, махнувъ рукой. »Сѣдлайте, канальи, коней да, глядите, живо мнѣ доставить листъ на Москву!«

»Не замѣшкаемся, вбо́рзѣ доставимъ, осударь воевода!« отвѣчали измѣнники съ поклономъ, какъ-будто люди путные, и ушли изъ избы.

»Что́ жъ, они и назадъ къ тебѣ воротятся?« спросилъ Алексѣй, не переставая дивиться страннымъ отношеніямъ Басманова къ этимъ людямъ.

»О, нѣтъ«, отвѣчалъ онъ, принимаясь писать на колѣнѣ донесеніе объ Однорогахъ. »Да я и самъ этого не хочу. Этакъ, пожалуй, они свѣстятся съ осадными да попробуютъ вдругорядь съиграть съ за́мкомъ Мулюхинскую штуку. Въ ту ночь вѣдь за малымъ острожокъ не попалъ въ ихъ руки.«

Едва Басмановъ кончилъ донесеніе и отправилъ съ нимъ странныхъ своихъ посланцевъ,

какъ пришли доложить ему, что воротились изъ Чернигова два полчанника.

»Тотъ-часъ ко мнѣ ихъ!« сказалъ Басмановъ. »Ай да молодцы! — Каковы у меня хваты полчане!« обратился онъ къ Алексѣю: »обернулись волками, вмѣшались въ дикую стаю — просто сказать, прикинулись измѣнниками, и вотъ несутъ мнѣ вѣсти про Самозванца. Рѣзвые ребята! Посмотримъ, что̀ тамъ за птица этотъ Самозванецъ. Да вотъ и они. Ну что̀, братцы?«

Донесеніе стрѣльцовъ было нерадостно. Самозванецъ пришелъ къ Чернигову только съ двумя тысячами Польскихъ гультаевъ да двумя тысячами Донцовъ, а теперь у него болѣе десяти тысячъ народа. Не говоря о Черниговскихъ и Моравскихъ посадскихъ людяхъ и городовыхъ козакахъ, вся Сѣверская вольница скопилась вокругъ него. Все, что̀ бродило по лѣсамъ и байракамъ между Клевенью, Десною и Днѣпромъ, все, что̀ таилось подъ видомъ подсосѣдниковъ и захребетниковъ по крестьянскимъ избамъ, — вся эта *дичь*, какъ называли тогда лѣсныхъ бродягъ, дождалась наконецъ себѣ атамана, подъ знаменами котораго могла смѣло проникнуть въ недоступныя доселѣ ей мѣста государства. Войско его умножается безпрестанно вновь прибывающими толпами. Онъ забралъ Черниговскія и Моравскія пушки, и уже недалеко отъ Новгородка-Сѣверскаго.

»Ахъ-ти мнѣ!« сказалъ Басмановъ сдѣлавши

бабью гримасу: »Головушка моя побѣдная! а у меня всего въ рѣшетѣ пятьсотъ цыплятъ съ самопалами. Куда дѣваться намъ отъ этого ястреба?«

Стрѣльцы, пришедшіе по-видимому, въ робость отъ собственнаго донесенія, теперь разсмѣялись.

»Ну, разскажите же намъ«, продолжалъ Басмановъ, »каково снаряжена эта дичь?«

»Ужь про снарядъ, осударь воевода«, отвѣчалъ одинъ изъ стрѣльцовъ, »хоть и не спрашивай. Пищали врядъ ли раскинешь по одной на сотню; вмѣсто сабель, ножи всё Мулюхинскаго, говорятъ, рукодѣлья, да еще торчатъ сямъ-тамъ рогатины; а протазанъ за диковинку.«

»А Поляки-то, Куземушка?« замѣтилъ разскащику другой стрѣлецъ, »а Донцы?«

Разскащикъ смутился на мгновеніе, но, взглянувъ на Басманова, какъ-будто вдругъ загорѣлся отъ него смѣлостью и отвѣчалъ:

»Пожалуй, что у Поляковъ есть и самопалы Шведскіе, и сабли Турецкія, и дѣдовскіе тяжелые чеканы; иной обвѣшанъ снарядомъ и блеститъ словно рыба кольчугою, — да что это за Поляки!«

»А что́ же?« нетерпѣливо спросилъ Басмановъ.

»Пьяницы, раки въ скорлупѣ. Я потолкался довольно въ ихъ ротахъ; баялъ имъ басни про твою воеводскую милость, а тѣмъ временемъ ощупалъ, что́ это за товаръ въ желѣзной оковкѣ.

Дрянной товаръ, гниль непутная въ Польшѣ, — истинно такъ.«

»Но ихъ ведетъ вѣдь Сендомирскій воевода? Король нѣчто послалъ бы его съ гнилью?«

»Э-э! король только и дѣла сдѣлалъ, что зажмурилъ глаза: дѣлайте что̀ хотите. И войска короннаго Сапѣга Сендомирскому не далъ.«

»А какое жъ это войско?« спросилъ Басмановъ.

»Я говорю, что пьяницы. Кликнулъ Сендомирскій кличъ по королевскимъ кружаламъ: »Кто со »мной на поживу, на добычу?« Кабацкія головы и обозвались: *пуйдземъ воёвацъ Москáля!* Жалованье платятъ, виномъ поятъ, — воля у нихъ всякому своя: вотъ и собралось роты двѣ-три крикуновъ. На видъ какъ-будто и путные люди: усы длинные, носы красные, брюхи толстыя; горланятъ громко, за ендовою самъ Илья Муромецъ имъ не братъ, ато нѐ въ счетъ, что съ пьянства дрожатъ у всякаго руки; не въ счетъ и то, что иной садится на коня спиною къ головѣ, рожей къ хвосту.«

»Ну, а Донцы?«

»Донцы? что̀ же такое Донцы? Вѣдь это тѣ же севрюки и холопи. Не взлюбили господской службы да повинностей, пошли самодурью въ молодечество, вотъ и Донцы. Ратное дѣло имъ не за обычай, и не та у нихъ думка, чтобъ стоять супротивъ царской рати; имъ бы только пограбить боярскіе дворы да убраться въ свою берлогу со-

сать лапу. Иной похваляется отмстить какому ни есть обидчику за правежъ, аль за тюрьму; только старые злобствуютъ на царя на Бориса Өедоровича, да ихъ не больно густо.«

»Но всё же народъ, небось, конный и оружный?«

»Вѣстимо, осударь воевода, не приравнять къ Сѣверской дичи. Только въ полѣ разсѣемъ мы ихъ самопалами, какъ полову. Пусть только придетъ Брянская рать.«

»Ладно, братъ«, сказалъ Басмановъ. »Стало быть, Самозванецъ всего больше надѣется на мірскую шатость?«

»Истинно, осударь Петръ Өедоровичъ«, отвѣчалъ стрѣлецъ. »И про тебя Ляхи поговариваютъ, что сдашь церевичу Новгородокъ по первому кличу, что не придется-дескать имъ и сабель попробовать объ Московскія кости.«

»Научу я ихъ со мной аукаться!« сказалъ запальчиво Басмановъ, но въ ту жъ минуту продолжалъ съ обыкновенною своей веселостью: »Эко чортово сборище! кабацкая дружина! Ну, видѣли вы самого вора Самозванца?«

»Видѣли: дѣтина дюжій, плечистой.«

»Гдѣ вы его оставили?«

»На походѣ; онъ остановился въ Городнѣ пировать свадьбу лѣсного воеводы.«

»Что́ за лѣсной воевода?«

»Другой такой, какъ Мулюха. Мулюху зовутъ

Новгородскимъ лѣснымъ воеводою, а Протазанова — Черниговскимъ.

»Да на комъ же онъ женится?«

»Да, говорятъ, на дочери боярина Берендѣя.«

»Что́ за дьявольщина!« воскликнулъ Басмановъ. »Какъ же это Берендѣй далъ себя одурачить пьяницѣ, мотыгѣ Московскому?«

Алексѣй сообщилъ ему въ полъ-голоса свою догадку.

Басмановъ покатился со смѣху.

Между тѣмъ гонецъ спокойно докладывалъ:

»Говорятъ, Протазановъ укралъ боярышню.«

»Молодецъ Берендѣй, нечего сказать!« говорилъ пересмѣявшись Басмановъ. »Ну, и Самозванецъ принялъ за благо воровство Протазанова?« спросилъ онъ у стрѣльца.

»Онъ все принимаетъ за благо«, отвѣчалъ стрѣлецъ: »воля у него всѣмъ такая, что у́мирать не надо. Повстрѣчала рать Протазанова съ молодой женой въ каптанѣ (¹). Кругомъ каптана вершники. Князь Та̀тевъ, воевода-то Черни́говскій, въ большой милости теперь у Самозванца; напалъ было съ грозой на Протазанова: какъ, дескать, смѣлъ съѣхать безъ осударева позволенія съ Чернигова; а Самозванецъ разсмѣялся, какъ узналъ, что Протазановъ своровалъ себѣ жонку, и назвалъ Протазанова хватомъ. Сдѣлали роздыхъ въ

(¹) Такъ назывались зимнія повозки.

Городнѣ и заварили пиръ горою. Мы тутъ и убрались впередъ. Вотъ тебѣ, осударь воевода, и всѣ наши рѣчи.«

»Спасибо, братцы!« сказалъ Басмановъ; »молодцами извернулись. Теперь подите отдыхайте: скоро будетъ всѣмъ намъ работа. — Ну, братъ, Алексѣй Николаичъ«, сказалъ онъ, оставшись съ нимъ наединѣ, »твое, знать, отъ тебя не уйдетъ; а между тѣмъ принарядимъ тебя къ свадьбѣ милостью царскою. Ты, кажись, былъ въ стольникахъ? Поработай-ка мнѣ въ осадѣ: не буду я Басмановъ, коли не махнешь въ окольничіе. Чѣмъ же тебя нарядить въ моемъ полку? Вотъ чѣмъ: у меня здѣсь въ людскихъ посмѣнно живетъ сотня стрѣльцовъ; ты будь имъ старшимъ головою. Половина должна быть всякую минуту наготовѣ къ бою, днемъ и ночью. За этимъ смотри крѣпко. Почасту вели ударять въ набатъ, выводи въ порядкѣ на улицу и опять назадъ, чтобы тревога имъ была за обычай. Богъ знаетъ, ка́къ намъ придется здѣсь тѣсно и жутко. Снаружи Самозванецъ, а подъ бокомъ баламуты; держи ухо востро. Теперь поди надѣвай тулупъ; обойдемъ съ тобой крѣпость. Я покажу тебѣ весь нарядъ и огненный бой.«

Алексѣй воспользовался этимъ случаемъ, чтобы освѣдомиться, сытъ ли его Добрыня, и нашелъ стараго богатыря въ самомъ блаженномъ состояніи. Онъ сидѣлъ всё въ томъ же запечкѣ и упи-

сывалъ краюху хлѣба, запивая свой завтракъ квасомъ изъ деревяннаго ковша-коряка.«

»Ну, Добрынющка«, сказалъ Алексѣй, »не бойся, все будетъ ладно, не пропадешь со мной.«

»Съ *тобой?*« отвѣчалъ, съ особеннымъ удареніемъ на этомъ словѣ Добрыня. »Еще Богъ вѣсть, кто съ кѣмъ не пропадетъ, Алексѣй Николаевичъ.«

»Что́ ты хочешь этимъ сказать, Добрыня?«

»То, чтобы не очень величался ты своимъ Басмановымъ. Благодари лучше Бога, что съ тобой старый дядька. Останься я въ Перебоищѣ, такъ узналъ бы ты поближе боярыню-бѣду.«

»Ой ли?«

»Смѣйся, смѣйся, а безъ меня пришлось бы тебѣ плакать. Знаешь ли ты, что въ за́мкѣ прямятъ прирожденному осударю?«

»Кто же это прямитъ?«

»Есть таковые.«

»И много ихъ?«

»Будетъ по человѣку на Годуновца.«

»Какъ же ты про то свѣдалъ?«

»А на что́ те? Басманову сказать? Пожалуй, тебѣ не помѣшаетъ умъ: гуляетъ онъ въ Нѣметчинѣ. Знай только, что со мной не пропадешь нигдѣ.«

»Какъ же это? растолкуй.«

»Да хоть бы такъ, что мы теперь слуги царскіе.«

»Какъ это? чтó ты хочешь сказать?«

»Слуги осударевы, природнаго осударя.«

»Добрыня, съ ума ты спятилъ, чтó ли? Какъ смѣлъ ты назвать меня самозванцевымъ слугою.«

»Не бойся, Алексѣй Николаичъ, не опасайся ничего. Народъ здѣсь стойкой: не выдадутъ. Ты себѣ стрѣляй, балагурь съ Басмановымъ, а ужъ я за твою головушку постарался.«

»Чтó же ты сдѣлалъ?«

»Передалъ, батюшка, Мулюхѣ вѣсточку, чтобъ надѣялся на старика Добрыню и на его Алексѣя Николаича, что на каменну гору.«

»Черезъ кого?«

»Черезъ гонцовъ, чтó посланы въ Москву. Народъ лихой, бойкой народъ: переглянулись, мигомъ узнали, чего мнѣ надо.«

»Гдѣ же твой Богъ, Добрыня? Ты разомъ идешь противъ сына и противъ отца?«

»Не йду я, батюшка, ни противъ тебя, ни противъ боярина Николы Афонасьича, а служу вамъ вѣрную службу.«

»Чтó за служба, коли ты измѣнилъ царю Борису Өедоровичу?«

»Про царя, голубчикъ, молчи: Господь поставляетъ царей; а то вѣрно, что не возьмись я за твои дѣла, пропалъ бы ты съ Басмановымъ, что муха подъ хлопушкой. Лучше же тебѣ жить на свѣтѣ слугой царевича Дмитрея, чѣмъ погибать слугой царя Бориса.«

»Что́ ты оре́шь, безумная голова? Честная смерть лучше безчестной жизни, и я и мой батюшка скорѣе головы положимъ, чѣмъ назовемъ себя слугами вора Самозванца.«

»Заговоришь, бояричъ, другимъ языкомъ, какъ назоветъ Москва царевича Дмитрея природнымъ осударемъ; а до этого, говорятъ, недалеко. Поклонишься тогда старику Добрынѣ, что пустилъ про тебя въ Сѣверскую рать добрую вѣсточку.«

»Напрасенъ твой трудъ, Добрыня: покажу я на ратномъ полѣ и Мулюхѣ и царевичу, за кого стоятъ Однороги.«

»Ты себѣ, а я себѣ покажу. Дай только дождаться намъ надежи осударя: Добрыня самолично скажетъ ему про твою вѣрность. Сгоряча вы оба съ батюшкой броситесь на встрѣчу смерти, да я не допущу васъ погубить свои головушки. Служилъ я вѣрой и правдой Однорогамъ; да всё еще не дошло до на́большой службы. Вотъ она когда приспѣла. Говорю тебѣ, что покло́нитесь мнѣ оба-два.«

Алексѣй сперва ужаснулся отъ рѣчей Добрыни, потомъ пришелъ въ негодованіе, далѣе перешелъ къ простой досадѣ на глупое своевольство старика, наконецъ разсмѣялся.

»Счастье твое, Добрыня, что ты старъ и глупъ«, сказалъ онъ; »ато бы пришлось мнѣ сейчасъ съ тобой разстаться.«

»Да, я оглупѣлъ, батюшка, съ той самой по-

ры, какъ ты набрался Нѣмецкаго ума«, отвѣчалъ огорченный Добрыня; »да посмотримъ, кому кого придется изъ бѣды выручать — умнымъ ли дураковъ, дуракамъ ли умниковъ.«

Въ это время въ сѣняхъ раздался громкій зовъ Басманова. Алексѣй поспѣшилъ къ нему выйти.

ГЛАВА XVII.

Басмановъ повелъ его по валу, »кладеному дерномъ на кирпичное дѣло«, и показалъ ему подкопныя снасти, для уничтоженія непріятельскихъ минъ, и *нарядъ*, или артиллерію. Каждая пушка, или *пищаль*, какъ называли ихъ *сидѣльцы* (гарнизонъ), имѣла свое имя. Тутъ были *Инрогъ*, *Пасенокъ*, *Волкъ*, *Кречетъ*, *Стрѣла*, *Ахиллесъ* и т. п. Хорошій запасъ огненнаго бою и вѣрность Московской дружины внушали Басманову увѣренность въ успѣхѣ сопротивленія самозванцеву сброду до прихода Брянской рати. Но Алексѣй на этотъ разъ не могъ ему сочувствовать. Рѣшительность Добрынина поведенія сдѣлала на него впечатлѣніе сильное. Старикъ былъ, конечно, глупъ; но его сумасбродство напомнило Алексѣю о безчисленномъ множествѣ другихъ глупцевъ, готовыхъ на все вредное для государства ради этого соображаемаго Димитрія; и если онъ не считалъ

еще въ крайней опасности царскій престолъ, то не могъ не предусматривать, чтó грозитъ его отцу при его непоколебимой вѣрности царю Борису и при его упорномъ мужествѣ, съ которымъ онъ рѣшился не выходить изъ круга, очерченнаго ему незаслуженною опалою.

Мрачное расположеніе души его усилилось еще отъ одного обстоятельства, котораго онъ ожидалъ навѣрное, но которое тѣмъ не менѣе поразило его непріятно. Гонецъ о-дву-конь, наряженный, по распоряженію Басманова, къ Берендѣю, воротился съ извѣстіемъ, что Бередѣй собралъ около тысячи вершниковъ и выступилъ съ ними на-встрѣчу къ Самозванцу, который, слышно уже, очень недалеко отъ его усадьбы, слѣдовательно и отъ крѣпости.

Въ самомъ дѣлѣ, лишь только Басмановъ обошелъ съ Алексѣемъ весь городъ и осмотрѣлъ всѣ приготовленія къ защитѣ, прискакали новые вѣстники, что Самозванецъ гоститъ у Берендѣя, что его рать тянется позади и будетъ къ вечеру подъ крѣпостью, и что отрядъ Ляховъ идетъ по пятамъ вѣстниковъ къ Новгородку. То былъ отрядъ Бучинскаго.

Читатель знаетъ изъ исторіи, какъ принялъ Басмановъ предложенія Бучинскаго, какъ безуспѣшно Самозванецъ гремѣлъ забранными въ покорныхъ ему крѣпостяхъ пушками, какъ онъ упалъ духомъ отъ мужественнаго сопротивленія

Басманова и не возвратился въ Литву потому только, что города Сѣвскъ, Курскъ, Путивль и вся Комарницкая волость, измѣною своею царю Борису, ободрили его и внушили ему новыя надежды. Всё-таки взять Новгородъ-Сѣверскую крѣпость было не по его силамъ, а оставить ее у себя въ тылу казалось ему крайне опасно.

Но и Басманову пришлось плохо. Брянская рать медлила къ нему на помощь, а отражаніе самозванцевыхъ приступовъ и смѣлыя вылазки, которыя самъ онъ предпринималъ отъ времени до времени, чтобы держать осаждающихъ день и ночь въ изнурительной бдительности, ослабили его силы. Немалаго также стоило ему труда удерживать въ повиновеніи Сѣверскихъ осадныхъ людей, обнаружившихъ не разъ покушеніе овладѣть крѣпостью во имя Димитрія и перебѣгавшихъ толпами въ непріятельскій станъ. Положеніе его было тѣмъ затруднительнѣе, что онъ съ недовѣрчивостью смотрѣлъ на своихъ товарищей, осадныхъ воеводъ, видѣлъ въ шатости сидѣльцевъ дѣйствіе ихъ тайныхъ внушеній и всякую минуту опасался, чтобъ съ нимъ не поступили такъ, какъ поступилъ съ Салтыковымъ въ Путивлѣ князь Василій Рубецъ-Масальскій (1). Въ этомъ случаѣ очень много помогалъ ему Алексѣй. Они никогда

(1) Князь Рубецъ-Масальскій, узнавъ о замыслѣ осадныхъ Путивльскихъ стрѣльцовъ измѣнить царю, поспѣшилъ, вмѣстѣ съ дья-

не ложились спать оба въ одно и то же время, и такъ какъ Алексѣй былъ преданъ царскому дѣлу со всѣмъ жаромъ юности и не уступалъ ни въ одной способности Басманову, то Басмановъ, такъ сказать, удвоился и обратился въ воеводу, вѣчно бодрствующаго и готоваго во всякую минуту спѣшить туда, гдѣ требовались неустрашимость, знаніе дѣла и находчивость. При всемъ томъ предпринятый ими подвигъ — устоять противъ Самозванца — съ каждымъ днемъ являлся въ громаднѣйшихъ размѣрахъ; наконецъ стало для нихъ ясно, что силою не совершить его и что необходимо перемѣнить способъ дѣйствія. Тогда-то Басмановъ заключилъ съ Самозванцемъ извѣстное двухъ-недѣльное перемиріе, съ тѣмъ, что если не получится къ этому сроку вѣрныхъ извѣстій о состояніи Москвы, то крѣпость будетъ сдана Самозванцу. Ему нужно было только выиграть время до прихода Брянской рати, о которой онъ получилъ хорошія вѣсти; а между тѣмъ уму его представился еще одинъ способъ избавиться отъ Самозванца. Тутъ исторія приключеній Алексѣя Однорога получаетъ новую занимательность, и мы, оставляя въ сторонѣ извѣстныя изъ исторіи событія, займемся повѣстью о томъ, что́ ею не записано.

комъ Сутуповымъ, объявить себя на сторонѣ Димитрія, схватилъ своего товарища на воеводствѣ, Михаила Криваго-Салтыкова, и выдалъ Самозванцу.

Однажды вечеромъ, сидѣлъ Алексѣй съ Басмановымъ за шахматной доской. Воевода, казалось, погруженъ былъ всею душей въ шашечную стратегію и, по-видимому, позабылъ въ это время и объ осадномъ своемъ сидѣньѣ, и о Брянской рати, которой ожидалъ съ нетерпѣніемъ, и о Самозванцѣ, — какъ вдругъ онъ остановилъ поднятую съ пѣшкою руку и сказалъ:

»Знаешь ли, Алексѣй Николаевичъ, о чемъ я въ эту минуту думаю? О тебѣ.«

»Чтó же ты, государь воевода, обо мнѣ думаешь?« спросилъ Алексѣй.

»Да про твою просьбу.«

»Въ самомъ дѣлѣ?«

»Да; только какъ пустить тебя на Самозванца? Къ нему вѣдь не сквозь палисадъ прорубаться, а сквозь рать: сгинешь отъ глупой пули, а его и въ глаза не увидишь.«

»Помилуй, Петръ Ѳедоровичъ!« сказалъ Алексѣй«. Мало ли разъ видали мы его впереди Польской хоругви? Пусти только меня столкнуться съ нимъ: моя сабля будетъ вострѣе твоихъ стрѣлецкихъ.«

»Постой, постой, братъ: еще невѣдомо, онъ ли, другой ли бывалъ впереди. Какъ же пускать мнѣ тебя наобумъ? Нѣтъ, ужъ коли класть за царя животъ, такъ въ такомъ дѣлѣ, на которое и самъ бы царь насъ не пожалѣлъ. Надо беречь себя, братецъ любезный: мы — царское добро; такъ чтобъ

не было ему, нашему батюшкѣ, убытку въ насъ попусту. Вотъ зачѣмъ я всякой разъ удерживалъ твою рьяность, да и самъ на проломъ не пускаюсь. Не тебя и себя мнѣ жаль: жаль мнѣ царской пользы. Я берегу тебя и себя на другое времячко.«

»Да когда же оно придетъ?« сказалъ Алексѣй.

»Оно пришло для тебя. Скажи только, можешь ли ты на все отважиться?«

»Зачѣмъ объ этомъ спрашивать, когда ты же самъ удерживаешь меня всегда отъ бою на вылазкахъ?«

»То, братъ, дѣло иное: тамъразъ играется кровь, человѣкъ самъ едва помнитъ, куда бросается.«

»А то какой ты подвигъ мнѣ назначишь?«

»Ни больше, ни меньше, какъ спохватать живьемъ Самозванца; а буде нельзя потѣшить этимъ звѣремъ нашего батюшку царя, перехватить ему глотку, чтобъ не рычалъ, проклятой, въ Сѣверской глуши и не полошилъ царства.«

»Ты шутишь со мной шутку, Петръ Ѳедоровичъ«, сказалъ Алексѣй.

»Нѣтъ, не шучу, братъ«, отвѣчалъ Басмановъ тономъ, въ которомъ слышалось душевное волненіе.

»Какъ же ты, скажи пожалуй, еще недавно боялся, чтобъ не попасть въ схваткѣ вмѣсто Самозванца на кого другого, а теперь задаешь мнѣ задачу спохватать его живьемъ? Гдѣ и какъ? растолкуй, научи, сдѣлай милость.«

»Эта мысль«, началъ Басмановъ, »давно сидитъ у меня въ головѣ, и раза два уже я готовился нарядить тебя на опасную службу: да всё думалъ: одолѣемъ и безъ того Самозванца. Ляхи зимой недолго подержатся въ полѣ; а Сѣверская сволочь разсыплется, лишь только подоспѣютъ бояре изъ Брянска. Но нѣтъ: бояре мѣшкаютъ, а города всё подклоняются вору; что́ же, если не устоятъ наши противъ Литовщины? Вѣдь бѣда! Попытать напередъ счастья извести Самозванца другимъ способомъ.«

»Но какимъ же?« прервалъ нетерпѣливо Алексѣй.

»А вотъ слушай. Ты знаешь, что у меня въ крѣпости есть людишки, готовые продать меня Самозванцу за алтынъ?«

»Еще бы не знать, послѣ того, какъ разомъ восемь десятковъ сбѣжало съ крѣпости!«

»Ну, что́ же ты скажешь, если измѣна этихъ бѣгуновъ обратилась мнѣ же на пользу?«

»Развѣ потому, что изъ хлѣбныхъ ларей уменьшился расходъ?«

»Нѣтъ, а потому, что у этихъ людей нѣтъ вѣрности ни къ которой сторонѣ.«

»Ну?«

»Ну, я и схватился за этотъ грѣхъ и обратилъ ядъ въ лекарство. Коротко сказать, съ того времени, какъ эта сволочь повадилась бѣгать къ Самозванцу, я знаю всякой шагъ его. Они тор-

гуютъ теперь вѣрностью прирожденному осударю, какъ торговали прежде вѣрностью царю законному. Разъѣздный мой голова, Ремневъ, покупаетъ у нихъ на мѣдныя деньги дорогія вѣсти.«

»Поддѣльный товаръ, Петръ Ѳедоровичъ!« сказалъ Алексѣй: »сто́итъ ли труда покупать?«

»Сто́итъ; я повѣрялъ: все правда. За деньги, вѣдь, у этого народа купишь и душу.«

»Что́ же далѣе?«

»Далѣе вотъ что́. Раза два уже извѣщали меня, что Самозванецъ рыщетъ отъ скуки по лѣсамъ, какъ дикой боровъ. Охотникъ, говорятъ, бѣшенный. Себя забываетъ, какъ подниметъ звѣря, и не любитъ, чтобъ ему помогали. Иной разъ заберется въ такую глушь, что провожатые ищутъ не сыщутъ по цѣлымъ часамъ. Это-то для насъ и дорого. Тутъ можно спохватать его, какъ лисицу въ тенетахъ. Отважишься ли ты на такой подвигъ?«

»Укажи мнѣ только звѣриный слѣдъ, отвага жъ моя не твое — мое будетъ дѣло.«

»Вотъ что́ я для тебя устроилъ. Ты сядешь на конь и возьмешь съ собой человѣкъ десять верщиковъ. Я самъ выберу надежныхъ. Выѣдешь ты изъ крѣпости въ эту же ночь, послѣ первыхъ пѣтуховъ; на дворѣ темь: — васъ не замѣтятъ. Вы обогнете рвомъ крѣпостную гору, проѣдете къ рѣкѣ и по берегу — до монастырьскихъ камней, выше переправы. Тутъ затянешь ты потихоньку

пѣсню: *Какъ у ключика у гремучева*.... Изъ-за камня выйдетъ человѣкъ. Ты спросишь: »Куда до»рога къ Ольгину Тору?« и если онъ скажетъ: »Ступайте, братцы, за мной; я провожу васъ«, это и будетъ вожатый. Онъ сведетъ тебя къ самому тому мѣсту, гдѣ Самозванецъ будетъ засѣвши на зубря. Звѣрь этотъ выходитъ изъ неприступной трущобы къ водѣ, гдѣ бьетъ ключъ. Для Самозванца нашли зубрій слѣдъ. Вожатый приведетъ тебя къ самому тому мѣсту, гдѣ онъ засядетъ на звѣря съ полуночи.«

»Все это хорошо«, сказалъ Алексѣй; »но какъ полагаться на эту сволочь? Почемъ знать, что вожатый не продастъ скорѣй меня Самозванцу, чѣмъ Самозванца мнѣ? Самъ же ты говоришь, что у нихъ все продается за деньги.«

»Такъ; но цѣна товару неравна. Самозванецъ за тебя не заплатитъ того, что́ заплачу я изъ царской казны за Самозванца. Ступай смѣло. Авось-либо Господь поможетъ намъ утѣшить царя Бориса Ѳедоровича.«

Этимъ кончилось совѣщаніе о предпріятіи, представлявшемъ больше опасности, нежели возможности успѣха. Объ опасности, однакожъ, забывали и Басмановъ, и самъ Алексѣй, подъ вліяніемъ сильнаго желанія совершить великое дѣло; напротивъ, тотъ и другой почти не сомнѣвались въ успѣхѣ.

Тотъ-часъ приступлено было къ приготовленіямъ

въ дорогу. Часа черезъ два запѣли первые пѣтухи. Подъ окномъ воеводской квартиры послышался топотъ лошадей. Алексѣю осталось только помолиться на образа и проститься съ Басмановымъ.

Басмановъ почувствовалъ теперь всю великость предстоящей ему потери, въ случаѣ, если Алексѣю не посчастливится въ его предпріятіи; онъ обнялъ своего друга и не могъ сказать ни слова.

Алексѣй былъ гораздо спокойнѣе. Онъ не зналъ цѣны себѣ; царское дѣло, по его мнѣнію, далеко не столько могло въ немъ потерять, сколько по мнѣнію Басманова. Зато онъ постигалъ всю важность такого военачальника, какъ Басмановъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и, отваживаясь самъ на опасный подвигъ, просилъ своего покровителя щадить себя, какъ драгоцѣннѣйшее царское сокровище.

»Встрѣтимся ли мы еще въ здѣшней жизни?« сказалъ онъ.

»Встрѣтимся«, отвѣчалъ твердымъ голосомъ Басмановъ. »Ты увидишь меня не при свѣтѣ солнца или мѣсяца, а въ сіяніи царскаго престола, который мы заслонимъ отъ враговъ своею грудью.«

»Ты это чуешь?«

»Чую: вѣщій голосъ говорилъ мнѣ въ ту минуту, когда душа моя взволновалась, что я высоко стану въ царской милости, что я родился для чего-то великаго на свѣтѣ.«

»Смотри же, чтобъ высота твоя не сдѣлалась тебѣ когда-нибудь дороже благоденствія государства.«

»Что́ ты хочешь сказать, Алексѣй Николаевичъ?«

»Не прогнѣвайся на меня, Петръ Ѳедоровичъ, за мою правду. Знаю я въ исторіи многихъ тебѣ подобныхъ: служатъ сперва царю вѣрой и правдою, покамѣсть идутъ вверхъ, а потомъ не знаютъ ничего дороже своей высоты....«

»Полно, братъ«, перебилъ его Басмановъ. »Русскому человѣку не примѣръ твоя исторія; онъ не по книгамъ учится вѣрности: вѣрность составляетъ его кровь и плоть отъ самого рожденія.«

»Дай Богъ!« сказалъ Алексѣй.

»Ну, а ты какъ на себя надѣешься?« спросилъ, въ свою очередь, Басмановъ.

Алексѣй отвѣчалъ:

»Я увѣренъ въ себѣ больше, чѣмъ въ томъ, что клинокъ моей сабли выдержитъ всякой ударъ не сломавшись. Въ этихъ смутахъ одинъ другому не довѣряетъ: злодѣи находятъ выгоду даже про отца моего говорить небылыя рѣчи; дойдетъ, пожалуй, до тебя слухъ и про меня, что я продалъ чорту душу ради чести, ради высоты или свободы, если мнѣ суждено попасть въ плѣнъ къ Самозванцу; но я прошу тебя вѣрить только одному, что для меня нѣтъ выше чести, нѣтъ боль-

шей высоты и радости, какъ умереть за моего государя!«

Этотъ прощальный разговоръ придалъ разставанью друзей нѣкоторую торжественность. Каждый готовъ былъ думать, не зная самъ почему, что они никогда болѣе не удивятся, или увидятся при такихъ обстоятельствахъ, когда характеръ человѣка долженъ будетъ подвергнуться рѣшительному испытанію.

ГЛАВА XVII.

Ночь была темная. Алексѣю нечего было опасаться, что Самозванцевы озоры подглядятъ выѣздъ его изъ крѣпости; да притомъ же дорога, которую онъ, по указанію Басманова, избралъ для себя, тотъ-часъ изъ воротъ поварачивала въ сторону, противоположную осаждающимъ, и скоро пропадала въ глубинѣ оврага, ведущаго къ Деснѣ. Алексѣй велъ свою небольшую дружину съ соблюденіемъ возможной тишины. Самъ онъ ѣхалъ впереди, за нимъ слѣдовали, по два въ рядъ, его спутники. Вотъ забѣлѣла передъ ними и покрытая снѣгомъ равнина Десны. Отрядъ пустился по берегу быстрою рысью и скоро достигнулъ монастырскихъ камней. На условленную пѣсню, показался изъ-за камней человѣкъ въ мѣховой шапкѣ, въ тулупѣ, съ рогатиною въ рукѣ, ведя за собой въ поводу коня, и предложилъ быть проводникомъ къ Ольгину Тору.

»Батюшка Алексѣй Николаичъ!« раздался вдругъ, жалобный голосъ Добрыни, »чтó это ты затѣялъ?«

Тогда только Алексѣй замѣтилъ въ числѣ спутниковъ своего усерднаго пѣстуна.

»Какъ это ты здѣсь очутился, Добрыня?«

»Какъ очутился!« заворчалъ на этотъ вопросъ старикъ. »А ты небось думалъ, что и я тебя брошу, какъ ты меня? Мало тебѣ биться лбомъ объ стѣну днемъ.... говорю тебѣ, что бьешься объ стѣну, давно говорю.... ты вздумалъ еще по ночамъ рыскать за своей погибелью! Эй, образумься, бояричъ!«

»Образумься ты, старичина!« сказалъ съ досадою Алексѣй. »Воротись назадъ: ты здѣсь лишній.«

»Лишній! давно ли я у тебя сталъ лишній? на Басманова промѣнялъ меня; да погоди! кто за тебя постоитъ больше въ бѣдѣ, старый али новый пріятель.«

»Ступай, говорятъ тебѣ, назадъ!«

»Куды я пойду безъ тебя? Воротись ты самъ, такъ и я ворочусь; а врознь съ тобой мнѣ не приказано быть. Ужь тебѣ за меня не отвѣчать предъ батюшкой, а мнѣ за тебя и приходилось, и придется еще, навѣрное. Тогда я не буду лишнимъ, нѣтъ!«

»Возьмите этого дуралея и отведите въ крѣпость«, обратился Алексѣй къ двумъ изъ своихъ вершниковъ.

»Нѣтъ, не погнѣйвайся«, сказалъ Добрыня: »батюшкинъ приказъ старше.«

И, быстро поворотя коня, ускакалъ прочь.

»Оставьте его, не гоняйтесь«, сказалъ Алексѣй. »Придется терпѣть намъ этотъ хвостъ по неволѣ. Вѣрная, да глупая собака: не отгонишь прочь и палкою.«

Въ самомъ дѣлѣ, лишь только Добрыня увидѣлъ, что его не преслѣдуютъ и продолжаютъ дорогу, онъ приблизился къ вершникамъ Алексѣя сперва на почтительное разстояніе, потомъ подъѣхалъ ближе, наконецъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, присоединился къ ихъ толпѣ и завелъ съ своими сосѣдями въ полголоса разговоръ о такомъ предметѣ, къ которому ни одинъ изъ Алексѣевыхъ спутниковъ не могъ оставаться равнодушнымъ — объ Ольгиномъ Торѣ. Онъ вспомнилъ разсказъ Мулюхи про Ольгу Богачку, про ея дочь, про чудесное ея превращеніе, про ночныя ея прогулки и украсилъ этотъ разсказъ всѣми цвѣтами воображенія, какіе только росли въ головѣ его.

Не нужно и говорить, что онъ нашелъ въ своихъ товарищахъ самыхъ внимательныхъ слушателей. Ночь, окружающая ихъ пустыня, дикіе виды заросшихъ кустарниками овраговъ, по которымъ они ѣхали, и таинственность ихъ путешествія — все это сильно возбуждало воображеніе слушателей, и старинная повѣсть была при-

нята ими со всею впечатлительностью суевѣрія. Опасность повстрѣчаться съ непріятельскими разъѣздами стала у нихъ на второмъ планѣ. Вершники оглядывались по сторонамъ, боясь открыть врага другого рода. Безстрашные передъ непріятельскимъ строемъ, они робѣли какъ дѣти передъ созданіемъ воображенія.

Алексѣй зналъ напередъ, что Добрыня къ нимъ присоединится, и давно замѣтилъ его присутствіе; но ему не пришло въ голову, до какой степени болотовня его стараго дядьки будетъ вредна для его предпріятія. Онъ убѣдился въ этомъ тогда уже, когда зло было сдѣлано и не было болѣе средства отвратить его.

Прошло уже часа два, какъ наши ночные странники ѣхали за своимъ проводникомъ. Слѣдуя по направленію такъ называемыхъ яругъ, которыя тянутся на далекое пространство вокругъ Новгорода-Сѣверска, они часто дѣлали такую крутую дугу, что едва не возвращались на прежніе слѣды свои. Засыпанныя снѣгомъ тропинки, множество камней и кустарниковъ, превращающихъ лѣтомъ эти яруги въ природные парки, теперь затрудняли путешествіе, такъ что рѣдко можно было ѣхать даже тихою рысью. Воздухъ сдѣлался темнѣе прежняго, возвѣщая приближеніе утра. Алексѣй начиналъ уже безпокоится, чтобъ не было поздно, зная, что зубрь выходитъ къ водопою

между ночью и разсвѣтомъ, какъ вдругъ проводникъ пріостановилъ коня и сказалъ:

»Слѣдъ! слѣдъ! Глядите, вотъ два сапога, а вотъ рукоять рогатины. Это его слѣдъ. Онъ выбрался на охоту еще съ вечера, а станица его въ Чертовомъ Хайлищѣ, здѣсь, вправо, версты двѣ. Снѣжокъ ночью выпалъ; вотъ намъ-то и собень. Теперь ступайте за мною тихо; мы какъ разъ на него набредемъ.«

»Неужто съ нимъ нѣтъ людей?« спросилъ Алексѣй, не вѣря своей удачѣ.

»Ближе нѣтъ, какъ въ Чертовомъ Хайлищѣ. Объ этомъ не думай, а подумаемъ лучше вотъ о чемъ. У него рожокъ за плечами, а какъ затрубитъ, то слыхать въ самомъ стану. Надо сдѣлать такъ, чтобъ онъ не затрубилъ, ато слетятся черти на выручку:«

»Какъ же это сдѣлать?«

»А вотъ какъ. Онъ поджидаетъ изъ Стародуба сеунча, то есть, значитъ, чрезъ Стародубъ изъ Брянской рати. У него, видишь, въ Стародубѣ есть пріятели, а въ Брянской рати тоже, и, говорятъ, много начальныхъ людей шатко стоятъ за царя Бориса....«

Алексѣю было досадно слышать такіе толки, особенно передъ своими подначальными, и онъ прервалъ съ нетерпѣніемъ:

»Ну, поджидаетъ: чтó же намъ въ этомъ зá выгода?«

»Выгода, батюшка, та, что мы скажемся сеунчемъ Стародубскимъ, да начнемъ искать въ сѣдлахъ грамотки, да какъ-нибудь окружимъ и схватимъ голубчика. Далъ бы только намъ Богъ спохватать его, не оставилъ бы царь ни васъ, ни меня милостью. Сюда: вотъ слѣдъ, вотъ и Ольгинъ Торъ.«

Въ это время они выѣхали на длинную, узкую лощину, идущую между двухъ возвышенностей, покрытыхъ лѣсомъ.

»Ольгинъ Торъ!« раздалось сзади восклицаніе, въ которомъ Алексѣй узналъ голосъ Добрыни. »Осударь Алексѣй Николаичъ! воротись ты съ этого мѣста, не ѣзди далѣ!«

Алексѣй осадилъ коня и, подъѣхавъ къ Добрынѣ, сказалъ въ полголоса:

»Перестань горланить, глупая башка!«

»Перестану, перестану, батюшка!« отвѣчалъ, почти шопотомъ, Добрыня, »только не ѣзди по Ольгину Тору, не встрѣчайся съ Ольгой Богачкой!«

»Убирайся ты къ черту съ Ольгой Богачкой!« сказалъ Алексѣй: »у насъ поважнѣе впереди встрѣча.«

Нѣтъ, мой кормилецъ«, воскликнулъ Добрыня, схватясь за полу Алексѣева тулупа, »не пущу тебя на гибель. Что́ ты затѣялъ воевать противъ нечистой силы! Ея не побѣдишь желѣзомъ, а самъ пропадешь, что снѣгъ на усу!«

»Ивашка и ты, Акундиновъ«, сказалъ Алексѣй двумъ ближайшимъ къ нему вершникамъ, »возьмите стараго олуха за руки да зажмите ему ротъ, чтобъ не кричалъ. Эко навязала мнѣ его нелегкая на эту пору!«

Приказаніе было исполнено. Добрыня, обиженный такою рѣшительною расправою, успѣлъ только сказать: »Добро, добро, молокососъ! вспомнишь меня!« и оставался неподвиженъ и безгласенъ между двухъ верховыхъ.

Алексѣй велѣлъ имъ дожидаться своего возвращенія, а остальнымъ — ѣхать за собою.

»Батюшка Алексѣй Николаичъ!« сказалъ тогда, пожимаясь какъ-то странно на сѣдлѣ, одинъ изъ его спутниковъ.

»Ну, что́ ты? что́ тебя такъ скорчило?« спросилъ Алексѣй.

»Да видишь ли«, продолжалъ тотъ, посматривая на товарищей, »береги Богъ крещенаго человѣка....«

»Что́ это значитъ?« сказалъ Алексѣй, замѣтя, что всѣ, не исключая и проводника, измѣнились въ лицѣ, а глаза у каждаго изъ его спутниковъ безпокойно бѣгали въ разныя стороны.

»Да не приведи Богъ«, говорилъ ободренный общимъ сочувствіемъ стрѣлецъ, »не приведи Богъ.... Вѣдь тутъ ни бердышъ, ни самопалъ не поможетъ. Съ человѣкомъ человѣкъ потягается, а съ нездѣшнею-то силою....«

»Съ нами духъ святъ!« сказали, почти въ одинъ голосъ, всѣ остальные, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ. »Куда это мы заѣхали?«

»Что́ съ вами?« спрашивалъ Алексѣй, »растолкуйте!«

Но всѣ молчали, посматривая другъ на друга.

»Ну, ты чего трясешься?« приступилъ Алексѣй къ проводнику. »Самъ же ты провелъ насъ къ Ольгину Тору — и теперь трусишь?«

»Да я и самъ не знаю«, отвѣчалъ онъ: »по кожѣ словно инеемъ сыплетъ. Знать, ужъ это такое нечистое мѣсто.«

»Да ты развѣ никогда не бывалъ здѣсь?«

»Какъ не бывать? бывалъ и про Ольгу Богачку слыхивалъ, да днемъ и нужды мало, а вотъ ночью словно лихорадка напала. Знать, ужъ часъ такой непригожій.«

»Знать ужъ дуракъ ты безмозглый!« сказалъ, съ досадою, Алексѣй.

Оказалось, что, кромѣ проводника, двое только знали суевѣрное преданіе объ Ольгѣ Богачкѣ, и то отъ Добрыни; остальные трусили по инстинкту, подобно тому, какъ остатокъ разбитой и преслѣдуемой арміи приходитъ въ трепетъ при одномъ восклицаніи: »Непріятели!« Алексѣй увидѣлъ, что дѣло плохо, что здѣсь ни чувство долга, ни угрозы не подѣйствуютъ, и принялся увѣрять своихъ спутниковъ, что повѣсть про Ольгу Богачку выдумана и распущена въ народѣ Мулюхою, у ко-

тораго на Ольгиномъ Буйвищѣ бывали по ночамъ сходки съ Сѣверскими баламутами. Онъ напоминалъ имъ важность ихъ предпріятія и представлялъ въ примѣръ самого себя, который слыхалъ исторію про ночные обходы Ольги Богачки и, однакожъ, будучи увѣренъ, что это небылица, идетъ впередъ безъ всякаго страха.

Но еще не кончилъ Алексѣй своей рѣчи, какъ впереди послышались странные звуки — что-то похожее на крикъ человѣка, смѣшанный съ медвѣжьимъ ревомъ. Среди ночной тишины, эти звуки отозвались по лѣсу такъ дико, такъ непохожи были ни на что́ знакомое слуху, что всѣ обомлѣли отъ ужаса; даже кони заходили подъ сѣдоками, съ испугомъ насторожа уши, и самъ Алексѣй почувствовалъ невольный трепетъ. Но мысль о томъ, для чего онъ здѣсь, — мысль объ избавленіи царя отъ страшнаго врага—такъ глубоко таилась въ душѣ его, что никакое другое чувство не могло дѣйствовать на него сильно и продолжительно. Онъ забывалъ о себѣ; онъ, можно сказать, переставалъ существовать, какъ отдѣльная, самосохраняющая себя личность; онъ весь обратился въ поглотившую его душу идею, и это дало ему силу преодолѣть непобѣдимый для людей того времени страхъ передъ враждебною человѣку нечистой силою, съ которою особенно страшно было столкнуться въ пустынѣ, ночью.

»Братцы!« сказалъ онъ, »за мной! Смѣлымъ

Богъ владѣетъ. Вспомните, что на насъ теперь лежитъ спасеніе царя и царства!«

»Ребята!« заговорилъ Добрыня, о которомъ со страху позабыли его стражи, »не шутите съ нездѣшнею силою. Онъ у Нѣмцевъ научился, видно, и въ Бога не вѣровать, а православному-то страшно попасть въ когти....«

Онъ не договорилъ, потому что въ лѣсу — и какъ-будто уже ближе къ нимъ — послышались новые вопли, если такъ можно назвать непонятную смѣсь звуковъ, раздававшихся среди пустынной тишины. Воображенію Добрыни представилась ожившая изъ дерева Ольга Богачка: онъ поспѣшно обернулъ коня и понесся куда глаза глядятъ. Всѣ прочіе, не понимая хорошенько сами, чтó дѣлаютъ, помчались вслѣдъ за нимъ.

Алексѣй остался одинъ, съ досадой и съ отчаяніемъ въ душѣ. Ему показалось, что въ эту минуту онъ теряетъ судьбу цѣлаго царства. Но самое отчаяніе сообщило ему новую энергію. Онъ уже потерялъ изъ виду свое предпріятіе вмѣстѣ съ надеждою достигнуть его; но, въ замѣнъ того, имъ овладѣла слѣпая жажда опасности. Душа его рвалась къ чему-то чрезвычайному; онъ хотѣлъ борьбы съ препятствіями, хотѣлъ битвы, хотѣлъ самой смерти.

Несмотря на повторяющіеся громче и громче вопли, онъ поскакалъ впередъ по гладкой льдяной равнинѣ рѣчки, покрытой лѣсомъ. Но конь

не долго ему повиновался: впереди уже ясно слышался ревъ медвѣдя. Бѣдное животное, трепеща всѣмъ тѣломъ, пятилось назадъ, несмотря на всѣ удары всадника. Помучившись съ нимъ минуты двѣ, Алексѣй соскочилъ на землю и побѣжалъ впередъ, съ обнаженною саблею. Едва онъ сдѣлалъ одинъ поворотъ по изгибу рѣчки, какъ, при слабомъ свѣтѣ востока, начинавшаго уже алѣть, увидѣлъ передъ собой необыкновенную картину.

Передъ нимъ была гора, извѣстная уже ему подъ названіемъ Ольгина Буйвища. Внизу подъ ея кручею, среди грудъ намерзнувшаго льда, кипѣла вода, падая съ камней на камни; а на горѣ, на самомъ краю, надъ кипящею пучиною, происходила борьба медвѣдя съ человѣкомъ. Но и человѣкъ и животное думали уже не объ умерщвленіи противника, а о сохраненіи собственной жизни, потому что оба висѣли надъ пропастью: человѣкъ—обхватя одной рукой стволъ сосны, представлявшей, въ разсказѣ Мулюхи, Ольгу Богачку, а медвѣдь — уцѣпясь когтями за человѣка. Звѣрь безъ большаго труда вскарабкался бы вверхъ, но, видно, былъ раненъ, потому что кровавая полоса видна была на снѣгу по краю горы; а между тѣмъ человѣкъ, держась правой рукой за дерево, не переставалъ наносить ему ножемъ удары во что̀ попало. И вся эта сцена сопровождалась страшнымъ рычаніемъ медвѣдя, чуявшаго свою

гибель, и громкимъ крикомъ человѣка, призывающаго на помощь.

Алексѣй въ одну минуту очутился на вершинѣ горы и двумя ударами сабли освободилъ несчастнаго отъ его соперника. Медвѣдь, какъ камень, полетѣлъ въ воду, и вѣчно кипящее жерло Черторыя, перевернувъ раза два, пожрало его на вѣки.

Но Алексѣю было не до медвѣдя: у него въ рукахъ была лучшая добыча. Онъ догадался, что спасенный имъ отъ медвѣдя человѣкъ былъ не кто другой, какъ Самозванецъ. Едва вѣря своему счатью, онъ помогъ ему подняться на ноги, и, измѣривъ съ головы до ногъ жаднымъ взглядомъ, какой вперяетъ человѣкъ въ найденный послѣ долгихъ исканій драгоцѣнный кладъ, онъ спросилъ его:

»Кто ты?«

»Бортникъ съ погосту, батюшка«, отвѣчалъ тотъ, кланяясь и оправляя висѣвшую у него на поясѣ, въ пучкѣ, ременную веревку съ желѣзнымъ крючкомъ, употребляемую бортниками для того, чтобы взбираться къ бортямъ на деревья. »Награди тебя Богъ за твою помощь.«

Алексѣя обдало холодомъ отъ этихъ словъ. Онъ снова окинулъ пытливымъ взглядомъ незнакомца. Ни въ его лицѣ, скрытомъ отъ-части длинными ушами мѣховой шапки, обмотанными по подбородку вокругъ шеи, и въ его простомъ нарядѣ,

состоявшемъ изъ обыкновеннаго нагольнаго тулупа, ни даже въ его пріемахъ, совершенно мужицкихъ, не видалъ онъ ничего такого, что́ бы отличало его отъ обыкновеннаго простолюдина. Но вдругъ сквозь прорѣху тулупа, разорваннаго медвѣдемъ, блеснула ему въ глаза кольчуга.

»А это что́ у тебя?« вскричалъ Алексѣй, обрадовавшись своему открытію.

»Стальная сорочка, батюшка«, отвѣчалъ тотъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

»Да развѣ бортники носятъ стальныя сорочки? Признавайся, кто ты?«

»Какъ же, батюшка?« отвѣчалъ по прежнему, незнакомецъ, »какъ же бортнику-то безъ стальной сорочки? Вѣдь мишка-отъ задралъ бы меня вотъ передъ твоею честью, кабы не кольчуга. Ужъ я давно его здѣсь сторожу; въ этихъ соснахъ у меня бортные ухожаи, такъ вотъ онъ, окаянный, и повадился, да чуть было самого меня не сгубилъ. Спасибо тебѣ, батюшка, дай Богъ тебѣ вѣкъ долгій! Откуда ты? съ неба, что́ ли, свалился?«

Остолбенѣлъ Алексѣй: такъ проста и естественна была рѣчь мужика. Значитъ, его-то слѣдъ и видѣнъ былъ по снѣгу! Однакожъ, на всякій случай, онъ рѣшился не выпускать бортника изъ своихъ рукъ и потребовалъ отъ него ножъ, какъ единственное бывшее у него оружіе.

Бортникъ съ простодушнымъ удивленіемъ и съ

нѣкоторымъ даже испугомъ узналъ, что онъ плѣнникъ своего избавителя, и, не смѣя противиться рѣшительному приказанію Алексѣя, пошелъ съ нимъ по прежнимъ слѣдамъ его съ горы.

Вдругъ изъ кустовъ выскочило на встрѣчу имъ нѣсколько вооруженныхъ людей.

Сердце Алексѣя ёкнуло, и первымъ его движеніемъ было взглянуть на своего плѣнника.

Бортникъ съ погоста показался ему теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Небольшой ростъ его, казалось, увеличился цѣлою четвертью. Вмѣсто сгорбленныхъ плечь, бросилась ему въ глаза широкая, смѣло выставленная впередъ грудь. Самыя черты лица, грубыя и непривлекательныя, оживлены были повелительностью. Словомъ, не нужно было Алексѣю теперь большой проницательности для того, чтобы догадаться, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло.

Но уже было поздно. Самозванецъ былъ окруженъ своими слугами, которые, со всею почтительностью, подобающею присвоенному имъ сану, упрекали его въ излишней самонадѣянности и отвагѣ.

»Молчите, молчите!« сказалъ онъ весело, чистымъ, совсѣмъ непохожимъ на прежній, нѣсколько сиповатый, голосомъ. »Еще не рѣшено, кто виноватъ: я ли — за то, что не берегу, какъ говорите вы, своей жизни, вы ли — за то, что не исполняете моей воли. Казнить васъ слѣдуетъ,

ослушниковъ; какъ вы смѣли помѣшать моей забавѣ!«

»Осударь!« сказалъ на это, одинъ изъ всѣхъ, высокій, сильный мужчина, въ которомъ Алексѣй тотъ-часъ узналъ давняго своего пріятеля, Мулюху, »осударь! какъ же намъ не спѣшить къ тебѣ на помощь, коли отъ реву медвѣжьяго лѣсъ на корняхъ пошатнулся? да вотъ на твоемъ величествѣ весь тулупъ изодранъ. Годится ли такъ пугать вѣрныхъ слугъ твоихъ?«

»Чему быть, того не миновать, голова ты толковая«, отвѣлалъ Самозванецъ. »Надъ кѣмъ простерта рука Божія отъ самого дѣтства, тому медвѣдя ли бояться? Вотъ посмотри, кого Господь послалъ для моего спасенія! слугу Годунова, а моего врага!«

»Дивны дѣла твои, Господи!« проговорило нѣсколько голосовъ, а Мулюха прибавилъ:

»Вѣстимо дивны! Вѣдь это, осударь, сынъ Перебойскаго Однорога. Стало быть, я не даромъ получилъ вѣсточку изъ крѣпости!«

»Сынъ Однорога!« повторилъ Самозванецъ, »того Однорога,. у котораго хватаетъ духу стоять самъ-десятъ противъ тысячи? Побереги мнѣ старика, Парфиль Яковлевичъ, слышишь? Уйми глупую прыть Перебойцевъ. Этакихъ драгоцѣнностей немного наберешь въ свѣтѣ для царскаго вѣнца. А ты, молодой человѣкъ«, обратился Самозванецъ къ Алексѣю, »ты теперь плѣнникъ бортника съ

погосту. Но если хочешь свободы, обѣщай служить вѣрою и правдою природженному государю Московскому.«

Алексѣй во все продолженіе этой сцены находился въ какомъ-то волненіи, какъ человѣкъ, готовящійся совершить отважное дѣло, но не знающій еще, такъ ли, или иначе ему поступить. Наконецъ лице его приняло мрачное спокойствіе, какъ у того, кто идетъ на вѣрную смерть; онъ принялъ твердую позу и, заложа руку за пазуху, не спускалъ глазъ съ Самозванца, и когда тотъ обернулся къ нему съ послѣдними словами, онъ отвѣчалъ ему: »Вотъ тебѣ моя служба!« и въ то же мгновеніе нанесъ ему пожемъ ударъ между шеею и ключицею, гдѣ, по его расчету, было мѣсто, незакрытое кольчугою. Онъ думалъ, что сразилъ этимъ ударомъ все безпокойство царя Бориса и всѣ бѣдствія междоусобной войны, грозившія Русской землѣ; но, по странной игрѣ случая, остріе ножа попало въ большой, осыпанный изумрудами крестъ, который Самозванецъ носилъ на шеѣ, увѣряя, будтобы этотъ крестъ подаренъ ему былъ при крещеніи. Алексѣй хотѣлъ повторить ударъ; но сабля Мулюхи блеснула надъ головой Самозванца и отразила занесенный на него ножъ. Алексѣй въ одно мгновеніе выхватилъ свою и только быстрымъ прыжкомъ назадъ увернулся отъ удара. Онъ уже заблаговременно обрекъ себя на гибель, удастся или не удастся

ему поразить Самозванца, но не хотѣлъ погибнуть безъ защиты. Отпарировавъ ударъ Мулюхи, онъ наступилъ на него съ силою, заставившею попятиться смѣлаго мятежника. Но уже прочіе свидѣтели неожиданной, быстро разъигравшейся трагедіи опомнились отъ своего изумленія, и Алексѣй очутился въ кругу поднятыхъ на него сабель. Гибель его была бы теперь неизбѣжна, но Самозванецъ закричалъ громовымъ голосомъ:

»Стой, кому дорога жизнь, стой!«

Всѣ остановились, кромѣ Мулюхи, который, продолжая наступать на Алексѣя, кричалъ:

»Онъ мой! не уступлю его и самому черту! Полно съ нимъ няньчиться! Вотъ я тебя научу, за кого стоять! не номожетъ тебѣ твой Борисъ!«

Алексѣй, видя себя одинъ противъ одного, ободрился.

»Научу я тебя«, вскричалъ онъ, »верстать Одноноговъ измѣнниками! Вотъ тебѣ наша измѣна!«

Съ этимъ словомъ онъ, отразя саблю Мулюхи, размахнулся на такой ударъ, который тутъ же окончилъ бы поприще удалаго мятежника, но въ то же самое время, когда сабля его свистнула въ воздухѣ, Самозванецъ, по обычаю своихъ учителей Запорожцевъ, накинулъ ему на голову петлю и въ одно мгновеніе повалилъ его на землю.

»Онъ мой!« воскликнулъ онъ, ставъ ему на

грудь колѣномъ и вырывая изъ руки саблю. »Сдайся, или издохнешь какъ волкъ въ западнѣ!«

Алексѣй видѣлъ надъ своей шеей собственную саблю и въ первую минуту не могъ произнести ни слова. Передъ его глазами прошли, какъ намалеванные, отецъ, вѣрный еще тогда Басмановъ, котораго онъ полюбилъ какъ брата, и еще одинъ образъ, не покидавшій его никогда,—образъ цвѣтущій и призывающій сильнѣе всего къ жизни....

»Сдаешься плѣнникомъ, или умрешь слугой цареубійцы?« спросилъ Самозванецъ.

»Да задуши, осударь, этого звѣря неукротимаго!« говорилъ Мулюха. »Ужъ я его извѣдалъ на всѣ стороны!«

»Жизнь моя не мнѣ принадлежитъ«, сказалъ Алексѣй: »властенъ въ ней царь мой. Велитъ умереть — умру.«

»Я твой царь!« сказалъ Самозванецъ: »велю тебѣ жить и служить мнѣ. Сдаешься прирожденному Московскому государю?«

»Царь мой, Борисъ Ѳедоровичъ, сидитъ въ Москвѣ на престолѣ«, отвѣчалъ Алексѣй, »а ты лѣсной бродяга и Самозванецъ!«

»Бей его, руби его, осударь!« закричали кругомъ стоящіе, »дозволь намъ его разнести на куски!«

»Стой! ни съ мѣста!« сказалъ, возвыся голосъ, Самозванецъ. »Сдайся лѣсному бродягѣ, сдайся бортнику съ погоста«, сказалъ онъ Алексѣю.

»Лѣсному бродягѣ сдаюсь«, отвѣчалъ Алексѣй. »Не хочу безъ нужды гибнуть отъ руки разбойника: можетъ быть, жизнь моя еще понадобится моему государю!«

»Понадобится непремѣнно«, сказалъ Самозванецъ, давъ ему свободу встать. »Придетъ время, когда твоя вѣрность къ царю не будетъ ошибкою. Вотъ, господа, вѣрноподданность«, обратился онъ къ своимъ приверженцамъ. »Если вокругъ моего престола будетъ стоять десятокъ воеводъ Однороговъ, то ни Александръ Македонскій, ни Цезарь Римскій, ни самъ великій мой отецъ, Иванъ Васильевичъ, герой Казанскій, не поверстаются со мной могуществомъ.«

»Однакожъ, государь, побереги свое могущество, пока сядешь на престолѣ«, сказалъ Мулюха. »Не держи подлѣ себя дикаго Однорога, сбей ему рогъ на всякій случай.«

»Что́ ты хочешь сказать?« спросилъ Самозванецъ.

»Да видишь, у него за спиной самопалъ?«

»Не боюсь я ничего, кромѣ грома Божія!« отвѣчалъ Самозванецъ: »кончина моя назначена судьбою »въ терему царскомъ на Москвѣ, а не въ глуши Сѣверской.«

»Береженнаго, осударь, и Богъ бережетъ«, замѣтили другіе.

»Говорите это о себѣ, да не обо мнѣ«, возразилъ Самозванецъ, »не обо мнѣ«, прибавилъ онъ

съ одушевленнымъ взглядомъ, »котораго избралъ Господь, чтобы явить міру дивный свой нромыселъ. Я вѣрю, я знаю, что моя жизнь кончится не въ этихъ пустыняхъ, а на престолѣ Московскомъ. Что́ вы качаете головами? слѣпцы темные! вы смотрите и не видите. Еще недавно висѣлъ я надъ пропастью въ когтяхъ медвѣдя, — и для васъ нѣтъ въ этомъ божественнаго знаменія, что, какъ низринулъ я лютаго звѣря въ бездну, такъ низрину я съ престола Годунова и его родъ руками нынѣшнихъ слугъ его! Да передъ вашими же глазами совершилось чудо. Вотъ ножъ, который былъ направленъ въ мое сердце. Какъ вамъ не понять, что его отвратила та самая рука, которая тринадцать лѣтъ назадъ, спасла меня отъ ножа Борисова?«

Онъ говорилъ съ такимъ искреннимъ убѣжденіемъ, съ такою побѣждающею силою, лицо его было такъ полно жизни, глаза горѣли такимъ огнемъ, что всѣ были поражены его словами; и каковы бы ни были сомнѣнія его приверженцевъ — въ ту минуту они видѣли въ немъ дѣйствительнаго царевича, покровительствуемаго божественнымъ промысломъ.

Алексѣй понялъ теперь больше прежняго, какъ опасенъ для царя Бориса этотъ обманщикъ, вдохновенный вѣрою въ свое великое предназначеніе, неустрашимый ни передъ какою человѣческою силою и обладающій краснорѣчіемъ, властнымъ по-

двигнуть толпу мятежниковъ на самое отчаянное дѣло.

»А все-таки«, сказалъ, подумавъ, Мулюха, »не худо сбить рогъ дикому Однорогу.«

»Ты, Парфиль Яковлевичъ«, возразилъ Самозванецъ, »не бывалъ между рыцарями и не знаешь, какъ рыцари другъ съ другомъ поступаютъ. Этотъ молодой человѣкъ воспитанъ не по-Московски: онъ рыцарь тѣломъ и душею; я вижу это по его взгляду. Возьми свою саблю«, сказалъ онъ, отдавая ее Алексѣю. »Я знаю, что ты въ моей кущѣ, подъ моей кровлею, на меня не поднимешь оружія.«

Алексѣй принялъ саблю съ тягостнымъ чувствомъ внутренней борьбы. Онъ не могъ не цѣнить въ этомъ человѣкѣ геройской смѣлости, инстинктивной вѣры въ характеръ противника и великодушія къ побѣжденному врагу, но не хотѣлъ высказать этого ни однимъ движеніемъ непріятелю своего государя.

»Погубитъ тебя твой безпутный нравъ!« проворчалъ сквозь зубы Мулюха, »да и насъ съ тобою!«

Но Самозванецъ не слышалъ или не хотѣлъ слышать этихъ словъ.

»Ну, друзья мои«, сказалъ онъ, »не удалось мнѣ добыть себѣ на походную постель медвѣжью шкуру: пошелъ медвѣдь сомамъ да щукамъ на завтракъ, — зато приведемъ въ станъ живого однорога. Пойдемте.«

»Съ нами, осударь, здѣсь, за кустарникомъ, лошади«, сказалъ Мулюха. »Мы прискакали верхами, лишь только услыхали медвѣжій ревъ.«

»Какъ же вы услыхали изъ Чертова Хайлища?«

»Эхъ, осударь! *ты* не боишься за себя, такъ *мы* за тебя боимся: у насъ ты всегда въ береженьи и какъ бы не твой приказъ, то шагу бы отъ тебя не отступили.

»Вотъ онъ *счастливѣйшій на свѣтѣ вольный человѣкъ!*« ([1]) сказалъ Самозванецъ: »остаться наединѣ съ собой не имѣетъ воли. Дивна судьба человѣческая! Можетъ быть, на престолѣ Московскомъ я буду вспоминать съ сожалѣніемъ о тѣхъ темныхъ годахъ, когда наслѣдникъ Ивана Васильевича Грознаго бродилъ, никѣмъ незнаемый, съ рогатиной въ рукѣ, по Литовскимъ дебрямъ, или носился на конѣ по степямъ Запорожскимъ.«

Между тѣмъ лошади были приведены. Къ одному изъ сѣделъ привязанъ былъ соболій, крытый узорчатой парчей кожухъ, вмѣстѣ съ высокою медвѣжьею шапкою. Самозванецъ перемѣнилъ свой изорванный тулупъ и длинноухую шапку на эту одежду, вскочилъ проворно на коня и, не заѣзжая въ Чертово Хайлище, поскакалъ прямо въ

([1]) Самозванецъ припоминаетъ грамоты Кавказскихъ мурзъ къ Московскимъ государямъ, которыя начинались обыкновенно такъ: »Земледержцу, величайшему и счастливѣйшему вольному человѣку, бѣлому царю«.

станъ, расположенный на пепелищѣ Новгородскаго посада, противъ осаждаемой крѣпости.

Алексѣй также долженъ былъ сѣсть на коня и слѣдовать за нимъ вмѣстѣ съ другими. Какими глазами взглянулъ онъ, приближаясь къ стану, на крѣпостныя стѣны, въ которыхъ оставался его другъ Басмановъ съ горстью вѣрныхъ стрѣльцовъ, посреди тайныхъ мятежниковъ, готовыхъ погубить его ежеминутно! Тутъ же онъ опять вспомнилъ объ отцѣ своемъ, которому помочь отнята у него теперь и надежда. Что́ будетъ съ нимъ и какова будетъ собственная судьба его? Для того ли онъ изучилъ ратное дѣло въ чужеземщинѣ, чтобы сидѣть въ плѣну, видѣть колебаніе престола царскаго и ничего не предпринять на его защиту?

ГЛАВА XIX.

Станъ Самозванца подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ похожъ былъ на деревню; только избы, или шалаши, срублены были наскоро, покрыты по большей части зелеными сосновыми вѣтвями, и не было при нихъ ни дворовъ, ни заборовъ. Кругомъ насыпанъ былъ невысокій снѣговой валъ, укрѣпленный, вмѣсто частокола, рогатками, или просто сосновыми стволами, съ торчащими вокругъ сучьями. Изъ-за этой ограды высовывались въ поле пушечныя жерла, направленныя по большей части на крѣпость. На двухъ противоположныхъ концахъ ограды находились ворота, изъ которыхъ одни были постоянно отворены, и сквозь нихъ въѣзжали и выѣзжали пошевни и дровни окрестныхъ поселянъ, для которыхъ въ стану открылся выгодный сбытъ хлѣба, лошадинаго корма и другихъ хозяйственныхъ произведеній. Нѣсколько паръ верховыхъ Донцевъ

видно было въ полѣ. Они посмѣнно разъѣзжали цѣпью вокругъ стана, для предохраненія его отъ нечаянной вылазки съ крѣпости, и сообщались съ другими сторожами, которыя тянулись отъ Новгородка до самого Брянска и передавали Самозванцу *доѣзжія памяти* обо всемъ, что́ происходитъ въ подвластной ему странѣ, и разныя вѣсти о царской рати, о волненіи государства и о самой Москвѣ.

Станъ былъ раздѣленъ, большими промежутками, на три части: въ одной помѣщалась Польская рать, подъ начальствомъ Сендомирскаго воеводы, Мнишка, въ другой — козаки, подъ предводительствомъ отамана Корелы, а въ третьей — Сѣверскій сбродъ, подъ начальствомъ Новгородскаго воеводы, Мулюхи, и Черниговскаго, Протазанова. Пунктомъ соединенія ихъ и мѣстомъ военныхъ собраній служила находившаяся въ самой срединѣ площадь, на которой производился безпрестанный торгъ и кипѣло пьянство, потому что во многихъ мѣстахъ по краямъ ея раскинуты были кружала (кабаки), въ которыхъ, вокругъ огней, во всякое время дня и ночи, можно было найти толпы игроковъ въ кости, въ зернь, въ шахматы и веселые кружки любителей пива, браги и горячаго вина. На той же площади стояла церковь, отличавшаяся отъ прочихъ построекъ только византійскимъ досчатымъ куполомъ да крестомъ. Самозванецъ направился прямо къ ней,

слѣдуя обычаю Русскихъ дюдей высшаго званія — начинать утро посѣщеніемъ храма Божія. Но прежде нежели онъ ея достигнулъ, онъ былъ встрѣченъ, при въѣздѣ въ ворота своей крѣпости, пушечнымъ выстрѣломъ и Краковскимъ маршемъ, нестройно, но зато оглушительно съигранными Польскими трубачами.

Въ церкви онъ занялъ свое царское мѣсто и велѣлъ Алексѣю стоять возлѣ себя. Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько поклоновъ, какъ къ нему начали подходить, одинъ за другимъ, разные начальные люди. Прежде всѣхъ подошелъ воевода Сендомирскій, поздравилъ его, на своемъ родномъ языкѣ, съ добрымъ утромъ и освѣдомился объ охотѣ, прибавя съ сожалѣніемъ, что привычка вставать не раньше восхода солнца лишила его, пана воеводу, удовольствія сопутствовать царевичу.

»Мнѣ не нужно вашего сопутствія«, отвѣчалъ по-Польски Самозванецъ. »Вы не понимаете удовольствія — очутиться самъ-на-самъ съ разъяреннымъ звѣремъ и смотрѣть ему въ кровавые глаза, между тѣмъ какъ кругомъ и земля и деревья содрогаются отъ его рева. Есть, воевода, въ человѣкѣ такая сила, которой не можетъ противиться неодаренная безсмертною душой природа.«

»Такъ вы опять, найяснѣйшій царевичъ, предавались своей опасной забавѣ?« сказалъ воевода. »Опять убѣгали отъ насъ одни, безъ провожатыхъ, въ пустыню? Проснувшись утромъ, я

узналъ, что вы уѣхали изъ стана послѣ того, какъ я простился съ вами, выпивши круговую, и легъ въ постель. Неужели для васъ пріятнѣе сонъ на снѣгу, подъ открытымъ небомъ, нежели въ теплой хороминѣ?«

»Я не ложился спать вовсе«, отвѣчалъ Самозванецъ.

»Какъ? послѣ вчерашней облавы и вчерашняго ужина? Боже мой! да вы вчера съ самого утра до ночи съ сѣдла не вставали! трехъ лошадей перемѣнили! а за ужиномъ, кажется, вы были не лѣнивѣе насъ!«

»Чтó вы дивитесь, панъ воевода, такимъ пустякамъ? Хотите, я не буду спать еще одну ночь, не буду до разсвѣта выпускать изъ рукъ ковша; а утромъ подавайте мнѣ медвѣдя, — моя рогатина ни на одинъ волосъ не уклонится отъ цѣли: попаду въ самое сердце.«

Алексѣй могъ бы на это возразить Самозванцу, вспомня, къ какой схваткѣ принудилъ его неповоротливый Сѣверянинъ мишка, но не таково было расположеніе его души въ эту минуту. Онъ молился усердно, подъ пѣніе клира, за царя, за Русь православную и за своего бѣднаго отца.

»Найяснѣйшій царевичъ«, сказалъ воевода Сендомирскій, »вашъ мужественный, геройскій духъ, очевидно, ищетъ себѣ пищи въ опасностяхъ, но позабываетъ, что на васъ опираются надежды

Московіи, Польской рѣчи посполитой и самого Рима! Я могъ бы напомнить вамъ также объ одномъ существѣ, котораго счастье зависитъ отъ вашего благоденствія, но льщу себя надеждою, что вы помните о немъ и безъ того.«

»Вы не ошибаетесь, вельможный воевода«, отвѣчалъ Самозванецъ: »глядѣть въ глаза паннѣ Маринѣ я предпочелъ бы удовольствію поражать взглядомъ пылающіе яростію глаза медвѣдя. Но гордая панна часто была неукротимѣе Сѣверской медвѣдицы, и я, незнакомый ни съ какимъ страхомъ, трепеталъ отъ ея взгляда и былъ боязливѣе преслѣдуемаго оленя.«

»Пресвѣтлѣйшій царевичъ!« сказалъ воевода, »покорите вашихъ враговъ, и громъ вашей славы подѣйствуетъ на ея благородное сердце, какъ чары волшебника. Гордый сознаніемъ своихъ достоинствъ, взглядъ ея уступитъ тогда вашему монаршему взгляду, какъ уступаетъ свѣтъ денницы сіянію солнца. Какъ истинная патріотка и дщерь католической Церкви, она преклонится съ благоговѣніемъ, съ любовію, съ вѣчною преданностію передъ другомъ Польши и апостоломъ (эти слова онъ произнесъ очень тихо) единой истинной вѣры.«

Съ этимъ онъ низко поклонился и отошелъ къ своему мѣсту величавою поступью.

»Другъ Польши, апостолъ католической вѣры!« сказалъ Самозванецъ, наклонясь немного къ Але-

ксѣю съ самою дружескою короткоттію. »Эти безмозглые Ляхи воображаютъ, что я за ихъ лукавство буду платить искреннею преданностію! Ничего для меня не сдѣлавъ, они выкраиваютъ себѣ лучшіе куски изъ моего царства и уже заблаговременно крестятъ насъ въ свою вѣру, какъ язычниковъ! Давно ли самъ вельможный воевода хотѣлъ оставить меня на произволъ судьбы? Но я силенъ не ихъ помощью, а своимъ священнымъ правомъ и помощію Божіею.«

Въ эту минуту подошелъ къ Самозванцу бояринъ Берендѣй и, увидя, къ кому онъ обращался такъ дружески, невольно отступилъ назадъ. Глаза его мѣряли Алексѣя съ головы до ногъ и съ ногъ до головы, какъ-будто онъ увидалъ выходца съ того свѣта.

»Чтó, Берендѣюшка, серебряная моя бородушка!« сказалъ ему ласково Самозванецъ, »чтó тебя такъ озадачило?«

»Озадачило, али нѣтъ, государь«, отвѣчалъ Берендей, »дозволь сперва отдать тебѣ утренній мой поклонъ и поздравить тебя съ счастливымъ ловомъ.«

»Да, бояринъ, гдѣ потеряешь, не чаешь, гдѣ найдешь, не знаешь. Медвѣдь мертвый у меня изъ рукъ выскользнулъ, а однорогъ живой въ руки попалъ. Вотъ, тебѣ, бояринъ, зять, такъ зять!«

»У меня«, отвѣчалъ гордо Берендѣй, »про та-

кихъ зятевей не одна еще дѣвка въ терему найдется.«

»Ну, не всякъ такая будетъ ворона, какъ Протазановъ. Однорогъ мой различитъ бѣлую лебедушку отъ сѣрой гусыни. А съ Протазановымъ ты, бояринъ, жестокую шутку пошутилъ.«

»Знай сверчокъ свой шестокъ; не смѣй всякой бродяга зориться на высокородную невѣсту, на Берендѣевну.«

»Нѣтъ, мнѣ жаль бѣдняги. Ты бы наградилъ его хоть одною деревушкою.«

»Будетъ съ него и бѣглой холопки, государь!«

»Такъ не забывай же«, сказалъ сурово Самозванецъ, »кто у этой холопки сидѣлъ посаженымъ отцемъ! По мужѣ жена славится, а онъ боярскаго роду и будетъ у меня бояриномъ; а коли жаль тебѣ ради меня деревушки, такъ я награжу его вдесятеро.«

»Государь«, сказалъ Берендѣй, »все мое принадлежитъ тебѣ; возьми и отдай, кому твоя воля. Только и моего у меня — моя родовая древняя честь. Она мнѣ запрещаетъ давать въ приданое холопкѣ вотчинныя деревни!«

»Ну, ладно, ладно, мой ты серебряной. Я найду наслѣдника твоимъ вотчинамъ, ровнаго тебѣ по родовой чести. Въ какомъ монастырѣ, сказалъ ты мнѣ, дочь твоя?«

»Государь!« проговорилъ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ Берендѣй.

»Говори смѣло«, сказалъ, взглянулъ на Алексѣя, Самозванецъ: »она будетъ его.«

»Его?« повторилъ Берендѣй, бросивъ на Алексѣя презрительный взглядъ. »Далеко еще ему до сватовства за Берендѣевну.«

»Не дальше, бояринъ, какъ мнѣ до престола«, сказалъ Самозванецъ. »Знай, что въ тотъ день, какъ сяду я на прародительскомъ престолѣ моемъ, Алексѣй Однорогъ будетъ подъ вѣнцемъ съ дочерью боярина Берендѣя.«

»Пущай, государь, онъ сперва заслужитъ твоихъ милостей«, отвѣчалъ Берендѣй.

»Онъ заслужилъ ихъ уже! онъ преданъ царю не меньше твоего, только ошибается въ его имени.«

»Такъ ты, государь, обѣщалъ мою дочь Годуновцу!«

»Онъ не Годуновецъ: онъ мой; ты видишь его въ моихъ рукахъ. Я сберегу его отъ грѣха — воевать противъ прирожденнаго государя; а когда Москва назоветъ меня своимъ царемъ, тогда назоветъ и онъ.«

»Дивны, государь, твои рѣчи и поступки«, сказалъ, пожимая плечами, Берендѣй.

»Я знаю«, отвѣчалъ, принявъ суровый видъ, Самозванецъ: »вы, сидя въ этой глуши, не доросли до того, чтобъ разумѣть ихъ. По крайней мѣрѣ«, прибавилъ онъ грозно, »надѣюсь, что у васъ хватитъ ума повиноваться моей волѣ.«

»Воля царская — воля Божія«, сказалъ Берендѣй и, съ низкимъ поклономъ, удалился.

»Что́ же, еслибъ эта борода знала всѣ твои сегодняшнія похожденія?« обратился Самозванецъ, съ благосклонною кротостью, къ Алексѣю и, кивнувъ одному изъ стоявшихъ близко начальныхъ людей, велѣлъ позвать къ себѣ Мулюху.

»Послушай, Молотъ Молотовичъ«, сказалъ онъ ему: »вели своимъ, чтобъ ни гу-гу про давишнее дѣло Однорогово, и смотри мнѣ — уважать и почитать моего рыцаря по его роду и достоинству. — Поймутъ ли эти медвѣди твое геройство?« прибавилъ онъ, наклонясь немного къ Алексѣю. »Я тебѣ совѣтую, для твоей же пользы, не выставлять впередъ безъ надобности твоего рога. Ходи смирной овцею, пока придетъ твое время быть прямымъ Однорогомъ.«

Все теперь объяснилось Алексѣю. Тайна, которою окружилъ Берендѣй отъѣздъ своей дочери, показывала, что онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ Самозванцева дѣла и, на всякій случай, желалъ скрыть слѣды ея. Но эта дѣвушка зависитъ отъ врага его государя, и хотя врагъ этотъ, по какому-нибудь хитрому расчету или, пожалуй, даже изъ великодушнаго сочувствія къ доблестному вѣрноподданничеству своего плѣнника (Алексѣй съ трудомъ допускалъ послѣднее), самъ готовъ помогать ему въ сватовствѣ за Берендѣевну, но эта помощь не радовала Алексѣя.

Неожиданно блеснувшій ему лучъ радости вдругъ затмился новыми безпокойствами. Самозванецъ, очевидно, смотрѣлъ на дочь Берендѣя, какъ на средство привязать къ себѣ молодого Однорога; а можетъ ли онъ — даже и за эту цѣну — уклониться отъ своего долга вѣрноподданства царю Борису Ѳедоровичу? Найдя то, чтó считалъ на вѣки потеряннымъ, онъ снова потерялъ его. Передъ нимъ блеснуло не солнце, а молнія; тучи сдвинулись гуще прежняго.

Между тѣмъ къ Самозванцу подошелъ отаманъ Донскихъ козаковъ, Корела, дѣтина дюжій, приземистый, съ широчайшею черною бородою, по которой замѣтною бурою струею лежали богатырскіе усы. Глаза его, отъ привычки соглядать въ степяхъ разбросанныя далеко козачьи примѣты, сакмы, и пробирающихся по нимъ пограничныхъ хищниковъ, разбѣгались во всѣ стороны; но въ нихъ замѣтно было какое-то торжество, такъ что Самозванецъ тотъ-часъ спросилъ:

»Съ какою вѣстью, Перекати-поле?«

»Съ самою дорогою, осударь царевичъ«, отвѣчалъ Корела: »ждалъ не дождался твоего возврата, чтобъ тебѣ первому передать ее.«

»Чтó такое?«

»Гости идутъ.«

»Въ-правду?«

»Идутъ, государь. Мои Донцы еще на разсвѣ-

тѣ дали мнѣ знать. Я велѣлъ никому покамѣсть не сказывать.«

»Хорошо сдѣлалъ. Гдѣ же? далеко ли? много ли?«

»Ночевали они на полъ-дня пути. Чуть ли не будутъ здѣсь сегодня. А много ли? тысячь десятковъ шесть наберется.«

Алексѣй догадался, что рѣчь идетъ о Брянской рати; сердце его забилось надеждою.

»Слава тебѣ, Христосъ!« сказалъ, перекрестясь набожно, Самозванецъ. »Вели клиру пѣть: *Возбранной воеводѣ побѣдительную;* вели звонить въ колокола и выстрѣлить три раза изъ Черниговской пищали, Медвѣдицы. Наступило наконецъ время суда Божія между мной и Борисомъ! Не устоитъ его сила противъ моей правды.«

Новость о приближеніи непріятелей вдругъ распространилась въ собраніи стоявшихъ въ церкви; клиръ запѣлъ торжественную побѣдную пѣснь, какъ-будто для побѣды надъ Борисомъ не доставало только появленія его войска; и одинъ только Алексѣй молился за истиннаго царя Московскаго, среди толпы мятежниковъ.

При выходѣ изъ церкви, Самозванца встрѣтила толпа сторожевыхъ козаковъ. Раздались восклицанія: »Сеунчъ, сеунчъ изъ Брянской рати!« а нѣкоторые изъ окружавшихъ »прирожденнаго осударя« говорили въ полголоса, съ какою-то таинственностью:

»Отъ Дмитрія Ивановича Шуйскаго. Теперь наша взяла!«

Приведенный къ Самозванцу сеунчъ былъ дѣйствительно боярскій сынъ изъ Брянской рати. Онъ воздалъ мнимому царевичу подобающую честь, но на вопросъ его о новостяхъ просилъ позволенія сообщить ихъ ему наединѣ. Самозванецъ велѣлъ ему идти за собой во дворецъ.

Алексѣй приотсталъ немного позади, не раздѣляя нетерпѣливаго любопытства, съ какимъ всѣ пробирались впередъ при вѣсти о сеунчѣ. Тѣснимый и толкаемый выходившею изъ церкви толпою, онъ почувствовалъ, что кто-то тянетъ его за рукавъ. Какъ же онъ удивился, когда, оглянувшись, увидѣлъ почтеннаго своего дядьку, Добрыню!

»Ты какъ сюда попалъ?« спросилъ онъ.

»Да такъ же, какъ и твоя милость«, отвѣчалъ Добрыня. »Брожу по лѣсу, тужу по твоей буйной головушкѣ, анъ глядь — мой соколъ ѣдетъ съ осударемъ. Я и себѣ присталъ къ поѣзду. Вотъ и все тутъ. Ну, что? теперь небось Добрыня перестал быть старымъ олухомъ? Валялся бъ ты безъ этого олуха въ снѣгу; разнесли бы твои кости по кустамъ Сѣверскіе волки. А по милости Добрыни Пахомыча, вотъ мы въ чести и въ милости у осударя. Слыхалъ я, какъ тебя осударь помиловалъ; безъ моего старанья было бы не то съ тобою.«

»А гдѣ мои провожатые?« спросилъ не слушая его, Алексѣй.

»Провожатые? осадные сидѣльцы Новгородскіе? Да, я думаю, ужъ въ острожкѣ доселѣ. Метнулись отъ того рыку безъ памяти. И я сперва оробѣлъ, и туды жъ за ними, да послѣ опомнился и воротился искать тебя. Какъ подумалъ про твою смерть, такъ и страхъ весь прошелъ; у медвѣдя, кажись, изъ пасти выхватилъ бы тебя, на нечистую силу пошелъ бы! А ты, батюшка мой, гоняешь отъ себя старика, ровно собаку! Ну, да Богъ съ тобой! не ты про меня, а я про тебя на свѣтъ рожденъ. Слава те, Христосъ! уберегъ-таки я тебя отъ погибели! теперь только служи да прями осударю-царевичу, такъ и батюшку изъ бѣды выручимъ. Господь мнѣ за мои молитвы видимо помогаетъ.«

Алексѣй теперь уже не разувѣрялъ Добрыню въ его ошибкѣ. Въ немъ видѣлъ онъ представителя безсмысленной и легковѣрной черни, увлеченной чудесностью судьбы мнимаго царевича. Между тѣмъ Самозванецъ вспомнилъ о своемъ плѣнникѣ; къ Алексѣю прибѣжали нѣсколько молодыхъ дворянъ и почти потащили его »къ государю.«

ГЛАВА XX.

Алексѣй былъ приглашенъ Самозванцемъ къ обѣду и вошелъ за нимъ, въ числѣ нѣсколькихъ Польскихъ и Московскихъ начальныхъ людей, во дворецъ.

Такъ называлась большая изба, срубленная безъ всякихъ украшеній и отличавшаяся только двумя пушками и двумя покрытыми кожею санями съ зелейною казною, которые расположены были симметрически по обѣимъ сторонамъ входа. Внутри дворца стѣны были покрыты висящими кожами, позолоченными и разрисованными наподобіе ковровъ, а лавки застланы красною китайкою. Посреди комнаты стоялъ уже покрытый узорчатымъ ковромъ столъ, и молодые дворяне, *стольники*, рѣзали и раскладывали по немъ хлѣбъ.

Оставивъ свою свиту въ первой комнатѣ, Самозванецъ удалился съ сеунчемъ въ свой кабинетъ и вышелъ оттуда, чрезъ нѣсколько минутъ,

съ радостнымъ лицемъ, успѣвъ переодѣться въ зеленый Польскій кафтанъ, съ золотыми позументами, съ пуговицами и кистями.

»Друзья!« сказалъ онъ, обращаясь къ собранію, »есть Богъ на небеси, а правда на землѣ; она восторжествуетъ! На насъ идетъ пятьдесятъ тысячь; но у этого великана, какъ у сказочныхъ чудищь, есть *причинное мѣсто*, и я знаю, гдѣ оно. Ударимъ, и все будетъ кончено.«

Громкія восклицанія восторга огласили избу-дворецъ.

»Передовой полкъ Брянской рати«, продолжалъ Самозванецъ, »сегодня перейдетъ, выше насъ, Десну. Панъ Ратомскій!« обратился онъ къ одному изъ Польскихъ ротмистровъ, »вы будете сегодня обѣдать на сѣдлѣ. Возьмите съ собой двѣ сотни стрѣлковъ и откройте холостыми зарядами съ береговой высоты, при переправѣ, пальбу. Кому наскучило зваться Годуновцемъ, тотъ догадается, и вы воротитесь въ станъ съ новыми пріятелями.«

Полякъ взглянулъ жалобно на принесенныя въ это время стольниками дымящіяся паромъ кушанья и храбро поблагодарилъ за предоставленную ему честь встрѣтить первому войско Бориса Годунова.«

»Объ одномъ только жалѣю«, заключилъ онъ, вдыхая расширенными ноздрями запахъ кушаньевъ и сильно напоминая собою коня, подходящаго къ яслямъ, »объ одномъ только жалѣю, что не имѣю приказанія врѣзаться съ своими героями въ сре-

дину передового полка, разсѣять его и навести ужасъ на все Борисово войско.«

»Храбрый панъ ротмистръ!« отвѣчалъ Самозванецъ, лукаво взглянувъ на Алексѣя, »уймите порывъ своего геройства до тѣхъ поръ, пока рать Борисова заслужитъ отъ меня наказаніе. Теперь же я вижу въ ней соотечественниковъ Черниговцевъ, Путивльцевъ и Комаринцевъ, которыхъ я покорилъ однимъ своимъ именемъ.«

»Государь!« отвѣчалъ панъ Ратомскій, »никто болѣе моего не желаетъ успѣха вашему предпріятію, однакожъ, не могу не выразить сожалѣнія, если храбрымъ Полякамъ, послѣдовавшимъ за вами, предопредѣлено только быть свидѣтелями вашего торжества, но не раздѣлять съ вами побѣдныхъ лавровъ! Шотландцы, Швейцарцы и всѣ другіе воины служатъ иностранымъ государямъ за деньги; но Полякъ ищетъ одной славы, и повѣрьте, что еслибъ мы думали, что наши сабли будутъ здѣсь ржавѣть праздно въ ножнахъ, то и половина храбрыхъ дворянъ, окружающихъ васъ въ эту минуту, не ступила бы на Московскую землю«.

Самозванецъ какъ-то странно усмѣхнулся, и нижняя губа его слегка задрожала.

»Жаль«, сказалъ онъ, предаваясь раздражительности своего характера, »что на ваши безкорыстныя чувства такъ мало было охотниковъ, когда мои Донцы перехватили въ бочкахъ Бори-

сову казну! Правда, козакъ скорѣе обойдется безъ тулупа, чѣмъ Полякъ безъ пива. Можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ ошибся, поспѣшивъ одѣть моихъ вѣрныхъ Сѣверскихъ козаковъ, но жаль было смотрѣть на нихъ. Я желалъ бы также, панъ ротмистръ, чтобъ и тогда вашъ мужественный духъ одушевлялъ всѣ Польскія хоругви, когда онѣ садились на коней, чтобъ оставить меня одного играть въ пушки съ Басмановымъ.... Помните, передъ сдачею Сѣвска и Путивля?«

»Гдѣ нѣтъ враговъ, тамъ нѣтъ и мужества, государь«, отвѣчалъ непобѣдимый ротмистръ. »Наши хоругви пришли воевать не съ морозами, а съ людьми.«

»Съ людьми, конечно, лучше воевать, чѣмъ противъ людей!« перебилъ его Самозванецъ и громко засмѣялся.

Смѣхъ его подхватили другіе. Разговоръ, принявшій было непріятный тонъ, обратился въ шутку. Самозванецъ обуздалъ во-время свою досаду, зная, что Поляки еще не разъ ему пригодятся, хотя онъ и не былъ доволенъ ихъ поведеніемъ.

Сѣли за столъ. Самозванецъ указалъ Алексѣю одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ, къ изумленію и едва скрываемому неудовольствію своихъ приверженцевъ. Самъ онъ помѣстился за особымъ столикомъ, такъ какъ въ тѣ времена считалось неприличнымъ сидѣть за столомъ царю вмѣстѣ съ подданными, и Димитрій, при всей короткости

своего обращенія съ своими приверженцами, строго соблюдалъ всѣ отличія, принадлежавшія присвоенному имъ сану. Разговоръ во время обѣда шелъ буйно и весело. Самозванецъ позволялъ обращаться къ себѣ каждому, — только отъ времени до времени суровымъ словомъ или язвительнымъ упрекомъ останавливалъ, на самомъ разгулѣ рѣчи, какого-нибудь нахала. Онъ видимо преобладалъ надъ умами всего общества своими мнѣніями о разныхъ предметахъ и познаніями въ наукахъ, малоизвѣстныхъ на Руси.

Алексѣй дивился его рѣчамъ и не могъ бы никому повѣрить, чтобъ Чудовскій монахъ Отрепьевъ, за котораго, по грамотѣ, царя Бориса, всѣ тогда принимали Самозванца, могъ въ короткое время такъ развить свои способности и обогатить себя свѣдѣніями по разнымъ отраслямъ знанія. Видно было, что онъ съ самого дѣтства воспитанъ былъ въ доброй школѣ, а не по собственному влеченію усвоилъ себѣ въ короткое время иноземную образованность. Но кто онъ? откуда? Это было такою жъ тайною для Алексѣя, какою остается для насъ. Одно только онъ зналъ навѣрное: что это не сынъ царя Ивана Васильевича, потому что старикъ Однорогъ собственными глазами видѣлъ убіеннаго Димитрія во гробу. Какая дерзость рѣшиться на такую роль! Какое нечестіе возмутить спокойное государство своею ложью! И, однакожъ, Алексѣй чувствовалъ тай-

ное влеченье къ этому человѣку: въ его ухваткахъ и въ выраженіи голоса было что-то Басмановское; своимъ поведеніемъ онъ вовсе не походилъ на низкаго пройдоху; онъ, по-видимому, былъ убѣжденъ въ своей царственности, а его поступки съ Алексѣемъ обнаруживали въ немъ рыцарское великодушіе и довѣрчивость. Все это непобѣдимо покорило Самозванцу душу молодого человѣка, хотя въ то же время онъ былъ готовъ, до послѣдняго издыханія, сражаться съ нимъ за царя Бориса Ѳедоровича.

Можетъ быть, также и Параша примѣшивалась въ это чувство. Она, конечно, играла далеко не первую роль въ стремленіяхъ Русскаго добра молодца семнадцатаго вѣка, но всё же, какъ ни мало было развито его сердце для любви, прелестная дѣвушка, своимъ двойнымъ, исполненнымъ тайны появленіемъ и препятствіями, заступившими ему къ ней дорогу, произвела на него такое впечатлѣніе, что онъ, посреди безпокойнымъ своихъ мыслей, часто останавливалъ на ней душевный взоръ свой и, можетъ быть, только не смѣлъ себѣ сознаться, до какой степени дорогъ ему этотъ плѣнительный, цвѣтущій образъ съ потупленными въ землю глазами.

Каковы бyни были побужденія и разсчеты Самозванца, но онъ высказалъ свое намѣреніе помочь его женитьбѣ на Парашѣ. Алексѣй не могъ не чувствовать къ нему признательности, хотя —

еслибъ это отъ него зависѣло — охотно вырвалъ бы изъ души всякое чувство къ этому врагу царя, кромѣ ненависти и мести. Мало того: онъ готовъ былъ бы отказаться навѣки отъ Параши, которой судьба находилась въ рукахъ Самозванца, за малѣйшую возможность дѣйствовать противъ него въ пользу царя Бориса, и въ то время, когда Самозванецъ ласково обращался къ нему то́ словомъ, то́ взглядомъ, онъ строилъ въ умѣ разные планы, какъ отъ него освободиться.

Приходъ Брянской рати радовалъ его, наполняя въ то же время его душу живѣйшими опасеніями насчетъ царскаго дѣла. Онъ желалъ бы быть теперь между царскими воеводами: можетъ быть, его совѣты, какъ ученаго стратега и человѣка, знающаго расположеніе Самозванцева стана, были бы имъ очень полезны; но какъ ускользнуть отсюда? Рыцарская довѣрчивость Самозванца еще не дѣлала его свободнымъ; Самозванецъ, по-видимому, не намѣренъ былъ отпускать его отъ себя ни днемъ, ни ночью.

Вставъ изъ-за стола, онъ насмѣшливо послалъ Русскихъ своихъ приверженцевъ соснуть послѣ обѣда, по ихъ обычаю, а себѣ и Алексѣю велѣлъ подать лошадей и объѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ весь станъ.

»Зачѣмъ онъ меня вездѣ за собой таскаетъ?« думалъ Алексѣй. »Неужели онъ самъ рѣшился быть моимъ сторожемъ? Или, можетъ быть, онъ

этимъ охраняетъ меня отъ грубостей своихъ пріятелей? А можетъ — чего добраго — онъ хочетъ сдѣлать гласнымъ въ Брянской рати, что будто бы сынъ боярина Однорога въ измѣнѣ, да этакъ и другихъ пошатнуть?«

Но эта послѣдняя догадка уступала мѣсто убѣжденію, что Самозванецъ чувствуетъ къ нему то же, что́ почувствовалъ Басмановъ, съ которымъ онъ, на взглядъ Алексѣя, такъ сходствовалъ, и что ему пріятно видѣть возлѣ себя человѣка, вышедшаго изъ той же школы, что и онъ самъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Лжедимитрій съ видимымъ наслажденіемъ разспрашивалъ его о томъ, чему онъ учился и что́ видалъ въ чужихъ краяхъ. Съ нимъ онъ оставлялъ свой высокомѣрный, такъ сказать, сценическій тонъ и бесѣдовалъ, какъ равный съ равнымъ, или какъ путникъ, столкнувшійся на дорогѣ съ другимъ путникомъ. Алексѣй болѣе и болѣе поддавался очарованію его разговора. Отбросивъ риторическую пышность, которою онъ ослѣплялъ умы слушателей въ публичныхъ своихъ монологахъ, Самозванецъ замѣнилъ ее какою-то вкрадчивою теплотою, такъ что Алексѣй, переходя съ нимъ отъ предмета къ предмету, самъ не замѣтилъ, какъ высказалъ ему свои не только семейныя, но и сердечныя обстоятельства.

»Браво!« воскликнулъ вдругъ Самозванецъ. »Я думалъ, что ты готовъ былъ жениться только по

обычаю, какъ у васъ на Руси водится; а коли дѣло коснулось до сердца, такъ я тутъ постою горой за пріятеля. Самъ я, братъ, хромаю на эту ногу и готовъ лечить каждаго. Что ты скажешь, если мы, раздѣлавшись съ Борисовымъ войскомъ, вызовемъ къ себѣ изъ монастыря прелестную затворщицу?«

»Я не прошу въ посаженые отцы Самозванца«, отвѣчалъ Алексѣй, которому послѣднія слова непріятно напомнили, съ кѣмъ онъ началъ было такъ дружески бесѣдовать.

»И не примешь отъ него хорошенькой невѣсты съ Берендѣевскими вотчинами?« спросилъ тотъ, не смущаясь и не измѣняясь въ лицѣ.

»Отпусти меня къ воеводѣ Шуйскому, такъ я откажусь на вѣки и отъ невѣсты и отъ вотчинъ«, сказалъ Алексѣй.

»Брависсимо, Алексѣй Однорогъ!« воскликнулъ Самозванецъ отъ всего сердца. »Нѣтъ, братъ, съ такими рѣдкими находками такъ легко не разстаются. Не отпущу я тебя къ Шуйскому: я сберегу тебя у себя за пазухой до тѣхъ поръ, пока ты увидишь во мнѣ не бродягу Самозванца, а истиннаго царя Московскаго. Я давно о тебѣ слышалъ, я зналъ, что это *ты* помогаешь Басманову такъ знатно обороняться, но никакъ не думалъ, чтобъ съ мужествомъ и вѣрностью у тебя было такое великодушное сердце.«

Слышать искреннюю похвалу отъ всякаго прі-

ятно, но слышать ее отъ непріятеля, отъ соперника въ кровавой борьбѣ и оставаться равнодушнымъ — рѣшительно невозможно. Самозванецъ ясно увидѣлъ, какъ онъ удачно пошевельнулъ душу своего суроваго плѣнника.

»Полно, дружище, кобяниться«, сказалъ онъ, ударивъ его по плечу. »Ты видишь, я уважаю твой умъ и чувства, я не добиваюсь, чтобъ ты повѣрилъ мнѣ на-слово, что я царевичъ Московскій. Я не предполагаю, чтобъ ты призналъ меня имъ изъ низкаго страха, или изъ расчетовъ на будущія милости. Я понимаю, что вѣрность царю всего для тебя дороже, и чѣмъ ты непоколебимѣе, тѣмъ драгоцѣннѣе въ моихъ глазахъ. Брось же свою угрюмость. Обожди, пока вся Русь увидитъ во мнѣ прирожденнаго своего государя;— это будетъ скоро; а до тѣхъ поръ смотри меня, какъ на товарища по ремеслу, какъ на великодушнаго рыцаря, взявшаго тебя въ плѣнъ собственною рукою.«

Алексѣй былъ тронутъ честною прямотою этихъ словъ больше, нежели всѣмъ предшествовавшимъ его поведеніемъ.

»Богъ тебя знаетъ, кто ты таковъ!« сказалъ онъ, поколебанный на минуту въ своемъ прежнемъ убѣжденіи; »но если злые люди, царскіе враги, обманули тебя самого, то да образумитъ тебя Господь, а я, Алексѣй Однорогъ, готовъ по-

мочь тебѣ при случаѣ всѣмъ, что́ не будетъ во вредъ моему государю.«

»Спасибо, пріятель«, сказалъ своимъ прямодушнымъ, такъ сказать, бывачнымъ тономъ Самозванецъ. »Я вѣрю, что ты способенъ поступить со мною такъ, какъ поступилъ съ тобой сегодня я. Теперь я попрошу тебя, не показывай явно, что я для тебя не прирожденный государь. Я не требую отъ тебя всѣхъ знаковъ почитанія, какія мнѣ подобаютъ; но ты долженъ перемѣнить свое странное поведеніе.«

»На это я не могу согласиться«, сказалъ Алексѣй. »Я не хочу казаться ничѣмъ другимъ передъ людьми, какъ вѣрнымъ царскимъ слугою. А если тебѣ противенъ мой обычай, то не приказывай мнѣ быть подлѣ себя. Я не хочу, чтобъ обо мнѣ пошелъ говоръ въ народѣ, что и я держу твою сторону.«

»Ты, словно красная дѣвушка, бережешь свою честь«, отвѣчалъ Самозванецъ. »Инъ быть по твоему: оставайся господиномъ своего времени. Только помни, братецъ, что ты мой плѣнникъ: не вздумай сбѣжать со стану.«

»Объ этомъ, государь, не тревожься«, раздался вдругъ позади голосъ Мулюхи. »Я давно закидывалъ силки на молодчика; теперь не выпущу его въ чисто поле. Мой Огонь-Борода, даромъ, что объ одномъ глазѣ, слѣдитъ за нимъ, что кошка за мышью.«

»Ладно, Мулюха«, сказалъ Самозванецъ. »Отведи жъ ему особую ставку и смотри, чтобъ онъ ни въ чемъ не нуждался. Кушанье и питье отпускать съ нашего стола.«

Онъ кивнулъ Алексѣю, въ знакъ прощанья, головою и ускакалъ въ другую часть стана.

ГЛАВА XXI.

»Ну, что́, Алексѣй Николаичъ!« сказалъ Мулюха, заѣзжая къ нему съ-боку на своемъ дорогомъ конѣ. »Я говорилъ тебѣ, что будешь-таки нашъ.«

Алексѣй молчалъ.

»Что́ же ты закручинился?« продолжалъ Мулюха. »Тебѣ надо радоваться, а не печалиться. Видишь, какъ нашъ царевичъ тебя пожаловалъ! Истинно уму непостижимо полюбилъ тебя!«

»Покажи мнѣ мою ставку«, сказалъ Алексѣй.

»Поѣдемъ, бояричъ; мои молодцы для тебя потѣснятся«, сказалъ Мулюха. »А кручиниться тебѣ нечего. Завтра, можетъ быть, мы будемъ уже всѣ одного царя величать.«

»Это какъ?« спросилъ разсѣянно Алексѣй.

»Да такъ, что Брянская рать едва ли станетъ съ нами драться. У насъ тамъ есть хорошіе пріятели«, отвѣчалъ Мулюха. »И братишка мой тамъ,

сердечный«, прибавилъ онъ грустнымъ голосомъ, какимъ до сихъ поръ еще ни разу не говорилъ.

Онъ замолчалъ и какъ-бы ждалъ отъ Алексѣя какого-нибудь отвѣта. Но Алексѣй ѣхалъ молча.

»Да, онъ тамъ«, продолжалъ Сѣверскій воевода: »мнѣ перекинули изъ Москвы вѣсточку. И не знаетъ, можетъ быть, кто по сю сторону противъ него стоитъ. Ну, да авось, пока до драки, отъищемъ какъ-нибудь къ братцу дорожку, хоть не прямую, окольную; переманимъ его на свою сторону.«

Мулюха опять остановился, Алексѣй продолжалъ молчать.

»Переманимъ, можетъ быть, и твоего батюшку....«

При этомъ словѣ Алексѣй вздрогнулъ и быстро посмотрѣлъ на Мулюху.

»Да, бояричъ; а чтó же?« сказалъ Мулюха. »Не пойдетъ, небось, противъ родного дѣтища.«

»Чтó ты за вздоръ мелишь?« спросилъ нетерпѣливо Алексѣй.

»Никакого вздору«, отвѣчалъ спокойно Мулюха. »Твой батюшка вѣдь помилованъ Борисомъ Ѳедоровичемъ.«

»Какъ! опала снята?« вскрикнулъ радостно Алексѣй.

»Снята, батюшка, и указано ему быть въ Брянской рати съ своими даточными. Я читалъ Бас-

мановскую грамотку въ Москву: мимо моихъ рукъ ничто не проходитъ.«

»Такъ онъ въ Брянской рати, говоришь ты?«

»Теперь въ Брянской, а завтра, можетъ быть, будетъ и въ Новгородской.«

»Это съ чего ты взялъ?«

»Я послалъ къ нему отъ тебя вѣсточку.«

»Отъ меня!«

»Да, батюшка, ты шлешь боярину Николѣ Афанасьичу сыновній поклонъ и совѣтуешь оставить цареубійцу да переходить къ государю прирожденному, которому самъ служишь.«

»Стары штуки, Мулюха!« сказалъ Алексѣй, не зная, смѣяться ли ему надъ уловками этого мятежника, или досадовать; »стары штуки: этакъ вы хотѣли меня поймать въ свою ловушку, да и я вамъ не повѣрилъ, а не то батюшка.«

»А батюшка, смотри, вотъ и повѣритъ«, сказалъ Мулюха. »Я послалъ ему твои складни.«

»Какіе?«

»Тѣ, которыхъ у тебя нѣтъ больше на шеѣ.«

Алексѣй хватился: въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ больше складней!

»Я поднялъ ихъ у Ольгина Буйвища«, сказалъ, засмѣявшись, Мулюха.

»Да какъ же ты смѣлъ?« вскричалъ Алексѣй.

»Во-на! чего не смѣетъ Сѣверскій воевода?« отвѣчалъ тотъ спокойно. »Не горячись; я сказалъ, что ты будешь нашъ, и ты и твой батюшка, —

сказалъ, такъ и будете. Не приходится вамъ служить Борису Өедоровичу....«

»Такъ не будемъ же мы ваши!« воскликнулъ Алексѣй. »Не повѣритъ батюшка моей измѣнѣ, хоть бы ему принесли мою правую руку, не то складни.«

»Увидимъ«, сказалъ съ увѣренностью Мулюха. »Вотъ твоя ставка, бояричъ. — Эй, братцы, потѣснитесь, опростайте его милости землянку«, закричалъ онъ двумъ козакамъ, которыхъ взъерошенныя головы видны были въ небольшое оконце.

Козаки повиновались съ величайшею готовностью, и въ то время, какъ одинъ взвалилъ себѣ на плечи сѣдло и какой-то грязный хламъ, составлявшій всѣ ихъ пожитки, другой бросился за свѣжимъ сѣномъ, потому что »его милости не приходится, дескать, спать на соломѣ.«

Мулюха велѣлъ позаботиться и о конѣ Алексѣя; но тутъ откуда ни возьмись Добрыня.

»Присмотримъ, Парфиль Яковличъ, мы и сами«, сказалъ Добрыня. »Нѣшто у насъ нѣту своихъ холопей? Слѣзай, голубчикъ мой Алексѣй Николаичъ, да отдохни, а я ужъ лошадей выхолю. Небось, не стыдно будетъ тебѣ прогуляться рядомъ съ царевичемъ, какъ сегодня ты съ нимъ прогуливался.«

»Молчи хоть ты, дубовая башка!« сказалъ Алексѣй, слѣзая съ коня, и, бросивъ ему поводья, вошелъ въ землянку.

Оставшись одинъ съ своими безпокойствами, Алексѣй передумалъ на свободѣ обо всѣхъ своихъ приключеніяхъ, которыми такъ обильно было короткое время пребыванія его на Руси. Жизнь ни одному юношѣ не является въ томъ видѣ, въ какомъ представляется заблаговременно воображенію, а тѣмъ болѣе юношѣ, переброшенному изъ цивилизованнаго, установившагося уже міра въ міръ нецивилизованный, дико организующійся. Алексѣй былъ сбитъ противнымъ вѣтромъ на первомъ своемъ полетѣ и, подобно только что выпорхнувшему орленку, опустился съ высоты, приникнулъ къ временному пристанищу и съ унылымъ сердцемъ прислушивался къ зашумѣвшей вокругъ бурѣ.

Таково именно было его положеніе. Весь его пылъ исчезъ, все мужественное въ его душѣ осѣло на дно; онъ чувствовалъ себя существомъ новымъ, непохожимъ на себя прежняго, и дѣйствительно, это былъ уже не тотъ Алексѣй Однорогъ, который пустился, черезъ далекую Сѣверскую глушь, прямымъ странствующимъ богатыремъ, чтобы проникнуть въ тайну дѣвическаго терема, — не тотъ Алексѣй Однорогъ, который такъ жарко схватился съ другой буйной головою за дѣло царя законнаго, — который такъ свято сохранилъ чувство покорнаго сына, нераздѣльное въ его душѣ съ преданностью къ государю, — который такъ энергически поддерживалъ съ Басмановымъ вѣр-

ный Русскій духъ въ одномъ маленькомъ пунктѣ, посреди мятежной Сѣверіи, и который, наконецъ, съ такимъ геройскимъ самопожертвованіемъ пытался уничтожить узелъ всѣхъ смутъ Русской земли и кручину царя Бориса Ѳедоровича. Теперь въ немъ не осталось и мысли о какомъ-нибудь порывѣ выйти изъ своего неподвижнаго состоянія: онъ какъ-будто въ нѣсколько недѣль отжилъ свой вѣкъ, истратилъ весь сердечный огонь усиленнымъ горѣньемъ, выкипѣлъ до дна души и пересталъ чувствовать даже болѣзненное ожиданіе, чѣмъ кончится борьба царя Бориса съ Самозванцемъ.

Сперва этотъ упадокъ нравственныхъ силъ можно было приписать физическому истощенію его жизненности, такъ какъ онъ прошлую ночь провелъ въ поискахъ за Самозванцемъ; но сонъ, овладѣвшій имъ на нѣсколько часовъ, не произвелъ въ немъ никакой перемѣны. Онъ сидѣлъ, лежалъ на своей сѣнной постели, бродилъ передъ своей землянкой, ѣлъ, засыпалъ долгимъ отягощающимъ сномъ, просыпался и какъ-то смутно перебиралъ въ головѣ разныя воспоминанія, какъ-бы не находя въ нихъ никакого смысла. Добрыня подъѣзжалъ къ нему съ разными вѣстями, волновавшими въ то время лагерь; но онъ гналъ отъ себя Добрыню и, не желая входить ни въ какія сношенія съ мятежниками, оставался одинъ.

Наконецъ, на третьи сутки послѣ его плѣна, наступилъ день знаменитой Новгородъ-Сѣверской битвы. Не возможно выразить, что̀ отозвалось въ душѣ Алексѣя на гоготъ дикихъ дружинъ Самозванца и на гулъ ружейной и пушечной стрѣльбы. Сперва въ немъ поднялось какое-то волненіе, какъ-будто изъ его внутреннѣйшей части хлынула клокочущая кровь и начала переворачивать въ своемъ кипяткѣ его сердце. Онъ самъ не зналъ, что̀ съ нимъ происходитъ: онъ былъ механическій сосудъ, двигаемый какою-то какъ-бы постороннею для него силою, и еслибъ эта сила не сдѣлалась мало-помалу доступна его сознанію, то она подавила бы его умъ и, можетъ быть, разрушила бы его на-вѣки.

Но случилось иначе: по мѣрѣ того, какъ онъ вслушивался въ переходы бранна̀го гула и грохота, въ немъ пробуждалось стремленіе броситься въ этотъ вихрь и утолить жажду чего-то чрезвычайнаго, которая въ то же время начала томить его душу. Онъ долго, однакожъ, останавливалъ себя рыцарскимъ обязательствомъ, наложеннымъ на него Самозванцемъ; но вѣдь это обязательство не было сдѣлано съ обѣихъ сторонъ. Вольно было Самозванцу оставить при немъ оружіе; онъ, Алексѣй Однорогъ, не произнесъ съ своей стороны никакого обѣщанія, и потому властенъ дѣлать съ собой, что̀ вздумается. Таковы были размышленія, пошатывавшія Алексѣя въ

другую сторону, и они наконецъ дали его душѣ рѣшительное направленіе.

Онъ одѣлся, вооружился, отъискалъ своего коня (потому что Добрыня, вмѣстѣ съ прочею челядью, вылѣзъ за самыя рогатки и, заслоняясь присохою, глядѣлъ на битву), осѣдлалъ и помчался въ поле, гдѣ, за дымомъ отъ пальбы и за снѣжнымъ вихремъ, было немногое видно. Слышался только гоготъ Сѣверской орды, выстрѣлы, крики, и все покрывалось общимъ смѣшаннымъ гуломъ. Первый предметъ, представившійся глазамъ Алексѣя, былъ Мулюха, припавшій къ убитому человѣку, который лежалъ, раскинувъ крестомъ руки, и исходилъ кровью, лившеюся изъ его груди. Мулюха голосилъ надъ нимъ, какъ женщина, и позабылъ о судьбѣ своего прирожденнаго осударя. Это былъ братъ его. Напрасно приходила вѣсть за вѣстью, что Басмановъ рѣжетъ козаковъ, выскочивъ изъ острожка, что царевичъ проситъ подмоги, что Поляки оставили его съ горсточкой гусаръ посреди дружины Мстиславскаго: Мулюха ничего не хотѣлъ слышать. Куча людей быстро столпилась вокругъ Мулюхи, и нѣкоторые обратили вниманіе на Алексѣя. Этимъ онъ былъ обязанъ Добрынѣ, который, увидѣвъ своего боярича, выѣзжающаго изъ стана, пустился трушкомъ по слѣдамъ его и, вмѣшавшись въ толпу, успѣлъ уже шепнуть, что, дескать, бояричъ стоитъ за царевича.

»Вотъ кто поведетъ насъ противъ Брянцевъ!« закричали козаки. »Веди насъ, Алексѣй Николаичъ! Трубите сборъ! Вонъ наши! Го-го! смерть Годуновцамъ! Да здравствуютъ надежа царевичъ и бояричъ Однорогъ!«

Въ это самое время началась страшная пальба въ сторонѣ, и вѣтеръ затянулъ облакомъ дыма всю равнину. Изъ дыму вырвался отрядъ конниковъ и прямо несся къ тому мѣсту, гдѣ голосилъ Мулюха надъ братомъ. Впереди всѣхъ скакалъ старикъ, въ которомъ Алексѣй узналъ своего отца.

»Проклятъ! проклятъ! проклятъ!« кричалъ, въ изступленіи, старый Однорогъ и бросился съ саблею на сына.

Алексѣй не имѣлъ даже времени сообразить, что это было дѣло послѣдней услуги Мулюхи. Онъ дотого былъ пораженъ внезапностью и странностью этого явленія, что, вѣроятно, допустилъ бы отца совершить дѣтоубійство, но Мулюхины молодцы заступили его и напали съ ожесточеніемъ на стараго Однорога. Савелій и другіе дворчане, слѣдовавшіе за своимъ бояриномъ, ринулись въ схватку, и въ одно мгновеніе закипѣла сѣча. Алексѣй также не замедлилъ принять въ ней участіе.

»Батюшка! я не измѣнникъ!« кричалъ онъ своему отцу и, въ доказательство своихъ словъ, отпускалъ его противникамъ ударъ за ударомъ. Спа-

сала ихъ только добрая сбруя, выкованная Мулюхою. Одного, однакожъ, онъ свалилъ съ коня и уже пробивался впередъ, чтобы стать рядомъ съ конемъ отцевскимъ, какъ въ это время позади его заревѣлъ изступленный голосъ Мулюхи: »Гибель Годуновцамъ!« Вмѣстѣ съ тѣмъ на голову Алексѣя обрушился такой ударъ, какъ-будто Мулюха вырвалъ съ корнемъ Сѣверскую сосну и грянулъ ею со всего размаха. Свѣтъ потемнѣлъ въ глазахъ Алексѣя, и онъ упалъ безъ чувствъ на взрытый копытами снѣгъ....

